
К. Горбунов
1843 г.

Ю. ОКСМАН

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. Г. БЕЛИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Художник

И. А. Костылев

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Литературная и общественно-политическая деятельность Виссариона Григорьевича Белинского, гениального литературного критика и теоретика, историка и политического публициста, сыграла огромную роль в истории русского освободительного движения, в строительстве русской национально-демократической культуры.

В. И. Ленин, высоко оценив борьбу великого критика за создание передовой революционной теории, назвал Белинского наряду с Герценом и Чернышевским «предшественником русской социал-демократии», а его знаменитое «Письмо к Гоголю» характеризовал в 1914 году как «одно из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

Предлагаемая вниманию читателей «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского» представляет собою критически выверенный хронологический свод всех дошедших до нас печатных и архивных данных о его жизни и деятельности. В этой работе мы пытались разрешить, с одной стороны, задачи, стоящие перед всеми био-библиографическими справочниками подобного типа, а с другой — построить ее все же как книгу для чтения, а не только для справок, то есть, не выходя из рамок летописи, восстановить течение «трудов и дней» Белинского во всей их конкретно-исторической значимости, живой непосредственности и взаимосвязи. И по методам учета первоисточников и по приемам их включения в текст (всего в «Летописи» свыше пяти тысяч справок), по всей своей внутренней и внешней структуре «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского» существенно отличается от других био-библиографических монографий.

Статьи и письма Белинского, произведения его современников, их переписка, дневники и воспоминания, журнальная, газетная и театральная хроника, материалы литературной полемики, личные, редакционно-издательские и цензурно-полицейские документы учитываются в настоящей работе с максимальною полнотою и с проверкою всех дат, цитат, мемуарных и эпистолярных свидетельств по сохранившимся автографам и первопечатным текстам. В «Летопись» включены не только даты публикаций Белинского, но и важнейшие из их установочных положений, основные общественно-политические и литературно-теоретические

высказывания критика, все наиболее значимые его оценки, лозунги и формулировки.

Восстанавливая политическую и литературную биографию Белинского во всей ее сложности и противоречиях, год за годом, месяц за месяцем и день за днем, в живой динамике многообразной общественной борьбы тридцатых и сороковых годов, «Летопись» с возможной точностью и полнотою документирует процесс развития великого критика от просветительства к революционному демократизму, от идеализма к материализму.

Обращение к первоисточникам позволило уточнить многие факты жизни и деятельности Белинского, а также внести некоторые исправления в печатные тексты цитируемых статей, писем и документов. В «Летописи» учитываются и все литературные замыслы Белинского, в том числе и не реализованные в печати, отмечаются важнейшие стадии его работы над статьями, а также, с соответствующими оговорками, анонимные рецензии, принадлежность которых Белинскому требует дополнительной аргументации. Полностью, по обложкам журнальных номеров и реестрам архива С.-Петербургского цензурного комитета, отмечаются в «Летописи» даты цензурных разрешений всех изданий, в которых печатались статьи Белинского. в пору его сотрудничества в «Телескопе» и «Молве», в «Литературной газете», «Отечественных записках» и «Современнике» дата цензурного разрешения того или иного из номеров этих изданий близко соответствовала времени написания помещенных в последних статей Белинского и времени выхода их в свет. В тех же случаях, когда разрыв между датой цензурного разрешения и фактической публикацией статьи определялся неделями и месяцами (например, в статьях периода работы Белинского в «Московском наблюдателе»), регистрируются обе даты.

Не отмечаются в «Летописи жизни и творчества В. Г. Белинского» дни выхода в свет отдельных книжек «Отечественных записок» и «Современника», так как номера «Отечественных записок» в течение 1839 и 1840 годов рассылались подписчикам пятнадцатого числа (см. объявления об этом в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» и в «Литературной газете» 1839 и 1840 года), а с 1841 года первого числа каждого месяца (см. объявления в «Литературной газете» 1842—1843 годов и в «Северной пчеле» 1844—1848 гг.). Первого числа каждого месяца выходил и «Современник» (см. объявления в «С.-Петербургских ведомостях» 1847—1848 г.).

В процессе работы над «Летописью жизни и творчества В. Г. Белинского» впервые проведены были систематические поиски материалов о Белинском в газетах и журналах периода 1830—1848 гг. Просмотрены были номер за номером комплекты «Телескопа» и «Молвы», «Московских ведомостей», «Северной пчелы», «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», «Галатеи», «Библиотеки для чтения», «Московского наблюдателя», «Журнала министерства народного просвещения», «Сына отечества», «Русского вестника», «Литературной газеты», «Пантеона», «Репертуара и пантеона», «Маяка», «Москвитянина», «Московского городского листка», «Финского вестника», «Иллюстрации», «С.-Петербургских ведомостей» и

некоторых других периодических изданий и альманахов. Просмотр газет, журналов, сборников, а равно и учебных пособий этой поры позволил выявить свыше ста неизвестных в специальной литературе сочувственных и враждебных откликов на статьи и рецензии Белинского.

Впервые включены в настоящее издание «Летописи» и материалы библиотеки Белинского, описанной Л. Р. Ланским («Литературное наследство», т. 55, стр. 431—572). Данные эти — отметки Белинского о времени покупки тех или иных книг, даты дарственных надписей — дополнены и уточнены нами на основании неизданных библиографических справок А. М. Путинцева о книгах Белинского в фондах библиотеки И. С. Тургенева в Орле.

Работа над «Летописью жизни и творчества В. Г. Белинского» в некоторых своих частях была облегчена предварительными источниковедческими разысканиями, которые проводились в 1914—1917 гг. при подготовке к печати, по инициативе и под редакцией Н. К. Пиксанова, «Летописи жизни Белинского», составленной Н. Ф. Бельчиковым, П. Е. Будковым и Ю. Г. Оксманом. Эта книга, вышедшая в свет в 1924 году, ввела в широкий научный оборот десятки неизвестных ранее документов о Белинском, критически учла и систематизировала важнейшие печатные свидетельства о нем, отменила немало ошибочных положений дореволюционной литературы о Белинском и существенно уточнила проблематику дальнейшего его изучения. Однако при подготовке к выпуску в свет настоящего издания «Летописи» мы вынуждены были заново проверить и отредактировать все без исключения конкретные сведения о Белинском, внесенные в «Летопись» 1924 года, которая не была доведена в свое время до конца, не успела учесть некоторых категорий первоисточников (журналов и газет тридцатых и сороковых годов, мемуаров о Белинском, материалов о нем в архивных фондах Пушкинского Дома, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве, Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, Государственного Исторического музея), не свободна от фактических ошибок и опечаток.

За тридцать с лишним лет, отделяющих «Летопись жизни и деятельности В. Г. Белинского» от первого ее варианта, в научный оборот вошли материалы государственных и частных архивов, ранее недоступные исследователям. В фондах С.-Петербургского цензурного комитета, министерства внутренних дел, III Отделения, Московского университета, Пензенского областного архива, Пятигорского городского архива, в бумагах Аксаковых, Анненкова, Бакуниных, Боткина, Герцена, Грановского, Каткова, Кетчера, Неверова, Никитенко, Огарева, А. В. и Н. В. Станкевичей, М. С. и Н. М. Щепкиных было выявлено около двухсот писем и документов, содержавших новые сведения о Белинском. В основной своей части эти документы опубликованы были в трех томах «Литературного наследства», посвященных Белинскому (тт. 55—57, вышедшие в свет в 1948—1951 гг.). В «Летописи жизни и творчества В. Г. Белинского» данные этих архивов даются полностью и дополняются материалами архива А. Д. Галахова, существенно обогащающими наши сведения об участии Белинского и его московских друзей в «Литературных

прибавлениях к Русскому инвалиду» и в «Отечественных записках» 1839—1840 гг.

В процессе работы над «Летописью жизни и творчества В. Г. Белинского» была вновь просмотрена нами вся общая и специальная литература о нем, зарегистрированная С. А. Венгеровым за время с 1836 по 1899 г. («Источники словаря русских писателей», т. I, СПБ, 1900, стр. 422—443) и К. П. Богаевской за время с 1899 по 1950 год («Библиографический указатель сочинений Белинского и литературы о нем» — «Литературное наследство», т. 57, стр. 411—534). Все исторические, библиографические и историко-литературные журналы, путеводители по архивам и отчеты рукописных отделений наших книгохранилищ с 1854 по 1957 год были при этом обследованы постранично, прочие журналы и непериодические издания научных учреждений и высших учебных заведений — по оглавлениям и указателям. Данные книжной, журнальной и газетной летописей, издаваемых Книжной палатой СССР, позволили учесть литературу о Белинском по 1 декабря 1957 года.

При включении в «Летопись» всего собранного и изученного нами печатного и архивного материала строго учитывалась самая иерархия тех или иных фактов биографии Белинского с тем, чтобы случайные эпизоды, мало значимые моменты бытового порядка не затемняли и не мельчили основных линий повествования.

Все даты отмечаются в «Летописи жизни и творчества В. Г. Белинского» по старому стилю, в строгом соответствии с первоисточниками. В тех случаях, когда сам Белинский пользовался новым стилем (например, в своих зарубежных письмах 1847 г.), учитываются оба календаря.

При каждой справке указан (в круглых скобках) источник, на котором она основана. Знаком вопроса сопровождаются даты, отсутствующие в источниках и устанавливаемые гипотетически, на основании косвенных свидетельств, отмечаемых в библиографических ссылках или в примечаниях к основному тексту «Летописи». Развернутая аргументация дается лишь в самых сложных случаях, так как мотивировка всех гипотетических датировок потребовала бы увеличения объема примечаний в три-четыре раза. Не повторяются в настоящем издании, за самыми редкими исключениями, и все те мотивировки изменения ошибочных традиционных дат жизни Белинского, его писем и писем к нему, которые родились в процессе работы над «Летописью жизни и творчества В. Г. Белинского», но опубликованы были нами до ее выхода в свет («Из разысканий в области биографии Белинского» — «Ученые записки СГУ», т. XX, 1948, стр. 310—321; «Белинский в неизданной переписке современников» — «Литературное наследство», т. 56, стр. 87—98; «Переписка Белинского» — там же, стр. 201—254; комментарии к XI и XII тт. «Полн. собр. сочин. В. Г. Белинского», Изд. Акад. наук СССР, 1956).

Произведения и письма Белинского цитируются нами по академическому изданию полного собрания его сочинений. Произведения, ошибочно не включенные в это издание, отмечаются в основном тексте «Летописи» без оговорок. Статьи же, явно не принадлежащие Белинскому, но входящие или входившие в полные собрания его сочинений, учитываются, как правило, в примечаниях.

Названия книг и журналов, упоминаемых в библиографических ссылках, даются в сокращенной форме (см. список условных сокращений). Все редакторские дополнения и пояснения исследовательского порядка, вводимые в текст «Летописи», равно как и все необходимые сокращения в цитируемых документах отмечаются в ломаных скобках <>. В квадратных скобках [ ] передаются слова и строки, зачеркнутые в подлиннике. Звездочкой обозначаются в основном тексте ссылки на примечания.

В разных стадиях работы над «Летописью жизни и творчества В. Г. Белинского» большую помощь нам оказали К. П. Богаевская, Н. И. Мордовченко, А. П. Оксман, Н. К. Пиксанов, В. С. Спиридонов, а также М. К. Азадовский, Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков, Г. А. Гуковский, И. С. Зильберштейн, О. Ф. Карпакова, М. К. Клеман, С. А. Макашин, В. А. Офицерова, Л. Д. Опульская, М. Я. Поляков, С. А. Рейсер, А. А. Ромодановская, А. П. Скафтымов, Т. И. Усакина и Я. З. Черняк.

Ленинград — Саратов — Москва
1947—1957.

1811

Мая 30. В семье лекаря 7-го гребного экипажа Балтийского флота Григория Никифоровича Белынского и его жены Марьи Ивановны, урожденной Ивановой, дочери шкипера 9-го класса, в крепости Свеаборге родился сын Виссарион. Отцу было 27 лет, матери — 23 года. Виссарион был их первым ребенком (Б, XII, 268—269; *PC,* 1899, № 4, 201; *PC,* 1900, № 5, 419) *.

1812—1816

Г. Н. Белынский участвует в качестве военного врача в боевых операциях Балтийского гребного флота под Ригою и Митавою. Семья его проживает в Кронштадте, куда переводится с 1813 г. сам Г. Н. Белынский (*ВГБП,* 138—139).

«Мы, юноши нынешнего века, — писал Б. — мы, бывши младенцами, слышали от матерей наших не об Измаиле, не о Кагуле, не о Рымнике, а об двенадцатом годе, о Бородинской битве, сожжении Москвы, о взятии Парижа» (*Б,* II, 9—10).

1816—1818

Г. Н. Белынский, получив 21 октября 1816 г. по болезни увольнение от военной службы, переезжает с женою, с сыновьями Виссарионом и Константином (род. 1812 г.), с дочерью Александрой (род. 1815 г.) и с тещей, Дарьей Евсеевной Ивановой, в г. Чембар, Пензенской губернии, где получает назначение на должность уездного врача (*PC,* 1899, № 4, 200; *НБ,* I, 48—49). Пензенская губерния была родиной Белынского.

«Фамилия Белынского, смягченная Виссарионом Григорьевичем в Белинского, происходит от села Белыни, в Нижнеломовском уезде, Пензенской губернии», — писал Д. П. Иванов, близкий родственник и друг Б. «Отец Виссариона Григорьевича, Григорий Никифорович, был сын

священника этого села. Первоначальное воспитание свое он получил, кажется, в Пензенской семинарии, где, вероятно, и дана ему фамилия Белынского по обычаю, издавна существовавшему в семинариях, различать своих воспитанников по городам и селам, в которых они родились» *. Вспоминая о жизни семьи Б. в Чембаре, Д. П. Иванов передает: «Годовой доход Григория Никифоровича состоял из ограниченного жалованья <...> Практика, хотя была и обширная, судя по густо населенному уезду, но пациенты мало платили деньгами за труды, вознаграждая их преимущественно присылкою разной провизии к годовым праздникам. Ограниченность денежных доходов объясняется и личным характером Григория Никифоровича. Природный ум и доступное по времени образование естественно ставили его выше малограмотного провинциального общества. Совершенно чуждый его предрассудков, притом склонный к остротам и насмешке, он открыто высказывал всем и каждому в глаза свои мнения и о людях и о предметах, о которых им и подумать было страшно. В религиозных убеждениях Григорий Никифорович пользовался репутацией Аммоса Федоровича, с тою только разницею, что не один городничий, но и все грамотное население города и уезда обвиняло Григория Никифоровича в неверии в Христа, нехождении в церковь, в чтении Вольтера, Эккартсгаузена, Юнга, любимых писателей Григория Никифоровича. Все эти обстоятельства заставляли избегать общества с врачом, не доверять ему лечения». Подчеркивая «равнодушие» Г. Н. Белынского «к богатым и знатным пациентам» и его всегдашнюю готовность прийти на помощь «бедным и действительно страждущим» не только своим «опытом и знаниями», но и деньгами, Д. П. Иванов удостоверяет, что «материальные нужды», которые Григорий Никифорович «по ограниченности своих доходов» не мог удовлетворять, «служили всегдашним поводом к размолвке между супругами, и без того мало сочувствовавшими друг другу по разности характеров и воспитания». Мать Б., «образование которой ограничивалось посредственным знанием русской грамоты», «не умела и не могла, вследствие раздражительности, облекать свои требования в благовидную форму; отец отвечал ей или холодным молчанием, но чаще всего веселою шуткою; молния более забавной, чем оскорбительной остроты зажигала грозу, и все бежало тогда в разные стороны. Спасения от этих бурь и вместе средств к их утишению Виссарион искал в нашем доме. Мать моя <Федосья Семеновна Иванова>, родная племянница Григория Никифоровича, бежала всегда в эти скорбные минуты в дом его и своим посредничеством старалась восстановить нарушенное согласие между супругами <...> Да, у жизни есть свои сынки и пасынки, и Виссарион Григорьевич принадлежал к числу самых нелюбимых своею лихою мачехою. Не радостно она встретила его в родной семье, и детство его, эта веселая беззаботная пора, была исполнена тревог и огорчений столько же, сколько и позднейшие возрасты, и надобно было ему иметь много воли, много любви, чтобы выйти победителем из этой страшной борьбы с роковыми случайностями» (*БЛ*, III, 399—402).

«Я в семействе был чужой, — признавался Б., вспоминая о своем детстве. — Отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно» (*Б*, XI, 512).

1819—1821

Учение Б., как свидетельствуют воспоминания Д. П. Иванова, «началось вне дома. В Чембаре и до сих пор существует привилегированная учительница русской грамоты, Екатерина Павловна Ципровская, дочь протоколиста Дворянской опеки <...> В ветхом домике ее сходятся мальчики и девочки, и через полгода или через год, кончив курс чтения гражданской

и церковной печати, возвращаются домой или поступают в уездное училище для дальнейшего образования. Все дети семейства Белынских и нашего учились у Ципровской. Выучившись читать и писать у нее, Виссарион Григорьевич продолжал свое учение дома, вероятно под надзором отца, который, помню, научил его чтению и письму по-латыни» (*БЛ*, III, 402).

1821

В семье Белынских родился сын Никанор (*ИВ*, 1911, № 5, 598).

1822—1823

Б. поступает в Чембарское уездное училище, открытое 15 сентября 1822 г. (*НБ*, I, 98).

«Я и брат мой, — рассказывает Д. П. Иванов, — были первыми учениками, приведенными в новооткрытое заведение; через несколько дней поступил в него и Виссарион. Весь педагогический штат училища заключался в лице смотрителя, Авраама Григорьевича Грекова, который был вместе и учителем по всем предметам училищного курса. Не знаю, откуда был прислан этот смотритель и где получил образование; но помню, что он был человек добрый и кроткий, действовавший на детей более ласкою и советом, чем угрозами и наказаниями; в крайних случаях он прибегал с жалобами к родителям. Вскоре штат учителей увеличился определением в преподаватели закона божия старшего соборного священника, Василия Чембарского, и в учители русского языка исключенного из семинарии Василия Рубашевского, сына второго соборного священника» (*БЛ*, III, 402—403).

Курс обучения в училище был двухгодичный. В первом классе, как свидетельствует отчетная ведомость А. Г. Грекова, обучали «катехизису, священной истории, чтению священного писания, российской грамматике, правописанию, первой части арифметики, чистописанию и рисованию. Во втором классе — катехизису, второй части арифметики, всеобщей и российской географии, всеобщей и российской истории, начальным основаниям геометрии и физики, правилам слога и рисованию». В ведомости за 1823 г. Б. отнесен был к числу четырех лучших из четырнадцати воспитанников второго класса (*ВГБП*, 162).

«В Чембаре Б. слыл за ученика даровитого и прилежного, — вспоминал Д. П. Иванов. — Виссарион хорошо знал арифметику и начальные основания геометрии в пределах училищного курса; из подробного этимологического разбора, на который, к нашему счастью, обращали в училище строгое внимание, мы вынесли из этой первоначальной нашей школы прочный задаток к разумению русской грамматики» (*БЛ*, III, 417).

Много читая, Б., по собственному его признанию, «неутомимо, денно и нощно и без всякого разбору» заполнял «огромные кипы тетрадей» стихотворениями Карамзина, Дмитриева,

Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и других (*Б*, I, 251).

К этому же времени относятся и первые стихотворные опыты самого Б.

«Будучи учеником уездного училища, — писал *Б.*, — я писал баллады и думал, что они не хуже баллад Жуковского, не хуже «Раисы» Карамзина, от которой я тогда сходил с ума» (*Б*, I, 251)

1823

Б. знакомится с И. И. Лажечниковым, автором «Походных записок русского офицера» (1820), будущим известным историческим романистом, а в это время директором народных училищ Пензенской губернии. Объезжая подчиненные ему уездные школы, Лажечников остановился на несколько дней в Чембаре.

«Во время делаемого мною экзамена выступил передо мною, между прочими учениками, мальчик лет 12, которого наружность с первого взгляда привлекла мое внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светлелся разум не по летам; худенький и маленький, он между тем на лицо казался старее, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьезно <...> На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал большею частию своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казенном руководстве, — доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною цепью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством. Это меня приятно изумило <...> Я спросил, кто этот мальчик. «Виссарион Белинский, сын здешнего уездного штаб-лекаря», — сказали мне. Я поцеловал Белинского в лоб, с душевною теплотой приветствовал его, тут же потребовал из продажной библиотеки какую-то книжонку, на заглавном листе которой подписал: Виссариону Белинскому за прекрасные успехи в учении (или что-то подобное) от такого-то, тогда-то. Мальчик принял от меня книгу без особенного радостного увлечения, как должную себе дань, без низких поклонов, которым учат бедняков с малолетства <...> Как говорил мне смотритель, Б. гулял часто один, не был сообщителен с товарищами по училищу, не вмешивался в их игры и находил особенное удовольствие за книжками, которые доставал где только мог. Отец его <...> был очень беден и неизвестен дальше своего околодка <...> Общество, которое дитя встречало у отца, были городские чиновники, большею частию члены полиции, с которыми уездный лекарь имел дело по своей должности (от которой ничего не наживал). Общество это видел он нараспашку, часто за ерофеичем и пуншем, слышал речи, обращавшиеся более всего около частных интересов, приправленные цинизмом взяточничества и мелких проделок, видел воочию неправду и черноту, не замаскированные боязнью гласности, не закрашенные лоском образованности, видел и купленное за ведерку крестное целование понятых и свидетельствование разного рода побоев и пр. и пр. Душа его, в которую пала с малолетства искра божия, не могла не возмущаться при слушании этих речей, при виде разного рода отвратительных сцен. С ранних лет накипела в ней ненависть к обскурантизму, ко всякой неправде, ко всему ложному, в чем бы они ни проявлялись, в обществе или литературе. Оттого-то его

убеждения перешли в его плоть и кровь, слились с его жизнию» (*И. Лажечников*, XII, 240—242). Впечатления Лажечникова подтверждаются и воспоминаниями Д. П. Иванова: «На Виссариона сильно действовали рассказы отца и городские слухи о разных проделках чинов полиции. Его сильно возмущала тирания помещиков с крепостными людьми» (БЛ, III, 406).

1824

Б., окончив курс обучения в Чембарском уездном училище, готовится к поступлению в Пензенскую гимназию. Уроки латинского языка ему дает, вероятно, его отец (*БЛ*, III, 402; *НБ*, I, 113). В течение двух дней, 29 и 30 августа, Б. наблюдает пребывание в Чембаре императора Александра I, ехавшего на маневры войск 2-го пехотного корпуса под Пензою.

«Помнишь ли ты, — писал Б. в 1837 г. Д. П. Иванову, — как мило вели себя господа военные, особенно кавалеристы, в царствование Александра, которого мы с тобою видели собственными глазами за год или за два до его смерти? Помнишь ли ты, как они нахальствовали на постоях, увозили жен от мужей из одного удальства, были ужасом и страхом мирных граждан и безнаказанно разбойничали?» (*Б*, XI, 149).

1825

Б. в августе поступает в первый класс Пензенской гимназии. Курс гимназического обучения был в эту пору четырехлетний и соответствовал примерно четырем старшим классам нынешней средней школы. Гимназия была «всесословной», и никакой платы за обучение в ней не взималось. Общее число ее воспитанников не превышало пятидесяти. Из них в первом классе было около двадцати школьников — семнадцать вновь поступивших и два-три второгодника. Большая часть товарищей Б. принадлежала к низшему и среднему чиновничьему кругу; детей из богатых дворянских семей в гимназии не было. Вместе с Б. принят был в первый класс и «сын дворового человека» Дмитрий Егорович Калинин. С ним Б. сидел за одной партой (*ВГБП*, 167, 171). Имя, фамилия и происхождение Д. Е. Калинина увековечены были впоследствии в трагедии Б. «Дмитрий Калинин».

Пензенская гимназия не имела общежития, и Б. в течение всех четырех лет своего пребывания в ней жил «нахлебником» в частных квартирах, в крайне неблагоприятных бытовых условиях.

Показатели успеваемости Б. в течение первого полугодия свидетельствуют о том, что он не сразу приспособился к требованиям своих преподавателей. В октябрьской ведомости у Б. (по четырехбальной системе) значатся двойки по закону божьему и рисованию, единицы по русской словесности и математике, четверки по истории и географии. Получив в ноябре единицу

по французскому языку, Б. отказывается от уроков французского языка, не посещая их до конца гимназического курса. К концу года выправилась отметка по латинскому языку — тройка вместо двойки. За первое полугодие Б. пропустил тридцать девять уроков (*П. Зеленецкий*, 45—46; *НБ*, I, 180—185).

В первых числах ноября Б. имел возможность видеть в стенах гимназии одного из крупнейших идеологов реакции двадцатых годов, попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, ревизовавшего школы Пензенской губернии. Рождественские каникулы Б. провел, видимо, в Чембаре, куда к этому времени дошли и первые сведения о событиях 14 декабря в Петербурге. Из земляков Б. в восстании участвовали моряки — братья А. П. и П. П. Беляевы, родители которых проживали в Чембарском уезде (*НБ*, I, 185, 145—146).

1826

В классных ведомостях успеваемость Б. характеризуют следующие отметки — в январе: двойки по закону божьему и рисованию, тройки по математике и латинскому языку, четверки по истории и географии, единица по русской словесности; в марте: двойки по закону божьему, русской словесности и математике, четверки по латинскому языку, истории и географии; единица по рисованию; в апреле: двойка по закону божьему, тройки по латинскому языку, истории и географии; единица по русской словесности; в мае: единица по русской словесности и двойка по рисованию. В январе пропущено было им одиннадцать уроков, в марте — два, в апреле — четыре, в мае — девять (*П. Зеленецкий*, 46—47). Учебный год закончился публичными испытаниями, проходившими с 14 по 20 июня. В результате этих испытаний Б. переведен был из первого класса во второй, последним из числа пятнадцати учеников, удостоенных перевода. За успехи по истории и географии Б. получил похвальный лист (*НБ*, I, 186).

Проведя лето в Чембаре, у своих родителей, Б. к середине августа возвращается в Пензу, где, вместе с Д. П. Ивановым, принятым в первый класс гимназии, поселяется в доме мещанина Я. А. Петрова, на Верхней Пешей улице. За квартиру и стол (обед с утренним и вечерним чаем) Б. платил «семь или восемь рублей в месяц».

Несмотря на то, что в «главных своих нуждах» Б. был «вполне обеспечен», он, как свидетельствуют воспоминания одного из его школьных товарищей Н. Иванисова, производил впечатление мальчика заброшенного и живущего в «большой бедности» (*МВед.*, 1861, № 135).

«В детские и первые юношеские годы свои Белинский был небережлив на платье, неопрятен и даже неряшлив, — писал Д. П. Иванов. —

Форменной одежды сначала в гимназии не было: она введена впоследствии, да и тогда не была обязательною; гимназисты носили платье разнообразное по своему покрою и, по обычаю того времени, узкое, плотно облегавшее тело. Естественно, что серенький суконный казакин, в котором первоначально хаживал Б., не мог уберечься от прорех, рванья при этой погоне вокруг стола с линейкой или палкой за шалунами товарищами, дразнившими его Брынским козлом, при этих играх в мяч, лапту и городки, требовавших широкого размаха руки, и, наконец, при особенной наклонности Б. повозиться; позаботиться вовремя о починке было некому». И далее: «Святки, пасху и особенно летнюю вакацию Б. постоянно проводил в Чембаре, в доме родителей, и в это более продолжительное пребывание свое в родной семье Б. имел возможность исправлять все свои нужды относительно белья и платья с помощию заботливой матери и тех денег, которыми ссужал ее муж при благоприятных обстоятельствах своей практики» (*БЛ,* III, 428—429).

В доме Петрова вместе с Б. и Д. П. Ивановым проживали в особом флигеле своекоштные семинаристы, в том числе чембарские земляки Б., А. С. Голубинский и М. С. Меридианов.

Как свидетельствует Д. П. Иванов, «совместное житье с семинаристами было благодетельно для нас во многих отношениях. Видя перед своими глазами суровую, полную патриархальной простоты, жизнь этих закаленных в нужде тружеников школьного учения, умевших довольствоваться самыми малыми средствами, терпеливо переносивших всякого рода лишения при встрече с враждебною случайностию, мы сами невольно учились безропотному перенесению житейских невзгод, мужали и крепли духом, запасались тою силою, без которой невозможна никакая борьба: ни с самим собою, ни с противодействующими нам стремлениями других. Немалую пользу приносили Белинскому оживленные споры и беседы семинаристов о предметах, касавшихся философии, богословия, общественной и частной жизни; при этих спорах он не всегда был только простым, внимательным слушателем, но принимал в них и сам деятельное участие; от таких прений возрастала и развивалась та неотразимая диалектическая сила, которою всегда отличался Б. и против которой действительно трудно было устоять» (*БЛ,* III, 431—432).

Вместе с Д. П. Ивановым в первый класс Пензенской гимназии в августе 1826 г. поступил Николай Карыжин, воспитанник Н. А. Радищева, сына автора «Путешествия из Петербурга в Москву» (*ВГБП*, 168).

1826—1827

В пору своей жизни в Пензе Б. стал страстным театралом.

Как передает в своих воспоминаниях Н. Иванисов, Б. «страстно любил театральные зрелища и часто посещал Пензенский театр, который содержал тогда помещик Гладков. Актеры и актрисы были его крепостные люди, большею частью пьяницы. Помню, что лучшие из этих действующих лиц были известны под именами *Гришки, Данилки* и *Мишки.* Гришка Сулейманов был трагический актер и часто отличался в роли Димитрия Самозванца <в трагедии Сумарокова>, возглашая:

Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!
О, если бы со мной погибла вся вселенна!»

(*МВед.,* 1861, № 135)

Актеры гладковского театра, впрочем, не все были крепостными: «Труппа состояла, — вспоминает В. А. Инсарский, — частию из крепостных людей Гладкова, частию из местных чиновников. В первом отделе звездою первой величины был Григорий или «Гришка», отчаяннейший из всех существующих трагиков, даже вне сцены наводивший на всех трепет своим видом, ибо постоянно ходил с растрепанными, всклоченными, нечесаными волосами, небритой бородой и постоянно, как и барин его, был в подпитии. Он имел громадную репутацию в среде местных любителей театра и на сцене действительно был ужасен <...> Во втором отделе также звездою первой величины, затмевавшей дарование Григория, был Бурдаев, тоже трагик, что не подлежало ни малейшему сомнению при первом взгляде на эту замечательную фигуру. Редко можно встретить личность трагика, по самой внешности своей так полно отвечающую этому званию. Такая внешность была у В. А. Каратыгина. Бурдаев не был такого громадного роста, но во всем остальном решительно родной брат Каратыгина. Лицо его было такое же, только совершенно бледное, точно мрамор; на лице такие же глубокие черты или полосы. Прибавьте к этому великолепный голос, густой, звучный и чрезвычайно мелодический <...> Трагичность Григория была искусственная, напускная, зависевшая от ворочанья глаз, склочивания волос, потрясения цепями и т. п. Трагичность Бурдаева была естественная и потому благородная и изящная <...> Само собою разумеется, что в театральной труппе были актрисы драматические и комические, певицы, танцовщицы, одним словом, весь женский персонал; но этот отдел был уже чисто крепостной» (*В. Инсарский.* Половодье, 1875, 254—256).

«Театр! театр! Каким магическим словом был ты для меня во время óно! — писал впоследствии Белинский о своих первых театральных впечатлениях. — Каким невыразимым очарованием потрясал ты тогда все струны души моей и какие дивные аккорды срывал ты с них... В тебе я видел весь мир, всю вселенную, со всем их разнообразием и великолепием, со всею их заманчивою таинственностию! Чтó перед тобою был для меня и вечно голубой купол неба<...> Твои, о театр! тряпичные облака, масленое солнце, луна и звезды, твои холстинные деревья, твои деревянные моря и реки больше пророчили жадному чувству моему, больше говорили томящейся ожиданием чудес душе моей! Так сильно было твое на меня влияние, что даже и теперь, когда ты так обманул, так жестоко разочаровал меня, даже и теперь этот еще не полный, но уже ярко освещенный амфитеатр, и медленно собирающаяся в него толпа, эти нескладные звуки настроиваемых инструментов, даже и теперь все это заставляет трепетать мое сердце как бы от предчувствия какого-то великого таинства, как бы от ожидания какого-то великого чуда, сейчас готового совершиться перед моими глазами... А тогда!.. Вот с последним ударом смычка быстро взвилась таинственная занавесь, сквозь которую тщетно рвался нетерпеливый взор мой, чтобы скорее увидеть скрывающийся за ней волшебный мир, где люди так не похожи на обыкновенных людей, где они или так невыразимо добры, или такие ужасные злодеи, и где женщины так обаятельно, так неотразимо хороши, что, казалось, за один взгляд каждой из них отдал бы тысячу жизней!.. Сердце

бьется редко и глухо, дыхание замерло на устах, — и на волшебной сцене все так чудесно, так полно очарования; молодое неискушенное чувство так всем довольно, и, боже мой! с какою полнотою в душе выходишь, бывало, из театра, сколько впечатлений выносишь из него!..» И далее: «Даже и днем, если случится пройти мимо безобразного и неопрятного театра в губернском городе, с каким благоговейным чувством смотришь, бывало, на этот «великолепный» храм искусства, — снять перед ним шапку как-то стыдно при людях, а остаться с покрытой головою казалось непростительною дерзостью» (*Б*, VIII, 519—520).

Б. не только любил театр, но и сам охотно принимал участие в любительских спектаклях и костюмированных вечерах, которые устраивались на святках в Чембаре.

Как свидетельствует Д. П. Иванов, Б. «любил маскарады и заранее запасался к ним и костюмами и масками собственного своего изделия. Впрочем, о костюмах Виссарион редко заботился: он любил наряжаться русским мужичком и для того всегда находил готовое платье у кучера своего Василия: в суконном чепане, в теплой кучерской шапке с заломом, в кожаных рукавицах, в бородатой маске. Б. отправлялся, бывало, в дом, к нам, Ивановым, и скоро узнанный по голосу, хотя и искусно измененному, и походке, он снимал маску и начинал гримасничать, петь нескладные песни, шатаясь из стороны в сторону, представлял собою сильно подгулявшего Антона или Вавилу». С большим успехом Б. исполнял роль отца Анюты в опере Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик, сват». Он же зимою 1827—1828 г. сыграл роль злодея Яго в «Отелло» Шекспира, в переделке Дюси (*БЛ*, III, 436—438).

1827

В классных ведомостях успеваемость Б. характеризуется следующими отметками — в январе: единицы по закону божьему и математике, тройка по латинскому языку, четверки по русской словесности, истории и географии; в феврале: единица по закону божьему, двойка по латинскому языку, четверки по русской словесности, истории и географии. В январе пропущено двенадцать уроков, в феврале — четыре. С января Б. перестал посещать уроки рисования. За время с марта по июнь классные ведомости не сохранились (*П. Зеленецкий*, 46).

Выдержав успешно переходные экзамены в третий класс, Б. получил 26 июня в награду «за благонравие и успехи из логики и реторики, истории и географии» книгу «Руководство к механике, изданное для народных училищ» в 1790 г. (*БЛ*, III, 417).

Незадолго до возвращения Б. в Пензу, к началу нового учебного года, его чембарские земляки взволнованы были появлением в их уезде первого политического ссыльного: 8 августа 1827 г. в свою усадьбу Голодеевку, в трех-четырех верстах от Чембара, прибыл И. Н. Горсткин, член Союза Благоденствия с 1818 по 1821 г. и «Практического союза»,

организованного в 1825 г. в Москве деятелями тайного Северного общества. Под полицейским надзором Горсткин прожил в своей деревне несколько лет (*НБ*, I, 146—151).

В третьем классе гимназии Б. подпадает под влияние замечательного педагога и широко образованного человека М. М. Попова, бывшего, по свидетельству Д. П. Иванова, для Пензенской гимназии тем же, чем впоследствии был для Московского университета Грановский.

Б. познакомился с Поповым еще в 1826 г., навещая его племянника, своего одноклассника. «Он брал у меня книги и журналы, — вспоминал М. М. Попов, — пересказывал мне прочитанное, судил и рядил обо всем, задавал мне вопрос за вопросом. Скоро я полюбил его <...> Домашние беседы наши продолжались и после того, как Б. поступил в высшие классы гимназии. Дома мы толковали о словесности; в гимназии он, с другими учениками, слушал у меня естественную историю. Но в Казанском университете я шел по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себе, что иногда происходило в классе естественной истории, где перед страстным, еще молодым в то время учителем сидел такой же страстный к словесности ученик. Разумеется, начинал я с зоологии, ботаники или ориктогнозии и старался держаться этого берега, но с середины, а случалось и с начала лекции, от меня ли, от Белинского ли, бог знает, только естественные науки превращались у нас в теорию или историю литературы. От Бюффона-натуралиста я переходил к Бюффону-писателю, от Гумбольдтовой географии растений к его «Картинам природы», от них к поэзии разных стран, потом... к целому миру в сочинениях Тацита и Шекспира, к поэзии в сочинениях Шиллера и Жуковского... А гербаризации? Бывало, когда отправлюсь с учениками за город, во всю дорогу, пока не дойдем до засеки, что позади городского гулянья, или до рощей, что за рекой Пензой, Белинский пристает ко мне с вопросами о Гёте, Вальтере Скотте, Байроне, Пушкине, о романтизме и обо всем, что волновало в то доброе время наши молодые сердца».

«Тогда Б., по летам своим, еще не мог отрешиться от обаяния первых пушкинских поэм и мелких стихов. Неприветно встретил он сцену «Келья в Чудовом монастыре» <в «Московском вестнике», 1827, № 1>. Он и в то время не скоро подавался на чужое мнение. Когда я объяснял ему высокую прелесть в простоте, поворот к самобытности и возрастание таланта Пушкина, он качал головой, отмалчивался, или говорил: «Дайте подумаю, дайте еще прочту». Если же с чем он соглашался, то, бывало, отвечал со страшной уверенностью: «Совершенно справедливо» (*И. Лажечников*, XII, 243—247)

В классной ведомости за первый семестр 1827—1828 учебного года успехи Б. оценены следующими баллами: единица по математике, двойка по закону божьему, тройки по церковнославянскому и латинскому языкам, четверки по истории, географии и естественной истории, четыре с плюсом по российской словесности. По классу российской словесности Б. пропустил четырнадцать уроков из тридцати шести, по церковнославянскому языку пятнадцать из двадцати девяти, по математике тридцать два из шестидесяти. По естественной истории, преподаваемой Поповым, Б. не пропустил ни одного урока (*П. Зеленецкий*, 46; *НБ*, I, 244—245).

1827—1828

Б. с увлечением читает журналы «Вестник Европы» и «Московский телеграф».

«Журналистика наша в двадцатых годах выходила из детства, — вспоминал М. М. Попов об этом периоде русской литературы и критики. — Полевой передавал по «Телеграфу» идеи Запада, все, что являлось там нового в области философии, истории, литературы и критики. Надоумко смотрел исподлобья, но глубже Полевого, и знакомил русских с германской философией. Оба они снимали маски с старых и новых наших писателей и приучали судить о них, не покоряясь авторитетам. Б. читал с жадностью тогдашние журналы и всасывал в себя дух Полевого и Надеждина» (*И. Лажечников,* XII, 246).

По свидетельству К. П. Полевого, Б. «признавал себя учеником «Московского телеграфа» и много раз говаривал нам, что, еще живши в своей губернии, читал, перечитывал этот журнал, воспитывая себя его идеями и направлением» (*СП*, 1859, № 229).

1828

Классные ведомости за второй семестр 1827—1828 учебного года не сохранились, в отчетных же ведомостях за этот период успеваемость Б. определена в среднем тройкой, поведение — четверкой. Из двухсот тридцати девяти уроков Б. пропустил сто двадцать. Переходных экзаменов из третьего в четвертый класс Б. не держал, задумав оставить гимназию и готовиться к поступлению в Московский университет.

Это решение Д. П. Иванов объясняет, с одной стороны, влиянием земляков Б., студентов Григорьева, Терентьева и Ягна, приезжавших в Пензу и Чембар на вакации, а с другой, усилением строгостей гимназического режима после прибытия в Пензу 24 марта 1828 г. нового директора гимназии — Г. А. Протопопова (*БЛ,* III, 423; *НБ*, I, 243—245).

Планы Б. не встретили поддержки родных, и он вынужден был возвратиться в гимназию, оставшись на второй год в третьем классе. В сводной ведомости за первый семестр 1828—1829 учебного года сохранились только средние баллы Б. — тройка за успехи «из всех предметов», и четверка за поведение. Уроков Б. пропустил всего тридцать. В приложениях к общей ведомости Б. отмечен преподавателем русской словесности среди «отличнейших учеников»; преподавателем немецкого языка Б. назван в ряду учеников, которые «очень худо занимаются» (*П. Зеленецкий*, 46; *НБ*, I, 245—246). В числе одноклассников Б. в 1828 г. были Д. П. Иванов и Н. Карыжин, воспитанник Н. А. Радищева (см. выше, стр. 15).

К октябрю 1828 г. относится составление Белинским рукописного сборника стихотворений под названием «Собрание разных стихотворений. Тетрадь IX». В сборник вошли стихотворения Батюшкова, Д. Давыдова, Жуковского, Вяземского, Козлова, Плетнева, Дельвига, Туманского и других (*А. В. Кутузов*, Школьная тетрадка В. Г. Белинского, Пенза, 1913). Большая часть стихотворений переписана из журналов и альманахов середины десятых и начала двадцатых годов. В сборнике отсутствуют произведения поэтов-декабристов, равно как и гражданская лирика вообще, что объясняется, возможно, только тем, что настоящая тетрадь являлась лишь дополнением к предшествовавшим восьми сборникам, до нас не дошедшим.

«В гимназии по возрасту и возмужалости, — вспоминает М. М. Попов, — Б. был старше многих сотоварищей. Наружность его мало изменилась впоследствии: он и тогда был неуклюж, угловат в движениях. Неправильные черты лица его, между хорошенькими личиками других детей, казались суровыми и старыми <...> Не помню, чтобы кто-нибудь принимал в нем участие. Он, видимо, был без женского призора, носил платье кое-какое, иногда с непочиненными прорехами. Другой на его месте смотрел бы жалким, заброшенным мальчиком, а у него взгляд и поступки были смелые, как бы говорившие, что он не нуждается ни в чьей помощи, ни в чьем покровительстве». И далее: «В годы ученья он обнаруживал больше всего способность к критике; душою его мыслей, разговоров его всегда были суждения о писателях. Еще в гимназии он пробовал писать стихи, повести, прозой — шло туго, не клеилось» (*И. Лажечников,* XII, 243—246).

В течение осенних месяцев <до конца полугодия?> Б., как свидетельствуют воспоминания Ф. И. Буслаева, заменял в первом классе гимназии отсутствовавшего преподавателя российской словесности (*П. Зеленецкий,* 47) *. «К рождеству, — как отмечает Д. П. Иванов, — Б. уехал в Чембар и не возвращался уже в гимназию» (*БЛ*, III, 423).

1829

Январь. Б., приехав на зимние каникулы из Пензы в Чембар, принимает решение не возвращаться в гимназию и начинает подготовку к экзаменам в Московский университет (*БЛ,* III, 423—424).

Февраль. Директор Пензенской гимназии Г. А. Протопопов вычеркивает из ведомостей фамилию Б. «за нехождение» его на занятия (*П. Зеленецкий*, 47).

Апреля 4. Б. вступает в переписку со своими гимназическими товарищами А. Ф. и К. Ф. Максимовыми (*Бик*, 190—191). Письма эти не сохранились. См. мая 12.

Мая около 1. Б. пересылает через Д. П. Иванова в Пензу для А. Иванисова поэму Пушкина «Граф Нулин» (*Бик*, 63).

Мая 12. А. Ф. Максимов, отвечая на письмо Б. от 4 апреля, с горьким чувством говорит о том, что «злоба и несправедливость людей» изгнала Б. из Пензенской гимназии (*Бик*, 190—191).

Мая 20. Б. получает в Чембаре письмо от А. Ф. Максимова (*Бик*, 190). См. мая 12.

Мая 30. Письмо Б. из Чембара к А. Ф. Максимову (*Бик*, 192). Письмо это не сохранилось.

Июня около 3. Б. в письме из Чембара к А. Иванисову (письмо это не сохранилось) просит прислать ему для прочтения «Воспоминания об Испании» Булгарина и «Духовидца» Шиллера. В свою очередь Б. обещает отправить в Пензу номера «Московского вестника», «Поездку в Ревель» А. Бестужева, «Выбор из сочинений Байрона», а также «множество стихотворений Пушкина и других новейших поэтов». Б. имел, вероятно, в виду рукописные копии этих стихотворений, так как далее просил о возвращении ему тетради переписанных им произведений Пушкина, Туманского и других поэтов, оставленной им у А. Иванисова в Пензе (*Бик*, 63—64).

Июня 13. А. Иванисов, отвечая Б. на его письмо, обещает выполнить просьбу о книгах, передает пензенские новости и пересылает Б. выписки из недавно появившейся «Полтавы» Пушкина, басню Крылова «Бритвы» и некоторые другие произведения. А. Иванисов напоминает, что Б. не возвратил ему «Истории естественной» Блуменбаха и третьей главы «Онегина» (*Бик*, 63—67).

Июля около 1. А. Ф. Максимов, отвечая на письмо Б. от 30 мая, извещает об окончании им гимназии и о планах поступления в Московский университет. С ненавистью вспоминая школьные годы, Максимов сожалеет, что возле него нет сейчас Б., которому он мог бы сказать: «Смотри, видишь ли ты тот дом, в котором мы перенесли столько оскорблений и ругательств, видишь ли ты тех людей, которых подлые й черные души находили удовольствие в нашем мучении и несчастиях, которых бесчисленные капризы с трепетом должны были исполнять мы». Максимов, «несмотря на все возражения» Б., настаивает на том, что М. М. Попов, «хотя и имеет личину добродетели», в действительности является человеком несправедливым, «подлым и гнусным» (*Бик*, 191—193).

Июля 4. А. Иванисов в письме к Б. из Пензы благодарит за присланные им книги («Поездка в Ревель» А. Бестужева и «Русский пустынник» П. Корсакова) и в свою очередь посылает Б. несколько стихотворений и эпиграмм Илличевского, Марина, Шишкова и др. Попутно Иванисов информирует Б. о своей встрече на пензенской ярмарке с Д. В. Давыдовым и П. А. Вяземским (*Бик*, 67—71).

Августа 10. В Чембаре, по ходатайству Г. Н. Белынского, составляется свидетельство о рождении Б., взамен отсутствовавшей у него выписки из метрических книг. Новое свидетельство подписывают двадцать четыре дворянина Чембарского уезда, во главе с уездным предводителем дворянства Мосоловым (*РС*, 1900, № 5, 419). Оформление этого документа не было закончено к отъезду Б. из Чембара. См. августа 30.

Августа около 12. Б. выезжает из Чембара в Москву, «на долгих», вместе с своим дальним родственником и сверстником И. Н. Владыкиным. Дорога лежала через Ломов, Спасск, Рязань, Коломну, Бронницы (*Б*, XI, 24—28).

Августа 22. Б. въезжает утром в Москву. На заставе, при проверке документов, он «сказывается» лакеем И. Н. Владыкина, так как иначе его бы «остановили», как не имеющего документа о звании (*Б*, XI, 9—10).

Передавая свои первые впечатления от города, Б. писал: «Мы въехали в заставу. Сильно билось у меня ретивое, когда мы тащились по звонкой мостовой. Смешение всех чувств волновало мою душу. Я протирал глаза, старался увидеть Москву и не видел ее, ибо мы ехали по самой средственной улице. Наконец приблизились к Москве-реке, запруженной барками. Неисчислимое множество народа толпилось по обеим сторонам набережной и на Москворецком мосту. Одна сторона Кремля открылась перед нами. Шумные клики, говор народа, треск экипажей, высокий и частый лес мачт с развевающимися флагами, белокаменные стены Кремля, его высокие башни — все это вместе поражало меня, возбуждало в душе удивление и темное смешанное чувство удовольствия. Я почувствовал, что нахожусь в первопрестольном граде, — в сердце царства русского» (*Б*, XI, 28—29).

Первые дни в Москве Б. прожил вместе с И. Н. Владыкиным, у родных последнего, В. Ф. и Н. М. Анисимовых, в Зарядье, в Ипатьевском переулке (*Б*, XI, 10; *ЛН*, т. 57, 376).

Августа 25? Б., по рекомендации Н. М. Анисимовой, поселяется в квартире ее сестры, О. М. Осинской, в особой «светелке», за которую платит, вместе с питанием и «свечами», 25 руб. асс. в месяц (*Б*, XI, 10 и 12). См. сентября 25.

Августа 30. Г. Н. Белынский, зарегистрировав выхлопотанное им новое свидетельство о рождении Б. (см. августа 10) в чембарском уездном суде (*РС*, 1900, № 5, 419), пересылает его Б. в Москву (*ЛН*, т. 57, 30). См. сентября 11.

Августа около 30. Б. с рекомендательным письмом М. М. Попова был у И. И. Лажечникова, который принял его «очень ласково» и обратился к профессорам П. В. Победоносцеву и И. М. Снегиреву с просьбою оказать содействие Б. при поступлении его в университет. Однако, ввиду того что Б. не был своевременно допущен к вступительным экзаменам, ему не пришлось воспользоваться протекцией Лажечникова (*Б*, XI, 9 и 36).

Августа около 30. Б. с рекомендательным письмом от Л. С. Владыкиной был у генерал-майора А. З. Дурасова, который обещал свое «покровительство» в его хлопотах, связанных с поступлением в университет (*Б*, XI, 9). См. сентября 20.

Августа 31. Б., не дождавшись получения от отца необходимых ему документов, является в правление Московского университета с ходатайством о допущении его к вступительным экзаменам, но ректор университета ввиду отсутствия у Б. свидетельства о рождении и звании отказывает ему в его просьбе (*Б*, XI, 9).

Сентября 1. Б. в письме к родителям горько жалуется на неполучение им до сих пор свидетельства о рождении, которое отец обещал выслать из Чембара на следующий же день после отъезда Б. Без этого свидетельства Б. не допущен к экзаменам и рискует потерять весь учебный год. Рассказав о своих делах, Б. отмечает визиты к Лажечникову, Дурасову и К. С. Мосоловой (*Б*, XI, 9—10).

Сентября около 5. Б. в письме к родителям сообщает о своем решении не возвращаться в Чембар даже в том случае, если ему не удастся поступить в этом году в университет: «Я не хочу быть предметом посмеяния и насмешек всего города и посему лучше соглашусь умереть с холода и голода среди московских улиц или просить милостыню под окошками, нежели ехать к вам в Чембар». Б. рассчитывает на получение частных уроков, которые позволят ему заниматься «языками» и «науками» и вне университета. Б. вновь напоминает о необходимости скорейшей присылки ему свидетельства о рождении. Сверх того Б. просит о получении для него удостоверения в том, что он выехал из Чембара в Москву для определения в университет. Без такой справки он не может рассчитывать на прописку (*Б*, XI, 10—11).

Сентября около 8. Б. в письме к родителям делится своими предположениями о поступлении в университет на правах «вольного слушателя». Но и для этого нужны документы, которых он до сих пор не получил и без которых его никто держать на квартире в Москве не станет. Б. жалуется на большие расходы и перечисляет сделанные им покупки (чемодан, сапоги, ларчик для бритья, книги, письменные принадлежности и т. п.). В приписке к брату Константину Б. просит писать ему почаще и побольше, сообщая все чембарские новости (*Б*, XI, 12—13).

Сентября 11. Б. получает свидетельство о рождении и звании, высланное ему отцом 30 августа (*Б*, XI, 14).

Сентября 12. Б. подает прошение в правление Московского университета о принятии его «по надлежащем испытании»

в число студентов университета по словесному отделению (*Б*, XI, 589; *ЛН*, т. 56, 317).

Сентября 19. Б. успешно выдерживает вступительные экзамены в Московский университет (*Б*, XI, 14; *ЛН*, т. 56, 310).

Сентября 20. Б. дает установленную для всех служащих государственных учреждений и студентов высших учебных заведений подписку в том, что он «не принадлежит ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу, ни внутри империи, ни вне ее, и обязуется впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь» (*Б*, XI, 589). В этот же день Б. представляет в университет удостоверение генерал-майора А. З. Дурасова в том, что он, Б., определившись в университет, будет ходить в форменной одежде и «своим поведением не нанесет начальству никакого беспокойства» (*ЛН*, т. 56, 329). Текст удостоверения писан рукою Б., а подписан Дурасовым.

Сентября 20. Г. Н. Белынский, в ответ на просьбу Б., высылает ему «билет» чембарского городнического правления на свободный проезд в Москву (*ЛН*, т. 57, 35). См. сентября около 5 и около 8.

Сентября 21. Б., получив «табель» для посещения лекций словесного отделения Московского университета, записывается на лекции профессоров Каченовского (русская история и статистика), Победоносцева (русская словесность), Терновского (богословие), Ульрихса (всеобщая история), Кубарева (латинская словесность), Еннекеня (французская словесность), Кистера (немецкая словесность) и Оболенского (греческий язык); лекции последнего Б. фактически не посещал (*Б*, XI, 14—15; *ЛН*, т. 56, 316).

Сентября 25. Б. подает прошение в совет Московского университета о переводе его в число казеннокоштных студентов. Ответ на это заявление Б. ожидает не раньше рождества (*Б*, XI, 14).

Сентября 25? Б. переселяется поближе к университету, сняв комнату (одну на троих) в квартире портного Козакова, в доме Колесникова, на углу Тверской и Долгоруковского переулка. Вместе с Б. поселяются его пензенские приятели, студенты А. Ф. Максимов и П. Н. Слепцов (*Б*, XI, 14—15; *ЛН*, т. 57, 376).

Сентября около 27. Б. извещает родителей о том, что он принят в Московский университет. Его особенно радует, что дело обошлось без чьей-либо протекции и что он никому ничем не обязан. Б. просит денег на необходимое ему обмундирование (студенческий вицмундир с форменными брюками, шинель серого сукна и пр.) и надеется, что с переходом на ка-

зенный кошт он не только перестанет быть в тягость своим родителям, но и сам сможет помогать братьям (*Б*, XI, 13—15).

Сентября 30. Г. Н. Белынский в письме к Б. упрекает его за неосмотрительно растраченные деньги, врученные ему при отъезде из Чембара в Москву (*Б*, XI, 15). Письмо это не сохранилось.

Сентября 30. Правление Московского университета, заслушав донесение экзаменаторов о результатах испытаний Б. (см. сентября 19), постановляет включить его в число своекоштных студентов по словесному отделению (*ЛН*, т. 56, 311). Это постановление оформляло задним числом допущение Б. к слушанию лекций и выдачу ему «табеля». См. сентября 21.

Сентябрь — октябрь. Б. знакомится с Москвой и ее достопримечательностями.

В письме к А. П и Е. П. Ивановым он писал: «Хотя Москва сначала и не нравится, но чем более в ней живешь, тем более ее узнаешь, тем более ею пленяешься. Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатию священной древности, и зато нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве. Ничто не может быть справедливее этих слов, сказанных великим нашим поэтом:

Москва! как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось!»

Б. особенно тронут памятником Минину и Пожарскому на Красной площади: «Вот, думаю я, вот два вечно сонных исполина веков, обессмертившие имена свои пламенною любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: имением, жизнью, кровью. Когда отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой Москвой, когда вероломный король их брал города русские, — они одни решились спасти ее, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты забыли все выгоды честолюбия, все расчеты подлой корысти — и спасли погибающую отчизну. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности. Поэт сохранит оные в вдохновенных песнях своих, скульптор в произведениях волшебного резца своего. Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!» (*Б*, XI, 30—31).

Октября 2. Б. в письме к родителям признается, что уже «издержал до копейки» все деньги, привезенные им из Чембара. Как утверждает Б., «сие мотовство произошло не от беспорядочного поведения», но «единственно от ветрености и неосторожности, от незнания цен и бесстыдства московских продавцов». Б. просит о присылке денег на квартиру и питание (28 руб. асс. в месяц) и для пошивки форменной одежды, которая обойдется не менее 54 рублей: «сумма для вас немаловажная, но делать нечего: нужда не знает законов» (*Б*, XI, 15—17). Почтовый штемпель на письме: Москва, октября 4.

Октября 2. В Московском Большом театре шла драма Шиллера «Разбойники», с Мочаловым в роли Карла Моора и Рыкаловой в роли Амалии. После «Разбойников» показан был водевиль Шаховского «Казак-стихотворец» (*МВед.,* 1829, №№ 78 и 79). Видимо, именно в этот день Б. смотрел «Разбойников» (Б, XI, 19).

Октября 9. Б. в письме к отцу и матери выражает недоумение по поводу неполучения им ответа на два предшествующих его письма. Б. находится в крайней нужде со времени переезда своего на новую квартиру и живет в долг, пользуясь деньгами А. Ф. Максимова, своего сожителя. Б. делится впечатлениями от московского театра, в котором был уже четыре раза. В ролях Отелло и Карла Моора он видел Мочалова, «великого артиста», «необыкновенного гения». Б. в восторге и от Щепкина: «лучший комический актер», «не человек, а дьявол» *. В течение последней недели Б. знакомился с богатствами музея, специальных кабинетов и библиотеки Московского университета. Б. недоумевает, зачем среди бюстов великих писателей Ломоносова, Державина, Карамзина стоят бюсты «площадного Сумарокова» и «напыщенного и сухого Хераскова» (*Б,* XI, 18—20). Почтовый штемпель: Москва, 11 октября.

Октября 11. Г. Н. Белынский, выражая радость свою и всех родных по поводу поступления Б. в университет, посылает ему 100 руб. асс. на неотложные расходы (*ЛН,* т. 57, 42). Письмо это является ответом на письмо Б., посланное в Чембар около 27 сентября.

Октября 17. Б. переведен из числа своекоштных студентов в казеннокоштные, согласно прошению его от 25 сентября (*ЛН,* т. 56, 418; *Б,* XI, 14).

Октября около 20. Б. переселяется в общежитие казеннокоштных студентов Московского университета — в левом крыле четвертого этажа старого здания университета (Моховая, № 11), где получает койку в комнате № 11, отведенной для студентов словесного отделения (*ЛН,* т. 57, 377). В одной комнате с Б., как свидетельствуют воспоминания Н. А. Аргиландера, проживали, кроме последнего, студенты Н. П. Матюшенко, П. С. Нечай, В. С. Саренко и М. Б. Чистяков (*PC,* 1880, № 5, 140). В этой комнате Б. остается до конца сентября 1832 г.

Октября около 25. Б. в письме к отцу благодарит за присланные деньги (см. октября 11), извещает о переходе в казеннокоштные студенты и о переселении в университетское общежитие (*Б,* XI, 32). Письмо это до нас не дошло.

Октября около 25. Б. получает письмо от матери, в котором она корит его за предпочтение театра московским церквам и монастырям (*Б,* XI, 35). Письмо это не сохранилось.

Октябрь — ноябрь? Н. Г. Соколов, семинарист, проживавший некоторое время в Пензе в одной квартире с Б., в письме к нему с большою признательностью говорит о «всех тех благодеяниях», которые оказал ему Б., и напоминает о каком-то обещании, выполнение которого Б. отсрочил до своего поступления в университет (*Бик*, 276—277). В это же время В. Ф. Востоков <Покровский>, другой пензенский семинарист, в письме к Б. просит сообщить условия приема в Московский университет (*Бик*, 41). Письмо это не сохранилось.

Ноября около 27. Б. получает письма от А. П. и Е. П. Ивановых, отправленные из Чембара 15 ноября. Письма эти (они не сохранились) живо напомнили Б. то «счастливое время», когда он постоянно встречался с Ивановыми в родном городе, — «наши разговоры, суждения и споры» (*Б,* XI, 20—21).

Декабря 12. Б. представляет профессору П. В. Победоносцеву письменную работу на одну из тем, предложенных последним для студентов первого курса словесного отделения. Работа озаглавлена: «Рассуждение. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей» (*ЛН,* т. 56, 320).

В этом «рассуждении», самом раннем из дошедших до нас произведений Б., он приходил к следующим заключениям:

«Воспитание юношества имеет большое влияние на судьбу целых политических обществ. Оно или образует истинных, верных сынов отечества, или производит бесполезных членов. История народов то доказывает. Могли ли древние греки не победить персов, когда каждый грек с самого своего младенчества питался высокими и благородными впечатлениями, когда с самых юных дней дыханием его была свобода; душою — любовь к родине; мыслию — слава; когда его душа была возвышена выше сферы чувств обыкновенных? Могли ли им противостоять эти раболепные персы, эти подлые, низкие рабы своих жестоких деспотов, пред которыми они пресмыкались в прахе? Каждому персиянину с самых юных лет внушаемы были чувства рабства и унижения, которые превращались в самую природу и составляли отличительный характер персов. Итак, доброе воспитание, в частности, есть первое благо всякого молодого человека, основание всех его добродетелей, источник его счастия; в общности же оно есть подпора всех политических обществ, источник народного благосостояния, и потому доброе воспитание всего нужнее для молодого человека» (*Б,* I, 17).

Декабря 20. Б., отвечая на письма А. П. и Е. П. Ивановых от 15 ноября (см. ноября около 27), делится своими мыслями о друзьях и о дружбе. В Москве Б. успел уже подружиться со студентом П. Я. Петровым, приятелем Н. Л. Григорьева, чембарского знакомого Б.: «Мы часто бываем вместе; судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаемся с новыми идеями и новыми мыслями». Б. восхищен «познаниями» и «способностями» своего нового друга: «Он превосходно знает по-французски; может читать германских и итальянских писателей и отчасти говорить на их языках. Знает несколько по-английски, хорошо по-арабски и

персидски. Пишет прекрасные стихи. В занятиях языками и науками неутомим, как Тредьяковский. Он еще хорошо знает по-латыни и порядочно по-гречески. Жажда к познанию языков в нем удивительна: хочет учиться еще по-санскритски и турецки».

Передавая приветы родным и знакомым, Б. «особливо» вспоминает «ту особу», которая ему, по словам Ивановых, «более всех кланяется». Б. просит передать ей, что «ее образ не выходит из его памяти». Б. имеет, вероятно, в виду А. П. Мосолову, приятельницу Е. П. Ивановой (*Б,* XI, 20—24; *НБ,* I, 313—314).

Декабря около 20. Б. посылает А. П. и Е. П. Ивановым письмо с отчетом о своих впечатлениях во время путешествия из Чембара в Москву. Это письмо имеет заголовок: «Журнал моей поездки в Москву и пребывания в оной». Дошедшая до нас рукопись «журнала» обрывается на полуслове (*Б*, XI, 24—31).

1829—1830

Б. слушает лекции профессора А. Ф. Мерзлякова по курсу российского красноречия и поэзии. Эти лекции предназначались для студентов старших курсов, но широко посещались всеми студентами Московского университета. Б. характеризовал А. Ф. Мерзлякова, как человека «умного и даровитого», но резко отрицательно относился к его преклонению перед догмами поэтики классицизма (*ЛН,* т. 56, 322—327).

1830

Января около 3. Б., отвечая на письмо Г. Н. и М. И. Белынских от последней декады декабря 1829 г. (письмо это не сохранилось) рассказывает об условиях своей жизни в общежитии казеннокоштных студентов Московского университета:

«Комнаты, занимаемые студентами, называются номерами, которых 16, из них в двух живут два субинспектора. Всех казенных студентов 150 человек. В каждом номере находится от 8 до 12 студентов. У каждого студента своя кровать, свой стол и своя табуретка. Кровати все железные, очень аккуратно сделанные. Мягкие, довольно высокие тюфяки, подушки, простыня, желтое байковое одеяло, к которому пришита другая простыня, и полосатый чехол составляют постель. Наволоки, простыни и одеяла всегда бывают белы, как снег, и переменяются еженедельно. Стол состоит из довольно большого выдвижного ящика и шкапчика с двумя полками. Номера наши, можно сказать, отлично хороши: карнизы стен украшены алебастровыми барельефами, полы крашеные, окна большие. Чистота и опрятность необыкновенные. Для каждого номера определен солдат, который метет пол, прибирает постели и прислуживает студентам. По уставу вставать должно в 6 часов, впрочем, спать можно и до 8 с половиною. В семь часов бывает завтрак, который состоит из булки и стакана молока. Час вставания, завтрака, обеда, ужина и сна

возвещается звоном колокольчика. По будням обед бывает в 2, а по праздникам в 12. Стол по будням состоит из трех блюд: горячего, холодного и каши. Горячее бывает следующее: щи капустные, огуречные, суп картофельный, суп с перловыми крупами, лапша и борщ; все это бывает попеременно. Из горячего говядина вынимается и приготовляется на холодное или жаркое. Хлеб всегда бывает ситный и вкусный, и кушанья вообще приготовлены весьма хорошо. По воскресеньям и прочим праздникам, сверх обыкновенного, бывают пироги, жаркое и какое-нибудь пирожное. Столы всегда накрываются скатертями, и для всякого студента особенный прибор, состоящий, как обыкновенно бывает, из тарелки, покрытой сложенною салфеткою, серебряной ложки, ножа и вилки. У каждого стола, коих всех 14, прислуживает солдат. За всякий стол садится по одиннадцати человек. Порядок в столовой чрезвычайно хорош».

Б. подчеркивает то внимание, с которым относится к быту и нуждам казеннокоштных студентов их начальник — профессор Д. М. Перевощиков. Все студенты имеют право от двух часов дня до десяти вечера быть вне университета. В десять часов гасят свечи и помещение запирается. Желающие ночевать вне общежития в будни и праздники должны «для проформы» спроситься у дежурного субинспектора.

Б. полагает, что «успел снискать любовь и даже уважение многих» из своих товарищей, хотя с некоторыми из студентов, поклонников «семинарской премудрости», он и не всегда ладит. Б. резко отвергает увещания матери по поводу его уклонения от посещения московских церквей: «шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься». Б. надеется, что материальные его дела скоро примут самый благоприятный оборот, так как он участвует в одном «предприятии» Н. Л. Григорьева и еще одного студента <П. Я. Петрова?>, которое может дать ему около 500 рублей, а может быть, и втрое больше (*Б*, XI, 32—35). Расчеты Б. на успех этого предприятия, нам неизвестного, <видимо, литературного> не оправдались.

Января около 3. Письма Б. к Д. П. и П. П. Ивановым, с «наставлениями» насчет поступления Д. П. Иванова в университет (*ЛН*, т. 57, 48—49). Письма эти не сохранились.

Января около 5. Е. П. Иванова, отвечая Б. на его письмо от 20 декабря и на приложенный к письму «журнал» его поездки из Чембара в Москву, с нетерпением ждет продолжения последнего и новых писем Б. Вспоминая о недавних праздниках, Е. П. Иванова передает, что все «святочные затеи» на этот раз расстроились (в том числе и домашний театр), так как «всегда чего-то недоставало главного», а этим «главным» она считает Б., как «душу наших удовольствий» (*ЛН*, т. 57, 46—48). К письму Ивановой приложено было письмо ее брата, А. П. Иванова, который советовался с Б. насчет задуманного им переезда в Москву (*там же*, 46). Письмо не сохранилось.

Января 13. В. Ф. Востоков (Покровский), пензенский семинарист, с которым Б. был дружен в гимназические годы,

в письме к нему просит сообщить об условиях приема в Московский университет (*Бик,* 41—42). См. марта 4.

Января 18. П. П. Иванов в письме к Б. благодарит его за только что полученное от него письмо, со сведениями для Д. П. Иванова о Московском университете (*ЛН,* т. 57, 48). Это письмо Б. не сохранилось, равно как и ответ на него Д. П. Иванова (*там же,* 49).

Января 25. П. П. Иванов в письме к Б. сообщает, что, придя со службы домой пообедать, он застал всю свою семью (жену, дочь, сына) за писанием писем к Б. П. П. Иванов со своей стороны благодарит Б. за справку, присланную им Д. П. Иванову, и сообщает о решении А. П. Иванова ехать на службу в Москву (*ЛН*, т. 57, 49).

Марта 4. В. Ф. Востоков в письме к Б. из Пензы вновь запрашивает его об условиях поступления в Московский университет и о возможностях зачисления на казенный кошт (*Бик,* 42—43).

Марта около 5. Письмо Б. к А. Иванисову, отправленное в Пензу с оказией, через отца адресата, приезжавшего в Москву. Вместе с этим письмом Б. посылает письма к А. П. и Д. П. Ивановым (*Бик*, 71). Все три письма до нас не дошли.

Марта 9. Д. П. Иванов в письме к Б. из Пензы осведомляет его о том, что М. М. Попов, задумав с одним московским литератором издать альманах, просит Б. прислать для последнего свои стихотворения (*ЛН*, т. 57, 49—50). См. апреля 4.

Марта 18. А. Иванисов в письме к Б. подтверждает получение его писем, радуется, что Б. сам признает себя виноватым за долгое молчание и надеется, что впредь Б. будет писать в Пензу чаще (*Бик,* 71—72).

Апреля 4. Б. получает письмо Д. П. Иванова от 9 марта с припиской П. П. Иванова (*ЛН,* т. 57, 50).

Апреля 30. Б. в письме к М. М. Попову отмечает «необыкновенное состояние радости, горести и замешательства», в которое его привело предложение Попова и Лажечникова принять участие в их альманахе. Б. вынужден, однако, отклонить это приглашение:

«Бывши во втором классе гимназии, я писал стихи и почитал себя опасным соперником Жуковского; но времена переменились. Вы знаете, что в жизни юноши всякий час важен: чему он верил вчера, над тем смеется завтра. Я увидел, что не рожден быть стихотворцем, и, не хотя идти наперекор природе, давно уже оставил писать стихи. В сердце моем часто происходят движения необыкновенные, душа часто бывает полна чувствами и впечатлениями сильными, в уме рождаются мысли высокие, благородные — хочу их выразить стихами — и не могу! Тщетно трудясь, с досадою бросаю перо. Имею пламенную страстную любовь ко всему изящному, высокому, имею душу пылкую и при всем том не имею таланта выражать свои чувства и мысли легкими гармоническими стихами.

Рифма мне не дается и, не покоряясь, смеется над моими усилиями, выражения не уламываются в стопы, и я нашелся принужденным приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатого — и ничего оконченного и обработанного, даже такого, что бы могло поместиться не только в альманахе, где сбирается все отличное, но даже и в «Дамском журнале»! В первый еще раз я с горестию проклинаю свою неспособность писать стихами и леность писать прозою» (*Б*, XI, 35—37).

Альманах, в который Лажечников и Попов приглашали Б., назывался «Пожинки». В свет он не вышел (*И. Лажечников*, XII, 250).

Апреля 30. Б. в не дошедшем до нас письме к родителям рассказывает о своей недавней болезни и недельном пребывании в больнице (*Б*, XI, 37).

Мая 7. Б. в письме к родителям выражает беспокойство в связи с неясностью вопроса о средствах на поездку в Чембар. Б. решительно возражает против совместной поездки с И. Н. Владыкиным, который ему крайне неприятен, и просит прислать деньги на поездку со студентами пензенцами «в кибитках, обозом». Б. испытывает большую нужду, так как деньги, розданные им в долг, почти никем не возвращаются, а предметы обмундирования, полученные казеннокоштными студентами, оказались настолько недоброкачественными, что он вынужден был сильно потратиться на приобретение и ремонт необходимой ему одежды (*Б*, XI, 37—39).

Мая 27. Цензур. разреш. журнала «Галатея» № 22. В этом номере П. Я. Петров помещает перевод отрывка из «Потерянного рая» Мильтона с посвящением: В. Г. Б. (*«Галатея»*, 1830, ч. XV, № 22, 41—43).

Июня 2. Профессор по кафедре чистой математики П. С. Щепкин назначается инспектором казеннокоштных студентов Московского университета (*ЛН*, т. 57, 66; *Б*, XI, 50). См. сентября около 15.

Июня 4. Б. в письме к родителям недоумевает по поводу неполучения ответа на два свои последние письма. 13 июня заканчиваются экзамены, все товарищи разъедутся, а Б., без всякой вины, осужден на «несноснейшую тоску» невольного пребывания в опустевшем общежитии (*Б*, XI, 39—40).

Июня 9. В Московском университете начинаются экзамены для студентов словесного отделения, переходящих с первого на второй курс (*ЛН*, т. 56, 352).

Июня 13. Б. на переходных экзаменах по курсу российской словесности получает тройку (при четырехбальной системе). В ведомости проф. П. В. Победоносцева, читавшего этот курс, отмечено, что в течение 1829—1830 учебного года Б. пропустил пятнадцать занятий (*ЛН*, т. 56, 328).

Июня около 20. Б. получает письмо от матери с укорами за ненужные траты на обмундирование, лишившие его средств на дорогу из Москвы в Чембар (*Б,* XI, 40). Письмо это не сохранилось.

Июня 21. В Московском университете заканчивается экзаменационная сессия. Результаты испытаний Б. оказываются в общем неудовлетворительными, и его оставляют на первом курсе на второй год (*ЛН*, т. 56, 352). По латинской словесности и немецкому языку Б. получил двойки; по французскому языку — единицу; по английскому языку — тройку, равно как и по российской словесности (см. июня 13). В течение второго семестра Б. пропустил занятий по латинскому языку — тринадцать, по английскому и немецкому по восьми. Ведомости с отметками по другим предметам первого курса до нас не дошли (*ЛН*, т. 56, 330—332; *Н. Бродский,* 238).

Июня около 21. Б., отвечая на письмо матери и возражая на ее упреки, с горечью заключает, что он «оставлен, брошен, презрен, что о нем не хотят и знать». Дорога в Чембар могла обойтись не более 18—20 рублей, но сейчас, без попутчиков, он уже не рассчитывает выбраться из Москвы домой (*Б*, XI, 40—41).

Июня 27. Г. Н. Белынский, посылая Б. 35 руб. асс. на дорогу в Чембар, в сопроводительном письме недоумевает, почему Б. не выехал из Москвы без этих денег, так как расплатиться за лошадей он мог бы и дома, по приезде. В приписке к этому письму П. П. Иванов сообщает Б., что все члены его семьи возмущены поведением Г. Н. Белынского, в результате которого Б. так долго задержался в Москве (*ЛН*, т. 57, 54—55).

Июля около 15. Б. приезжает в Чембар на летние каникулы (*Б*, XI, 40—41; *ЛН*, т. 57, 54—55).

Августа 2. Москва взволнована слухами об июльской революции во Франции (*ЛН,* т. 56, 363). До Чембара сведения эти могли дойти не раньше 10 августа. Сверстник Б., студент Петербургского университета В. С. Печерин передает о настроениях в эти дни передовой молодежи: «Все проснулись — даже и казенные студенты. Да и как еще проснулись — начали говорить каким-то новым, дотоле неслыханным языком: о свободе, о правах человека и др. и пр.» (*В. Печерин,* Замогильные записки, М. 1932, 38).

Августа 7. Г. Н. Белынский с этого года, месяца и числа утвержден в чине коллежского асессора, давшего ему и его потомству права и преимущества, присвоенные русскому дворянству (*ВГБП,* 138). См. 1831, января 22 и 1847, марта 4.

Августа конец ? Б. начинает в Чембаре работу над трагедией «Дмитрий Калинин». С фабулой трагедии, а может

быть, и с некоторыми черновыми наметками первых ее актов Б. знакомит своих ближайших друзей — Е. П. Иванову и ее братьев (*ЛН*, т. 57, 58—59).

Сентября около 1. Б. выезжает из Чембара в Москву. С ним едут, для поступления в гимназию, брат Константин и А. Е. Иванов, родственник А. П. и Д. П. Ивановых (*ЛН*, т. 57, 55—56; *Б*, XI, 49).

Сентября около 1. Д. П. Иванов поступает в Московский университет на нравственно-политическое отделение (*ЛН*, т. 56, 427). См. 1834, июля 30.

Сентября 5. Г. Н. Белынский посылает Б. из Чембара 35 руб. асс. для оплаты обратной дороги взятых им в Москву лошадей (*ЛН*, т. 57, 55).

Сентября около 12. Б. возвращается из Чембара в Москву, опоздав почти на две недели к началу занятий. Вызванный для объяснений к ректору, Б. встречен был в правлении университета крайне недоброжелательно. Профессор Перевощиков, присутствовавший во время объяснения Б. с ректором, настаивал на том, чтобы Б. «выгнали из университета». Ректор, заканчивая прием, сказал о Б.: «Заметьте этого молодца; при первом случае его надобно выгнать» (*Б*, XI, 51).

Сентября около 15. Инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин резко ухудшает условия их быта своими бездушными административно-хозяйственными мероприятиями.

«У нас прежде столы и кровати были вместе, — свидетельствовал Б., негодуя на новшества Щепкина, — и мы в одном и том же номере занимались и спали. Это имело для нас ту выгоду, что мы могли иногда и полежать, если надоест сидеть, и каждый из нас имел свой особенный уголок. Щепкин уничтожил эти выгоды, перенесши кровати в другую половину этажа, занимаемого нами. Бывало, в номере жило не более как по десяти или много-много по одиннадцати человек, а теперь по пятнадцати, семнадцати и девятнадцати. Сами посудите: можно ли при таком многолюдстве заниматься делом? Столики стоят в таком близком один от другого расстоянии, что каждому даже можно читать книгу, лежащую на столе своего соседа, а не только видеть, чем он занимается. Теснота, толкотня, крик, шум, споры; один ходит, другой играет на гитаре, третий на скрипке, четвертый читает вслух — словом, кто во что горазд! Извольте тут заниматься! Сидя часов пять сряду на лекциях, должно и остальное время вертеться на стуле. Бывало, я и понятия не имел о боли в спине и пояснице, а теперь хожу весь как разломанный. Часы ударят десять — должно идти спать через четыре длинных коридора и несколько площадок; поутру, если забудешь взять с собою полотенце, мыло или что-нибудь подобное, надобно опять два раза пройтить бесконечную цепь коридоров». Резко ухудшилось и питание казеннокоштных студентов: «пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть», — писал Б., негодуя на то, что его кормят «пакостною падалью, стервятиной и супом с червями» (*Б*, XI, 50—51).

Сентября 24. Публикация в «Московских ведомостях» указа Правительствующего Сената о «наказании плетьми и ссылке в Сибирь на поселение купчихи Марьи Аносовой за тиранское

обхождение с своею девкою, от того умершею, и об отрешении от должности городничего г. Дмитриева (Курской губ.) Лаврентьева за прикрытие оного» (*МВед.*, 1830, № 77, 3415—3419). Этот указ Б. вспоминает в примечании к своей трагедии «Дмитрий Калинин» (*Б*, I, 499).

Сентября 24. Б. в письме к отцу и матери жалуется на перемены, которые происходят в быту казеннокоштных студентов, и уверяет, что он «лучше бы согласился быть подьячим в чембарском земском суде» или «содержать себя чищением сапог и платья, нежели жить на этом каторжном проклятом казенном коште». Трудности быта усугубляются тем режимом, который установился в университетском общежитии в связи с эпидемией холеры: «Москва опустела: из нее и выходят и выезжают». Ввиду того что брата Константина не удалось поместить в гимназию на казенное содержание, Б. отправил его обратно в Чембар. Принося благодарность за полученные деньги, Б. заверяет, что впредь не станет обращаться к родителям ни с какими просьбами о материальной поддержке, хотя и с благодарностью примет те «редкие и небольшие суммы», которые они смогут уделить ему по собственной инициативе (*Б*, XI, 41—42).

Сентября 27. Прекращение лекций в Московском университете. «Везде карантины, — отмечает в своем дневнике М. П. Погодин, — город оцеплен, университет закрыт, фабрики распускают» (*Барсуков*, III, 205).

«При появлении холеры, — вспоминал П. Прозоров, товарищ Б. по общежитию, — казенным студентам воспрещен был выход за ограду университета» (*БдЧ*, 1859, № 12, 1).

«В продолжение холеры, — писал Б., — нас заперли, и я только посредством партикулярного платья мог уходить из университета под опасением строжайшего наказания, если бы был уличен» (*Б*, XI, 44). См. ноября около 1 и около 30.

Сентября 29. Приезд в Москву Николая I, лично знакомящегося с мероприятиями по борьбе с эпидемией холеры (*МВед.*, 1830, № 79). В Москве царь оставался до 7 октября (*МВед.*, 1830, № 82).

Октября около 1. Б. пролежал неделю в университетской больнице (*Б*, XI, 43).

Октября около 15. Б. и «человек пять» его товарищей по комнате № 11 в университетском общежитии в дни холерной эпидемии организуют литературное общество.

Б. писал впоследствии об этом литературном кружке П. П. и Ф. С. Ивановым: «Еженедельно было у нас собрание, в котором каждый из членов читал свое сочинение. Это общество, кончившееся седьмым заседанием, принесло мне ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедию, которая без этого едва ли бы когда-нибудь была написана»

(*Б*, XI, 44). Вспоминая об этом же кружке, П. Прозоров, один из его членов, свидетельствовал о том, что на литературных вечерах в одиннадцатом номере общежития «читались собственные сочинения, переводы и высказывались суждения о журнальных статьях и о лекциях преподавателей. Главными учредителями этих вечеров были М. Б. Чистяков, переводивший тогда с немецкого «Теорию изящных искусств» Бахмана, и В. Г. Белинский, сочинявший собственную драму, в романтическом духе. В нашем обществе не было президента, а только секретарь, которого обязанность состояла в том, чтобы читать во время заседания приготовленные сочинения». Секретарем кружка Прозоров называет М. Б. Чистякова (*БдЧ*, 1859, № 12, 1).

Октября 18. М. М. Попов, отвечая на письмо Б. от 30 апреля, объясняет свое долгое молчание тем, что надеялся быть в Москве и лично повидаться со своими пензенскими учениками. Попов не возражает против тяги Б. к «смиренной прозе», замечая, что «на свете меньше великих прозаиков, чем великих стихотворцев», и убеждая поэтому Б. идти «к высокому в науках и нравах, не боясь ни трудов, ни болезней, с ними неразлучных» (*Бик*, 259).

Октябрь — ноябрь. Б. работает над трагедией «Дмитрий Калинин», начатой им еще во время пребывания летом в Чембаре. В этом сочинении он, по собственному его признанию, «со всем жаром сердца, пламенеющего любовию к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных» (*Б*, I, 49).

Ноября около 1. Б. и Чистяков, руководители литературного студенческого кружка, организуют протест казеннокоштных студентов против заключения в карцер члена кружка И. С. Савинича за его отлучку по важному для него делу из общежития во время карантина. Университетская администрация вынуждена была в данном случае удовлетворить требование студентов (*БдЧ*, 1859, № 12, 1—2).

Ноября первая половина ? Б. в литературном кружке студентов одиннадцатого номера университетского общежития читает свою трагедию «Дмитрий Калинин». Как вспоминает Н. А. Аргиландер, Б. читал «с большим увлечением» и наиболее острые в политическом отношении места трагедии встречались слушателями громкими аплодисментами (*РС*, 1880, № 5, 140—143). Чтение и обсуждение трагедии продолжалось, по свидетельству П. Прозорова, в течение «нескольких вечеров» (*БдЧ*, 1859, № 12, 8). См. 1831, января 13 и 30.

Ноября 22. Первая информация в русской печати о восстании в Варшаве (*СП*, 1830, № 143).

Студент Московского университета Я. Костенецкий, арестованный в июне 1831 г., вспоминал, что передовая московская молодежь «в поляках видела страдальцев за родину, а в правительстве нашем жестоких

тиранов, деспотов» (*РА*, 1887, № 5, 75). Об этом же писал и Н. И. Сазонов, учившийся в университете одновременно с Б.: «Я хотел научиться говорить по-польски, чтобы знать язык этого героического народа, энергичные сыны которого открывали нам будущее, призывая революцию, столь же необходимую для рабской России, сколько и для порабощенной Польши» (*ЛН*, т. 41—42, 251). См. 1831, мая 27 и октября 25.

Ноября около 30. Инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин, обратив внимание на то, что Б. «ночи две или три» отсутствовал в общежитии, при встрече с Б. заявил, что «отдаст его, как какого-нибудь каналью, в солдаты» (*Б*, XI, 51).

Ноябрь — декабрь. Б. принимает участие в качестве суфлера в любительских спектаклях, организованных казеннокоштными студентами в помещении общежития (*РС*, 1880, № 5, 141). Спектакли эти имели большой успех, их смотрели не только студенты, но и профессора (*Б*, XI, 44).

Декабря 6. Снятие «наружного оцепления» Москвы ввиду окончания холерной эпидемии (*Барсуков*, III, 226).

Декабря 23. Выход в свет трагедии Пушкина «Борис Годунов» (*СП*, 1830, № 153). В Москве первые экземпляры трагедии появляются, вероятно, через пять-шесть дней. См. 1831, февраля около 25.

Декабря вторая половина? Б. пролежал «две бесконечные недели» в университетской больнице «по причине жестокого кашля» (*Б*, XI, 43).

1831

Января около 1. В Москве выходит в свет первый номер журнала «Листок», в котором опубликованы были несколько месяцев спустя первые произведения Б. (см. мая 27 и июня 10). Официальным издателем «Листка» был кн. Д. В. Львов, редактором — П. И. Артемов (*ЛН*, т. 57, 251—254). «По объявлению, сей «Листок», — как откликнулась на его появление «Молва» Надеждина, — будет опадать два раза в неделю. С какого дерева и каким ветром будет срываться он — неизвестно. Судя по программе, это ни литературная, ни политическая газета, а так — ни то ни се» (*«Молва»*, 1831, № 2, 5).

Января около 10. Е. П. Иванова, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б. от декабря 1830 г., упрекает Б. за то, что он не пишет родителям, «когда жизнь и здоровье» его «подвергались таким опасностям». Делясь впечатлениями от чтения романов Вальтера Скотта, Загоскина и Булгарина, Е. П. Иванова недоумевает, за что Б. «нападает так на «Ивана Выжигина», даже и читать не хотел». Попутно осведомляется о ра-

боте Б. над его трагедией и сообщает о приезде в Чембар А. И. Красовского, сотрудника «Московского телеграфа» (*ЛН*, т. 57, 56—59).

Января 12. В Московском университете возобновляется чтение лекций, прерванных в связи с эпидемией холеры (*ЛН*, т. 57, 56). См. 1830, сентября 27.

Января 13. Б. в письме к П. П. и Ф. С. Ивановым рассказывает, как трудно жилось ему и другим казеннокоштным студентам в пору только что ликвидированной эпидемии холеры. Для спасения от скуки в месяцы карантинного заточения Б. и «еще человек с пять» его товарищей организовали «маленькое литературное общество», для одного из еженедельных собраний которого он закончил свою трагедию. Б. надеется, что публикация трагедии даст ему возможность освободиться от ненавистного «казенного кошта»: «При одном воспоминании об оном текут из глаз не водяные, а кровавые слезы»! Прервав «все связи с подлецами, бездельниками и дураками», Б. поддерживает близкие отношения только с А. П. и Д. П. Ивановыми, а из других земляков встречается с Д. Ф. Кашириным, А. А. Протопоповым, Г. В. Поповым и П. Я. Петровым. Последний «занимается переводом «Потерянного рая» на русский, стихами — переводит — лихо!» Б. просит переслать ему из Чембара «Российскую вивлиофику» и «Journal des Débats» (*Б*, XI, 44—46).

Января около 20? Е. П. Иванова, отвечая на письмо Б. от 13 января, поздравляет его с окончанием трагедии, но рекомендует «не спешить издавать оную, а отдать на рассмотрение людям опытным». Приятельница Б. предвидит возможность неудачи трагедии, «не от недостатков оной, а от необдуманности какой-нибудь или торопливости» (*ЛН*, т. 57, 59—60).

Января 22. Б. в письме к отцу просит извинить его за долгое молчание и поздравляет его с утверждением в чине коллежского асессора — «отличия не схваченного, а заслуженного». Имея в виду свою трагедию, Б. предупреждает: «Может быть, вы скоро увидите имя мое в печати и будете читать обо мне разные толки и суждения как в худую, так и в хорошую сторону. Не могу решительно определить достоинство моего сочинения, но скажу, что оно много наделает шуму. Вы увидите многие лица, довольно вам известные! Но вперед говорить нечего: когда напечатается, тогда имеющие уши слышать да слышат!..» В приписке к матери Б. просит писать ему почаще: «Я живу далеко от Чембара, так всякий лоскуток бумаги дорог» (*Б*, XI, 46—47).

Января 23. Б. сдает в Московский цензурный комитет рукопись «драматической повести» под названием «Дмитрий Калинин». Рассмотрение рукописи поручается комитетом цензору

проф. Л. А. Цветаеву (*ЛН,* т. 56, 368; *Бик,* 9—10). См. января 30.

Января 30. Московский цензурный комитет слушает доклад цензора Л. А. Цветаева о драме Б. «Дмитрий Калинин». В пьесе Б., по мнению Цветаева, «заключаются многие места, противные религии, нравственности и российским законам»; главный герой «декламирует против рабства возмутительным образом для существующего в России крепостного состояния». Московский цензурный комитет выносит решение о запрещении трагедии, с тем чтобы «удержать рукопись при делах комитета» (*ЛН,* т. 56, 370—371).

Февраля около 1. Б. посылает брату Константину тетрадь «Стихотворений, выписанных из журналов Виссарионом Белинским. 1831 г.». В сборник этот вошли произведения Пушкина, Веневитинова, Полежаева, Языкова, Хомякова, Шевырева и др., переписанные из журналов: «Невский зритель», «Московский вестник», «Дамский журнал», «Галатея», из альманахов: «Полярная звезда», «Северные цветы», «Денница» и др. (*БВ,* I, 6—29; *ЛН,* т. 57, 285; *НБ,* II, 97—99).

Февраля 6. Г. Н. Белынский, посылая Б. 20 рублей асс., сообщает ему об отъезде из Чембара в Москву Л. С. Владыкиной и советует сыну «ходить к ней, если будет можно, и чаще». Надеясь на «полный удовлетворительный смысл» сочинения Б. («Дмитрий Калинин»), он все же считает необходимым напомнить ему стихи И. М. Долгорукого: «Смотри, чтоб не случилось горе тебе от сего ремесла» (*ЛН,* т. 57, 62).

Февраля около 6. Б., явившись в Московский цензурный комитет за получением своей рукописи, направляется секретарем к председателю комитета (он же ректор университета) И. А. Двигубскому. Последний осведомляет Б. о том, что сочинение его признано «безнравственным, бесчестящим университет» и что о запрещении его составлен был даже специальный «журнал». Однако журнал этот был уничтожен, с тем чтобы о поведении Б. ежемесячно представлялись ректору «особенные донесения» (Б, XI, 50).

Февраля 17. Б. в письме к родителям сообщает о крушении «всех своих надежд» из-за запрещения «Дмитрия Калинина» (см. января 30 и февраля около 6). Б. жалуется на незаслуженно дурное отношение к нему отца и матери, на безысходную нужду и неудачи, на тяжкие условия жизни казеннокоштных студентов и придирки университетского начальства: «Сообразивши все обстоятельства моей жизни, я вправе назвать себя несчастнейшим человеком... В моей груди сильно пылает пламя тех чувств, высоких и благородных, которые бывают уделом немногих и з б р а н н ы х — и при всем том меня очень редкие могут ценить и понимать...» (*Б,* XI, 49).

Февраля около 25. Б. встречается со своим пензенским учителем М. М. Поповым. Последний нашел в Б. «большую перемену»: «Ум его возмужал; в замечаниях его проявлялось много истины». Незадолго до этого вышла в свет трагедия Пушкина «Борис Годунов». Прочитав вместе с Поповым, в сцене «Корчма на литовской границе» разговор хозяйки корчмы с собравшимися у нее бродягами, Б. «выронил книгу из рук, чуть не сломал стула, на котором сидел, и восторженно закричал: «Да это живые: я видел, я вижу, как он бросился в окно!» В нем уже проявился критический взгляд» (*И. Лажечников,* 250).

Марта 3. Г. Н. Белынский, отвечая на письмо Б. от 17 февраля, рекомендует ему вместо того, чтобы «исповедовать отчаяние», «не выпадать из правил установленного порядка» и «повиноваться начальству» (*ЛН,* т. 57, 66).

Марта 3. Б. в письме к родителям горько сетует на то, что запрещение его трагедии, не позволив вырваться из «пакостной, проклятой бурсы», разрушило все его надежды на «настоящее и будущее благополучие». Б. обещает послать в Чембар копию рукописи своей трагедии, которая сохранилась у него «в одном только экземпляре», так как второй «остался навсегда в Цензурном комитете» (*Б,* XI, 52—53).

Марта начало. Протест казеннокоштных студентов Московского университета против плохого качества пищи, получаемой ими в университетской столовой. «Выведенные из терпения экономическими злоупотреблениями», они, по свидетельству П. Прозорова, «решились не ходить в столовую». Несмотря на угрозы ректора, студенты, в том числе и «обитатели одиннадцатого номера» дружно отстаивали свое право требовать хорошей пищи, так как за казеннокоштное житье им предстояло «заплатить казне шестью годами службы». Это происшествие, как утверждает Прозоров, «возмутило мир и покой университетских властей и привело в движение бдительные власти столицы» (*М. Клеман,* 72—74). См. апреля 11.

Марта около 14. Е. П. Иванова, отвечая на письмо Б. от 17 февраля, очень огорчившее всех его родных, напоминает Б., что последние видят в нем будущую опору всего семейства, и советует «стараться заслужить выгодное мнение начальства, от которого и неудача вашей трагедии зависела, ибо вы восстановили оное против себя» (*ЛН,* т. 57, 68). См. марта 21.

Марта 16. Демонстрация студентов Московского университета, протестовавших против лекций бездарного и невежественного профессора нравственно-политического отделения М. Я. Малова.

«Через край полная аудитория, — рассказывает Герцен, — была неспокойна и издавала глухой, сдавленный гул. Малов сделал какое-то замечание, началось шарканье. «Вы выражаете ваши мысли, как лошади, ногами», — заметил Малов, воображавший, вероятно, что лошади думают

галопом и рысью, — и буря поднялась; свист, шиканье, крик: «Вон его, вон его! Pereat!» Малов, бледный как полотно, сделал отчаянное усилие овладеть шумом и не мог; студенты вскочили на лавки. Малов тихо сошел с кафедры и, съежившись, стал пробираться к дверям; аудитория за ним, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслед за ним его калоши <...> Университетский совет перепугался и убедил попечителя представить дело оконченным и для того виновных или так кого-нибудь посадить в карцер <...> Видя, что порок наказан и нравственность торжествует, государь ограничился тем, что высочайше соизволил утвердить волю студентов и отставить профессора» (*Герцен*, VIII, 118). См. апреля 11.

Марта 21. Б. получает письмо от Е. П. Ивановой с рассказом о том, как родные реагировали на его информацию о запрещении «Дмитрия Калинина» (*ЛН*, т. 57, 68).

Апреля 7. М. М. Попов увольняется, согласно его прошению, от должности старшего преподавателя Пензенской гимназии и переезжает на службу в Петербург (*ЛН*, т. 56, 249). См. 1839, ноября 14.

Апреля 11. Попечитель Московского учебного округа кн. С. М. Голицын, отвечая на запрос Бенкендорфа о волнениях в Московском университете (см. марта начало и марта 16), признает правоту студентов и в их требованиях лучшего питания и в их недовольстве лекциями Малова (*НБ*, II, 147—148). Следствием этой официальной переписки явилось некоторое улучшение студенческого быта. См. мая 24.

Мая 2. В Москву из Воронежа приезжает Кольцов, который в этом же месяце знакомится с Б., помещая в «Листке» свои стихотворения одновременно с публикациями Б. (*Кольцов*, 155).

Мая 8. Студент Московского университета Н. Л. Григорьев сдает в Цензурный комитет рукопись перевода «Последние письма Якопо Ортиса», сочинение итальянского карбонария Уго Фосколо. В редактировании этого перевода, вероятно, принимал участие Б. (*«Сталинское знамя»* от 13 июня 1948 г.; *«Огонек»*, 1948, № 31, стр. 24). См. мая 15, 1833, декабря около 25.

Мая 15. Цензур. разреш. перевода Н. Л. Григорьева «Избранные письма Якова Ортиса». Цензор Л. А. Цветаев изъял из рукописи наиболее значимые в политическом отношении письма и изменил название книжки (*НБ*, II, 104, 434). См. отклик на это издание в «Московском телеграфе», 1832, № 5.

Мая около 15. Редактор «Листка» П. И. Артемов обращается к Б. с запиской, в которой «покорнейше просит почтеннейшего г-на Б.» прийти к нему. Приглашение это было, видимо, связано с участием Б. в его издании (*Бик*, стр. 33; *ЛН*, т. 57, 252). См. мая 27.

Мая 24. Б. отмечает в письме к родителям: «Невзгода на меня, кажется, проходит, и я начинаю дышать свободнее». Не-

ожиданный благополучный исход «маловской истории» (см. марта 16) и предполагаемая отставка ректора И. А. Двигубского и инспектора П. С. Щепкина должны еще более облегчить его положение. Информируя родных об открытии в Москве «выставки произведений русских фабрик и мануфактур», Б. характеризует эту выставку как «зрелище великолепное и сладостное для всякого русского». Б. обещает высылать родным журнал «Листок», где и он намеревается «выставлять свои и з д е л и я» (*Б,* XI, 54—55).

Мая 27. Цензур. разреш. «Листка» № 40-41. В номере первое печатное произведение Б.: «Русская быль». Подпись: В. Б-й. Это единственное дошедшее до нас стихотворение Б. По своим жанровым и стилистическим особенностям «Русская быль» близка к русской народной песне.

Мая 27. В столовой общежития Московского университета, за ужином, студент медик Гаспар Шанявский, в присутствии многих студентов произнес хвалу восставшему польскому народу, «понося с дерзостью священнейших особ России» (*ЛН,* т. 56, 362). Этот самый Шанявский, немедленно арестованный, хорошо был известен Б., так как дружил с его друзьями И. Савиничем и В. Терентьевым (*там же,* 386).

Июня 10. Цензур. разреш. «Листка» № 45. В номере анонимная рецензия Б.: «О «Борисе Годунове», сочинении Александра Пушкина. Разговор». Это первое выступление Б. в печати в качестве литературного критика. Резко отрицательно характеризуя брошюру «Разговор» (автор ее неизвестен), Б. попутно полемизирует с оценками «Бориса Годунова» в «Московском телеграфе» (1829, № 10; 1831, № 12), «Московском вестнике» (1828, № 6), «Северном Меркурии» (1831, № 1) и сочувственно отзывается о статье Надеждина в «Телескопе», ибо только в ней «Борис Годунов» «был оценен по достоинству» (*Б,* I, 18). См. февраля около 25.

Июня 12. К. Г. Белинский в письме к Б. передает о том волнении, которое в доме Белинских вызвала публикация в «Листке» стихотворения «Русская быль»: «Папенька читал с большим удовольствием твою пиесу Р у с с к а я б ы л ь и, может быть, мысленно благодарил небо; равно маменька и я очень сему радуемся и не верим глазам своим. Я каждый день прочитывал твою пиесу с удовольствием, происходящим от любви». В этом же письме К. Г. Белинский благодарит брата за присланные им номера журналов «Галатея» и «Листок», за альманах «Мнемозина» и детский сборник «Красное яичко» (*ЛН,* т. 57, 69—70).

Июня около 15. Б. получает на переходных экзаменах с первого на второй курс двойку по русской словесности (*ЛН,* т. 56, 328). В этой несправедливой оценке его знаний сказалось не-

приязненное отношение к нему профессора П. В. Победоносцева, сухого педанта, враждебного всякой живой мысли. О его столкновениях с Б. во время лекций и практических занятий свидетельствуют воспоминания П. Прозорова (*БдЧ,* 1859, № 12, 5). В числе семидесяти пяти студентов словесного отделения в полугодовой ведомости Победоносцева значатся, кроме Б., — Красов, Лермонтов, Станкевич, С. Строев (*Н. Бродский,* I, 237). В ведомости профессора богословия Терновского успехи Б. за то же полугодие оценены двойкой (*Н. Бродский,* 238).

Июня 20—21. В Москве арестованы участники нелегального кружка Н. П. Сунгурова — студенты Ю. П. Кольрейф, П. А. Антонович, Я. И. Костенецкий, Ф. П. Гуров и др. (*РА,* 1887, кн. II, 74. Ср. *«Заветы»,* 1913, кн. III, 21—37).

«...Вдруг разнесся в аудитории слух, что схвачено ночью несколько человек студентов <...>, — писал Герцен об этих арестах. — Над ними была назначена в о е н н о - с у д н а я комиссия, в переводе это значило, что их обрекли на гибель <...> Буря, ломавшая поднимавшиеся всходы, была возле. Мы уж не то что чуяли ее приближение, а слышали, видели и жались теснее и теснее друг к другу» (*Герцен,* VIII, 136).

Июня 24. Выход в свет «Листка» № 49, после которого издание этого журнальчика прекратилось. «М н о г о с т р а д а л ь н ы й ю н о ш а, — писал Б. о «Листке» 29 сентября 1831 г., — к о н ч и л с в о ю ж и з н ь; в е л и к и й м у ж п о м р е в м а л е! Увы! к а к в е с е н н и й ц в е т о к, о н е д в а н а ч а л р а с ц в е т а т ь — и з а в я л. Вот уже больше двух месяцев, как о нем нет ни слуху, ни духу» (*Б,* XI, 60).

Июнь — июль. Б., не имея материальной возможности поехать в Чембар и вынужденный готовиться к экзаменам, перенесенным из-за его болезни с июня на август, проводит лето в Москве «самым скучнейшим образом» (*Б,* XI, 54—56; *НБ,* II, 441).

Июля 16. К. Г. Белинский, отправляя Б. по его просьбе «Покоющийся трудолюбец», журнал Н. И. Новикова за 1784—1785 гг., просит о высылке в Чембар «Листка» и «Галатеи» (*ЛН,* т. 57, 71—72).

Июля вторая половина. Восстание военных поселян в Новгородской губернии, вызвавшее панику в самых широких кругах дворянской общественности и в государственном аппарате. «Бедственные происшествия в военных поселениях Новгородской губернии, — отмечалось в отчете III Отделения об этих событиях, — произвели всеобщее изумление и навели грусть на всех благомыслящих» (*Крестьянское движение,* 10). См. августа 22.

Августа первая половина. Б. «около двух недель» пролежал в больнице, куда был помещен из-за «ужасной боли в груди», усугубляемой «жестокими коликами» в правом боку и «сильным кашлем» (*Б,* XI, 55).

Августа 14. Д. П. Иванов в письме к Б. жалуется на однообразие чембарской жизни, осведомляется о судьбе «Листка» и иронизирует по поводу «тщеславия», овладевшего отцом Б. после утверждения его в чине коллежского асессора, дававшего права на потомственное дворянство (см. 1830, августа 7). В приписке к письму брата Е. П. Иванова сообщает, что отец Б. хлопочет о переводе в Елатьму (*ЛН,* т. 57, 72—73 и 78).

Августа 19. Б. в письме к родителям недоумевает по поводу их долгого молчания и рассказывает, что до самого конца «этой несносной вакации» он «грустил и тосковал не на шутку» (см. июнь — июль). Б. жалуется на нездоровье («три раза за год был в больнице и, может быть, скоро буду в четвертый!»), опасается, чтобы его болезнь «не обратилась в чахотку», и просит «небольшого воспоможения», необходимого для лечения, дополнительного питания и расплаты с долгами. В приписке к брату Константину Б. жалуется на то, что все чембарцы о нем забыли, и просит не лениться писать ему (*Б,* XI, 54—57).

Августа 22. Николай I, принимая депутацию новгородского дворянства, выступает с заявлением: «Приятно мне было слышать, что крестьяне ваши не присоединились к моим поселянам: это доказывает ваше хорошее с ними обращение; но, к сожалению, не везде так обращаются. Я должен сказать вам, господа, что положение дел весьма не хорошо, подобно времени бывшей французской революции. Париж — гнездо злодеяний — разлил яд свой по всей Европе. Не хорошо. Время требует предосторожности» (*РС,* 1873, кн. IX, 411—414).

Августа 27. Русские войска вступили в Варшаву, взятую после двухдневного штурма (*Н. Шильдер,* 374).

Сентября 4. Г. Н. Белынский в ответ на письмо Б. от 19 августа посылает ему на лечение 25 рублей асс., рекомендует «не предаваться никакому излишеству, подобно табаку». В приписке к письму М. И. Белынская, беспокоясь о здоровье сына, сообщает о посылке ему с оказией «двух теплых манишек» (*ЛН,* т. 57, 77).

Сентября 4. К. Г. Белинский, отвечая на письмо Б. от 19 августа, извещает его о намерении отца перейти на службу в Елатьму (см. августа 14) и спрашивает у Б. совета, остаться ли ему в Чембаре или искать места в другом городе (*ЛН,* т. 57, 78).

Сентября 6. М. И. Белынская, посылая Б. «ватошные манишки», продукты и лекарство, жалуется в письме к нему, что отец «недели с три пьет в мертвую голову», а Никанор «в нравственности нисколько не исправляется». В приписке к этому письму сестра Б., Александра Григорьевна, сообщает о посылке ему «кошелька» ее работы (*ЛН,* т. 57, 80—81).

Сентября около 6. Е. П. Иванова в письме к Б. просит его возобновить переписку, оборвавшуюся по ее вине, выражает беспокойство по поводу состояния его здоровья, умоляет его не курить и не пить уксус, который он якобы «до смерти любит». Е. П. Иванова просит Б. не сердиться на ее отца, который и сам давно раскаивается, что напрасно оскорбил Б. Сейчас он в большом горе — его «за неисправность по службе» переводят «по клевете мерзавцев» в Керенск (*ЛН,* т. 57, 79—80).

Сентября 16. Б. получает деньги и письма от родных (*ЛН,* т. 57, 77). См. сентября 4.

Сентября 19. Б. в числе пяти студентов словесного отделения, оставленных «за неуспешность в науках на прежних лекциях I курса», держит переходные экзамены на II курс, но ответы его признаются неудовлетворительными (*ЛН,* т. 56, 352—354). См. октября 19.

Сентября 29. Б. в письме к родителям благодарит их за «неоставление» его во время болезни (см. сентября 4 и 6). Истратив присланные деньги на лекарства и уплату долгов, Б. «терпит крайнюю нужду», заставившую его снова просить помощи у родных, несмотря на то, что для него «нет ничего ужаснее, убийственнее, как быть кому-нибудь в тягость». Б. умоляет отца «обратить внимание» на дурной нрав Никанора (*Б,* XI, 57—59).

Сентября 29. Б., выполняя просьбу брата, посылает ему басни Крылова и Хемницера, «Денницу на 1830 г.» (Б. обращает особое внимание в этом альманахе на «Обозрение русской литературы в 1829 г.») и «Невский альманах на 1827 г.». Б. добавляет от себя водевиль «Мельник» Аблесимова, «Восточную лютню» А. А. Шишкова, поэму Т. Мура «Лалла-Рук» в переводе Жуковского и три номера «Листка», о котором «уже больше двух месяцев нет ни слуху ни духу». Б. рекомендует брату продолжать служить в Чембаре, избегая всяких столкновений с домашними и начальством. Сурово критикуя стихи Константина и советуя ему заняться прозой, Б. утверждает: «Чтобы быть поэтом — надобно иметь отличные дарования, творческое воображение, творческую душу, чувства пламенные, темперамент горячий, характер раздражительный, пылкий; надобно уметь и мыслить и чувствовать о с о б е н н ы м образом, видеть т а м много, г д е другие ничего не видят». В приписке к сестре Б. рекомендует ей во всем следовать советам и примеру Е. П. Ивановой. В приписке, предназначенной для Никанора, Б. хвалит его успехи в учебе и требует, чтобы он «исправился в своей нравственности» (*Б,* XI, 59—63).

Октября 15. Б. подает прошение в правление Московского университета об определении его в училищный комитет в число канцелярских служителей (*Памяти Б.,* 109). См. октября 19.

Октября 19. Отделение словесных наук Московского университета доводит до сведения правления университета результаты испытания «во всех предметах, коим обучаются первогодичные студенты» (см. сентября 19). Среди лиц, признанных «достойными быть переведенными на ординарные лекции», фамилия Б. отсутствует (*Памяти Б.,* 108). См. октября 26.

Октября 19. Прошение Б. о зачислении его на службу в училищный комитет (см. октября 15) заносится в журнал входящих бумаг правления Московского университета (*Памяти Б.,* 109). См. октября 26.

Октября около 25. Б. знакомится с студентом первого курса словесного отделения Фаддеем Заблоцким, поэтом, связанным с польскими революционными кружками в Белоруссии и в Москве.

Проживая с 20 октября в общежитии казеннокоштных студентов, Ф. Заблоцкий чаще других встречается с товарищами Б. — И. Савиничем и М. Чистяковым (см. о них 1830, ноября около 1). Судя по следственным данным, Б. вместе с Ф. Заблоцким и другими студентами бывал в доме московской акушерки Франциски Бордеглио, находившейся под наблюдением тайной полиции за свои связи с польскими революционерами (*ЛН,* т. 56, 380—387). См. 1833, июня 29.

Октября 26. Правление Московского университета направляет попечителю Московского учебного округа отношение о желании Б. поступить на службу в училищный комитет. В связи с тем, что Б. «за неуспешность в науках должен оставаться на приуготовительных лекциях, а в 1830 г. за малоуспешность в науках не был удостоен перевода на ординарные лекции», правление определяет: «казенного студента Б., оказавшегося неспособным к слушанию ординарных лекций, согласно его прошению, принять в число канцелярских служителей» (*Памяти Б.,* 109).

Ноября 9. Попечитель Московского учебного округа кн. С. М. Голицын предлагает правлению университета доставить сведения «о тех особенных обстоятельствах, кроме малоуспешности, по коим казенный студент Б. не может продолжать курса наук» (*Памяти Б.,* 110).

Ноября 16. Правление Московского университета отвечает попечителю (см. ноября 9), что, по сообщению инспектора казенных студентов проф. Щепкина, кроме малоуспешности Б. в науках, никаких других побудительных причин для увольнения его из университета нет и что к исправлению должности Б. оказался способным (*Памяти Б.,* 111). См. декабря 7.

Ноября 17. К. Г. Белинский, отвечая на письмо Б. от 29 сентября, благодарит за присланные книги, просит выслать последние номера «Листка» и восторженно отзывается о рецензии Б. на «Разговор» о «Борисе Годунове» (см. июня 10), написанной «со всем жаром пламенеющего сердца ко всему изящ-

ному и высокому». Передавая семейные новости, Константин сообщает, что Никанор «в училище совсем не ходит и только дома повесничает» (*ЛН*, т. 57, 88—89).

Ноября 18. М. И. Белынская, отвечая на письмо Б. от 29 сентября, благодарит его за «данные нравоучения нашему семейству», сообщает, что исправник хвалил Константина за послушание и исполнительность и, беспокоясь за судьбу Никанора, радуется намерению Б. взять его в Москву вместе с Петей Ивановым (*ЛН*, т. 57, 90).

Ноября 21. Б. в письме к брату Константину выражает беспокойство, не получая писем из Чембара. Имея «очень много кое-чего сказать», Б. воздерживается «до времени» от этого. Б. сообщает, что государь, гостивший со всей семьей в Москве, «был везде, кроме университета», которому, «по всему видно», «настает кончина». Граф Панин, помощник попечителя, «эта глупая и долговязая орясина <...> вздумала насильственным образом стричь на солдатский манер своекоштных студентов». Б. посылает брату новое стихотворение Пушкина <«Мадонна»?> и просит передать Е. П. Ивановой приложенные им к письму автографы стихотворений Тепловой и Лисицыной (*Б*, XI, 63—64).

Ноября 25. Николай I выезжает из Москвы в Петербург (*НБ*, II, 153).

Ноября 27. В Москве на сцене Большого Петровского театра состоялась премьера комедии Грибоедова «Горе от ума» с Мочаловым в роли Чацкого и Щепкиным в роли Фамусова (*«Телескоп»*, 1831, кн. 5, стр. 592).

Ноября 29. Николай I назначает Д. П. Голохвастова помощником попечителя Московского учебного округа, поручив ему подтянуть университет и очистить его от «нравственной заразы» (*НБ*, II, 154). *

«Место в университете, — писал Герцен о назначении Голохвастова, — было совсем не по нем; свой холодный формализм, свое педантство он употребил на мелочное, пансионское управление студентами; такого вмешательства начальства в жизнь аудитории, такого педельства на большом размере не было при самом Писареве. И тем хуже, что Голохвастов сделался в нравственном отношении то, что были Панин и Писарев для волос и пуговиц» (*Герцен*, IX, 193).

«Нет ничего подлее обхождения Голохвастова с студентами, — утверждал Б., — ругается, как извозчик, обходится с ними хуже, нежели с своими лакеями» (*Б*, XI, 74).

Декабря 1. Б. получает письма от матери и брата Константина от 17—18 ноября из Чембара (*ЛН*, т. 57, 89).

Декабря 7. Попечитель Московского учебного округа сообщает правлению университета, что ввиду «имеющего быть в непродолжительном времени преобразования училищного ко-

митета, надлежит воздержаться от заполнения в нем вакансий канцелярских служителей», не назначая на эту должность и «казенного студента Б.» (*Памяти Б.,* 111).

Декабря 24. Студенты Казанского университета А. С. Голубинский и М. С. Мердианов, товарищи Б. по Пензенской гимназии, поздравляют его с Новым годом и, упрекая в «невнимательности к своим старознакомым землякам», просят Б. ответить на их письмо. Говоря о себе, жалуются на «всегдашнее единообразие и, можно сказать, скуку, неразлучную с здешним университетом» (*Бик,* 46—47).

Декабря 25. Б. пишет матери, что, не имея платья «не только приличного, но и никакого», он перестал посещать знакомых и потерял возможность давать уроки. Б. вынужден снова одолевать родных просьбами: «В деньгах мне крайняя, смертельная надобность — и в самом скорейшем времени» (*Б,* XI, 65).

Декабря 26. Б., узнав, что г-жа Горн привезла ему из Чембара деньги, отправился к ней «версты за три» от общежития. Для этого визита понадобилось «со всего мира сбирать одежду» (*Б,* XI, 66—67).

1832

Января 5. Б. «почувствовал вдруг сильный лихорадочный озноб», в результате которого должен был слечь в постель (*Б,* XI, 67). См. января 10.

Января 10. Б., пролежав несколько дней в общежитии, поступает в университетскую больницу с диагнозом «catarrus pulmonalis chronicus cum febri irregulari». В письме к брату Б. жалуется на «сильный кашель, особенно мучавший его ночью, и сильную боль в груди» (*Б,* XI, 67).

Января 12. В Московском университете состоялся торжественный акт, на котором профессор богословия П. М. Терновский выступил со «словом» о том, что «разум должно покорять вере» (*НБ,* II, 156).

Января 15. К. Г. Белинский, отвечая на письма Б. от 21 ноября и 25 декабря, передает ему просьбу матери получить 4 руб. асс. с г-жи Горн (см. 1831, декабря 26). Напоминая Б. об его обещании прислать последние номера «Листка», К. Г. Белинский заявляет, что, следуя «справедливому совету» Б., он «оставил сочинять стихи» (ЛН, т. 57, 92—94).

Января 18. Н. И. Надеждин приступает к чтению лекций в Московском университете по эстетике и теории искусства для студентов второго курса. В числе его постоянных слушателей был и Б., несмотря на то, что он продолжал числиться на первом курсе (*ЛН,* т. 56, 340—341).

Января 19. Е. П. Иванова в письме к Б. извещает его о предполагающемся переезде ее семьи в Керенск (*ЛН*, т. 57, 95).

Января 27. Б., находясь в больнице, диктует Д. П. Иванову письмо к брату Константину. Рассказав о походе к г-же Горн за «целковым» (см. 1831, декабря 26), Б. жалуется на болезнь, нужду и трудности казеннокоштного быта — «настоящая каторга»: малейшее нарушение режима грозит зачислением «в государственные бунтовщики»; «можно без всякой вины, иногда за проступок другого, улететь в солдаты» (*Б,* XI, 66—69).

Января 28. К. Г. Белинский в письме к Б. сообщает, что у него сохранилось «Рассуждение» Б., написанное 12 декабря 1829 г.: «Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей». Для лучшей информации о новых книгах, К. Г. Белинский просит Б. прислать ему реестры литературы, вышедшей в 1830 и 1831 гг. (*ЛН*, т. 57, 97—98).

Февраля 10. Б., продолжая оставаться в больнице, диктует Д. П. Иванову письмо к брату Константину. Здоровье Б. попрежнему находится в тяжелом состоянии. Профессор Дядьковский называет болезнь его «желудочно-желчною», но «боли в груди, кашель и легкая лихорадка» изнуряют Б. не меньше, чем больной желудок. Вспоминая, что в августе прошлого года он страдал от «жестокой колики в правом боку», Б. приписывает обострение болезни своей «казенной шинели, сквозь которую можно сеять аржаную муку». Б. передает поклон Е. П. Ивановой и просит ее писать к нему разборчивее и «как можно чаще» (*Б,* XI, 67—70).

Февраля 11. К. Г. Белинский отвечает на письмо Б. от 27 января, которое его «много огорчило» (*ЛН*, т. 57, 101).

Марта 3. К. Г. Белинский, отвечая на письмо Б. от 10 февраля, сообщает ему домашние новости, в том числе о поездке отца в Ломов и всей семьи — в Поим.

К. Г. Белинский жалуется на брата Никанора, который попрежнему «буянит и ругается». М. И. Белынская в приписке к письму обещает просить отца послать Б. к пасхе хотя бы 10 рублей (*ЛН,* т. 57, 101—102).

Марта 30. Б. в письме к родителям сообщает, что продолжает лежать в больнице, не рассчитывая на выздоровление «прежде июня»: «аппетит еще плох; пульс слаб, и вообще я чувствую во всем теле расслабление; не только не могу вслух читать, но даже и говорить много: тотчас возьмет одышка <...> проклятый кашель не отстает» (*Б*, XI, 70). В приписке к брату Константину он жалуется на бессодержательность и неясность его писем. См. 1831, декабря 26.

Апреля 1. К. Г. Белинский в письме к Б. уведомляет о посылке ему 15 рублей асс. и передает желание отца взять Б. на вакацию в Чембар, где «один свободный воздух может иметь влияние на <его> болезнь». М. И. Белынская, в приписке к письму, рассказав, что «проплакала целые сутки» из-за затянувшейся болезни Б., настойчиво зовет его домой (*ЛН*, т. 57, 104—105).

Апреля 21. Б., отвечая на письмо родных от 1 апреля, сообщает, что продолжает лежать в больнице, но надеется на восстановление своих сил с наступлением весны. Несмотря на желание побывать летом в Чембаре, Б. вынужден отказаться от приглашения родных, опасаясь, что у него не хватит сил на продолжительную поездку, и считая, что только в Москве он сможет за лето подготовиться к переводным экзаменам в университете. Б. признается, что независимо от болезни его «обстоятельства по этой части и прежде были в весьма незавидном состоянии, что происходило то от огорчений казенной каторжной жизни, то от собственного нерадения». Б. отмечает, что с назначением Д. П. Голохвастова помощником попечителя (см. 1831, ноября 29) строгости режима обострились в университете до крайней степени: «Чтобы жить безопасно, надобно даже уряднику, унтеру льстить, надеть на себя постную харю, скрючиться в три погибели, беспрестанно творить молитвы и всем и каждому кланяться и перед каждым подличать». Б. предвидит возможность своего исключения из университета, — в этом случае остается «одна дорога»: служба в Сибири, на Кавказе или в Североамериканских российских владениях (*Б*, XI, 72—75).

Апреля 21. С. С. Уваров назначается товарищем министра народного просвещения (*Б*, XI, 607). См. августа около 20 и октября 14.

Мая 6. Б. выходит из больницы, не совсем оправившись от тяжелой болезни. «Я вышел из больницы, — писал он брату, — почти с тем же, с чем и пошел в нее: дожидаться моего выздоровления было бы слишком долго; для этого мне нужно бы было пролежать в больнице еще месяца четыре, в продолжение которых меня бы выключили из университета» (*Б*, XI, 75, 76).

Мая 16. К. Г. Белинский, отвечая на письмо Б. от 21 апреля, сокрушается из-за отказа Б. приехать в Чембар: «Я и маменька дожидались тебя как торжественного для христиан праздника пасхи». К. Г. познакомился с И. А. Дьяконовым, который хвалил произведения Б., опубликованные в «Листке». Сообщив, что занимается «прозаическими сочинениями», К. Г. предлагает вниманию Б. несколько извлечений из них: «Нет ничего отвратительнее в человеке, как тиранство себе подобных», «Кто истинно верует в бога, тот имеет и надежду на получение конца своим несчастьям...» (*ЛН*, т. 57, 109—110). См. июня 21.

Мая 18. В Московском университете на всех курсах начинаются переводные экзамены, закончившиеся июня 22. «Сии испытания, — писалось в отчете, — были произведены строго и совершенно соответственно своей цели; сим оживлена деятельность учащихся в университете; нерадивейшие из них выразумели свою обязанность заслуживать прилежанием и добрым поведением дарованные им важные права и преимущества» (*НБ,* II, 157).

Май? Июнь? Б., пролежав большую часть второго полугодия в больнице, обращается к попечителю учебного округа с просьбою о позволении ему, ввиду долговременной болезни, держать «особенный экзамен в конце августа или в начале сентября». Д. П. Голохвастов, «хотя и не обещал исполнить просьбу Б., но не отказал, а сказал: х о р о ш о, п о с м о т р и м» (*Б,* XI, 93). См. июль — август.

Июня 13. В Московском университете оглашается «высочайшее повеление» об отдаче в солдаты за «буйственные поступки» студентов Андерсона и Ренье (*НБ*, II, 155).

Июня 21. Б. в письме к отцу и матери, посылаемом через Д. П. Иванова, уведомляет, что вышел из больницы. Б. «разбогател форменною одеждою», — «недостает только теплой шинели», так как «старая совершенно развалилась» (*Б*, XI, 75). В этот же день в письме к брату Константину Б. тоже отмечает, что вышел из больницы. Б. волнуют семейные неурядицы, — «пылкий до дикости и неистовства характер» матери, болезненная «мнительность» и «подозрительность» отца. Б. убежден, что несчастья всей семьи вызваны особенностями склада отца и матери, не щадящих ни друг друга, ни родных детей. Упомянув о литературных занятиях Константина, Б. характеризует «мысли» его как «места общие, которые можно найти во всякой азбуке» (*Б,* XI, 75—79).

Июль — август. Б., надеясь предотвратить опасность исключения из университета, «несмотря на чрезвычайно худое состояние здоровья, работал и трудился, как черт, готовясь к экзамену». Однако к экзаменам он допущен не был, и его «уведомили <...> о всемилостивейшем увольнении от университета» (*Б,* XI, 93, 73). См. сентября 27.

Августа 16. К. Г. Белинский, отвечая на письмо Б. от 21 июня, сообщает, что «семейные обстоятельства немного поправились»: отец стал меньше пить и браниться, но Никанор продолжает «повесничать». К. Г. полагает, что если Б. не возьмет брата в Москву, то Никанор «погибший человек». К. Г. радуется приезду Д. П. Иванова в отпуск в Чембар и доказывает целесообразность своего переезда на службу в Саратов (*ЛН*, т. 57, 115—116).

Августа 17. К. Г. Белинский в письме к Б. просит прислать его трагедию <«Дмитрий Калинин»>, которую хочет «прочесть и списать» (*ЛН,* т. 57, 117). См. октября 15.

Августа 18. М. И. Белынская, посылая Б. продукты и «целковый на яблоки» («только имею, и то полтинник заняла»), просит его не огорчаться домашним расстройством и не сердиться на частые ее слезы — они «облегчают печаль» ее (*ЛН*, т. 57, 117—118).

Августа около 20. В Москву приезжает товарищ министра народного просвещения С. С. Уваров, которому Николай I поручил ревизию Московского университета (*НБ,* II, 158). См. октября 14.

Августа 28. Б. получает письмо от матери (*ЛН*, т. 57, 118). См. августа 18.

Сентября 10. Б. в письме к П. П. и Ф. С. Ивановым вспоминает о проведенном когда-то вместе с ними «незабвенном времени». Б. обещает заняться с их сыном Петей, особенно французским и немецким языками — последний «теперь занимает все досуги» Б. Он очень беспокоится за судьбу Никанора, которому не может пока помочь: «Такие способности, такая пылкая душа — и все это должно погибнуть, завянуть на сухом, бесплодном поле нерадивого воспитания...» (*Б*, XI, 79—80).

Сентября 14. Министерство народного просвещения, рассмотрев дело об увольнении из Московского университета студентов Сомова и Б., «разрешает уволить» первого «по совершенно расстроенному здоровью», а последнего — «по слабому здоровью» (*НБ,* II, 199). Датой «14 сентября 1832 г.» определил время своего увольнения из университета и сам Б. (*Б*, XI, 590).

Сентября 27. Инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин, в ответ на запрос Д. П. Голохвастова, докладывает, что «не имеет надежды» на то, что из Б. «может образоваться полезный чиновник по учебной части». На основании этого ответа Д. П. Голохвастов сделал представление об увольнении Б. из университета «по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей» (*ЛН,* т. 56, 401; *РС*, 1876, № 3, 678; *Герцен,* VII, 235). В тот же день П. С. Щепкин отдает распоряжение о снятии Б. с казенного довольствия (*РС,* 1876, № 3, 678).

Октября около 1. Б., уволенный из университета, переселяется к А. П. Иванову, в «одну комнату с небольшою прихожею, служащею вместе и кухнею» (*Б*, XI, 82): «Вы не можете представить, — писал Б. родным, переехав в мае 1834 г. в собственную комнату, — чего мне стоило обременять собою Алексея Петровича, который, как вам известно, и сам живет с нуждою пополам и кое-как сводит концы с концами. Притом же теснота и многолюдство совершенно лишали меня средств

заниматься» (там же, 110—111). А. П. Иванов жил в Рахмановском переулке в доме Касаткина-Ростовского, близ Сандуновских бань (*ЛН,* т. 57, 379).

Октября около 1. В Москву приезжает младший брат А. П. и Д. П. Ивановых — Петя, которого Б. обещал подготовить для поступления в гимназию (*Б*, XI, 80).

Октября 3. Б. получает из Московского университета свидетельство, необходимое ему для полицейской прописки в Москве (*Альбом выставки Б.*, 54).

Октября 14. Товарищ министра народного просвещения С. С. Уваров, заканчивая ревизию Московского университета (см. августа около 20), пишет начальнику III Отделения Бенкендорфу: «Я сочту себя очень счастливым, если результатом моего здесь пребывания будет восстановление в среде молодежи порядка и возможность успокоить в этом отношении нашего августейшего государя» (*РА*, 1885, кн. 1, 367—368). В связи с ревизией С. С. Уварова из Московского университета были исключены все «неблагонадежные студенты» (*Барсуков,* IV, 71—86; *ЛН*, т. 56, 398—399).

Октября 15. Б. в письме к брату Константину отрицательно расценивает проект последнего перейти на службу в Саратов, подкрепляя свои соображения ссылкой на собственный, купленный тяжелой ценою опыт, и обещает устроить его через А. П. Иванова на службу в Московских департаментах сената. Б. отказывается прислать брату рукопись своей трагедии (см. августа 17), ибо «она может пропасть во время пересылки или по листочкам растеряться» в Чембаре. Между тем Б. «непременно намерен в свободное время понемногу переделывать ее так, чтобы ее можно было пустить на белый свет». Смотря на «многие предметы с другой точки зрения, нежели прежде», Б. «надеется успеть в своем предприятии» (*Б*, XI, 80—86).

Октября 21. П. П. Иванов в письме к Б. просит его «не оставлять» Петю, особенно занимаясь с ним языками (*ЛН*, т. 57, 124).

Октября конец? Б. покупает французское издание романа Поль де Кока «Madeleine», надеясь получить за его перевод «рублей триста» (*Б*, XI, 93).

Ноября 12. Б. пишет не дошедшие до нас письма отцу и матери, брату Константину и Ф. С. Ивановой (*ЛН*, т. 57, 124, 125).

Ноября 18. Б. представляет в Московский цензурный комитет перевод первой части романа Поль де Кока «Магдалина» (*ЛН*, т. 57, 255).

Ноября 25. Б. представляет в Московский цензурный комитет перевод второй части романа «Магдалина» (*ЛН*, т. 57, 255).

Ноября 25. Г. Н. Белынский в письме к Б. поручает ему разузнать об условиях приема в Московский лицей, предполагая поместить туда Никанора (*ЛН*, т. 57, 124).

Ноября 25. К. Г. Белинский, отвечая на письма Б. от 15 октября и 12 ноября, благодарит его за советы относительно будущей своей службы и сообщает о происшествиях в чембарском земском суде (*ЛН*, т. 57, 124—125).

Ноября 28. П. П. Иванов в письме к Б. с припиской от Ф. С. Ивановой благодарит его за заботу о Пете: «Вы будьте ему и профессор наставник, и благодетель, и отец наук» (*ЛН*, т. 57, 125).

Декабря 1. Б. представляет в Московский цензурный комитет перевод третьей части романа Поль де Кока «Магдалина» (*ЛН*, т. 57, 255).

Декабря 5. Б. получает из Чембара письмо отца и брата от ноября 25 (*ЛН*, т. 57, 125).

Декабря 7. Б. получает письмо от П. П. и Ф. С. Ивановых (*ЛН*, т. 57, 126). См. ноября 28.

Декабря 9. Б. представляет в Московский цензурный комитет перевод четвертой части романа Поль де Кока «Магдалина» (*ЛН*, т. 57, 255).

Декабря 10. М. И. Белынская, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б. от 12 ноября, детально описывает повседневные занятия членов своей семьи, жалуясь на «дикие выходки» отца Б., уклоняющегося от практики в помещичьих домах из-за болезненной мнительности (*ЛН*, т. 57, 126—128).

Декабря 10. К. Г. Белынский в письме к Б. сообщает о переменах в земском суде («ныне, видно, кто больше трудится, тот виноват») и мечтает о встрече с Б. во время вакации (*ЛН*, т. 57, 128—129).

Декабря около 15. К. Г. Белинский в письме к Б. просит купить грамматику Греча, «чтобы учиться русскому языку», рассказывает, как Никанор собирает деньги на «Рославлева» и «Юрия Милославского» и сообщает, что посылает Б. две его тетрадки со стихами (см. 1831, января конец), оставляя четыре других до его приезда в Чембар (*ЛН*, т. 57, 130).

Декабря 16. Б. получает из Московского цензурного комитета первые две части рукописи его перевода романа Поль де Кока «Магдалина» (*ЛН*, т. 57, 255).

Декабря 20. Б. получает из Московского цензурного комитета окончание своего перевода романа Поль де Кока «Магдалина» (*ЛН*, т. 57, 255).

Января 3. Б. получает письма от К. Г. Белинского из Чембара (*ЛН*, т. 57, 130). См. 1832, декабря 10 и около 15.

Января 13. Б. представляет в Московский цензурный комитет рукопись перевода немецкой фантастической повести Фридриха Лауна «Эхо». Перевод сделан с французского языка. В рукописи 56 страниц. Этот перевод остался, видимо, неопубликованным (*ЛН*, т. 57, 255).

Января 20. Б. получает из Московского цензурного комитета рукопись своего перевода повести Ф. Лауна «Эхо», одобренную к печати цензором Л. Цветаевым (*ЛН*, т. 57, 255).

Января 26. Николай I утверждает доклад генерал-аудитора по военно-судному делу Н. Сунгурова, Я. Костенецкого, Ф. Гурова, Ю. Кольрейфа и др., обвинявшихся в организации революционного кружка в Москве (РА, 1912, № 12, 487). См. 1831, июня 20—21.

Январь — февраль. Б. часто встречается с доктором А. И. Красовским, его женою и свояченицей, которые относятся к нему, «как к родному». По собственному признанию Б., часы, проведенные им с А. И. Красовским, он причисляет «к лучшим в своей жизни», так как Красовский, «хотя и *медик*, но имеет душу и сердце эстетически образованные и не чужд ничего, что почитается достоянием только одних *избранных»* (*ЛН*, т. 57, 134).

Январь — февраль. Б., не имея определенного заработка, собирается ехать на кондицию в Вологду «в дом к одному помещику» или в Орловскую губернию (*Б*, XI, 93—94).

Февраля около 15. Б. знакомится с профессором Н. И. Надеждиным, редактором журналов «Телескоп» и «Молва», и получает приглашение работать в качестве переводчика в его изданиях (*Б*, XI, 94). См. марта 18.

Февраля 16. К. Г. Белинский в письме к Б. настойчиво зовет его в Чембар: «Все силы употреблю, а достану денег и перетащу на вакацию домой» (*ЛН*, т. 57, 131).

Февраля 20. Б. в письме к матери, отправляемом в Чембар с оказией, через А. И. Красовского, делится с ней своими соображениями о поведении отца. См. 1832, декабря 10.

«Я уверен, что он или находится на высочайшей точке отчаяния, похожей на какое-то сатанинское ожесточение против всего существующего, или уже близок к совершенному сумасшествию. Я не знал, что мне делать: смеяться или плакать, когда узнал о его прекрасном намерении бросить, на старости лет, дом, жену, детей и определиться в армию». И тем не менее Б. убеждает мать не отчаиваться: «Вы мóлитесь богу, оказываете самое ревностное усердие к религии; но религия не в постах и молитвах: она в душе, в сердце и делах человека». Б. напоминает матери о необходимости т е р п е н и я, как высшей христианской добродетели, и умоляет ее не лишать себя н а д е ж д ы, не убивать себя

отчаянием. Б. признается, что сейчас и ему самому «будущее представляется в какой-то ужасной перспективе», что и в настоящем он «не слишком много находит для себя утешительного», но тем не менее он старается спокойно принимать «удары судьбы» и никогда не предается «безвременному отчаянию».

Б. очень обеспокоен положением сестры Александры и горячо рекомендует поскорее выдать ее замуж: «Не ищите суженого чиновного, богатого, многоумного, ученого, франта, щеголя, танцора; но если он добр сердцем, честен правилами, благороден чувствами, не глуп и не совсем без образованности светской <...> тогда думать много нечего — по рукам, да и в церкву» (*Б*, XI, 87—90).

Февраля 20. Б. в письме к отцу, посланном с той же оказией, умоляет его серьезно заняться образованием брата Никанора, в характере которого «не может быть середины: или все, или ничего». Б. признается, что у него «много лежит на душе такого», что он хотел бы высказать отцу, но оставляет этот разговор до личной встречи или более удобного времени (*Б*, XI, 90—91). Этим же днем датируется не дошедшее до нас письмо Б. к брату Константину (*ЛН*, т. 57, 138—139).

Февраля 24. Б. получает письмо от К. Г. Белинского от февраля 16 (*ЛН*, т. 57, 131).

Марта 2. Б. получает письмо от отца, отправленное из Чембара февраля 20 (*ЛН*, т. 57, 136).

Марта 6. М. И. Белынская в письме к Б. из Чембара передает о частых запоях мужа, о дурном поведении Никанора, о сборах на богомолье. Мать умоляет Б. обязательно «приехать нынешнюю вакацию» в Чембар, так как видит в нем надежду всей семьи (*ЛН*, т. 57, 136—137).

Марта 6. К. Г. Белинский в письме к Б. сообщает об отправке ему четырех его тетрадей со стихотворениями разных поэтов (в дополнение к двум тетрадям, посланным прежде). Жалуясь на «испорченную нравственность» Никанора и «виновника дней его», К. Г. подчеркивает, что «присутствие Б. в семействе очень, очень нужно» (*ЛН*, т. 57, 138—139).

Марта 18. Цензур. разреш. «Молвы», 1833, № 33. В этом номере напечатан перевод Б. «Лейпцигская битва. Из записок старого солдата». Подпись: С франц. Б<елинский> (*БВ*, I, 159). С этой публикации начинается регулярное сотрудничество Б. в журналах Надеждина.

Марта 18. Б. получает письма от матери и брата, посланные из Чембара марта 6 (*ЛН*, т. 57, 137 и 139).

Марта 24. Цензур. разреш. «Молвы» № 34. В номере окончание перевода Б.: «Лейпцигская битва. Из записок старого солдата». См. марта 18.

Апреля 12. На сцене Петровского театра в Москве состоялось первое гастрольное выступление А. М. и В. А. Каратыгиных в трагедии «Дмитрий Донской» Озерова (*П. Каратыгин*, 173). Б. не был на этом спектакле (*Б*, I, 184).

Апреля 17. Цензур. разреш. «Молвы» № 47. В номере анонимный перевод Б.: «Изобретение азбуки» <О создании письменности для индейцев Северной Америки> (*БВ*, I, 160—162). См. апреля 22.

Апреля 22. Цензур. разреш. «Молвы» № 48. В номере анонимные переводы Б.: «Изобретение азбуки» (окончание) и «Некоторые черты из жизни доктора Свифта». С французского. См. апреля 25.

Апреля 23. В. А. Каратыгин выступает на сцене Петровского театра в роли Карла Моора в трагедии Шиллера «Разбойники» (*П. Каратыгин*, 173; *Б*. 1, 184).

Апреля 25. Цензур. разреш. «Молвы» № 49. В номере окончание анонимного перевода Б.: «Некоторые черты из жизни доктора Свифта». С французского (*БВ*, I, 163—166).

Апреля 27. Б., пользуясь рекомендацией Н. И. Надеждина, подает прошение попечителю Белорусского учебного округа Г. И. Карташевскому о предоставлении ему места учителя уездного училища. Ходатайство Б. принципиально было удовлетворено, но Б. задержался из-за отсутствия средств на дорогу. Эти средства (в размере полутораста рублей) Карташевский рассчитывал выхлопотать для Б. в Петербурге (*Б*, XI, 94). См. июль — август.

Апреля 27. Цензур. разреш. «Молвы» № 50. В номере анонимный перевод Б.: «Последние минуты библиомана» (см. апреля 29). В этом же номере «Молвы» заканчивается печатание «Писем в Петербург» (предыдущие письма помещены в №№ 44—48). В этих «Письмах» П. Щ. <С. Т. Аксаков> давал отрицательную характеристику игры В. А. Каратыгина, в котором петербургская и московская знать видела некий идеальный эталон мастерства трагического актера. См. мая 20; 1835, мая 3.

Апреля 29. Цензур. разреш. «Молвы» № 51. В номере окончание анонимного перевода Б.: «Последние минуты библиомана» (*БВ*, I, 167—170).

Мая 3. Б. присутствует на предпоследнем гастрольном спектакле Каратыгиных: «Елизавета и граф Эссекс», трагедия Г. Лаубе, и «Валерия, или Слепая», комедия Скриба (*Б*, I, 181, ср. *Станкевич*, 216—217).

Мая 10. Я. И. Костенецкий, бывший студент Московского университета, осужденный по делу Н. П. Сунгурова, посылает из Ставрополя письмо студентам Почеке и Оболенскому, в котором передает поклон Станкевичу, Неверову, Сатину и Кетчеру (*ЛН*, т. 56, 361). Это письмо было перехвачено полицией и переслано шефу жандармов. Граф Бенкендорф обратил внимание на то, что «в письме сем многие мысли и выражения

свидетельствуют, что Костенецкий питает еще те преступные замыслы, за которые он подвергся справедливому наказанию» (*НБ*, II, 185—186). См. июля 10.

Мая 18. Цензур. разреш. «Молвы» № 59. В номере анонимный перевод Б. «День в Калькутте» (*БВ*, I, 171—174).

Мая 20. Цензур. разреш. «Молвы» № 60. В номере окончание анонимного перевода Б. «День в Калькутте».

Мая 20. На страницах «Молвы» № 60 С. П. Шевырев в «Ответе г-ну П. Щ.» (см. апреля 27) характеризовал оценку творчества Каратыгиных в «Письмах в Петербург» как «наветы, недобросовестность и недоброжелательство». См. 1835, мая 3.

Мая 21. Б. в письме к матери извещает о своем исключении из университета. В течение девяти месяцев скрывая этот факт не только от родных, но и от всех чембарских друзей, Б. рассчитывал на то, что ему удастся поправить свои дела успехами в других «предприятиях». Б., по его словам, в поисках заработка «не щадил себя», «хватался за каждую соломинку» и, наконец, решил принять должность преподавателя уездного училища в Белоруссии, с окладом 700 руб. в год. Перечисляя причины своего исключения из университета, Б. отмечал «отчасти собственные промахи и нерадение, а более всего долговременную болезнь и подлость одного толстого превосходительства» (*Б*, XI, 92—95).

Мая 21. Б. в письме к отцу, дополняющем письмо к матери, просит не упрекать его «ни словом»: «Я уже не мальчик, и свой собственный суд для меня всего страшнее». Несмотря на «суровые уроки судьбы», Б. считает, что еще не все потеряно и что «только можно произнести суд человеку, когда он совсем покончит свое поприще». Б. очень волнуют семейные неполадки, он умоляет отца «водворить мир и тишину в своем семействе», «прекратить эти вечные и ни к чему не ведущие несогласия», оскорбительные для матери и убийственные для младших членов семьи — сестры и брата (*Б*, XI, 96—97).

Мая 21. Б. в письме к брату Константину сообщает о своих сборах на службу в Белоруссию и обещает через год приехать оттуда в отпуск в Чембар. В Белоруссии Б. собирается «трудиться до упаду, проводить без сна ночи», чтобы «доставать и копить денежки», необходимые для его родных. Б. утверждает, что «любимейшая мечта» его — «лет через пять» возвратиться в Москву и уже «навсегда основать в ней свое жительство».

Б. сообщает, что две части его перевода «Магдалины» уже отпечатаны, а третья сейчас печатается. Далее он дает перечень своих переводов в «Телескопе» и «Молве»: «Лейпцигская битва», «Изобретение азбуки», «Некоторые черты из жизни доктора Свифта», «Последние минуты библиомана», «День

в Калькутте». В «Телескопе» будут помещены: «Письмо о музыке» и «О Богемской эпопее». Сверх того, еще не напечатаны: «Воспитание женщин» <повесть Карла Нодье>, «Граф и Альдерман» и «Воздушные замки молодой девушки». Б. отмечает, что переводит он «более из «Revue étrangère», несколько из «Courrier du beau monde», «Revue de Paris» и разную мелочь для «Молвы» из «Miroire» (*Б*, XI, 97—99).

Мая 23. Цензур. разреш. «Молвы» № 61. В номере анонимный перевод Б. «Воздушные замки молодой девушки» Жюля Жанена (*БВ*, I, 175—177). См. мая 25.

Мая 25. Цензур. разреш. «Молвы» № 62. В номере анонимный перевод Б.: «Воздушные замки молодой девушки» (окончание).

Мая 26. Цензур. разреш. «Телескопа» № 7. В номере перевод Б.: «О Богемской эпопее» Эдгара Кине. Подпись: С франц. В. Б. (*БВ*, I, 178—184). С этой публикации начинается сотрудничество Б. в «Телескопе».

Мая 27. Цензур. разреш. «Молвы» № 63. В номере перевод Б. «Воспитание женщин» Карла Нодье (*БВ*, I, 185—190). Подпись: С франц. В. Б. См. мая 30 и июня 1.

Мая 30. Цензур. разреш. «Молвы» № 64. В номере перевод Б.: «Воспитание женщин» Карла Нодье (продолжение).

Июня 1. Цензур. разреш. «Молвы» № 65. В номере перевод Б.: «Воспитание женщин» Карла Нодье (окончание).

Июня 15. Цензур. разреш. «Молвы» № 71. В номере перевод Б.: «Страсть к альбомам» Генриха Монье (*БВ*, I, 191—195). См. июня 17 и 20.

Июня 17. Цензур. разреш. «Молвы» № 72. В номере продолжение перевода Б.: «Страсть к альбомам» Генриха Монье.

Июня 20. Н. В. Станкевич уезжает из Москвы на летние каникулы в Воронеж (*НБ*, II, 187).

Июня 20. Цензур. разреш. «Молвы» № 73. В номере окончание перевода Б.: «Страсть к альбомам» Генриха Монье. Подпись: С франц. В. Б. См. июня 15 и 17.

Июня 29. Арест в Москве казеннокоштного студента словесного отделения Ф. Заблоцкого, уличенного в распространении «возмутительного воззвания поляков против государя-императора» (*ЛН*, т. 56, 374). В процессе следствия Ф. Заблоцкий признал, что он «принимал участие в судьбе Польши и находился в связи с различными лицами», в том числе и «неблагомыслящими против России». В числе своих знакомых Заблоцкий в показаниях от 4 июля назвал и Белинского (*ЛН*, т. 56, 372—382). См. сентября 4 и 1831, октября около 25.

Июля 7. К. Г. Белинский, отвечая на письмо Б. от 21 мая, горячо сочувствует его «несчастной доле» и одновременно

старается поддержать его своей уверенностью в успехе его литературных занятий в «Молве» и «Телескопе». Тяготясь пребыванием в Чембаре, К. Г. Белинский с нетерпением ждет возможности переселения в Москву (*ЛН,* т. 57, 144—146). В приписке к этому письму М. И. Белынская упрекает Б. в отсутствии «истинной веры на бога» и, присоединяясь к просьбе старшего сына, спрашивает Б., нельзя ли устроить Никанора в одной из московских гимназий, поместив его у А. П. Иванова (*там же*, 146).

Июля 10. Шеф жандармов, граф Бенкендорф предлагает С. С. Уварову «учредить строгий надзор» за студентами Московского университета: А. Топорниным, И. Оболенским, Н. Станкевичем, Н. Сатиным и Я. Почекой — и внушить им, что «они должны решительно прекратить всякие сношения» с Я. И. Костенецким и другими лицами, осужденными по делу Н. П. Сунгурова (*НБ*, II, 185—186). См. мая 10.

Июля 17. М. И. Белынская в письме к Б. жалуется на его отца, который «утопает в роскоши Бахуса, а детей оставил без помощи». Посылая Б. «с оказией», через Красовских, белье и окорок ветчины, М. И. Белынская просит Б. «подать просьбу об определении в гимназию брата Никанора на казенный счет» (*ЛН,* т. 57, 147).

Июля 17. Б. получает письмо от брата Константина от июля 7, с припискою М. И. Белынской (*ЛН*, т. 57, 146).

Июля 19. Б. в письме к брату Константину недоумевает по поводу слишком краткой информации о том, какое впечатление произвело на папеньку и маменьку его письмо об исключении из университета. Б. полагает, что брату, до получения первого чина, будет очень трудно устроиться на службу в Москве, и рекомендует ему не спешить с переездом, несмотря на тяжелую домашнюю обстановку: «Я и сам пью горькую чашу, которая с каждым днем переполняется через края новыми ядовитейшими зельями, — однако ж терплю, ибо надежда в будущем подкрепляет меня». Сообщая, что А. П. Иванов «наотрез» отказался поместить у себя Никанора, Б. решает взять его с собой в Белоруссию. Попутно Б. упоминает о предложении Н. И. Надеждина доставить ему учительское место в каком-нибудь уездном училище Московской губернии на случай провала белорусских планов. Здесь же Б. отмечает, что его перевод «Магдалины» Поль де Кока уже «совсем отпечатан» (*Б*, XI, 99—102).

Июля 28. Выход в свет романа Поль де Кока «Магдалина», в переводе Б. (*НБ,* II, 168)*. На титульном листе имя и фамилия переводчика обозначены были инициалами: В. Б.

Июля конец? Б. в письме к Ф. С. Ивановой горько жалуется на свои обстоятельства, при которых «рад будешь смерти» (*ЛН*, т. 57, 150). Письмо это не сохранилось.

Июль. В. С. Межевич подает в Московский цензурный комитет прошение о разрешении ему издавать в 1834 г. «газету новостей и литературы» под названием «Утренний листок», с прибавлением полемических листков под названием «Журнальная пчелка». В этом издании, по свидетельству Станкевича, был заинтересован и Б. (*НБ,* II, 173). См. сентября 22.

Июль — август. Б. тяжело переживает молчание Г. И. Карташевского, обещавшего зачислить его на службу в Белорусский учебный округ (*Б,* XI, 102, 105). Возможно, что Карташевский в это время был осведомлен о привлечении Б. к секретному дознанию по делу Ф. Заблоцкого (см. июня 29), чем и объясняется его отказ от сделанных Б. предложений (*НБ*, II, 171—172).

Сентября 3. Ф. С. Иванова в письме к Б. из Керенска, отвечая на не дошедшее до нас письмо, полагает, что «ныне только подлецы и у кого есть деньги, те могут жить на свете, а добрый человек гоним» (*ЛН*, т. 57, 150).

Сентября 4. Московский генерал-губернатор кн. Д. В. Голицын обращается к попечителю Московского учебного округа кн. С. М. Голицыну с секретным запросом об «образе мыслей и поведении казенных студентов Михаила Чистякова, Ивана Савинича и Виссариона Белинского», имевших знакомство с арестованным студентом Московского университета Ф. Заблоцким (*ЛН*, т. 56, 392). См. июня 29 и сентября 11.

Сентября 5. Н. В. Станкевич, вернувшийся к началу занятий в Москву из деревни, дает подписку начальнику Московского округа корпуса жандармов о том, что он не будет иметь никаких сношений с Костенецким, осужденным по делу кружка Сунгурова (*НБ,* II, 186). Подписка эта дана была в связи с перехваченным письмом Костенецкого к его товарищам по Московскому университету. См. июля 10.

Сентября 11. Попечитель Московского учебного округа кн. С. М. Голицын в своем ответе на запрос московского генерал-губернатора от 4 сентября сообщает, что «Виссарион Белинский в сентябре 1832 г. уволен с казенного кошта по причине болезни и безуспешности в науках, поведения был неодобрительного» (*ЛН*, т. 56, 393). См. 1837, мая 28.

Сентября 13. Б. получает письмо от Ф. С. Ивановой (*ЛН,* т. 57, 151). См. сентября 3.

Сентября около 15. Б. начинает посещать кружок Н. В. Станкевича, где быстро сближается с «многими, можно сказать, отборными по уму, образованности, талантам и благородству чувств молодыми людьми» (*Б,* XI, 103; *Станкевич,* 218, 232; *К. Аксаков,* 174)*.

К кружку Станкевича в эту пору принадлежали К. С. Аксаков, К. А. Беер, А. П. Ефремов, И. П. Клюшников, В. И. Кра-

сов, Я. М. Неверов, П. Я. Петров, С. М. Строев, И. А. Оболенский.

«У Станкевича, — вспоминал К. С. Аксаков, — собирались каждый день дружные с ним студенты его курса и, кроме их, вышедшие прежде некоторые его товарищи... В этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир — воззрение большею частью отрицательное. Искусственность российского классического патриотизма, претензии, наполнявшие нашу литературу, усилившаяся фабрикация стихов, неискренность печатного лиризма, все это породило справедливое желание простоты и искренности, породило сильное нападение на всякую фразу и эффект; и то и другое высказалось в кружке Станкевича, быть может, впервые, как мнение целого общества людей...

Кружок Станкевича отличался самостоятельностью мнения, свободою от всякого авторитета... Станкевич сам был человек совершенно простой, без претензии, и даже несколько боявшийся претензии, человек необыкновенного и глубокого ума. Не бывши собственно диалектиком, он в спорах так строго, логически и ясно говорил, что самые щегольские диалектики, как Надеждин и Бакунин, должны были ему уступать. В существе его не было односторонности; искусство, красота, изящество много для него значили. Он имел сильное значение в своем кругу, но это значение было вполне свободно и законно, и отношение друзей к Станкевичу, невольно признававших его превосходство, было проникнуто свободною любовью, без всякого чувства зависимости» (*К. Аксаков*, 17—18).

«Станкевич любил и знал музыку. Иногда мы певали всем хором; общею студентскою нашею песнею были стихи Хомякова из его трагедии «Ермак»: «За туманною горою» и проч.» (*К. Аксаков*, 27).

«Кружок этот был трезвый и по образу жизни, не любил ни вина, ни пирушек, которые если случались, то очень редко, — и что всего замечательнее, кружок этот, будучи свободомыслен, не любил ни фрондерства, ни либеральничанья, боясь, вероятно, той же неискренности, той же претензии, которые были ему ненавистнее всего; даже вообще политическая сторона занимала его мало» (*К. Аксаков*, 19).

Кружок Станкевича оформился одновременно с другим кружком, образовавшимся вокруг А. И. Герцена. В этот кружок входили Н. П. Огарев, Н. М. Сатин, Н. И. Сазонов, В. В. Пассек, Н. Х. Кетчер, М. П. Носков и другие.

Характеризуя политическую платформу своего кружка, Герцен впоследствии отмечал: «Что́ мы, собственно, проповедовали — трудно сказать. Идеи были смутны, мы проповедовали декабристов и французскую революцию, потом проповедовали сен-симонизм и ту же революцию, мы проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедовали ненависть к всякому насилию, к всякому правительственному произволу» (*Герцен,* X, 318).

«Между нашим кругом и кругом Станкевича, — вспоминал Герцен, — не было большой симпатии. Им не нравилось наше почти исключительно политическое направление, нам не нравилось их — почти исключительно умозрительное. Они нас считали фрондерами и французами, мы их — сентименталистами и немцами» (*Герцен,* IX, 17).

Сентября 17. Б., побывав вместе с П. Я. Петровым и Н. Л. Григорьевым на именинах в семье Зыковых, «немного танцевал, немного был пьян, ужинал, волочился, куртизанил... и был счастлив» (*Б,* XI, 103). См. декабря 7.

Сентября 20. Б. в письме к брату Константину рассказывает о своем вхождении в кружок Станкевича, о частых встречах

с П. Я. Петровым, Н. Л. Григорьевым, А. И. и А. Н. Красовскими. В ответ на просьбу брата прислать ему «Магдалину» Поль де Кока Б. пишет, чтобы он эту книгу от него не ждал: «Я взял ее все три экземпляра и по крайней моей нужде продал все, даже и французский подлинник» (*Б,* XI, 103).

Сентября 20. Б. в письме к матери жалуется на то, что его дела давно уже не двигаются «ни на шаг вперед». Назначение на службу в Белоруссию неожиданно задержалось, и Б. оказался поэтому в «ужаснейшей нужде во всем».

Б. не падает, однако, духом: «Несмотря на все гонения жестокой судьбы — чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твердость в характере не дадут мне погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастия, но еще радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть сама лучшая школа. Будущее не страшит меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою и хотя с каким-то горестным чувством вижу, что я ничего не сделал хорошего, замечательного — зато не могу упрекнуть себя ни в какой низости, ни в какой подлости, ни в каком поступке, клонящемся ко вреду ближнего».

Б. сообщает о своем намерении обратиться на следующий день к Карташевскому с настоятельной просьбой дать решительный ответ на его прошение или вернуть представленные им документы. В случае отказа Карташевского Б. рассчитывает через Надеждина получить учительское место в Московской губернии (*Б,* XI, 104—105).

Сентября 22. Главное управление цензуры отказывает В. С. Межевичу в разрешении на издание газеты «Утренний листок», не находя «нужным и полезным умножать число существующих уже периодических сочинений новым, которое в плане своем ничем не отличается от других журналов, но открывает поле литературным распрям и полемике, по большей части незанимательной и вредящей достоинству словесности. Сверх того, управление признало, что издатель, не известный еще литературными трудами, не представляет достаточных ручательств в способности быть редактором периодического сочинения» (*НБ,* II, 445). См. июль.

Октября 2. Цензур. разреш. «Телескопа» № 17. В номере переводы Б.: «О поэзии и философии путешествий с древних времен до XVI века» Ф. Дени; «Конклав» из романа Карла Дидье «Подземный Рим» (*БВ*, I, 209—237). Переводы подписаны: С франц. В. Б.

Октября 5. Цензур. разреш. «Телескопа» № 13. В номере перевод Б.: «Нынешнее состояние музыки в Италии» (см. ноября 2). В этом же номере перевод рассказа Жакоба Библио-

фила «Оборотень», подписанный псевдонимом: Вирн, т. е., вероятно, «Ви[сса]р[ио]н» (*НБ*, II, 450).

Октября 7. Е. П. Иванова в письме к Б. сообщает, что К. Г. Белинский получил «чин офицера» (*ЛН*, т. 57, 154). Она имеет в виду чин коллежского регистратора, полученный К. Г. Белинским 23 сентября (*ЛН*, т. 57, 155).

Октября 19. К. Г. Белинский в письме к Б. сообщает, что отец решил определить его в пензенскую удельную контору, а ему самому хотелось бы служить в Москве. «В доме у нас все по-прежнему»: отец продолжает пить, «придираясь ко всем», а Никанор «преуспевает в своих поступках», узнав, что «папенька... хочет посвятить его военной службе». В приписке к этому письму М. И. Белынская добавляет: «Отец как можно больше пьян, бурлит, ругается скверными словами, Саша плачет, у меня рука дрожит» (*ЛН*, т. 57, 155—156).

Ноября 2. Цензур. разреш. «Телескопа» № 14. В номере переводы Б.: «Нынешнее состояние музыки в Италии» (окончание); «Английские нравы. Граф и Альдерман». Первый перевод имеет подпись: С франц. В. Б., второй не подписан (*БВ*, I, 136—209). См. мая 21.

Ноября 8. Б. в письме к брату Константину поздравляет его с получением первого чина, но не рекомендует ему спешить с приездом в Москву, где устроиться на службу очень трудно. Б. подчеркивает трудности своего материального положения, «кровную отчаянную нужду» и все же отказывается просить денег у отца: «Я сумею умереть с голода, не плача и не жалуясь ни на людей, ни на судьбу; скорей переломлюсь, но не погнусь. Лучше под окошками просить милостыни у чужих людей, нежели докучать просьбами своих». Б. полагает, что план переезда его в Белоруссию рухнул: «Карташевский — подлец, каких мало» — полтора месяца не отвечает на запросы и даже бумаги не возвращает. В приписке к письму Б. предупреждает о предстоящей публикации в «Телескопе» его «оригинальной статьи» «Тоска» (*Б*, XI, 105—107). Однако ни этой, ни какой-либо другой оригинальной статьи Б. в печати до «Литературных мечтаний» не появлялось (*ЛН*, т. 57, 566—567).

Ноября 23. К. Г. Белинский в письме к Б. сокрушается, что не может поехать не только в Москву, но и в Пензу: «целый год надо выплачивать из жалованья за офицерский чин». К тому же А. Е. Иванов отказался приискать ему службу в Пензе. Отец же, по словам Константина, «и видеть нас никого равнодушно не может. Никанору дал такую волю, что хочет, то и делает, маменьку ругает дьяволом, сестру бьет, меня ругает» (*ЛН*, т. 57, 158—159). М. И. Белынская в приписке к письму Константина, беспокоясь о Б., горько сетует, что у нее «нет ни копейки» для того, чтобы помочь сыну (*там же*, 159—160).

Декабря 2. Н. И. Надеждин помещает в «Московских ведомостях» объявление, в котором информирует публику, что «Телескоп», «журнал современного просвещения», и «Молва», «газета новостей и мод», на будущий год «будут выходить в числе 52 книжек, из коих каждая будет содержать в себе четыре печатных листа «Телескопа» и один лист «Молвы». Так как объем журналов через сие не уменьшится, то и цена назначается прежняя: в Москве 45 р., с пересылкою в другие города 50 р. асс. Подписка принимается у издателя, живущего в императорском Московском университете, и у комиссионера имп. Московского университета А. С. Ширяева» (*МВед.*, 1833, № 96).

Декабря 7. Письмо Б. к Александре Михайловне, с которой он, видимо, познакомился на вечере у Зыковых (см. сентября 17). Фамилия ее неизвестна (*Б*, XI, 107—108).

Декабря 12. Б. получает письмо от брата Константина от 23 ноября, с припискою от матери (*ЛН*, т. 57, 160).

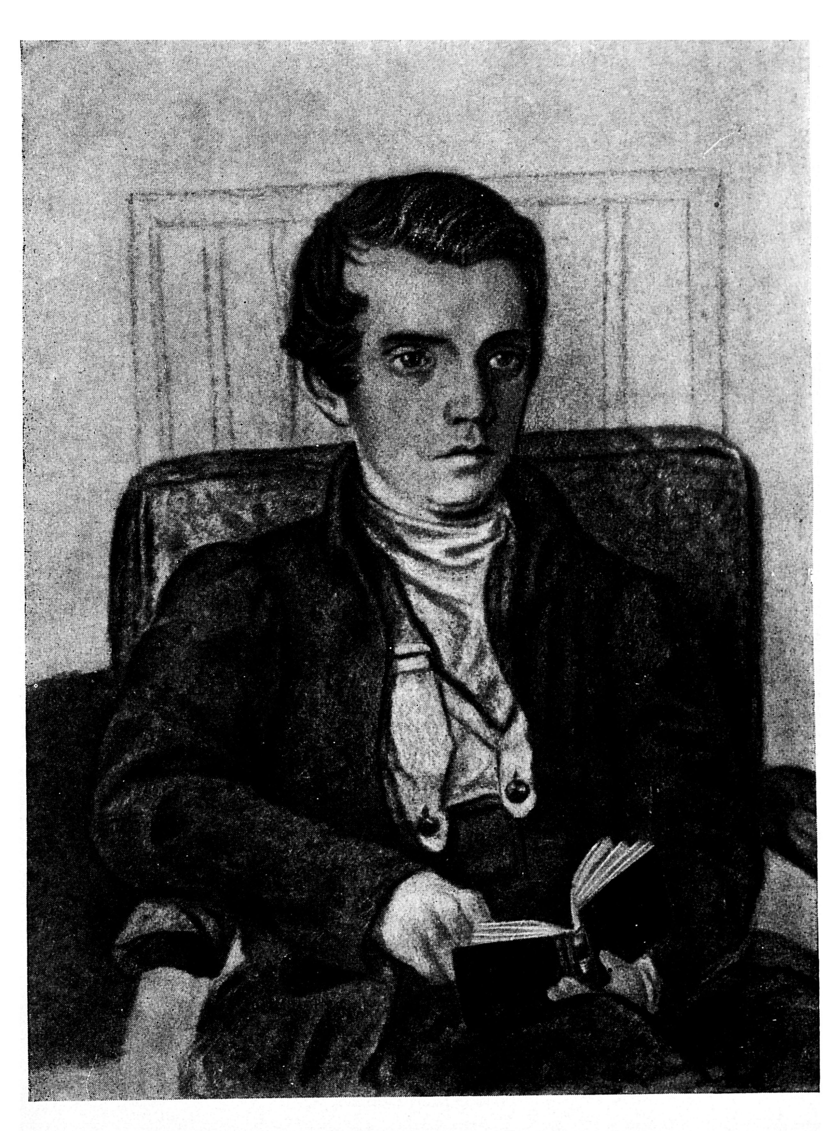
Декабря 14. Е. П. Иванова в письме к Б. из Керенска, удивляясь его долгому молчанию, просит возобновить оборвавшуюся переписку (*ЛН*, т. 57, 160).

Декабря 15. Б. в не дошедшем до нас письме к брату Константину просит выслать ему мордовский словарь (рукопись), составлявшийся К. Г. Белинским (*ЛН*, т. 57, 160, 162).

Декабря около 25. Н. Л. Григорьев в письме к Б. из Чембара сообщает о своем посещении его родных, которых он подробно информировал по поручению Б. о его жизни и работе. Делясь с Б. своими впечатлениями от Чембара, Григорьев жалуется на тоску от полной праздности, отсутствия подходящего общества и книг: «Новостей у нас здесь нет: многие переженились и дурно живут; есть дома новые, но люди в них старые». Ожидая от Б. его перевод «Магдалины» Поль де Кока, Григорьев просит заодно купить и переслать ему «Nouvaux contes philosophiques» Бальзака и «Stello» Виньи (*Бик*, 284—285; ЛН, т. 57, 162—163)*.

Декабря 30. Цензур. разреш. «Телескопа» № 18. В номере мелкие переводные заметки Б. из «Miroire» и окончание перевода Б.: «О поэзии и философии путешествий с древних времен до XVI века» Ф. Дени. Подпись: С франц. В. Б. См. октября 2.

Декабря около 30. Ю. И. Венелин в письме к Погодину негодует по поводу того, что Надеждин, узнав об его тяжелом материальном положении, предложил «наняться у него на будущий год держать корректуру его журнала за квартиру, которую он надеется доставить мне у себя, когда займет свои чертоги в здании университета. Ты знаешь, что корректура

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Акварель Н. Мартынова. 1838

«Телескопа» и «Молвы» поглотила бы у меня все время, ты знаешь, что эта работа просто механическая, черная, что для этой работы можно приголубить у себя бедного недостаточного студента, а в недостатке оного можно нанять за 300 руб. наборщика или же смышленого лакея» (*Барсуков,* IV, 167—168). См. 1834, августа 3.

1833

Б. переписывает для себя конспект лекций М. П. Погодина по русской истории (*ЛН*, т. 56, 337).

1834

Января 4? Московские подписчики получают первую книжку «Библиотеки для чтения», нового ежемесячного журнала, издаваемого А. Ф. Смирдиным под фактической редакцией О. И. Сенковского (*СП*, 1834, № 1). См. января 15 и февраля 6.

Января 4. К. Г. Белинский в письме к Б. жалуется на трудности жизни в провинции. Передавая о встрече с Н. Л. Григорьевым, приехавшим из Москвы, К. Г. Белинский радуется закреплению отношений Б. с Надеждиным, недоумевает по поводу предстоящей поездки Б. в Петербург (поездка эта не состоялась) и обещает прислать Б. просимый последним мордовский словарь (рукопись) в течение ближайшего месяца (*ЛН,* т. 57, 160—163).

Января около 10. М. И. Белынская в письме к Б. поздравляет его с Новым годом, желает успехов в его «должности», о которой ей рассказал Н. Л. Григорьев, и дает два поручения: во-первых, просит посоветоваться с врачами по поводу тяжелой болезни бабушки, для которой «нет лекаря в Чембаре», и, во-вторых, справиться в специальных лавках о стоимости «образа в серебряной ризе, мерою в пять вершков, а шириною в четыре» (*ЛН*, т. 57, 163).

Января 14. Б. получает письмо от брата Константина (*ЛН*, т. 57, 163). См. января 4.

Января 15. Станкевич под впечатлением первой книжки «Библиотеки для чтения» пишет Неверову: «Боже мой! Что это? Так как это журнал литературный, то, прочитав безжизненное стихотворение Пушкина «Гусар» и чуть живое Жуковского, я, чтобы видеть направление журнала, взглянул в отделение критики. Надобно быть невеждою, чтобы писать подобные вещи в наше время. Вкусу ни на грош, логики ни на денежку. Кажется, что подвизается Сенковский. Например: должно ли в исторической драме нарушать свидетельства

истории? Воображение действует, следовательно, история должна быть нарушена... А что толкуют о Кукольнике — беда! Великий Байрон! Великий Кукольник! Если Кукольник не так слаб душою, чтобы мог обольститься лестью невежды, то он должен негодовать на него, если он доволен — прощай поэтический талант, который я в нем допускал» (*Станкевич,* 277).

Января 19. Б. в письме к брату Константину сообщает, что поездка его в Петербург не состоялась, и повторяет просьбу о присылке ему мордовского словаря (см. 1833, декабря 15). Б. признается, что сейчас у него «нет ни копейки денег», но «через месяц, много-много через два участь моя решится; я надеюсь остаться в Москве. Как скоро устроюсь мало-мальски, тогда катай ко мне с мерзавцем Никанором: мне не трудно будет определить тебя в Москве» (*Б,* XI, 109).

Января 20. К. Г. Белинский, посылая Б. около «сотни мордовских слов» (из четырехсот им записанных), пишет ему о болезни матери и снова напоминает о своем желании служить в Москве. Мать посылает Б. «две манишки, чаю немного, да гуся» (*ЛН*, т. 57, 164—165).

Января 22. К. Г. Белинский в письме к Б. рассказывает о пожаре в Чембарском уездном суде. Измученный придирками отца и безобразиями брата Никанора, он умоляет Б. избавить его от Чембара (*ЛН*, т. 57, 166—167).

Февраля 6. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 21. В этом номере помещен перевод Б.: «Испытание кипящею водою». Подпись: С франц. В. Б. (*БВ*, I, 238—249).

В этом же номере начало статьи Надеждина «Здравый смысл и барон Брамбеус», которой открывается полемика «Телескопа» и «Молвы» с «Библиотекой для чтения» *.

Февраля около 10. Б. знакомится у Станкевича с Я. М. Неверовым, приехавшим в отпуск из Петербурга в Москву (*Станкевич,* 278) *.

Марта около 10. П. Я. Петров, приятель Б., уезжает из Москвы в Петербург (*Станкевич,* 280). См. мая 9.

Апреля 3. Повеление Николая I о прекращении издания журнала «Московский телеграф» (*М. Сухомлинов,* 428).

Апреля 21. Б., зайдя в страстную субботу к Станкевичу и Красову, уводит их ночью в Кремль, а затем к заутрене в церковь Козьмы и Дамиана (*Станкевич*, 284—285).

Апреля 25. Е. П. Иванова в письме к Б. благодарит его за заботы о ее младшем брате и недоумевает, почему Б. перестал ей писать (ЛН, т. 57, 192).

Мая около 1. Б. при содействии В. С. Межевича получает заказ на переводную работу. Название и назначение перевода неизвестно (*Б*, XI, 111). См. мая 22.

Мая 9. П. Я. Петров в письме к Б. из Петербурга горячо убеждает его добиваться корректорского места в университетской типографии. Письмо заключается приветом Межевичу, Станкевичу и «всем нашим» (*Бик*, 221—224).

Мая 11. Станкевич пишет Неверову: «Общество, в котором я беседую еще о старых предметах, согревающих душу, ограничивается Красовым и Белинским. Эти люди способны вспыхнуть, прослезиться от всякой прекрасной мысли, от всякого благородного подвига» (*Станкевич,* 287).

Мая около 20. Б. восстанавливает нормальные отношения с Надеждиным, нарушенные в начале года. Этот конфликт явился, видимо, причиной недостаточно активного участия Б. в «Телескопе» и «Молве» (*Учен. зап. СГУ,* XXXI, 234—235). См. мая 25 и июня 4 *.

Мая 22. Б., получив 200 руб. асс. за выполненную им переводную работу (см. мая около 1) и купив необходимую мебель (кровать, стол, стулья), переезжает из квартиры А. П. Иванова в отдельную комнату на Тверской улице, в третьем этаже «дома Варгина, почти против дома генерал-губернатора». За комнату с полным пансионом Б. платит 40 р. асс. в месяц (*Б*, XI, 110). В этой комнате Б. остается до 3 августа.

Мая 25. Б. пишет матери, что начинает отдыхать от «беспрерывных бед», устроился на новой квартире, где получил возможность «заниматься в тишине и уединении науками». Г. И. Карташевский вернул, наконец, ему документы, но Б. твердо решил не покидать Москвы «ни за все блага в мире». Перечисляя источники своих «доходов», Б. говорит о переводной работе, об уроках, отмечает возможность устроиться корректором университетской типографии, но ни словом еще не упоминает о журнальной работе, хотя в этом же письме свидетельствует, что Надеждин «очень ласкает его» и что он «надеется на него, как на каменную гору». Б. заверяет родных, что как только он «получит место и перейдет на казенную квартиру, тотчас возьмет к себе обоих братьев» (*Б,* XI, 110 — 112).

Мая около 30. Письмо Б. к П. Я. Петрову, до нас не дошедшее (*Бик*, 225).

Июня 3. К. Г. Белинский в письме к Б. подтверждает получение его письма от 25 мая, радуется, что Б., «хотя и не определился еще к должности, но живет на своей квартире и имеет хорошие кондиции». Константин просит переслать ему переводы Б. или хотя бы их перечень (*ЛН,* т. 57, 168—169).

Июня 4. П. Я. Петров, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б., выражает свое удовлетворение «счастливой переменой его судьбы» и радуется, что Б. сейчас много работает и пишет. Отрицательно отзываясь о старых своих стихах, Пет-

ров просит Б. ничего из них не печатать и отобрать у Межевича перевод «Джиннов» Гюго (*Бик*, 225—227).

Июня 4. Ф. С. Иванова в письме к Б. извещает о своем приезде по тяжебному делу в Чембар и радуется «устройству его дел» (*ЛН*, т. 57, 169).

Июня 5. М. И. Белынская, отвечая на письмо Б. от 25 мая, рекомендует сыну надеяться больше на бога, чем на «сынов человеческих», советует «жить экономнее» и «беречь денежку на черный день». В Чембаре «всё по-старому»: «отец пьет с месяц умеренно, после этого опять запьет запоем». От Никанора же «совершенно нет никому житья, всех бьет и ругает» (*ЛН*, т. 57, 169—171).

Июня около 10. К. Г. Белинский в письме к Б. передает просьбу матери прислать 50 руб. для «отпущения на волю» их крепостной работницы Авдотьи: «Маменька боится, чтобы Авдотья не сбежала от нас или не решилась на что-нибудь ужасное для себя. Папенька с утра до ночи пьян — ругается, кричит и дерется» (*ЛН*, т. 57, 171—172). См. июля около 12.

Июня 15. Цензур. разреш. «Молвы» № 24. В номере заметка «Литературная новость» (по поводу выхода в свет романа Греча «Черная женщина» и рекламной статьи об этом В. М. Строева). Подпись: — нский. Заметка приписывается Белинскому (*БВ*, I, 250; *ЛН*, т. 57, 565; *НБ*, II, 245 и 459) *.

Июня 29. К. Г. Белинский в письме к Б. умоляет о приискании ему какой-нибудь должности в Москве, ибо он не «чает, как и вырваться из дома родителей по причине худого житья в оном и самой несносной службы в Земском суде» (*ЛН*, т. 57, 172—173).

Июня 30. Д. П. Иванов, друг и родственник Б., оканчивает Московский университет со званием действительного студента (*ЛН*, 56, 427). См. июля 8 *.

Июля 6. Цензур. разреш. «Молвы» № 27. В номере две рецензии за подписью «W», приписываемые без достаточных оснований Б.: «Дедушкины посиделки»; «Любовь моего соседа» Н. Лутковского (*БВ*, 1, 254; *ЛН*, т. 57, 565—566; *НБ*, II, 459).

Июля 8. Станкевич в письме к Красову из Петербурга шлет привет Б., которому просит прочесть и все письмо: «Я перед вами наг» (*Станкевич*, 401).

Июля 8. Б. отправляет с Д. П. Ивановым, едущим в Керенск и Чембар, «целую кипу писем»: отцу, матери, бабушке и брату Константину (*ЛН*, т. 57, 176, 186). Ни одно из этих писем до нас не дошло.

Июля 9. Арест в Москве Н. П. Огарева по делу о «лицах, певших пасквильные стихи» (*Герцен*, VIII, 172, 466).

Июля 12. Н. П. Огарев освобожден из-под ареста на поруки отца (*Герцен*, VIII, 466). См. июля 31.

Июля 12. П. Я. Петров, отвечая на «грамматические письма» Б., считает его работу очень интересной, но рекомендует ему «изложить свою грамматику, по крайней мере так же ясно, как Павлов физику». На вопрос Б. об адресе Бодянского Петров отвечает незнанием (*Бик*, 227—230).

Июля около 12. Б. в письме к матери объясняет, что отдельная комната с пансионом обеспечивает ему возможность серьезной работы: «Наука есть мое счастие, которого я не найду ни в чинах, ни в крестах, а этих детских игрушек я добиваться не намерен. Чтобы заниматься учением, нужно иметь спокойный дух, простор и тишину». Б. жалуется, что от трудных условий жизни он «устал, очень устал». Обращаясь к делам своих родных, Б. выражает возмущение дурным обращением с крепостной Авдотьей (см. июня около 10) и настаивает на скорейшем отпуске ее на волю (*Б*, XI, 112—113).

Июля 13. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 28. В номере перевод Б.: «Месть», из «Путевых впечатлений» А. Дюма (*БВ*, I, 256—278). См. июля 20.

Июля около 15. Станкевич уезжает после окончания университета к родным в их Воронежскую усадьбу, откуда возвращается в Москву в конце января 1835 г. (*А. Корнилов*, I, 97).

Июля 16. П. Я. Петров, отвечая на письмо Б., упрекает его за то, что он пишет только о «спряжениях и склонениях» (*Бик*, 230—231).

Июля 20. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 29. В номере перевод Б.: «Месть», из «Путевых впечатлений» А. Дюма (окончание). Подпись: С франц. В. Белинский. В этой же книжке «Телескопа» напечатан приписываемый Б. перевод статьи К. Мармье «Лейпциг и книжная торговля» (*НБ*, II, 241—242) *.

Июля 20. Д. П. Иванов в письме к Б. извещает его, что, задержавшись в Керенске, он на некоторое время вынужден отложить исполнение поручений Б., связанных с Чембаром (*ЛН*, т. 57, 175).

Июля 21. В Москве арестован А. И. Герцен, привлекаемый к секретному дознанию по делу Н. П. Огарева, В. И. Соколовского и др. (*Герцен*, VIII, 180, 467). См. июля 9.

Июля 31. Н. П. Огарев арестован вторично (*Герцен*, VIII, 466). См. июля 12 и 21.

Июль—август. В Москве происходят многочисленные пожары. Как свидетельствуют современники, «народ волновался, обвинял внешних врагов, во всех видел поджигателей, и стало опасно ходить по улицам! Волненье выходило из границ об-

щественного спокойствия и угрожало бунтом» (*PC,* 1889, № 7, 148). В дневнике Погодина отмечалось, что по делу о поджогах было схвачено до двухсот человек, что «вся Москва не спит по ночам», что «на площади у дома генерал-губернатора предполагалось поставить солдат и пушки» (*Барсуков,* IV, 199).

«История о зажигательствах в Москве в 1834 г., — вспоминает Герцен в «Былом и думах», — остается загадкой. Что поджоги были, в этом нет сомнения; вообще огонь, «красный петух» — очень национальное средство мести у нас» (*Герцен,* VIII, 194).

Августа 3. Б. переселяется в квартиру Н. И. Надеждина, который предоставил ему отдельную комнату, «готовый стол, чай и пр.» (*Б,* XI, 114). См. сентября около 30.

Августа 3. Б. сообщает в письме к брату Константину о своем переезде к Н. И. Надеждину. Б. рассчитывает на корректорское место в университетской типографии, откуда после нового года надеется с помощью Надеждина перейти на должность младшего учителя во вновь открывающейся третьей Московской гимназии. Упомянув, что все ученики его поступают в университет, Б. радуется, что «отделался от них: хлопот много, выгоды мало». Б. полагает, что его «дела с каждым днем идут лучше». Будущность представляется ему «в самой приятной перспективе». Б. приглашает к себе брата Никанора и надеется приискать место в Москве Константину (*Б,* XI, 113—114).

Августа 9. Б. подает прошение о предоставлении ему вакантной должности корректора в типографии Московского императорского университета (*Б,* XI, 590). См. августа 13.

Августа 10. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 32. В номере перевод Б.: «Гора Гемми». Из «Путевых впечатлений» А. Дюма. Подпись: С франц. В. Белинский. В примечании к переводу «Горы Гемми» указывалось, что «г. Белинский переводит все путевые впечатления г. Дюма и намеревается издать их в свет» (*БВ,* I, 278—291; *ЛН,* т. 57, 255—256).

Августа 11. К. Г. Белинский, отвечая на письма Б. от 8 июля и 3 августа, радуется за себя и за брата Никанора в связи с перспективой переезда в Москву. Сообщая Б. о болезни матери, К. Г. Белинский жалуется на отца, из-за пьянства которого «она и не может выздороветь» (*ЛН,* т. 57, 176—177).

Августа 12. П. Я. Петров в письме к Б. отмечает, что, несмотря на все свое уважение к Станкевичу, он с ним не мог сойтись. Одновременно Петров посылает Б. свой стихотворный перевод «Песни Налы из Махабараты» (*Бик,* 231—236).

Августа 13. Правление Московского университета отклоняет прошение Б. о зачислении его на должность корректора с

тем, чтобы в случае открытия вакансии он «обратился бы по принадлежности к начальнику университетской типографии» (*ЛН*, т. 57, 249—250).

Августа 14. Н. И. Надеждин, уехав ревизовать училища Тульской и Рязанской губерний, поручает Б. заведование редакцией журнала «Телескоп» (*Б*, XI, 115). Из этой поездки Надеждин возвратился 21 сентября.

Августа 17. Б. в письме к брату Константину сообщает, что уже две недели «очень недурно» живет в квартире Надеждина. После возвращения Надеждина из командировки Б. рассчитывает переселиться вместе с ним к Сухово-Кобылиным, где ему хотелось бы «познакомиться с московским beau mond'ом». Б. рассказывает брату, что работа в «Телескопе» сближает его с профессорскими кругами. Через несколько недель он надеется занять должность корректора, а пока готовит по истории в университет князя Волконского. Б. предполагает держать при университете экзамены «на приватного учителя», а «через год или два на кандидата». «Месяца через два или через три» Б. рассчитывает «совершенно поправить свои денежные обстоятельства, не жалованьем, а кое-чем другим», о чем сообщит «в свое время» (*Б*, XI, 114—116). Возможно, что Б. имеет в виду предстоящую публикацию «Литературных мечтаний».

Августа 17. К. Г. Белинский в письме к Б. еще раз просит «постараться о скорейшем приискании ему места» и написать отцу, чтобы последний приготовил Никанора к поездке «в рассуждении одежды» (*ЛН*, т. 57, 180—181).

В этот же день Н. Г. Белинский в письме к Б. извещает о согласии отца на переезд его в Москву и умоляет Б. взять его к себе «на свое содержание» (*ЛН*, т. 57, 178).

Августа 17. Д. П. Иванов, удрученный тяжелыми семейными неурядицами в доме Белинских, пишет Б., что положение Константина «час от часу становится хуже и еще будет ужаснее, если мы помедлим его избавлением, ибо дедушка, сверх обыкновенных упреков в тунеядстве, подозревает его в тайных с тобою сношениях, в особенности переписке, целию которой служат домашние обстоятельства и он сам как главное действующее лицо» (*ЛН*, т. 57, 181).

Августа 21. Станкевич в письме к В. И. Красову из села Удеревки просит последнего взять у Б. три тома Мицкевича и два тома словарей. Станкевич просит не читать его писем всякому «встречному», так как он «открыт» только Белинскому и Ефремову (*Станкевич*, 101).

Августа 22. П. Я. Петров в письме к Б. из Петербурга негодует на его полуторамесячное молчание. В письмо вклю-

чается перевод «газели» Гафиза, чтобы Б. получил представление об «мистической поэзии язычества» (*Бик,* 236—238).

Августа 24. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 34. В номере перевод Б.: «Двадцать четыре часа в Риме» Жюля Сандо (*БВ*, I, 291—307). См. августа 31.

В этом же номере опубликованы две рецензии, приписываемые Б.: 1. «Ссыльный». Повесть Павла Иноземцева; 2. «Езда на остров любви». Соч. Тредьяковского. Рецензии подписаны: «Один из языков стоустной Молвы» * (*НБ,* II, 246).

Августа 29. В Чембаре умирает мать Б.— М. И. Белынская (*ЛН,* т. 57, 185; *ВГБП,* 160). См. сентября около 15.

Августа 31. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 35. В номере перевод Б.: «Двадцать четыре часа в Риме» Жюля Сандо (окончание). Подпись: С франц. В. Б. См. августа 24.

Августа 31. Б. в письме к брату Константину отмечает, что, хотя подходящей службы ему в Москве не предвидится, «пора положить конец <его> страданиям»: «Подай в отставку, возьми пачпорт и копию с послужного списка, да и катай с Дмитрием Петровичем <Ивановым> в Белокаменную». Сам Б. продолжает надеяться на корректорское место. В приписке к Д. П. Иванову Б. просит помочь Константину при переезде его в Москву «деньгами и всем нужным» (*Б,* XI, 116—118).

Сентября 6. К. Г. Белинский в письме к Б. рассказывает о последних днях жизни матери (*ЛН,* т. 57, 185).

Сентября 7. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 36. В номере перевод статьи К. Мармье «Германские университеты. Геттинген». Перевод этот приписывается Б. (*НБ,* II, 242, 458—459).

Сентября 7. Прибытие в Москву Николая I. В его свите шеф жандармов Бенкендорф и министр народного просвещения Уваров (*НБ,* II, 249). В Москве Николай I остается до октября 23.

Сентября около 15. Б. узнает от П. Г. Давыдова, заседателя Чембарского уездного суда, приехавшего в командировку в Москву, о смерти своей матери (*ЛН,* т. 57, 182). Потерю эту Б. переживает очень тяжело, впервые познакомясь с «чувством, безотрадным и болезненным, в котором не веришь своей потере, хотя и не сомневаешься в ней» (*Б,* XII, 98).

Сентября около 15. Станкевич получает в Острогожске письмо от Б., до нас не дошедшее (*Станкевич,* 404).

Сентября 17. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 22. В номере (запоздавшем на год) перевод: «Похищение папы» (с франц.). Подпись: —ский (*БВ,* I, 307).

Сентября 17. В. П. Андросов за несколько дней до появления «Литературных мечтаний» писал Краевскому в Петербург: «Мне следует еще поговорить с вами и о нашей московской литературе <...> Что у нас? — Засуха конечная. «Телескоп» заржавел, кажется, невозвратно. Издатель нисколько не заботится, и журнал наполняется бог весть как и чем» (*ЛН*, т. 56, 99).

Сентября 18. Д. П. Иванов, передавая в письме к *Б.* о смерти его матери, старается оправдать поведение отца Б.: «Дедушка человек благороднейший в высшей степени, с чувствами высокими, рожденный с отличными способностями, но убитый мелочною жизнью в Чембаре, заброшенный в дикий бурьян, в круг людей, между которыми тщетно ты будешь искать следов истинного человечества» (*ЛН*, т. 57, 185—188).

Сентября около 18. Письмо Б. к П. Я. Петрову, до нас не дошедшее (*Бик*, 239). См. сентября 22.

Сентября 21. Цензур. разреш. «Молвы» № 38. В номере первый литературно-критический фельетон Б. из цикла «Литературные мечтания (Элегия в прозе)». Без подписи. В первом фельетоне этого цикла Б. сопоставляет минувшее литературное десятилетие с безотрадной картиной современной литературной действительности.

«Гармонические звуки «Полтавы» и «Бориса Годунова» сменились «великим Кукольником», на место повестей Гоголя и Марлинского явились «повести с позволения сказать» г-на Брамбеуса, когда «на поприще замолкнувшей славы» Баратынских и Языковых «величаются» Булгарины, Гречи, Тимофеевы, Ершовы и Калашниковы, когда даже Пушкин, «в сильных и мощных песнях которого впервые пахнуло веянием жизни русской», превратился в автора «Анджело» и «других мертвых безжизненных сказок...» Эту цепь «горестных контрастов» Б. обрывает вопросом: «Или в самом деле — у нас нет литературы?..» (*Б*, I, 20—22). См. сентября 28.

Сентября 21. В Москву возвращается Надеждин, ревизовавший учебные заведения Рязани и Тулы (*НБ*, II, 258).

Сентября около 22. Министр народного просвещения Уваров приглашает к себе Надеждина. С приема министра Надеждин, по словам Погодина, «вернулся без памяти», сообщив друзьям, что он «не ожидал столько добра от Уварова, столько здравого смысла и готовности на все блага» (*Барсуков*, IV, 210). Ср. *Б*, I, 102.

Сентября 22. П. Я. Петров, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б., возмущается тем, что из-за «пустого журнала» Б. забросил свои работы по русской грамматике (*Бик*, 238—241).

Сентября 28. Цензур. разреш. «Молвы» № 39. В номере второй фельетон из цикла «Литературные мечтания». Выдвинув тезис «у нас нет литературы», не раз уже выдвигавшийся в статьях Бестужева-Марлинского, И. В. Киреевского и Надеждина, Б. направляет его против «патриотически-торговой» журналистики, в первую очередь против «Библиотеки

для чтения». Б. отбрасывает традиционное понятие слова «литература» и выдвигает свое понимание литературы как «собрания такого рода художественно-словесных произведений, которые суть плод свободного вдохновения и дружных (хотя и неусловленных) усилий людей, созданных для искусства, дышащих для одного его и уничтожающихся вне его, вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны <...>, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений» (*Б*, I, 22—25). Статья не подписана. См. октября 12.

Сентября 28. Б. в письме к родным откликается на горестное известие о кончине матери (*ЛН*, т. 57, 188—189). Письмо это до нас не дошло.

Сентября около 30? Надеждин переселяется в дом Сухово-Кобылиных в качестве «домашнего наставника» их детей (*Н. Козмин,* 465). *Б.* некоторое время, видимо, остается в квартире, которую занимал Надеждин в доме Римского-Корсакова, у Страстного монастыря.

Сентябрь? — октябрь? Б. сближается с И. П. Клюшниковым, с которым был знаком уже около года: «Мы с ним столкнулись не вотще, — писал впоследствии Б. об этом знакомстве, — долго он был для меня авторитетом» (*Б*, XI, 355).

Октября около 5. Б., прочитав в октябрьской книжке «Библиотеки для чтения» элегию Пушкина «Безумных лет угасшее веселье», «потрясен глубоким чувством, которым дышит это создание», заключающее в себе, как он полагает, «самую верную характеристику Пушкина как художника» («Порой опять гармонией упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь»). Под впечатлением этой «Элегии» Б. вновь начинает «верить и думать, что Пушкин подарит нас новыми созданиями, которые будут выше прежних» (*Б,* I, 73—74). См. декабря 14.

Октября 6. П. Я. Петров в письме к Б. подробно информирует его о своих занятиях восточными языками и корит Б. за то, что он стал писать «мало и лениво» (*Бик*, 241—243).

Октября 12. Цензур. разреш. «Молвы» № 41. В номере третий фельетон Б. из цикла «Литературные мечтания». Определяя искусство как «выражение великой идеи вселенной в ее бесконечно разнообразных явлениях», Б. утверждает, что «все искусство поэта должно состоять в том, чтобы поставить читателя на такую точку зрения, с которой бы ему видна была вся природа в сокращении, в миниатюре, как земной шар на ландкарте, чтобы дать ему почувствовать веяние, дыхание этой жизни, которая одушевляет вселенную, сообщить его душе этот огонь, который согревает ее». Истинный поэт должен

охватить мир во всей полноте его многообразия, не навязывая своего отношения к этому миру и избегая односторонности: «Высочайший зенит художественного совершенства» — драмы «божественного, великого, недостижимого Шекспира», который «постиг и ад, и землю, и небо: царь природы, он взял равную дань и с добра и с зла и подсмотрел в своем вдохновенном ясновидении биение пульса вселенной» (*Б,* I, 25—34). Статья не подписана. См. октября 20.

Октября 16. Станкевич в письме к В. И. Красову из д. Удеревки дружески упоминает о Б. (*Станкевич*, 404).

Октября 18. К. Г. Белинский, отвечая на письма Б. от 31 августа и 28 сентября, информирует его о своих сборах в Москву. В приписке к письму сестра Б., Александра, выражает надежду, что «милый братец» ее «не бросит» (*ЛН*, т. 57, 188—189).

Октября 20. Цензур. разреш. «Молвы» № 42. В номере четвертый фельетон из цикла «Литературные мечтания».

«Только живя самобытною жизнию, — пишет Б., — может каждый народ принесть свою долю в общую сокровищницу». «Народ, насильственно введенный в чуждую ему сферу, похож на связанного человека, которого бичом понуждают к бегу. Всякий народ может перенимать у другого, но он необходимо налагает печать собственного гения на эти займы, которые у него принимают характер подражаний». Далее Б., характеризуя процесс развития русской государственности, в деятельности императора Петра I усматривает причины отрыва культуры верхов русского общества от «массы народа». В то время как первые «пошли по пути, на который их ринула <...> рука гения», и, «заняв формы европеизма», сделались «только пародией европейца», вторая «осталась тем, что была» (*Б,* I, 34—40). Статья не подписана. См. ноября 10.

Октября около 20. Письмо Б. к Станкевичу, до нас не дошедшее (*Станкевич*, 408). См. октября 30.

Октября 30. Станкевич, отвечая на письмо Б., до нас не дошедшее, благодарит его «за все известия», но не знает: радоваться ли ему по поводу «обращения» Б.: «Новая система, вероятно, удовлетворит тебя не более старой, хотя и удалит многие вопросы, не разрешив их, впрочем, вполне» (*Станкевич*, 408—409). См. октября 20.

Октябрь — ноябрь. Б. работает над переводом книги Сильвестра де Саси: «Principes de grammaire générale, mis à la portée des enfants» (*«Молва»*, 1834, № 48. Ср. *Б,* I, 117). Перевод остался незаконченным. Рукопись до нас не дошла.

Октябрь? Ноябрь? Б. встречается у М. А. Владыкиной, приехавшей из Чембара в Москву, со студентом I курса

Ф. И. Буслаевым, которого знал еще в Пензе (*Ф. И. Буслаев,* Мои воспоминания. — *ВЕ,* 1890, XI, 9).

Ноября около 1. В Москве арестован А. П. Иванов, двоюродный брат Б. (*ЛН*, т. 57, 190; *Б*, XI, 119). См. ноября 22.

Ноября 7. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 23. В номере анонимные переводы Б.: «Отчего в Риме не было трагедий (Соч. Низара)»; «Беата, 1780» (перев. с французского). См. 1835, мая 15.

Ноября 10. Цензур. разреш. «Молвы» № 45. В номере пятый фельетон из цикла «Литературные мечтания» и рецензия: «Ночь на Рождество Христово». Соч. К. Баранова. Рецензия подписана: — он — инский; фельетон без подписи.

«Масса народа и общество, — отмечает Б. в «Литературных мечтаниях», — пошли у нас врозь». Забыв «поэтические предания», «прекрасные» песни народа и даже самый русский язык, общество «создало себе литературу, которая была верным его зеркалом». С этих позиций Б. характеризует крупнейших представителей русской литературы XVIII в., протестуя против «какого-то жалкого детского благоговения к авторитетам», царствующего в русской критике, когда «мы и в литературе высоко чтим табель о рангах и боимся говорить вслух правду о высоких персонах». Б. сомневается в «поэтическом призвании» Кантемира и считает его «прославленные сатиры скорее плодом ума и холодной наблюдательности, чем живого и горячего чувства»: «Он был иностранец, следовательно, не мог сочувствовать народу и разделять его надежд и опасений; ему было сполагоря смеяться». Называя Ломоносова «Петром нашей литературы», ибо он доказал, что «русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца», Б. сожалеет, что, «прельщенный блеском иноземного просвещения, он закрыл глаза для родного». Сумароков «думал быть русским Вольтером», но «при рабской подражательности Ломоносову <...> не имел ни искры его таланта» (*Б,* I, 40—45). См. ноября 16.

Ноября 16. Цензур. разреш. «Молвы» № 46. В номере шестой фельетон Б. из цикла «Литературные мечтания». Характеризуя «век Екатерины», Б. усматривает его отличительную черту в народности, ибо «тогда Русь, стараясь по-прежнему подделываться под чужой лад, как будто на зло самой себе, оставалась Русью». Два поэта отразили в литературе эту эпоху: «громкозвучные песни Державина были символом могущества, славы и счастия Руси; едкие и остроумные карикатуры Фонвизина были органом понятий и образа мыслей образованнейшего класса людей тогдашнего времени». Обращаясь к комедиям Фонвизина, Б. утверждает, что «предмет комедии не есть исправление нравов или осмеяние какихнибудь пороков общества, нет: комедия должна живописать

несообразность жизни с целию, должна быть плодом горького негодования, возбуждаемого унижением человеческого достоинства, должна быть сарказмом, а не эпиграммою, судорожным хохотом, а не веселою усмешкою, должна быть писана желчью, а не разведенною солью, словом, должна обнимать жизнь в ее высшем значении, то есть в ее вечной борьбе между добром и злом, любовию и эгоизмом. Так ли у Фонвизина? Его дураки очень смешны и отвратительны, но это потому, что они не создания фантазии, а слишком верные списки с натуры; его умные суть не иное что, как выпускные куклы, говорящие заученные правила благонравия; и все это потому, что автор хотел учить и исправлять». Осудив комедии Фонвизина как «плод остроумия, но не создание фантазии и горячего чувства», Б. полагает, однако, что «они все-таки несравненно выше всего, что ни написано у нас по сию пору в сем роде, кроме «Горя от ума». Свой пересмотр наследия русских поэтов XVIII столетия Б. заключает признанием, что «только один Державин был таким поэтом, имя которого мы с гордостью можем поставить подле великих имен поэтов всех веков и народов, ибо он один был свободным и торжественным выражением своего великого народа и своего дивного времени» (*Б*, I, 45—52). Статья не подписана. См. декабря 7.

Ноября 22. К. Г. Белинский в письме к Б. сообщает, что отъезд его в Москву задержался из-за распространившегося в Чембаре слуха об аресте А. П. Иванова. Он просит Б. уведомить его о верности этого слуха и дать решительный ответ, ехать ли ему в Москву, служить ли в Пензе, или оставаться в Чембаре, где с нового года «открываются штаты» (*ЛН,* т. 57, 190—191).

Ноября 23. Цензур. разреш. «Молвы» № 47. В номере рецензия Б.: «Грамматика языка русского. Ч. I. Познание слов. Соч. И. Ф. Калайдовича». Окончание рецензии см. ноября 30.

Ноября 26. И. И. Лажечников в письме к Б. из Твери сообщает о том, что он рекомендовал его А. М. Полторацкому, богатому москвичу, страстному охотнику «писать и печататься», нуждающемуся в хорошем литературном секретаре (см. далее стр. 88). В этом же письме Лажечников высоко оценивает «Литературные мечтания» и просит сообщить ему имя автора этих «бойких и умных» статей (*Бик,* 174).

Ноября 30. Цензур. разреш. «Молвы» № 48. В номере окончание рецензии Б.: «Грамматика языка русского. Ч. I. Познание слов. Соч. И. Ф. Калайдовича (окончание)». Подпись: — он — инский. См. ноября 23.

Декабря 7. Цензур. разреш. «Молвы» № 49. В номере седьмой фельетон из цикла «Литературные мечтания» и рецензия: «Повести Безумного <И. В. Селиванова>». Рецензия подписана: — он — инский.

Стержневой темой новой части «Литературных мечтаний» являлась характеристика Карамзина и его школы: «Карамзин отметил своим именем эпоху в нашей словесности; его влияние на современников было так велико и сильно, что целый период нашей литературы от девяностых до двадцатых годов по справедливости называется периодом Карамзинским. Одно уже это достаточно доказывает, что Карамзин по своему образованию целою головою превышал своих современников. За ним еще и по сию пору, хотя нетвердо и неопределенно, кроме имени историка, остаются имена писателя, поэта, художника, стихотворца». Критическое рассмотрение «прав» Карамзина на эти «титла» приводит Б. к заключению, что произведения Карамзина, успешно выполнившие «высокую миссию» приучения «русской публики к чтению», очень быстро устарели, — оттого, что их автор «редко был в них искренен и естествен. Век фразеологии для нас проходит; по нашим понятиям фраза должна прибираться для выражения мысли или чувства; прежде мысль и чувство приискивались для звонкой фразы. Знаю, что мы еще и теперь не безгрешны в этом отношении; по крайней мере теперь, если легко выставить мишуру за золото, ходули ума и потуги чувства за игру ума и пламень чувства, то ненадолго, и чем живее обольщение, тем бывает мстительнее разочарование; чем больше благоговения к ложному божеству, тем жесточайшее поношение наказывает самозванца <...>. Посему ныне едва ли найдется такой добренький простачок, который бы поверил, что обильные потоки слез Карамзина изливались от души и сердца, а не были любимым кокетством его таланта, привычными ходульками его авторства».

Б. ставит вопрос, «столько ли он <Карамзин> сделал, сколько мог, или меньше?» и отвечает: «меньше. Он отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстоял ему развернуть пред глазами своих соотечественников великую и обольстительную картину вековых плодов просвещения, успехов цивилизации и общественного образования, благородных представителей человеческого рода. Ему так легко было это сделать! Его перо было так красноречиво. Его кредит у современников был так велик. И что ж он сделал вместо всего этого? Чем наполнены его «Письма русского путешественника»? Мы узнаем из них, по большой части, где он обедал, где ужинал, какое кушанье подавали ему и сколько взял с него трактирщик; узнаем, как г. Б. волочился за г-жою N и как белка оцарапала ему нос; как восходило солнце над какою-нибудь швейцарскою деревушкою, из которой шла пастушка с букетом роз на груди и гнала перед собою корову. Стоило ли из этого ездить так далеко?..» Б. утверждает, что «ничтожность «Писем русского путешественника» происходит больше от личного характера автора, чем от недостатка сведений. Он

не совсем рошо знал нужды России в умственном отношении. О стихах его нечего много говорить: это те же фразы, только с рифмами. В них Карамзин, как и везде, является преобразователем языка, а отнюдь не поэтом. Вот недостатки сочинений Карамзина, вот причина, что он так был скоро забыт, что он едва не пережил своей славы. Справедливость требует заметить, что его сочинения там, где он не увлекается сентиментальностию и говорит от души, дышат какою-то сердечною теплотою; это особенно заметно в тех местах, где он говорит о России. Да, он любил добро, любил отечество, служил ему сколько мог; имя его бессмертно, но сочинения его, исключая «Истории», умерли, и не воскреснуть им, несмотря на все возгласы людей, подобных гг. Иванчину-Писареву и Оресту Сомову» (*Б*, I, 56—60). В этой же части «Литературных мечтаний» Б. кратко характеризовал Дмитриева, Озерова, Крылова, Капниста, Жуковского, Батюшкова, Мерзлякова, Воейкова, Вяземского. Особенно высоко оценил Б. басни Крылова, «гениального поэта русского, неизмеримо возвышающегося над всеми своими соперниками». Басни Крылова являлись для Б. «самым убедительнейшим доказательством того, что литература непременно должна быть народною, если хочет быть прочною и вечною». Характеризуя Мерзлякова, Б. отметил его «несколько бессмертных песен»; в двух строчках о Гнедиче и Милонове Б. сказал, что это «были истинные поэты: если их теперь мало почитают, то это потому, что они слишком рано родились» (*Б*, I, 60—65). По причинам, видимо не зависящим от самого Б., он не упомянул в своем обзоре даже имени Радищева. В «Литературных мечтаниях» отсутствовали также имена Нарежного, А. А. Шаховского, Катенина.

Декабря 12. Дата окончания «Литературных мечтаний», отмеченная в печатном тексте последнего фельетона: «Чембар. 1834, декабря 12 дня» (*Б*, I, 516). Ссылка на Чембар (подсказанная, может быть, Надеждиным) снимала с редакции «Молвы» ответственность за «Литературные мечтания», подчеркивая непрофессиональный характер статьи, полученной якобы из глухой провинции. В действительности Б. не был в Чембаре с 1830 г. *

Декабря 12. Публикация в «Московских ведомостях» объявления Н. И. Надеждина о подписке на его журналы: «Телескоп — журнал современного просвещения, будет издаваться и на следующий, 1835 год, в числе двадцати четырех книжек, выходящих по 2 раза в месяц. При нем Молва, газета мод и новостей, будет выходить по-прежнему в числе 52 печатных листов, раздающихся еженедельно в субботу. Подписка на журнал и на газету принимается вместе, неразрывно. Цена в Москве 45 р., с пересылкою в другие города 50 р. асс. Только для подписавшихся у самого издателя, живу-

щего у Тверских ворот, против Страстного монастыря, в доме Римского-Корсакова, редакция принимает верность пересылки на свою ответственность» (*МВед.*, 1834, № 99). Объявление перепечатано в «Московских ведомостях» от 19 декабря 1834 г., № 101.

Декабря 14. Цензур. разреш. «Молвы» № 50. В номере восьмой фельетон Б. из цикла «Литературные мечтания». Статья не подписана.

«За Карамзинским периодом нашей словесности, — писал Б., — последовал период Пушкинский, продолжавшийся почти ровно десять лет. Говорю Пушкинский, ибо кто не согласится, что Пушкин был главою этого десятилетия, что все тогда шло от него и к нему?..

Пушкин был совершенным выражением своего времени. Одаренный высоким поэтическим чувством и удивительною способностию принимать и отражать все возможные ощущения, он перепробовал все тоны, все лады, все аккорды своего века; он заплатил дань всем великим современным событиям, явлениям и мыслям, всему, что только могла чувствовать тогда Россия, переставшая верить в несомненность вековых правил, самою мудростию извлеченных из писаний великих гениев, и с удивлением узнавшая о других правилах, о других мирах мыслей и понятий и новых, неизвестных ей дотоле взглядах на давно известные ей дела и события. Несправедливо говорят, будто он подражал Шенье, Байрону и другим: Байрон владел им не как образец, но как явление, как властитель дум века, а я сказал, что Пушкин заплатил свою дань каждому великому явлению. Да, Пушкин был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества; но мира русского, но человечества русского <...> Баловень природы, он, шаля и играя, похищал у ней пленительные образы и формы, и, снисходительная к своему любимцу, она роскошно оделяла его теми цветами и звуками, за которые другие жертвуют ей наслаждениями юности, которые покупают у ней ценою отречения от жизни... Как чародей, он в одно и то же время исторгал у нас и смех и слезы, играл по воле нашими чувствами... Он пел, и как изумлена была Русь звуками его песен: и не диво, она еще никогда не слыхала подобных; как жадно прислушивалась она к ним: и не диво, в них трепетали все нервы ее жизни! <...>

Пушкин царствовал десять лет: «Борис Годунов» был последним великим его подвигом; в третьей части полного собрания его стихотворений замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не узнаем Пушкина: он умер или, может быть, только обмер на время. Может быть, его уже нет, а может быть, он и воскреснет, это вопрос, это гамлетовское быть или не быть скрывается во мгле будущего. По крайней мере, судя по его сказкам, по его поэме «Анджело» и по другим произведе-

ниям, обретающимся в «Новоселье» и «Библиотеке для чтения», мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю».

Характеризуя литературную борьбу двадцатых годов, Б. в этой же статье заявлял: «Можно сказать утвердительно, что только в прошлое десятилетие проявилась в нашей литературе жизнь, и какая жизнь! Тревожная, кипучая, деятельная! Жизнь есть действование, действование есть борьба, а тогда боролись и дрались не на живот, а на смерть. У нас нападают иногда на полемику, в особенности журнальную. Это очень естественно. Люди, хладнокровные к умственной жизни, могут ли понять, как можно предпочитать истину приличиям и из любви к ней навлекать на себя ненависть и гонение? О, им никогда не постичь, что за блаженство, что за сладострастие души, сказать какому-нибудь гению в отставке без мундира, что он смешон и жалок с своими детскими претензиями на великость, растолковать ему, что он не себе, а крикуну-журналисту обязан своею литературною значительностию; сказать какому-нибудь ветерану, что он пользуется своим авторитетом на кредит, по старым воспоминаниям или по старой привычке; доказать какому-нибудь литературному учителю, что он близорук, что он отстал от века и что ему надо переучиваться с азбуки; сказать какому-нибудь выходцу бог весть откуда, какому-нибудь пройдохе и Видоку, какому-нибудь литературному торгашу, что он оскорбляет собою и эту словесность, которой занимается, и этих добрых людей, кредитом коих пользуется, что он наругался и над святостию истины и над святостию знания, заклеймить его имя позором отвержения, сорвать с него маску, хотя бы она была и баронская, и показать его свету во всей его наготе! Говорю вам, во всем этом есть блаженство неизъяснимое, сладострастие безграничное! Конечно, в литературных сшибках иногда нарушаются законы приличия и общежительности; но умный и образованный читатель пропустит без внимания пошлые намеки о желтяках, об утиных носах, семинаристах, гаре, полугаре, купцах и аршинниках; он всегда сумеет отличить истину ото лжи, человека от слабости, талант от заблуждения; читатели же невежды не сделаются от того ни глупее, ни умнее. Будь все тихо и чинно, будь везде комплименты и вежливости, тогда какой простор для бессовестности, шарлатанства, невежества: некому обличить, некому изречь грозное слово правды!..»

Статья заключалась краткой характеристикой поэтов пушкинской поры — Баратынского, Козлова, Дениса Давыдова, Языкова, Ф. Глинки, Подолинского, Дельвига — «талантов, теперь большею частию забытых или готовящихся быть забытыми, но некогда имевших алтари и поклонников» (*Б*, I, 65—76). Имена поэтов-декабристов — Рылеева, Кюхельбекера, А. Одоевского и др. Белинский упомянуть не мог.

Декабря около 20. Б., прощаясь со своим университетским товарищем Прозоровым, уезжающим на службу в провинцию, дарит ему «Дон-Карлоса» Шиллера в переводе М. Лихонина и последние номера «Молвы» (*БдЧ*, 1859, XII, 14).

Декабря 21. Цензур. разреш. «Молвы» № 51. В номере девятый фельетон Б. из цикла «Литературные мечтания». Статья не подписана.

В этой статье Б. дает общие характеристики мастерства Грибоедова и Бестужева-Марлинского. Первого из них Б. определяет как «поэта оригинального и самобытного, не признавшего над собою влияния Пушкина и едва ли не равного ему». Высоко оценивая «Горе от ума», как «первую русскую комедию», образы которой «не выдуманы, а сняты с натуры во весь рост, почерпнуты со дна действительной жизни», Б. подчеркивает значение драмы, как самого действенного вида искусства: «Между искусствами драма есть то же, что история между науками. Человек всегда был и будет самым любопытнейшим явлением для человека, а драма представляет этого человека в его вечной борьбе с своим *я* и с своим назначением, в его вечной деятельности, источник которой есть стремление к какому-то темному идеалу блаженства, редко им постигаемого и еще реже достигаемого. Сама эпопея от драмы занимает свое достоинство: роман без драматизма вял и скучен. В некотором смысле эпопея есть только особенная форма драмы. Итак, положим, что драма есть если не лучший, то ближайший к нам род поэзии. Что же такое театр, где эта могущественная драма облекается с головы до ног в новое могущество, где она вступает в союз со всеми искусствами, призывает их на свою помощь и берет у них все средства, все оружия, из коих каждое, отдельно взятое, слишком сильно для того, чтобы вырвать вас из тесного мира сует и ринуть в безбрежный мир высокого и прекрасного?»

В этой же статье Б. говорит о своем отношении к театру: «Театр!.. Любите ли вы театр так, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театр больше всего на свете, кроме блага и истины?» Патетические страницы о театре завершаются постановкою вопроса о русском национальном театре: «О, как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, русский театр! В самом деле, — видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гроба могуществом фантазии, видет биение пульса ее могучей жизни... О, ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если можете!»

Переходя к повестям Марлинского, Б. предупреждает: «Это один из самых примечательнейших наших литераторов. Он

теперь безусловно пользуется самым огромным авторитетом: теперь перед ним все на коленах; если еще не все в один голос называют его *русским Бальзаком*, то потому только, что боятся унизить его этим и ожидают, чтобы французы назвали Бальзака *французским Марлинским*». Б. признается, что «страшно выходить на бой с общественным мнением и восставать явно против его идолов», но решается «на это не столько по смелости, сколько по бескорыстной любви к истине»:

«На безлюдье истинных талантов в нашей литературе талант г. Марлинского, конечно, явление очень примечательное. Он одарен остроумием неподдельным, владеет способностью рассказа, нередко живого и увлекательного, умеет иногда снимать с природы картинки-загляденье. Но вместе с этим нельзя не сознаться, что его талант чрезвычайно односторонен, что его претензии на пламень чувства весьма подозрительны, что в его созданиях нет никакой глубины, никакой философии, никакого драматизма; что вследствие этого все герои его повестей сбиты на одну колодку и отличаются друг от друга только именами; что он повторяет себя в каждом новом произведении; что у него более фраз, чем мыслей, более риторических возгласов, чем выражений чувства. У нас мало писателей, которые бы писали столько, как г. Марлинский; но это обилие происходит не от огромности дарования, не от избытка творческой деятельности, а от навыка, от привычки писать».

Правоту своих суждений Б. доказывает апелляцией к Бальзаку: «Посмотрите на Бальзака: как много написал этот человек, и, несмотря на то, есть ли в его повестях хотя один характер, хотя одно лицо, которое бы сколько-нибудь походило на другое? О, какое непостижимое искусство обрисовывать характеры со всеми оттенками их индивидуальности. Не преследовал ли вас этот грозный и холодный облик Феррагуса, не мерещился ли он вам и во сне и наяву, не бродил ли за вами неотступною тенью? О, вы узнали бы его между тысячами, и между тем в повести Бальзака он стоит в тени, обрисован слегка, мимоходом, и застановлен лицами, на коих сосредоточивается главный интерес поэмы. Отчего же это лицо возбуждает в читателе столько участия и так глубоко врезывается в его воображении? Оттого, что Бальзак не выдумал, а создал его, оттого, что он мерещился ему прежде, нежели была написана первая строка повести, что он мучил художника до тех пор, пока он не извел его из мира души своей в явление, для всех доступное <...> Сколько женских портретов вышло из-под плодотворной кисти Бальзака, и между тем повторил ли он себя хоть в одном из них?.. Таковы ли в сем отношении создания г. Марлинского? Его Аммалат-Бек, его полковник В. + + +, его герой «Страшного гаданья», его капитан Правин —

все они родные братцы, которых различить трудно самому их родителю <...>

Где же творчество? Притом сколько натяжек. Можно сказать, что натяжка у г. Марлинского такой конек, с которого он редко слезает. Ни одно из действующих лиц его повестей не скажет ни слова просто, но вечно с ужимкой, вечно с эпиграммою или с каламбуром; словом, у г. Марлинского каждая копейка ребром, каждое слово с завитком».

В этой же своей статье Б. резко отрицательно характеризует романы Булгарина, положительно характеризует первые литературно-критические статьи Надеждина, с большим уважением говорит об историко-литературных трудах, критических статьях и стихотворных переводах Шевырева, хотя в оригинальных его стихотворениях находит «более усилия ума, чем излияние горячего вдохновения». Попутно, как о таланте «одностороннем, но тем не менее и замечательном», Б. говорит о Полежаеве (*Б,* I, 76—87). См. декабря 29.

Декабря 21. В «Молве» № 51 помещена заметка «Из письма к издателю» Лажечникова, который протестует против ошибок Белинского и Межевича, приписавших его песню «Сладко пел душа-соловушка» Мерзлякову (*Б,* I, 525—526). На эту заметку Б. ответил 29 декабря в «Литературных мечтаниях» (*Б,* I, 96).

Декабря 29. Цензур. разреш. «Молвы» № 52. В номере последняя (десятая) статья Б. из цикла «Литературные мечтания». Подпись: — он — инский. Чембар. 1834, декабря 12 дня (см. декабря 12). В этом же номере рецензия Б. на три новые исторические повести: «Регентство Бирона. Повесть. Соч. К. Масальского»; «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году. Соч. Н. Коншина»; «Шигоны. Русская повесть XVI столетия». Подпись: —он —инский.

Характеризуя в заключительной статье «Литературных мечтаний» четвертый период нашей литературы, то есть современный ее этап, Б. утверждал: «Романтизм — вот первое слово, огласившее Пушкинский период; народность — вот альфа и омега нового периода. Как тогда всякий бумагомаратель из кожи лез, чтобы прослыть романтиком, так теперь всякий литературный шут претендует на титло народного писателя <...> Мне кажется, что это стремление к народности произошло оттого, что все живо почувствовали непрочность нашей подражательной литературы и захотели создать народную, как прежде силились создать подражательную. Итак, опять цель, опять усилия, опять старая погудка на новый лад? Но разве Крылов потому народен в высочайшей степени, что старался быть народным? Нет, он об этом нимало не думал; он был народен, потому что не мог не быть народным: был народен бессознательно и едва ли знал цену этой

народности, которую усвоил созданиям своим без всякого труда и усилия. По крайней мере его современники мало умели ценить в нем это достоинство: они часто упрекали его за низкую природу и ставили на одну с ним доску прочих баснописцев, которые были несравненно ниже его. Следовательно, наши литераторы, с такою ревностию заботящиеся о народности, хлопочут по-пустому. И в самом деле, какое понятие имеют у нас вообще о народности? Все, решительно все смешивают ее с простонародностию и отчасти с тривиальностию. Но это заблуждение имеет свою причину, свое основание, и на него отнюдь не должно нападать с ожесточением. Скажу более: в отношении к русской литературе нельзя иначе понимать народности. Что такое народность в литературе? Отпечаток народной физиономии, тип народного духа и народной жизни; но имеем ли мы свою народную физиономию? Вот вопрос трудный для решения. Наша национальная физиономия всего больше сохранилась в низших слоях народа; посему наши писатели, разумеется владеющие талантом, бывают народны, когда изображают, в романе или драме, нравы, обычаи, понятия и чувствования черни. Но разве одна чернь составляет народ? Ничуть не бывало. Как голова есть важнейшая часть человеческого тела, так среднее и высшее сословие составляют народ по преимуществу. Знаю, что человек во всяком состоянии есть человек, что простолюдин имеет такие же страсти, ум и чувства, как и вельможа, и посему так же, как и он, достоин поэтического анализа; но высшая жизнь народа преимущественно выражается в его высших слоях или, вернее всего, в целой идее народа. Посему, избрав предметом своих вдохновений одну часть оного, вы непременно впадете в односторонность». И далее: «Наше общество еще слишком юно, еще не установилось, еще не освободилось от европейской опеки; его физиономия еще не выяснилась и не выформировалась. «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Цыган» мог написать всякий европейский поэт, но «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова» мог написать только поэт русский. Безотносительная народность доступна только для людей свободных от чуждых иноземных влияний, и вот почему народен Державин. Итак, наша народность состоит в верности изображения картин русской жизни».

От этих общетеоретических соображений Б. переходит к характеристике тех произведений новейших русских прозаиков, в которых получило отражение «народное» направление, — к повестям и романам Загоскина, Погодина, Ушакова, Вельтмана, Лажечникова, В. Ф. Одоевского и Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки»). Попутно Б. замечает, что со времени выхода в свет первой части альманаха «Новоселье» наметился еще один период «нашей словесности», который «можно и должно назвать Смирдинским, ибо А. Ф. Смирдин яв-

ляется главою и распорядителем сего периода. Всё от него и всё к нему; он одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты; он дает направление и указывает путь этим гениям и полугениям, не дает им лениться, словом, производит в нашей литературе жизнь и деятельность». И далее: «Какие же гении Смирдинского периода словесности? Это гг. барон Брамбеус, Греч, Кукольник, Воейков, Калашников, Масальский, Ершов и мн. др. Что сказать о них? Удивляюсь, благоговею — и безмолвствую».

В заключительных страницах «Литературных мечтаний» Б., обращаясь к своим читателям, писал:

«Я начал мою статью с того, что у нас нет литературы: не знаю, убедило ли вас в этой истине мое обозрение; только знаю, что если нет, то в том виновато мое неуменье, а отнюдь не то, чтобы доказываемое мною положение было ложно. В самом деле, Державин, Пушкин, Крылов и Грибоедов — вот все ее представители; других покуда нет и не ищите их. Но могут ли составить целую литературу четыре человека, являвшиеся не в одно время? И притом разве они были не случайными явлениями? <...>

У нас было много талантов и талантиков, но мало, слишком мало художников по призванию, то есть таких людей, для которых писать и жить, жить и писать — одно и то же, которые уничтожаются вне искусства, которым не нужно протекций, не нужно меценатов, или, лучше сказать, которые гибнут от меценатов, которых не убивают ни деньги, ни отличия, ни несправедливости, которые до последнего вздоха остаются верными своему святому призванию. У нас была эпоха схоластицизма, была эпоха плаксивости, была эпоха стихотворства, эпоха романов и повестей, теперь наступила эпоха драмы; но еще не было эпохи искусства, эпохи литературы. Стихотворчество наше кончилось; мода на романы, видимо, проходит; теперь терзаем драму. И все это без причины, все это из подражательности: когда же наступит у нас истинная эпоха искусства?»

«Она наступит, будьте в том уверены! Но для этого надо сперва, чтобы у нас образовалось общество, в котором бы выразилась физиономия могучего русского народа, надобно, чтобы у нас было просвещение, созданное нашими трудами, возращенное на родной почве. У нас нет литературы; я повторяю это с восторгом, с наслаждением, ибо в сей истине вижу залог наших будущих успехов. Присмотритесь хорошенько к ходу нашего общества, и вы согласитесь, что я прав. Посмотрите, как новое поколение, разочаровавшись в гениальности и бессмертии наших литературных произведений, вместо того чтобы выдавать в свет недозрелые творения, с жадностию предается изучению наук и черпает живую воду просвещения в самом источнике. Век ребячества проходит, видимо. И дай бог, чтобы он прошел скорее! Но еще более, дай бог, чтобы поско-

рее все разуверились в нашем литературном богатстве! Благородная нищета лучше мечтательного богатства! Придет время, просвещение разольется в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа. Но теперь нам нужно ученье! ученье! ученье!» (*Б*, I, 87—104).

Публикация «Литературных мечтаний» привлекает к Б. внимание всей московской литературной общественности.

«Мало кому из молодых писателей, — писал впоследствии Лажечников об успехе первой программной статьи Б., — случалось начинать свое поприще так смело, сильно и самостоятельно. Б. выступил в ней во всеоружии даровитого новатора. Изумление читателей было общее. Кто был от нее в восторге, кто вознегодовал, что дерзкою рукою юноши, недоучившегося студента (как узнали вскоре), семинариста (как называли его иные), одним словом, человека без роду-племени, кумиры их сбиты с пьедестала, на котором они, казалось, стояли так твердо <...> С этой поры Б. угадал свое призвание, и не ошибся в нем» (*И. Лажечников*, **252**).

Сам Б., вспоминая в обзоре «Русская литература в 1840 г.» о шуме, который вызвала резкая постановка в «Литературных мечтаниях» вопроса о том, есть ли у нас литература, полагал, что «одни приняли его <этот вопрос> за странность, имеющую, впрочем, прелесть новости; другие почли его за нелепый парадокс, за пошлую шутку над здравым смыслом; третьи увидели в нем непреложную истину; четвертые приняли его за оскорбление чувства народной гордости. Кто был прав, кто виноват? Кажется, все были правы и виноваты, кроме последних, которые решительно не правы, ибо истина выше всяких чувств — и частных и народных, и смиренных и гордых, а сомнение есть первый шаг и единственный путь к истине» (*Б*, IV, 411).

«Все было тут молодо, смело, горячо, — передавал П. В. Анненков о впечатлениях первых читателей «Литературных мечтаний», — все обличало возникновение каких-то новых требований мысли от русской литературы и русской жизни вообще». Анненков подчеркивал, что даже «старик Каченовский», один из влиятельнейших профессоров Московского университета, «призвал тогда к себе Б., жал ему горячо руку и говорил: «Мы так не думали, мы так не писали в наше время» (*П. Анненков*, 161—162). См. 1835, февраля 5 и 19, марта 15*.

Декабря 29. Публикация в «Московских ведомостях» объявления о подписке на «новый двухнедельный энциклопедический журнал» под названием «Московский наблюдатель», начало выхода в свет которого назначается на 1 марта 1835 г. Редактор журнала — В. П. Андросов. В числе ближайших сотрудников названы: Баратынский, Гоголь, М. А. Дмитриев, И. В. Киреевский, Н. А. Мельгунов, В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Павлов, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, Н. М. Языков (*МВед.*, 1834, № 104). См. 1835, февраля 19 и марта 15.

Декабря 29. В. П. Андросов в письме к М. А. Максимовичу отмечает, что вновь организуемый «Московский наблюдатель» уже «составляет общий предмет разговоров в московских гостиных: у нас впутано столько разных самолюбий, пред-

приятие наше связано с таким большим количеством различных желаний и ожиданий, что в успехе сомневаться нельзя. В жизни и судьбе журнала берут участие все известнейшие в Москве лица». Определяя будущую литературно-тактическую линию журнала, Андросов писал, что «независимо от желания дать отпор Сенковскому и «Библиотеке для чтения», определилась необходимость отмежеваться и от «суждений Молвы, в которой Н. И. <Надеждин> позволил хозяйничать студентам и раболепному уничижению: эта амальгама такую произвела гадость, что всех отогнала от него» (*ГМ*, 1917, № 1, 276). В этих строках письма Андросова речь шла о «Литературных мечтаниях».

1834—1835

Б. с конца 1834 года начинает посещать по субботам литературные вечера известного издателя и владельца типографии Н. С. Селивановского, ведавшего печатанием «Телескопа» и «Молвы» и расчетами с подписчиками на эти журналы. На вечерах Селивановского, объединявшего передовых представителей московской разночинной литературной, научной и театральной интеллигенции, Б. встречается с Н. А. Полевым, В. П. Андросовым, А. Ф. Вельтманом, В. П. Боткиным, И. Д. Бартеневым, А. Д. Галаховым, М. С. Щепкиным, И. Е. Дядьковским, Н. Х. Кетчером и др. (*ИВ*, 1892, № 1, 135—136; *РС,* 1894, № 1, 9—10; *ЛН,* т. 56, 274—276; *Учен. Зап. СГУ,* т. XXXI, 242—262; *НБ,* II, 384—385).

Б. приступает к занятиям по русскому языку, истории и географии с шестнадцатилетним К. Д. Кавелиным, готовящимся к приемным экзаменам в Московский университет (*К. Кавелин,* 1082). В эту же пору Б. дает уроки «русской грамматики и риторики» М. С. Сухотину: «Уроки, — по свидетельству последнего, — проходили больше в самых разнообразных живых разговорах и спорах, особенно по поводу театра» (*РА,* 1894, III, 73).

Б., не оставляя работы в «Телескопе» и «Молве», поступает зимою на службу в качестве литературного секретаря к А. М. Полторацкому, богатому московскому литератору-дилетанту, печатавшемуся под псевдонимом «Дормедон Васильевич Прутиков».

«Обязанности секретаря, — как вспоминал И. Лажечников об этом эпизоде жизни Б., — состояли в том, чтобы «чистить, штопать и выглаживать черное литературное белье его превосходительства». Несмотря на то, что в доме Полторацкого Б. был хорошо обеспечен («стол, квартира, прислуга в богатом доме и небольшое жалование»), он, разойдясь с хозяином в общественно-политических и литературных взглядах, не за-

хотел «жертвовать своими убеждениями» и без всякого сожаления «в одно прекрасное утро» навсегда оставил дом, «начиненный всеми житейскими благами» (*И. Лажечников*, XII, 255—256). См. ноября 26.

1835

Января 4. Цензур. разреш. «Молвы» № 1. В номере две рецензии Б.: «Домовой, или Любовь старого подьячего. Соч. Александра П-л-ва»; «Веррекс. Соч. м-с Чарльс-Гор. Пер. с английского П. Др...». Обе рецензии подписаны: —ъ — й.

В анонимном примечании к разделу «Литературная хроника» указано, что в новом году эта рубрика журнала значительно расширяется, причем «Молва» принимает девизом своей хроники стих Державина: «Стоять и правду говорить».

Января 11. Цензур. разреш. «Молвы» № 2. В номере рецензия Б.: «Изгнанник, исторический роман из смутных времен Богемии. Соч. Богемуса. Пер. с немецкого В...». Подписано: — он —инский.

Января 18. Цензур. разреш. «Молвы» № 3. В номере рецензия Б.: «Поселыщик. Сибирская повесть. Соч. Н. Щ<укина>». Рецензия подписана: —он —инский.

Января около 20. Н. В. Станкевич возвращается в Москву после шестимесячного пребывания в Воронежской усадьбе у своих родных (*Станкевич,* 307).

Января 21. Г. Н. Белынский, отправляя в Москву «на содержание» Б. младшего своего сына Никанора, жалуется в сопроводительном письме на нездоровье и просит Б. «не оставлять» «меньшого брата» (*ЛН,* т. 57, 191). Это, по-видимому, было последнее письмо к Б. от его отца. См. июля 3.

Января 25. Е. П. Иванова, выполняя просьбу Б., посылает ему свою французскую библию. В сопроводительном письме приписка от ее отца (П. П. Иванова), который благодарит Б. «за неоставление» Пети Иванова, порученного его заботам (*ЛН,* т. 57, 192). См. февраля 5.

Январь? — февраль? Б. знакомится с Н. А. Полевым (*К. Полевой,* 368—370; *СП,* 1859, № 229). Это знакомство состоялось, вероятно, на одном из вечеров Н. С. Селивановского (*Учен. Зап. СГУ,* т. XXXI, 252—253). См. апреля 5 и 26.

Февраля 1. Цензур. разреш. «Молвы» № 5. В номере рецензии Б.: «В тихом омуте черти водятся. Федора Кони»; «Дворянские выборы, характеристическая картина в четырех главах. Соч. А... Ч<уровского>». Обе рецензии подписаны: —он —инский.

Февраля 1. М. М. Попов, гимназический преподаватель Б., назначается обер-аудитором штаба корпуса жандармов (*ЛН*, т. 56, 249). См. 1839, ноября 14.

Февраля 5. Станкевич в письме к Я. Н. Неверову характеризует «Литературные мечтания» как «хорошую статью»: «Шевырев, говорят, хвалил ее», но, прочитав строки Б. о том, что в стихах его «развивается мысль, а не изливается чувство», он «взбесился и кричит: «как сметь так говорить!» (*Станкевич*, 311). См. марта 15.

Февраля 5. Б. в письме к П. П. и Ф. С. Ивановым объясняет, что сын их Петя не попал в гимназию из-за «нервической горячки» (см. января 25). Считая себя в «долгу неоплатном» перед П. П. Ивановым («позвольте мне... называть Вас моим благодетелем, отцом»), Б. обещает на следующий год подготовить Петю прямо в третий класс гимназии (*Б*, XI, 119).

Февраля 8. Цензур. разреш. «Молвы» № 6. В номере рецензия на лубочную книжку «Танька, разбойница московская». Подпись: Р. С. Т. Рецензия эта приписывается Б. (*НБ*, II, 304—305).

Февраля 14. Б. смотрит водевиль Д. Ленского «Хороша и дурна, глупа и умна». Игра В. И. Живокини приводит его в восхищение (*Б*, I, 349; *МВед.*, 1835, № 13). См. октября 8.

Февраля 15. Цензур. разреш. «Молвы» № 7. В номере рецензии Б.: «Повести, изданные Александром Пушкиным»; «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене»; «Краткое изложение главных доводов и свидетельств, неоспоримо утверждающих истину и божественное происхождение христианского откровения. Соч. Портьюса»; «Новое не любо — не слушай, а лгать не мешай, или Любопытные отрывки из жизни Мины Миныча Евстратенкова»; «Две гробовые жертвы. Рассказ Касьяна Русского». Рецензии подписаны: —он —инский.

В рецензии на «Повести, изданные А. Пушкиным», Б. заявлял: «Вот передо мною лежат «Повести», изданные Пушкиным; неужели Пушкиным же и написанные? Пушкиным, творцом «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыган», «Полтавы», «Онегина» и «Бориса Годунова»? Правда, эти повести занимательны, их нельзя читать без удовольствия; это происходит от прелестного слога, от искусства рассказывать (conter); но они не художественные создания, а просто сказки и побасенки; их с удовольствием и даже с наслаждением прочтет семья, собравшаяся в скучный и длинный зимний вечер у камина; но от них не закипит кровь пылкого юноши, не засверкают очи его огнем восторга; но они не будут тревожить его сна — нет — после них можно задать лихую высыпку. Будь эти повести первое произведение

какого-нибудь юноши — этот юноша обратил бы на себя внимание *нашей* публики; но, как произведение Пушкина... осень, осень, холодная дождливая осень после прекрасной, роскошной, благоуханной весны» (*Б*, I, 139—140). Б. полагает, что в этом сборнике «достойна имени Пушкина» только повесть «Выстрел». Положительно оценивает он и «два отрывка из исторического романа» <«Арап Петра Великого»>, которые «отличаются художественной занимательностию и возбуждают живейшее желание прочесть весь роман». В своей недооценке художественной прозы Пушкина Б. убеждается только после выхода в свет «Капитанской дочки» и посмертных публикаций «Дубровского» и «Истории села Горюхина». См. 1838, января 13.

Февраля 19. Редактор журнала «Московский наблюдатель» В. П. Андросов в письме к Краевскому отмечает, что журнал его «пока что в отношениях приязненных» с «Телескопом», хотя Надеждин и «сетует» на это. Попутно Андросов обращает внимание Краевского на «Литературные мечтания» в «последних номерах прошлогодней «Молвы» как на статью «не без замашек»: «Автор (выгнанный студент) не без дарований» (*ЛН*, т. 56, 99).

Февраля 22. Цензур. разреш. «Молвы» № 8. В номере две рецензии Б.: «Не влюбляйся без памяти, не женись без расчета» <Федора Кони>; «Муж в камине, а жена в гостях. Федора Кони»; «Барон Брамбеус. Повесть Павла Павленки». Обе рецензии подписаны: —он —инский.

Февраля 24. П. Я. Петров, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б. от середины января, обещает приехать на каникулы в Москву и посмотреть на Б. «в новом его быту». Попутно Петров укоряет Б. за самовольную публикацию в «Молве» его стихотворения «Пловец» (*Бик*, 243—244). См. 1834, июня 4.

Марта 1. Цензур. разреш. «Молвы» № 9. В номере шесть рецензий Б.: «Пантеон дружбы на 1834 год. Собранный И. О — м»; «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте И. Нефедовым»; «Конек-Горбунок. Русская сказка. Соч. П. Ершова»; «Путевые записки Вадима <В. В. Пассека>»; «Были и небылицы Казака Луганского»; «Сказание о побоище великого князя Д. И. Донского с нечестивым царем Мамаем. Издал Николай Головин». Общая подпись к рецензиям: — он — инский.

Рецензируя «Конек-Горбунок» П. Ершова, Б. впервые формулирует свой взгляд на подражания народной сказке и на ее имитаторов: «Сказки созданы народом <...> Ваше дело описать их как можно вернее под диктовку народа, а не подновлять и не переделывать» (*Б*, I, 150).

Марта 9. Станкевич в письме к Неверову сообщает, что он стал давать уроки истории и географии братьям Б. (*Станкевич,* 315).

Марта 10. Гоголь посылает Надеждину и Шевыреву в Москву сборник своих повестей «Миргород», только что вышедший в свет (*Гоголь,* X, 354—355). См. апреля 12.

Марта около 10. Бакунин, заехав на неделю из Премухина в Москву, знакомится со Станкевичем. В квартире Станкевича происходит, вероятно, и мимолетная встреча Б. с Бакуниным (*А. Корнилов,* I, 90, 152—155; *Станкевич,* 572, 580).

Марта 15. Цензур. разреш. «Молвы» № 11. В номере рецензия Б.: «Аббаддонна. Сочинение Николая Полевого». «Мечты и жизнь. Были и повести, сочиненные Николаем Полевым». Рецензия подписана: —он —инский.

Марта 15. Выход в свет первой книжки нового литературного и общественно-политического журнала «Московский наблюдатель» (*МВед.* от 16 марта 1835, № 22). См. 1834, декабря 29.

В статье Шевырева «О критике вообще и у нас в России» сочувственно упоминались «Литературные мечтания», без указания фамилии Б.: «Не помню, кто-то давно уже сказал в каком-то альманахе или журнале: «у нас нет еще словесности, а есть уже критика...» Я не вдаюсь теперь в исследование первой половины этой фразы: у нас нет еще словесности. На этот текст мы недавно читали в одном московском журнале статью, одушевленную огнем и свежею мыслию, которую приятно было встретить, особенно после долгой отвычки от мыслящего чтения в журналах. Вывод показался нам резким софизмом; но многие черты и частные обрисовки в этой статье обнаруживают мнение самобытное» (*МН,* 1835, кн. I, 494). См. апрель — май.

Марта 15. Б. обращается в правление московского университета с ходатайством о возвращении ему документов, представленных им при прошении о назначении его корректором университетской типографии (*Б,* XI, 591). См. 1834, августа 9.

Марта около 15. Б. «под страшною клятвою никому не сказывать» посвятил К. С. Аксакова в роман Надеждина и Е. В. Сухово-Кобылиной (*Н. Козмин,* 467).

Марта 16. В. П. Андросов, извещая А. А. Краевского об отъезде Надеждина в Петербург для получения отставки и разрешения на поездку за границу, отмечает, что «Телескоп» временно поступает в распоряжение С. Т. Аксакова (*ЛН,* т. 56, 100).

Марта 18. С. Т. Аксаков в письме к Надеждину сообщает о сделанном Б. через К. С. Аксакова «сильном внушении»,

чтобы он не распускал слухов о романе Надеждина (см. марта около 15). Б. принял это «внушение» «с чувством» и вообще «оказал большую преданность Надеждину» (*Н. Козмин,* 483). В этом же письме С. Т. Аксаков писал, что «Б. наврал много вздору и совершенно лишних похвал Аббаддонне; прислали корректуру поздно, вымарывать показалось мне совестно, и потому я пропустил все целиком» (*НБ,* II, 466). См. марта 15.

Марта 22. Цензур. разреш. «Молвы» № 12. В номере рецензии Б.: «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя <А. С. Норова>»; «Хмельницкие, или Присоединение Малороссии. Соч. П. Голоты»; «Царь-девица»; «Повести для детей от пяти до десяти лет. Соч. г-жи Ренневиль. Перев. с французского»; «Собрание повестей. Соч. Беркеня, Кампе, Гизо и г-жи Зонтаг. Перев. с французского»; «Страсть к должностям, комедия-водевиль в одном действии, соч. Скриба. Перевел с французского Василий Горский». Общая подпись к рецензиям: —он —инский.

Марта 22. Н. И. Надеждин отмечает в своем дневнике: «Б. — малый благородный и с чувством, он лгать не станет, тем более на меня, которому он сердечно предан и обязан» (*ИОАН,* 1905, IV, 303).

Марта 24. Цензур. разреш. «Стихотворений Алексея Кольцова». Этот первый сборник произведений молодого поэта напечатан был в Москве за счет Станкевича, под наблюдением Б. (См. июля 17 и 23). Об отклике Б. на стихотворения Кольцова см. декабря 4.

Марта 26. С. Т. Аксаков пишет Надеждину в Петербург: «Ив. Киреевский сделал мне предложение, чтобы отнюдь твоего журнала не прекращать, а передать, испрося дозволения, кому-нибудь другому. От себя, разумеется, я отклонил. Погодин то же думает; ты поговори об этом на всякий случай с кем следует» (*НБ,* II, 466). В этом же письме С. Т. Аксаков сообщает, что Б., не имея полномочий от Надеждина, отказался быть у Сухово-Кобылиных при запечатании вещей Надеждина (*Н. Козмин,* 488).

Марта 29. Цензур. разреш. «Молвы» № 13. В номере рецензии Б.: «Сочинения в прозе и стихах, Константина Батюшкова»; «Досуги инвалида. Часть вторая. Поручик Любимец <В. А. Ушакова>»; «Ангарские пороги. Сибирская быль. Соч. Н. Щ<укина>». Рецензии подписаны: — он — инский.

Марта 29. С. С. Уваров представляет докладную записку Николаю I о «различных толках и суждениях, возбуждаемых в обществе книгой Н. Ф. Павлова «Три повести». Ввиду того, что запрещение этой книги «могло бы только содействовать

ее известности», С. С. Уваров рекомендует ограничиться недопущением ее перепечатки (*М. Сухомлинов*, 452).

Марта 31. В Москве объявлен приговор по делу Герцена, Огарева, Сатина, Лахтина, Соколовского и других лиц, обвиняемых в пении антиправительственных «пасквильных песен» (*Герцен*, VIII, 469). См. апреля 10.

Март — апрель. Б. продолжает давать уроки Кавелину (*К. Кавелин*, III,, 1082). См. апрель — май.

Апреля 5. Цензур. разреш. «Молвы» № 14. В номере рецензии Б.: «Клятвопреступница. Русский современный роман; Современные повести модных (??!!) писателей. Собраны (?!), переведены и изданы Федором Кони»; «Достопамятный брак царя Иоанна Васильевича Грозного. Историческая повесть Николая Фомина». Рецензии подписаны: —он—инский. *

Апреля 5. Н. А. Полевой, отвечая на не дошедшую до нас записку Б., с сожалением извещает, что не нашел в своей библиотеке того номера «Московского телеграфа», который понадобился Б. (*Бик*, 254).

Апреля 10. А. И. Герцен, под присмотром жандарма, выезжает из тюрьмы в ссылку в Пермь (*Герцен*, VIII, 219). См. марта 31.

Апреля 12. Цензур. разреш. «Молвы» № 15. В номере рецензия Б.: «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя». «Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя». Подписано: —он—инский. В этой рецензии Б. обещает дать более «подробный отчет» о повестях Гоголя (*Б*, I, 174). См. сентября 1 и 21.

Апреля 16. В Москве начались гастроли А. М. и В. А. Каратыгиных, выступивших в пьесах «Валерия, или Слепая» Скриба и «Мирандолина, или Седина в бороду, а бес в ребро», комедия Гольдони, в переделке К. Блума (*МВед.*, 1835, № 38).

Апреля 19. Цензур. разреш. «Молвы» № 16. В номере рецензии Б.: «Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I. Исторический роман <Р. М. Зотова>»; «Похождения червонца и последняя участь его в Макарьевской ярмарке»; «Стихотворения Евгения Баратынского». Общая подпись: —он—инский.

Извещая о выходе в свет книги Баратынского, Б. обещал «поговорить поподробнее» о его стихотворениях в одном из номеров «Телескопа» (*Б*, I, 177). См. октября 1.

В этом же номере «Молвы» напечатано первое письмо П. Щ. <С. Т. Аксаков> к издателю «Телескопа» с отрицательной оценкой игры В. А. Каратыгина. Противопоставляя последнего Мочалову, П. Щ. дает очень точную характеристику тех социальных сил, которые поддерживали эти два направления в сценическом искусстве: «Высшая часть, впрочем,

ко всему довольно равнодушная, была за г. Каратыгина, средняя — наполовину, низшая — за г. Мочалова» (*«Молва»*, № 16, стр. 319). См. апреля 26, мая 3 и 10 *.

Апреля 19. Б. был на премьере трагедии Кукольника «Князь М. В. Скопин-Шуйский», шедшей в бенефис В. А. Каратыгина (*Б*, I, 181; *МВед.*, 1835, № 30).

Апреля 20. Надеждин осведомляет Е. В. Сухово-Кобылину о предстоящем появлении в «Молве» № 16 статьи С. Т. Аксакова о гастролях Каратыгина в Москве (*НБ*, II, 448). Это извещение позволяет точно установить автора статей о Каратыгине, подписанных инициалами П. Щ.

Апреля 21. Б. был в театре на «Разбойниках» Шиллера. В роли Карла Моора выступал Каратыгин (*Б*, I, 181, *МВед.*, 1835, № 32).

Апреля 22. Станкевич в письме к Я. М. Неверову сообщает: «Надеждин, отъезжая за границу, отдает нам «Телескоп»; постараемся из него сделать полезный журнал, хотя для иногородних. По крайней мере будет отпор «Библиотеке» и странным критикам Шевырева». В тот же день Станкевич писал Бакунину о надеждах кружка, связанных с предстоящей реорганизацией «Телескопа»: «Мы намерены его сделать чисто переводным, за исключением библиографии, которая требует у нас прямого человека, с образованием и добрыми намерениями: таков Белинский, которого вы, кажется, у меня видели, — он ею заведует» (*Станкевич*, 319 и 572).

Апреля 26. Цензур разреш. «Молвы» № 17. В номере начало статьи Б. «И мое мнение об игре г. Каратыгина» и рецензия: «Ведьма, или Страшные ночи за Днепром. Соч. П. Чуровского». «Черный Кощей, или Заднепровский хутор у Лунной горы. Соч. А. Чуровского». Рецензия и статья подписаны: —он —инский.

В этом же номере «Молвы» помещено второе письмо П. Щ. к издателю «Телескопа». См. апреля 19, мая 3 и 10.

Апреля 26. Б., посылая Н. А. Полевому билет на получение «Телескопа» и «Молвы», считает необходимым заявить о своем уважении к нему, как к литератору, который «с таким беспримерным самоотвержением старался водрузить на родной земле хоругвь века, который воспитал несколько юных поколений и сделался вечным образцом журналиста» (*Б*, XI, 120).

Апреля 26. Б. смотрел Каратыгина в «пустой роли» в драме «Муж, жена и сын, или Сердце матери» (*Б*, I, 184; *МВед.*, 1835, № 32).

Апреля 27. Лажечников в письме к Б. просит его проследить за перепечатанием некоторых листов предисловия к «Ле-

дяному дому» и спрашивает мнение Б. о самом романе (*Бик*, 174—175).

Апреля 29. Б. смотрел Каратыгина в трагедии Хомякова «Ермак» (*Б*, I, 181; *МВед.*, 1835, № 34).

Апреля 30. Цензур. разреш. книги В. Плаксина «Взгляд на последние успехи русской словесности 1833 и 1834 годов» (*«Летопись факультетов на 1835 год, изданная в двух книгах А. Галичем и В. Плаксиным»*, Спб. 1835). Обозревая существующие мнения о «бесцветности» и «бесхарактерности» «нашей литературы», В. Плаксин прежде всего полемизирует с основным тезисом «Литературных мечтаний» Б. (ни статья, ни автор ее не названы), отстаивая противоположную точку зрения — «у нас есть литература»: «А. С. Пушкин в прошедшем году, между прочим, подарил нам чудную Пиковую Даму. А после Пиковой Дамы невольно вспомнишь Черную женщину, умную, назидательную, хотя слишком таинственную и слишком говорливую» (*В. Плаксин*, стр. 30).

Апрель — май. Б. продолжает давать уроки К. Д. Кавелину (*К. Кавелин*, 1082).

Апрель — май. Б. и его друзья окончательно убеждаются в том, что надежды, возлагаемые передовой общественностью на «Московский наблюдатель», лишены всякого основания: «Мы ждали «Наблюдателя» с нетерпением, как торжества Москвы над Петербургом, как победы честной литературной деятельности над литературною промышленностию, — вспоминал Б. в статье «Ничто о ничем». — Наконец, он появился: вышла книжка — Петербург привстал; вышла другая — Петербург приосанился и улыбнулся; вышла третья, четвертая — Петербург захохотал, смотря на пронесшуюся мимо его бурю; Москва приуныла — и наши надежды разлетелись в прах» (*Б*, II, 45—46). См. июня 1.

Мая 3. Цензур. разреш. «Молвы» № 18. В номере рецензии Б.: «Рахиль. Соч. Евгении Фоа. Перев. с французского»; «Пещера смерти в дремучем лесу. Соч. г-жи Радклиф (англ.). Перев. с французского». В этом же номере опубликовано окончание (см. апреля 26) статьи Б.: «И мое мнение об игре Каратыгина». Подписано: —он—инский.

«Где нет истины, природы, естественности, там нет для меня очарования, — заключал Б. — Я видел г. Каратыгина несколько раз и не вынес из театра ни одного сильного движения; в его игре все так удивительно, но вместе с тем так поддельно, придуманно, изысканно. Г-н Каратыгин — Марлинский сценического искусства; у него есть талант, но талант, образованный силою воли, прилежным изучением, но не самобытный, не природный, как у г. Мочалова; талант ходить, говорить, рассчитывать эффекты, понимать, где и что надо де-

лать, но не увлекать души зрителей собственным увлечением, не поражать их чувства собственным чувством» (*Б*, I, 187). Солидаризуясь с резкой и откровенной оценкой Каратыгина в «Письмах» П. Щ., Б. защищал последнего от нападок С. П. Шевырева. См. апреля 16, 19, 26 и 29, мая 3 и 10, а также 1833, мая 20.

Мая около 5. Б. вместе с Станкевичем приглашен к Аксаковым на чтение Гоголем комедии «Женихи». Гоголь, бывший в Москве проездом и очень уставший от предшествующих выступлений, приехал к Аксаковым с большим опозданием и от чтения комедии отказался (*С. Аксаков*, 10)*.

Мая 10. Цензур. разреш. «Молвы» № 19. В номере три рецензии Б.: «Учебная книга всеобщей истории. Соч. проф. Кайданова»; «История Пугачевского бунта <А. С. Пушкина>»; «Сцены на море. Соч. И. Давыдова». Общая подпись к рецензиям: — он — инский.

В этом же номере «Молвы» напечатано третье письмо П. Щ. к издателю «Телескопа» об игре Каратыгиных. См. апреля 19.

Мая 10. Б. присутствует на премьере трагедии Кукольника «Роксолана». Играли А. М. и В. А. Каратыгины (это был последний день их гастролей в Москве). После окончания спектакля, во время шумной овации в честь Каратыгина, Б., как поклонник Мочалова, «свистал» и «шикал», выражая свое несочувствие гастролеру (*РА*, 1894, III, 73; *МВед*., 1835, № 36). См. мая 3.

Мая 15. Цензур. разреш. «Телескопа», 1833, № 24. В этом номере, задержавшемся на полтора года, опубликовано окончание двух переводов Б.: повести «Беата» и статьи «Отчего в Риме не было трагедии. Соч. Низара». Оба перевода подписаны: С франц. В. Б. См. 1834, ноября 7.

Мая 17. Цензур. разреш. «Молвы» № 20. В номере рецензии Б.: «Корсунские врата, находящиеся в новгородском Софийском соборе. Фёдора Аделунга. С нем. перевел Петр Артёмов»; «Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта <В. Н. Берха>»; «Русская вивлиофика. Изд. Николаем Полевым». Рецензии подписаны: — он —инский.

Мая 18. А. Ф. Воейков в «Литературных прибавлениях к Рус. инвалиду», в анонимной статье «Библиотека для чтения» — «Московский наблюдатель», заявлял: «В 1835 году стыдно печатать статьи, подобные ругательным выползкам М о л в ы. Они, по грубости их, не достойны чтения» (*ЛПРИ*, 1835, № 40).

Мая 23. Цензур. разреш. «Молвы» № 21. В номере рецензии Б.: «Забавные анекдоты Полиньяка Финдюро, придворного шута короля Сигизмунда»; «Дитя поэзии. Казань.

Стихотворения Михаила Меркли». Рецензии подписаны: —он —инский.

Мая 31. Цензур. разреш. «Молвы» № 22. В номере рецензии Б.: «Наталия. Соч. г-жи *** <Шарль де Монпеза́>. Перев. с французского. Александр Шубяков»; «Святослав, вражий питомец. Соч. А. Вельтмана». Рецензии подписаны: —он —инский.

Июня 1. Станкевич пишет Неверову, что Надеждин передал «Телескоп» Белинскому: «С № 7 он вступает в его <Б.> распоряжение, а мы понемногу станем ему помогать». В этом же письме Станкевич сообщал: «В Наблюдателе пишут много глупостей, хотя направление его и честно. Шевырев обманул наши ожидания: он педант» (*Станкевич,* 321).

Июня 7. Цензур. разреш. «Молвы» № 23. В номере рецензии Б.: «Два мужа, водевиль, переделанный с французского А. И. Булгаковым»; «Жених — мертвец, или Думал солгать, а сказал правду. Водевиль»; «Образец постоянной любви. Драма Скриба. Переделанная с французского А. П.»; «О господине Новгороде Великом. А. В<ельтмана>»; «Добрые девушки. Повести, сочиненные г-жою Алидию де Савильяк»; «Борис Годунов. Трагедия М. Лобанова». Рецензии подписаны: —он —инский.

«Сущность трагедии Лобанова, — писал Б., — все та же старая, классическая, бездушная. Ни страстей, ни характеров, ни стихов, ни интереса — нет ничего этого; все холодно, поддельно, придумано, нарумянено, все на ходулях, без всякой естественности» (*Б*, I, 211). См. 1836, января 18.

Июня 7. Станкевич в письме к Бакунину сообщает: «В «Телескопе» я принимаю более душевное, нежели действительное участие. Отношения мои с Б. такого рода, что я все его труды, какие бы они ни были, стану разделять больше или меньше». В этом же письме Станкевич передает Бакунину привет от Б., который «рад, что статьи его внушили Бакунину доброе о нем мнение» (*ЛН,* т. 56, 100).

Июня 8. Н. И. Надеждин выехал из Москвы в Петербург, а оттуда за границу (*Барсуков,* IV, 311).

Июня 10. Московский цензурный комитет доводит до сведения Главного управления цензуры о заявлении издателя «Телескопа» и «Молвы» Н. И. Надеждина об учреждении им на время пребывания его за границей «временной редакции», управление делами которой он поручил, с ведома министра народного просвещения С. С. Уварова, «живущему в Москве дворянину Белинскому» (*ЛН,* т. 55, 299; *Летопись жизни Б.*, 33—34).

Июня 12. Председатель Московского Цензурного комитета Д. П. Голохвастов запросил Главное управление цензуры,

«может ли комитет принимать на свое рассмотрение и одобрять к печатанию корректурные листы, которые будут присылаться из временной редакции, в коей производство дел поручено живущему в Москве дворянину Белинскому?» При этом сообщалось, что «впредь до получения по предмету сему разрешения Московский цензурный комитет остановил одобрением к печатанию статей, назначаемых к помещению в журнале «Телескоп» и «Молва» (*Летопись жизни Б.*, 34). См. июля 8 и 18.

Июня 14. Станкевич в письме к Неверову, опровергая слух о покупке его кружком «Телескопа», сообщает, что Надеждин платит Б. за издание «Телескопа», а друзья Б. помогают ему в работе. Станкевич возмущается словами Строева, что от критических статей Б. «пахнет кабаком». Сам Станкевич не одобряет слишком полемического тона Б., но признает, что Б. — «душа добрая, энергичная, ум светлый, за которым Строеву не угоняться» (*Станкевич,* 325).

Июня 22. Станкевич в письме к Беерам заявляет, что его привязывает к Москве только Б. (*Станкевич,* 441).

Июня 26. Лажечников в письме к Б. обращает внимание его на опечатки в романе «Ледяной дом» и просит отметить важнейшие из них в «Молве» (*Бик,* 175). См. августа 14.

Июня 30. В. И. Красов, приятель Б., член кружка Станкевича, оканчивает Московский университет со степенью кандидата словесных наук (*ЛН*, 56, 429). См. декабря конец.

Июня 30. Цензур. разреш. «Библиотеки для чтения», 1835, кн. 7. В номере повесть В. Ушакова «Пиюша», представляющая собою памфлет на Б. и его окружение. Б. выведен под именем недоучившегося студента Виссариона Кривошеина, критика одного из «московских журналов», который, «не зная порядочно арифметики, судил и рядил о Фихте и Гегеле и был так убежден в тождестве миров идеального и реального, что смело называл невеждами тех, которые не понимали знаменитого тождества» (*БдЧ,* 1835, кн. 7, 18—52). См. августа 24. Ответ Б. на этот пасквиль см. в его статье «Ничто о ничем», 1836, марта 17.

Июля 3. В ночь с 3 на 4 июля скончался в Чембаре после продолжительной болезни отец Б., штаб-лекарь Г. Н. Белынский (*ВГБП,* 159).

Июля 8. Главное управление цензуры удовлетворило ходатайство Н. И. Надеждина об учреждении «временной редакции» «Телескопа» и «Молвы» (*Летопись жизни Б.*, стр. 34—35). См. июня 10 и 12, июля 18.

Июля 10. Цензур. разрещ. «Ученых записок Московского университета», 1835, ч. IX, № 1. В номере помещена статья

«кандидата» Н. И. Сазонова «О составных началах и направлениях отечественной словесности в XVIII и XIX столетиях». Сазонов, член кружка Герцена и Огарева, полемизирует в этой статье с тезисом Б. «У нас нет литературы» (*Учен. Зап. МУ*, 1835, I, стр. 128—129) *.

Июля 17. А. Кораблинский <А. Ф. Воейков> в «Лит. прибавл. к Рус. инвалиду» в статье «Пересмешник. О двух антиподических мнениях двух журналов об одной и той же книге», полемизируя с Б., утверждает, что к «Молве» «никто не дотрагивается», так как «в сем листке пламенный лирик — Петров, превосходный подражатель Горация — В. В. Капнист, милый шалун-поэт — Богданович, сочинитель Душеньки, сравнены с Третьяковским, Селивановым и Тимофеевым» (*ЛПРИ*, № 57).

Июля 17. Станкевич в письме к Б. настаивает на уничтожении или перепечатке предисловия к «Стихотворениям Кольцова», где упоминалось об осуществлении этого издания на средства Станкевича (*Станкевич*, 409—410). См. декабря 4.

Июля 18. Главное управление цензуры направляет в Московский цензурный комитет отношение об удовлетворении ходатайства Н. И. Надеждина от 12 июня, указав, что «не следовало останавливать своевременный выход в свет номеров «Телескопа» и «Молвы» (*Летопись жизни Б.*, 34 и 35). Эти цензурные придирки (см. июня 10 и 12, июля 8) почти на два месяца задержали выход книжек «Телескопа» и «Молвы». См. июля 30.

Июля 18. К. Г. Белинский, потерпев неудачу в своих попытках устроиться на службу в Москве, уезжает в Чембар (*ЛН*, т. 57, 191).

Июля около 20. Б. посылает письма родным в Чембар, до нас не дошедшие (*ЛН*, т. 57, 193).

Июля 23. Б. в не дошедшем до нас письме к Станкевичу отвечает на его протест от июля 17 (*Станкевич*, 410).

Июля 30. Цензур. разреш. «Молвы» № 24—26. В номере рецензии Б.: «Художник Т<и>м<о>ф<еев>а»; «Краткая история города Казани. Соч. М. Рыбушкина»; «История Донского войска, Владимира Броневского»; «Тетушкины сказки. Соч. девицы В. М. Руссо». Общая подпись к рецензиям: — он —инский.

Без подписи Б. печатается в этом же номере его информационная статья об издании «Живописного обозрения», фактическим организатором и редактором которого является Н. А. Полевой (*ЛН*, т. 55, 304—305).

В особом «Извещении от редакции «Телескопа» и «Молвы» Б. доводит до сведения подписчиков, что задержка выхода

в свет очередных номеров этих изданий вызвана была причинами, не зависящими от редакции. Обещая «в самом скорейшем времени выдать отставшие книжки», Б. предупреждает, что несколько номеров «Молвы» будет сдвоено без уменьшения общего числа листов (*Б*, I, 220—221).

Июля около 30. Б. предполагает откликнуться в «Молве» на первый том «Энциклопедического лексикона» Плюшара и на первые книжки «Московского наблюдателя». Оба эти издания его очень разочаровали (*«Молва»,* 1835, № 24—26, стлб. 455—456; *ЛН*, т. 55, 304).

Июля 31. А. М. Полторацкий, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б., благодарит его за информацию о ходе печатания книги «Провинциальные бредни. Записки Д. В. Прутикова». Полторацкий просит сделать добавления в наборе, воспользовавшись прилагаемой рукописью, и дать заранее объявления в газетах о выходе этой книги в свет (*Бик,* 258).

Июля 31. Станкевич в письме к Б. выражает опасение по поводу того, что утверждение его в должности временного редактора «Телескопа» может «завалить его делом». Попутно Станкевич напоминает о необходимости уничтожить предисловие к «Стихотворениям Кольцова» *(Станкевич,* 411). См. июля 17.

Августа 1. К. Г. Белинский в письме к Б. извещает о своем приезде в Чембар. Прося денег для сестры, так как из посланных ей 25 рублей ему пришлось большую часть истратить на себя в дороге, К. Г. Белинский напоминает о присылке обещанных ему «Стихотворений Кольцова», «Телескопа» и «Молвы», а также денег на расходы при получении из Пензенской консистории документов Никанора (*ЛН,* т. 57, 193).

Августа 14. Цензур. разреш. «Молвы» № 27—30. В книжке журнала, объединяющей четыре номера, рецензии Б.: «Жертва. Литературный эскиз. Соч. г-жи Монборн. Перевод с французского Z»; «Ижорский. Мистерия <В. К. Кюхельбекера>»; «Сын жены моей. Роман. Соч. Поль де Кока. Перевод с французского»; «Четыре вымысла. Соч. Николая Лутковского»; «Эмилий Лихтенберг. Повесть. Соч. М. Лисицыной»; «Ледяной дом. Соч. И. И. Лажечникова»; «Малороссийские повести, рассказываемые Грицком Основьяненком. Книжка первая»; «Наськы украиньскы казкы, запорозьця Иська Матыренкы»; «Метода всеобщего обучения Жакото. Метода Жакото, изложенная для родителей и наставников. Издал Егор Гугель»; «Чтения для умственного развития малолетних детей и обогащения их познаниями. Составлены Егором Гугелем»; «Артист, водевиль. Перев. с французского А. И. Булгакова»; «Вечера моей бабушки, или Собрание нравоучительных детских повестей. Перев. с французского М. и Г.»; «Записки г-жи Дюкре о императрице Иозефине, о ее современниках и о дворах

Наварском и Мальмезонском. Перев. с французского». Общая подпись к рецензиям: —он —инский.

В этой же книжке «Молвы» примечание Б. к «Олегу под Константинополем» К. Эврипидина <К. С. Аксакова>.

Извещая о выходе в свет «Ледяного дома» Лажечникова, Б. выполняет просьбу автора об исправлении опечаток (см. июня 26) и обещает дать развернутый разбор «Ледяного дома» в «Телескопе». Этого своего решения в 1835 г. Б. не исполнил, смущенный «двойственностью романа: то представлялся он мне выше всего, что можно себе представить в этом роде, то я не видел в нем почти ничего», — писал Б., рецензируя через несколько лет новое издание «Ледяного дома» (*Б,* III, 9). См. 1839, января 1.

Августа 20. К. Г. Белинский в письме к Б. благодарит его за присланные номера «Молвы», сообщает, что отец крепостного мальчика Ивана Федорова согласен отослать последнего к Б. в Москву, просит о высылке доверенности и «деньжонок»: «Право, нужны» (*ЛН,* т. 57, 194).

Августа 24. А. Ф. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» в анонимных «Литературных заметках» пишет, что, после отъезда Надеждина «в чужие края», «Телескоп и неразлучная спутница его Молва скончались на руках опекуна своего г. Виссариона Белинского, автора всех критических статеек в Молве, в нынешнем году напечатанных». Во второй заметке Воейков сообщает о памфлете В. А. Ушакова на Б., появившейся в «Библиотеке для чтения» (*ЛПРИ,* 1835, № 68). См. июня 30.

Августа около 28. Гоголь, на обратном пути из Васильевки в Петербург, проводит несколько дней в Москве (*С. Аксаков,* 8. Ср. *Гоголь,* X, 28).

Августа 29. Б. пишет в Чембар брату — Н. Г. Белинскому. Письмо это до нас не дошло (*ЛН,* т. 57, 194—195).

Августа 31. Цензур. разреш. «Молвы», №№ 31—34. В номере рецензии Б.: «Наследница. Соч. П. Сумарокова»; «Рейнские пилигримы. Соч. Бульвера. Перев. с французского»; «Очерки Севера. Соч. Ампера»; «Сестра Анна. Сочинение Поль де Кока. Перев. с французского А. Пр. . . . в»; «Стихотворения А. Коптева»; «Карманный гомеопатический лечебник. Изданный по руководству Гааса, с французского издания Журдана»; «Люди высшего и низшего круга, или Картины нравов во время Наполеона. Соч. Пикара. Перевел с французского Семен Мухачев»; «Послание Петру Ивановичу Рикорду, вице-адмиралу и кавалеру в Кронштадте. Соч. графа Хвостова»; «Стихи на освящение собора всех учебных заведений в России <его же>»; «Маньчжурская песнь с перевода в прозе, переложенная стихами <его же>»; «На памят-

ник императору Александру I. Два стихотворения Мирзы Джафара Топчибашева». Общая подпись к рецензиям: —он —инский.

Сентября 1. Цензур. разреш. «Телескопа» № 7. В номере программная литературно-теоретическая и критическая статья Б.: «О русской повести и повестях г. Гоголя».

В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» Б. формулирует свое понимание поэзии «реальной» и «идеальной», как двух противостоящих один другому творческих методов, которые впоследствии он определит как «объективный» и «субъективный», отказавшись от терминологии 1835 г.

«Настоящей поэзией нашего времени» Б. считает «поэзию реальную, поэзию жизни, поэзию действительности <. . .> Ее отличительный характер состоит в верности действительности; она не пересоздает жизни, но воспроизводит, воссоздает ее и, как выпуклое стекло, отражает в себе, под одною точкою зрения, разнообразные ее явления, выбирая из них те, которые нужны для составления полной, оживленной и единой картины. Объемом и границами содержимого этой картины должны определяться великость и гениальность поэтического создания. Чтобы докончить характеристику того, что я называю *реальною* поэзиею, прибавлю, что вечный герой, неизменный предмет ее вдохновений, есть человек, существо самостоятельное, свободно действующее, индивидуальное, символ мира, конечное его проявление, любопытная загадка для самого себя, окончательный вопрос собственного ума, последняя загадка своего любознательного стремления <. . .> Удивительно ли после этого, что в наше время преимущественно развилось это реальное направление поэзии, это тесное сочетание искусства с жизнию? Удивительно ли, что отличительный характер новейших произведений вообще состоит в беспощадной откровенности, что в них жизнь является как бы на позор, во всей наготе, во всем ее ужасающем безобразии и во всей ее торжественной красоте, что в них как будто вскрывают ее анатомическим ножом? Мы требуем не идеала жизни, но самой жизни, как она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотим ее украшать, ибо думаем, что в поэтическом представлении она равно прекрасна, в том и другом случае, и потому именно, что истинна, и что, где истина, там и поэзия». Б. не закрывает глаза и на прелести «поэзии идеальной», отличительным признаком которой является «благородство, величие и поэтичный, возвышенный язык, столь противоположный обыкновенному разговорному, и уклончивость от всего мелочного и житейского». К числу лучших произведений этого типа Б. относит «Фауста» Гёте, «Манфреда» Байрона, «Дзяды» Мицкевича, «Ифигению» и «Мессинскую невесту» Шиллера. Б. знает и произведения, в которых «сходятся и сли-

ваются» элементы обоих видов поэзии, идеальной и реальной. Это «поэмы Байрона, Пушкина, Мицкевича», в которых «жизнь человеческая представляется, сколько возможно, в истине, но только в самые торжественнейшие свои проявления, в самые лирические свои минуты». К числу таких произведений Б. относит и драмы Шиллера, прежде всего «Разбойников». Подчеркивая, что «в наше время драма не оказывает таких больших успехов, как роман и повесть», и что «формы и условия романа удобнее для поэтического представления человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни», Б. усматривает в этом разгадку «тайны» необыкновенного успеха романа, «его безусловного владычества» в литературе. Характеризуя повесть как «распавшийся на части, на тысячи частей роман», как наиболее лаконичную и емкую его форму, «вмещающую в себе все, что хотите — и легкий очерк нравов, и колкую саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жесткую игру страстей», Б. переходит во второй части своей статьи к истории русского романа и русской повести, как «единственным родам, которые появились в нашей литературе не столько по духу подражательности, сколько вследствие потребности» (*Б*, I, 267—272). Окончание статьи см. сентября 21.

Сентября около 1. Выход в свет «Журнала министерства народного просвещения» № 9. В статье Я. М. Неверова «Обозрение русских газет и журналов за вторую половину 1834 г.» подробно реферируется статья Б. «Литературные мечтания». Пересказ документируется многочисленными выписками из статьи. Признавая, что многие «мысли» Б. «не новы, но изложены оригинально и с энтузиазмом», Неверов замечает, что в «Литературных мечтаниях» «так много истины, благородного участия и нравственной девственности, что для них прощаешь автору многие его поверхностные суждения», «многие резкие и даже несправедливые приговоры» (*ЖМНП*, 1835, № 9, 588—592).

Сентября 3. Кольцов в письме к Б. просит извинить его за задержку обещанных стихотворений и посылает для «Телескопа» «Молодую жницу» и «Подражание Эоловой арфе», «Цветок» и «Умолкшего поэта» (*Бюллетени ПД*, V, 1955, вкладной лист).

Сентября 6. Цензур. разреш. «Молвы» № 35. В номере три рецензии Б.: «Полный и новейший песенник. Собранный И—м Гурьяновым»; «Кривой бес. Русская сказка. Соч. А. Я-ва»; «Тише едешь, дальше будешь! или Бенефисная пиеска, водевиль-фарс, переделанный с французского А. И Булгаковым». Рецензии подписаны: —он —инский.

Сентября 13. Цензур. разреш. «Молвы» № 36. В номере две рецензии Б.: «Начертание русской истории для училищ.

Соч. проф. Погодина»; «Русская история для первоначального чтения. Соч. Николая Полевого». Подпись: —он —инский.

Сентября 16. Лажечников в письме Б. выражает свое возмущение рекламными объявлениями о переиздании «Походных записок русского офицера» и рассказывает о своих безрезультатных попытках задержать это издание. Ожидая «с нетерпением» седьмой номер «Телескопа», Лажечников предлагает Б. прислать для журнала отрывок из своего нового романа «Колдун на Сухаревой башне» (*Бик,* 175—176).

Сентября 19. Б. в записке к Н. А. Полевому просит извинить его за задержку биографии Мольера (речь шла о работе Жюль Жанена, переведенной в «Молве», №№ 37—39). Б. ждет уведомления Полевого «насчет Чаттертона» А. де Виньи. Полевой опубликовал статью о нем в «Телескопе» № 7 и предполагал, вероятно, сделать перевод этой драмы. Б. надеется, что Полевой напишет для «Телескопа» об «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара (*Б,* XI, 121, *Учен. Зап. СГУ,* XXXI, 239—242) *.

Сентября 21. Цензур. разреш. «Молвы» № 37. В номере рецензия Б.: «Осужденный. Повесть в четырех частях. Сочинял по московскому преданию А. Крылов». Подписано: —он —инский.

Сентября 21. Цензур. разреш. «Телескопа» № 8. В номере окончание статьи Б. «О русской повести и повестях г. Гоголя» (см. сентября 1). Статья подписана: В. Белинский.

Во второй части своей статьи о повестях Гоголя Б. критически характеризует его предшественников в области оригинальной художественной прозы, основоположником которой считает Бестужева-Марлинского. До последнего русская повесть была, по мнению Б., «чужеземным растением, перевезенным из-за моря по прихоти и моде и насильственно пересаженным на родную почву». Крупнейшими русскими прозаиками Б. считает В. Одоевского, Погодина, Полевого и Павлова, ни единым словом не упоминая ни о повестях Пушкина, ни о повестях Нарежного. Б. полагает, что «отличительный характер повестей г. Гоголя составляют простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь — поэт, поэт жизни действительной». Подробно аргументируя каждое из этих положений, Б., говоря о «народности» повестей Гоголя, попутно замечает, что «народность есть не достоинство, а необходимое условие истинно художественного произведения, если под народностию должно разуметь верность изображения нравов, обычаев и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякого народа проявляется в своих,

ей одной свойственных формах, следовательно, если изображение жизни в е р н о, то и н а р о д н о». Заключая свою статью, Б. утверждает, что основная «задача критики — определить степень, занимаемую художником в кругу своих собратий. Но г. Гоголь еще только начал свое поприще; следовательно, наше дело высказать свое мнение о его дебюте и о надеждах в будущем, которые подает этот дебют. Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владеет талантом необыкновенным, сильным и высоким. По крайней мере в настоящее время он является главою литературы, главою поэтов; он становится на место, оставленное Пушкиным» (*Б*, I, 272—306).

Сентября 26. К. Г. Белинский в письме к Б. сообщает о своем поступлении на службу в Чембарский земский суд; он благодарит Б. за «любовь и попечение» («я во всю мою жизнь не в состоянии тебя отблагодарить за то, что ты для меня делал и делаешь»); извещая о получении нескольких номеров «Телескопа», «Молвы» и «Живописного обозрения», просит Б. и впредь присылать ему журналы и «другие книги», ибо «в Чембаре книг хороших достать негде» (*ЛН*, т. 57, 194—195).

Сентября 29. Цензур. разреш. «Молвы» № 38. В номере рецензии Б.: «Библиотека романов и исторических записок, издаваемая книгопродавцем Ф. Ротганом на 1835 год»; «Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземского»; «Атаман Буря, или Вольница заволжская. Русский роман из преданий старины». Общая подпись: —он —инский.

Сентябрь? — октябрь? Н. И. Сазонов выезжает из Москвы за границу (*ЛН*, т. 41—42, 248). См. июля 10.

Октябрь 1. Цензур. разреш. «Телескопа» № 9. В номере статья Б.: «О стихотворениях г. Баратынского». Подпись: В. Белинский. В этом же номере анонимная заметка Б.: «Просодическая реформа (по поводу статьи Шевырева в июльской книжке *МН*). К этой «реформе» Б. возвращался неоднократно. Наиболее полный и уничтожающий разбор ее дан в его статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя». См. 1836, марта 21.

Свой разбор стихотворений Баратынского Б. полемически заостряет против общепринятой высокой оценки его мастерства и ложных представлений о месте его в истории русской поэзии.

«Мы, наконец, хотим владеть сокровищем немногим, но истинным. А что то за сокровище, которое беспрестанно боишься потерять? Что тот за авторитет, который каждую минуту готов пасть? Что та за истина, которая боится исследования, темнеет от взоров ума? Нет, пусть будет воздаваемо каждому должное, пусть заслуга пользуется уважением, а бездарность обличится и всякий займет с в о е место! Неужели наши

мелкие расчеты, наше жалкое самолюбие, наши ничтожные отношения дороже и важнее истины, общественного вкуса, общественной любви к искусству, общественных понятий об изящном?» Резко ставя в связи с этими общими положениями вопрос о том, «поэт ли» Баратынский, а если поэт, то «какое влияние имели на нашу литературу его сочинения» и «какой новый элемент внесли они в нее», Б. утверждает: «Несколько раз перечитывал я стихотворения г. Баратынского и вполне убедился, что поэзия только изредка и слабыми искорками блестит в них. Основной и главный элемент их составляет ум, изредка задумчиво рассуждающий о высоких человеческих предметах, почти всегда слегка скользящий по ним, но всего чаще рассыпающийся каламбурами и блещущий остротами».

Б. осуждает «музу г. Баратынского» прежде всего как «светскую и паркетную», и даже в лучших его произведениях видит лишь «два-три поэтических стиха, вылившиеся из сердца, потом риторику, потом несколько прозаических стихов; но везде ум, везде литературную ловкость, умение, навык, щегольскую отделку и больше ничего». Б. соглашается с тем, что «есть у г. Баратынского несколько замечательных стихотворений, как-то: «Элегия на смерть Гёте», «О счастии с младенчества тоскуя», «Дало две доли провидение», «Когда печалью вдохновенный», «Бежит неверное здоровье», «Не искушай меня без нужды», «Притворной нежности не требуй от меня», «Череп», «Последняя смерть», но одни из них хороши по мысли, но холодны, а все вообще оставляют в душе такое же слабое впечатление, как дуновение уст на стекле зеркала: оно легко и скоропереходяще. В наше время, холодное, прозаическое время, надо в поэзии огня да огня: иначе нас трудно разогреть. В числе необходимых условий, составляющих истинного поэта, должна непременно быть современность. Поэт больше, нежели кто-нибудь, должен быть сыном своего времени» (*Б*, I, 324—326).

Октября 5. Цензур. разреш. «Молвы» № 39. В номере две рецензии *Б.*: «Довмонт, князь Псковский. Историч. роман XVIII века. Соч. А. Андреева»; «Сцены из петербургской жизни. Соч. В. В. В. <В. М. Строева>». Подпись: —он —инский. В этом же номере «Молвы» анонимная статья о «Живописном обозрении», очень близкая по своим установкам отклику Б. на это же издание (*Б*, II, 470—471). См. июля 30.

Октября 8. Б. был в театре, где «в пятый раз» смотрел Живокини в водевиле Д. Ленского «Хороша и дурна» (*Б*, I, 349; *МВед.*, 1835, № 80). См. февраля 14.

Октября 10. К. С. Аксаков оканчивает Московский университет со степенью кандидата словесных наук (*ЛН*, т. 56, 423).

Октября 12. Цензур. разреш. «Молвы» № 40. В номере рецензии Б.: «Повести Александра Никитина»; «Горе от тещи, или Женись да оглядывайся. Комедия-водевиль П. Григорьева»; «Плач на кладбище, или Сельская девица. Соч.

Федота Кузмичева»; «Сельский колдун, или Крестьянская свадьба. Соч. Федота Кузмичева»; «Незаконнорожденный, или Жизнь и смерть. Нравственно-фантастический роман (??!!), переделанный (?!..) с польского А. П. Протопоповым». Рецензии подписаны: В. Б.

Октября 16. А. Кораблинский <А. Ф. Воейков> в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» резко полемизирует со статьею Б. «О русской повести и повестях г. Гоголя». «У занимающегося же критическими статьями в «Молве» и «Телескопе», — говорится в статье Воейкова, — нет ни учености, ни начитанности, ни дарования; все это заменяет у него отвага» (*ЛПРИ*, 1835, № 83).

Октября 17. К. Г. Белинский в письме к Б. сообщает о переезде семьи в новый дом, передает чембарские новости и благодарит за присланные Б. номера «Телескопа», «Молвы» и «Живописного обозрения» (*ЛН*, т. 57, 195).

Октября 19. Цензур. разреш. «Молвы» № 41. В номере рецензии Б.: «Немецко-русский словарь, изд. Я. Брифа»; «Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем»; «Опыт полного учебного курса русской грамматики для преподавания русским и иностранцам. М. Д. И.»; «Грамматические уроки русского языка Димитрия Каширина»; «Ответ критикам, рассуждающим при (об?) моем объявлении <А. А. Гуслистого>». Рецензии подписаны: В. Б.

Октября 19. А. Кораблинский <А. Ф. Воейков> в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» иронизирует по поводу строк Б. о «фразистой надписи» в примечании к статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (*ЛПРИ*, 1835, № 84).

Октября 24. Цензур. разреш. «Телескопа» № 10. Этот номер Б. только редактировал, не поместив в нем ни одной статьи.

Октября 25. Цензур. разреш. «Молвы» № 42. В номере рецензии Б.: «Библиотека романов и исторических записок, издаваемая Ф. Ротганом»; «Эшафот, или Сын преступника, исторический роман новейших времен Франции А. Биньяна. Перевод с французского Ивана Гурьянова»; «Священная история церкви ветхого и нового завета, в вопросах и ответах, для обучения детей»; «Барановский, или Характеристические очерки частной жизни малороссиян. Малороссийская быль XVIII столетия»; «Валерий и Амалия, или Несчастное семейство. Повесть Алексея Тимофеева». Общая подпись к рецензиям: В. Б.

Октября 26. А. Кораблинский <А. Ф. Воейков> в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» вновь возвращается к полемике с некоторыми положениями статьи Б. «О русской повести и повестях г. Гоголя» (*ЛПРИ*, 1835, № 86). См. октября 19.

Октября 27. Б., «находясь в совершенной крайности», обращается к Н. С. Селивановскому с просьбой ссудить ему «не менее трехсот рублей» асс. на срок «не менее пяти месяцев» (*Б,* XI, 121—122). В этот же день Селивановский послал Б. 250 рублей (*Б,* XI, 615).

Октября конец. Б., под впечатлением рассказов Станкевича и Ефремова, возвратившихся из Премухина, где они гостили в семье Бакуниных с 19 по 26 октября, начинает мечтать о «Премухинской идиллии», как об «осуществлении таинства жизни». Имена трех сестер Бакуниных, «глухо и таинственно» произносящиеся в кружке, необычайно волнуют его воображение (*Б,* XI, 329; *Бакунин,* I, 178).

Октябрь? — ноябрь? Б. знакомится на одном из вечеров у Н. С. Селивановского с В. А. Инсарским (*В. Инсарский,* 10).

Ноября 1. Б. был в театре, где в бенефис В. И. Живокини шли три переводных водевиля (*Б,* I, 350; *МВед.*, 1835, № 86). О впечатлениях Б. от этого спектакля, в котором «театр исчез, уступив свое место балагану», см. ноября 9.

Ноября 2. Цензур. разреш. «Молвы» № 43. В номере напечатана рецензия Б.: «О жизни и произведениях сира Вальтера Скотта. Сочинение Аллана Каннингама. Перевод девицы Д.». Рецензия подписана: В. Б.

Полемизируя с критиками, упрекавшими Вальтера Скотта в «неестественном и нелепом соединении истории с вымыслом», Б. подчеркивал в своей рецензии, что именно в этом сочетании «истории с поэзиею» — величайшая заслуга английского романиста. «Г л а с н а р о д а — г л а с б о ж и й, — писал Б.,— и народ и века самые непогрешительные критики. На Вальтера Скотта и народ, и народы, и человечество давно уже возложили венец поэтической славы: остается векам и потомству скрепить определение современников — и это будет!» (*Б,* I, 344). К этим суждениям о Вальтере Скотте Б. неоднократно возвращался и позднее (*Б,* VII, 52; VIII, 281; X, 105—106 и др.).

Ноября 2. А. Кораблинский <А. Ф. Воейков>, откликаясь в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» на новую книжку «Телескопа», замечает: «В Петербурге получена осьмая книжка сухого, бесцветного, холодного Телескопа... В этом журнале давно уже нет никакого признака ни жизни, ни современности; ничего животрепещущего. На обертке его можно вытиснуть 1735, 1935, так же как 1835 год, не боясь сделать анахронизм» (*ЛПРИ,* 1835, № 88).

Ноября 4. Станкевич в письме к Бакунину из Москвы сообщает, что Б. и Клюшников, которые уже видели Бакунина, хотят ближе познакомиться с ним (*Станкевич,* 580).

Ноября 6 и 7. Кси <Ф. В. Булгарин?> в «Северной пчеле», в рецензии на трагедию Е. Ф. Розена «Петр Басманов», высмеивает анонимных критиков «Молвы» и «Телескопа» за «уничтожение русской словесности и критики». Объектом нападок газеты является «какой-то велемудрый критик, которого знаменитое имя скрывается еще покуда за таинственною завесою, сшитою из некоторых букв» (*СП,* 1835, №№ 251 и 252). Фамилия Б. прямо названа не была.

Ноября 9. Цензур. разреш. «Молвы» № 44. В номере информационная заметка Б. о выходе в свет «Стихотворений Кольцова» и его же отчет о бенефисе Живокини, в который шли пьесы: 1. «Сын природы, или Ученье — свет, а неученье — тьма». Комедия-водевиль, взятая из романа Поль де Кока (!!!); 2. «Покойник-муж и его вдова». Комедия-водевиль Ф. А. Кони. Заимствована из французской комедии; 3. «Царство женщин, или Свет наизворот», водевиль, перев. с французского. Подпись: В. Б. В этом же номере, в разделе «Московские новости», заметка Б. о подписке на «Вестник парижских мод», близкое участие в котором принимал Н. А. Полевой *.

Ноября 12. Станкевич пишет Бакунину из Москвы, что Б. и Клюшников часто у него бывают и кланяются Мишелю (*Станкевич,* 585).

Ноября 12. Лажечников, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б., выражает свое большое удовлетворение согласием Б. написать статью о «Ледяном доме» (см. августа 14). Успех этого романа, по сведениям Лажечникова, совершенно исключителен (*Бик,* 176—178).

Ноября 13. А. Кораблинский <А. Ф. Воейков> в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» замечает, что Б. в рецензии на «Сестру Анну. Сочинение Поль де Кока» «обмолвился здравым суждением о Поль де Коке», и приводит соответствующее место из рецензии Б. (*ЛПРИ,* 1835, № 91). См. августа 31.

Ноября 16. Цензур. разреш. «Молвы» № 45. В номере рецензии Б.: «Краткая география для детей, изданная по руководству г-на И. А. Гейма»; «Записки о Петре Великом. Соч. Виллиамса. Перевел с английского В. Н. Олин»; «О распространении Российского государства с единодержавия Петра I до смерти Александра I. Соч. Ю. Гагемейстера»; «Стихотворения Владимира Бенедиктова». Рецензии подписаны: В. Б. Информируя о выходе в свет «Стихотворений Владимира Бенедиктова», Б. указывает, что подробный разбор их помещен в № 11 «Телескопа», «который должен скоро выйти». См. ноября 24.

Ноября 17. Станкевич пишет Бакунину из Москвы, что Б., Красов и Клюшников ждут Бакунина и кланяются ему (*Станкевич,* 591).

Ноября 24. Цензур. разреш. «Телескопа» № 11. В номере статья Б.: «Стихотворения Владимира Бенедиктова». Подпись: В. Белинский.

Откликаясь на первый сборник стихотворений Бенедиктова, имевших исключительно большой успех в самых широких кругах читателей, Б. стремился доказать не только отсутствие в стихотворениях Бенедиктова подлинного мастерства, подменяемого, по его мнению, трюкачеством и фразерством, но и разрушить легенду, пущенную в оборот Шевыревым на страницах августовской книжки «Московского наблюдателя», о том, что Бенедиктов является будто бы первым русским «поэтом мысли». Б. предпосылает своему разбору несколько эстетических положений, проверка которых на материале общеизвестных стихотворений Бенедиктова и является стержнем статьи: «Как в романе или драме невыдержанность характеров, неестественность положений, неправдоподобность событий обличают работу, а не творчество, так в лиризме неправильный язык, яркая фигура, цветистая фраза, неточность выражения, изысканность слога обличают ту же самую работу. Простота языка не может служить исключительным и необманчивым признаком поэзии, но изысканность выражения всегда может служить верным признаком отсутствия поэзии. Стих, переложенный в прозу и обращающийся от этой операции в натяжку, так же как и темные, затейливые мысли, разложенные на чистые понятия и теряющие от этого всякий смысл, обличают одну риторическую шумиху, набор общих мест». Детально анализируя с этих позиций наиболее популярные произведения Бенедиктова, Б. приходит к заключению, что, несмотря на все свои версификаторские и языковые новшества, несмотря на все свои претензии на значительность и оригинальность, Бенедиктов в своих «ошибках против языка и здравого смысла», в своих «вычурах и гримасах риторических» не имеет никаких прав на то место в русской поэзии, которое пытается закрепить за ним реакционная критика. «В стихотворениях г. Бенедиктова, — заключал свой разбор Б., — все недосказано, все неполно, все поверхностно, и это не потому, чтобы его талант еще не созрел, но потому, что он, очень хорошо понимая и чувствуя поэзию воспеваемых им предметов, не имеет этой силы фантазии, посредством которой всякое чувство высказывается полно и верно. У него нельзя отнять таланта стихотворческого, но он не поэт» (*Б,* I, 359—371).

В статье о Бенедиктове Б. очень тонко и едко использует для демонстрации всех дефектов, характерных для поэтов типа Бенедиктова, стихотворение Шевырева «Видал ли очи львицы гладной». Подчеркивая в этом произведении его «фальшивый блеск» и определяя его как «набор фраз, написанных на тему, заданную умом», Б. заявлял: «Было время, когда подобные натяжки принимались за поэзию; но теперь — извините!» Не-

смотря на то, что самое имя Шевырева, как автора этих стихов, в статье названо не было, авторитет его как поэта и критика был сильно подорван. Б., упоминая в статье о стихотворениях Бенедиктова «Крымские сонеты» Мицкевича, характеризует последнего как «одного из величайших мировых поэтов» (*Б*, I, 363). Об откликах критики на статью Б. см. 1836, января 8 и августа начало.

Ноября 28. К. Г. Белинский в письме к Б. из Чембара, делясь впечатлениями от его статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя», утверждает, что не он один «восхищается» сочинениями Б., и упоминает при этом, что «г. Башилов в письме своем к Надеждину хвалил «Литературные мечтания» (*ЛН*, т. 57, 196).

Ноября 29. Лажечников в письме к Б. просит о помещении в «Молве» ответа на выпады «Московского наблюдателя» по поводу ранних его произведений (*Бик*, 178—179).

Эти выпады заставили Лажечникова просить редакцию «Телескопа» о воздействии на Глазунова с тем, чтобы последний отказался от переиздания «Походных записок русского офицера» до их переделки Лажечниковым (*Бик*, 178—179; *Б*, II, 166—167). Б. вступился за Лажечникова в своей статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (*Б*, II, 166—167).

Ноября 30. Цензур. разреш. «Молвы» № 46—47. В номере пять рецензий Б.: «Опыт исследования некоторых теоретических вопросов. Соч. Константина Зеленецкого»; «Валерия, или Слепая. Комедия в 3-х действиях. Переведена с французского из сочинения (??) г. Скриба. Действ. студ. Андреем Павловым»; «Новейшие повести и рассказы. Сочинение (?) Евгения Сю, Бальзака и Ожера. Перевод с французского»; «Сцены современной жизни. Соч. Алек. Москвичина»; «Весенняя ветка. Стихотворения». Общая подпись: В. Б. В этом же номере «Молвы» напечатана «Журнальная заметка» (подписанная: В. Белинский) — ответ Б. на выпады против него в «Северной пчеле». См. ноября 6 и 7.

Ноября 30. Лажечников в письме к Б. просит задержать публикацию своего ответа на нападки «Московского наблюдателя» и вспоминает при этом слова Б.: «L'homme est un animal bien bon» (*Бик*, 180). См. ноября 29.

Декабря 1. Цензур. разреш. «Телескопа» № 13. Этот номер Б. только редактировал.

Декабря 2. Б. присутствует на премьере комедии М. Н. Загоскина «Недовольные». Постановка этой пьесы, представляющей собою пасквиль на М. Ф. Орлова и П. Я. Чаадаева, заказанный министерством императорского двора по личному указанию Николая I, была сурово осуждена передовой мос-

ковской общественностью и печатью (см. рецензии Н. Ф. Павлова в «Московском наблюдателе», 1835, ч. IV, кн. 1, 441—443 и И. П. Клюшникова в «Телескопе», № 13, 81—103, а также Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, I, 185—186). Б. выступил с уничтожающим разбором комедии Загоскина на страницах «Молвы» (см. декабря 20). К «строгому приговору московских журналов» присоединился и Пушкин в своей заметке о «Недовольных» (*Пушкин,* XII, 11).

Декабря 4. Цензур. разреш. «Телескопа» № 12. В номере статья Б.: «Стихотворения Кольцова». Подпись: В. Белинский. В этом же номере «примечание» Б. к пародиям К. Эврипидина <К. С. Аксакова> на стихотворения Бенедиктова.

Критически разбирая первый сборник стихотворений Кольцова, Б. писал: «Немного напечатано их из большой тетради, присланной им, не все и из напечатанных равного достоинства <...> Почти все они имеют близкое отношение к жизни и впечатлениям автора и потому дышат простотою и наивностию выражения, искренностию чувства, не всегда глубокого, но всегда верного, не всегда пламенного, но всегда теплого и живого». В своей статье Б. резко противопоставляет лирику Кольцова стихотворениям Бенедиктова и его школы.

«Не знаю, будут ли иметь успех стихотворения Кольцова, обратит ли на них публика то внимание, которого они заслуживают, будут ли уметь наши журналы отдать им должную справедливость, все это покажет время. Но мы не можем не признаться, что Кольцов является с своими прекрасными стихотворениями не вовремя, или, лучше сказать, в дурное время. Хорошо еще для него, если бы он явился среди всеобщего затишья наших неугомонных лир, а то вот беда, что он является среди дикого и нескладного рева, которым терзают уши публики гг. непризванные поэты, преизобильно и преисправно наполняющие, или, лучше сказать, наводняющие некоторые журналы; является в то время, когда хриплое карканье ворона и грязные картины будто бы народной жизни с торжеством выдаются за поэзию... Грустная мысль! Неужели и в самом деле гудок, волынка и балалайка должны заглушить звуки арфы? Неужели и в самом деле стихотворное паясничество и кривлянье должны заслонить собою истинную поэзию?.. Чего доброго! Поэзия Кольцова так проста, так неизысканна и, что всего хуже, так истинна! В ней нет ни диких напыщенных фраз об утесах и других страшных вещах; в ней нет ни моху забвения на развалинах любви, ни плотных усестов, в ней не гнездится любовь в ущельях сердец, в ней нет ни других подобных диковинок. Толпа слепа: ей нужен блеск и треск; ей нужна яркость красок, и ярко-красный цвет у ней самый любимый... Но нет — этого быть не может! Ведь есть же и у самой толпы какое-то чутье, которому она следует наперекор самой себе и которое у ней всегда верно! Ведь есть же люди, которые, предпочитая Пушкину и того и другого поэта, тверже всех поэтов знают наизусть Пушкина и чаще всех читают его?.. Кажется, теперь бы и должно быть этому времени, в которое все оценивается верно и безошибочно? — Увидим!»

Горячо рекомендуя читателям молодого поэта, Б. в заключение отмечал: «Не знаем, разовьется ли талант Кольцова, или падет под игом жизни? Этот вопрос решит будущее, нам остается только желать, чтобы этот талант, которого дебют

так прекрасен, так полон надежд, развился вполне. Это много зависит и от самого поэта» (*Б*, I, 391—392).

Декабря 4. А. Ф. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», в анонимной статье «Московский театр», цитируя несколько строк из рецензии Б. на комедию-водевиль «Сын природы, или Ученье — свет, а неученье — тьма» (см. ноября 9) и соглашаясь с тем, что она «не художественна», признает, что Б. «пограмотнее» «Сиговых, Гурьяновых, Фоминых», — «он только поставил себе за правило поблажать искаженному вкусу А***, Б***, В***, Г***, Д*** и всем буквам алфавита». В этом же номере «Лит. прибавлений» Воейков упрекает «Молву» за «абсурдное сообщение» о новом журнале «Вестник парижских мод» (*ЛПРИ*, 1835, № 97). См. ноября 9.

Декабря 8. Станкевич в письме к Неверову упоминает, что Б. «требует» у него для «Телескопа» статью о музыкальных вечерах Гебеля (*Станкевич*, 344).

Декабря около 15. В Москву возвращается из-за границы Н. И. Надеждин (*Н. Козмин*, 524—526).

Декабря 18. А. Кораблинский <А. Ф. Воейков> в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» присоединяется к отрицательной оценке перевода романа Эджеворт «Елена» в рецензии Б.: «Библиотека романов и исторических записок, издаваемая Ф. Ротганом» (*ЛПРИ*, 1835, № 101). См. сентября 29.

Декабря 20. Цензур. разреш. «Молвы» № 48—49. В номере рецензии Б.: «Осенний вечер. Изданный В. Лебедевым»; «Недовольные. Оригинальная комедия в 4-х действиях в стихах, соч. М. Н. Загоскина. Дивертисман, вновь сочиненный (?) и поставленный г-жою Гюллень». Обе рецензии подписаны: В. Б. В 1836 г. Б. повторил суровую оценку «Недовольных» (*Б*, II, 231—232). См. декабря 2.

Декабря 21. А. Кораблинский <А. Ф. Воейков> в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» горячо поддерживает статью Булгарина в «Северной пчеле» о «Петре Басманове», направленную против Б. (*ЛПРИ*, 1835, № 102—103). См. ноября 6, 7 и 30.

Декабря 26. Цензур. разреш. «Молвы» № 50. В номере рецензии Б.: «Три сердца. Александра Долинского»; «История Японии, или Япония в настоящем виде, ч. I и II <Н. Горлова>». Рецензии подписаны: В. Б.

В этом же номере «Молвы» Н. И. Надеждин в заметке «От издателя» объявляет подписчикам «Телескопа» и «Молвы», что книжки журнала, недоданные в 1835 г. из-за его отъезда за границу, будут разосланы в следующем году.

Декабря конец. Встречи Б. с Бакуниным, приехавшим из Премухина в Москву и поселившимся у А. П. Ефремова. В этой же квартире живет В. И. Красов (*Бакунин*, I, 188—190). См. марта около 10.

Б. знакомится в доме Петровых с М. В. Орловой, классной дамой Александровского института (*Лепта Б.,* 25; *Бик,* 248). Это знакомство возобновляется в 1842 г.

Б., выписав к себе из Чембара брата Никанора и племянника Петю Иванова, берет на себя заботы о их содержании и воспитании. При необеспеченности самого Б. эти заботы вносят в его жизнь много бытовых осложнений, обусловливают его хроническое безденежье и втягивают в долги (*Б,* XI, 171, 174).

Б., готовя к поступлению в Московский университет семнадцатилетнего К. Д. Кавелина (см. выше, стр. 88), очень сближается к лету со своим учеником. «Учил он меня плохо, — вспоминал Кавелин об уроках Б., — задавал по книжке, выслушивал рассеянно, без дополнений и пояснений и, наконец, предоставил меня собственной судьбе, говоря, что я — юноша умный и с учебниками справлюсь сам. Но, насколько он был плохой педагог, мало знающий предмет, которому учил, настолько он благотворно действовал на меня возбуждением умственной деятельности, умственных интересов, уважения и любви к знанию и нравственным принципам». Подчеркивая, что Б. действовал на него «не как политический агитатор, а как мыслящий человек», Кавелин удостоверял, что именно Б. привил ему — еще, правда, «в очень наивной, неопределенной и мечтательной форме» — «отрицательное отношение ко всей окружающей его действительности, социальной, религиозной и политической» (*К. Кавелин,* 1082—1083).

Б., познакомившись в начале года с Н. А. Полевым (см. выше, стр. 89), с лета становится «постоянным гостем» последнего. В доме Полевого Б. сближается с его братом, К. А. Полевым. «Эта приязнь была совершенно бескорыстною как с нашей, так и с его стороны, — вспоминал К. А. Полевой. — Брат мой, сам опальный литератор, не мог покровительствовать ему ни в чем; а Б., безвестный юноша, не мог оказать ему никакой услуги. Мы видели в нем только добродушную искренность и благородную пылкость во всех его стремлениях; он, с своей стороны, выражал нам свои жалобы, свои сетования на людей, на их испорченность, пошлость и, конечно, находил утешение в беседе с теми, кому так искренно открывал свою душу» (*К. Полевой,* 370).

Б., отказавшись от работы у А. М. Полторацкого (см. 1834—1835), переселяется на Петровку, в Рахманов переулок, № 22, где снимает комнату в доме, принадлежавшем князьям Касаткиным-Ростовским. Этот адрес Б. указан в

июле 1835 г. в «Молве», в объявлении о местонахождении временной редакции «Телескопа» (*«Молва»*, 1835, №№ 24—26, стлб. 470), и в письме А. М. Полторацкого к Б. (*Бик,* 258). В этой квартире его посетил Лажечников *.

«Приехав однажды в первых тридцатых годах из Твери в Москву, — вспоминал он впоследствии, — я хотел посетить Белинского и узнать его домашнее житье-бытье. Он квартировал в бельэтаже (слово это было подчеркнуто в его адресе), в каком-то переулке между Трубой и Петровкой. Красив же был его бельэтаж! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться к нему надо было по грязной лестнице; рядом с его каморкой была прачечная, из которой беспрестанно неслись к нему испарения мокрого белья и вонючего мыла. Каково было дышать этим воздухом, особенно ему, с слабой грудью. Каково было слышать за дверьми упоительную беседу прачек и под собой стукотню от молотов русских циклопов, если не подземных, то подпольных. Не говорю о беднейшей обстановке его комнаты, не запертой (хотя я не застал хозяина дома), потому что в ней нечего было украсть. Прислуги никакой, он ел, вероятно, то, что ели его соседки. Сердце мое облилось кровью... я спешил бежать от смраду испарений, обхвативших меня и пропитавших в несколько минут мое платье; скорей, скорей на чистый воздух, чтобы хоть несколько облегчить грудь от всего, что я видел, что я прочувствовал в этом убогом жилище литератора, заявившего России уже свое имя» (*И. Лажечников,* XII, 254—255).

1836

Января 2. Цензур. разреш. «Телескопа» № 1. В этом номере статья Б. «Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие русской литературы». См. февраля 22, марта 5 и 17.

Января 2. Цензур. разреш. «Молвы» № 1. В номере рецензии Б.: «Месяцеслов на високосный 1836 год»; «Постоялый двор <роман А. П. Степанова>»; «О характере народных песен у славян задунайских. Набросано Юр. Венелиным»; «Всеобщее путешествие вокруг света. Дюмон-Дюрвиля»; «Библиотека полезных сведений о России <С. М. Строева>». Общая подпись к рецензиям: В. Б.

Января 4. В первой книге «Сына отечества» В. М. Строев в анонимной статье «Русская критика в 1835 г.» характеризует литературные позиции Б., не называя его имени: «Телескоп» и «Молва» подкапывают все возможные репутации; круг их работы чрезвычайно обширен; всякая известность равно ненавистна «Телескопу» и «Молве»: Ломоносов, Державин, Пушкин, Жуковский, Сенковский, Кукольник, мертвые и живые, все равно подвергаются благонамеренной критике этих журналов, где вы никогда не встречали никакого известного имени, и потому ненависть их к известным именам очень понятна» (*СО,* 1836, № 1, 47—48). См. января 25.

Января 8. А. Ф. Воейков, протестуя в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» против отзывов Б. о произведениях Бенедиктова и

Марлинского, представляет его критиком, «никакими заслугами не замеченным и ничего не сочинившим» (*ЛПРИ*, 1836, № 3).

Января 13. «Северная пчела» в анонимной рецензии на «Начертание русской истории для училищ» Погодина сочувственно цитирует отрицательный отзыв о последней Б. (*СП,* 1836, № 9). См. 1835, сентября 13.

Января 18. М. Е. Лобанов, выступая на заседании Российской академии с докладом «Мнение о духе словесности как иностранной, так и отечественной», резко протестует против «духа» статей Б. Самая фамилия Б. осталась, однако, не названной (*ЛН,* т. 56, 251—252). Ответ Пушкина на это «мнение» (*«Современник»,* 1836, III, 94—106) см. октября около 9.

Января 25. В. М. Строев, возвращаясь в «Сыне отечества» к статьям Б. в «Телескопе» и «Молве» (см. января 4), утверждал: «Быть не может, чтоб издатель согласился на напечатание большей части статей, помещенных в его журналах, если б не находился в чужих краях» (*СО,* 1836, № 4, 233).

Января 25. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» негодует по поводу «самонадеянности и самохвальства Б.» (*ЛПРИ,* 1836, № 8).

Января 31. «Северная пчела» протестует против поношения Булгарина в «Телескопе», как писателя якобы «посредственного или даже плохого» (*СП,* 1836, № 25).

Январь. Б. радушно принимает приехавшего в Москву Кольцова, вводит поэта в круг своих друзей, знакомит с московскими литераторами (*Кольцов,* 429; *БС,* XIII, 328).

Январь — февраль. Встречи Б. с Бакуниным, который начинает играть ведущую роль в кружке Станкевича, пропагандируя практическую философию Фихте («О назначении ученого», «Наставление к счастливой жизни») и «пленяя» всех своим «кипением жизни, беспокойным духом, живым стремлением к истине» (*Б,* XI, 328; *Бакунин,* I, 209, 218).

«Фихтеанизм принес мне великую пользу, — вспоминал впоследствии Б., — но и много сделал зла, может быть, оттого, что я не так его понял: он возбудил во мне святотатственное покушение к насилованию девственной святости чувства и веру в мертвую абстрактную мысль» (*Б,* XI, 322). См. сентября около 20.

Февраля 15. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» отмечает, что Б. «отважно идет по следам храброго издателя «Московского телеграфа», то есть наперекор мнению целого света» (*ЛПРИ,* 1836, № 14).

Февраля 22. Цензурное разрешение «Телескопа» № 2. В номере статья Б.: «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие русской литературы» (продолжение). См. января 2 и марта 5.

Февраля 22. Цензур. разреш. «Молвы» № 2. В номере рецензии Б.: «Вастола, или Желания. Соч. Виланда. Изд. А. Пушкин»; «Песни, романсы и разные стихотворения А. П<уговишникова>»; «Песни Т. м. ф. а.»; «Елизавета Кульман. Фантазия Т. м. ф. а. <А. В. Тимофеева>». Общая подпись к рецензиям: В. Б.

Февраля 29. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» полемизирует с мнением Б. о Делиле (*ЛПРИ,* 1836, № 18).

Марта 1. Цензур. разреш. «Молвы», 1835, №№ 51—52. В номере рецензии Б.: «Покойник-муж и вдова его. Комедия-водевиль Ф. Кони. Иван Савельич. Шутка-водевиль Ф. Кони»; «Заговор против себя. Соч. Гавр. фон Бейера»; «Подвиги русских воинов в странах кавказских. Соч. П. Зубова»; «Поединок. Соч. А. Беркутова»; «Цветы нравственности, собранные из лучших писателей М. Третьяковым»; «Авторский вечер <П. Крутенева>»; «Детский театр. Соч. Б. Федорова». В этом же номере примечания Б. к объявлению «Литературная новость». Рецензии подписаны: В. Б.

Марта 3. Кольцов в письме к Б. из Петербурга извиняется, что отдал в «Сын отечества» своего «Косаря», которого обещал Б. Кольцов просит о высылке ему двадцати экземпляров его «Стихотворений» (*Кольцов,* 157). См. марта 21.

Марта 3. И. И. Дмитриев в письме к кн. П. А. Вяземскому обращает внимание последнего на статью «Ничто о ничем» во второй книге «Телескопа», где «экс-студент Белинский, который, кажется, в большом союзе с Брамбеусом и ревнует перещеголять Полевого, громит новых литераторов с исключением двух, о старых же говорить нечего: они уже давно раздавлены» (*Старина и новизна*, 185).

Марта 5. Цензур. разреш. «Телескопа» № 3. В номере статья Б. «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие русской литературы» (продолжение).

В статье «Ничто о ничем» Б. обозревает русские журналы и газеты, сосредоточивая основное внимание на критической характеристике «Библиотеки для чтения». При рассмотрении материалов литературно-художественного отдела этого журнала Б. дает уничтожающий разбор пасквиля Ушакова «Пиюша» (см. 1835, июня 30). Разобрав один за другим все отделы «Библиотеки для чтения», Б. приходит к выводу, что тайна постоянного успеха ее «заключается в том, что этот журнал есть по преимуществу п р о в и н ц и а л ь н ы й, и в этом отношении невозможно не удивляться той ловкости, тому уменью, тому искусству, с какими он приноровляется и подделывается к провинции» (*Б,* II, 19). Аттестуя «Северную пчелу» и «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», Б. отмечает, что над первой «тяготеет все тот же уровень золотой посредственно-

сти», а вторые «справедливее б было назвать «Инвалидными повторениями литературы» (*там же,* 43). Охарактеризовав критику «Московского наблюдателя» как «несовременную и отзывающуюся классицизмом», Б. обещает в ближайшем времени остановиться на ней «подробнее». См. марта 17, 21 и апреля 17.

Марта 5. Цензур. разреш. «Молвы» № 3. В номере рецензии Б.: «Стихотворения Александра Пушкина, ч. IV»; «Естество мира, или Вечность во времени, а пространство в объеме. А. Т.»; «Устроение вселенной, или Расположение естественных видов по их проявлениям. А. Т.»; «Очертательность естества, или Наружная форма проявлений. А. Т.»; «Движимость естества, или Устремление видов к равности отношений по их проявлениям. А. Т<ихменева>»; «Виктор, или Следствия худого воспитания. Соч. П. С—ва»; «Памятные записки тит. советника Чухина. Соч. Ф. Булгарина»; «О должностях человека. Соч. С. Пеллико, пер. с итальянского Н. Хрусталевым»; «Собрание рифм по алфавиту». Рецензии подписаны: В. Б.

Разбирая «Стихотворения А. Пушкина», Б. утверждает: «Вообще очень мало утешительного можно сказать об этой четвертой части стихотворений Пушкина. Конечно, в ней виден закат таланта, но таланта Пушкина; в этом закате есть еще какой-то блеск, хотя слабый и бледный...» (*Б,* II, 82).

Марта 17. Цензур. разреш. «Телескопа» № 4. В номере статья Б. «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие русской литературы» (окончание).

Характеризуя в связи с разбором «Библиотеки для чтения» и «Московского наблюдателя» задачи, стоящие перед русскими журналами, Б. «первой и священнейшей их обязанностью» считает «умножение читателей», «развитие и распространение вкуса к чтению». С этой первой и основной задачей соединяется вторая — борьба за эстетическую культуру, за прививку интереса к искусству и литературе, развитие в читателях «чувства изящного». «Это чувство, — утверждает Б., отправляясь от некоторых положений «Системы трансцедентального идеализма» Шеллинга и «Писем об эстетическом воспитании» Шиллера, — есть условие человеческого достоинства: только при нем возможен ум, только с ним ученый возвышается до мировых идей, понимает природу и явления в их общности; только с ним гражданин может нести в жертву отечеству и свои личные надежды и свои частные выгоды; только с ним человек может сделать из жизни подвиг и не сгибаться под его тяжестию. Без него, без этого чувства, нет гения, нет таланта, нет ума — остается один пошлый «здравый смысл», необходимый для домашнего обихода жизни, для мелких расчетов эгоизма <...> Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности. Пусть процветает в Североамериканских Штатах гражданское благоденствие, пусть цивилизация дошла до

последней степени, пусть тюрьмы там пусты, трибуналы праздны; но если там, как уверяют нас, нет искусства, нет любви к изящному, я презираю этим благоденствием, я не уважаю этой цивилизации, я не верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна. Где нет владычества искусства, там люди не добродетельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; они не борются со злом, а избегают его, избегают его не по ненависти ко злу, а из расчета. Цивилизация тогда только имеет цену, когда помогает просвещению, а, следовательно, и добру — единственной цели бытия человека, жизни народов, существования человечества». И далее: «Чувство изящного развивается в человеке самим изящным, следовательно, журнал должен представлять своим читателям образцы изящного; потом чувство изящного развивается и образуется анализом и теорией изящного, следовательно журнал должен представлять критику. Там, где есть уже охота к искусству, но где еще зыбки и шатки понятия об нем, там журнал есть руководитель общества. Критика должна составлять душу, жизнь журнала, должна быть постоянным его отделением, длинною, непрерывающеюся и неоканчивающеюся статьею. И это тем важнее, что она для всех приманчива, всеми читается жадно, всеми почитается украшением и душой журнала» (*Б*, II, 47, 48).

Марта 17. Цензур. разреш. «Молвы» № 4. В номере рецензии Б.: «Провинциальные бредни и записки Д. Б. Прутикова <А. М. Полторацкого>»; «Прекрасная Астраханка, или Хижина на берегу реки Оки. Роман»; «Отелло, фантастическая повесть В. Гауфа. Перевод с немецкого»; «Библиотека романов и исторических записок, изд. Ф. Ротганом». Рецензии не подписаны.

Марта 18. Лажечников в письме к Б. протестует против «панегирика кулаку» в статье Надеждина «Европеизм и народность» («Телескоп» № 2). Лажечников пересылает Б. для сведения письмо Воейкова о петербургских литературных «сплетнях» и просит возвратить письмо Пушкина о «Ледяном доме» и черновик своего ответа на это письмо (*Бик,* 180—181). См. апреля 17.

Марта 21. Цензур. разреш. «Телескопа» № 5. В номере статья Б. «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя». См. апреля 17.

Марта 21. Цензур. разреш. «Молвы» № 5. В номере рецензии Б.: «Басни Крылова»; «Кальян. Стих. А. Полежаева»; «Русская история для первоначального чтения. Соч. Н. Полевого»; «Очерки Константинополя. Соч. К. Базили»; «Стелло, или Голубые бесы. Соч. А. де Виньи»; «Бетти и Томс, или

Доктор Эннер и его открытие. Пер. с немец. С. П.»; «Детская книжка на 1835 год, которую составил В. Бурнашев». Рецензии подписаны: В. Б.

Марта 21. Кольцов в письме к Б. просит о высылке ему пятидесяти экземпляров его «Стихотворений» (*Кольцов,* 158). См. марта 3.

Марта конец? Н. А. Полевой, откликаясь в письме к Н. С. Селивановскому на статью Б. «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя», писал: «Итак, война? Уж бьются на Аустерлицком мосту? Кому-то пасть, а что Шевырев дурак, — воля ваша, — теперь сомнения прочь. Надеждин его целиком проглотит. Пожалуйста, подбивайте нашего Орландо <т. е. Белинского> не уступать и биться. Я радуюсь, как старый забияка» (*А. Пыпин,* 125—126).

Апреля 4—5. Размолвка М. П. Погодина с Надеждиным из-за сочувственного отношения последнего к статьям Б. (*Барсуков,* IV, 354, 448). См. марта 21 и апреля 17.

Апреля 8. А. Ф. Воейков, отмечая в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» обзор «Русская критика в 1835 г.» в «Сыне отечества» (см. января 4 и 25), недоумевает по поводу слишком корректных упоминаний в нем о статьях Б., «который никого не щадит, никого не уважает» (*ЛПРИ,* 1836, № 29).

Апреля 11. Выход в свет первой книги «Современника» Пушкина. В статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.» Гоголь обходит молчанием статьи Б. в «Телескопе» и «Молве». В черновом тексте статьи Гоголя сохранились, однако, строки и о Б.: «В критиках Б. виден вкус, хотя еще не образовавшийся, молодой и опрометчивый, но служащий порукой за будущее развитие, потому что основан на чувстве и душевном убеждении. При всем этом в них много есть в духе прежней семейственной критики, что вовсе неуместно, а тем более для публики» (*Гоголь,* изд. X, т. VI, 342).

Апреля около 15. Б. знакомится с Грановским, пробывшим несколько дней в Москве на пути за границу (*А. Станкевич,* 46. Ср. *Станкевич*, 706) *.

Апреля 17. Цензур. разреш. «Телескопа» № 6. В номере статья Б. «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (окончание). Статья подписана: В. Белинский.

Определяя литературную критику как «движущуюся эстетику» и формулируя задачи русской критики, которая «должна быть гувернером общества и на простом языке говорить высокие истины», Б. рассматривает одну за другой статьи Шевырева в «Московском наблюдателе» и с возмущением вскрывает его тенденции повернуть русскую литературу к ее аристократическому прошлому, устроить из нее «бальную залу»: «...из

наших литераторов хотят сделать светских людей в модных фраках и белых перчатках, энергию хотят заменить вежливостию, чувство приличием, мысль модною фразою, изящество щеголеватостию, критику комплиментами; короче — к нам снова зовут восьмнадцатый век, этот золотой век светской (profane) литературы <...> А! так вот почему нам с некоторого времени так часто толкуют о каких-то «светских» повестях и «светских» романах!.. Так вот где скрывалась задушевная идея, которую с таким жаром развивает Наблюдатель?» (*Б,* II, 123, 125, 169). В одном из примечаний к этой статье Б. полемизирует с панегирическим отношением Надеждина к «русскому кулаку». См. марта 18.

Апреля 17. Цензур. разреш. «Молвы» № 6. В номере рецензии Б.: «Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский <А. Вельтмана>»; «Всеобщее путешествие вокруг света, сост. Дюмон-Дюрвилем, ч. II. Виды, портреты и изображения предметов природы и общественного быта, составленные Сенсоном, сопровождавшим Дюмон-Дюрвиля»; «Оперы и водевили, переводы с французского Д. Ленского»; «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей. Изд. Н. Надеждиным»; «Темные рассказы опрокинутой головы. Соч. Бальзака». Рецензии подписаны: В. Б.

Апреля 18. Ф. А. Кони в «Северной пчеле», в заметке «Кое-что о Москве», иронизирует по поводу того, что «г. Белинский в статье «Ничто о ничем» объявляет, что «Библиотека для чтения» просто журнал самый п р о в и н ц и а л ь н ы й, никуда не годный, а «Телескоп» и «Молва», напротив того, и в самой просвещенной части Европы уму разуму научат» (*СП,* 1836, № 87).

Апреля 19. Н. В. Станкевич выезжает из Москвы в Пятигорск (*Бакунин,* I, 275 и 462). См. мая 5.

Апреля 22. А. Ф. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» продолжает возмущаться «подкапыванием» Б. под все литературные репутации и поддержкой его в этом отношении со стороны Надеждина (*ЛПРИ,* 1836, № 33).

Апреля 30. Цензур. разреш. «Молвы» № 7. В номере рецензии Б.: «Несколько слов о «Современнике»; «Михаил Васильевич Ломоносов. Соч. К. Полевого»; «Летопись факультетов на 1835 г., изд. А. Галичем и В. Плаксиным»; «Страсть и мщение. Соч. А. Долинского»; «Русская Шехерезада. Повести, изд. S. S.». Рецензии подписаны: В. Б.

Разбирая первую книжку нового журнала Пушкина, Б. указывает, что «Современник есть явление важное и любопытное сколько по знаменитости имени его издателя, столько и от надежд, возлагаемых на него одною частию публики, и от страха, ощущаемого от него другою частию публики». Выделяя в «Современнике» такие произведения, как «Пир Петра Великого»,

«Скупой рыцарь» и «Путешествие в Арзрум» Пушкина, «Ночной смотр» Жуковского, «Коляску» и «Утро делового человека» Гоголя, Б. особенно сочувственно и подробно реферирует анонимную статью Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.», которая, по его словам, «содержит в себе много справедливых замечаний, высказанных умно, остро, благородно и прямо и потому подающих надежду, что «Современник» будет журналом с мнением, с характером и деятельностию» (*Б*, II, 183). См. августа 3.

Апреля вторая половина. Встречи Б. с Кольцовым, возвратившимся из Петербурга (*Кольцов,* 162, 430).

Апрель — май. Б. после отъезда из Москвы Станкевича еще теснее сближается с Бакуниным, вокруг которого группируются К. С. Аксаков, А. П. Ефремов и И. П. Клюшников. «Наши надежды и наши планы на будущее, — писал об этих встречах Бакунин, — вот что составляет обычный предмет наших бесед, всегда воодушевленных, так как каждый высказывает то, что чувствует и думает, а не то, что он должен был бы чувствовать и думать по обязанности» (*Бакунин,* I, 301). К этому времени относится и начало той «сердечной истории» (*Б,* XI, 332), о которой см. июнь — июль.

Мая 1. Цензур. разреш. «Телескопа», 1835, ч. XXIX, №№ 17—20. В этих объединенных номерах, недоданных подписчикам в прошлом году, статьи Б.: «Русская литературная старина <О «Димитрии Самозванце» А. Сумарокова и о «Юлии Цезаре» Шекспира в переводе Карамзина>»; «Метеорологические наблюдения над современною русскою литературою <Полемические заметки о «Библиотеке для чтения», о «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», о писаниях Ф. Кони, о «Московском наблюдателе», о «России» Булгарина>». Обе статьи опубликованы без подписи Б.

В этом же номере «примечание» Б. к пародиям К. Аксакова, а также четыре лекции Фихте «О назначении ученого» («Über die Bestimmung des Gelehrten»), переведенные М. Бакуниным.

«Ты перевел несколько лекций Фихте для «Телескопа», — писал ему Б. спустя два года, — и в этом переводе я увидел какое-то инстинктуальное, но сильное знание языка русского <...>, увидел жизнь, силу, энергию, способность передать другим свои глубокие впечатления. Я стал смотреть на тебя, как на спутника по одной дороге со мной, хотя ты шел и своею. Все это еще более возвысило тебя в моих глазах, и должно было возвысить, — и я все более и более смотрел на тебя, как на друга» (*Б*, XI, 329).

Мая 2. А. Ф. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» утверждает, что «Телескоп» томится «в предсмертных судорогах», славясь только статьями Б., уничтожающего Ломоносова, Жуковского, Озерова, Княжнина, Богдановича (*ЛПРИ,* 1836, № 36).

Мая 3. Пушкин, приехав по делам «Современника» в Москву, знакомится с высокой оценкой своего журнала в только что опубликованной статье Б. (см. апреля 30). Это был первый положительный печатный отзыв о «Современнике». М. С. Щепкин и П. В. Нащокин налаживают свидание Пушкина с Б., но эта встреча не состоялась из-за преждевременного выезда поэта 21 мая в Петербург (*Пушкин,* XVI, 110, 112, 121; *А. Пыпин,* 101, 102; *Кольцов,* 234; *ИВ,* 1900, VIII, 455). См. мая 27.

Мая 5. Станкевич в письме к Красову просит извиниться за него перед Б. за то, что он еще не перевел обещанную статью <Вильма> о Гегеле (*Станкевич,* 406). См. мая 30 и сентября около 20.

Мая около 15. Бакунин, уезжая из Москвы, приглашает Б. в Премухино. Возможность перенестись в эту «святую и таинственную атмосферу» необычайно волнует Б.: «От этого приглашения (как теперь помню) у меня потемнело в глазах и земля загорелась под ногами» (*Б,* XI, 329; *Бакунин,* I, 303—304).

Мая 25. Б. присутствует на премьере «Ревизора» в Москве, с М. С. Щепкиным в роли городничего и с Ленским в роли Хлестакова (*«Молва»,* 1836, № 8, 209—211; *Гоголь,* изд X, т. 5, 665).

Мая 27. Пушкин в письме к П. В. Нащокину просит сказать Б. о своем сожалении, что не успел с ним увидеться и поручает передать ему в подарок «тихонько от Наблюдателей» <т. е. от руководителей «Московского наблюдателя»> экземпляр первого тома «Современника» (*Пушкин,* XVI, 121) *.

«Меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, — писал Б. 20 апреля 1842 г. Гоголю, — несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастию, дошедших до меня из верных источников» (*Б,* XII, 109).

Мая 30. Станкевич в письме к Б. из Пятигорска просит прощения за задержку перевода обещанной статьи о Гегеле и рассказывает, со слов брата, о потрясении, произведенном на Шевырева последней статьей Б. о «Московском наблюдателе». Письмо заканчивается призывом к работе: «Вспомни, что Погодин всех нас называет «рецензентами» и ждет, чтобы мы сами что-нибудь сделали, — начинай же что-нибудь делать. Пошла ли в ход твоя грамматика? Был ли ты у Строганова? Учишься ли по-немецки?» (*Станкевич,* 411—412).

Июня 3. А. Ф. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» отмечает: «Никогда не было еще ни журналиста, ни журнального сотрудника на святой Руси, который бы столь неуважительно отзывался об отцах нашей словесности, Ломоносове и

Сумарокове, как некто, подписывающийся Виссарионом Белинским в статьях «Телескопа» (*ЛПРИ,* 1836, № 45).

Июня 6. Цензур. разреш. «Молвы» № 8. В номере рецензии Б.: «Стихотворения Владимира Бенедиктова»; «Хвалебное приношение веры; Ночь. Соч. С. Темного»; «Письма леди Рондо, пер. с англ.»; «Стенька Разин. Соч. Н. Фомина». Рецензии подписаны: В. Б. В этом же номере, в разделе «Московские записки», анонимная заметка Б. о постановке «Ревизора».

Июня 6. Воейков, возмущенный разбором «Постоялого двора» Степанова (см. января 2), отмечает в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду»: «К счастью хороших писателей, никто не читает критических статеек г-на Белынского» (*ЛПРИ,* 1836, № 46).

Июня около 10. Лажечников в письме к Б. протестует против слишком высокой оценки «Ревизора» в «Молве», сочувственно упоминает рецензию Б. на «Провинциальные бредни» Д. Прутикова («Молва» № 4) и просит передать В. С. Межевичу «спасибо от всех будущих поколений» за его «прекрасную статью»: «Теория и практика словесности» («Телескоп», №№ 7—8). Лажечников ждет приезда Б. и Бакунина «в конце июня» в Тверь (*Бик,* 181—182).

Июня 12. К. Г. Белинский в письме к Б. из Чембара благодарит за присылку «Телескопа» и «Молвы» и сообщает семейные новости (*ЛН,* т. 57, 196—198).

Июня 15. Цензур. разреш. «Молвы» № 9. В номере рецензии Б.: «Страсть сочинять, или Вот разбойники!!!» — Водевиль, переделанный с французского Ф. Кони»; «Катенька, или Семеро сватаются, одному достается. Комедия-водевиль». Общая подпись к статьям: В. Б. В этом же номере в отделе «Театральная хроника» статья А. Б. В. <Н. С. Селивановского?> о первой постановке «Ревизора» в Москве. Этот разбор был ошибочно приписан Б. и явился поводом для резких нападок на критика со стороны его литературных противников (*Уч. Зап. СГУ,* XXXI, 242—247). См. июля 27.

Июня 18. Лажечников, отвечая на письмо Б. с просьбой о займе в 300 рублей, просит книгопродавца Глазунова выдать эту сумму Б. в счет гонорара за будущий свой роман. Выражая удовлетворение статьей Б. «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» и рецензией его на «Постоялый двор», Лажечников не согласен с положительным отзывом Б. о «Современнике» и с мнением его о «Ревизоре», который представляется Лажечникову «фарсом, недостойным Гоголя» (*Бик,* 182—183).

Июня 26. Р. М. <Зотов> в «Северной пчеле» положительно отзывается о статье Б. в «Телескопе» о «Стихотворениях Бенедиктова» (*СП,* 1836, № 144).

Июнь — июль. Б. тяжело переживает свое увлечение «гризеткой». От «бешеного, исступленного отчаяния» его спасает только дружеское участие Бакунина (*Б,* XI, 332, 359, 409, 410; *«Русский»,* 1868, № 15). См. апрель — май.

Июнь? — июль? Бакунин в не дошедшем до нас письме к Б. повторяет свое приглашение приехать в Премухино (*Бакунин,* I, 332).

Июля 3. К. Г. Белинский, подтверждая в письме к Б. получение «Телескопа», «Молвы» и «Живописного обозрения», извещает о своем намерении приехать с сестрою на месяц к Б. в Москву (*ЛН,* т. 57, 198).

Июля 8. Воейков резко полемизирует в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» со статьей Б. «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (*ЛПРИ,* 1836, № 55).

Июля 11. Воейков, заканчивая свою полемику с Б., начатую 8 июля, иронизирует по поводу того, что «сострадательный Виссарион Белинский из жалости позволяет нам иметь свою родную литературу» (*ЛПРИ,* 1836, № 56).

Июля 22. А. Ф. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» выражает подозрение, что автором повести «Она будет щастлива» Ив. П—ва <Панаева> в «Телескопе» № 7 является «г. Виссарион Белинский»: «Вить этот молодой человек не без таланта и писал бы по-русски очень порядочно, если б в сочинениях его не было излишней болтовни. Несравненно лучше писать такие повести, чем презрительно и неосновательно разбирать наших славных писателей» (*ЛПРИ,* 1836, № 59—60).

Июля 27. Публикация в «Северной пчеле» письма к ее издателям за подписью: «Титулярный советник Иван Евдокимов, сын Покровский, Москва, 9-го июня 1836». Автор этого письма <М. Н. Загоскин?>, приписывая Б. статью о постановке «Ревизора» (см. июня 15) и мстя за суровый разбор «Недовольных» (см. 1835, декабря 2 и 20), обвинял Б. в демагогическом презрении к аристократии: «Из всех творений г. Белинского, — говорилось в письме, — заметно, что, по его мнению, тот, кто носит чистое белье, моет лицо и от кого не пахнет ни чесноком, ни водкою, аристократ». См. августа 13.

Июля 29. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» полемизирует с Б. по поводу его рецензии на «Русскую историю» Н. Полевого (*ЛПРИ,* 1836, № 61).

Июля 31. Цензур. разреш. «Молвы» № 11. В номере рецензии Б.: «Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки»; «О жителях луны и других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом Сир-Джоном Гершелем, перевод с немецкого»; «Бедность и любовь. Соч. П. Фуше. Перевод с французского»; «Черный паук. Соч. Гофмана. Переделанная с немецкого П. Пр—ом». Рецензии подписаны: В. Б.

Августа начало? Публикация в «Журнале министерства народного просвещения», кн. VIII, статьи Я. М. Неверова «Обозрение русских газет и журналов». В этом обзоре реферируются статьи Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя», «О стихотворениях Баратынского» и «Стихотворениях Бенедиктова». Не упоминая самой фамилии Белинского, Неверов утверждает, что «сочинитель критических статей в «Телескопе» часто увлекается своим собственным вкусом, большим или меньшим предрасположением в пользу разбираемого автора». Весьма положительно характеризуя статью о повестях Гоголя, в которых Белинскому удалось выявить «новые еще незамеченные черты», Неверов хотел бы, однако, «видеть более осмотрительности и разборчивости в мыслях, когда они теснятся пред сочинителем во время беседы его с читателем». Неверов полагает, что «достоинство, прелесть большей части повестей г. Гоголя неоспоримы, но ставить их выше всего, наравне с самыми драгоценнейшими творениями человеческого гения есть преувеличение, понятное, впрочем, в том, кто нашел писателя, удовлетворяющего его собственные понятия об искусстве». Иронизируя по поводу «пристрастия Белинского к «реальной поэзии», Неверов не соглашается с суровой оценкой Белинским лирики Бенедиктова и недооценкой им Баратынского: «Нельзя требовать от поэта простоты там, где свойство мысли, где вдохновение его требовало высокости образов. Дурна только изысканность, натяжка, а смелый стих, яркая мысль никогда не вредят поэту» (*ЖМНП,* 1836, VIII, отд. 6, стр. 428—433).

Августа 1 и 5. Воейков продолжает в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» полемику с Б., начатую июля 29 (*ЛПРИ,* 1836, №№ 62 и 63).

Августа 3. Цензур. разреш. «Молвы» № 13. В номере статья Б.: «Вторая книжка «Современника». Подпись: В. Б.

«Мы думали, — писал Б., — что если бы сам Пушкин и не принимал в своем журнале слишком деятельного участия, предоставив его избранным и надежным сотрудникам, то одного его имени, столь знаменитого, столь народного, так сладко отзывающегося в душе русских, одного имени Пушкина достаточно будет для приобретения новому журналу огромного кредита со стороны публики», но «в «Современнике» участия Пушкина нет решительно никакого». Вторая книжка «показала явно, что «Современник» есть журнал «светский», что это петербургский «Наблюдатель» (*Б,* II, 234).

Августа 11. Станкевич в письме к Б. выражает сожаление, что в десятом номере «Телескопа» нет ничего за подписью Б. «Телескоп» представляется Станкевичу много интереснее «Московского наблюдателя»: «В нем изредка пробивается душа и истина под подлою маскою В. Б.». Станкевич хочет знать, по-

прежнему ли ходит Б. «в своем оборванном тулупе, в ермолке, в синей рубашке» (*Станкевич,* 413—415).

Августа 11. Станкевич в письме к Бакунину характеризует Б.: «Он никогда не сделается пустым человеком, скорее погибнет. В нем слишком сильна потребность настоящей жизни, и он готов ухватиться за все, что хоть снаружи на нее похоже» (*Станкевич,* 614).

Августа 12. Бакунин в неотправленном письме к Б. просит ускорить приезд в Премухино, подкрепляя свое приглашение «просьбами и угрозами» Лажечникова (*РМ,* 1911, VI, 36. Ср. *Бакунин,* I, 332—333).

Августа 13. Цензур. разреш. «Молвы» № 12 *. В номере рецензии Б.: «Всеобщее путешествие вокруг света, сост. Дюмон-Дюрвилем, ч. III»; «Надежда, собрание сочинений в стихах и прозе. Изд. А. Кульчицкий»; «Умные, острые, забавные и смешные анекдоты Адамки Педрилло». Рецензии подписаны: В. Б.

В этом же номере «Молвы» напечатана заметка «От Белинского». Откликаясь на «Письмо к издателям «Северной пчелы» (см. июля 27) и разгадав в его авторе Загоскина, Б. вновь возвращается к отрицательной оценке «Недовольных» и определяет это «письмо» как «челобитную», писанную «не столько в обличение статьи г. А. Б. В., помещенной в «Молве» (см. июня 15), сколько с намерением сделать извет на меня, и, вдобавок еще, не как на литератора, а как на человека» (*Б,* II, 232).

Августа 15—19—22—26. Воейков, полемизируя в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» с мнением Б., что у нас нет литературы, называет Б. в первой из своих «Литературных заметок» «юношей, воздоенным кипучим млеком Н. А. Полевого» (*ЛПРИ,* 1836, №№ 66—69).

Августа 29. Воейков, заканчивая свою полемику с Б., отмечает: «г. Белинский, который из одного своенравия написал, что у нас нет ни литературы, ни поэзии, ибо у него нельзя отнять ни ума, ни дарования, ни даже знания родного языка, подшучивает над статьями настоящего издателя «Телескопа» (*ЛПРИ,* 1836, № 70).

Августа конец. Б. выезжает из Москвы в Премухино к Бакуниным (*М. Лемке,* 423).

Август — сентябрь. Б. отдыхает в Премухине, чувствуя себя «так хорошо, как и не мечталось до того времени: событие превзошло меру и глубину моего созерцания и моих предощущений» (*Б,* XI, 332).

«Душа моя смягчилась, ее ожесточение миновало, и она сделалась способною к восприятию благих впечатлений, благих истин, — писал впоследствии Б. об этой поре. — Я ощутил себя в новой сфере, увидел себя

в новом мире; окрест меня все дышало гармонией и блаженством, и эта гармония и блаженство частию проникли в мою душу». «Премухинская гармония и знакомство с идеями Фихте в первый раз убедили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь действительная, положительная, конкретная, а так называемая действительная жизнь есть отрицание, призрак, ничтожество, пустота» (*Б.,* XI, 173—175). «Я видел осуществление моих понятий о женщине, — вспоминал Б. о начале своего увлечения Александрой Бакуниной, — опыт утвердил мою веру» (*там же,* 173). «Я не любил, но заставил себя любить, в чем и успел. Сердце жаждало блаженства, а рассудок указал путь к его достижению. Препятствия раздражили чувство, и без того ложное и напряженное» (*Б,* XI, 359).

Сентября около 1. Распространение в Москве эпиграммы М. А. Дмитриева на Б.: «Не говори, что ты плебей» и пр. (*РА,* 1885, IV, 654). См. сентября 12.

Сентября 11. К. Г. Белинский извещает Б. о своем предположении жениться на А. К. Исаевой (*ЛН,* т. 57, 198). См. октября 1.

Сентября 11. Кольцов в письме к Б. пересылает свою думу «Неразгаданная истина» и «Песнь» неизвестного начинающего автора, для которого, по утверждению Кольцова, был бы очень дорог приговор Б. (*Кольцов,* 163).

Сентября 12. И. П. Клюшников в письме к Б. сообщает, что был у Надеждина, который заметил: «Народилось множество отроков вифлеемских, а Ирод в отлучке». Отказываясь верить слухам, что Б. пишет комедию, Клюшников сообщает об эпиграмме, кем-то сочиненной на Б.: «Нимало не остра; из «плебей» сделано «и плюй и бей» (*РМ,* 1911, VI, 38—40).

Сентября 13. Б. заканчивает в Премухине статью о книге Дроздова «Опыт системы нравственной философии» (*Б,* II, 252) и с большим подъемом читает ее на одном из вечеров в семье Бакуниных (*А. Корнилов,* I, 245).

Вспоминая спустя два года об этой статье, Б. писал М. А. Бакунину: «Ты сообщил мне фихтеанский взгляд на жизнь — я уцепился за него с энергиею, с фанатизмом; но то ли это было для меня, что для тебя? Для тебя это было переход от Канта, переход естественный, логический; а я — мне захотелось написать статейку, рецензию на Дроздова, и для этого запастись идеями. Я хотел, чтобы статья была хороша — и вот вся тут история» (*Б,* XI, 271—272). См. октября 12 и 28.

Сентября около 20. Б. в споре о французской революции «со всей полнотой своей неистовой натуры» выражает за столом у Бакуниных свое сочувствие Робеспьеру, потому что, не сомневаясь в праве «избранных» на «опеку над родом человеческим», он «фихтеанизм понял как робеспьеризм и в новой теории чуял запах крови» (*Б,* XI, 319—320). Спор этот связан был, вероятно, со статьей Вильма «Опыт о философии Гегеля», переведенной Станкевичем. В этой статье Гегель противопоставлялся Канту и Фихте, причем Вильма отмечал отсутствие в Гегеле «свойственной Канту простоты» и не находил в нем

«этой пламенной любви к отчизне и независимости, которая одушевляла жизнь Фихте» (*«Телескоп»,* 1835, № 13, стр. 24). См. мая 5 и 30.

Сентября 21. Станкевич, отвечая из деревни на письмо Бакунина от 1 сентября, выражает свою радость, что Б., «этот циник, этот Диоген», погрязший «в нечестии», отдыхает сейчас в Премухине, где «покаялся, умылся, примирен с жизнью и хочет заняться высоким». Станкевич воображает «прекрасные осенние дни, прогулку, музыки, беседы внизу и беседы наверху, искусство, философию, общее наше будущее — все это вы перебираете в твоей маленькой комнатке под навесом табачного дыма» (*Станкевич,* 616).

Сентября 21. Станкевич пишет Неверову: «Белинский отдыхает от своей скучной, одинокой, бурлацкой жизни. Я уверен, что эта поездка будет иметь на него благодетельное влияние. Полный благородных чувств, с здоровым, свободным умом, добросовестный, он нуждается в одном только: на опыте не по одним понятиям увидеть жизнь в благороднейшем ее смысле, узнать нравственное счастие, возможность гармонии внутреннего мира с внешним, — гармонии, которая для него казалась недоступною до сих пор, но которой он теперь верит. Как смягчает душу эта чистая сфера кроткой, христианской семейной жизни. Семейство Бакуниных идеал семейства, следовательно можешь себе представить, как оно должно действовать на душу, которая не чужда искры божией» (*Станкевич,* 363).

Сентября около 26. Т. А. Бакунина в письме к братьям из Премухина сообщает, что «всю неделю была занята переписыванием статьи г. Белинского», которая ее «восхитила» (*А. Корнилов,* I, 245, 253). См. сентября 13.

Сентябрь — октябрь. Переписка Б. с Кетчером и Надеждиным, уничтоженная им после 20 октября (*РМ,* 1911, VI, 40).

Сентябрь? — октябрь? Б. переписывает в Премухине в альбом Л. А. Бакуниной семьдесят восемь лирических произведений из «Стихотворений Александра Пушкина», ч. I—IV. В элегии «Андрей Шенье» Б. восстанавливает отсутствующий в печати стих: «Сих палачей самодержавных» (*Белинский,* 1949, 244—245), а в «Деревне» — ее нелегальную вторую часть (*ЛН,* т. 57, 288).

Октября 1. К. Г. Белинский в письме к Б. приглашает брата приехать в Чембар на две свадьбы: его и сестры Александры Григорьевны, выходящей замуж за М. Н. Кузьмина (*ЛН,* т. 57, 198—199).

Октября 3. Выход в свет пятнадцатого номера «Телескопа» 1836 г., в котором опубликовано «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева (*МВед.,* 1836, № 80).

«Публикация этого письма, — как вспоминал Герцен, — была одним из значительнейших событий. То был вызов, признак пробуждения; письмо разбило лед после 14 декабря. Наконец пришел человек, с душой, переполненной скорбью; он нашел страшные слова, чтобы с похоронным красноречием, с гнетущим спокойствием сказать все, что за десять лет накопилось горького в сердце образованного русского. Письмо это было завещанием человека, отрекающегося от своих прав не из любви к своим наследникам, но из отвращения; сурово и холодно требует автор от России отчета во всех страданиях, причиняемых ею человеку, который осмеливается выйти из скотского состояния. Он желает знать, что мы покупаем такой ценой, чем мы заслужили свое положение; он анализирует это с неумолимой, приводящей в отчаяние проницательностью, а закончив эту вивисекцию, с ужасом отворачивается, проклиная свою страну в ее прошлом, в ее настоящем, в ее будущем <...> Статья эта была встречена воплем скорби и изумления; она испугала, она глубоко задела даже тех, кто разделял симпатии Чаадаева, и все же она лишь выразила то, что смутно волновало душу каждого из нас» (*Герцен,* VII, 221—222). См. октября 12.

Октября 5. А. М. Бакунин в письме к сестрам рассказывает о сомнениях Лажечникова по поводу увлечения в Премухине «Ревизором», пропагандируемым Б. (*А. Корнилов,* I, 256).

Октября около 9. Выход в свет «Современника», кн. III. Пушкин в полемическом «письме к издателю» упрекает Гоголя за умолчание о Белинском в статье «О движении журнальной литературы». Пушкин признает в Б. «талант, подающий большую надежду», и утверждает, что «если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика замечательного» (*«С»,* 1836, III, 327—328; *«Пушкин в печати»,* изд. 2-е, 131). Письмо было подписано инициалами «А. Б.». Принадлежность его Пушкину осталась Б. неизвестна. В этой же книге «Современника» Пушкин резко протестовал против выступления М. Е. Лобанова в Российской академии о «духе словесности», с выпадами против статей Б. См. января 18.

Октября 9. К. Г. Белинский в письме к Б. из Чембара повторяет свою просьбу приехать на его свадьбу (*ЛН,* т. 57, 199).

Октября 12. Надеждин в письме к Б. объясняет причины перенесения им статьи об «Опыте системы нравственной философии» из «Телескопа» 1836 г. в последнюю книжку журнала за 1835 г., которая сейчас допечатывалась (см. 1835, декабря 26) и нуждалась в материале. Надеждин предупреждает Б. о том, что ему пришлось изъять из статьи «больше половины собственных мнений Б., которые напечатать нет никакой возможности»: «Вы, почтеннейший, удалясь в царство идей, совсем забыли об условиях действительности». Рассказывая Б. о впечатлении, которое произвело появление «Философического письма» Чаадаева в последнем номере «Телескопа», Надеждин признается, что находится сейчас «в большом страхе» благодаря «подлецам» из редакции «Московского наблюдателя»:

«Эти добрые люди с первого раза затрубили о <«Философическом письме»> как о неслыханном преступлении, и все гостинные им завторили. Андросов бился об заклад, что к 20 октября «Телескоп» будет запрещен, я посажен в крепость, а цензор отставлен. Строганов хранит глубочайшее молчание» (*РМ,* 1911, VI, 40—43).

Октября около 14. Докладная записка попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова на имя министра народного просвещения о «Философическом письме» Чаадаева в последнем номере «Телескопа». Возлагая вину за эту публикацию на Надеждина, как ответственного редактора, Строганов считает необходимым запрещение издания «Телескопа» (*М. Лемке,* 412). См. октября 20.

Октября 14. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» выражает сожаление по поводу вражды Б. и Шевырева (*ЛПРИ,* 1836, № 83).

Октября 17. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» полемизирует с суждениями Б. о Державине (*ЛПРИ*, 1836, № 84—85).

Октября 19. Станкевич в письме к Неверову негодует по поводу слухов о том, что будто бы он «цензурует статьи Б.»: «Смело скажи всякому, кто говорит это, что он говорит вздор. Напротив, я сам свои переводы подвергал цензорству Б. в отношении русской грамоты, в которой он знаток, а в мнениях всегда готов с ним посоветоваться и очень часто последовать его советам» (*Станкевич*, 368).

Октября 20. Докладная записка С. С. Уварова императору Николаю о «Философическом письме» П. Я. Чаадаева, опубликованном в пятнадцатом номере «Телескопа». Министр ходатайствует о запрещении издания журнала «Телескоп» с 1 января наступающего года (*РА,* 1884, II, 457).

Октября 22. Резолюция Николая I на докладе С. С. Уварова о «Телескопе»: «Сейчас журнал запретить, обоих виновных <редактора и цензора> отрешить от должности и вытребовать сюда к ответу» (*М. Лемке,* 416).

Октября 22. Станкевич в письме к Бакунину спрашивает Б., когда он вернется в Москву: без статей Б. «Телескоп» и «Молва» вызывают «грустное, тяжелое чувство», как брошенная квартира. Станкевич пишет, что из последней статьи Б. «цензор утаил половину», а из оставшейся части, по словам Надеждина, «только половина будет известна миру». Станкевич возмущен эпиграммой на Б. (*Станкевич,* 620). См. сентября 12.

Октября 27. Министр народного просвещения С. С. Уваров в письме к шефу жандармов высказывает предположение, что «бумаги Надеждина находятся в руках некоего *Би-*

линского — его сотрудника по журналу, который и заменял его во время его отсутствия и который, вероятно, и есть его самое доверенное лицо» (*М. Лемке,* 416).

Октября 28. Выход в свет «Телескопа» 1835 г., ч. 30, кн. 21—24 (*МВед.*, 1836, № 87). В номере статья Б.: «Опыт системы нравственной философии. Сочинение магистра Алексея Дроздова», подписанная: В. Белинский *. (О философских установках этой статьи см. сентября 13).

Видя в мировой жизни развитие единой идеи, единого «творящего духа», проявляющегося в многообразных формах как в природе, так и в духовной жизни человека, Б. приходит к убеждению, что «поэзия есть бессознательное выражение творящего духа и что, следовательно, поэт, в минуту творчества, есть существо более страдательное, нежели действующее, а его произведение есть уловленное видение, представшее ему в светлую минуту откровения свыше, следовательно оно не может быть выдумкою его ума, сознательным произведением его воли» (*Б*, II, 240). Это идеалистическое представление о природе искусства Б. развивал и в статьях периода «Московского наблюдателя». См. 1838, ноября 16.

Важнейшие части статьи, отразившие «вражду с общественным порядком» и вызвавшие протест А. М. Бакунина во время чтения статьи были полностью изъяты из текста Б. редактором «Телескопа». См. октября 12.

Октября около 30. П. В. Нащокин, отвечая на не дошедшее до нас письмо Пушкина с вопросами об условиях переезда Б. в Петербург для работы в «Современнике», сообщал: «Б. получал от Надеждина, чей журнал уже запрещен, 3 т. «Наблюдатель» предлагал ему 5. Греч тоже его звал. Теперь, если хочешь, он к твоим услугам. Я его не видал, но его друзья, и в том числе Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если прийдется ему на тебя работать. Ты мне отпиши, и я его к тебе пришлю» (*Пушкин,* XVI, 181).

Октября 30. Т. А. Бакунина в письме к своим братьям вспоминает, что Б. «никогда не умеет себя сдержать. Два или три раза он забывался и говорил вещи чересчур сильные, которые дали папеньке совершенно ложный взгляд на его характер» (*А. Корнилов,* 258. Ср. *Б*, XI, 320—322).

Октября около 30. Я. М. Неверов в не дошедшем до нас письме к Б. из Петербурга в Премухино дружески предупреждает Б. «о разных речах людских насчет его таланта», следствием которых может быть его привлечение к дознанию о «Телескопе» (*Станкевич,* 621).

Октября 31. Шеф жандармов генерал-адъютант Бенкендорф доводит до сведения московского генерал-губернатора высочайшее повеление «о взятии всех бумаг в квартире Б.»

и о доставлении их в III Отделение: «Его величеству угодно, чтобы при сем случае был сделан у Билинского самый тщательный обыск, в предупреждение того, чтобы он не мог которые либо из бумаг скрыть, с объявлением ему, что буде впоследствии откроется передача им бумаг в другие руки или утайка оных, то он будет подвергнут за сие строжайшей ответственности» (*М. Лемке,* 416).

Октябрь — ноябрь. Б. работает в Премухине над статьей о «цели человеческого бытия, или счастии» (*Б, XI,* 180—181). Статья эта, тесно связанная с рецензией на «Опыт системы нравственной философии», до нас не дошла.

Ноября 3. Станкевич в письме из Москвы к Бакунину осведомляет премухинских друзей о запрещении «Телескопа», о вызове в Петербург Надеждина и Болдырева, о слухах насчет Чаадаева. Рассказы приехавшего из столицы В. К. Ржевского и письмо хорошо осведомленного Я. М. Неверова о возможности привлечения Б. к дознанию о «Телескопе» очень взволновали Станкевича. Он поспешил достать деньги для организации поездки Б. за границу (*Станкевич,* 621). Обращаясь в этом же письме непосредственно к Б., Станкевич осведомляет его о предстоящей поездке: «С Телескопом вы чужие, ты едешь в качестве учителя». Станкевич предупреждает, что Б. должен использовать свое пребывание за границей для изучения языков, без чего невозможна не только работа в области философии, но и занятия «искусством и историей» (*Станкевич,* 622; *ЛН,* т. 56, 232—233).

Ноября 4. Ответ Б. на письмо Я. М. Неверова. Этот «ответ» до нас не дошел (*Бакунин,* I, 357). В тот же день Бакунин в письме к Неверову отмечал: «Недели через полторы... мы все отправляемся в Москву» (*Бакунин,* I, 358).

Ноября 7. Станкевич в письме к Бакунину сообщает о провале планов отправки Б. за границу из-за противодействия графа Строганова. Об этом Станкевич просит «поосторожнее» осведомить Б. (*Станкевич,* 624).

Ноября около 10. Б. получает в Премухине конфиденциальное письмо от 7 ноября, с подписью «Друг», от одного из своих московских приятелей, в котором его информируют о событиях, связанных с дознанием о «Философическом письме», об обыске в квартире Б., об изъятии некоторых его бумаг и о возможности вызова его самого из Премухина в Москву (*РМ,* 1911, VI, 43; *НБ,* II, 482).

Ноября 10. Московский генерал-губернатор уведомляет начальника III Отделения, что все бумаги Надеждина, как в его квартире, так и в квартире Б., отобраны, но что «как г. Белинский выехал в Тверь еще в исходе августа месяца к помещику Бакунину, то проживающий ныне в квартире его

действительный студент Вологжанин<ов> и обязан подпискою, что все совершенно бумаги, находящиеся в квартире Б., им отданы и что он ничего из них не скрыл и даже не знает, есть ли еще где у него таковые. Причем объявил также, что Б. при отъезде своем взял с собою весьма незначительное число бумаг, относящихся собственно к его занятиям по ученой части. А как Б. ожидают в скором времени в Москву, то сделано распоряжение, дабы он при въезде в город доставлен был прямо от заставы к обер-полицмейстеру для отобрания у него бумаг» (*М. Лемке,* 423).

Ноября 14. Воейков в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» в заметке «Забавы Виссариона господина Белинского», перепечатывает отзыв Б. о пародиях Эврипидина <К. Аксакова> на Бенедиктова (*ЛПРИ,* 1836, № 92—93).

Ноября 15. Б. при въезде в Москву «прямо с заставы был представлен обер-полицмейстеру», но, как свидетельствует протокол, «при тщательном осмотре всего имущества Б. ничего сумнительного не оказалось» (*М. Лемке,* 423).

Ноября 20. Кольцов в письме к Б. просит уведомить его о судьбе «Телескопа» и посылает Б. «маленький гостинчик» (*Кольцов,* 163—164).

Ноября 21. Воейков, обращаясь в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» к истории «важного вопроса о языке книжном и разговорном», отмечает, что «г. Белинский в многословной статье своей Ничто о Ничем никакой непробитой тропы для нас на Парнас не протоптал» (*ЛПРИ*, 1836, № 94—95).

Ноября конец. У Б. завязывается «узел новой дружбы» — с В. П. Боткиным (*Б,* XI, 334). В эту же пору он вновь сближается с Д. П. Ивановым (*там же,* 144) и несколько отдаляется от Бакунина (*Б,* XI, 333).

Ноябрь — декабрь. Б., оставшийся после закрытия «Телескопа» без всяких средств, работает над составлением учебника русской грамматики, издание которого, по его расчетам, должно помочь ему расплатиться с долгами и материально обеспечить на несколько месяцев. Все свободные вечера, отдалившись на время от старых друзей, Б. проводит в обществе А. А. и Н. А. Беер, приятельниц Бакунина и его сестер.

Белинского «невольно увлекает очарование их аллегорий и иносказаний», связанных с его чувством к А. А. Бакуниной: «Я не мог не забываться, не мог не болтать с ними, это делало меня счастливым. Видеть женщин, быть в их кругу сделалось моею потребностию, моею настоящею жизнию. Грудь моя была больна какою-то отрадною болезнию, которая лучше всякого здоровья» (*Б,* XI, 176).

Декабря 4. Граф Бенкендорф сообщает С. С. Уварову «высочайшее повеление» по делу о публикации «Философического письма»: «За сочинителем статьи (в № 15 «Телескопа») Чаадаевым иметь медико-полицейский надзор. На-

деждина выслать на жительство в Усть-Сысольск под присмотр полиции, а цензора Болдырева отставить за нерадение от службы» (*РА*, 1884, II, 458).

Декабря 5. Надеждин получил из III Отделения бумаги, взятые при обыске у него и у Б. (*М. Лемке*, 447).

Декабря 8. Бакунин в письме к сестрам из Москвы сообщает: «Белинский здоров. Его грамматика почти закончена. Быть может, она смягчит дурное отношение графа Строганова к нему, и он, вероятно, совершит свою поездку за границу. Мы встречаемся с ним почти ежедневно, а также с Ефремовым. Посещение Премухина было благодетельным для них обоих, оно придало им силы и веры в жизнь. В этом невозможно сомневаться, раз отброшены все эти фантазии о внешней жизни и счастье, раз сложилось убеждение, что оно в нас и что все постороннее нам составляет лишь видимость и обман. Оба они работают и пойдут вперед. Не опасайтесь же нисколько за их будущее. Они никогда не станут отступниками» (*Бакунин*, I, 361). Ср. записки Б. к Ефремову (*Б*, XI, 123).

Декабря около 10. Надеждин, приехав «для устройства своих дел» в Москву (*М. Лемке*, 477), сообщает о согласии Краевского обеспечить Б. 2000 руб. асс. в год в случае его переезда в Петербург для работы в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» (*Бик*, 92). См. 1837, января 14.

Декабря около 15. Б. с нетерпением ждет новостей, относящихся к ожидаемому им обручению Станкевича с Л. А. Бакуниной (*Б*, XI, 123; *А. Корнилов*, I, 294—296). См. 1837, март — апрель.

Декабря около 20. Б. встречается с приехавшим в Москву в отпуск Я. М. Неверовым (*Б*, XI, 125; *Станкевич*, 622). См. 1837, января 14.

Декабря 23. Воейков, полемизируя с Б. в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» по вопросу о литературном языке, напоминает, что до Б. «разговорный язык» проповедовал еще Макаров в 1803 г. (*ЛПРИ*, 1836, № 103—104).

1837

Января 2. Выход в свет первого номера реорганизованных «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», взятых в аренду А. А. Краевским (*«СПб. ведомости»*, 1837, № 4).

Января 4. Бакунин в письме к сестрам передает поклон от Б. (*Бакунин*, I, 381).

Января 14. Письмо Б. к Краевскому. Б. охотно принимает его предложение работать в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду».

Он настаивает только на полной свободе своих литературных оценок, с тем, чтобы статьи, не приемлемые для Краевского, он мог печатать в других изданиях. Б. предлагает Краевскому «письмо» о первом представлении «Гамлета», которое состоится 22 января, и статью о недавно вышедших сочинениях Булгарина. Б. очень рассчитывает на дополнительную работу в «Энциклопедическом словаре» Плюшара. Выяснение материальных условий Б. поручает Я. М. Неверову, а выезд свой в Петербург намечает на вторую половину февраля. К письму Б. прилагает статью о повестях А. Мухина (*Б,* XI, 124—125; *ЛН,* т. 56, 225 и 248).

Января 19. А. А. Краевский, отвечая на письмо Б. от 14 января, надеется обеспечить активное сотрудничество Б. в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», но решительно настаивает на анонимности всех его критических статей и рецензий и на отказе от «резких выходок против тех, кого редакция газеты считает людьми достойными». Не соглашаясь с ироническими замечаниями Б. о журнале «Московский наблюдатель» и повестях Павлова, Краевский до получения согласия Б. на изъятие этих мест задерживает публикацию его статьи о повестях А. Мухина. Краевский рекомендует Б. отсрочить переезд в Петербург на два-три месяца, в течение которых он рассчитывает добиться укрепления материальной базы газеты. Сверх двух тысяч в год, которые Б. будет получать за работу в «Лит. прибавлениях», Краевский надеется обеспечить его дополнительным заработком в «Энциклопедическом лексиконе». До реализации переезда Краевский просит Б. взять на себя рецензирование «всех или хотя бы только чисто литературных» московских изданий. Гонорар за рецензии от 100 до 150 руб. асс. за печатный лист. Краевский рассчитывает на немедленный ответ Б. через Н. В. Савельева (*Бик,* 91—93).

Января 22. Б. присутствует на первом представлении «Гамлета» с Мочаловым в главной роли (*Б,* II, 308; *Б,* XI, 125, 127).

Января 25. Станкевич в письме к Неверову сообщает, что Б., учитывая его информацию, «уже почти уверен, по первому приему, что ему в Питер — не ехать». Станкевич просит писать «о дальнейшем ходе дела» Б. «Несмотря на разность в мнениях», Б. и Бакунин, по впечатлениям Станкевича, «от всей души полюбили Неверова» (*Станкевич,* 369—370).

Января 25. Б. в записке Н. А. Полевому просит о присылке обещанной ему рукописи его перевода «Гамлета», старого перевода Вронченко и «Живописного обозрения» за 1836 г. (*Б,* XI, 126). Полевой пересылает Б. все просимое за исключением «Гамлета» в переводе Вронченко (*БЛ,* I, 393).

Января 27. Б. присутствует на втором представлении «Гамлета» с Мочаловым в главной роли (*Б,* II, 329).

Января 30. Станкевич в письме к Л. А. Бакуниной делится о своих впечатлениях от «Гамлета»: «Мы сидели рядом с Б. — это удвоило для меня наслаждение; я во многом так ему сочувствую, что в иные минуты, право, бывает одна душа с ним. Когда я стал говорить Б. о характере Офелии, о том, как я люблю эту роль, он не мог не рассмеяться и уверял меня, что я сочиняю этот характер по живому образцу» (*Станкевич,* 509—510).

Января 30. Б. получает из Пензенского дворянского депутатского собрания документы о своем происхождении (*ИВ,* 1911, V, 595).

Январь — февраль. Н. Ф. Павлов, возмущенный отзывами Белинского о его повестях, «кричал во всеуслышание», что Б. «не имеет права хулить его заслуг, ибо-де он, Павлов, одолжил Белинского деньгами» (*Б,* XI, 171). См. января 19 и февраля 4.

Январь —февраль. Б., продолжая переговоры с Краевским, работает над подготовкой к печати своей грамматики. Материальная поддержка Боткина является основным источником его существования. Тяготясь неровными отношениями с Бакуниным, Б. часто проводит свои вечера в семье Бееров (*Б,* 176—177; *Станкевич,* 501).

Февраля 1. Московский почт-директор А. Я. Булгаков получает первые сведения из Петербурга о смертельном ранении Пушкина на поединке с Дантесом 27 января (*«Московский пушкинист»,* I, 1927, 49—55). До Б. эта весть дошла, вероятно, в тот же или на следующий день, но он не хотел ей верить. (*Б,* XI, 129).

Февраля 1. Министр народного просвещения С. С. Уваров в официальном отношении на имя попечителя Московского учебного округа предлагает поддерживать «надлежащую умеренность и тон приличия» в откликах московской печати на смерть Пушкина» (*«Щукинский сборник»,* I, 1902, 298).

Февраля 3? Б. читает в «Северной пчеле» от 30 января 1837 г. некрологическую заметку о Пушкине (*Б,* XI, 129).

Февраля 3. Надеждин выезжает из Москвы в ссылку в Усть-Сысольск (*В. Гура,* 62). Б. расстается с ним очень холодно (*Б,* XI, 131).

Февраля 4. Б. был на третьем представлении «Гамлета» (*Б,* II, 332).

Февраля 4. Письмо Б. к Краевскому. Желая окончательно определить свои отношения к «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» и соглашаясь на предложенный Краевским гонорар, Б. настаивает на том, чтобы все его статьи были подписаны, а не печатались анонимно. Б. претендует на рецензирование всех русских изданий, не ограничиваясь одними московскими. В слу-

чае согласия Краевского на эти условия Б. обещает прислать в ближайшее время разбор «Гамлета» в переводе Полевого, отчет о его постановке в Москве и рецензию на «нелепую» трагедию Великопольского. Б. готов бороться с Булгариным, Гречем и Сенковским, но только как с литераторами, «вредными для успехов образования в нашем отечестве», а не как с литературной партией. Б. сомневается в необходимости своего переселения в Петербург, так как не ждет для «Лит. прибавлений» более тысячи подписчиков и не верит в материальный успех издания. Б. благодарит Краевского за его переговоры с редактором «Энциклопедического лексикона» и просит поскорее прислать перечень слов, которые ему будут поручены. Б. готов согласиться с некоторыми поправками, сделанными Краевским в его рецензии на книгу Мухина (оценка повестей Павлова), но подчеркивает, что, несмотря на свое тяжелое материальное положение, он основными своими литературными убеждениями поступиться не сможет. При письме Б. прилагает статью о романах и повестях Нарежного (*Б*, XI, 126—129).

Февраля 10. Б. был на четвертом представлении «Гамлета» (*Б*, II, 332).

Февраля около 10. Письмо Краевского к Б. Продолжая настаивать на анонимности всех статей в отделах критики и библиографии и на строгом подчинении их общим установкам редакции, Краевский предлагает Б., в случае несогласия на это, присылать статьи на общелитературные темы, которые будут печататься за полной его подписью. Краевский просит Б. прислать обещанную им статью о постановке «Гамлета» и благодарит за разбор сочинений Нарежного. Однако большой размер этого разбора заставляет Краевского просить разрешения на изъятие всей его вводной части, как не относящейся «прямо к разбираемой книге» (*Бик*, 93—95).

Февраля 11. Станкевич в письме к Неверову предполагает, что Б. не сойдется с Краевским: «И что за журнал? Что за критика! Что за язык! Право, можно подумать, что эта газета издавалась в 13, 14 году, — совершенно тот же склад» (*Станкевич*, 371).

Февраля середина. Б. в не дошедшем до нас ответе на письмо Краевского (см. февраля 10) отказывается от участия в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» на тех условиях, которые ему были предложены (*Бик*, 95). Статьи Б., посылавшиеся Краевскому, остались неопубликованными.

Февраля 23. Б. был на шестом представлении «Гамлета» (*Б*, II, 333).

Февраль — март. Б. представляет попечителю Московского учебного округа графу С. Г. Строганову рукопись написанного им учебника русской грамматики в надежде, что

она будет одобрена в качестве руководства и напечатана на казенный счет (*Б*, XI, 176). Однако отзыв официального рецензента оказался, видимо, неблагоприятным (*К. Полевой,* 369), и Б. решил печатать книгу на свой счет, воспользовавшись кредитом типографии, под поручительство С. Т. Аксакова (*«Русь»,* 1881, № 8).

Февраль — март. Б. сближается с К. С. Аксаковым и переходит с ним на «ты» (*ЛН,* т. 56, 103).

Марта 2. Бакунин в письме к родителям отмечает: «Б. в Петербург не едет; несмотря на то, что он здесь лишен почти всех внешних удобств, он отвергнул выгодные предложения петербургских журналистов; он не смотрит на литературу как на игрушку и скорее бы согласился умереть с голоду, чем торговать своими мнениями и своею совестью» (*Бакунин,* I, 413).

Марта 9. Б. был в Московском университете на защите Шевыревым докторской диссертации «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов». Б. и его друзья (Бакунин, Станкевич и К. Аксаков) очень жалели, что никому из них не удалось принять участие в диспуте (*ЛН,* т. 56, 104; *Бакунин,* I, 418; *МН*, 1837, ч. X, 238—239).

Марта 15. Бакунин в письме к В. А. Дьяковой горячо поддерживает ее планы составления «сборника детских сказок». Рекомендуя ей обратить особенное внимание на материал, развивающий в детях «любовь к искусству», к поэзии, к музыке, Бакунин замечает: «Б. берет на себя внешнюю отделку работы» (*Бакунин,* I, 415).

Марта 21. Дарственная надпись Полевого на книжке, подаренной им Б.: «Гамлет». Соч. Шекспира. Перевод Н. Полевого» (*ЛН,* т. 56, 60).

Марта 27. А. М. Бакунин в письме к детям передает похвальный отзыв С. Г. Строганова о грамматике Б. Похвалы эти сопровождались, однако, сожалением, что «некоторые связи Б. никакой пользы принести ему не могут» (*РМ,* 1911, VI, 45).

Март — апрель. Кружок Станкевича переживает кризис личных отношений в своем руководящем ядре. Б. оскорблен скептическим отношением Бакунина к его увлечению Александрой Александровной Бакуниной, а Станкевич начинает тяготиться ролью Мишеля в его романе с Любовью Александровной. Станкевич признается друзьям, что ошибся в своем чувстве к Л. А., но не смеет сказать об этом ей самой (*Б,* XI, 163—164, 334). См. август 16—17.

Март — апрель. Б. знакомится с М. Н. Катковым, начинающим посещать кружок Станкевича, и с трудом преодолевает чувство некоторого нерасположения к нему (*Б,* XI, 189). См. сентября 18—21.

Апреля начало. Б., прощаясь с Бакуниным, уезжающим на несколько дней в Премухино, ожидает от этой поездки «чего-то важного для себя, такого, в чем не мог сознаться самому себе» (*Б,* XI, 335; ср. *Бакунин,* I, 472).

Апреля 8. Цензур. разреш. книжки Б.: «Основания русской грамматики для первоначального обучения, состав. В. Белинским. Часть первая. Грамматика аналитическая (этимология). Москва. В типографии Николая Степанова». См. мая 30.

Апреля около 15. Станкевич в записке к Б. выражает свое беспокойство из-за отсутствия известий из Премухина и просит Б. немедленно написать Бакунину, что по предписанию врачей он, Станкевич, должен оставить Москву, но не хотел бы уехать, не повидавшись с Мишелем (*ЛМ,* т. 55, 418).

Апреля около 17. Возвращение Бакунина из Премухина (*Бакунин,* I, 423) не оправдывает надежд Б. Он убеждается в том, что его чувство к Александре Александровне остается неразделенным, хотя Мишель и бросил фразу о том, что сестры «любят» Б. и что он «вошел в их жизнь» (*Б,* XI, 335; ср. *Бакунин,* I, 423).

Апреля вторая половина. Б., пытаясь забыться и заглушить тяжелые душевные переживания, до крайности расшатывает свое здоровье. Врачи посылают Б. на Кавказ (*Б,* XI, 335).

Апреля 27. Б. в шестой раз был на представлении «Гамлета» с Мочаловым в главной роли (*Б,* II, 334).

Апреля 30. Н. А. Полевой, отвечая на не дошедшую до нас записку Б., сожалеет, что не может помочь ему сейчас в его просьбе о деньгах. Рекомендуя обратиться к Боткину, Полевой предлагает подписать за Б. вексель или заемное письмо. Просмотрев рукопись рецензии на грамматику Б., Полевой удостоверяет, что она писана не Гречем и не Востоковым. Автор ее «педант и порядочный мерзавец» (*Бик,* 254—255).

Мая 3. Б. перед отъездом на Кавказ «холодно» прощается со Станкевичем, который «скоро должен был уехать за границу» (*Б,* XI, 335). Заем 500 руб. у Боткина и 800 руб. у Ефремова (*там же,* 177).

Мая 5. Б. с Ефремовым выехал из Москвы в Пятигорск, оставив брата и племянника на попечении своей квартирной хозяйки Дарьи Титовны (*Станкевич,* 528).

Мая 6—7. Бакунин в письме к В. А. Дьяковой просит извинить его за то, что он самочинно распорядился ее деньгами, отдав 300 руб. уехавшему на Кавказ больному Б. (*Бакунин,* I, 429, 433).

Мая около 8. Б. встречается в Воронеже с М. С. Щепкиным и проводит с ним вечер в театре (*Б,* XI, 131). Выехав из Воронежа, Б. с увлечением перечитывает в бричке «Бориса Годунова» (*там же*, 335).

Мая около 20. Письмо Б. к Станкевичу из Пятигорска о первых его впечатлениях от Кавказа. Письмо это не сохранилось (*Станкевич*, 531).

Мая 28. Государственный совет утверждает приговор по делу дворян Фаддея Заблоцкого, Зенона Михайловского и Егора Смолича, изобличенных в оскорблении его императорского величества дерзкими выражениями в собственноручных письмах и в хранении у себя возмутительных стихотворений. Все три обвиняемые приговорены к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу. Николай I заменяет каторжную работу «отдачей в рядовые в Кавказский корпус» (*ЛН*, т. 56, 378). О знакомстве Б. с Заблоцким и о расследовании этих связей см. 1831, октября 25 и 1833, сентября 4 и 11.

Мая 30. Контора типографии Н. Степанова выписывает на имя Б. счет за напечатание книги «Основания русской грамматики», числом 2430 экземпляров. Всего причитается с Б. 914 руб. асс. * (*БВ,* III, 513).

Мая 31. Станкевич в письме к Бакунину упоминает о большом письме, отправленном им Б. Письмо это не сохранилось (*Станкевич,* 581 и 625).

Июня 3. «Северная пчела» информирует читателей об открытии подписки на издание «Деяний Петра Великого» в пятнадцати томах, которые будут выходить с первого августа ежемесячно по одному тому (*СП,* 1837, 122). См. ноября около 2.

Июня 8. Б., предполагая начать курс лечения, получает двадцать два билета в Николаевские ванны (*Пятигорский городской архив*). См. июня 20 и июля 4.

Июня 9. Публикация в «Московских ведомостях» объявления о поступлении в продажу книги Б. «Основания русской грамматики» (*МВед.*, 1837, № 46).

Июня 15. Булгарин в «Северной пчеле» в фельетоне «О современной журналистике» нападает на критиков «со студенческой скамьи» и на московские журналы за их «высокомерие и грубость» (*СП,* 1837, № 131).

Июня 18. Д. П. Иванов в письме к Б. извещает о том, что за истекшее время продано только шесть экземпляров грамматики Б. (*ЛН,* т. 57, 199).

Июня 20. Б. начинает в Пятигорске курс лечения серными водами (*Б,* XI, 134, 137).

Июня 21. Письмо Б. из Пятигорска к Д. П. Иванову. Огорченный его информацией о плохом сбыте грамматики, Б. объясняет неуспех издания отсутствием объявлений о нем в газетах и молчанием критики. Б. с нетерпением ждет отзывов «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы». «Хуже всего молчание — оно убивает книгу, тогда как брань и ругательства часто дают ей ход». Б. опасается, что неудача грамматики может заставить его ускорить переезд в Петербург, который он «любит, как Камчатку». Б. в восторге от Кавказа и доволен результатами лечения. В приписке, обращенной к брату Никанору и племяннику Пете, Б. отмечает значение для них уроков «таких людей, как Бакунин, Клюшников, Лангер» (*Б*, XI, 133—135).

Июня 21. Письмо Б. из Пятигорска к К. С. Аксакову. Расстроенный вестями о неуспехе грамматики, Б. с нетерпением ждет откликов критики и просит К. Аксакова поторопиться с своим отзывом о ней. Не видя для себя другого выхода, Б. готов ехать в Петербург просить работу у Сенковского, Греча, Плюшара, ибо Москва грозит «голодной смертью и бесчестием». Б. с наслаждением перечитывает Пушкина и начинает «сильно разочаровываться» в «сумасшедшей поэзии» Э-Т-А Гофмана. Пересматривая старые статьи Надеждина в «Вестнике Европы», Б. выражает горячее возмущение его высказываниями о Пушкине и полагает, что только «глупое состояние нашей журналистики до 1831 года помогло этому человеку составить себе какой-то авторитет» (*Б*, XI, 130—133).

Июня 26. Не дошедшее до нас письмо Б. к Бакунину из Пятигорска (*Б*, XI, 135). См. июля 19.

Июня 28. Б. в письме к Бакунину описывает свое времяпрепровождение в Пятигорске, постоянное общение с А. П. Ефремовым, благотворное действие вод, ванн и прогулок. Б. читает «Дон-Кихота» («гениальное произведение») и «Хромой бес» Лесажа, которого «насилу заставил себя дочесть» (*Б*, XI, 135—138).

Июня конец. В. И. Красов уезжает из Москвы на службу в Киевский учебный округ (*ЛН*, т. 56, 104). См. 1838, сентября 13.

Июля 1. Выход в свет «Библиотеки для чтения» № 7. Н. А. Полевой в анонимной заметке об «Основаниях русской грамматики» Б. признает в ней «много дельного», но сомневается в том, чтобы «труд г. Белинского годился для первоначального обучения уже и потому, что он слишком огромен» (*БдЧ*, № 7, отд. VI, 18).

Июля 2. Б. получает в Пятигорске письмо и книги от Д. П. Иванова (*Б*, XI, 138).

Июля 3. Б. в письме к Д. П. Иванову просит выслать ему «Логику» Кизеветтера и грамматику Греча. Книги эти необходимы Б. для его работы над второй частью «Оснований русской грамматики». Б. сообщает Д. П. Иванову план задуманного им «Полного курса словесности для начинающих». Б. одобряет хозяйственные мероприятия Дарьи Титовны в своей московской квартире и просит следить за занятиями Никанора и Пети *(Б,* XI, 138—140).

Июля 4. Б. продолжает курс лечения, получив двадцать билетов в Александровские ванны *(Пятигорский городской архив)*. См. июля 12.

Июля около 10. Б. знакомится с Н. М. Сатиным, бывшим членом кружка Герцена и Огарева, которому он привез письмо от Кетчера (*Б*, XI, 138; *Н. Сатин,* 238). В ответном письме Сатин сообщал Кетчеру, что знакомство с Б. «доставило ему несколько минут истинного удовольствия»: «Мы подружились с ним, хотя не совершенно сошлись в наших понятиях» (*А. Пыпин,* 179).

Июля 12. Б. продолжает курс лечения, получив пятьдесят билетов в Сабанеевские ванны (*Пятигорский городской архив)*. См. августа 8.

Июля 16. Н. М. Сатин в письме к одному из своих приятелей отмечает: «Б. довольно часто навещает меня. Он своими рассказами часто воскрешает передо мной прошедшее, которое так для меня дорого» (*А. Пыпин,* 179).

Июля 19. Бакунин в письме к Беерам делится впечатлениями от не дошедшего до нас письма Б. от 26 июня: «Здоровье его поправляется, но душа его, судя по письму, еще очень больна; он все еще борется, или, лучше сказать, барахтается с каким-то злом, с какими-то призрачными врагами; кажется, что он еще находится на знаменитой степени: qu'est ce l'amour, qu'est ce l'amitié? Авось и он встанет» (*Бакунин,* II, 42).

Июля 28. Станкевич в письме к Л. А. Бакуниной упоминает о полученных им «пребольших письмах» от Б.: «Ему Кавказ сначала не понравился, теперь он начинает чувствовать его красоты» (*Станкевич,* 533).

Июля около 30. Б. в квартире Сатина знакомится с Лермонтовым. «Шуточки», которыми отвечает Лермонтов на затеянный Б. разговор о Вольтере и Дидро, производят настолько тяжелое впечатление на Б., что он вынужден оборвать разговор и уйти «едва кивнув головой». Когда же Сатин напомнил Б., что Лермонтов — автор стихов «Смерть поэта», Б. отвечал: «Вот важность написать несколько удачных стихов! От этого еще не сделаешься поэтом и не перестанешь быть пошляком» (*Н. Сатин,* 240; *ЛН,* т. 56, 240—241).

Августа около 3? Б. получает письмо от Станкевича, в котором последний выражает подозрение, что Бакунин разболтал уже всем о его разрыве с Л. А. Бакуниной (*Б, XI,* 179). Знакомство Б. в Пятигорске с историком казачества В. Д. Сухоруковым, другом декабристов, «очень интересным человеком» (*там же,* 159).

Августа 7. Б. в письме к Д. П. Иванову, пользуясь своей старой дружбой с ним, откровенно объясняет причины, мешающие иногда их взаимному пониманию. Б. не может мириться с его «мелочностью», «склонностью к рутине», «подличаньем с высшими и запанибратским обращением с чернью», затянувшимся «ученичеством» и низкопоклонством перед представителями официальной науки. Б. настойчиво призывает приятеля обратиться к искусству и к философии, как к «источнику знания». Б. предлагает оставить политику, которая якобы «в России не имеет смысла»: «Вся надежда России на просвещение, а не на перевороты». Высоко оценивая деятельность Петра, Б. верит и сейчас в реформаторскую работу правительства, которое якобы «исподволь» освобождает крестьян, хотя и «не позволяет писать о крепостном праве». Б. убежден, что «наше дворянство издыхает само собою, без всяких революций и внутренних потрясений». Б. с негодованием упоминает о книге Ламенне «Les paroles d'un croyant», в которой «Христос представлен каким-то политическим заговорщиком». Выступая против французского «эмпиризма» во имя «вечных законов человеческого разума», Б. полагает, что новейшая германская философия есть «ясное и отчетливое, как математика, развитие и объяснение христианского учения, как учения, основанного на идее любви и идее возвышения человека до божества, путем сознания».

Б. очень удовлетворен результатами своего лечения, но с нетерпением ждет окончания лечебных процедур, чтобы выехать 1 сентября в Москву (*Б,* XI, 140—156).

Августа 8. Б. продолжает курс лечения, получив десять билетов в Кисловодские ванны (*Пятигорский городской архив*).

Августа 12. Станкевич в письме к Б. из Воронежа сообщает о получении им заграничного паспорта и о предстоящем отъезде в Берлин (*Станкевич,* 415).

Августа 14. Б., отвечая К. С. Аксакову на только что полученное от него письмо (не сохранилось) с предложением «писать для детей», жалуется на свою неспособность к «компиляциям и спекуляциям», выражает сомнение в успехе своей грамматики и не видит выхода из того тупика, в котором оказался. Объясняя некоторые строки своего письма от 21 июня «минутой отчаяния и ожесточения», Б. понимает неизбежность переезда в Петербург и готов предложить свои

услуги «Энциклопедическому лексикону». Б. не возражал бы и против работы в «Библиотеке для чтения», но никак не может согласиться на правку своих статей посторонней рукой. Б. горько жалуется на Надеждина, который поставил его в очень тяжелое положение перед ген. И. Н. Скобелевым, приписав Белинскому без всяких оснований ругательную рецензию на сочинения Скобелева, писанную Н. С. Селивановским. В Пятигорске Б. пришлось иметь с ген. Скобелевым по этому поводу неприятнейшее объяснение (*Б,* XI, 156—160).

Августа 15. Б. получает письмо от Бакунина (*Б,* XI, 160) и заканчивает большое письмо к Станкевичу (*там же,* 168). Письма эти не сохранились.

Августа 16—17. Письмо Б. к Бакунину. Отвечая на его обвинения, Б. готов их принять, не возражая и против резкой оценки своего «падения». Б. сомневается, однако, в «восстании» самого Бакунина, так как не чувствует в его письме истинного «голоса любви». Б. с тяжелым чувством вспоминает ненормальную атмосферу, установившуюся весною в кружке Станкевича, главным образом из-за Бакунина. Б. доказывает неизбежность «падения» Станкевича после того, как тот понял, что обманулся в своем чувстве к Л. А. Бакуниной (См. март — апрель). Б. продолжает высоко ценить философию Станкевича («блаженство в отречении от себя, блаженство в страдании»), но питает отвращение к пошлой морали, к пуританским добродетелям. Романы Купера помогли Б. понять убожество того и другого. Б. чувствует в себе «самоотверженную любовь к истине». Бесплодность «лучших порывов, душевного жара» и прочих «прекрасных даров» своих Б. объясняет «дисгармонией внешней жизни с внутренней», тяжелыми материальными лишениями, неудачами, мучительными мыслями о «погибшей бесплодно юности» и о «бедности своих познаний», зависимостью от «презираемых». Б. вспоминает о своем пребывании в Премухине, где ненадолго ощутил он «гармонию и блаженство». Но и в Премухине Б. пережил много горьких минут, чувствуя, что его жизненный удел «не наслаждение раем, а только приближение к его воротам, только предощущение его гармонии». Воспоминание о сестрах Бакуниных Б. считает «единственным сокровищем своей бедной жизни». Б. твердо решает начать по возвращении с Кавказа новую жизнь, установив жесткий распорядок каждого дня. Два месяца он предполагает полностью отвести на изучение языков, немецкого и английского, без которых невозможны занятия ни философией, ни историей. Б. признается, что работал на Кавказе очень мало, но многое хорошо обдумал, в том числе план статьи, где в форме переписки двух друзей будут им высказаны некоторые «истины о цели человеческого бытия или

счастия». Истины эти будут носить практический характер, доступный всем, у кого есть «живое чувство бытия». В сочинение это должны войти и обе статьи, написанные в Премухине (см. 1836, октябрь — ноябрь). Б. полагает, что сейчас он «вполне постиг» вопрос о значении искусства. Пушкин предстал перед ним «в новом свете» (*Б*, XI, 160—181).

Августа 18. Б. пишет Боткину и И. П. Клюшникову (*Б*, XI, 181). Письма эти не сохранились.

Августа 19. Б. переезжает на десять дней для окончания курса лечения в Железноводск (*Б*, XI, 155, 181).

Сентября около 1. Б. выезжает с Ефремовым в Москву. В Воронеже он рассчитывает остановиться у Кольцова, в Туле — у П. П. Матюшенко, своего университетского товарища (*Б*, XI, 155, 159, 181).

Сентября 4 и 11. Публикация в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» рецензии А. Д. Галахова на «Основания русской грамматики» Б. (*ЛПРИ*, 1837, №№ 36 и 37). Как свидетельствует Галахов в своих воспоминаниях, Б. был очень доволен этой рецензией, особенно ценя в ней развитие своей мысли о том, что «исходным пунктом этимологии является синтаксис» (*ИВ*, 1892, I, 136).

Сентября 15. Б. приезжает в Москву. Посетив больного Клюшникова, Б. с его помощью «кое-как» налаживает временно свои материальные дела (*Б*, XI, 181, 395).

Сентября 16. Б. слушал «Роберта-Дьявола» в Большом театре, где встретился с Боткиным и Кетчером (*Б*, XI, 181).

Сентября 17. Б. присутствует на музыкальном вечере у Боткина. «Могущественное действие» производит на него исполнение сонаты Бетховена (*Б*, XI, 181—182).

Сентября 18. Б., встретившись у Боткина с Лангером, отвел душу в воспоминаниях о Премухине (*Б*, XI, 182).

Сентября 18—21. Б. начинает сходиться с Катковым и «ценить его» (*Б*, XI, 181). Дружеские встречи Б. с К. А. Бэром (*там же*, 183).

Сентября 21. Б. в письме к Бакунину рассказывает о первых днях своего пребывания в Москве. Надежды Б. на работу в «Московском наблюдателе», о покупке которого у В. П. Андросова хлопочет К. А. Полевой, пригласивший Б. вести в этом журнале отдел критики и библиографии. Н. А. Полевой приглашает Б. сотрудничать в «Северной пчеле», реорганизуемой Смирдиным с 1838 года. По впечатлениям Б., «начинает трогаться» распродажа грамматики. Б. убежден, что

«с переменою внешних обстоятельств переменятся и внутренние» (*Б,* XI, 181—183).

Сентября 26. Б. был в седьмой раз на представлении «Гамлета» с Мочаловым в главной роли (*Б,* II, 335).

Сентябрь — октябрь. Б. работает над «Перепиской двух друзей» (см. августа 16—17). В этом произведении, в «форме какого-то полуромана», Б. надеется «высказать все те идеи о жизни, которые дают жизнь». Б. рассчитывает «поразить прекраснодушие так, что оно устыдится самого себя (*Б,* XI, 188). Работа эта до нас не дошла.

Сентябрь — октябрь. Катков знакомит Б. с основаниями «Эстетики» Гегеля (*Б,* XI, 181, 387).

Б. часто бывает у Н. А. и К. А. Полевых. Встречи Б. у них с художником К. И. Рабусом (*К. Полевой,* 375).

Октября 1. Б. поселяется в Савеловском переулке («пятый квартал Пречистенской части») в доме полковницы Ефремовой. Вместе с Б. прописаны в домовой книге его племянник П. П. Иванов и «крепостной мальчик Иван Федоров» (*Альбом выставки Б.*, л. 54).

Октября начало. Б. на вечере у Н. С. Селивановского знакомится с Мочаловым и слушает чтение Полевым двух актов «Уголино». За ужином Мочалов и Щепкин читают последние сцены из «Горя от ума». Драма Полевого производит благоприятное впечатление на Б. Он уверен в ее большом успехе на сцене (*Б,* XI, 189).

Октября около 8. Н. А. Полевой, уезжая в Петербург, приглашает Б. к себе «в воскресенье»: «Ведь бог знает, когда увидимся, и даже увидимся ли когда? Кто отвечает за з а в т р а!» (*Бик,* 255).

Октября 10. Б. был на обеде у Полевого, который, сговариваясь с Б. о сотрудничестве его в «Северной пчеле» и в «Сыне отечества», обещает ему «постоянную и выгодную работу». Б. был смущен лишь «тесными рамками» газеты: «Что можно сказать в фельетоне? — говаривал он, — иную мысль не разовьешь и в книге» (*К. Полевой,* 376).

Октября 12. Б., Мочалов и К. Полевой провожают до заставы Н. А. Полевого, переезжающего навсегда в Петербург (*К. Полевой,* 377).

Октября 15. Б. в письме к Н. М. Сатину доказывает, что «б л а г о в я в л е н и и не должно быть точкою отправления, а результатом б л а г а в и д е е». Обвиняя Сатина в желании «делать пользу, в самом пошлом значении этого слова», Б. полагает, что «единственная достойная человека жизнь есть жизнь внутренняя, жизнь созерцания и спокойствия», устрем-

ленная «к истине». Б. опасается «падения» Сатина, предостерегает его от переоценки личности Огарева, от близости с Лермонтовым и выражает крайнее несочувствие стихотворным опытам Сатина, сравнивая их с своей юношеской «нелепой трагедией». Б. утверждает, что «похвала толпы» для него сейчас менее приемлема, чем ее «ненависть». Б. иронизирует над интересом Сатина к французской литературе и особенно резко квалифицирует Шатобриана и Ламартина (*Бик,* 261—265; *ЛН,* т. 56, 203 и 224; *Н. Сатин, 240*).

Октября 16. Письмо Б. к Бакунину. Взволнованный долгим отсутствием известий от Бакунина и подозревая, что последний мог рассердиться на его кавказское письмо, Б. готов взять назад все то, с чем Бакунин не может в этом письме согласиться (*Б,* XI, 183—184). См. августа 16—17.

Октября 17. Письмо Станкевича из Берлина ко всем московским друзьям, с отчетом о первых его заграничных впечатлениях (*Станкевич,* 158—162).

Октября 25. Б. получает большое письмо от Бакунина (до нас не дошло) с ответом на все обвинения Б. в письме от 16—17 августа (*Б,* XI, 184—185).

Октября конец. Б. часто бывает у Боткина, который переводит книгу Марбаха «Der Zeitgeist und die moderne Literatur» (*Б,* XI, 189). Прослушав отрывки из истории новой философии, над переводом которой работает А. Х. Кетчер, Б. обращает внимание на «гиганта» Спинозу (*там же,* 201—202).

Ноября 1. Письмо Б. из Москвы к Бакунину. Б., стараясь разобраться в причинах конфликта А. М. Бакунина с младшими членами семьи, сожалеет о своем ложном отношении к старику в Премухине и о неуместном чтении ему своей «второй» (до нас не дошедшей) статьи. Б. замечает, что А. М. Бакунин, «по многим фактам, имел полное право заключить, что мы больше горды своими убеждениями, нежели счастливы ими». Б. надеется с нового года начать работу в «Московском наблюдателе», разрешение на издание которого должен получить К. А. Полевой. Б. подчеркивает, что он «разуверился в достоинстве отрицательной любви к добру» и чувствует в себе «больше снисходительности к пошлостям и глупостям литературной братии». Б. сожалеет о резком тоне своих прежних статей, «имевших несчастие обратить внимание правительства». Б. сообщает о начале им большого сочинения «Переписка двух друзей» (см. сентябрь—октябрь) и о плане большой критической статьи о Пушкине. Б. думает также о составлении для журнала библиографии всех литературных произведений за 1837 год; это даст повод высказаться о

«Гамлете», об игре в нем Мочалова, о диссертации Шевырева и о многом другом. Б. иногда кажется, что «он был бы счастливее, если бы кругозор его был ограниченнее, а требования чувства умереннее», но это, разумеется, «минуты борьбы — недостойной просветленного человека», ибо «откровение истины есть единственное благо». Б. по-прежнему смотрит на Бакунина, как на «олицетворенную мощь во внутренней жизни», но не может примириться с его бестактностью и претенциозностью. Б. мечтает об упорядочении своей «внешней жизни», так как «немолчный вопль нужды» не позволяет ему ни на чем сосредоточиться. В комнате Б. «хоть волков морозь, а в кармане хоть выспись». Б. тяготят и его долги, особенно растрата двухсот рублей, полученных от Сатина еще в августе на покупку книг.

Б. готовит «большое письмо о творчестве». Этот круг проблем Б. уяснил для себя еще на Кавказе, но сейчас Катков, «стакнувшись» с Гегелем, совершенно разбил его теоретические построения (*Б,* XI, 184—202).

Ноября около 2. Б. принимает предложение К. А. Полевого править корректуру нового издания «Деяний Петра Великого», с оплатой по 50 руб. за том (*Б,* XI, 396; *К. Полевой,* 381—382).

Ноября 4. К. А. Полевой, отвечая на не дошедшую до нас записку Б., извещает его об отказе министра на реорганизацию «Московского наблюдателя». Просьбу Б. о деньгах Полевой обещает удовлетворить в ближайшие дни с тем, чтобы в течение ноября выплатить ему 500 руб. (*Бик,* 253).

Ноября 5. Н. А. Полевой в письме к брату сообщает, что С. С. Уваров «с неудовольствием упоминал о намерении К. А. Полевого взять в аренду «Московский наблюдатель» (*К. Полевой,* 389).

Ноября 7. Сатин, отвечая на письмо Б. от 15 октября, резко возражает на постулаты практической философии Б., доказывая, что «пока на земле существует зло, до тех пор невозможно совершенное спокойствие и торжественное созерцание». Сатин протестует против «односторонности» Б., против недооценки французской литературы, против непонимания им линии поведения Огарева, против насмешек Б. над его стихотворными опытами (*Бик,* 261—267).

Ноября 7—18. М. П. Погодин отмечает в своем дневнике переговоры об организации в Москве нового общественно-литературного журнала. Шевырев от работы в последнем отказывается (*М. Поляков,* 312).

Ноября 12. Б. знакомится с Левашевыми, предложившими ему давать уроки их сыну и дочери (*Б,* XI, 203).

Ноября 15. Письмо Б. к Н. А. Полевому (*Б*, XI, 202), которое до нас не дошло.

Ноября 15. Письмо Б. к Бакунину. Б. сообщает о неразрешении К. Полевому издания «Московского наблюдателя», ввиду чего Б. решил переезжать в Петербург. Б. с нетерпением ждет свидания с Бакуниным: «Присутствие человека, сильного верою, дает веру, а вера есть все». Б. жалуется на то, что его занятия немецким языком идут плохо. Вместо «Разбойников» Шиллера, которые читаются с трудом, Б. решил выбрать для упражнений в чтении и переводе «Серапионовы братья» Гофмана. Его «Мейстерзингеры» Б. считает «гениальным» произведением, которое «надо давать молодым людям для развития в них чувства изящного» (*Б*, XI, 202—204).

Ноября около 17. Б. виделся с Лажечниковым (*Б*, XI, 217). Боткин привозит Б. долгожданное письмо от Бакунина (*там же*, 212), которое до нас не дошло.

Ноября около 18. Б. в письме к К. С. Аксакову просит ускорить возвращение своих рукописей: «Чувствую потребность употребить их в дело». Передавая приятелю, что М. П. Погодин затевает издание журнала и предлагает Б. сотрудничать в нем («Это пока тайна»), Б. замечает, что готов принять это предложение при условии «полной конституции», если не состоится его переезд в Петербург. Б. упоминает о своих работах над синтаксисом, полемизируя с Аксаковым по некоторым грамматическим вопросам. Б. просит прислать ему «Père Horiot» Бальзака и стихотворения Беранже (*Б*, XI, 205).

Ноября около 20. Письмо Б. к Бакунину. Потрясенный интимно-бытовыми признаниями Бакунина в его последнем письме, Б. отвечает другу такой же предельно-откровенной исповедью и посвящает в свою переписку Боткина (*Б*, XI, 205—217).

Ноября 21. Письмо Б. к Бакунину. Отвечая на новую «тетрадь» Бакунина, Б. анализирует основания их недавнего разлада и доказывает, что этот конфликт «произвел следствия благие и важные». Б. возлагает большие надежды на «новую эпоху» их дружбы и с нетерпением ждет приезда Мишеля прямо к себе. Сообщая, что в Москве организуется новый журнал под названием «Москвитянин», во главе с Погодиным и Шевыревым, Б. решительно отвергает возможность совместной работы с «подлецами и идиотами», хотя ему «стороною» и предлагалось сотрудничество в их издании. Необходимость давать уроки действует на Б. угнетающе, но он бодрит себя надеждой, что таким путем скорее расплатится с долгами, скопит деньги и, может быть, получит возможность «посмотреть Европу» (*Б*, XI, 217—224).

Ноября 30. Б. в восьмой раз смотрел «Гамлета» с Мочаловым в главной роли (*Б,* II, 728—729).

Декабря 2. Б. встретился с приехавшим в Москву Бакуниным (*Бакунин,* II, 80).

Декабря 3. Б. дополняет шуточной полемикой с Бакуниным письмо последнего к сестрам (*Б,* XI, 224—225).

Декабря около 5. Б., отвечая на письмо Сатина от 7 ноября, в последний раз апеллирует к догмам субъективно-идеалистической философии Фихте. Б. настаивает на том, что «кто не живет беспрерывно в Духе, в абсолюте, тот живет в падении, тот призрак». Б. утверждает, что ему «известен путь к абсолютной истине, что нужно только некоторое усилие, чтобы переселиться в жизнь абсолютную» (*Бик,* 267—268). См. декабря 27.

Декабря 7. Бакунин переезжает на житье к Б. (*Бакунин,* II, 79). Вместе с Бакуниным Б. изучает философию истории Гегеля и его учение о государстве. Вспоминая об этой поре, Б. писал Станкевичу: «Новый мир нам открылся: сила есть право, и право есть сила<...> Это было освобождение. Я понял идею падения царств, законность завоеваний, я понял, что нет дикой материальной силы, нет владычества штыка и меча, нет произвола, нет случайности, — и кончилась моя тяжкая опека над родом человеческим, и значение моего отечества предстало мне в новом виде». Во имя «действительности» Б. начинает «гонение на прекраснодушие» и обрушивает «неистовые проклятия на Шиллера» (*Б,* XI, 386—387). В декабре становится особенно тесной дружеская связь Б. с Бакуниным (*Б,* XI, 336).

Декабря 9. Записка Б. к сестрам Бакуниным с обещанием дальнейших писем (*Б,* XI, 225). Вечером Б. смотрел «Отелло» с Мочаловым в главной роли (*Б,* II, 340).

Декабря около 10. Б. в приписке к письму Бакунина к Станкевичу (письмо это не сохранилось) спрашивает последнего о лучших формах приобщения «Ванечки» Станкевича к занятиям философией (*Станкевич,* 644—645). См. декабря 25.

Декабря 16. Письмо Б. от сестры Александры, с приписками ее мужа и брата Константина (*ЛН*, т. 57, 201—202).

Декабря 20. Н. А. Полевой в письме к брату из Петербурга отмечает, что получил письма Б., но «ничего не может теперь сделать для него». Свое собственное положение он считает «еще самым сомнительным», а потому вызов Б. в Петербург был бы в этих условиях «всячески неосторожен, даже по политическим отношениям». Полевой сомневается в том, чтобы ему удалось ужиться с Б., «при большой разнице во многих

мнениях, при его плохом знании языка и языков и недостатке знаний и образованности». Полевой просит «все это искусно объяснить Б.», щадя его «чувствительность и самолюбие» (*К. Полевой,* 404).

Декабря 22. Н. А. Полевой, отвечая на не дошедшие до нас письма Б., объясняет ему трудности своего положения, неопределенность и шаткость которого не позволяют ему брать на себя ответственность за переезд Б. в Петербург. Предлагая Б. приехать весною к нему погостить, чтобы познакомиться на месте с политической и литературной обстановкой, Полевой полагает, что окончательное решение о переходе на работу в Петербург может быть сделано Б. лишь после этой поездки (*Бик,* 255—256).

Декабря 25. Станкевич в письме к Бакунину из Берлина рекомендует Б. «учиться по-немецки», чтобы лучше «утвердиться в своем человечестве». На вопрос Б. о занятиях философией с Ванечкой (см. декабря около 10) он отвечает советом Вердера «отложить Канта», с тем чтобы начать с «Писем об эстетическом воспитании» Шиллера или с «Ueber die menschliche Freiheit» Шеллинга, или «всего лучше с разговоров Платона, в переводе Шлейермахера (только не читать предисловия)». Станкевич полагает, что «надобно дать человеку душу живу, мысль должна сделаться жизнию, а без этого мало пути» (*Станкевич,* 644—645).

Декабря 26. Учреждение министерства государственных имуществ с возложением на него «попечительства» над всеми «свободными сельскими обывателями» (*Полн. собр. законов,* т. XII, № 10834). Создание этого министерства связывается в широких общественных кругах с подготовкой ликвидации крепостных отношений.

Декабря 27. Н. М. Сатин, возражая на письмо Б. (см. декабря около 5), протестует против того, что Б. прокламирует «родные истины с фанатизмом дервиша, а не со смирением философа». Сатин настаивает на том, что «человек может жить в Духе, но не может и не должен быть Духом», что Б. своими «маратовскими фразами» о призраках «уравнял всех, всех послал на гильотину падения». Сатин напоминает о том, что «ежели падение есть следствие борения, а не апатии, то это падение временно, оно предтеча восстания. Падение, восстание — два необходимые признака человечности» (*Бик,* 267—270).

Декабря 29. Бакунин уезжает по семейным делам к тетке в Казицыно (*Бакунин,* II, 129).

Декабря 31. Б. получает несколько писем от Бакуниных. Новый год Б. встречает у Боткина и проводит с ним «прекраснейший вечер» (*Б,* XI, 226).

Января 1. Б. в письме к Бакунину проявляет живой интерес к событиям, происходящим в Премухине в связи с уходом В. А. Дьяковой от мужа (*Б*, XI, 226—227).

Января 2. Б. провел вечер у Боткина перед отъездом последнего в Харьков (*Б*, XI, 227).

Января 3. Б. в письме к Бакунину сообщает о том, что статья о Мочалове подвигается «медленно», закончен разбор только первого представления «Гамлета» (*Б*, XI, 227).

Января 4. Цензур. разреш. «Северной пчелы» № 4. В номере начало анонимной статьи Б. «Московский театр. Гамлет. Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета. Статья первая».

Января 12. Б. получает письма от А. А. Беер (*А. Корнилов*, I, 363—364) и Бакунина (*Б*, XI, 228).

Января 13. Б. был у Мочалова. В этот же день Б. принимал у себя братьев Станкевича, приехавших из Воронежа (*Б*, XI, 228—229). Письмо Б. к А. А. Беер по вопросу о помощи В. А. Дьяковой (см. января 1). В этом же письме Б. делится своими впечатлениями от посмертных публикаций произведений Пушкина в «Современнике» 1837 г.: «Кто не читал его, тот не знает Пушкина» (*Б*, XI, 227—228).

Января 14. Б. в письме к Бакунину торопит его с возвращением в Москву к бенефису Мочалова. Восторженно отзываясь о «дивных вещах» Пушкина в двух последних книжках «Современника», Б. очень положительно оценивает и первую книгу «Сына отечества», реорганизованного Н. А. Полевым. Б. упоминает о получении им письма от Станкевича (см. 1837, декабря 25) и о приезде из Воронежа Кольцова. При письме Б. пересылает Бакунину «Лес» Кольцова (*Б*, XI, 228—231).

Января 18. Б. в письме к Боткину передает премухинские новости и ждет с нетерпением возвращения его и Бакунина в Москву. Б. получил от Мочалова билеты на его бенефис (*Б*, XI, 231—232).

Января 19. Б. в девятый раз смотрел Мочалова в «Гамлете» (*Б*, II, 319).

Января 21. Б. присутствует на премьере пьесы Н. А. Полевого «Уголино», которая шла в бенефис Мочалова в Большом театре (*Б*, XI, 228—232; *«Драмат. сочинения и переводы Н. А. Полевого»*, ч. III, СПб, 1843, 265).

Января 21—25. Бакунин, возвратившись в Москву, поселяется вновь у Б., где часто встречается с ними обоими Кольцов (*Бакунин*, I, 293; *Кольцов*, 171, 181; *Б*, XI, 336).

Января 27. П. Я. Петров, отвечая на письмо Б., оповещает о раздаче привезенных им в Петербург экземпляров грамматики Б. «по надписям». Петров сообщает Б. о встречах с М. Б. Чистяковым, а на вопрос Б. о скульпторе Пименове отвечает, что его «с полгода нет в России» (*Бик,* 245—246).

Января около 28. Шуточная приписка Б. к письму Бакунина сестрам. Б. упрекает их за нежелание писать по-русски (*Б,* XI, 232—233; *Бакунин,* II, 132).

Января около 30. Б. в беседах с К. А. Полевым недоумевает по поводу отсутствия в «Северной пчеле» продолжения статьи о Мочалове в роли Гамлета (*К. Полевой,* 382—383).

Февраля 2. Кольцов в письме к Б. из Петербурга рассказывает о своем посещении Н. А. Полевого, с которым он вел переговоры по просьбе Б. о статье «Мочалов в роли Гамлета». По его словам, Полевой недоволен ее длиннотами, но, зная характер Б., не решается сократить статью без его согласия (*Кольцов*, 172—174). См. февраля 17.

Февраля 4. А. Г. Белинская (Кузьмина) в письме к Б. из Чембара уведомляет о кончине их бабушки и пеняет за отсутствие писем от него: «Мы о тебе помним больше, нежели ты об нас» (*ЛН,* т. 57, 202).

Февраля 7. Бакунин в шуточной приписке к письму сестрам пишет: «Б. и рад богу молиться, да не знает как: ни одной молитвы наизусть не знает» (*Бакунин,* II, 133).

Февраля около 8. Бакунин выезжает из Москвы в Орловскую усадьбу Бееров (*Бакунин*, II, 132—135).

Февраля 10. Б. в десятый раз смотрел Мочалова в «Гамлете» (*Б*, II, 336).

Февраля 10. Н. А. Мельгунов в письме к Неверову пишет, что «Московский наблюдатель» еле-еле жив» и сомневается, будет ли он в нынешнем году продолжаться (*М. Поляков*, 312).

Февраля 14. Кольцов в письме к Б. из Петербурга упоминает о своем разговоре с Н. А. Полевым об «Уголино»: «Я ему сказал ваше мнение и как оно было принято; это ему не понравилось» (*Кольцов,* 175).

Февраля 17. Выход в свет второй книжки «Сына отечества». В ней опубликовано «Письмо из Москвы» А. М. <Н. С. Селивановского> с возражениями на некоторые установочные положения Б. в статье «Мочалов в роли Гамлета». См. января 4 и февраля около 25.

Февраля 20. Бакунин, возвратившись из усадьбы Бееров, вновь поселяется у Б. (*Бакунин*, II, 138; *Альбом выставки Б.,* л. 54).

Февраля 21. Кольцов в письме к Б. из Петербурга сообщает, что Н. А. Полевой отказывается вести переговоры со Смирдиным о продаже грамматики Б., так как она «не детская, а философская», а потому не может «пойти». Полевой, смущенный невозможностью привлечь Б. для сотрудничества в своих изданиях, приглашает Б. приехать к нему в Петербург погостить, чтобы лучше осмотреться, учесть обстановку, а потом уж решать вопрос о постоянной работе. Опасаясь, что Б. плохо учитывает политическую и литературную ситуацию, Полевой соглашается печатать статьи его лишь как «от человека не участвующего и постороннего». Продолжение статьи Б. о Мочалове в роли Гамлета Полевой обещает напечатать лишь после того, как Б. позволит ему выправить ее и сократить. Кольцов передает отрицательное суждение Гребенки и Прокоповича о грамматике Б., а также о негодовании Краевского на Б. за те условия, которые он ставит, как будущий его сотрудник; Краевский полагает, что Б. переоценивает свое значение и отрицательно отзывается о полученных им от Б. двух статьях (*Кольцов,* 176—178).

Февраля около 22. Письмо Б. к Станкевичу, до нас не дошедшее. См. марта 6.

Февраля около 25. Б. в беседах с К. Полевым выражает возмущение некорректным отношением к нему Н. А. Полевого, который без всяких объяснений оттягивает печатание окончания его статьи о Мочалове и в то же время дает место в «Сыне Отечества» нападкам на ее начало *(К. Полевой,* 382).

Февраля конец. Бакунин в письме к сестрам отмечает: «Б. ожил, чудный человек, огромная душа» *(Бакунин,* II, 142).

Марта 6. Кольцов передает Н. А. Полевому записку Б. (до нас не дошла) с просьбой вернуть статью о Гамлете (*Кольцов,* 179).

Марта 6. Станкевич, отвечая из Берлина на письмо Бакунина, упоминает о получении им письма Б., под впечатлением которого он готов писать «эпическую поэму о кардинале Виссарионе, иначе называемом Bissarione furioso». В этом же письме Станкевич рекомендует Белинскому, равно как и Бакунину, поскорее занять «независимое положение, место», ибо «человек должен упрочить свое существование; без этого нет деятельности или она будет истощаться в рефлексиях над собою и убьет все хорошее» (*Станкевич,* 658—663).

Марта 7. Кольцов в письме к Б. из Петербурга рассказывает о своем визите к Н. Полевому (*Кольцов,* 179). Б. с Бакуниным читает и анализирует письмо Станкевича к Л. А. Бакуниной (*Бакунин,* II, 151).

Марта 8 и 9. Кольцов был у Плетнева и Краевского, которым предлагал статью Б. о Гамлете (*Кольцов*, 179). На ве-

чере у Плетнева, когда зашел разговор о Б., Воейков заметил, что Б. «малый весьма умный, с талантом, но бедовая голова» (*Кольцов,* 181).

Марта 10. Б. в официальном письме к С. Т. Аксакову, как директору Константиновского межевого института, принимает его предложение преподавать в двух старших классах русский язык, по 9 часов в неделю, с жалованьем 1300 руб. в год (*Б,* XI, 233).

Марта 10. Шевырев в письме к Я. М. Неверову сообщает со слов В. П. Андросова, что «Московский наблюдатель», который «почти было умер», будет в настоящем году продолжаться (*М. Поляков,* 312).

Марта 12. Краевский в беседе с Кольцовым отклоняет предложение Б. прислать разбор «Уголино» Полевого, но выражает согласие напечатать статью о «Гамлете», если она будет «пристроена» к гастролям московских актеров в Петербурге. Краевский согласен печатать все статьи Б. с подписью его имени, кроме рецензий на новые книги (*Кольцов,* 180).

Марта 13. Бакунин в письме к А. А. и Н. А. Беер сообщает о реорганизации «Московского наблюдателя»: «Шевырев из него изгнан нашими соединенными силами, и мы вступаем во владение его. Он слишком много врал, пора было замолчать — теперь-то запоют соловьи. Виссарион написал уже длинную и красноречивую песнь, и я также. Моя статья будет первая, и под нею написано: «Михаил Бакунин». Мое имя будет в первый раз напечатано... Мы вам пришлем «Наблюдателя»; он будет в зеленой обертке, в н а д е ж д е на будущие блага» (*Бакунин,* II, 154).

Марта 14. Кольцов пересылает Б. рукопись его статьи о «Гамлете», взятую им, видимо, у Н. Полевого (*Кольцов,* 180). См. марта 7, 8 и 9.

Марта 16. Б. приступает к преподаванию русского языка в Константиновском межевом институте (*РС,* 1900, V, 417).

Марта около 17. Бакунин неожиданно, «как бы украдкою», переезжает из квартиры Б. к Боткину, после чего Б. почувствовал, что против него «образуется сепаратная коалиция», начинаются какие-то враждебные «толки и пересуды» (*Б,* XI, 337).

Марта 18. Рапорт С. Т. Аксакова на имя попечителя Межевого института о допущении Б. к преподаванию русского языка (*КМИ,* 118; ср. *РС*, 1900, V, 417).

Марта 20. Н. А. Полевой в письме к Боткину сообщает: «Б. пишет, что моя схема поэзии и изящного ошибочная. Он не понимает, что говорит. Желал бы видеть его возражения,

желал бы и критики его на «Уголино», самой жестокой, только справедливой. Ради бога, скажите ему, чтоб он был только осторожнее, как можно осторожнее. Нельзя ли еще ему не ругать Греча и Булгарина. В таком случае мы останемся журналами, в почтительном положении, а без того — я не в силах буду остановить ругательств сумасшедшего Фаддея и злости Греча. Но клянусь, что моя рука против него никогда не двинется. Б. — чудак, болен добром, но любить его никогда я не перестану, потому что мало находил столь невинно-добрых душ и такого смелого ума при всяческом недостатке ученья. Вот почему хотел было я перезвать его в Петербург — боюсь, что он пропадет в Москве. Я сам некогда был в этом мастер, но все же не в такой степени, как Б.». Протестуя против «односторонности» Б., не соглашаясь с его суждениями о классицизме, о Державине, о Каратыгине, Полевой считает «ребячеством» предубеждение Б. против Петербурга (*«Звенья»*, III—IV, 881—882).

Марта 21. Б. переезжает из Савеловского переулка в Межевой институт, инспектор которого, кн. П. Д. Козловский, «по дружбе своей к Б. уступает ему лучшую половину своей казенной квартиры» (*Альбом выставки Б.,* л. 54; ср. *Б*, XI, 237; *Бакунин,* II, 163).

Марта 23. Б., отвечая на официальный запрос дирекции Межевого института, удостоверяет, что нигде, кроме Межевого института, он не преподает (*РС,* 1900, V, 422—423; *Б,* XI, 592).

Марта 29. И. И. Панаев, узнав от Кольцова о переходе «Московского наблюдателя» в руки Б., в письме к нему выражает готовность быть полезным Б. «по мере своих способностей», радуется за Москву, в которой будет журнал; еще более радуется, что «всегда правдивый и резкий голос Б., давно замолкший, снова раздастся» (*Бик,* 195).

Марта около 30. Б., перегруженный работой в «Московском наблюдателе», просит Д. П. Иванова взять на себя работу по корректированию «Деяний Петра Великого», за которую Б. получил аванс от К. Полевого еще в конце 1837 г. (*Б,* XI, 396).

Марта 31. Попечитель Межевого института предлагает представить в установленном порядке все документы, необходимые для утверждения Б. в занимаемой им должности (*РС,* 1900, V, 418).

Апреля около 1. Б. сдает в цензуру первую и вторую книгу «Московского наблюдателя» (по общей нумерации с 1835 года — ч. XVI). Журнал должен был выходить с 1 марта, два раза в месяц, но организационные осложнения задерживают его выход в свет. Ближайшее участие в журнале прини-

мают, кроме самого Б., К. С. Аксаков, Бакунин, Боткин, Ефремов, Катков, Клюшников, Кольцов, Кудрявцев, П. Я. Петров.

Первая книжка *МН* открывалась программной статьей Бакунина — предисловием к переводу «Гимназических речей Гегеля»: «Примирение с действительностью, во всех отношениях и во всех сферах жизни, есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гете — главы этого примирения, этого возвращения из смерти в жизнь. Будем надеяться, что наше новое поколение также выйдет из призрачности, что оно оставит пустую и бессмысленную болтовню, что оно сознает, что истинное знание и анархия умов и произвольность в мнениях совершенно противоположны, что в знании царствует строгая дисциплина и что без этой дисциплины нет знания. Будем надеяться, что новое поколение сроднится, наконец, с нашею прекрасною Русскою Действительностью, и что, оставив все пустые претензии на гениальность, оно ощутит, наконец, в себе законную потребность быть действительно русскими людьми» (*МН*, ч. XVI, кн. 1, 20).

Апреля около 1. Записка Боткина к Б. с приглашением на обед. Вместе с этой запиской Боткин посылает Б. для просмотра свой ответ на письмо Н. Полевого от 20 марта 1838 г. (*ЛН*, т. 56, 82).

Апреля около 1. Б. подает прошение о зачислении его на службу учителем русского языка в Константиновский межевой институт (*РС*, 1900, V, 418—419; *Б*, XI, 591).

Апреля около 10. Б. встречается с Кольцовым, возвратившимся из Петербурга. В Москве Кольцов остается до первых чисел июля (*Кольцов*, 433).

Апреля 11. Цензур. разреш. реорганизованного «Московского наблюдателя», ч. XVI, март, кн. 1. В первой книжке журнала Б. принадлежит одиннадцать публикаций. В отделе «Критика»: «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета. (Статья первая)». Подпись: В. Белинский. В отделе «Литературная хроника» критический отчет о посмертных произведениях Пушкина в «Современнике» 1837 г. и рецензии: «Виргиния, или Поездка в Россию. А. Вельтмана»; «Сердце и думка. Соч. А. Вельтмана»; «Альманах на 1838 год»; «Повести и путешествие в Маймай-Чень. А. П. Степанова»; «Невеста под замком. Комедия-водевиль Н. Соколова»; «Были и повести Ушакова»; «Приключение с молодым купчиком в Марьиной роще. Повесть»; «Г-н Каратыгин на московской сцене в роли Гамлета»; «Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего»; «Литературная тяжба о с и х и э т и х». Все рецензии и заметки без подписи.

В статье «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» Б. предпосылает анализу структуры «Гамлета» об-

щую характеристику Шекспира, обладающего, по его словам, «объективностию гения, которая сделала его драматургом по преимуществу и которая состоит в этой способности понимать предметы так, как они есть, переселяться в них и жить их жизнью». Б. утверждает, что «чем выше поэт, тем спокойнее творит он: образы и явления проходят пред ним вызываемые волшебными заклинаниями его творческой силы, но они живут в нем, а не он живет в них: он понимает их объективно, но живет в той жизни, которую образуют они своею гармонической целостию, а не в каком-нибудь из них особенно, а так как выражаемая их общностию жизнь есть жизнь абсолютная, то его наслаждение этою жизнию естественно, спокойно». Эта «объективность», как полагает Б., «совсем не есть бесстрастие: бесстрастие разрушает поэзию, а Шекспир великий поэт. Он только не жертвует действительностию своим любимым идеям, но его грустный, иногда болезненный взгляд на жизнь доказывает, что он дорогою ценою искупил истину своих изображений».

В своей интерпретации образа Гамлета Б. полностью расходится с классической характеристикой этого персонажа в романе Гете «Вильгельм Мейстер». Протестуя против «сделавшейся каким-то общим местом» формулировки Гете о том, что характер Гамлета определяется «слабостию воли при сознании долга», Б. обращает внимание читателей на то, что Гамлет «выходит из своей борьбы, то есть побеждает слабость своей воли, следовательно эта слабость воли есть не основная идея, но только проявление другой, более общей и более глубокой идеи — идеи распадения, вследствие сомнения». И далее: «Гамлет выражает собою слабость духа — правда; но надо знать, что значит эта слабость. Она есть распадение, переход из младенческой, бессознательной *гармонии и самонаслаждения* духа в дисгармонию и борьбу, которые суть необходимое условие для перехода в *мужественную и сознательную* гармонию и самонаслаждение духа. В жизни духа нет ничего противоречащего, и потому дисгармония и борьба суть вместе и ручательства за выход из них: иначе человек был бы слишком жалким существом. И чем человек выше духом, тем ужаснее бывает его распадение и тем торжественнее бывает его победа над своею конечностию, и тем глубже и свежее его блаженство. Вот значение Гамлетовой слабости. В самом деле, посмотрите: что привело его в такую ужасную дисгармонию, ввергло в такую мучительную борьбу с самим собою? *Несообразность действительности с его идеалом жизни* — вот что. Из этого вышла и его слабость и нерешительность, как необходимое следствие дисгармоний <...> Итак, вот идея Гамлета: *слабость воли, но только вследствие*

распадения, а не по его природе. От природы Гамлет человек сильный: его желчная ирония, его мгновенные вспышки, его страстные выходки в разговоре с матерью, гордое презрение и нескрываемая ненависть к дяде — все это свидетельствует об энергии и великости души. Он велик и силен в своей слабости, потому что сильный духом человек и в самом падении выше слабого человека в самом его восстании» (*Б,* II, 293). Переходя к сценическому воплощению образа Гамлета, Б. полагает, что «Мочалов вполне постиг тайну характера Гамлета и вполне передал ее своим зрителям». См. июня 25.

Апреля 11? Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. XVI, март, кн. 2. В номере статья Б. «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета. (Продолжение)». Рецензии Б.: «Библиотека детских повестей и рассказов. Соч. В. Бурьянова»; «Советы для детей. Новое сочинение Бульи. Перевод с франц. В. Бурьянова»; «Зимние вечера. Соч. Деппинга. Перев. с франц. В. Бурьянова»; «Прогулка с детьми по С.-Петербургу и его окрестностям. Соч. В. Бурьянова»; «Новая энциклопедическая русская азбука и общеполезная книга для чтения. В. Бурьянова»; «Детский альбом на 1838 г. А. Попова». Все рецензии без подписи. В отделе «Смесь»: «Литературное объяснение <по поводу письма А. М. в «Сыне отечества» о статье «Мочалов в роли Гамлета»>». Подпись: В. Белинский.

Апреля 12. Б. смотрит Каратыгина в роли Гамлета во время гастролей петербургских актеров в Москве (*Б,* II, 363).

Апреля 13. Б. смотрит И. И. Сосницкого в роли городничего в «Ревизоре», с Самариным в роли Хлестакова и с Орловым в роли Осипа (*Б,* II, 365).

Апреля около 15. Б. в записке к Бакунину признается, что единственным источником его существования является сейчас помощь кн. Козловского. Не располагая никакими деньгами, Б. сомневается, чтобы ему удалось где-либо достать необходимые Бакунину 300 руб. (*Б,* XI, 233).

Апреля середина. Трения в редакции «Московского наблюдателя». Как отмечал Бакунин, «главным источником всех наших недоразумений было то, что сначала я, а потом и Боткин стали уверять Б., что без знания и без познаний нельзя быть дельным редактором дельного журнала; что выводить из себя историю, искусство, религию и т. д. смешно и нелепо и что, ограничиваясь своими непосредственными ощущениями, не стараясь возвысить их до достоверности понятой мысли, он может сказать несколько верных замечаний, но не

более, что журнал, не заключающий в себе ничего, кроме нескольких верных замечаний, не может иметь большого достоинства» (*Бакунин,* II, 241). Принципиальные соображения Бакунина о том, что «мы не имеем права писать и печататься по недостатку объективного наполнения и действительности», осложняются личными его выпадами по адресу Б. Усматривая в этих выпадах незаслуженное «презрение» к своей работе, возмущенный тем, что Бакунин берет под сомнение даже наличие у него «эстетического чувства», Б. в «бешеных спорах» с Бакуниным «находит в себе силу опереться на самого себя» и в первый раз осознает «свою силу, самобытность и действительность» (*Б,* XI, 337—338). «Парадоксы» Бакунина ускоряют процесс освобождения Б. от его идеологического давления, а лирика Гете («Утренние жалобы» и «Перемена» в переводе К. Аксакова), Гейне, а затем «Ромео и Юлия» Шекспира в переводе Каткова внушают ему навсегда отвращение к «гнилому морализму и идеальному резонерству» (*там же,* 388—389).

Апреля около 20. Б. в не дошедшем до нас письме к Станкевичу подробно оповещает его о своем конфликте с Бакуниным и о трениях в редакции «Московского наблюдателя» (*Б,* XI, 338, 389).

Апреля 20. Надеждин получает в Вологде извещение о том, что согласно резолюции Николая I от 8 апреля он имеет право проживать «всюду, где пожелает» (*В. Гура,* 67). См. 1837, февраля 3.

Апреля 26. Б. в письме к И. И. Панаеву сообщает, что с радостью принимает его предложение «быть полезным по журналу». Б. признает, что помощь и сотрудничество Панаева для него очень важны, ибо ему «во что бы то ни стало, хоть из кожи вылезть, а надо показать, чем должен быть журнал в наше время». Б. очень доволен первым номером «Московского наблюдателя», который должен выйти в свет через два-три дня; второй — печатается, а третий «начнется печатанием завтра». Презрительно отзываясь о петербургских литераторах, Б. подчеркивает свою симпатию только к Панаеву и передает ему привет от «доброго Кольцова» (*Б,* XI, 234).

Апреля конец. Б. в письме к И. Я. Кронебергу приглашает его принять участие в «Московском наблюдателе» (*БЛ,* I, 410). Письмо не сохранилось.

Апрель — май. Б. часто встречается с И. П. Клюшниковым, который «стал здоров, светел, остер до невозможности, начал писать прекрасные стихи» (*Б,* XI, 395).

Мая 4. Объявление о выходе в свет первой книжки «Московского наблюдателя», с извещением, что «вторая и третья книжки печатаются и скоро выйдут. Редакция журнала приняла все зависящие от нее меры к безостановочному и сроч-

ному выходу книжек как на сей текущий, так и остальных за прошлый год» (*МВед.*, 1838, № 36).

Мая 5. Б. был в Большом театре, где в бенефис вторых актеров шла драма Шиллера «Коварство и любовь», с Каратыгиным в роли Фердинанда и с Репиной в роли Луизы (*Б*, II, 393—394).

Мая около 10. Письмо Б. к Бакунину с просьбой прийти и объясниться. Б. тяготит разрыв с Бакуниным, он признает ошибкой два своих оскорбительных письма к нему (до нас не дошли) и свое поведение при трех последних свиданиях. Б. понимает, что «прежнего не воротишь, да его и не нужно. Наша ссора для всех нас имела благодетельные последствия: мы теперь можем жить вместе, не мешая друг другу». Б. обрадован предстоящим приездом в Москву сестер Бакунина (*Б*, XI, 235—237).

Мая около 10. Б. восстанавливает отношения с Бакуниным, который перед своим отъездом в Премухино заявляет Б., Боткину и К. С. Аксакову, что отказывается от «споров» с ними и хочет лишь, чтобы все они остались для него «просто друзьями» (*Бакунин*, II, 181—182; *ЛН*, т. 56, 109).

Мая 12. Станкевич в письме к Грановскому из Дрездена пересылает шуточное подражание стихам Клюшникова: «Сравнение Белинского с Аполлоном» (*Станкевич*, 459). В записочке к Б. Станкевич просит переслать с оказией в Премухино «прилагаемое письмо», — вероятно, к Л. А. Бакуниной (*там же*, 416).

Мая 17. Б. в театре Петровского парка смотрит «Ревизор» с Щепкиным в роли городничего (*Б*, II, 396).

Мая 20. Грановский в письме из Вены к Станкевичу и Неверову рассказывает о своем столкновении с Бодянским и Строевым из-за их «гнусных выходок» против Б. в связи с его работой в «Московском наблюдателе» (*Грановский*, 341).

Мая 25. И. Я. Кронеберг, отвечая на письмо Б., выражает свое согласие участвовать в «Московском наблюдателе» (*БЛ*, I, 410).

Мая 28. Объявление о выходе в свет второй книжки «Московского наблюдателя» (*МВед.*, 1838, № 43). См. апреля 11.

Май — июнь. Б. проводит свободное время в общении с Боткиным, Катковым, Клюшниковым, кн. Козловским и Кольцовым (*Кольцов*, 182—186).

Июня около 1. Б. в письме к брату Константину просит о высылке ему из Чембара документов о рождении, крещении и

звании, необходимых ему для утверждения в должности преподавателя Межевого института (*Б,* XI, 237—238).

Июня 3. Прошение А. Г. Белинской в Чембарское дворянское депутатское собрание о выдаче ей «обще с братьями» грамоты о дворянском происхождении (*РС,* 1899, IV, 200).

Июня около 5. Цензор исключает из окончания статьи Б. «Мочалов в роли Гамлета» в «Московском наблюдателе» «целые пол-листа» (*Б,* XI, 262).

Июня 6. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. XVI, апрель, кн. 1. В отделе «Критика»: «Гамлет. Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета. (Окончание)». Рецензии Б. в отделе «Литературная хроника»: «Сочинения Александра Пушкина, тт. I, II, III»; «Сборник на 1838 год»; «Три водевиля: I. Хороша и дурна, глупа и умна. Д. Ленского. II. Крестный отец. П. С. Федорова. III. Стряпчий под столом. Д. Ленского»; «Крамольники, исторический роман»; «Фадей-дятел. Повесть»; «Таинственный житель близ Покровского собора. Соч. И. Г—ова»; «Ворожея, или Новый способ гадать на картах». В отделе «Смесь»: «Московский театр <по поводу постановки «Коварства и любви» и «Ревизора»>»; «Новое издание «Илиады» Гнедича». Статья и рецензии без подписи.

Июня около 8. К. С. Аксаков выезжает из Москвы в Петербург и за границу (*С. Аксаков,* 14).

Июня 9. Попечитель Межевого института не утвердил Б., из-за отсутствия у него свидетельства на право преподавания, в должности штатного учителя русского языка, но разрешил ему продолжать уроки по вольному найму, на прежних условиях (*РС,* 1900, V, 421).

Июня около 10. Б., работая над комплектованием пятой и шестой книжек «Московского наблюдателя», широко пользуется помощью А. П. Ефремова, как переводчика. См. записки Б. к Ефремову (*Б,* XI, 238—239).

Июня 11. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. XVII, май, кн. 1. Рецензии Б. в отделе «Литературная хроника»: «Гамлет, принц Датский. Соч. Шекспира. Перевод Н. Полевого»; «Уголино. Соч. Н. Полевого»; «Новый немецкий театр, ч. I»; «Повесть и рассказ. Соч. Н. Андреева»; «Три повести Ниркомского»; «Сын актрисы. Роман»; «Повести и рассказы П. Смирновского»; «Саксонец. Повесть из походных записок 1812 г. Перев. с франц.»; «Чертов колпачок»; «Сказка в стихах. О Дадоне, или О том, как дурак сделался умным». Первая рецензия подписана: В. Белинский, остальные без подписи.

Июня 12. К. С. Аксаков в письме к родным из Петербурга сообщает о встрече у Надеждина с Краевским и Панаевым. Последний «с участием расспрашивал о Наблюдателе, любит Б., что и передайте ему» (*БВест.,* 1915, IX, 21).

Июня 13. К. Г. Белинский в письме к Б. из Чембара осведомляет его, что для получения просимых им документов необходимы личный его приезд в Пензу и деньги на оплату хлопот в разных губернских учреждениях (*ЛН,* т. 57, 202). См. июня около 1.

Июня 15. Б. посещает только что приехавших в Москву Бакуниных. Встреча с А. А. Бакуниной на несколько дней выбивает его из колеи. Б. горячо реагирует на письмо от Мишеля, полученное Боткиным (*Б,* XI, 240 и 247). См. июня 20—21.

Июня 15. К. С. Аксаков в письме к родным из Петербурга просит забрать у Б. гравюру («Лаура») под предлогом, что Верочка Аксакова хочет ее срисовать (*БВест.*, 1915, IX, 26).

Июня 16. Встреча Б. с А. А. и Т. А. Бакуниными вечером у Лангера, где был и Боткин. Б., вдохновленный присутствием любимой девушки, читает сестрам сцены из «Ромео и Джульетты», «Песню о купце Калашникове», стихотворения Кольцова (*Б,* XI, 249).

Июня 17. Б., приехав с Ефремовым к Бакуниным, застает дома только Татьяну Александровну, с которой проводит «часа два»: «Я смотрел на нее, говорил с ней — и сердился на себя, что говорил — надо было смотреть, любить и молиться» (*Б,* XI, 247).

Июня 18. Объявление о выходе в свет третьей книжки «Московского наблюдателя» (*МВед.,* 1838, № 49). См. июня 6.

Июня около 20. Б. в записке к Ефремову благодарит за окончание перевода для «Московского наблюдателя» и просит одолжить фрак и сапоги — «не в чем выйти» (*Б,* XI, 239).

Июня 20. Б. знакомит Кольцова с А. А. и Т. А. Бакуниными и их матерью (*Б,* XI, 250).

Июня 20. Б. проводит утро с сестрами Бакуниными в Кремле. Обедает у Боткина. Вечером встреча с Бакуниными на концерте у Лангера. Б. «со слезами восторга» слушает септет Бетховена (*Б,* XI, 240, 243—244, 249).

Июня 20. К. С. Аксаков в письме к родным передает, со слов Панаева, что Воейков очень интересуется Б., находя, что он «очень умный, очень умный малый, да так иногда дурит; а он — голова». Панаев «чрезвычайно любит Б. и хочет писать к нему» (*БВест.*, 1915, IX, 36—37).

Июня 20—21. Б., признавая в письме к Бакунину огромную его роль в своем развитии, радостно констатирует свое освобождение от этого влияния и настаивает на «истинной дружбе», основанной на уважении к чувствам и убеждениям друг друга. Б. подробно информирует Бакунина о своих встречах с его сестрами и старается уяснить свое чувство к Александре Александровне: «Я не могу любоваться ею объективно, как чудным, прекрасным созданием божиим: я могу или смотреть на нее бесчувственно, апатически, или с смертельною тоскою» (*Б*, XI, 239—250).

Июня 21. Боткин в письме к Бакунину намекает на свой начавшийся роман с А. А. Бакуниной и отмечает в связи с этим «тяжелое положение» Б., не понимающего, что его чувство не разделяется любимой им девушкой (*ЛН*, т. 56, 110). См. июля 5—14.

Июня 22. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. XVI, апрель, кн. 2. Рецензии Б. в отделе «Литературная хроника»: «О «Современнике» Плетнева»; «Елена. Поэма Г. Бернета»; «Стихотворения В. Бенедиктова»; «Ручная библиотека А. Тейльса». В отделе «Смесь»: «Великолепное издание «Дон-Кихота». Все рецензии без подписи.

Июня 23. Ф. Булгарин в «Северной пчеле» резко критикует первую книжку «Московского наблюдателя» за употребление в статьях «новых и непонятных» слов («абсолют», «прекраснодушие», «субъективность», «объективность», «конечность», «призрачность» и пр.), за недооценку Каратыгина в статье «Мочалов в роли Гамлета», за признание Пушкина «великим поэтом» (*СП*, 1838, № 140). См. июня около 27.

Июня 25. С. Т. Аксаков, осведомляя К. С. Аксакова о выходе «на сих днях» третьего номера «Московского наблюдателя», отмечает: «Огромная статья о Гамлете, наконец, кончилась. Много хорошего, но длинна, — и похвала Мочалову, как художнику, противоречит самому разбору его игры. Б. везде хвалит его, как великий талант, а не как артиста — это две вещи разные. Одно скажу, что, прочитав статью Б., я совершенно убедился в превосходном исполнении роли Гамлета, ибо считаю невозможным, чтобы Б. описал выдуманное им, а не виденное. Впрочем, весь нумер плох: неразнообразен» (*ЛН*, т. 56, 112).

Июня около 27. Б., отвечая на фельетон Булгарина в «Северной пчеле» № 140, включает в пятую книжку «Московского наблюдателя», разрешенную к печати 11 июня, дополнительную статью: «Журнальная заметка», за подписью: Московский наблюдатель.

Июня 29. Объявление о выходе в свет «Московского наблюдателя», кн. 4. См. июня 22 *(МВед.,* 1838, № 52).

Июня около 30. Б. в записке к П. П. Клюшникову в Венев умоляет его, как врача, немедленно ехать в Премухино для спасения Л. А. Бакуниной (*Б,* XI, 250).

Июля 1. Б. едет в Венев (Тульской губ.) за П. П. Клюшниковым, который обещает приехать в Премухино не позже 8 июля (*Б,* XI, 389).

Июля 1. С. Т. Аксаков, сообщая в письме к К. Аксакову об отъезде Б., Боткина, К. Горбунова и Лангера в Премухино, рассказывает о возмущении Б. из-за того, что К. Аксаков, уезжая, не оставил обещанной статьи о грамматике Б. Передавая, что шестой номер «Московского наблюдателя», по слухам, уже готов, С. Т. Аксаков рассказывает, что «Булгарин обругал первые книжки» журнала, воспользовавшись «несколькими словами и фразами, истинно смешными, которые всем кинутся в глаза» (*ЛН,* т. 56, 112). См. июня 23.

Июля 5. Б. приезжает из Венева в Премухино, где застает Боткина (*Б,* XI, 306). Записка Бакунина к Б. из Торжка (см. далее) восстанавливает их прежние дружеские отношения (*там же,* 340).

Июля 5—14. Б. гостит в Премухине, поглощенный своим чувством к Александре Бакуниной. Присутствие Бакунина сперва «стесняет и смущает» Б., но неожиданная дружеская его записка, писанная «многозначительно, энергически и с любовию» (эта записка до нас не дошла), очень ободряет Б., «превращая в надежду совершенную безнадежность». Не решаясь объясниться с любимой девушкой, Б. на свой вопрос Мишелю «да или нет» получает ответ: «Не могу сказать ни того, ни другого, но ты теперь переменился — вот увидишь и тогда — может быть» (*Б,* XI, 252, 340—341). Выход из «ложного положения», обусловленного «ложной надеждой», определяется лишь после того, как Б. узнает о начавшемся еще в Москве романе Александры Александровны с Боткиным (*Б,* XI, 252—254).

Июля около 10. А. П. Глинка «со слезами» жалуется К. К. Павловой на «выходку Белинского», иронически отозвавшегося в первой книжке «Московского наблюдателя» о стихотворениях Ф. Н. Глинки (*ЛН,* т. 56, 113).

Июля 15. Б. приезжает из Премухина в Москву (*Б,* XI, 300).

Июля 15. Кольцов, возвратившись в Воронеж, в письме к Б. с благодарностью вспоминает общение с ним в Москве и то огромное влияние, которое оказал на него Б. своим оптими-

стическим восприятием «действительности» (*Кольцов,* 186). В письме к Краевскому Кольцов пересылает, по просьбе Б., два стихотворения Красова для «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» (*там же,* 185).

Июля около 15. К. Аксаков в письме к родным из Дрездена сообщает о своем желании написать Б. (*БВест.,* 1916, V, 124).

Июля 16. Панаев в письме к Б. выражает желание видеть его «действующим в таком журнале, который бы имел кредит в публике и тысяч хоть до трех подписчиков», чтобы «слово Б. ударяло молотом по медному лбу массы». Делясь с Б. своими впечатлениями от первых двух книжек «Московского наблюдателя», Панаев предостерегает Б. от увлечения «языком, не для всех понятным»: «Вы забываете о массе, с которой вы должны говорить непременно. Зачем пугать ее языком кабинетным?» Свои сомнения Панаев подтверждает ссылкой на мнение Н. И. Надеждина, который «очень кланяется» Б. (*Бик,* 196—198).

Июля 17. Б. смотрит в театре Петровского парка водевиль «Артист», в котором П. Степанов «божественно передразнивал Каратыгина», и комедию «Какаду» (*Б,* XI, 254). Ср. заметку «Об артисте» в «Московском наблюдателе» (*Б,* II, 477—480). См. августа 6.

Июля 18. С. Т. Аксаков, не зная о возвращении Б., в письме к сыну отмечает, что из-за задержки Б. в Премухине «журнал остановился. Степанов, говорят, в отчаянии» (*ЛН,* т. 56, 114).

Июля 18—19. Письмо Б. к Бакунину (сохранилось неполностью). Подводя итог своим впечатлениям от последнего пребывания в Премухине и анализируя «с тоскою и грустью» чувство к Александре Бакуниной, Б. находит в себе «силу жить» и даже «находить прелесть в жизни», ибо «люди гибнут без возврата от страсти, а я питал чувство — и не бесплодно было для меня это чувство, и самое страдание от него есть блаженство, высокое блаженство в сравнении с прежней прозябательною жизнию». Б. с горечью говорит о том, что его «не любила ни одна, никакая женщина, ни высокая, ни пошлая», что все проявления его «чувственности» в связи с этим должны быть осмыслены не как «грех, подлость или преступленье», а как попытки «вырвать у скупой жизни хоть что-нибудь, насладиться хоть чем-нибудь». Со своим письмом Б. пересылает в Премухино «известное» письмо Станкевича (*Б,* XI, 252—256).

Июля 20. Краевский, рассказывая в письме к Межевичу о взятии им с 1839 г. в аренду журнала «Отечественные записки», пишет, что для коренной реорганизации этого издания

«составляется денежная компания и собираются сотрудники» (*ЛН*, т. 45—46, 386). См. сентября 23.

Июля 27. Выход в свет пятой книжки «Московского наблюдателя» (*МВед.*, 1838, № 60). См. июня 11.

Июля 27. Кольцов в письме к А. В. Никитенко сообщает о желании Б. поближе познакомиться с последним, с тем чтобы иметь возможность, спасаясь от придирок московских цензоров, посылать некоторые статьи для «Московского наблюдателя» на цензурный просмотр в Петербург (*Кольцов,* 189).

Июля 27. Кольцов в письме к Б. из Воронежа напоминает ему об обещанной присылке «Московского наблюдателя» и посылает свою думу «Человек» (*Кольцов,* 190, 191). См. августа 10—12.

Августа 1. Б. в письме к А. П. Ефремову утверждает, что «самая ограниченная, самая пошлая действительность лучше жизни в мечтах». Б. полагает, что, для того «чтоб быть здоровым душевно», надо «брать у жизни то малое и бедное, которое она тебе дает, и делать вид, что больше ничего не хочешь: авось надуешь» (*Б,* XI, 258—259).

Августа 1. Б. в письме к А. М. Бакунину выражает свое глубокое уважение к «почтенному старцу», как создателю и вдохновителю всего того, что пленило Б. в Премухине. Б. характеризует перемену во взглядах, пережитую им со времени первого пребывания у Бакуниных в 1836 г., свое уважение к «чужим убеждениям» и умение любить «каждого на его месте и в его сфере». Б. ждет обещанных А. М. Бакуниным для журнала «Записок о Кавказе» и стихов «К Осуге» (*Б,* XI, 256—258).

Августа 2. К. С. Аксаков заканчивает статью о грамматике Б. (*МН,* 1839, ч. I, 26). См. июля 1.

Августа 2. С. Т. Аксаков в письме к К. С. Аксакову пишет: «Несмотря на то, что Б. завирается и что журнал односторонен, я нахожу в нем очень много хорошего; только сомневаюсь, чтоб большинство было согласно со мной» (*ЛН,* т. 56, 114).

Августа 2. Боткин в записке к Б. из Нижнего-Новгорода просит сообщить «с первой почтой» о состоянии здоровья Л. А. Бакуниной (*ЛН,* т. 56, 84). См. августа около 6 и августа 13.

Августа 3. Б. встречается с С. Т. Аксаковым (*ЛН,* т. 56, 114).

Августа первые числа. Б. усиленно работает для журнала, по целым дням не выходя из комнаты. Для практики в немецком языке Б. начинает переводить «Вильгельма Мей-

стера». Встречи Б. с Кудрявцевым, которого он характеризует как «человека с истинным поэтическим дарованием и чудеснейшею душою». Прочитав «Майорат» Гофмана, Б. полагает, что «половина повести (где Серафина) — прелесть; остальное — чистая болезненная субъективность Гофмана» (*Б*, XI, 261, 263—264. Ср. *«Венок Б.»*, 51—53).

Августа около 6. Б. в письме к Боткину (не сохранилось) информирует последнего о положении дел в Премухине (*ЛН*, т. 56, 84). См. августа 2.

Августа 6. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. XVII, кн. 2 (май). В отделе «Литературная хроника» две рецензии Б.: «Краткая история Франции. Соч. Мишле. Перев. с фран. К. Пуговин»; «Древняя история для юношества. Соч. Ламе-Флери; Древняя история, рассказанная детям. Соч. Ламе-Флери». В отделе «Смесь»: «Об артисте <П. Степанов в водевиле «Артист»>». Все рецензии без подписи Б. *.

Августа 10. Б. участвует в приемных экзаменах в Межевом институте (*ЛН*, т. 56, 115). См. августа 15.

Августа 10. Н. М. Сатин, посылая через Кетчера стихи в «Московский наблюдатель», спрашивает: «Что фанатик Белинский? За что он на меня дуется и перестал писать ко мне?» (*ЛН*, т. 56, 115).

Августа 10. Б. в письме к Панаеву делится своими соображениями о реорганизации «Московского наблюдателя» (см. октября 30) и мечтает хотя бы о «1500 или около 2000 подписчиках». Жалуясь на цензурные затруднения, Б. справляется о судьбе двух статей, отправленных через Ф. А. Кони на цензурный просмотр в Петербург. Высоко оценивая публикации в «Московском наблюдателе» Боткина, К. Аксакова, Клюшникова, Кудрявцева, Серебрянского, Б. приглашает в журнал Струговщикова, которого особенно ценит как переводчика Гете. Резкий отзыв Б. об «Уголино» и «Сыне отечества», о романе «Тайна» А. П. Степанова и о переводах Э. Губера. Б. планирует «Историю русской литературы для немцев», которая будет отправлена для перевода Аксакову в Германию. Весною 1839 г. Б. надеется побывать в Петербурге (*Б*, XI, 259—262).

Августа 10—12. Б., прочитав по совету Бакунина «Клавиго» Гете, остается совершенно равнодушным к этому произведению. Споры Б. по поводу «Клавиго» с Катковым и Клюшниковым (*Б*, XI, 263—264). Б. получает большое удовлетворение от встречи с Кетчером, который стал «бранить французов» как «народ, у которого не было искусства», еще более резко, чем Б. Б. отрицательно характеризует думу Кольцова «Человек».

Чтение повести Кудрявцева «Флейта» расшевелило в Б. «змею воспоминания» (увлечение А. А. Бакуниной) и «вырвало несколько слез» (*«Венок Б.»,* 51—53; *Б,* XI, 264, 266).

Августа 11. Письмо Б. к И. Я. Кронебергу, которое до нас не дошло (*Б,* XI, 266, 410). См. августа 20.

Августа 12. Б. в письме к Боткину, подробно информируя его о своей работе, своих чтениях и встречах (см. выше), мечтает о том, чтобы «уловить истину в ее целости, в конкретном единстве всех ее сторон». На свою «действительность» Б. смотрит «практически, как на твердость духа, вследствие равенства самому себе». Характеризуя свои отношения к друзьям, Б. считает, что «каждый из нас есть своего рода самобытное явление, и нам не должно делать себя аршином другого». Б. убежден, что «источник всех его страданий, всех зол его жизни <...>от ложного удовлетворения истинной потребности». Б. полагает, что с жизнью его может примирить только «хоть что-нибудь похожее на чувство» (*Б,* XI, 262—266).

Августа 13. Записочка Б. к Бакунину с приложением письма Боткина к Б. от 2 августа (*Б,* XI, 266—267; *Учен. Зап. ЛГУ.* № 229, стр. 258—259). Встреча Б. с Катковым, поездка с последним к Боткину и Левашевым. Получение (ночью) письма Бакунина с известием о смерти 6 августа Л. А. Бакуниной (*Б,* XI, 267).

Августа 13—15. Письмо Б. к Бакунину. Б. переживает смерть Л. А. Бакуниной, как «самую сильную утрату в своей жизни». Признаваясь, что «истины, принятые им по их логической необходимости, никогда не входили в него глубоко», Б. вспоминает свою идеологическую эволюцию за три последних года. Для него «истина существует не в знании, не в науке, а в жизни». Эта потребность практической деятельности находит выход в журнальной работе. Вспоминая Л. А. Бакунину, Б. разыскивает ее письма и заново переживает свои встречи с нею в 1836 г. В эти дни Б. «отводит душу» в семье Ф. Ф. Лангера (*Б*, XI, 267—276).

Августа 15. Б. получает письмо от Ефремова с подробностями о смерти Л. А. Бакуниной (*А. Корнилов,* I, 696; *Б,* XI, 276).

Августа 15. С. Т. Аксаков, рассказывая в письме к сыну о приемных экзаменах в Межевом институте, отмечает, что Б. как экзаменатор по русскому языку произвел самое благоприятное впечатление и «может быть весьма не рядовым преподавателем». Со слов Б. Аксаков передает о том, что в «Московский наблюдатель» «дали другого цензора — Снегирева. Вероятно, с приказанием давить медленностью и всякими при-

жимками. Оттого книжки выходят медленно и подписка почти не прибавилась. Метода графа <Строганова, председателя Московского цензурного комитета> несправедлива и убийственна. На будущий год Н. С. <Степанов> объявит себя издателем и книжки будут выходить большие ежемесячно: это единственное средство издавать исправно» (*ЛН,* т. 56, 115—116).

Августа 16—17. Б. в письме к Бакунину признается, что никак не может примириться со смертью Л. А. Бакуниной и только сейчас понял до конца последние слова умирающего Гофмана: «Жить, жить — во что бы то ни стало». Б. удручен непониманием этих его настроений И. П. Клюшниковым и П. Д. Козловским. Обещая прислать в Премухино повесть Кудрявцева «Флейта», Б. дивится ее «глубине в такой простоте» (*Б,* XI, 276—281, 305).

Августа 17. Выход в свет шестой книжки «Московского наблюдателя» (*МВед.,* 1838, № 66). См. августа 6.

Августа 17. Б. в не дошедшем до нас письме к Боткину жалуется на свое одиночество и зовет его в Москву (*Б,* XI, 278).

Августа 20. И. Я. Кронеберг, отвечая на письмо Б. от 11 августа и делясь своими впечатлениями от «Московского наблюдателя», находит статью Б. о «Гамлете» в переводе Полевого «слишком снисходительной». Кронеберг рекомендует Б. своего сына, живущего в Москве (*БЛ*, II, 410—412).

Августа после 20. Не дошедшее до нас письмо Бакунина к Б. (*Бакунин,* II, 198). См. ответ Б. сентября 10.

Августа 28. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. XVII, кн. 1 (июнь). В разделе «Литературная хроника» рецензии Б.: «Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина, изд. второе»; «Юрий Милославский, или Русские в 1612 г. Соч. М. Загоскина, изд. пятое»; «Повести и рассказы П. Каменского»; «Повести и рассказы Владимира Владиславлева»; «Турлуру, роман Поль де Кока»; «Седина в бороду, а бес в ребро, или Каков жених? Роман сочинения Поль де Кока»; «Повести Евгения Сю. Перевод с французского»; «Библиотека избранных романов, повестей и любопытнейших путешествий, издаваемая Н. Глазуновым»; «Герцогиня Шатору. Сочинение Софии Ге. Перевод с франц.»; «Белошапошники, или Нидерландские мятежи. Сочинение Бофдевейна Сумфиуса. Перевод с фламандского». Все рецензии без подписи.

Август? — сентябрь? Герцен в письме к Кетчеру предлагает для «Московского наблюдателя» свои «статьи» (*ГЛ*, II, 205). См. марта 21, 1839 г.

Сентября около 1. Б. в письме к Кольцову сообщает о том, что его «Песня» («Ах зачем меня силой выдали») будет опубликована в седьмой книжке «Московского наблюдателя» (*Кольцов*, 191. Ср. *Б*, XI, 281).

Сентября 2. Б. смотрит на сцене Большого Петровского театра пьесу кн. А. А. Шаховского «Ф. Г. Волков, или День рождения русского театра» (с Воротниковым в роли подьячего Михеева) и водевиль «Хлопотун» Писарева, с М. С. Щепкиным в роли Репейкина (*Б*, II, 516, 524—526).

Сентября около 5. Б. познакомился у Левашевых с П. Я. Чаадаевым (*Б*, XI, 305).

Сентября 6. Б. смотрит на сцене Большого Петровского театра Мартынова в водевилях «Хороша и дурна, глупа и умна» и «Любовное зелье, или Цирюльник-стихотворец» (*Б*, II, 526—528).

Сентября 7. Выход в свет седьмой книжки «Московского наблюдателя» (*МВед.*, 1838, № 72). См. августа 28.

Сентября 8. Б. в присутствии попечителя Межевого института сенатора Пейкера экзаменует выпускников института по русскому языку. Экзамен прошел очень удачно. Попечитель «обласкал» Б. (*Б*, XI, 284; *ЛН*, т. 56, 116).

Сентября 9. С. Т. Аксаков, приняв окончательное решение оставить службу в Межевом институте, высказывает предположение, что вместе с ним уйдут из Института князь Козловский и Белинский, хотя с последним «Пейкер был очень хорош» (*ЛН*, т. 56, 116).

Сентября 10. Б. в письме к Бакунину характеризует громадную роль, которую сыграл последний в его развитии, сперва «втащив в фихтеанскую отвлеченность», а затем став для него «благовестником этих двух великих слов — опыта и действительности». Б. подчеркивает, что Бакунин «никогда не знал действительности», необходимые выводы Б. пришлось сделать совершенно самостоятельно. Б. казнит себя за свое позерство во время пребывания в Премухине, за «отвлеченность, идеальность, пошлый шиллеризм, натянутость, претензии на гениальность». Б. влечет теперь «жизнь п р о с т о т ы», жизнь «простого доброго малого». При свете «действительности» прояснились для Б. и его отношения к А. А. Бакуниной. С горечью примиряясь с чувством отвергнутой любви, Б. благодарен и за то, что глазам его впервые открыли «таинство жизни, привели в движение сокровенные родники бес-

конечной силы бесконечной любви». Б. скорбит, что сестры Бакунины уклонились от своей «первобытной простоты, от своей святой непосредственности». Б. надеется, что «докторский плащ мысли, который так не пристал им, скоро спадет с них». Посылая эту «исповедь», Б. не смущается тем, что Бакунин может усмотреть в ней некоторую враждебность к себе: «лучше никакие, чем ложные отношения» (*Б,* XI, 281—305).

Сентября 11. Б. в театре Петровского парка смотрит «Ревизор» с Щепкиным в роли городничего (*Б,* II, 528—529).

Сентября 11. А. А. Бакунина в письме к Б. (письмо осталось неотправленным) протестует против мнения его о «назначении женщины» (см. сентября 25) и подозрений в высокомерном отношении ее к чувству Б. (*РМ,* 1913, VIII, 12—13).

Сентября 13. Красов, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б., посылает ему шесть своих стихотворений для «Московского наблюдателя» (*Бик,* 107—113).

Сентября около 15. Б. реферирует для «Московского наблюдателя» статью Губера «Взгляд на нынешнюю литературу Германии» (*«Современник»,* 1838, т. X). Б. присоединяется к резко отрицательной характеристике в этом образе поэтов и публицистов «юной Германии», «крикуна Менцеля», «мученика своей несбыточной идеи» Берне, но в Гейне, в отличие от мнения Губера, предлагает различать «двух человек. Один — прозаический писатель <...>, зараженный тлетворным духом новейшей литературной школы Франции». Другой — поэт «с огромным дарованием <...> которого лирические стихотворения отличаются непередаваемою простотою содержания и прелестию художественной формы». Б. утверждает, что «эта юная Германия — великий и поучительный урок для юношества всех наций! Она лучше всего показывает, как бесплодны и ничтожны покушения индивидуальностей на участие в ходе миродержавных судеб» (*Б,* II, 503—504).

Сентября около 15. Письмо Бакунина к Б. («ответ на 21 листочках»). Письмо это не сохранилось (*Бакунин,* II, 203—204, 213; *Б,* XI, 307).

Сентября 21. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. XVIII, кн. 1 (июль). В отделе «Литературная хроника» рецензии Б.: «Сочинения Николая Греча»; «Литературные пояснения Н. Греча». Все рецензии без подписи.

Сентября 22. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. XVII, кн. 2 (июнь). В отделе «Литературная хроника»

рецензии Б.: «Современник», том десятый»; «Кабинет чтения. Том I <Переводы В. Межевича>»; «Сказки русские, рассказываемые И. Ваненко»; «Русские народные сказки, собранные Б. Бронницыным»; «Студент и княжна, или Возвращение Наполеона с острова Эльбы. Соч. Р. Зотова»; «Исторические анекдоты персидских государей, изд. П. Зубовым»; «Полковник старых времен. Комедия-водевиль Мелесвиля, Габриэля и Ажела»; «Восемь дней вакации, или Время идет скоро. Перев. с франц.». В отделе «Смесь»: «Петровский театр». Все рецензии без подписи.

Сентября 23. А. А. Краевский, извещая В. И. Даля о реорганизации «Отечественных записок», превращаемых с 1839 г. в «огромный журнал — огромнее «Библиотеки для чтения», замечает, что «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» остаются в распоряжении Краевского, как «легкая газета, вспомогательная при большом журнале» (*ЛН,* т. 45—46, 366—367). См. октября начало.

Сентября 25. Бакунин в письме к В. А. Дьяковой отмечает: «Б., который был в старину отчаянный шиллерист, ругает теперь Шиллера напропалую, так что гадко слушать его. Вообще он нынче не жалует женщин и, думая защищать их, ограничивает их жизнь бедною, темною и беспокойную сферою чувства. Чувствовать, чувствовать должна женщина; мысль не для нее, — кричит он. По его мнению, мысль есть погибель для женщины, уничтожение ее врожденной гармонии» (*Бакунин,* II, 208).

Сентября 28. Ф. Булгарин в рецензии на «Песни русского народа» Сахарова пишет: «Недостает только, чтоб «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» и «Московский наблюдатель» повеяли на них своим газом, который имеет чудное свойство выбелять то, что хочет очернить, и очернять то, что хочет сделать белым» (*СП,* 1838, № 218).

Сентября 30. Выход в свет восьмой книжки «Московского наблюдателя» (*МВед.,* 1838, № 77). См. сентября 21.

Сентября 30. «Северная пчела» в анонимной заметке резко выступает против «Московского наблюдателя»: «Из малого числа знающих об его существовании многие не могут догадаться, что наблюдает «Московский наблюдатель». Он наблюдает ход невидимых звезд на горизонте русской словесности и соблюдает неточность в выходе книжек и вечную разладицу с общим мнением. Чего же более требовать от наблюдателя безоружного, то есть без инструментов» (*СП,* 1838, № 220).

Сентябрь — октябрь. Б., познакомясь со второю частью «Фауста» и с комментариями к ней Марбаха, утверждает, что «оная вторая часть не поэзия, а сухая, мертвая, гнилая символистика». Комментарии же Марбаха кажутся Б. «логическими натяжками, мыслями, взятыми мимо непосредственного чувства» (*Б,* XI, 373—374). См. 1839, августа 19.

Сентябрь — октябрь. Б. сближается с Д. М. Щепкиным, в котором он видит задатки человека «необыкновенно глубокого, энергического и, несмотря на свою молодость, удивительно чуждого эксцентрического прекраснодушия» (*Б,* XI, 391).

Сентябрь? — октябрь? Б. в записке к А. П. Ефремову горько кается в невозможности рассчитаться с ним по старому долгу (*Б,* XI, 306).

Октября начало. Б. объясняется с Чаадаевым, который ошибочно принял на свой счет некоторые замечания Б. в статье «Петровский театр». Разговор с Чаадаевым о Бакунине и его занятиях немецкой философией (*Б,* XI, 348).

Октября начало. В. С. Межевич, приехавший из Петербурга, информирует Б. о подробностях реорганизации «Отечественных записок», взятых в аренду Краевским (*Бик,* 198—200). Пайщиками журнала являлись: Б. А. Врасский, В. А. Владиславлев, В. П. Давыдов, А. А. Краевский, В. Ф. Одоевский, Н. П. Мундт и И. И. Панаев. Смета расходов по изданию утверждена была в размере 120 тыс. руб. (*Учен. Зап. ЛГУ,* 1941, вып. 2, 46—47). См. июля 20 и сентября 23.

Октября около 5. К. С. Аксаков в письме из Люцерна к Б. и Боткину упрекает Б. в недооценке Шиллера и горячо рекомендует новую книгу о нем К. Гофмейстера. Аксаков надеется, что после своего возвращения он сможет активно включиться в работу для «Московского наблюдателя» и познакомить друзей с теми новыми мыслями о России и Западной Европе, которые созрели в нем во время пребывания за границей (*ТБЛ,* 205).

Октября 7. Кольцов, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б., с нетерпением ждет отзыва Б. о своих стихах «Стенька Разин» и «Человек» (*Кольцов,* 191).

Октября около 8. Б. в письме к Станкевичу сообщает подробности кончины Л. А. Бакуниной. Отмечая вскользь свой разрыв с Бакуниным, Б. упоминает о «великой перемене», которую чувствует в себе сейчас, поняв, наконец, то, что Станкевич называл «простотою и нормальностию» (*Б,* XI, 306—307).

Октября 11. Панаев, отвечая на письмо Б. от 10 августа, высоко оценивает его работу в «Московском наблюдателе» и материал первых пяти номеров. Не удивляясь враждебному отношению к новому журналу в петербургских литературных кругах, Панаев пишет, что «наши пииты и прозаики» о нем говорят: «Там такая все гиль, ничего не разберешь. Все о субъектах да об объектах толкуют. Философия с ума свела!» Панаев осведомляет Б. о том, что Струговщиков «с первой почтой» пришлет в «Московский наблюдатель» свои переводы, а Кони хлопочет в С.-Петербургском цензурном комитете о разрешении к печати статей Б. (*Бик,* 198—200).

Октября 12. Б., обедая у Боткина, получает письмо от Бакунина (*Б,* XI, 307). Боткин подробно информирует Б. о первых двух томах «Жизни Шиллера» К. Гофмейстера (*там же,* 348).

Октября 12—24. Б., отвечая на письмо Бакунина (до нас не дошло), считает необходимым в последний раз попробовать объясниться с ним до конца, сделать самого Бакунина «судьею» их общего «прошедшего» и заодно устранить все недоразумения, связанные с неосновательными обвинениями Б. в некорректном отношении к семье Бакуниных. Б. отрицает свое участие в письме доктора П. Клюшникова к В. А. Бакуниной о ненормальных условиях, в которых живут ее дочери, подчеркивает свое преклонение перед ними, полемизирует с ложным истолкованием своих прежних двух писем — «диссертаций о действительности». Восстанавливая историю своей дружбы и разрыва с Бакуниным, Б. признает, что последний навсегда «глубоко вошел в его жизнь», но в чувстве, которое он питает к нему сейчас, любовь слишком тесно сочетается с ненавистью. Б. объясняет свое тяготение к «пребыванию в действительности, которое выражается тождеством слова и дела», свое стремление «быть полезным членом общества», свою уверенность в завоевании «почетного имени в гражданстве». Уверенный в истине своего непосредственного эстетического чувства, Б. декларирует свою ненависть «ко всему французскому», свое отрицание Шиллера (*Б,* XI, 307—348).

Октября середина. Б., «рефлектируя днем и ночью о разумном браке и семейственном счастии», без чего, как ему кажется, «нет смысла в жизни», принимает решение жениться на двадцатидвухлетней А. М. Щепкиной, в семье которой он в эту пору особенно часто бывает, как старый приятель ее отца, как друг ее братьев. Молодая девушка, недавно любившая другого (этим «другим» был Катков) и тяжело переживавшая размолвку с последним, убеждает себя в том, что с Б., как с человеком «благородным и любящим ее», она может быть счастлива и без любви. Б., однако, не спешит при-

нять эту жертву и, одолеваемый всяческими сомнениями, посвящает во все перепитии нового своего романа своих ближайших друзей — Боткина и К. Аксакова (*Б*, XI, 359—360, 391, 394). См. ноября около 10.

Октября 20. Грановский в письме к Б. из Берлина откликнулся на смерть Л. А. Бакуниной. Станкевич в приписке к этому письму признается, что свидетельство Б. о том, что Бакунина умерла, не зная об его измене, «сняло половину горя с его души» (*ЛН*, т. 55, 420—421).

Октября 22. Б. в официальном письме к С. Т. Аксакову указывает, что «непредвиденные обстоятельства» лишают его возможности «продолжать уроки» в Межевом институте, и просит «дать ему от них увольнение» (*PC*, 1900, V, 422; *Б*, XI, 348—349).

Октября 28. Кольцов в письме к Б. посылает одну из своих «новых пьес» и письмо от А. В. Никитенко (*Кольцов*, 192).

Октября 30. Московский цензурный комитет препровождает в Главное управление цензуры ходатайство «издателя журнала «Московский наблюдатель» о сокращении числа книжек последнего с 24 до 12 в наступающем 1839 году» (*ЦГИАЛ, фонд Главного управл. цензуры*, № 148206).

Ноября 1. Н. А. Мельгунов, отмечая в письме к Шевыреву предстоящую реорганизацию «Московского наблюдателя», сообщает: «Издателем по-прежнему достолюбезный Белинский. Прекраснодушный Аксаков, на сих днях возвратившийся из чужих краев, будет один из главных сотрудников» (*А. Кирпичников*, II, 177).

Ноября 1. Увольнение Б. от должности преподавателя русского языка в Константиновском межевом институте (*PC*, 1900, V, 422). Вместо Б. на эту должность назначается Д. П. Иванов, родственник и приятель Б.

Ноября 1. А. Г. Белинская (Кузьмина) в письме к Б. сообщает ему о своих семейных делах и запрашивает о ходе его хлопот о дворянской грамоте (*ЛН*, т. 57, 203).

Ноября 5. Выход в свет девятой книжки «Московского наблюдателя» (*МВед.*, 1838, № 89). См. сентября 22.

Ноября 8. Письмо Б. к Станкевичу. Сообщая ему о своем разрыве с Бакуниным, Б. с горечью пишет, что под влиянием Мишеля сестры его перестали ценить «простое, живое чувство, задушевность, преданность человеческим интересам», «требуют мысли, знания и вздыхают о мысли и знании, без которых (для них!!!) нет любви, нет жизни». Б. в восторге от

идей Вердера, о которых писал Станкевич, ибо Вердер «не превращает жизни в сухое понятие, в мертвый скелет». Б. отмечает свой интерес к греческому искусству, скульптуре и разочарование в Шиллере («как поэт он потерял для меня всякое значение»). Б. изучает статью Рётшера «О философской критике художественного произведения», переведенную Катковым для «Московского наблюдателя». Благодаря Грановского за письмо и собираясь на него ответить, Б. просит его сделать для «Московского наблюдателя» краткий обзор «всех новых сочинений в Германии по части истории». К письму Б. прилагает стихи Кольцова «Жарко в небе солнце летнее», а также письма Ефремова и Клюшникова с подробностями о смерти Л. А. Бакуниной. Письма эти не сохранились (*Б*, XI, 349—352).

Ноября около 10. Б. (см. октября середина) ежедневно бывает у Щепкиных. Неожиданные для Б. попытки Каткова объясниться с А. М. Щепкиной заставляют Б. испытывать «муки ревности» и «оскорбленного самолюбия». Б. очень болезненно переживает и несочувствие этой истории Боткина (*Б,* XI, 392).

Ноября 10. Б. начинает письмо к Панаеву (не дошло до нас), которое остается недописанным и неотправленным: «Не до писем было» (*Б,* XI, 360).

Ноября 15. К. Г. Белинский в письме к Б. просит воздействовать на их сестру — А. Г. Кузьмину, задерживающую освобождение крепостной Авдотьи (*ЛН,* т. 57, 203).

Ноября 16. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. XVIII, кн. 2 (июль). В «Критике» начало работы Б.: «Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина, изд. второе», «Юрий Милославский, соч. М. Н. Загоскина (Статья первая)». В отделе «Литературная хроника» рецензии Б.: «Вечера на Карповке, ч. I и II <Соч. М. И. Жуковой>»; «Мечты и были. М. Маркова»; «Тайна. Роман в четырех частях А. Степанова». Статья и рецензии без подписи.

В неоконченной статье о «Полном собрании сочинений Фонвизина» и о романе «Юрий Милославский» Загоскина Б. выдвигает положение о всемирном значении и о национальном своеобразии путей русской литературы: «Всякий народ есть нечто целое, особное, частное и индивидуальное; у всякого народа своя жизнь, свой дух, свой характер, свой взгляд на вещи, своя манера понимать и действовать <...> Назначение России есть — принять в себя все элементы не только европейской, но мировой жизни, на что достаточно указывает ее историческое развитие, географическое положение и самая многосложность племен, вошедших в ее состав и теперь пере-

каляющихся в горниле великорусской жизни, которой Москва есть средоточие и сердце, и приобщающихся к ее сущности... Мы, русские, — наследники целого мира, и наследники по праву. Мы не должны и не можем быть ни англичанами, ни французами, ни немцами, потому что мы должны быть русскими; но мы возьмем, как свое, все, что составляет исключительную сторону жизни каждого европейского народа, и возьмем ее не как исключительную сторону, а как элемент для пополнения нашей жизни, исключительная сторона которой должна быть многосторонность, не отвлеченная, а живая, конкретная, имеющая свою собственную народную физиономию и народный характер» (*Б*, II, 552—553).

В этой же статье Б. популяризирует основные положения трактата Рётшера «О философской критике художественного произведения». Высоко ценя эту работу и учитывая, что в переводе ее Катковым (*МН*, ч. XVI—XVII) она была признана «многими читателями» слишком «темною и недоступною для понимания», Б. свой пересказ Рётшера предполагал, видимо, связать с критическим разбором новых изданий Фонвизина и Загоскина (*Б*, II, 556—565). Однако Б. ограничился только этим предисловием, а самый разбор соч. Фонвизина и Загоскина остался ненаписанным.

Ноября 16. Главное управление цензуры извещает Московский цензурный комитет об удовлетворении им 7 ноября ходатайства издателя «Московского наблюдателя» о превращении его журнала из двухнедельного в ежемесячный (*ЦГИАЛ, фонд Глав. управ. цензуры*, № 148206).

Ноября вторая половина. Б. в «две-три недели» (как свидетельствует В. С. Межевич) пишет для бенефиса М. С. Щепкина комедию «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» (*«Галатея»*, 1839, № 6).

Ноября конец. И. В. Станкевич в письме к брату за границу сообщает: «Белинский написал драму для бенефиса Щепкина; впрочем, не пиши ему об этом — если он сам ничего не пишет тебе. Я ее не слыхал и не читал; Боткин говорит, что есть недурные сцены для театра, но произведение не художественное» (*ЛН*, т. 56, 118).

Ноябрь? декабрь? Записка А. И. Кронеберга к Б. с приложением материалов для биографии И. Я. Кронеберга (*Бик*, 123—124).

Ноябрь — декабрь. Б., уйдя из Межевого института, живет «почти на счет Боткина» (*Б*, XI, 390), так как Степанов за работу Б. в «Московском наблюдателе» платит очень скудно и неаккуратно (*Б*, XI, 398—399).

Декабря 2. Б. сдает в контору Московских государственных театров рукопись комедии «Пятидесятилетний дядюшка» (*А. Поляков,* 161).

Декабря 2. Б. смотрит «Свадьбу Фигаро» Бомарше с Ленским в роли Фигаро и с Репиной в роли Сюзанны.

Откликаясь на этот спектакль, Б. писал в «Московском наблюдателе»: «Знаменитая «Женитьба Фигаро» есть произведение человека необыкновенного, даровитого — это доказывается ее чудовищным успехом в свое время; но тем не менее она сделанная, а не созданная вещь, произведение литературы, а не искусства, воображения, а не фантазии. Главный интерес этой пьесы политический: она была злою сатирою на аристократию XVIII века. Во всяком случае, успех ее был заслуженный, потому что незаслуженных успехов не бывает. Но теперь — что такое теперь эта пьеса? По крайней мере мы не видим в ней ничего, кроме длинной, утомительной и скучной пьесы, с обыкновенными комическими пружинами прошлого века, с натянутыми остротами и натянутыми положениями» (*Б,* III, 92).

Декабря 3. Публикация в «Московских ведомостях» объявления о подписке на «Московский наблюдатель», реорганизуемый с 1 января 1839 г. в ежемесячный журнал, «умноженный против прежнего 40 печатными листами» и рассчитанный на «читателей обоих полов и всех возрастов» (*МВед.,* 1838, № 97). Объявление повторено в «Московских ведомостях» от 7 и 17 декабря.

Декабря 3. Выход в свет десятой книжки «Московского наблюдателя» (*МВед.*, 1838, № 97). См. ноября 16.

Декабря 5. «Северная пчела» в анонимной «Журнальной мозаике» отмечает, что «Московский наблюдатель» «с будущего года утучнеет, если не содержанием, то наружным объемом, и будет гораздо толще и вместительнее. Он хочет во всех отношениях тягаться с «Библиотекой для чтения» (*СП,* 1838, № 276).

Декабря 9. Комедия «Пятидесятилетний дядюшка» разрешена к постановке театральной цензурой (*А. Поляков,* 161).

Декабря 13. Боткин отмечает в письме к Грановскому: «Виссарион, отделавшись от старого, опять пошел в службу по части сильных ощущений. Беда с ним! Он с жизнью хочет обращаться, как с своим Иваном, и сердится, что она не слушается его» (*ЛН,* т. 56, 120).

Декабря около 15. Б. смотрит балет «Дева Дуная» (*Б,* III, 92—93).

Декабря около 15. В Москву на несколько дней приезжает Бакунин (*Бакунин,* II, 459).

Декабря около 24. Б. в записке к А. П. Ефремову просит достать два «дамских билета» <для А. М. и Ф. М. Щепкиных?> на «первый имеющий быть маскерад» (*Б,* XI, 352).

Декабря 27. А. А. Бакунина в письме к А. А. Беер сообщает: «Б. теперь покоен, счастлив, и бог пошлет ему ангела, который утешит, успокоит его <...> Его фантазия ко мне прошла» (*РМ,* 1913, VIII, 12—13).

Декабря 28. Б. смотрит «Коварство и любовь» Шиллера с Мочаловым в роли Фердинанда (*Б,* III, 93).

1839

Января 1. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», ч. 1, кн. 1. В отделе «Критика» статьи Б.: «Ледяной дом. Соч. И. И. Лажечникова»; «Басурман. Соч. И. Лажечникова». Подпись: В. Белинский. В отделе «Литературная хроника» четырнадцать рецензий Б.: «Искуситель. Соч. М. Загоскина»; Ледяной дом. Соч. И. И. Лажечникова. Басурман. Соч. И. Лажечникова»; «Кальян. Стихотворения Александра Полежаева. Арфа. Стихотворения Александра Полежаева»; «Басни и апологи И. И. Дмитриева»; «Дурацкий колпак <В. С. Филимонова>»; «Стихотворения Александра Вердеревского»; «Карманный песенник. Издан М. С. <М. Д. Сухановым>»; «Дедушка русского флота. Русская быль. Соч. Николая Полевого»; «Архивариус, водевиль П. С. Федорова»; «Ложа 1-го яруса на последний дебют Тальони. Анекдот-водевиль. Соч. П. Каратыгина»; «Дядя Симон, торговец по ярмонкам, или Ум хорошо, а два лучше того. Перев. соч. Жюссье»; «Руководство к логике, составленное Николаем Рождественским»; «Новая российская грамматика в вопросах и ответах. Издал учитель Михайло Меморский»; «Ключ к изъяснению снов, составленный по соч. Калиостро, великого Альберта, Мартына Задека, изд. Михайлом де ла Портом». Все рецензии без подписи. В разделе «Литературные новости» Б. дает обзор книжных и журнальных новинок. Обзор, заканчивающийся информацией о постановке 27 января 1839 г., в бенефис М. С. Щепкина, драмы Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», не подписан. О выходе этого номера «Московского наблюдателя» в свет см. января 21.

Января 1. В «Московском наблюдателе», кн. 1, опубликована статья К. С. Аксакова «О грамматике вообще — по поводу грамматики г. Белинского» (*МН,* 1839, кн. 1, отд. «Науки», 1—26).

Января 1. Выход в свет первого номера реорганизованных «Отечественных записок», под редакцией А. А. Краевского. «Внешность «Отечественных записок», — отмечал Б., — очень красива, полнота содержания даже чересчур удовлетворительна <...> При своих материальных средствах, при своих выгодных отношениях почти ко всем нашим пишущим знаменитостям, «Отечественные записки», без всякого сомнения, не замедлят занять первого места в современной русской журналистике» (*Б,* III, 192).

Января 3. Боткин в письме к Бакунину рассказывает, что он «выговорил Виссариону свое мнение о его мнимом журнальном призвании и доказал ему, что он журналистом быть не может решительно (!) и многое, многое я выговорил ему, опираясь на факты, на его же метод. Он на меня сердит. Я ему проповедую смирение и советую, чем судить и осуждать других, обратить поболее внимания на самого себя» (*А. Корнилов,* I, 518).

Января 4. Премьера «Короля Лира» в Москве, в бенефис Мочалова (*«Галатея»,* 1839, I, 79). Отзыв Б. об этом спектакле — в «Театральной хронике» «Московского наблюдателя», см. марта 1. Б. возвращается к этому спектаклю и в статье «Московский театр». См. ноября 4.

Января начало. В памфлетной балладе М. А. Дмитриева «Новая Светлана», направленной против Полевого как редактора «Сына отечества», попутно задевается Б. в куплетах «Глядь — плебей Белинский» (*РА,* 1885, № 4, 654).

Января 14. Цензур. разреш. первой книжки «Сына отечества». В анонимном обзоре «Летопись русских журналов за 1839 г.» Полевой отмечал: «Теперь ждем еще Наблюдателя, говорят листов в пятьдесят. Он не хочет уступать петербургским собратиям, он также толстеет с новым годом, как будто думает, что, увидя толстую книгу, каждый читатель воскликнет невольно: «Тьфу, братец! сколько тут ума!» (*СО,* 1839, 1, 39).

Января 17. Панаев, откликаясь в письме к Б. на реорганизацию «Московского наблюдателя», предлагает помочь распространению журнала в Петербурге, для чего просит выслать ему «десятка полтора билетов на первый случай» (*Бик,* 201—203).

Января 21. Выход в свет первого номера реорганизованного «Московского наблюдателя» (*МВед.,* 1839, № 6). См. января 1.

Января 21. В журнале «Галатея» помещена информационная заметка <В. Межевича> о предстоящем 27 января бене-

фисе М. С. Щепкина, который выбрал для постановки в этот день «новую, оригинальную драму «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», соч. В. Г. Белинского». «Выбор, сделанный самим Щепкиным, — писал В. Межевич, — ручается уже за достоинство драмы: Щепкин дурного не выберет. Но мы скажем еще более: нам удалось слышать эту драму в чтении, и мы поздравляем г. Щепкина с прекрасною ролью, а русскую сцену с новым приятным явлением, которых у нас на театре бывает так мало, так мало» (*«Галатея»,* 1839, № 3, 259—260).

Января 21. В хронике журнала «Галатея» отмечается выход в свет первого номера «Московского наблюдателя»: «Существенные перемены, предпринятые редакциею «Московского наблюдателя», весьма утешительны. Вышедший первый номер вполне оправдал наши ожидания». В числе статей, предназначенных для следующих номеров «Московского наблюдателя», названы «статьи В. Г. Белинского о Голикове, о Менцеле» (*«Галатея»,* 1839, № 3, 266).

Января 24. «Северная пчела» откликается на выход первого номера обновленного «Московского наблюдателя» иронической заметкой о «задолженности «Московского наблюдателя» своим подписчикам за 1837 и 1838 гг.» (*СП,* 1839, № 19).

Января 27. Премьера пьесы Б. «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», поставленной на сцене Московского театра в бенефис М. С. Щепкина. Играли: Щепкин (Горского), А. М. Щепкина (Катеньку), П. И. Орлова (Лизаньку), Ф. С. Потанчиков (Бражкина), Сабурова (Хватову), Самарин (Мальского). «Пьеса имела большой успех, — сообщалось в заметке о премьере, — и могла бы иметь еще больший, если бы неопытность автора в знании сцены и убийственная растянутость пьесы не повредили делу» (*МН,* 1839, № 2, 35—37).

Января около 30. К. С. Аксаков пишет братьям: «Нельзя нападать на «Наблюдатель» за то, что он выходит медленно и что статьи его могли бы быть лучше. Цензура делает это невозможным». По его свидетельству, из первого номера «Московского наблюдателя» цензурою были изъяты две статьи (в том числе перевод статьи Варнгагена фон Энзе о Пушкине) и несколько страниц текста других авторов (*ЛН,* т. 56, 122).

Января около 30. Станкевич в записке к Б. просит сообщить, с кем В. А. Дьякова-Бакунина находится в Базеле и знает ли она о смерти своей сестры (*Станкевич,* 417 и 494).

Января 30. Повторное представление пьесы Б. «Пятидесятилетний дядюшка» на сцене Большого театра. Текст пьесы

к этому спектаклю был значительно (почти на треть) сокращен автором с помощью М. С. Щепкина, актеры играли значительно лучше, чем на премьере (*МН,* 1839, 2, *Театральная хроника,* стр. 37—38).

Января конец. А. Г. Карташевский в письме к К. С. Аксакову выражает недоумение по поводу слухов о перемене в области «политических мнений» бывших членов кружка Станкевича. Особенно интересует его позиция Б.: «Неужели он переменился и неужели выражения его потеряли всю энергию (*ЛН,* т. 56, 126). См. октября 30.

Январь? — февраль? К. С. Аксаков в письме к братьям рассказывает о своем отходе от кружка, созданного Станкевичем. Близкие отношения сохраняет он только с Б.: «Б. лучше всех моих приятелей; в нем есть истинное достоинство, но и с ним я уже не в прежних отношениях, хотя люблю его больше всех остальных» (*ЛН,* т. 56, 125).

Январь? — февраль? Кольцов в письме к Б. высказывает мнение, что ему «мудрено возвыситься до дружбы» с Б.: «Я ваш давно, но вы мой недавно». Последнее письмо Б. (до нас не дошедшее) разрешило многие сомнения Кольцова, который понял в нем даже «то, чего словами выяснить нельзя» (*Кольцов,* 194—195).

Февраля 1. Белинский смотрит пьесу Н. А. Полевого «Иголкин, купец новгородский» с Мочаловым в роли Иголкина (*Б,* III, 95—96).

Февраля 3. Б. смотрит «Дедушку русского флота» Н. Полевого с Щепкиным в роли Брандта. Б. с удовольствием констатирует успех пьесы и ее автора — «старого знакомого и любимца» московской публики (*Б,* III, 95).

Февраля 5. В пятом номере «Галатеи» опубликовано начало статьи Л. Л. <Межевича> о пьесе Б. «Пятидесятилетний дядюшка». Разбору пьесы предпослана краткая литературная и интимно-бытовая характеристика ее автора, как критика и рецензента «Телескопа», «Молвы» и «Московского наблюдателя». Подчеркивая «постоянную добросовестность и неподкупность мнений» Белинского, Межевич отмечает, что Б., не желая «из-за вещественных выгод менять свой образ мыслей», не только не приобрел в течение пятилетней журнальной деятельности «никаких в ы г о д, а едва ли имеет н е о б х о д и м о е в жизни» (*«Галатея»,* 1839, № 5, 409—418). См. февраля 11.

Февраля 5. Б. в гостях у Щепкиных принимает участие в «сражении снежками» и взятии приступом «снеговой крепо-

сти». В игре участвовали К. С. Аксаков, Д. М. Щепкин, Катков, Ефремов и др. М. С. Щепкин «со всем семейством смотрел с балкона» (*ЛН*, т. 56, 122).

Февраля около 5. Боткин возвращается в Москву после месячного пребывания в Нижнем-Новгороде (*ПД*, архив Бакуниных, № 23, лл. 23 и 38).

Февраля около 7. Катков, под воздействием уговоров Боткина, уезжает из Москвы в Премухино (*Б*, XI, 392).

Февраля около 8. Б., узнав об отъезде Каткова, заходит к Боткину, но не застает последнего дома. В оставленной ему записке Б. отмечает «несообразность» отъезда Каткова и просит Боткина «поскорей» приехать для объяснений (*Б*, XI, 353).

Февраля 9. Боткин, добившись объяснения Д. М. Щепкина с сестрою, убеждается в том, что Александра Михайловна «не любила и не любит» Б. Ее «странное и загадочное» поведение, дезориентировавшее Б., вытекало из неправильно понятых ею поступков Каткова. Боткин, проговоривши об этом с Б. «целую ночь», признает, что последний «прав, благороден и чист» и ничем не заслужил осуждения друзей. Б. одобряет решение Боткина немедленно вызвать Каткова из Премухина в Москву (*ЛН*, т. 56, 123—124). См. февраля около 17.

Февраля 10. Выпады «Северной пчелы» против неправильностей «языка», которыми пестрят статьи в «Московском наблюдателе» и во всех других русских журналах, враждебных «Северной пчеле» и «Сыну отечества» (*СП*, 1839, № 31).

Февраля 11. Публикация в шестой книге «Галатеи» окончания статьи Л. Л. <В. С. Межевича> о пьесе Б. «Пятидесятилетний дядюшка». Характеризуя пьесу, как смелую попытку «выйти из общей колеи, взять анализ страсти со всеми ее изгибами и оттенками», рецензент называет ее «шагом замечательным, подвигом, достойным уважения, тем более что его предпринимает литератор молодой, избирает его для первого своего опыта» (*«Галатея»*, 1839, № 6, 474—485). Статья Межевича была перепечатана, с значительными сокращениями, в «Репертуаре русского театра на 1839 г.», т. II, СПб., 1839, Приложение, 5—8.

Февраля около 12. Б. получает от И. П. Клюшникова письмо, содержащее «длинную, обвинительную проповедь» против Б., написанную в «религиозно-сатирическом духе» (*Б*, XI, 396).

Февраля около 15. Бакунин вместе с сестрой Татьяной приезжает из Премухина в Москву, где остается до середины марта (*Бакунин*, II, 221, 230—231, 238).

Февраля около 16. Письмо Б. к Боткину. Боясь, что без этого объяснения ему придется «замкнуться в самом себе и забыть навсегда, что такое участие людей», Б. признает, что события последних месяцев уяснили ему многое в жизни и в себе самом. Постоянным стремлением к большому чувству и «хроническою жаждою» любви Б. объясняет все три свои сердечные «истории»: с «гризеткою» в 1836 г., премухинскую 1836—1838 гг. и последнюю — роман с А. М. Щепкиной. Анализируя свои отношения с Бакуниным, Клюшниковым, Катковым, Б. приходит к заключению, что друзья знали его мало, что им не были известны «истинные раны» его духа. Самым близким себе человеком Б. считал всегда Боткина, — поэтому так болезненно переживает он сейчас затянувшийся кризис их отношений (*Б,* XI, 353—360). После этого письма Б. восстанавливает дружеские связи с Боткиным и Катковым, чему радуется «без памяти» (*Б,* XI, 372).

Февраля около 17. Б. в записках к Каткову (не сохранились) признает «пошлость своей поведенции» и свою невольную вину перед ним и А. М. Щепкиной (*Б,* XI, 393). Через Боткина Б. налаживает и личное объяснение с Катковым (*Б,* XI, 353, 360). Уяснением отношений с А. М. Щепкиной, Боткиным и Катковым ускоряется давно назревшее решение Б. об оставлении работы в «Московском наблюдателе» и переезде в Петербург. После пережитой драмы Б. не находит в себе сил оставаться в Москве, приносить себя в жертву журналу, берущему «все его время», но не имеющему поддержки в широких кругах читателей, жестоко преследуемому цензурой и лишенному твердой материальной базы (*Б,* XI, 398—399). См. января около 30 и февраля конец.

Февраля 18. Б. в письме к Панаеву извещает о принятом им решении оставить «Московский наблюдатель». Б. просит Панаева договориться с Краевским о предоставлении ему работы в «Отечественных записках». Б. готов писать для каждого номера от двух до пяти печатных листов, вести отделы критики и смеси, не отказывается и «от черновой работы, корректуры и тому подобного». Для переезда в Петербург Б. просит об авансе: «Без 2000 мне нельзя даже и пешком пройти заставу: около этой суммы на мне самого важного долгу». Б. находится в такой крайности, что не возражает против участия даже в «Северной пчеле» или «Библиотеке для чтения», если только они не стеснят его «литературной совести» (*Б,* XI, 360—361).

Февраля около 20. Выход в свет «Сына отечества», кн. 2. В анонимной статье «Летопись журналов за 1839 г.» Н. Полевой дает высокомерно-ироническую общую характеристику «Московского наблюдателя», который в течение всего 1838 г.

якобы «нес дичь, бросался во все стороны, говорил таким языком, что не знали мы, смеяться ли? жалеть ли?» Отмечая преобразование журнала в ежемесячник, Полевой положительно отзывается о первой книжке «Московского наблюдателя» за 1839 г. (*СО,* 1839, II, «Критика и библиография», 90—100). Ответ Б. на этот обзор см. в статье «Русские журналы» (*Б,* III, 174—175). См. апреля 8.

Февраля около 20. Б. получает письмо от В. А. Владиславлева и его альманах «Утренняя заря на 1839 г.» (*Б,* XI, 363). Письмо это не сохранилось.

Февраля 22. Б. в письме к Панаеву просит ускорить переговоры с Краевским, особенно настаивая на двухтысячном авансе, без которого выезд из Москвы для него невозможен. Б. предупреждает, что одновременно с Панаевым хлопочет о переезде его в Петербург и Н. В. Савельев, который вызвался вести переговоры со Смирдиным, Гречем и Н. Полевым. Несмотря на ощущение кровной связи с Москвою, «внешние и внутренние обстоятельства» не позволяют Б. в ней оставаться. Б. проектирует издание в Петербурге альманаха, для которого хотел бы написать «огромное» литературное обозрение. В альманах войдут стихи Красова, Кольцова, Клюшникова, переводы Каткова, Аксакова. Б. рассчитывает и на петербургских авторов, в частности на Панаева и Струговщикова. Б. подчеркивает, что Струговщикову, как переводчику элегий Гёте, он «обязан такими минутами, каких не много бывает в жизни». Б. надеется показать в «Отечественных записках», что Н. Полевой «отстал от века, не понимает современности»: «Ужасное несчастие пережить самого себя». В этом же письме Б. резко отзывается о «двукратно жалком» и «бездарном» Губере, о литераторах типа Каменского, Гребенки, Якубовича, Тимофеева. Б. просит отметить в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» кражу у него тетради стихов В. И. Красова, которая оказалась затем в распоряжении редакции «Библиотеки для чтения» (*Б*, XI, 361—363).

Февраля 23—24. Б. в результате переговоров с Андросовым и Степановым получает заимообразно 1000 рублей и остается в редакции «Московского наблюдателя» (*Б,* XI, 399).

Февраля 24. Н. И. Надеждин в письме к Краевскому выражает опасения, что «Московский наблюдатель», остановившийся на первом номере, может «поблекнуть при февральских еще морозах» (*РС,* 1904, V, 399).

Февраля 25. Б. в письме к Панаеву извещает о своем соглашении с издателями «Московского наблюдателя» и просит прекратить переговоры с петербургскими журналистами. Б. горячо благодарит Струговщикова за присылку его переводов

элегий Гёте. Б. высоко оценивает «Историю двух калош» Соллогуба и негодует по поводу статьи Губера: «О философии» в «Отечественных записках» №№ 1 и 2. Б. повторяет свою просьбу «намекнуть» о краже у него тетради стихов Красова, которой Сенковский распоряжается «как своей собственностью» (См. февраля 22). Передавая привет и благодарность Владиславлеву за письмо, Б. просит через него засвидетельствовать почтение М. М. Попову, своему бывшему учителю, «живая память о котором никогда не изгладится из его сердца» (*Б*, XI, 363—364).

Февраля 26. Панаев в письме к Б. сообщает о том, что Краевский готов предоставить Б. постоянную работу в своих изданиях по разделам литературной критики и библиографии, которая могла бы обеспечить ему гонорар в размере от 100 до 250 руб. асс. в месяц. Панаев предлагает Б. заимообразно 500 руб., обещая достать для него еще от 1000 до 1500 руб. Актер Брянский, по словам Панаева, просит Б. «без церемоний остановиться у него, ибо он имеет у себя лишнюю комнату» (*Бик*, 203—204).

Февраля конец. К. С. Аксаков в письме к братьям отмечает исключительно тяжелое положение «Московского наблюдателя» из-за придирок цензуры: «В статьях недостатка нет, но в срок выходить книжки не могут» (*ЛН*, т. 56, 126).

Февраль — март. Б., мучась «прекраснодушным желанием» сохранить дружеские отношения с А. М. Щепкиной (см. февраля 9 и около 17) и радуясь, что мог «быть полезен для ее внутреннего развития», становится поверенным ее чувств к Каткову: «Я обоим желал им счастья, обоих любил их — и все-таки тяжко страдал» (*Б*, XI, 398). Вспоминая впоследствии свою «гисторию с барышней», Б. признавал, что роман этот на новом этапе не стоил ему «ни одной слезы, но, боже мой, сколько мук, подавляющих страданий, наконец, отчаяния, ужаса и унижения в собственных глазах» (*Б*, XI, 410).

Марта 1. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», 1839, ч. 1, кн. 2. В разделе «Литературная хроника» следующие рецензии Б.: «Современник. Том одиннадцатый»; «Современник. Том двенадцатый»; «Утренняя заря. Альманах на 1839 год, изд. В. Владиславлевым»; «Виндсорские кумушки. Комедия Шекспира»; «Проклятое место. Роман М. Воскресенского»; «Девушка в семнадцать лет. Соч. Поль де Кока. Перев. с фр. Н. М.»; «Странный бал, повесть из рассказов на станции, и восемь стихотворений. Соч. В. Олина»; «Сердце человеческое есть или храм божий, или жилище сатаны. Перев. с нем.»; «Катерина. Комедия. Перев с франц. П. И. Сте-

панова»; «Слепой, или Две сестры. Комедия-водевиль. Соч. Ансело. Переведенная с франц. П. И. Степановым»; «Воскресенье в Марьиной роще, интермедия»; «Еще Филатка и Мирошка, или Праздник в графском селе. Интермедия. Соч. актера П. Григорьева-младшего»; «Искусство брать взятки. Восточная сказка. Соч. В. Серебреникова. Три безделки. Соч. В. Серебреникова»; «Действительное путешествие в Воронеж. Соч. Ивана Раевича»; «Быль и заблуждения моего ума и сердца. Соч. Алексея Башкатова». Все рецензии без подписи.

В разделе «Театральная хроника» Б. откликается на наиболее значительные из новинок сезона 1838—1839 гг. («Свадьба Фигаро» Бомарше, «Коварство и любовь» Шиллера, «Король Лир» Шекспира, «Дедушка русского флота» и «Иголкин, купец новгородский» Н. А. Полевого, балет «Дева Дуная» Тальони). В разделе «Литературные новости» Б. отмечает предстоящий выход в свет новых книг Вельтмана, Ю. Венелина, Загоскина, Кукольника, П. А. Корсакова, Полевого, Н. Ф. Павлова и др. Оба обзора не подписаны. В специальной «Журнальной заметке» Б. осведомляет читателей о перепечатке в «Библиотеке для чтения» стихотворения Красова «Не гляди поэту в очи», ранее помещенного в «Московском наблюдателе».

В этом же номере анонимный некролог И. Я. Кронеберга, составленный его сыном, отредактированный Белинским (*МН*, 1839, кн. 2, отд. VII, 20—27; *БВ,* IV ,111—115). В перечне работ И. Я. Кронеберга отмечено: «В № 13 «Наблюдателя» за 1838 г. будет помещена его антикритика на разбор г. Белинского «Гамлета», переведенного г. Полевым» (*БВ,* IV, 115). Эта «антикритика» была опубликована не в *МН,* а в *ЛПРИ,* 1839, № 10, см. сентября 9.

Марта 1. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», 1839, ч. II, кн. 3. В разделе «Проза» Б. публикует сокращенную и переработанную редакцию своей пьесы «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь». В разделе «Литературная хроника» пятнадцать рецензий Б.: «Сто русских литераторов. Изд. А. Смирдина»; «Одесский альманах на 1839 год»; «Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь Новороссийского края. Николая Надеждина»; «Стихотворения Димитрия Сушкова»; «Калеб Виллиамс. Соч. В. Годвина. Перев. с англ. С. Т.»; «Мусташ. Соч. К. Поль де Кока»; «Владимир и Юлия, или Любовь девушки в шестнадцать лет. Роман. Соч. Федора К. с. р. на»; «Девичьи интриги. Роман из частной жизни. Соч. А. М. . .ского»; «Вечевой колокол. Русский роман XV столетия»; «Балакирева полное собрание анекдотов — шута, бывшего при дворе Петра Великого»; «И то и се, или Собрание сочинений в стихах и прозе М. Д. <М. И. Дмитрев-

ского>»; «Мечты, комедия-водевиль, переделанная с франц. Дмитрием Ленским»; «Маскарад в летнем клубе, или Ни то, ни се. С франц. Дм. Ленским»; «Студент, артист, хорист и аферист. Шуточная оперетка. Переделана с нем. Федором Кони»; «Расстроенное сватовство, или Горе от ума и горе без ума. Комедия А. Федосеева». Все рецензии без подписи. В этом же номере критический обзор Б.: «Русские журналы <«Галатея», «Современник», «Библиотека для чтения»>». Без подписи. Продолжение обзора см. апреля 8.

Марта 2. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», 1838, ч. XVIII, кн. 1. (Этот номер был недодан подписчикам в августе 1838 г.) В разделе «Литературная хроника» рецензии Б.: «Письма о богослужении восточной католической церкви <А. Н. Муравьева>»; «Воспоминание о посещении святыни московской государем наследником <А. Н. Муравьева>». Рецензии без подписи.

Марта первая половина. Б. горячо реагирует на неожиданный приезд в Москву Бакунина с сестрой Татьяной. «Святое влияние» Т. А. Бакуниной «воскрешает» Б. (*Б*, XI, 393—394). См. февраль—март.

Марта около 15. Б. под воздействием Т. А. Бакуниной дружески объясняется с Бакуниным и расстается с ним примиренным (*Б*, XI, 393—394).

Марта 18. Выход в свет второго номера «Московского наблюдателя» (*МВед.*, 1839, № 22), разрешенного цензурой марта 1. В номере анонимный критический разбор премьеры в Петровском театре пьесы Б. «Пятидесятилетний дядюшка» (*МН*, 1839, № 2, *отд.* VII, 34—39).

Марта 21. Герцен в письме к Кетчеру предлагает для опубликования в «Московском наблюдателе» сцены из «Лициния» и отрывки из своей биографии (*ГЛ*, II, 255—256). Об отрицательном отношении Б. к формам использования белого стиха в «Лицинии» см. «Былое и думы» (*ГЛ*, XII, 305; *ЛН*, т. 56, 227). О «Записках одного молодого человека» см. 1840, ноября около 15.

Марта 24. Публикация в журнале «Галатея» № 12 критического разбора первых двух книжек «Московского наблюдателя». Анонимный рецензент «Московского наблюдателя», отмечая тенденции этого журнала «спрыснуть нашу словесность живой и мертвой водой литературы английской и в особенности немецкой», утверждает, что «за выбор статей, относящихся к изящной словесности, редактора можно назвать безукоризненным, это баярд нашей журналистики... В выборе самых сотрудников он чрезвычайно деликатен и, если не ошибаемся, ограничивается штатом; заштатных он не принимает,

у него все *свои*, и эти свои — настоящие рыцари круглого стола или наполеоновские маршалы; для полноты сравнения недостает полноты комплекта — по крайней мере в поэтах — их всего пятеро, а с безыменным шестеро: А. Струговщиков, М. Катков, А. Кольцов, В. Красов, К. Аксаков и Фита <подпись И. П. Клюшникова>» (*«Галатея»*, 1839, № 12, 288—293).

Марта вторая половина. Б. восстанавливает дружеские отношения с Д. М. Щепкиным, от которого узнает, что Боткин очень отрицательно отзывался о Б. во время конфликта последнего с Катковым. Данные об этой «предательской» роли Боткина подтверждает «новыми фактами» К. С. Аксаков (*Б*, XI, 393—395). К этому времени относится новое обострение отношений Б. с Катковым, не дошедшее до нас обвинительное письмо Б. к Боткину и «противоречивый ответ» последнего, взбесивший Б. (*Б*, XI, 400—402).

Марта конец. Б., возмущенный ролью Боткина в его конфликте с Катковым, подкрепляет, в разговорах с друзьями, свою отрицательную оценку поступков Боткина некоторыми письмами последнего. Боткин, узнав об этом от Клюшникова, требует у Б. возвращения всех своих писем к нему (*Б*, XI, 401—402).

Марта 31. Цензур. разреш. «Галатеи» № 13. В анонимной статье о первых книжках «Московского наблюдателя» отмечено, что этот журнал «критикует в нынешнем году более объективно, нежели субъективно; в рецензиях его на романы г. Лажечникова и мнения Булгарина, Краевского и пр. видны и откровенность и беспристрастие» (*«Галатея»*, 1839, № 13, 360—364).

Март — апрель. Б., работая над статьями и рецензиями для четвертой книжки «Московского наблюдателя», пользуется любым предлогом для дискредитации Н. А. Полевого, как критика, журналиста, историка и беллетриста. См. рецензии на «Новогодник», «Записки Александрова», обзор «Русские журналы» (*Б*, III, 155—158, 171—175, 177—179).

Апреля около 3. Б. знакомится с М. Д. Ховриной, московской либеральной барыней, уезжающей за границу. Через нее Б. рассчитывает переслать Станкевичу, минуя почту, большое письмо и вырезки из «Московского наблюдателя» (*Б*, XI, 367). См. апреля 19.

Апреля около 5. Стихотворное послание Б. к К. С. Аксакову (*Б*, XI, 364—365; *ЛН*, т. 56, 84—85).

Апреля 8. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», 1839, ч. II, кн. 4. В разделе «Литературная хроника» следующие рецензии Б.: «Новогодник. Собрание сочинений, в прозе и стихах, современных русских писателей. Изд. Н. Кукольником»; «Записки Александрова (Дуровой). Добавление к Девице-кавалерист»; «Тысяча и одна ночь, арабские сказки»; «Браво, или Венецианский бандит, исторический роман. Соч. Я. Ф. Купера»; «Басни и сказки Александра Измайлова»; «Илиада Гомера, переведенная Гнедичем. Часть первая. Издание второе»; «Приключения с моими знакомыми. Повести Ивана Ваненко»; «Я рисовал очерки. Рассказы улана»; «Пародия. Роман»; «Вечерние рассказы. В. Невского»; «Повести из событий русской старины. Иван Сусанин, или Смерть за царя. Исторический роман. Соч. Михаила Дмитревского»; «Невеста изгнанника. Соч. г-жи Евгении Фоа. Перев. с франц. Прасковин Лещ. . .кой»; «Разговоры отца с детьми. Перев. с англ.»; «Сказки моей бабушки. Шесть новых повестей для детей»; «Всеобщий французско-русский словарь, составленный по изданиям Раймонда, Нодье, Боаста и Франц. Академии Иваном Татищевым». Все рецензии без подписи. В этом же номере обзор Б.: «Русские журналы <«Сын отечества» и «Отечественные записки>». Подпись: В. Белинский.

В обзоре характерное для Б. противопоставление немецкой и французской критики: «У немцев критика основана на законах разума, всегда единого и неизменяющегося, на началах науки, сообразно ее современному состоянию. Лессинг, Шиллер, Шлегель и теперешняя дружина молодых гегелистов — Ганц, Рётшер, Бауман, Гото и другие — что такое все эти имена? — Это название периодов развития науки изящного, это название глав в ее истории, потому что, повторяем, в Германии критика развивалась исторически, и в ее представителях вы увидите влияние и Канта, и Шеллинга, и Гегеля. По этой причине, если Лессинг, Шиллер и Шлегели теперь не могут быть законодателями вкуса, то их заслуга все-таки не забыта и их достоинство не унижено: немцы изучают их как исторические лица в науке изящного, чтобы через это изучение видеть ход и развитие мысли о творчестве. Напротив того, какое значение могут иметь Лагарпы и Жоффруа, кроме, разве, как факты колобродства человеческого рассудка? За что подорожит потомство статейками Жюль-Жанена и статьями Густава Планша, Сен-Бёва, Низара, Филарета Шаля? Скажите, какое соотношение между этими людьми, имел ли кто из них влияние на другого, чье имя должно стоять впереди, чье после! Нет, они являлись все случайно, мысли их родились случайно, как личные мнения, ни на чем не основанные, ни к чему не привязанные. Их назначение — не быть проводниками новых идей об искусстве, исторически развивающихся; их ремесло — высказывать эфемерный вкус

толпы, мнение дня» (*Б*, III, 170—171). Пропагандистом французской литературной критики и эстетики Б. считает Н. Полевого и заключает свою характеристику его, как редактора и вдохновителя «Сына отечества» следующей сентенцией: «Не странное ли зрелище представляет собою человек, который с силою, энергиею, одушевлением, вооруженный смелостию и дарованием, явился на литературном поприще рьяным поборником нового и могучим противником старого; а сходит с поприща, на котором подвизался с таким блеском, с такою славою и с таким успехом, сходит с него противником всего нового и защитником всего старого?» И далее: «Мы извиняем теперешнюю ревность г. Полевого к прошедшему. У всякого с своим прошедшим связано так много прекрасных воспоминаний, и потому каждому кажется великим и истинным только то, что явилось в его время, в то время, когда в нем интересы были живы, когда он исполнен был надежд и силы. Напротив того, настоящее для пожилых людей часто бывает так грустно: дико смотрят они на все новое, которое чуждо их, уже застывших в известных формах, и которому чужды они, уже не способные ни к какому движению. Когда вышел г. Полевой на поприще, тогда гремели и сияли имена Гюго, Ламартина, де Виньи, Бальзака, — удивительно ли, что и теперь он почитает их великими гениями? Читая и перечитывая французские журналы, он беспрестанно встречал в них имя Шеллинга, как величайшего философа современного человечества — удивительно ли, что Шеллинг и теперь остается для него п е р в ы м философом, а его философия геркулесовскими столпами абсолютного мышления? Эта история всегда повторялась: кантисты не хотели видеть ничего великого в Фихте, фихтеисты с ироническою улыбкою смотрели на Шеллинга, а шеллингисты в Гегеле видят пустой призрак. Вот отчего в глазах г. Полевого Лессинг и Шлегель мешают Варнгагену быть глубоким критиком, а Шеллинг Гегелю — великим и п е р в ы м философом современного человечества. Вот почему современная немецкая литература, столько богатая и великая, так роскошно оплодотворенная духом великого Гегеля, — кажется ему пустоцветною и ничтожною. Это круг, начавшийся нападками на «Вестник Европы» и кончившийся редакторством «Сына отечества».

Теперь чего вы хотите от «Сына отечества»? Все недостатки его происходят от глубокой причины; он не понимает современности и потому не может угождать и нравиться ей. А так как, сверх того, он развлечен составлением драм, опер, комедий и водевилей, то и не имеет достаточно времени для улучшения самого себя» (*Б*, III, 178—179).

Апреля 14. И. И. Панаев, приехав в Москву, спешит познакомиться с Б., которого находит в «каком-то узеньком и

глухом переулке недалеко, кажется, от Никитского бульвара, в деревянном одноэтажном домике, вросшем в землю» (*И. Панаев,* 283). См. апреля конец.

Апреля 15. Б. знакомится в доме М. С. Щепкина с А. Я. Панаевой и принимает участие в споре о Мочалове и Каратыгине (*А. Панаева,* 77).

Апреля 16. Б. посещает Панаева, встречи с которым с этого дня становятся «все чаще и чаще». В эту пору Б. поддерживает тесные дружеские отношения лишь с К. С. Аксаковым и П. Н. Кудрявцевым. С Катковым Б. «не здоровался, Боткина избегал» (*И. Панаев,* 284—285. Ср. *Б,* XI, 366, 399, 402).

Апреля 19. Письмо Б. к Станкевичу, посылаемое за границу через М. Д. Ховрину. Рассказывая о своей последней «истории» (роман с А. М. Щепкиной) и о распаде всего их дружеского круга, Б. формулирует свой новый взгляд на любовь и дружбу. Б. с ужасом вспоминает о том времени, когда он искал счастья «в решении нравственных вопросов». Б. повторяет по этому поводу «мудрое изречение благородного, доброго и глубокого Вердера»: «Если человек задает себе вопрос — значит, что он еще не созрел для ответа». Б. с удовлетворением отмечает, что «Пушкин предстал ему в новом свете, как один из мировых исполинов искусства, как Гомер, Шекспир и Гёте». Таким же «источником наслаждения» является для Б. «Илиада» Гомера. При письме Б. пересылает Станкевичу вырезки стихотворений из «Московского наблюдателя» и повесть Кудрявцева «Флейта» (*Б,* XI, 365—367).

Апреля 19. В Петербурге, в бенефис В. А. Каратыгина, после драмы Н. Полевого «Смерть или честь!» поставлен был водевиль «Семейный суд, или Свои собаки грызутся, чужая не приставай». В этом водевиле (автор его указан не был) в числе действующих лиц фигурировал «студент Виссарион Григорьевич Глупинский, все толкующий о гегелевской философии, об объективной индивидуальности и пр.». Глупинского играл Мартынов, который был «натурален и прост в этой роли и нисколько не утрировал» (*А. Вольф,* I, 71). Водевиль после премьеры был снят с репертуара (*«Репертуар Русского театра на 1839 г.»,* т. II, прилож., 3).

Апреля 21. Н. П. Огарев под впечатлением дошедшего до него устного отзыва Б. <о его стихах?> отмечает в письме из деревни к жене: «Б. отчасти прав в том, что сказал, отчасти не прав» (*ЛН,* т. 61, 857).

Апреля конец. Б. переезжает на новую квартиру «недалеко от Арбатских ворот, наискосок от дома Тона». На новоселье

у него были А. Я. и И. И. Панаевы. Дружеские отношения Б. с ними становятся после этого еще проще и теснее (*И. Панаев,* 285—286. Ср. *А. Панаева,* 78).

Апрель — май. Б. окончательно отказывается от работы в «Московском наблюдателе», что вызывает прекращение издания (вместо двенадцати номеров вышло в свет только четыре). Развал «Московского наблюдателя» форсирован был отказом от работы в журнале Боткина и Каткова, усилением цензурных стеснений, ничтожным числом подписчиков и безответственностью Н. С. Степанова, который рассматривал «Московский наблюдатель» лишь как подсобное предприятие при своей типографии и очень скупо его субсидировал (*Б,* XI, 398—399) *. См. июня 17.

Мая начало. Кольцов в письме к Б. из Воронежа горячо благодарит за «Московский наблюдатель» и посылает для последнего свои стихотворения: «Путь» и «Старому товарищу» (*Кольцов,* 199).

Мая 9. Боткин, информируя Бакунина о своей ссоре с Б., пишет, что причиной их разрыва явилось резко отрицательное отношение его к роману Б. с А. М. Щепкиной. Высказывание Боткина об этой «пошлой истории» Б. счел «предательством». После обмена резкими письмами на эту тему они перестали встречаться (*Корнилов,* I, 519).

Мая 10. Выход в свет третьего (мартовского) номера «Московского наблюдателя» (*МВед.,* 1839, № 37). См. марта 1.

Мая около 12. А. П. Ефремов, друг Б., выезжает из Москвы за границу (*БСМУ,* ч. 1, 328; *А. Корнилов,* I, 494).

Мая 13. Бакунин, приехав на несколько дней в Москву, в письме к Станкевичу делится своими впечатлениями от встреч с общими их друзьями: «Боткин, Клюшников, Катков и я — вот все, что осталось от многочисленного кружка, когда-то собиравшегося вокруг тебя. Б. совсем оторвался от нас: я, Боткин и Катков сделались предметами его ненависти» (*Бакунин,* II, 239). Настроение Б. внушает Бакунину серьезные опасения: «Денежные обстоятельства Б. все в том же несчастном положении, и ко всему этому в нем, видимо, иссякает вера в жизнь и в будущность. Он знает, что ему 30 лет, и это мучает его. Одним словом, положение его ужасно. Он весь предался своему страстному элементу, и дай бог, чтоб это было только переходное состояние, а то он совсем погибнет» (*Бакунин,* II, 243).

Мая около 15. Б. получает от Бакунина записку, в которой последний, выражая сомнения в корректности Б., требует немедленного возвращения всех своих писем. Б., отвечая на записку Бакунина (не сохранилась), доказывает последнему

отсутствие серьезных оснований для полного разрыва их отношений, с которыми связано «много хорошего в прошедшем» (*Б,* XI, 367—368). Под впечатлением этого письма Бакунин приезжает к Б. и дружески объясняется с ним (*Б*, XI, 401, 403).

Мая 20. П. А. Корсаков, сообщая в письме к В. И. Карлгофу петербургские литературные новости, пишет: «Краевский, как говорят, нанял Белинского за 3000 рублей для «Отечественных записок», а Межевича для «Литературных прибавлений», предоставляя себе высшее право суда и расправы» (*ЛН,* т. 56, 127).

Июня около 1. Б. с Кетчером и И. Панаевым гостит на даче у М. С. Щепкина близ Химок. Щепкин рассказывает гостям «Сороку-воровку», впоследствии записанную Герценом (*И. Панаев,* 169).

Июня 4. Публикация в «Галатее» № 27 анонимных «Журнальных заметок», автор которых резко возражает на замечание Б. в «Московском наблюдателе» о «стишках Якубовича и Стромилова»: «Спрашивается, есть ли у г. Белинского здравый смысл эстетический или, что все равно, наделила ли его природа вкусом? Называть стихи г. Якубовича, особенно стихи г. Стромилова, стишками! Нет, это уж чересчур! Это и совестно и грешно. Советуем вам вперед быть осторожнее в рецензиях, иначе мы скажем, что вы судья непризванный» (*«Галатея»,* 1839, № 27, 67—68).

Июня 7. Цензур. разреш. «Московского наблюдателя», 1838, ч. XVIII, кн. 2 (август). Книжка эта была подготовлена к печати, вероятно, еще в начале 1839 г. В разделе «Литературная хроника» две рецензии Б.: «Переписка и рассказы Русского инвалида <И. Н. Скобелева>»; «Краткое руководство к познанию племен человеческого рода. Сост. из соч. д-ра Сосеротта и проф. Брока П. А. Л — ким». Рецензии без подписи.

Июня 8. П. Н. Кудрявцев, посылая Б. обещанную рукопись своей новой повести «Блудящие огни» («Недоумение»), просит извинить его за то, что он, не предупредив Б., один уехал в Троице-Сергиевский посад (*Бик,* 136—137). См. декабря 17.

Июня 16. К. Г. Белинский в письме к Б. выражает свое восхищение драмой «Пятидесятилетний дядюшка» (*ЛН,* т. 57, 204).

Июня 17. Выход в свет четвертого (апрельского) номера «Московского наблюдателя» (*МВед.,* 1839, № 48). См. апреля 8. На этой книжке издание «Московского наблюдателя» прекратилось.

Июня 20. Краевский, отвечая на письмо Панаева о желании Б. принять ближайшее участие в «Отечественных записках» и в «Лит. прибав. к Русскому инвалиду», приглашает Б. в Петербург, гарантируя ему заработок в размере 3500 руб. асс. в год. Краевский ждет статью Б. о Менцеле и спрашивает разрешение на перепечатку в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» статьи Б. о «Сыне отечества» Н. Полевого (*И. Панаев,* 188). См. июля 29.

Июнь? — Июль? Б. с К. С. Аксаковым и Панаевым присутствует на балу у И. Е. Великопольского (*И. Панаев,* 152—153).

Июля 5. Б. в письме к Краевскому обещает для «Отечественных записок» статьи о Менцеле и о «Горе от ума». Б. надеется с переездом в Петербург принять деятельнейшее участие в «Отечественных записках» и в «Лит. прибавлениях», не отказываясь в то же время и от черновой журнальной работы. Б. ждет от Краевского литературных заданий, которыми он мог бы сейчас «заняться в Москве». Б. упоминает о том, что заканчивает «похвальное слово» Полевому (*Б,* XI, 368—369). См. июля 17 и 29.

Июля 7. Катков в письме к Краевскому передает поклон от Б. (*РВ,* 1880, VI, 26).

Июля 8. Станкевич в письме к А. П. Ефремову из Зальцбрунна сообщает о получении им «листков из «Наблюдателя», присланных Б. через Ховриных (см. апреля 19). Станкевич собирается «на днях» отвечать Б. (*Станкевич,* 431).

Июля 9. Краевский в письме к В. Ф. Одоевскому отмечает, что «Белинский и вся братия» отказались от «Московского наблюдателя», редактором которого будет теперь, вероятно, переводчик А. А. Лефорт (*РС,* 1904, VI, 576).

Июля около 10. А. Д. Галахов передает Б. восемнадцать московских изданий для рецензирования их в «Отечественных записках» и в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» (*Бик,* 96).

Июля около 10. Панаев обращается к Н. Ф. Павлову с письменной просьбой об оказании срочной денежной помощи Б. (*Б,* XI, 371—372). См. июля около 27.

Июля 11. А. Д. Галахов получает от Б. для отправки Краевскому: статью о критике Полевого (См. июля 29) и статью Кронеберга о переводе Гамлета. (*Архив Галахова,* тетрадь 3, л. 6). См. сентября 9.

Июля около 15. Отъезд А. Я. и И. И. Панаевых из Москвы в деревню (*ТБЛ,* IV, 209—210).

Июля 17. Краевский, отвечая на письмо Б. от 5 июля, выражает большое удовлетворение по поводу согласия Б. на

переезд в Петербург. Краевский «с нетерпением» ждет статей Б. о Менцеле, о «Горе от ума» и о Полевом. Вопрос о рецензиях на московские издания в «Отечественных записках» Краевский просит согласовать с Галаховым и Катковым (*Бик,* 96—97).

Июля около 20. Б. «отдыхает душой» в семье Бакуниных, приехавших (без Мишеля) для определения в университет трех младших сыновей. Случайная встреча с Боткиным и спор с ним о Шекспире являются поводом для «спокойно-дружественного» объяснения Б. с Боткиным, после которого личные отношения их начинают вновь налаживаться (*Б,* XI, 404—405).

Июля 24. Станкевич в письме к А. П. Ефремову из Зальцбрунна досадует на «нелепые московские споры», которые обострили отношения Б. с его прежними друзьями. Станкевич «не подозревал в Б. такого самолюбия» (*Станкевич,* 433).

Июля 25. К. С. Аксаков, пытаясь помочь Б., обращается к М. Г. Павлову с просьбой достать для Б. пятьсот рублей (*ЛН,* т. 56, 128).

Июля около 27. Н. Ф. Павлов предлагает Б. воспользоваться ста рублями, которые должен Павлову М. С. Щепкин. Однако последний не смог удовлетворить просьбу Б. о передаче ему этих денег (*Б,* XI, 372).

Июля около 28. Боткин уезжает из Москвы на Нижегородскую ярмарку, где остается до 29 августа (*А. Корнилов*, I, 527, 531).

Июля 29. Публикация в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» № 4 статьи «Беспристрастное суждение «Московского наблюдателя» о «Сыне отечества», в которой Краевский, с разрешения Б., объединил выписки из разновременных его статей о журнале Полевого (*БС,* XIII, 17—25). Статья без подписи. Имя Б. в ней не упоминается. В связи с этой публикацией Б. писал Краевскому: «Благодарю вас за перепечатку моей статьи из «Наблюдателя»: еще в первый раз меня будет читать большая публика» (*Б,* XI, 371) *. См. августа 19.

Июля 31. А. Д. Галахов получает «два пакета от Белинского» для отправки в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», весом «7 лотов» (*Архив Галахова,* тетрадь 3, л. 2). См. августа 11.

Августа 2. А. Д. Галахов получает от Б. пакет (весом 5 лотов) для отправки Краевскому (*Архив Галахова*, тетрадь 3, л. 7). См. августа 14.

Августа около 4. Б. заболевает холериной. Его тяжелое материальное положение в связи с этим еще более обостряется. К. С. Аксаков, навестив больного, оставляет ему десять руб-

лей на лекарства (*ЛН,* т. 56, 129). Болезнь задерживает работу Б. для «Отечественных записок» (*Б,* XI, 369).

Августа 4. О. С. Аксакова в письме к детям отмечает, что К. С. Аксаков «был у больного Белинского, и, разумеется, 2 синие ушли на лекарство» (*ЛН,* т. 56, 129).

Августа около 8. И. Е. Великопольский, затеяв издание литературного альманаха, дважды навещает больного Б. и заставляет последнего взять у него заимообразно сто рублей (*Б,* XI, 372. *Ср. ЛН,* т. 56, 129).

Августа 11. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», 1839, т. II, № 6. В «Библиограф. хронике» четыре рецензии Б.: «Новейший и самый полный астрономический телескоп»; «Соперники в любви, или Неразгаданная тайна красавицы. Повесть»; «Повесть о том, каким образом приезжие купцы познакомились с приказным и как он их обманул»; «Новейший детский Робинзон». Все рецензии без подписи.

Августа 14. А. Д. Галахов, получив из Московского цензурного комитета книги, отпечатанные в московских типографиях, передает Б. для рецензирования в «Лит. прибав. к Русскому инвалиду» следующие издания: 1. «Grammaire russe»; 2. «Латинская грамматика Цумпта»; 3. «Enchiridion medicum»; 4. «Путешествие в Смоленск. Соч. Бороградского»; 5. «О предмете и элементах статистики. Соч. И. Срезневского»; 6. «Изъяснение к плану города Москвы»; 7. «Графиня Евгения. Соч. П. Евпсихиева»; 8. «Чижик. Повесть для детей»; 9. «Талисман, или Заклинатель духов. Фантаст. роман»; 10. «Д. И. Донской. Соч. И. Г.»; 11. «Стихотворения А. Леонова»; 12. «Картины Бородинской битвы. Соч. Ф. Кузмичева»; 13. «Садовник, цветоводец и огородник». Для «Отечественных записок» эти же книги рецензировались Галаховым и Катковым (*Архив Галахова,* тетрадь 1, л. 2). См. сентября 15 и 22, октября 13 и 20.

Августа 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок», 1839, т. V, № 8. В «Современной библиограф. хронике» три рецензии Б.: «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе. М. К<омаров>»; «Сказка о Марье Маревне, кипрской царевне, и Иванушке дурачке, русском мужичке»; «Жар-птица и сильный могучий богатырь Иван Королевич. Русская сказка»; «Соперники в любви, или Неразгаданная тайна красавицы». Все рецензии без подписи.

В рецензии на сказку о «Марье Маревне» Б. обращается к писателям с требованием удовлетворять духовные запросы народа, который за отсутствием хороших книг, читает такую

«пошлую пошлость»: «Мы не устанем повторять и теперь и всегда, что грех нашим литераторам, которые большею частию губят свое время и свое уменье писать, грех им не обращать никакого внимания на потребности народа и не стараться удовлетворять чем-нибудь дельным сильной жажде к чтению, заставляющей народ часто прибегать к грязным лужам и там искать утоления» (*Б*, III, 210).

Августа около 15. Б. оправляется от болезни (*Б*, XI, 369).

Августа 17. «Северная пчела» иронизирует по поводу заметки Межевича в «Прибавлениях к Ведомостям СПб. городской полиции» о том, что «Отечественные записки» представляют собой «бесспорно лучший журнал между современными русскими журналами» (*СП*, 1839, № 183).

Августа около 18. Б. с большим вниманием читает и высоко расценивает статью Каткова о «Песнях русского народа, изд. И. Сахаровым» (*ОЗ*, 1839, кн. VII и кн. VIII, 1—92). См. августа 19.

Августа 19. Б. в письме к Краевскому обещает приехать в конце октября в Петербург и заверяет его в том, что «Отечественные записки» и «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» — «наше общее дело: отныне я их и душою и телом, их интересы — мои интересы». Б. сообщает, что статья о «Горе от ума» у него «в голове вся готова» и задерживается только отсутствием в Москве нового издания комедии. Б. соглашается с Краевским, что статья о Менцеле «критикой быть не может», а должна идти в «отделении наук». Б. собирается ехать на дачу к Щепкиным, чтобы «на свободе» закончить там — к 15 сентября — статьи о Менцеле и о «Горе от ума», «разделаться с «Галатеею» (см. июня 4), написать для альманаха Владиславлева о «Каменном госте». Разбирая восьмую книжку «Отечественных записок», Б. дает высокую оценку статье Каткова о «Песнях русского народа», отрицательно характеризует «Пана Халявского» Квитко-Основьяненко («это не творчество, а штучная работа»), возмущается «гнусной статьей пошляка, педанта и школяра» И. И. Давыдова в «Отечественных записках» («О возможности эстетической критики»). Б. опасается, что его статья об «Очерках русской литературы» Полевого «не пропущена» цензурой (*Б*, XI, 369—371).

Августа 19. Письмо Б. к И. Панаеву. Б. с нетерпением ждет его приезда, чтобы поскорее «разделаться» с Москвой. Б. с большим удовлетворением сообщает Панаеву о восстановлении дружеских отношений с Боткиным и Катковым, тепло характеризует К. Аксакова, участие которого порою трогает Б. «до слез». Б. глубоко огорчен, однако, «китайским элементом»

в мышлении К. Аксакова, отсутствием в нем потребности «движения». Делясь своими впечатлениями от органа «нового поколения гегелистов» («Hallische Jahrbücher»), Б. радуется совпадению своего мнения о второй части «Фауста» с резко отрицательной статьей о последней гегельянца Фишера. В другой статье нового журнала Б. нашел подтверждение своих отрицательных суждений о Данте, сводящихся к тому, что «Божественная комедия» не подлинное поэтическое произведение, а «символистика». Б. замечает, что у него теперь «три бога искусства: Гомер, Шекспир и Пушкин». В форме «письма к другу» Б. пишет статью о «Каменном госте» для альманаха Владиславлева «Утренняя заря». Упоминая о перепечатке в «Литературных прибавлениях» своей статьи о «Сыне отечества», Б. отмечает, что вторая его статья о Н. Полевом еще в свет не вышла (*Б,* XI, 371—374).

Августа около 20. Б. получает письмо от В. С. Межевича, на которое отвечает в конце месяца (*Б,* XI, 376). Переписка Б. с Межевичем не сохранилась.

Августа 23. Герцен приезжает с женою в Москву, где остается до 30 сентября (ГЛ, XXII, 217).

Августа 24. Письмо Б. к Краевскому. Посылая ему «тетрадь» своих рецензий, Б. обращает внимание Краевского на статью «О речах университетских», писанную «с задором». Б. «вполне доволен» изменениями, внесенными Краевским в его предыдущие рецензии (см. августа 11 и 14), и очень обеспокоен судьбой своей статьи об «Очерках русской литературы» Полевого. Б. в восторге от стихотворения Лермонтова «Три пальмы» («Какой роскошный талант! Право, в нем таится что-то великое»). Осведомляя Краевского об организации в Москве общества для издания «Библиотеки романов» (в первую очередь В. Скотта, Купера и Гофмана; главные переводчики Катков и Кетчер), Б. просит «погромче и попышнее» возвестить об этом начинании в «Литературных прибавлениях». Повторяя просьбу о высылке ему нового издания «Горя от ума», Б. просит помочь в получении работы в Петербурге «доставителю» тетради и письма — наборщику типографии Степанова, с которым Б. работал еще в «Молве» (*Б,* XI, 375—376).

Августа 25. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Русскому инвалиду», т. II, № 8. В газете рецензии Б.: «Стихотворения Владислава Горчакова»; «Эдмонд и Констанция. Соч. Поль де Кока». Рецензии без подписи.

В статье о стихотворениях В. Горчакова Б. высказывает мысли о поэзии истинной и ложной. В настоящем произведении искусства «все необходимо, то есть все события вытекают из индивидуальностей действующих лиц, их личностей и ха-

рактеров, всей их непосредственности и из взаимных их положений и отношений друг к другу». Точно так же в настоящем поэтическом произведении нет ничего случайного, один стих ведет за собой другой. «Истинный поэт, когда пишет, видит перед собою все свое стихотворение в его целости; ложный, написавши два первые стиха с раза и не думая, обыкновенно задумывается над двумя последними, и эти два последние бывают обязаны своим явлением не самим себе, а рифме» (*Б,* III, 212—213).

Августа 26. Торжественное открытие памятника на Бородинском поле в ознаменование 25-летней годовщины окончания Отечественной войны 1812 г. К торжествам были приурочены маневры 120 тысяч войск всех родов оружия (*СО,* 1839, кн. VIII, 25—27). Об отклике Б. на эти торжества см. в его рецензии на «Бородинскую годовщину» Жуковского (*Б,* III, 248).

Августа около 28. Приезд в Москву из Берлина Грановского, который привозит Б. большое письмо (до нас не дошло) от Станкевича (*Б,* XI, 376; *Станкевич,* 86). Б. очень быстро дружески сходится с Грановским, несмотря на то, что убеждения их «(самые кровные) — диаметрально противоположны» (*Б,* XI, 377—383). См. сентября 29.

Августа около 29. В Москву из Нижнего-Новгорода возвращается Боткин (*А. Корнилов,* I, 531).

Август — сентябрь. Встречи Б. с Огаревым (Б, XI, 422 *Ср. Звенья.* I, 101). В это же время у Огаревых и у Кетчера Б. встречается с Герценом, получившим разрешение приехать на пять недель в Москву после нескольких лет ссылки. Б., как впоследствии вспоминал об этом времени Герцен, «проповедовал тогда индийский покой созерцания и теоретическое изучение вместо борьбы. Он веровал в это воззрение и не бледнел ни перед каким последствием, не останавливался ни перед моральным приличием, ни перед мнением других, которого так страшатся люди слабые и не самобытные; в нем не было робости, потому что он был силен и искренен; его совесть была чиста. «Знаете ли, что с вашей точки зрения, — сказал я ему, думая его поразить моим революционным ультиматумом, — вы можете доказать, что чудовищное самодержавие, под которым мы живем, разумно и должно существовать». — «Без всякого сомнения», — отвечал Б. и прочел мне «Бородинскую годовщину» Пушкина. Этого я не мог вынести, и отчаянный бой закипел между нами. Размолвка наша действовала на других; круг распадался на два стана» (*Герцен,* IX, 22. *Ср. ГЛ,* IV, 274—275).

Сентября 3. Прибытие Николая I в Москву после Бородинских маневров (*СО,* 1839, кн. VIII, 25—27).

Сентября 9. В «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», ч. II, № 10, И. Я. Кронеберг полемизирует с Б. по поводу его статьи о «Гамлете» в переводе Н. Полевого (*ЛПРИ,* 1839, № 10). См. июля 11.

Сентября 10. Торжества в Москве по случаю 25-летия победы над Наполеоном. Закладка Храма Христа Спасителя, в присутствии Николая I и всей царской семьи (*СО,* 1839, X, 3. *Ср. ГЛ,* II, 330).

«Слухи о намерении правительства изменить крепостное право распространились более или менее везде, — отмечал чиновник министерства государственных имуществ А. П. Заблоцкий в своей секретной докладной записке «О крепостном состоянии в России». — В последнее пребывание государя в Москве толки о свободе, преимущественно между дворовыми, не умолкали. Многие из сих последних уходили из господских домов, пропадали по нескольку дней, бродили под окнами кремлевского дворца, дожидаясь, что сам государь или наследник объявят им свободу» (*А. П. Заблоцкий-Десятовский,* IV, 336). См. ноября 10.

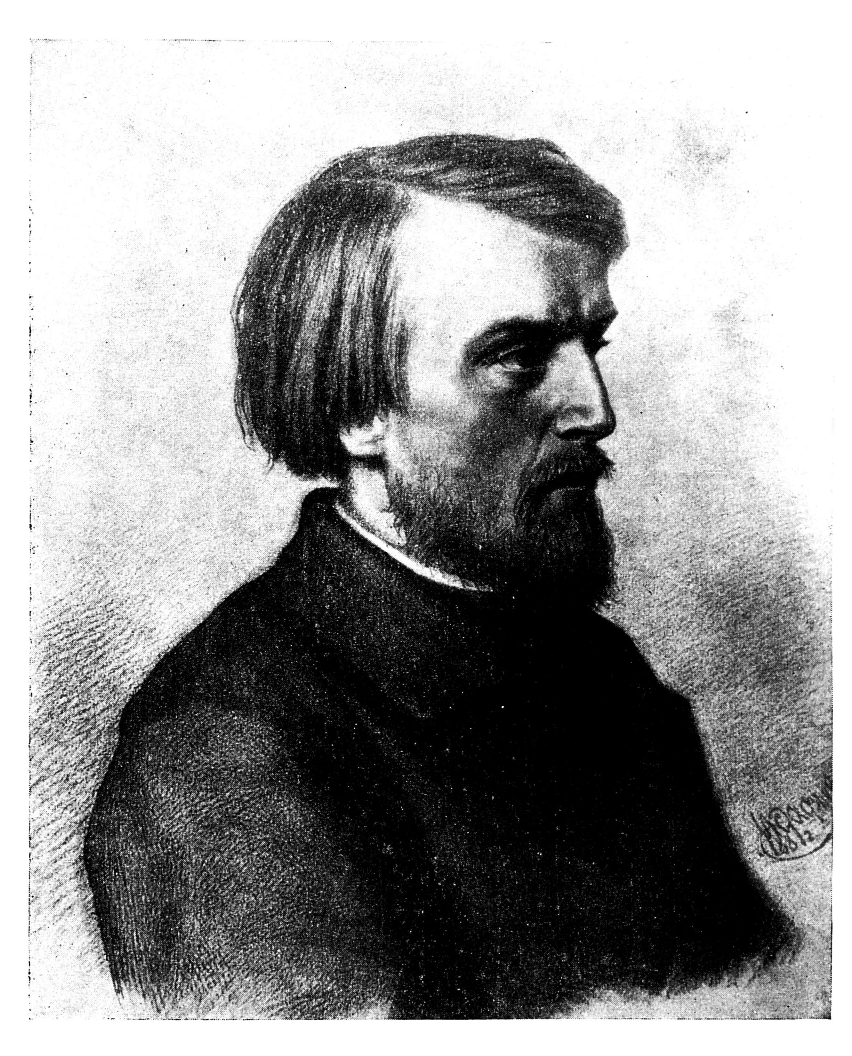
Сентября 10. Панаев, отвечая на письмо Б. от 19 августа, информирует его о приезде своем к 1 октября в Москву, откуда рассчитывает выехать вместе с Б. в Петербург. Панаев осведомляет Б., что Краевский ждет его с большим нетерпением (*Бик,* 204—207).

Сентября 12. Приезд в Москву для поступления в университет Павла, Александра и Алексея Бакуниных (*А. Корнилов,* II, 37). К этому времени относятся встречи Б. с ними, о которых он вспоминал в письмах к Боткину (*Б,* XI, 420, 425).

Сентября 13. Боткин в письме к А. А. Бакуниной упоминает о том, что у него установились «самые прекрасные отношения с Б.». Недавняя «ссора очистила все, что было между нами ложного и принужденного» (*А. Корнилов,* II, 532). См. сентября 15.

Сентября 13. А. Д. Галахов, получив книги, отпечатанные в московских типографиях, передает Б. для рецензирования в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» следующие издания: 1. «Народный русский песенник»; 2. «Как любят женщины»; 3. «Необыкновенный случай»; 4. «Письмо из Бородина»; 5. «Собрание рецептов»; 6. «Рассуждение о лаже». Для «Отечественных записок» эти книги рецензировались Галаховым и Катковым (*Архив Галахова,* тетрадь 1, л. 2 об.). См. октября 14.

Сентября 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок», т. V, № 9. В «Современной библиографической хронике» рецензия Б.: «Гадательная книжка. Чудесный гадатель узнает задуманные помышления». Рецензия без подписи *.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Рисунок И. А. Астафьева. 1881

Б. определяет в этой рецензии сущность суеверий, к которым относится резко отрицательно: «Чем страннее, чем нелепее, чем бессмысленнее явление, тем больше уважения оказывает ему суеверие; и для того, чтобы придать важность простому и обыкновенному случаю, для того, чтобы вывесть его из ряда прочих случаев, суеверие старается только затемнить его, как можно больше запутать, как можно нелепее представить <...> Оно подавляет и душит, потому что в нем отрицается всякая разумность, всякий смысл; здесь дух падает в уничижении, трепещущий и бессильный, заключенный рабством в оковах, и лежит у ног мрачного, деспотического, непроницаемого произвола» (*Б,* III, 217).

Сентября 15. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», т. II, № 11. Рецензии Б.: « Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета, 10 июня 1839. Об «Уложении» и последующем его развитии. Речь, произнесенная ординарным профессором, доктором прав Федором Морошкиным»; «De ratione observandi in arte medica. Gregoreus Socolsky»; «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно. Соч. И. Срезневского». Без подписи.

Б. горячо протестует в первой из этих рецензий против клеветнической речи Морошкина о характере русского народа. Полемизируя с Морошкиным, считающим, что природа создала русский народ «богатым только рассудком и бедным разумом и эстетическим чувством», Б. утверждает: «Что у нашего народа есть не только обыкновенная способность — воображение, эта память чувственных предметов и образов, но и высшая, творческая способность — фантазия и глубокое эстетическое чувство, — это доказывают русские народные песни, то заунывные и тоскливые, то трогательные и нежные, то разгульные и буйные, но всегда бесконечно могучие, всегда выражающие широкий размет богатырской души... Что разум и эстетическое чувство суть по преимуществу достояние и принадлежность великого народа русского, его характеристические приметы, — это доказывают и наши гигантские успехи в цивилизации в столь короткое время, и наше молодое просвещение, и наша молодая литература. Сто лет назад мы имели только сатиры Кантемира, а теперь уже гордимся именами Ломоносова, Фонвизина, Державина, Карамзина, Крылова, Батюшкова, Жуковского, Грибоедова. А такие гигантские проявления русского духа, такие могучие проблески его, как Пушкин и Гоголь? <...> Нет, мы верим и знаем, что назначение России есть всесторонность и универсальность: она должна принять в себя все элементы жизни духовной, внутренней, гражданской, политической, общественной и, принявши, должна самобытно

развить их из себя. Мы еще не философы — это правда, но мы уже обнаруживаем живое стремление к разумному знанию и если не в философии, то в частных знаниях даже оказали уже некоторые успехи, и русское просвещение гордится уже именами нескольких знаменитых математиков, астрономов, мореплавателей. Сколько знаний было соединено в лице одного отца русской науки и литературы — Ломоносове! Что касается до поэзии — мы уже давно поэты: ведь Пушкин не мог же быть явлением случайным, а Пушкина мы д а ж е по сознанию самих иностранцев смело можем противопоставить любому поэту всех народов и всех веков. Так зачем же нам быть т о л ь к о юристами, новыми римлянами в юриспруденции? — Мы будем и юристами, и римлянами в юриспруденции, но мы будем и поэтами, и философами, народом артистическим, народом ученым и народом воинственным, народом промышленным, торговым, общественным... В России видно начало всех этих элементов» (*Б,* III, 222—223).

Сентября 15. Б. переселяется к Боткину для сокращения расходов перед переездом в Петербург (*Б,* XI, 405. *Ср. А. Корнилов,* II, 533).

Сентября 20. А. Д. Галахов, получив книги, отпечатанные в московских типографиях, передает Б. для рецензирования в «Отечественных записках» следующие издания: 1. «Le moine. Поэма И. Козлова, перев. Голицына»; 2. «Способ к распространению шелководства»; 3. «Предпоследнее странствование Семилассо»; 4. «Основания русской стилистики» (*Архив Галахова,* тетрадь 1, л. 3). См. октября 14 и ноября 14.

Сентября 22. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», т. II, № 12. В номере восемь рецензий Б.: «Стихотворения Алексея Леонова»; «Путешествие в Смоленск, или Воспоминание 1812 года. Соч. Никифора Бороградского»; «Графиня Евгения. Соч. Петра Евпсихиева»; «Дмитрий Иоаннович Донской. Повесть XIV столетия. Соч. И. Г<урьянова>»; «Картины Бородинской битвы. Соч. Федота Кузмичева»; «Талисман, или Заклинатель духов. Фантастический роман»; «Чижик. Повесть для детей. Перев. с франц.»; «Изъяснение к прожектированному плану столичного города Москвы. Изд. Е. Челиевым». Все рецензии без подписи.

Сентября 26. А. Д. Галахов получает от Б. «пять рецензий» для отправки Краевскому (*Архив Галахова,* тетрадь 3, л. 7).

Сентября 28. Кольцов в письме к Б. сочувственно откликается на переход Б. в «Отечественные записки». Кольцов повторяет, что он очень многим обязан Б., и благодарит его за всегдашнюю поддержку. Высказывая признательность Б. за его письмо (не сохранилось), Кольцов пересылает для предполагаемого им альманаха три своих «пьески», два сти-

хотворения Красова и сказку Усова. Кольцов «нетерпеливо» ждет мнения Б. о стихах Серебрянского и просит прислать в Воронеж двадцать экземпляров своих «Стихотворений» (*Кольцов,* 200—203).

Сентября 29. «Северная пчела» в заметке об «Отечественных записках» вышучивает программу журнала на 1840 г. и уклонение в его статьях от норм русского литературного языка (*СП,* 1839, № 219).

Сентября 29. Б. в письме к Станкевичу, объясняя причины своего долгого молчания, признается, как подняло его настроение письмо, привезенное Грановским, а особенно рассказы последнего о его жизни с Станкевичем в Берлине. Б. за это время очень полюбил Грановского. Информируя Станкевича о том, что «на Руси явилось новое могучее дарование — Лермонтов», Б. переписывает в подтверждение своих слов «Три пальмы». Возмущенный в недавнем споре с Грановским противопоставлением Шиллера Пушкину, Б. восторженно характеризует «Цыган», «Моцарта и Сальери», «Полтаву», «Бориса Годунова», «Скупого рыцаря», «Каменного гостя». Б. провозглашает: «Тут пахнет Шекспиром нового мира!» Б. тронут похвалой стихотворному отделу «Московского наблюдателя» (аксаковские переводы из Гёте, переводы Каткова, песни Кольцова, «Я не люблю тебя» Клюшникова), но возмущен недооценкой «Флейты» Кудрявцева. Б. отмечает «в высшей степени художественный такт» Кудрявцева. Для Б. «высочайшее наслаждение» читать с Кудрявцевым Гомера, Пушкина, стихи Кольцова, переводы Каткова (*Б,* XI, 376—383). См. октября 2.

Сентябрь — октябрь. Б. «почти каждый день» встречается с приехавшим из Казани Панаевым, вместе с которым посещает по вечерам московские литературные кружки и салоны (*РС,* 1893, IX, 473). К этому же времени относятся дискуссии на общественно-политические темы в квартире Боткина и частые встречи Б. с Грановским, Катковым, Клюшниковым, Кетчером, К. С. Аксаковым (*И. Панаев,* 183—186). Б. особенно ценит в эту пору «даровитость», «глубокость», «плодотворную и мужественную деятельность» Каткова, как литературного критика и теоретика (*Б,* XI, 405—406). В К. С. Аксакове Б. видит богатую и сильную натуру и в то же время внутреннюю невозможность выйти «из китайской стены своих ощущеньиц и ч у в с т в, своей детскости» (*Б,* XI, 406).

Октября 2. Б., продолжая свое письмо к Станкевичу (см. сентября 29), возражает на его замечание о статьях в «Московском наблюдателе» и доказывает, что «смешная и детская сторона его ⟨«Наблюдателя»⟩ совсем не в нападках на Шиллера, а в этом обилии философских терминов (очень

поверхностно понятых)... Мы забыли, что русская публика не немецкая, и, нападая на прекраснодушие, сами служили самым забавным примером его». Б. усматривает основную причину неудачи «Московского наблюдателя» в своем подчинении установкам Бакунина. Программная статья последнего (см. 1838 г., апреля 11) погубила «Московский наблюдатель» не тем, что она была «слишком дурна», а тем, что «дала дурное направление журналу», «оттолкнула от него публику и погубила его безвозвратно в ее мнении». Вместо «представлений» в статье Бакунина были «одни понятия, вместо живого изложения одна сухая и крикливая отвлеченность». Объясняя свои недавние нападки на Шиллера, Б. мотивирует их своим неприятием «субъективно-нравственной точки зрения, страшной идеи долга, абстрактного героизма, прекраснодушной войны с действительностью». Б. «мстил Шиллеру» за то, что увлечение его образами обусловило в свое время «дикую вражду» Б. с существующим общественным порядком «во имя абстрактного идеала общества», бросило его в «абстрактный героизм, вне которого он все презирал, все ненавидел <...> и в котором он очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряженный восторг, сознавал себя — нулем». Б. информирует Станкевича о своем романе с А. М. Щепкиной, анализирует свои отношения с Бакуниным, Боткиным, Клюшниковым, К. Аксаковым и Катковым, излагает свои новые взгляды на дружбу и любовь. Б. полагает, что в результате тяжелых потрясений последнего года своей жизни, он «вырос и возмужал», «навсегда отрешился от многих темных сторон своей личности», развившихся благодаря его «пустой и праздной жизни». Предстоящий переезд в Петербург Б. рассматривает как возможность «приняться за себя», «побороться, поработать», ибо «не годится порядочному человеку отдавать свою жизнь и свое счастие на волю случайностей» (*Б,* XI, 383—412). См. октября 8.

Октября 3. А. Д. Галахов получает от Б. для отправки в Петербург Краевскому «два пакета» (*Архив Галахова,* тетрадь 3, л. 7).

Октября около 6. Б. обедает у С. Т. Аксакова в обществе И. И. Панаева, К. С. Аксакова, М. Н. Загоскина и М. С. Щепкина (*РС,* 1893, IX, 473).

Октября 8. Б. в приписке к письму к Станкевичу от 2 октября (сохранилась неполностью) характеризует свое отношение к «идее объективности, как необходимому условию в творчестве» (*Б,* XI, 412).

Октября 10. Краевский в письме к Панаеву благодарит Б. за его статьи и предупреждает, что в разборе «Бородинской годовщины» два места о Европе исключены цензурой,

а «отзыв о Жуковском» смягчен самим Краевским. Им же внесены изменения в рецензию на книжку доктора Ратье. Вставки в рецензиях Б. в «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» принадлежат цензору Лангеру (*И. Панаев,* 190).

Октября 12. Кольцов в письме к Б. из Воронежа просит уведомить о времени его отъезда из Москвы. Для проектированного Б. альманаха Кольцов посылает «Песню» и «Хуторок» (Кольцов, 204). См. февраля 22, октября 21 и декабря 17.

Октября 13. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», т. II, № 15. В номере четыре рецензии Б.: «Enchiridion medicum, или Руководство к практической медицине. Х. В. Гуфеланда. С нем. перевел и издал Григорий Сокольский»; «Басни, соч. Додстлея. Переложенные с англ. И. В.»; «Садовник, цветоводец и огородник»; «Латинская грамматика, сост. по Цумпту Д. Поповым». Все рецензии без подписи.

В рецензии на басни Додстлея Б. высказывает свой взгляд на басню: «Басня не принадлежит к законным гражданам в области поэзии <...>, у ней нет никаких прав на это гражданство, потому что эти права может давать только творческая фантазия своим собственным детям. Басня же, в ее лучшем виде, есть не больше, как цветок рассудка: в ней властвует символ, аллегория, а не художественный образ». Одновременно Б. отмечает прелесть и очарование басни Крылова: «Я понимаю <...> и наслаждаюсь ею, как произведением человека с живою душою, глубоко проникнутого народным духом. И в баснях Крылова не содержание их, не образы имеют для меня прелесть, нет, я упиваюсь в них очарованием рассказа: из этого рассказа веет на меня русский дух и находит ответный отзвук в русской душе моей. Напрасно переводят Крылова на другие языки: все то, чем сильна басня, исчезает в переводе» (*Б*, III, 239).

Октября 13. Б. был в Петровском театре, где в бенефис Орловой шла мелодрама Скриба «Жена артиста» и несколько водевилей и инсценировок. Отзыв Б. об этом спектакле см. ноября 3.

Октября 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок», т. VI, № 10. В номере восемь рецензий Б.: «Бородинская годовщина. В Жуковского. — Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду. <И. Н. Скобелева>»; «Как любят женщины?»; «Необыкновенный случай. Водевиль. — Второй музыкальный альбом всех куплетов из водевиля «Необыкновенный случай»; «Предпоследнее странствование Семилассо по свету. Соч. князя Пюклер Мускау»; «Народный русский песенник. Собр. В. Т.»; «Способ к распространению

шелководства. Я. Юдицкого»; «Рассуждения о лаже. Соч. Н. Демидова»; «Собрание рецептов парижских городских больниц. Соч. Ф. С. Ратье. Перев. с франц.». Все рецензии без подписи.

Рецензия Б. на «Бородинскую годовщину», первая в ряду его статей, прокламировавших гегелианский тезис о необходимости «примирения с действительностью». Остро-полемический характер статьи вызван спорами Б. с Герценом о природе и политической функции русского самодержавия (см. август — сентябрь). Механистически толкуя идею закономерности исторического процесса и разделяя надежды широких крестьянских масс на предстоящую в ближайшее время ликвидацию крепостных отношений «сверху», «по манию царя» (см. сентября 10), Б. пришел к отрицанию возможностей изменения революционным путем исторически сложившихся форм русской государственности. Вышучивая претензии «непризванных опекунов человеческого рода» на вмешательство в ход истории, Б. утверждал: «Жизнь всякого народа есть разумно необходимая форма общемировой идеи, и в этой идее заключается и значение, и сила, и мощь, и поэзия народной жизни, а живое, разумное сознание этой идеи есть и цель жизни народа, и вместе ее внутренний двигатель. Петр Великий, приобщив Россию европейской жизни, дал чрез это русской жизни новую, обширнейшую форму, но отнюдь не изменил ее субстанциального основания, точно так же, как представители нового европейского мира, усвоив себе роскошные плоды, завещанные ему древним миром, отнюдь не сделались ни греками, ни римлянами, но развились в собственных, самобытных формах, развившихся из субстанциального зерна их жизни. Вот взгляд — истинный и единый, который должен взять за основание историк русского народа, чтобы не заблудиться в дремучем лесу абстрактных умствований ложно понятого «русского европеизма». И потому-то, отдавая должную справедливость и должную дань хвалы и удивления всему истинному у наших западных соседей, будем далеки от ослепления — признавать за предмет подражания то, что относится собственно к форме их народной, а не общечеловеческой жизни, а еще тем более будем далеки от ослепления — признавать за великое дурные стороны их жизни, которые, как случайности или как крайности, необходимо существуют в жизни каждого народа. Равным образом и не будем забывать собственного достоинства, будем уметь быть гордыми собственною национальностию, основными стихиями своей народной индивидуальности; но будем уметь быть гордыми без тщеславия, которое закрывает глаза на собственные недостатки и есть враг всякого движения вперед, всякого преуспеяния в добре и славе» (*Б*, III, 246—248).

Через полгода Б. назвал свою статью о «Бородинской годовщине» «глупой статейкою» (Б, XI, 505), а через год, вспоминая свое оправдание николаевского самодержавия, в письме к Боткину писал: «Конечно, наш китайско-византийский монархизм до Петра Великого имел свое значение, свою поэзию, словом, свою историческую законность, но из этого бедного и частного исторического момента сделать абсолютное право и применять его к нашему времени — фай — неужели *я* говорил это?» (*Б,* XI, 576).

Октября 15. Б. заканчивает свою рецензию о пьесах в день бенефиса Орловой. См. ноября 3.

Октября середина. Б., готовясь к переезду в Петербург, вместо себя рекомендует П. Н. Кудрявцева для «критических и библиографических отчетов» о московских изданиях в «Отечественных записках» и «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» (*РВ,* 1858, XIII, кн. 2, 638).

Октября 17. В Петровском театре в Москве шел «Ревизор» (*«Репертуар спб. и московских театров с 1 по 31 октября 1839 г.», 2*). После второго акта, по инициативе К. С. Аксакова, горячо поддержанной Б. и всеми членами их кружка, зрительный зал стал шумно вызывать присутствовавшего на спектакле автора. Гоголь отказался выйти на сцену и уехал из театра. Московская интеллигенция была очень возмущена этим проявлением неуважения его к публике. Однако Грановский принял сторону Гоголя и «поругался» из-за этого с Б. и Катковым (*И. Панаев,* 175—176; *Грановский,* 375).

Октября около 18. А. Д. Галахов, получив книги, отпечатанные в московских типографиях, передает Б. для рецензирования в «Отечественных записках» следующие издания: 1. «Недоросль»; 2. «Сочинения в стихах и прозе графини Толстой»; 3. «Очерки о произведениях живописи»; 4. «В день заложения храма в Москве»; 5. «Деяния Петра Великого, т. X»; «Кум-сват»; 7. «Гробница на Востоке»; 8. «Лекарство от задумчивости». Книги: «Тоска по родине» и «Альбом лошадей охотников» — сперва были записаны за Б., но затем вычеркнуты из списка порученных ему изданий (*Архив Галахова,* тетрадь 1, л. 3 об.). Однако рецензия на роман Загоскина «Тоска по родине» все же была написана Б. См. ноября 14.

Октября 18. Боткин в письме к А. А. Бакуниной пишет, что «последние две недели» сблизили его с Б. так, как «не могли сблизить два года». Б. должен ехать в Петербург «послезавтра» (*А. Корнилов,* I, 523).

Октября около 20. Грановский в письме к Станкевичу пишет о Б.: «Убеждения наши решительно противоположны, но это не мешает мне любить его за то, что в нем есть». Рассказывая, что ему часто приходится защищать Б. от «упреков

в подлости», Грановский удручен тем, что «студенты наши, и лучшие, стали его считать подлецом вроде Булгарина, особливо после последней статьи его. Дело все в поклонении действительности» (*Грановский,* 363—364). См. октября 14.

Октября 20. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду» т. II, № 16. В номере рецензии Б.: «Grammaire russe expliquée en francais à l'usage des étrangers. J. J.»; «Сын миллионера. Роман Поль де Кока». Рецензии не подписаны.

Октября 21. Б. у К. К. и Н. Ф. Павловых слушает чтение «Описания московских древностей» И. М. Снегирева и просит у последнего статьи в проектируемый им альманах (*РА,* 1902, III, 480). См февраля 22.

Октября 22? Б. выезжает с Панаевым из Москвы. До станции Черная Грязь их провожают Боткин, Кетчер и Катков (*И. Панаев,* 193—194). Брата своего Никанора Б. оставляет в Москве на попечении Д. П. Иванова и К. С. Аксакова (*Б,* XI, 430—433).

Октября 24? Приезд Б. в Петербург. Остановившись у Панаева, Б. «через час после приезда» отправляется к Краевскому. Б. информирует Краевского о «капитальных статьях», замышляемых им для «Отечественных записок», и получает полное одобрение всех своих планов (*И. Панаев,* 231). И. И. Срезневский, оказавшийся случайным свидетелем первого свидания Б. с Краевским, вспоминал, что последний «побежал к Б. навстречу с восклицанием: «Наконец-то, спаситель!» и при нем опять повторил, что только Б. может поднять и поддержать его журнал» (*Юбилейный сборник Литературного фонда, СПб.* 1910, 292).

Краевский производит на Б. впечатление «чрезвычайно доброго, теплого и умного человека» (*Б,* XI, 418). С И. И. Срезневским Б. поспорил о Гоголе и был очень удивлен его похвалами пьесе «Пятидесятилетний дядюшка» (*Б,* XI, 419).

Октября около 25. К. А. Полевой в разговоре с Д. П. Ивановым сетует на то, что Б. перестал с ним встречаться, и полагает, что разногласия Б. с Н. А. Полевым не являются для этого достаточным основанием (*ЛН,* т. 57, 205; *Б,* XI, 461).

Октября около 26. Встреча Б. «на третий день приезда» с Бакуниным. Настроенный вначале очень холодно, Б. расстается с ним «как с другом и братом» (*Б,* XI, 413).

Октября около 27. Белинскому «смертельно надоел Бакунин», бестактно болтавший при Панаеве о романе Боткина с А. А. Бакуниной (*Б,* XI, 414).

Октября 27. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», т. II, № 17. В номере рецензии Б.: «Общая реторика,

Н. Кошанского»; «О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности. Соч. Михаила Розберга». Рецензии не подписаны.

Октября около 28. Б. проводит с Бакуниным приятный «московский» вечер у П. Ф. Заикина, бывшего московского студента, брата декабриста (*Б,* XI, 414). См. 1840, февраля около 2.

Октября 30. Приезд Гоголя и С. Т. Аксакова в Петербург (*А. Кирпичников,* XXXVII). См. ноября около 15.

Октября 30. Б. у Бакунина встречается с А. Г. Карташевским, племянником С. Т. Аксакова (*ЛН,* т. 56, 130). См. о нем января конец.

Октября 31. Б. смотрит в Александринском театре драму «Велизарий» с Каратыгиным в главной роли (*Б,* III, 320—324). О впечатлениях Б. от первого посещения Александринского театра см. ноября 24.

Октябрь — ноябрь. Б., часто встречаясь с Бакуниным, уясняет с его помощью «и собственные свои идеи». Б. признает в Бакунине «человека, с которым побыть вместе значит для меня — сделать большой шаг вперед в мысли» (*Б,* XI, 413—418). Панаев, бывший участником некоторых из этих бесед, вспоминает, что Бакунин, «исполненный монархического экстаза по Гегелю», рассказывал различные анекдоты об императоре и «возводил их в апофеозы... Сомневаться в гении Николая Павловича считалось признаком невежества» (*И. Панаев,* 231—232). См. ноября 10.

Ноября 1. «Северная пчела» в анонимном фельетоне «Образцы языка, которым пишется журнал «Отечественные записки», приводит цитаты из статьи Б. о «Бородинской годовщине» В. Жуковского (*СП,* 1839, № 247).

Ноября 3. Цензур разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», 1839, т. II, № 18. В номере статья Б.: «Московский театр: «Дом на Петербургской стороне, или Искусство не платить за квартиру, водевиль <П. Каратыгина>»; «Жена артиста, драма, соч. Скриба, перев. с франц. Н. А. Коровкина», «Цыганы, драматич. предст. из А. С. Пушкина»; «Первое представление «Мельника, колдуна, обманщика и свата», комедия, соч. Н. А. Полевого»; «Мэр по выбору и смелый поневоле, водевиль, перев. с франц. <Н. Коровкина>». Подпись: В. Белинский.

Ноября 10. Учреждение особого секретного комитета для рассмотрения мероприятий, связанных с облегчением положе-

ния крепостных крестьян (*А. Заблоцкий-Десятовский*, II, 242. Ср. *В. Семевский,* «Крестьянский вопрос в России», II, 29).

Ноября 10. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», т. II, № 19. В номере рецензии Б.: «Таблицы о ценности российской и иностранной монеты. Соч. П. Хавского»; «О болезненных влияниях, господствующих в Германии. Из путевых записок Ив. Зацепина». Рецензии не подписаны.

Ноября 14. Герцен, под впечатлением письма Б. к Н. М. Сатину (письмо это не сохранилось), отмечает, что после того, как тюрьмой и ссылкой кончились его «годы ученья» и «годы искуса», пора «наступить времени науки в высшем смысле и действовании практическом». По мнению Герцена, Б. «до односторонности многосторонен», но в своей оценке Сатина «во многом прав» (*ЛН,* т. 56, 131—132).

Ноября 14. В. С. Аксакова, отмечая в письме к К. С. Аксакову из Петербурга успех статьи Б. о «Бородинской годовщине», полагает, что ее «истинные мысли» представляют собою популяризацию того, что уже давно «говорили и повторяли» в доме Аксаковых (*ЛН,* т. 56, 130—131). См. октября 14.

Ноября 14. Герцен в письме к Огареву из Владимира выражает неудовольствие по поводу того, что Кетчер «обелинился». По мнению Герцена, Кетчеру «не идет пиетизм, абсолютизм» (*ЛН,* т. 61, 388).

Ноября 14. М. М. Попов переведен из штаба корпуса жандармов в III Отделение (*Архив III Отд.,* 1865, дело № 76).

Ноября 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок», т. VI, № 11. В номере тринадцать рецензий Б.: «Тоска по родине. Повесть. Соч. М. Н. Загоскина»; «Повеса, или Как ведут себя до женитьбы»; «Шапка юродивого, или Трилиственник. Исторический роман. Соч. Зотова»; «В день заложения храма Спасителя в Москве, 1839 года, 10 сентября <А. Шаховского>»; «Гробница на Востоке»; «Вдовец и его сын. Комедия-водевиль. Соч. В. Писчикова»; «Кум-сват, быль XVI века... Стихотворный рассказ А. Е. <Е. В. Аладьина>»; «Илиада Гомера, переведенная Гнедичем. Часть вторая. Издание второе. 24 рисунка к Илиаде Гомера»; «Недоросль. Комедия <Д. И. Фонвизина>. Издание А. Кузнецова»; «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Соч. И. И. Голикова. Том десятый. Издание второе»; «Основания русской стилистики А. З. Зиновьева»; «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Собрание настоящих русских сказок»; «Le moine, histoire kiovienne. Traduction en vers du poème de I. Koslov «Чернец», par le prince Nicolas Golitzin». Все рецензии опубликованы без подписи Б.

Ноября около 15. Первая встреча Б. с Гоголем в Петербурге. Встреча эта произошла, вероятно, у С. Т. Аксакова. (*Б,* XI, 420). См. октября 30.

Ноября около 15. Булгарин, встретив на Невском И. И. Панаева, осведомляется о Б.: «Почтеннейший, почтеннейший — бульдога-то это вы привезли меня травить?» (*Б,* XI, 420).

Ноября первая половина. Б. посещает литературные салоны кн. В. Ф. Одоевского и П. А. Плетнева. Новые знакомства производят на Б. тяжелое впечатление. Князь Одоевский «очень добрый и простой человек, но повытерся светом и жизнью и потому бесцветен, как изношенный платок». Плетнев «теперь на покое у жизни» (*Б,* XI, 418). Обычно свои вечера Б. проводит у Панаевых, привлекая к себе восторженное внимание всех прочих членов их кружка. Временно Б. продолжает жить у Панаевых, в одной комнате с пятнадцатилетним В. А. Панаевым, кузеном писателя (*РС,* 1893, VIII, 478). Сближение Б. с М. А. Языковым, П. Ф. Заикиным и Н. А. Бакуниным (*Б*, XI, 417—418). Знакомство Б. с художником Н. А. Степановым (*Б*, XI, 418).

Ноября 16. Б. и Панаев проводят вечер у С. Т. Аксакова, где читается и разбирается только что вышедший номер «Отечественных записок». Общее недоумение вызвала статья Краевского о повестях Н. Ф. Павлова. С. Т. Аксаков согласился переслать для публикации в «Одесском альманахе» стихи Красова, не пропущенные цензурой в «Отечественных записках» (*ЛН*, т. 56, 132—134).

Ноября 16. Кольцов заканчивает «Послание В. Г. Белинскому» (*Кольцов,* 124—125).

Ноября около 16. Б. приписывает несколько дружеских строк к письму Бакунина к сестрам (*Б,* XI, 412—413). Отъезд Бакунина из Петербурга в Москву (*Бакунин,* II, 256—269).

Ноября 17. Цензур. разреш. «Лит. прибав. в Рус. инвалиду» т. II, № 20. В номере анонимная рецензия Б.: «Русская грамматика для первоначального обучения».

Ноября около 20. Кольцов в письме к Б. жалуется на «тоску, которая, как собака, грызет его»: «Жизнь деловая, матерьяльная требует всего меня, я ее обманываю. Жизнь, на служение которой хотел бы посвятить себя всего, напрасно призывает в свой тесный угол: демон матерьялизма не пущает». Под конец Кольцов иронизирует по поводу полученного им письма Краевского, который, в ответ на его жалобы, «со всем тоном великого мецената зовет к себе управлять конторою журнала «Отечественные записки»; из мальчика просит пойти в работники» (*Кольцов,* 206).

Ноября около 20. Б. с Гоголем и Панаевым обедает у кн. В. Ф. Одоевского (*Б,* XI, 420; *ЛН,* т. 56, 135).

Ноября 21. Б. был в Александринском театре, где смотрел Асенкову в комедии «Полковник старых времен». Б. высоко оценил ее игру, но ему стало так «тяжело и грустно», что он ушел из театра, не оставшись на вторую пьесу (*Б,* III, 369). См. декабря 15.

Ноября 22. Письмо Б. к Боткину, посылаемое в Москву через Н. А. Степанова. Б., характеризуя свои петербургские встречи и впечатления, пишет о тяжелой апатии, овладевшей им в столице: «Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в человеке все святое и заставить в нем выйти наружу все сокровенное». Предчувствуя в этих настроениях признак близкого душевного перелома, Б. не скрывает, что, «все больше, кровнее любя Русь <...> с ее субстанциальной стороны», он приведен в отчаяние ее «действительностью настоящей»: «грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески».

Б. очень не удовлетворен своей статьей об Александринском театре, в котором был уже два раза, а в третий «страх не хочется идти». Из своих последних рецензий Б. считает «очень хорошими» рецензии о Загоскине, о Зотове, об «Илиаде» и «Повесе» (см. ноября 14). Б. с недоумением отмечает положительные отзывы В. Ф. Одоевского и И. И. Срезневского о «Пятидесятилетнем дядюшке» и высоко оценивает «Рясу монаха» в рукописном переводе Боткина (*Б,* XI, 413—420).

Ноября 23. Б. присутствует на литературном вечере у Панаева, где в числе гостей были С. Т. Аксаков, Плетнев, Краевский, Гребенка, Владиславлев, Каменский, М. А. Языков (*ЛН,* т. 56, 134).

Ноября 24. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», т. II, № 21. В номере анонимная рецензия Б. на лубочную повесть «Наказанное преступление» и статья: «Александринский театр: «Велизарий. Драма в стихах, переведенная с немецкого П. Г. Ободовским». Подпись: В. Белинский.

В статье о «Велизарии» Б. дает сравнительную характеристику петербургской и московской публики, петербургского и московского театров и, наконец, Мочалова и Каратыгина как выразителей противоположных полюсов искусства. «Для петербургской публики театр, — пишет Б., — совсем не то, что для московской: для первой он необходимость, для второй — развлечение». Для московской публики «драма — Шекспира или г. Полевого, все равно — есть не произведение искусства, существующее по себе и для себя, а средство для Мочалова — показать себя. В Петербурге напротив: здесь пьеса не отделяется от сценического выполнения и столько же заинтересовывает публику, как и выполнение». Пьесу слушают

и смотрят «внимательно, как бы боясь упустить из виду нить развития, связь, ход и целость пьесы» (*Б,* III, 316). Сравнивая Мочалова и Каратыгина, Б. отмечает: «Игра Мочалова, по моему убеждению, иногда есть откровение таинства, сущности сценического искусства, но часто бывает и его оскорблением. Игра Каратыгина, по моему убеждению, есть норма внешней стороны искусства, и она всегда верна себе, никогда не обманывает зрителя, вполне давая ему то, что он ожидал и, еще больше <...> Оба эти артиста представляют собою две противоположные стороны, две крайности искусства, и оба они — представители наших столиц, со стороны вкуса и направления публики. Оба они достойны того уважения и той любви, которыми пользуются каждый на своей родной сцене. Без вдохновения нет искусства; но одно вдохновение, одно непосредственное чувство есть счастливый дар природы, богатое наследство без труда и заслуги; только изучение, наука, труд делают человека достойным и законным владельцем этого часто случайного наследства <. . .> Только из соединения этих противоположностей образуется истинный художник, которого, например, русский театр имеет в лице Щепкина» (*Б,* III, 321).

Ноября 25. Грановский в письме к Станкевичу, еще не зная о письме Б. от 22 ноября к Боткину, отмечает, что Б. «страшно портит себе будущность; он хочет действовать на людей и отбивает от себя хорошее мнение их». Особенно волнует Грановского враждебное отношение к Б. молодежи. Сам же Б., по его словам, «видит в общем мнении ограниченность, себя считает героем и проповедником истины» (*Грановский,* 364—365).

Ноября 25. Б. был с Панаевым у С. Т. Аксакова и, не застав его дома, оставил письмо для пересылки К. С. Аксакову (*ЛН,* т. 56, 135; *Б,* XI, 433). Письмо это до нас не дошло. См. 1840, января 10—11.

Ноября 26. Б. надписывает экземпляр «Русской грамматики»: «Валериану Александровичу Панаеву от автора» (*ЛН,* т. 55, 395).

Ноября 30. Б., отвечая на письмо Боткина, выражает свое возмущение действиями старика Бакунина, отказавшего Боткину в руке А. А. Бакуниной. Б. отмечает свое тяжелое моральное состояние и материальные лишения. Однако работает Б. много, «с жаром, интересом» (*Б,* XI, 421—422).

Ноября около 30. Б. посещает выставку в Академии художеств. Картина Брюллова «Последний день Помпеи» не произвела на него «определенного впечатления». Из других картин в Академии художеств остановили его внимание «Причащение св. Иеронима» Доминикино и «Моление о чаше» Бруни (*Б,* III, 364—366).

Ноября конец. Б. «работал много по ночам, часов до четырех, а иногда и далее, — вспоминал В. А. Панаев, живший с ним в одной комнате. — Мне приходилось просыпаться не один раз и все видеть Б. работающим. Занятия его прерывались время от времени курением. Тогда он набивал себе трубку и курил, ходя». Б. уже в то время «часто кашлял» (*РС*, 1893, VIII, 480).

Декабря 1. Б. заходит к С. Т. Аксакову, но не застает его дома (*ЛН*, т. 56, 135).

Декабря 2 и 9. Б. бывает на «субботах» у кн. Одоевского. Встреча Б. с Крыловым, которого он наблюдает «с умилением», как «милого и достолюбезного старца» (*Б*, XI, 428, 435).

Декабря около 3. Б. пишет статью об «Очерках Бородинского сражения» Ф. Глинки. В процессе работы он читает статью страницу за страницей Панаеву и Языкову, думая о ней, как о «лучшей» из своих статей (*Б*, XI, 450—451).

Декабря 8. Панаев в письме к К. С. Аксакову сообщает: «Б. здесь в сильном ходу. Краевский от него в восторге. Кн. Одоевский за ним ухаживает... Я вожу его всем показывать <...> В 12-й книжке <*ОЗ*> его статья о Ф. Н. Глинке — прелесть!» (*ЛН*, т. 56, 135—136).

Декабря 11. Б. был в Александринском театре, где смотрел И. И. Сосницкого в комедии Полевого «Ужасный незнакомец» и в водевилях Коровкина «Дедушка и внучек» и «Так, да не так». В этот же вечер Б. смотрел фарс «Последний день Помпеи» (*Б*, III, 369—374). См. декабря 15.

Декабря 14. Б. был в Александринском театре, где смотрел В. А. Каратыгина в трагедии «Заколдованный дом» (*Б*, III, 374—378). См. декабря 29.

Декабря 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок», т. VII, № 12. В разделе «Критика» статья Б.: «Очерки Бородинского сражения (воспоминания о 1812 годе). Соч. Ф. Глинки, автора «Писем русского офицера». Без подписи. В «Современной библиографической хронике» рецензия Б.: «Искатель сильных ощущений. Соч. Каменского». Все рецензии без подписи *.

Развивая и углубляя в статье об «Очерках Бородинского сражения» положения, намеченные впервые в статье о «Бородинской годовщине», Б. полемизирует с учением об «общественном договоре» Руссо и утверждает, что «общество, организованное в государство, вовсе не имеет причины в нужде и пользе людей, но есть само по себе цель, в самой себе носящая свою причину; что оно развивается не механически, но

динамически, то есть собственною самодеятельностию жизненной силы, составляющей его сущность». «Царскую власть, замыкающую в себе все частные воли», Б. рассматривает как «священнейшее явление общественной жизни». Книгу Ф. Н. Глинки Б. называет «книгой народной, в полном значении этого слова, потому что, при великой важности содержания, она всем равно доступна»: «Если она не впечатляет в уме нашем полной, художественно оконченной и замкнутой картины Бородинской битвы, зато она покажет вам всю поэзию, всю мистическую таинственную сторону его, даст самое верное понятие о его всемирно-историческом значении; наведет вас на глубокую, возвышенную думу о человечестве, о царях и народах, веках и событиях; вознесет вас в ту превыспреннюю сферу, где вашей головы не кружат ядовитые и смрадные испарения мелкого эгоизма, жалких забот о своей личности и низких нужд жизни; возведет вас на ту высокую гору, с которой исчезает все мелкое и ежедневное, все частное и случайное, но видятся только народы и царства, цари и герои — помазанники и избранники божии, своею судьбою осуществляющие довременные судьбы мира, от века почивавшие в лоне божественной идеи» (*Б,* III, 325—351). Об отказе Б. от этих положений см. 1840, февраля 18.

Декабря 14. Герцен приезжает из Москвы в Петербург, где остается до 24 декабря (*ГЛ,* XXII, 218). См. декабря около 20.

Декабря 15. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», т. II, № 24. В номере статья Б.: «Александринский театр (Из письма москвича): «Жених нарасхват. Водевиль, переведенный с франц. Д. Ленским». «Полковник старых времен. Комедия-водевиль, соч. гг. Мелевиля, Габриеля и Анжело, перев. с франц.». «Ужасный незнакомец, или У страха глаза велики. Оригинальная комедия, соч. Н. А. Полевого». «Дедушка и внучек. Драма-водевиль, взятая с франц. Н. А. Коровкина». «Новая музыка, соч. Лядова». «Так, да не так. Оригинальная комедия-водевиль, соч. Н. А. Коровкина». «Последний день Помпеи. Оригинальная шутка». Подпись: В. Белинский.

Декабря 15. Б. с Панаевым и М. А. Языковым обедает у П. Ф. Заикина. После обеда Панаев прочел вслух статью Боткина в «Отечественных записках» — «Итальянская и германская музыка», поразившую Б. «глубокостью мысли, которая выразилась так поэтически и определенно»: «Вот как надо писать!» (*Б,* XI, 438—439).

Декабря 15. Н. И. Греч использует в своей публичной лекции статью Б. о «Бородинской годовщине» (*ОЗ,* № 10) в качестве образца «дикого, темного, непонятного и бессмыс-

ленного языка, который вторгается в нашу словесность под именем философского» (*«Чтения о русском языке» Н. Греча*, ч. 1, СПб. 1840, 163—165). См. 1840, февраля 16 и марта 29.

Выпад Греча больно задел Б., который откликнулся на лекцию памфлетными строками о ней в статье «Менцель, критик Гёте». «Болтун прочел две-три фразы из статьи, прочел, разумеется, с искажением смысла, с фарсами и гримасами и в заключение прибавил: «Право, божусь вам, это галиматья!» — и толпа рада верить ему: она было заснула от одной необходимости с л у ш а т ь, и ее вдруг будят таким милым и забавным фарсом! Как же ей не смеяться!» «Какое ей дело до того, что в языке и образе выражения осмеянной болтуном книги, может быть, уже занимается заря новой эпохи литературы, новых понятий об искусстве, нового взгляда на жизнь и науку?» (*Б*, III, 390—391). Ср. статью «Несколько слов о лекциях г. Греча» в *«Лит. прибав. к Рус. инвалиду»*, 1839, № 25.

Декабря около 15. Б., приступая к работе над разбором внешней и внутренней структуры комедии Гоголя «Ревизор», следующим образом формулирует свои литературно-теоретические взгляды:

«Поэзия есть истина в форме созерцания; ее создания — воплотившиеся идеи, видимые, с о з е р ц а е м ы е и д е и. Следовательно, поэзия есть та же философия, то же мышление, потому что имеет то же содержание — абсолютную истину, но только не в форме диалектического развития идеи из самой себя, а в форме непосредственного явления идеи в образе. Поэт мыслит образами; он не д о к а з ы в а е т истины, а п о к а з ы в а е т ее. Но поэзия не имеет цели вне себя—она сама себе цель; следовательно, поэтический образ не есть что-нибудь внешнее для поэта или второстепенное, не есть средство, но есть цель: в противном случае он не был бы образом, а был бы символом. Поэту представляются образы, а не идея, которой он из-за образов не видит и которая, когда сочинение готово, доступнее мыслителю, нежели самому творцу. Посему поэт никогда не предполагает себе развить ту или другую идею, никогда не задает себе задачи: без ведома и без воли его возникают в фантазии его образы, и, очарованный их прелестию, он стремится из области идеалов и возможности перенести их в действительность, то есть видимое одному ему сделать видимым для всех. Высочайшая действительность есть истина; а как содержание поэзии — истина, то и произведения поэзии суть высочайшая действительность. Поэт не украшает действительности, не изображает людей, какими они должны быть, но каковы они суть <...>. И что за жалкая, что за устарелая мысль о п о л о ж и т е л ь н о с т и и и н д ю с т р и а л ь н о с т и нашего века, будто бы враждебных искусству? Разве не в нашем веке явились Байрон, Вальтер Скотт, Купер, Томас Мур, Уордсворт, Пушкин, Гоголь, Мицкевич, Гейне, Беранже, Эленшлегер, Тегнер и другие? Разве не в нашем

веке действовали Шиллер и Гете? Разве не наш век оценил и понял создания классического искусства и Шекспира? Неужели это еще не факты? Индюстриальность есть только одна сторона многостороннего XIX века, и она не помешала ни дойти поэзии до своего высочайшего развития в лице поименованных нами поэтов, ни музыке в лице ее Шекспира — Бетховена, ни философии в лице Фихте, Шеллинга и Гегеля. Правда, наш век — враг мечты и мечтательности, но потому то он и великий век! Мечтательность в XIX веке так же смешна, пошла и приторна, как и сентиментальность. Действительность — вот пароль и лозунг нашего века, действительность во всем — и в верованиях, и в науке, и в искусстве, и в жизни. Могучий, мужественный век, он не терпит ничего ложного, поддельного, слабого, расплывающегося, но любит одно мощное, крепкое, существенное. Он смело и бестрепетно выслушал безотрадные песни Байрона и, вместе с их мрачным певцом, лучше решился отречься от всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться нищенскими радостями и надеждами прошлого века. Он выдержал рассудочный критицизм Канта, рассудочное положение Фихте; он перестрадал с Шиллером все болезни внутреннего, субъективного духа, порывающегося к действительности путем отрицания. И за то в Шеллинге он увидел зарю бесконечной действительности, которая в учении Гегеля осияла мир роскошным и великолепным днем и которая, еще прежде обоих великих мыслителей, непонятая, явилась непосредственно в созданиях Гете» (*Б,* III, 431—433).

Исходя из положения о том, что «новейшая поэзия есть поэзия действительности, поэзия жизни», Б. утверждает: «Под словом «действительность» разумеется все, что есть — мир видимый и мир духовный, мир фактов и мир идей. Разум в сознании и разум в явлении — словом, открывающийся самому себе дух есть действительность; тогда как все частное, все случайное, все неразумное есть призрачность, как противоположность действительности, как ее отрицание, как кажущееся, но не сущее. Человек пьет, ест, одевается — это мир призраков, потому что в этом нисколько не участвует дух его; человек чувствует, мыслит, сознает себя органом, сосудом духа, конечною частностию, общего и бесконечного — это мир действительности. Человек служит царю и отечеству вследствие возвышенного понятия о своих обязанностях к ним, вследствие желания быть орудием истины и блага, вследствие сознания себя, как части общества, своего кровного и духовного родства с ним — это мир действительности. «Овому талант, овому два»,—и потому как бы ни была ограничена сфера деятельности человека, как бы ни незначительно было место, занимаемое им не только в человечестве, но и в обществе, но если он, кроме

своей конечной личности, кроме своей ограниченной индивидуальности, видит в жизни нечто общее и в сознании этого общего, по степени своего разумения, находит источник своего счастия, — он живет в действительности и есть действительный человек, а не призрак» (*Б*, III, 436—437).

Как высокие образцы отражения в литературе «разумной действительности» и «призрачной действительности», Б. детально анализирует «Тараса Бульбу», с одной стороны, и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — с другой. От последней повести Б. переходит к «Ревизору», доказывая, что и «в том и другом произведении поэт выразил идею отрицания жизни, идею призрачности, получившую, под его художническим резцом, свою объективную действительность». В результате тщательнейшего разбора композиции и образной системы «Ревизора» (он учитывает в приемах этого разбора методику, выработанную Ретшером) Б. приходит к следующему заключению: «Многие почитают Хлестакова героем комедии, главным ее лицом. Это несправедливо. Хлестаков является в комедии не сам собою, а совершенно случайно, мимоходом и притом не самим собою, а ревизором. Но кто его сделал ревизором? Страх Городничего, следовательно, он создание испуганного воображения Городничего, призрак, тень его совести. Поэтому он является во втором действии и исчезает в четвертом, — и никому нет нужды знать, куда он поехал и что с ним стало: интерес зрителя сосредоточен на тех, которых страх создал этот фантом, а комедия была бы не кончена, если бы окончилась четвертым актом. Герой комедии—Городничий, как представитель этого мира призраков. В «Ревизоре» нет сцен лучших, потому что нет худших, но все превосходны, как необходимые части, художественно образующие собою единое целое, округленное внутренним содержанием, а не внешнею формою, и потому представляющее собою особный и замкнутый в самом себе мир» (*Б*, III, 465). Этот разбор «Ревизора» включен был в статью Б. о «Горе от ума». См. 1840, января 14.

Декабря 16. Б., отвечая на письмо Боткина от 30 ноября, в котором речь шла о романе Каткова с М. Л. Огаревой, полагает, что эпизод этот бросает «неприятный свет на тоталитет юноши», но свидетельствует в то же время о завидной способности «предаться вполне, без рефлексии, хотя бы и пошлому чувству». Рассматривая в связи с этим собственное душевное состояние, Б. казнит себя за всегда преследующую его «болезненную рефлексию», негодует на «резонерскую идеальность, которая из жизни делает тяжелый сон, из радостей призраки». Горячо настаивая на том, что «права личного человека так же священны, как и мирового гражданина», Б. пишет об охватившей его жажде любви, о терзаниях оди-

ночества. «Мучительное и безотрадное страдание» усугубляется и материальными лишениями в чужом городе (*Б,* XI, 424—428). Продолжение письма см. декабря 30.

Декабря 17. Гоголь и С. Т. Аксаков выезжают из Петербурга в Москву (*А. Кирпичников,* XXXVIII). См. декабря 23.

Декабря 17. Постановка «Пятидесятилетнего дядюшки» Б. в Казанском городском театре (*Репертуар русского театра на 1840 г.,* т. II, кн. 8, 19).

Декабря 17. П. Н. Кудрявцев выражает согласие на публикацию в «Отечественных записках» повести «Недоумение», предоставленной им летом «в полное распоряжение Б.» для задуманного им альманаха (*ЛН,* т. 56, 137—138). См. июня 8.

Декабря около 20. Встреча и спор Б. с Герценом. Характеризуя его как человека «умного, доброго, прекрасного», Б. в письме к Боткину не выражает, однако, желания видеться с Герценом еще раз, так как «терпимость разумна только в отношении к низшей действительности, а не к высшей призрачности» (*Б,* XI, 429; *ГЛ,* II, 348 и 356). Продолжением полемики с Герценом являются некоторые страницы статьи «Менцель, критик Гёте».

«Имя Менцеля есть имя нарицательное, понятие родовое, — писал Б.— Есть особый род сердобольных людей, которые более занимаются другими, нежели самими собою, а потому всегда несчастны, всегда обременены хлопотами и заботами. Им кажется, что и в мире все идет худо, что и отечество их вот сейчас готово погибнуть жертвою превратного хода дел, а вследствие такого взгляда на вещи им кажется, что они призваны и мир исправить и отечество спасти <...> Добровольные мученики, — им нет покоя, для них нет радости, нет счастия: там гаснет свет просвещения, тут гибнет добродетель и нравственность, здесь подавляется целый народ; и с воплем указывают они на виновников такого ужасного зла, как будто бы люди или человек в состоянии остановить ход мира, изменить участь народа <...> Для этих маленьких великих людей государство не есть живой организм, которого части находятся в зависимом друг от друга взаимодействии, которого развитие и жизнь условливаются непреложными законами, в его же сущности заключенными <...> для них государство не имеет ни почвы, ни климата, ни географии, ни истории, ни прошедшего, ни настоящего <...> для них не существует миродержавного промысла, который управляет судьбами царств и народов и в разумно свободной необходимости указывает на путь, его же не прейдеши» (*Б,* III, 392, 394).

В «жару спора» с Герценом Б., как свидетельствует П. В. Анненков, прибегает к аргументу, от которого Герцен «пришел в ужас, тотчас же замолчал и удалился»: «Пора нам, братец, посмирить наш бедный, заносчивый умишко и признаться, что он всегда останется дрянью перед событиями, где действуют народы с своими руководителями и вопло-

щенная в них история» (*П. Анненков,* 201). См. об этом же круге идей Б. в его статье об «Очерках Бородинского сражения» (декабря 14).

Декабря около 20. Н. П. Огарев, упрекая Герцена в недооценке Гегеля, пишет ему из Москвы: «Я убедился, что надо читать его, а не учеников, а тем паче не гнусные статьи Белинского, который столько же ученик Гегеля, сколько я родной брат китайского императора» (*PM,* 1889, кн. 1, 2). Огарев имеет в виду статьи Б. о «Бородинской годовщине» и «Очерках Бородинского сражения».

Декабря 20—24. Б. заставляет И. И. Панаева достать деньги, необходимые для продолжения учебы пятнадцатилетнего В. А. Панаева (*PC,* 1893, VIII, 481—483).

Декабря 23. А. П. Иванов, двоюродный племянник Б., в письме к нему выражает сожаление, что их встреча в Петербурге не состоялась» (*ЛН,* т. 57, 204).

Декабря 23. Б., не увидав Гоголя в очередную субботу у кн. Одоевского, почувствовал, что ему «душно среди этих лиц и пустынно среди множества». Те «немногие минуты», которые Б. провел с Гоголем в Петербурге, вспоминаются им, как «отрада и отдых»: «Мне даже не хотелось и говорить с ним, но его присутствие давало полноту моей душе» (*Б,* XI, 435—436).

Декабря 29. Цензур. разреш. «Лит. прибав. к Рус. инвалиду», т. II, № 26. В номере статья Б. «Александринский театр: «Заколдованный дом: Трагедия, соч. Ауфенберга, переведенная с немец. П. Г. Ободовским». «Чего на свете не бывает, или У кого что болит, тот про то и говорит». Водевиль В. Годунова». Подпись: В. Белинский.

Декабря около 29. К. П. Полевой в разговоре с Д. П. Ивановым отмечает распространение типографом Степановым слухов о том, что Б. уехал в Петербург, не возвратив Степанову 1000 руб. асс., полученных «вперед» за работу в «Московском наблюдателе» (*ЛН,* т. 57, 206). См. 1840, февраля 23—24.

Декабря 30. Письмо Б. к Д. П. Иванову. «Зная, ценя и любя» его, Б. просит простить свое долгое молчание, объясняемое крайней апатией и материальными затруднениями, выход из которых намечается не раньше, чем через несколько недель. Б. с большим участием вспоминает всю семью Ивановых и их общих друзей — Петровых и П. Д. Савельева (*Б,* XI, 430—432).

Декабря 30. Б. продолжает свое письмо к Боткину, начатое 16 декабря. Б. передает свои впечатления от свидания с Герценом (см. декабря около 20), негодует, вспоминая И. В. Селиванова, против «резонеров, живущих будто бы для искусства и мысли», делится своими суждениями о характерах Каткова, Клыкова и Ржевского. Вспоминая о своих отношениях с Боткиным «с прошлой осени до весны», Б. признает, что «процессы духа иногда бывают некрасивы, хотя их результаты и всегда прекрасны» (*Б,* XI, 428—430). Окончание письма см. 1840, февраля 9—10.

Декабря 31. Цензур. разреш. первой книги «Сына отечества» 1840 г. В статье Н. Полевого: «Взгляд на русскую литературу 1838 и 1839 гг.» — резкие выпады против Б., без упоминания его имени: «И у нас появились гегелисты, с чужого голоса передающие то, что слышали и не поняли, что мимоходом успели прочесть и схватить». Полевой заявляет, что «нетерпимость, верный признак всякого полуобразования и невежества, составляет отличительные черты всех наших гегелистов, шеллингистов и кантистов» (*СО,* 1840, I, 438).

1840

Января 1. Д. П. Иванов в письме к Б. выражает сожаление, что последний до сих пор не написал ни строки своим московским родным. Д. П. Иванов не сомневается в том, что Б. должен «много перемениться», так как в Петербурге «люди живут в совершенном примирении с действительностию, совершенно занятые настоящим днем, без соболезнований о прошедшем и без веры в будущее» (*ЛН,* т. 57, 205—206).

Января 1. Н. Г. Белинский в письме к брату из Москвы рассказывает о том внимании, которое оказывают ему все друзья Б., и просит его о денежной помощи (*ЛН,* т. 57, 206).

Января около 1. Б. присутствует на торжественном обеде, организованном Ф. А. Кони и В. П. Поляковым по случаю выхода в свет первого номера «Пантеона русского и всех европейских театров». В числе многочисленных представителей литературного и театрального мира были: Кукольник, Булгарин, братья Каратыгины, А. Н. Струговщиков, Е. Ф. Розен, Р. М. Зотов. На обеде В. А. Каратыгин затеял спор с Б. о Мочалове (*Ю. Арнольд,* II, 176—178 и 202).

Января 3. Выход в свет первого номера «Литературной газеты» (реорганизованные «Лит. прибав. к Рус. инвалиду»). В номере анонимная рецензия Б.: «Утренняя заря, альманах на 1840 год, изданный В. Владиславлевым» (*ЛГ,* 1840, № 1).

Января 4. Боткин выехал из Москвы на месяц в Харьков. До Твери его сопровождал Бакунин (*Бакунин,* II, 275, 281—282, 293). См. февраля 3.

Января 7. П. Н. Кудрявцев в письме к Б. досадует на скучные московские издания, которые, по рекомендации Б., он вынужден рецензировать для «Отечественных записок» и «Литературной газеты». Передавая о своем трудном житье-бытье, Кудрявцев жалуется на перегруженность работой перед окончанием университета, на отсутствие постоянной квартиры в Москве, на научные и литературные обязательства, с которыми плохо справляется (*Бик,* 137—138).

Января около 10. Б. встречается с И. И. Лажечниковым, приехавшим в Петербург (*Б,* XI, 436). Б. знакомит Лажечникова с Панаевым (*А. Панаева,* 110).

Января 10. Б. в письме к К. С. Аксакову выражает большое сожаление, что его предыдущее письмо (до нас не дошло) произвело на последнего неприятное впечатление своим грубым тоном. Б. с нетерпением ждет отклика Аксакова на свою статью об «Очерках Бородинского сражения» Ф. Глинки. Свидетельство К. Аксакова (в письме к Панаеву) о неблагоприятном впечатлении от этой статьи в Москве нисколько не поколебало уверенности Б. в «действительности идеи», лежащей в ее основе и в правильности его «служения» ей. Б. признается, что, приехав в Питер, он убедился, что «еще не умеет писать — надо переучиваться, и я переучиваюсь». Б. перечисляет свои работы, печатающиеся в номере первом «Отечественных записок», и просит уведомить о впечатлении, которое произведет на Гоголя его статья о «Горе от ума». Б. не согласен с предлагаемой Аксаковым триадой корифеев мировой литературы: «Гомер, Шекспир и Гоголь», напоминая о Гете и на место Гоголя ставя Пушкина, как «единственного русского национального поэта, полного представителя жизни своего народа». Б. пересматривает вопрос о Ломоносове («Говорят, что он в литературе Петр, а мне кажется, что даже и не Меншиков»), отмечает «дьявольский талант» в «Дарах Терека» Лермонтова и рассказывает о своих недавних встречах на «субботах» у Одоевского с Крыловым, Жуковским и Гоголем. Б. шлет поклоны Щепкину и С. Т. Аксакову, которого ценит «за верное чувство поэзии» и «добрый и благородный характер» (*Б,* XI, 433—436).

Января около 11. К. С. Аксаков, не получив еще письма Б. от 10 января 1840 г., отвечает ему на письмо от 25 ноября 1839 г. (письмо это не сохранилось). К. С. Аксаков подозревает Б. в нападках «на русских, на народность их». Ядовито отмечая, что Б. «действительность знает только по слухам», он напоминает Б., что «развиваться — значит пре-

дыдущее полагать в себе моментом и идти далее, а не то, чтоб целый век прыгать с ноги на ногу и качаться из стороны в сторону на одном месте» (*ТБЛ*, 105).

Января 12. Цензур. разреш. «Литературной газеты» № 4. В номере статья Б. «Александринский театр (Из письма москвича): «Ремонтеры, или Сцена на ярмарке. Комедия-водевиль В. И. Мирошевского»; «Жена кавалериста, или Четверо против одного. Комедия-водевиль П. Григорьева 1-го»; «Мальвина, или Урок богатым невестам. Комедия, перев. с франц. Д. Ленского». Статья подписана: В. Белинский.

Января 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок», 1840, № 1. В номере две статьи Б.: «Менцель, критик Гете» и «Горе от ума. Комедия А. С. Грибоедова». Первая статья подписана: В. Белинский; вторая без подписи. В этом же номере рецензии Б.: «Месяцеслов на високосный 1840 год»; «Памятная книжка на 1840 год»; «Сцены в Москве, в 1812 г. Соч. И. Скобелева»; «Секретарь в сундуке, или Ошибся в расчетах. Водевиль-фарс М. Р.»; «Три оригинальные водевиля: 1. «Новички в любви». 2. «Его превосходительство, или Средство нравиться». 3. «Так, да не так. Соч. Н. А. Коровкина»; «Призвание женщины. С английского»; «Краткое начертание всеобщей истории. Соч. И. Кайданова»; «Статистика европейских государств, в нынешнем их состоянии. Е. Зябловского»; «Подарок на Новый год. Две сказки Гофмана. Детская библиотека. Соч. девицы Тремадюр. Перев. с франц. А. Зражевской»; «Разговоры Эмилии о нравственных предметах. Перев. с франц.»; «Миниатюрный альбом для детей»; «Очерки русской литературы. Соч. Н. Полевого». Все рецензии без подписи.

В статье «Менцель, критик Гете» Б., ставя вопросы о политической функции литературы и о «тенденции в искусстве», решает их с тех же позиций «примирения с разумной действительностью», которые определились в его философско-исторических статьях о «Бородинской годовщине» и об «Очерках Бородинского сражения».

«Основная идея критики Менцеля, есть та, — пишет Б., — что искусство должно служить обществу. Если хотите, оно и служит обществу, выражая его же собственное сознание и питая дух составляющих его индивидуумов возвышенными впечатлениями и благородными помыслами благого и истинного; но оно служит обществу не как что-нибудь для него существующее, а как нечто существующее по себе и для себя, в самом себе имеющее свою цель и свою причину. Когда же мы будем требовать от искусства споспешествования общественным целям, а на поэта смотреть, как на подрядчика, которому можно заказывать в одно время — воспевать святость брака, в другое — счастье жертвовать своею жизнию за отечество, в третье — обязанность честно платить

долги, то вместо изящных созданий наводним литературу рифмованными диссертациями об отвлеченных и рассудочных предметах, сухими аллегориями, под которыми будет скрываться не живая истина, а мертвое резонерство; или, наконец, угарными исчадиями мелких страстей и беснования партий» (*Б,* III, 397—398). И далее: «Менцель зол на Гете за то, что тот не хотел быть ни крикуном, ни начальником какой-либо политической партии, что он не требовал невозможного сплочения раздробленной Германии в одно политическое тело. У гения всегда есть инстинкт истины и действительности, а что разумно, необходимо и действительно, то только и есть. Поэтому Гете не требовал и не желал невозможного, но любил наслаждаться необходимо сущим. Для него необходимость раздробленности Германии была таким же убеждением и такою же верою, как у Пушкина было убеждение и вера, что не русское море иссякнет, а «славянские ручьи сольются в русском море». Только какой-нибудь Мицкевич может заключиться в ограниченное чувство политической ненависти и оставить поэтические создания для рифмованных памфлетов; но это-то и достаточно намекает на «мировое величие» его поэтического гения: Менцель, верно, на коленях перед ним, а это самая злая и ругательная критика для поэта» (*Б,* III, 403).

В статью «Менцель, критик Гете» Б. включает несколько памфлетных страниц пародирующих критические статьи Надеждина в «Телескопе», рецензии Сенковского в «Библиотеке для чтения» и недавние лекции Греча о русском языке и литературе (*Б,* III, 386—391).

В разборе «Горя от ума» Б. исходил из тех же литературно-теоретических положений, которые определили основы анализа «Ревизора»:

«Всякое художественное произведение рождается из единой общей идеи, которой оно обязано и художественностию своей формы, и своим внутренним и внешним единством, через которое оно есть особый, замкнутый в самом себе мир...» «Основною идеею художественного произведения может быть только так называемая на философском языке «конкретная» идея, то есть такая идея, которая в самой себе заключает и свое развитие, и свою причину, и свое оправдание и которая только одна может стать разумным явлением, параллельным своему диалектическому развитию». Полемизируя с общепринятым положением о том, что идеей комедии Грибоедова является «противоречие умного и глубокого человека с обществом, среди которого он живет», Б., утверждает, что «Фамусовы, Молчалины, Софьи, Загорецкие, Хлестовы, Тугоуховские и им подобные» — все являются представителями не русского общества, а «только одной стороны его», что были «другие круги общества, более близкие и родственные Чацкому», ввиду

чего и конфликт его с чуждой ему средою отражает «противоречие случайное, а не действительное», не «с обществом», а с «кружком общества». Характеризуя Чацкого как «крикуна, фразера, идеального шута, на каждом шагу профанирующего все святое, о котором <он> говорит», Б. утверждает: «Это новый Дон Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади». И далее: «Искусство может избрать своим предметом и такого человека, как Чацкий, но тогда изображение долженствовало б быть объективным, а Чацкий лицом комическим». Апеллируя к известному тезису идеалистической эстетики о том, что «художественное произведение есть само себе цель и вне себя не имеет цели», Б. доказывает, что, поскольку Грибоедов «ясно имел внешнюю цель — осмеять современное общество в злой сатире, и комедию избрал для этого средством», постольку и действующие лица этой комедии «так явно и так часто проговариваются против себя, говоря языком автора, а не своим собственным; оттого-то и любовь Чацкого так пошла, ибо она нужна не для себя, а для завязки комедии, как нечто внешнее для нее; оттого-то и сам Чацкий — какой-то образ без лица, «призрак, фантом», «не художественно созданное лицо комедии, а выражение мыслей и чувств своего автора». Б. не сомневается в том, что «смешные и ложные понятия» Чацкого «выходят из благородного начала, из бьющего горячим ключом источника жизни», что его «остроумие вытекает из благородного и энергического негодования против того, что он, справедливо или ошибочно, почитает дурным и унижающим человеческое достоинство, — и потому его остроумие так колко, сильно и выражается не в каламбурах, а в сарказмах. И вот почему все бранят Чацкого, понимая ложность его как поэтического создания, как лица комедии, — и все наизусть знают его монологи, его речи, обратившиеся в пословицы, поговорки, применения, эпиграфы, в афоризмы житейской мудрости». Заключение Б. сводится к тому, что «Горе от ума» не есть комедия «по отсутствию или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное создание по отсутствию самоцельности, а следовательно, и объективности, составляющей необходимое условие творчества, «Горе от ума» — сатира, а не комедия: сатира же не может быть *художественным* произведением. И в этом отношении «Горе от ума» находится на неизмеримом, бесконечном расстоянии ниже «Ревизора», как вполне художественного создания, вполне удовлетворяющего высшим требованиям искусства и основным философским законам творчества» (*Б,* III, 471—485).

Января 14. Белинский в «Отечественных записках», № 1, в рецензии на «Месяцеслов на 1840 г.», формулирует свои

надежды на будущее родной страны: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году — стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества» (*Б*, III, 488). В этом же номере, в примечании к статье об «Очерках русской литературы» Полевого, Б. обещает представить читателям «ряд статей» о Пушкине и его предшественниках в связи с предстоящим выходом в свет последних томов посмертного издания его сочинений. Б. предполагает в этом же году «оправдать» и свои высказывания о Гоголе (*Б*, III, 510).

Января 14. Б. смотрел в Александринском театре драму г-жи Вейсентур «Иоанн, герцог Финляндский» (с Каратыгиным и Самойловым в главных ролях) и водевиль Ф. Кони «Титулярные советники в домашнем быту» (с Мартыновым в главной роли). См. января 27.

Января около 16. Герцен переезжает с семьею на службу в Петербург (*ГЛ*, XXII, 219). См. февраля 3 и марта 6.

Января 17. В «Литературной газете» № 5 опубликованы рецензии Б.: «Очерки Бородинского сражения. Соч. Ф. Глинки»; «Искатель сильных ощущений. Соч. Каменского». Рецензии не подписаны.

Января 17. Б. присутствует в Александринском театре на премьере пьесы Н. А. Полевого «Параша-Сибирячка» с Асенковой и Каратыгиным в главных ролях (*СП*, 1840, № 13). См. февраля 3.

Января 20. Публикация в «Северной пчеле» возражений на положительный отзыв Б. о книге «Призвание женщины» (*СП*, 1840, № 16). См. января 14.

Января 20. Н. Ф. Павлов, передавая в письме к В. Ф. Одоевскому о возмущении в Москве новыми статьями Б., отмечал: «Вы выписали Б. Ведь он известен. Этот мортус отправил похороны «Телескопа» и «Наблюдателя». Я думал, что для облегчения Краевского необходима такая пишущая машина, как Б., но мне в голову не приходило, что над ним не будет надзора, что он станет то же писать, что писал в «Наблюдателе», что даст цвет и свое направление «Отечественным запискам». Белинского статьи отняли у вас много подписчиков, а если это продолжится, то на будущий год вы увидите справедливость моих нападений» (*РС*, 1904, IV, 199).

Января около 20. Эпиграмма Баратынского на статьи Белинского в «Отечественных записках»: «В руках у этого

педанта могильный заступ, не перо», с концовкой: «Похоронил он два журнала и третий похоронит он» (*Баратынский,* II, 296).

Января около 20. Б., отвечая на не дошедшее до нас письмо Каткова, переживавшего тяжелую душевную драму, признается, что не может ни утешить его, ни обвинить: «в подобных случаях все советы и утешения — резонерство» (*Б,* XI, 436—437).

Января 24. В статье «Литературное пояснение» Греч отмечает, что в «Чтениях о русском языке» он использовал статью Б. о «Бородинской годовщине». Как пример «чугунного пера» Греч далее цитирует строки из статьи о «Горе от ума», не называя самой фамилии Б. (*СП,* 1840, № 19).

Января 27. В «Литературной газете» № 8 опубликована рецензия Б.: «Александринский театр. — «Иоанн, герцог Финляндский. Драма г-жи Вейсентур, перевод с немец. П. Г. Ободовского»; «Титулярные советники в домашнем быту. Водевиль, соч. Ф. Кони». Подпись: В. Б. В этом же номере рецензия Б., опубликованная без его подписи: «Очерки русской литературы. Соч. Н. Полевого».

Января 28. А. Я. Кульчицкий, начинающий писатель, приятель Боткина, в письме к Б. из Харькова выражает «невинное желание провинциала» — ближе познакомиться с Б., с тем чтобы «в случаях нужных адресоваться к нему, как к человеку не чужому» (*Бик,* 150—151; *Б,* XI, 450—452). См. сентября 3.

Января конец. Б. встречается у своего пензенского земляка Д. К. Исаева с В. А. Инсарским. Последний вспоминает, как Б., твердя «Молитву» Лермонтова («В минуту жизни трудную»), отмечал: «Что за прелесть! А он <Лермонтов> еще спрашивает, годится ли?» (*В. Инсарский,* II). См. февраля 9.

Январь? февраль? Б., приглашенный на обед к А. П. Башуцкому, слушает чтение романа последнего «Мещанин» (*И. Панаев,* 259). См. апреля 24.

Февраля 1. Станкевич в письме к Грановскому из-за границы недоумевает по поводу гонения «наших знакомых» на Шиллера и непонимания ими учения о «действительности». Станкевич рекомендует напомнить им формулировку «Логики» Гегеля: «действительность, в смысле непосредственности внешнего бытия, есть случайность; действительность, в ее истине, есть разум, дух» (*Станкевич,* 486). См. февраля 22.

Февраля около 2. Б. переезжает от Панаевых к П. Ф. Заикину, которого характеризует, как «глубокую натуру, душу м у з ы к а л ь н у ю, нежную, — способность страдать бесконечная, скромность донельзя». Собираясь за границу, Заикин приглашает Б. ехать вместе с ним и берет на себя все расходы по путешествию (*Б,* XI, 440—441, 477—478).

Февраля 3. Публикация в «Литературной газете» № 10 рецензии Б.: «Александринский театр. — «Параша-Сибирячка, Русская быль. Соч. Н. А. Полевого»; «Новая увертюра и мелодрама соч. г. Болле». Подпись: В. Б.

Февраля 3. Б. в письме к Боткину отмечает, что «ожесточение, безверие и отчаяние», охватившие его в Петербурге, ускорили изживание им последних остатков «прекраснодушия» и кружкового «китаизма». Поняв, что такое «русская читающая публика» и не чувствуя себя «автором для немногих», Б. со второго номера «Отечественных записок», то есть со статьи о Марлинском, пишет уже не для друзей, не для себя, а для публики (см. февраля около 14). Б. возмущен непониманием иронии в своем отзыве о повестях Каменского и «дорого дал бы, чтобы истребить нелепейшее и натянутое вступление в разбор брошюрок о Бородинской битве». Б. предупреждает друзей, что его «статья о Менцеле искажена цензурою, особенно место о различии нравственности и морали». Б. признается, что «объективный мир — страшен» и что он с Боткиным слишком поспешно «порешил этот важный вопрос». Б. упоминает о своей встрече с Герценом, которому шлет поклон. Б. готовит письма к Каткову, Кудрявцеву и Клюшникову и ждет обещанных статей для «Отечественных записок» от Грановского, Редкина и Каткова (*Б,* XI, 437—441). См. февраля 9—10.

Февраля 8. Б. проводит вечер с Н. А. Бакуниным за чтением «Илиады» в переводе Гнедича (*Б,* XI, 443).

Февраля 9—10. Б., заканчивая письмо к Боткину, начатое 3 февраля, жалуется на тяжелое самочувствие, парализовавшее в нем все желания: «Леность сделалась второю натурою, апатия — нормальным состоянием». Б. тяготится неопределенностью своего социального положения и желает «приткнуться к какому-нибудь официальному журналу», чтобы иметь имя в обществе, «без которого человек призрак». Под впечатлением новых стихотворений Лермонтова: «Дары Терека», «Колыбельная песня», «И скучно и грустно», «Молитва», Б. утверждает, что «в этом юноше готовится т р е т и й русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника». Прося поторопить Бакунина с присылкой статьи о философии, а Кронеберга с выправкой пятого акта «Ричарда II», Б. сообщает о своем посещении немецкой оперы («Роберт-Дьявол» и «Вольный стрелок») и ба-

лета «Хитана» (с Тальони в главной роли). У кн. Одоевского Б. слушал недавно «знакомые и милые звуки» музыки Лангера на слова Пушкина «С богом в дальнюю дорогу» (*Б,* XI, 441—446).

Февраля 9—12. Боткин в письме к Б. признается, что «не мог дочитать» его статьи об «Очерках Бородинского сражения»: «ужасно скучно». Статья же «Менцель, критик Гете» представляется ему «одной из самых живых, одушевленных статей, какие он когда-либо читал». Боткин рассказывает о своей поездке в Харьков, где очень «любят и уважают Б.» в кружке Кронебергов и Кульчицкого, и отмечает исключительный успех старой статьи Б. о Мочалове во время гастролей последнего в Харькове. Проектируя отдельное издание «Ричарда II» в переводе Кронеберга, Боткин настаивает на предварительной публикации его в «Отечественных записках» (*БЛ,* II, 383—386). См. ответ Б. на это письмо февраля 18.

Февраля 10. Публикация в «Литературной газете» № 12 рецензии Б. на брошюру Л. Бранта: «Петербургские критики и русские писатели». Рецензия не подписана.

Февраля 12. Грановский в письме к Станкевичу отмечает: «Б. воюет теперь в Питере. Достается всем. Иногда забавно, иногда досадно читать его. Но он начинает повторять себя. О Шиллере, который однажды печатно был поставлен на ряду с Загоскиным, молчит. Должно быть, смекнул, что напакостил» (*Грановский,* 378).

Февраля около 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 2. В номере статья Б. о «Полном собрании сочинений А. Марлинского» и две его же рецензии: «Прекрасный молодой человек. Роман Поль де Кока»; «Репертуар русского театра, издав. П. Песоцким. Кн. I и II. — Пантеон русского и всех европейских театров, ч. I». Статья и рецензии без подписи.

В статье о «Полном собрании сочинений А. Марлинского» Б., повторяя в основном аргументацию своих статей 1834—1835 гг., утверждал: «Истинно художественное произведение всегда поражает читателя своею истиною, естественностию, верностию, действительностию до того, что, читая его, вы бессознательно, но глубоко убеждены, что все, рассказываемое или представляемое в нем, происходило именно так и совершиться иначе никак не могло. Когда вы его окончите — изображенные в нем лица стоят перед вами, как живые, во весь рост, со всеми малейшими своими особенностями — с лицом, с голосом, с поступью, с своим образом мышления; они навсегда и неизгладимо впечатлеваются в вашей памяти, так что вы никогда уже не забудете их <...> П р о с т о т а есть необходимое условие художественного произведения, по своей сущности

отрицающее всякое внешнее украшение, всякую изысканность. Простота есть красота истины, — и художественные произведения сильны ею, тогда как мнимо художественные часто гибнут от нее и потому по необходимости прибегают к изысканности, запутанности и необыкновенности <...> В искусстве все, не верное действительности, есть ложь и обличает не талант, а бездарность. Искусство есть выражение истины, и только одна действительность есть высочайшая истина, а всё вне ее, то есть всякая выдуманная каким-нибудь «сочинителем» действительность, есть ложь и клевета на истину» (*Б*, IV, 36—37).

Рассматривая с этих эстетических позиций повести Марлинского, Б. заключает: «Если хотите, тут действительно есть и поэзия, и талант, и вдохновение: иначе бы это и не могло так нравиться большинству публики; но к а к а я поэзия, к а к о й талант, к а к о е вдохновение? — вот вопрос! Это поэзия, но поэзия не мысли, а блестящих слов, не чувства, но лихорадочной страсти; это талант, но талант чисто в н е ш н и й, не из мысли создающий образы, а из материи выделывающий красивые вещи; это вдохновение, но не то внутреннее вдохновение, которое, неожиданное, без воли человека, озаряет его разум внезапным откровением истины, вдохновение тихое и кроткое, широкое и глубокое, как море в ясный и безветренный день, но вдохновение насильственное, мятежное, бурливое, раздражительное, возбужденное волею человека, как бы от приема опиума» (*Б*, IV, 45—46). «Конец авторского поприща» Марлинского Б. сравнивает с его «началом» — и отказывается признать хоть какие-нибудь признаки роста его мастерства. В отличие от «истинных талантов, зреющих и мужающих с летами», «внешний талант скоро выказывается весь, истощает бедный запас своего внутреннего содержания и скоро доходит до необходимости перебиваться собственными крохами, собственною ветошью, обновляя их белилами и румянами изысканной фразеологии дикого языка. Почти всегда подвергается он горькой участи пережить свою славу, умереть после ее кончины и видеть в числе своих поклонников только людей, которые являются последними участниками в пире, доканчивая в задних апартаментах остатки барского обеда». Б. готов согласиться с тем, что и «в н е ш н и е таланты необходимы, полезны, а следовательно, и достойны всякого уважения», так как «для массы общества все внешнее доступнее внутреннего, — и она бросается на внешнее, а через это в ней обращаются идеи и проводится в нее образованность. Но главная заслуга внешних талантов состоит в том, что они отрицательным образом воспитывают и очищают эстетический вкус публики: пресытясь их произведениями, многие обращаются к истинным произведениям искусства и научаются ценить их» (*Б*, IV, 52). См. харак-

теристику Марлинского как «идола петербургских чиновников и образованных лакеев» в письме Б. к Боткину от 30 декабря 1840 г.

Февраля около 15. Б. приступает к статье «О детских книгах» (по поводу сказок Гофмана и В. Одоевского), в которой широко использует свою старую рецензию на «Библиотеку детских повестей» В. Бурьянова (*МН,* 1838, кн. 2) и статью Боткина о музыкальном образовании, помещенную в том же номере «Московского наблюдателя» (*Б,* XI, 442 и 450).

Февраля около 15. Письмо Б. к Грановскому, до нас не дошедшее (*Грановский,* 383).

Февраля 15. Д. П. Иванов, отвечая на письмо Б. от 30 декабря, подробно информирует его о своих материальных затруднениях и служебных неприятностях. Д. П. Иванов пересылает Б. прошлогоднее письмо Кольцова, затерявшееся при переезде Ивановых на новую квартиру и лишь недавно отыскавшееся (*ЛН,* т. 57, 207—208).

Февраля 16. Н. И. Греч в своей десятой лекции о русском языке, говоря о Гоголе, иронически упоминает о «критике одного журнала», который «Ревизора» поставил выше «Горя от ума» и всех пьес Мольера: «Это не похвала, а горькая насмешка и над публикою и над Гоголем» (*«Чтения о русском языке»,* ч. II, 1840, 140—141).

Февраля 17. Н. И. Греч, полемизируя в «Северной пчеле» со статьею Краевского «Нечто о декларации г. Греча против «Отечественных записок» (*ОЗ,* № 2), иронически замечает, что «действительный ответ ⟨на его лекции⟩ находится в самой этой книжке «Отечественных записок»: в ней нет уж ни субъектов, ни объектов, ни индивидуальности, ни имманентности. Поздравляем акционеров» (*СП,* 1840, № 39).

Февраля 18. Б. в письме к Боткину признается, что письмо последнего от 9 февраля (с приложением «милого письмеца» от Кульчицкого) вывело его из мучительнейшей апатии. Б. соглашается с мнением Боткина, что статья об «Очерках Бородинского сражения», в которой ему «хотелось намекнуть яснее на субстанциальное значение идеи общества, не вытанцовалась». Б. рад, что Боткин удовлетворен его статьей о Менцеле, и не возражает против замечания о том, что в статье о «Горе от ума» «много хорошего», но построена она неудовлетворительно: «из нее можно сделать три хорошие статьи, но как одна — она уродлива». Б. полагает, что в статье о Марлинском ему удалось наметить тот тип критических статей, которые «доступны и полезны для нашей публики». Еще более Б. удовлетворен своей статьей «О детских книгах». Недоумевая, почему Боткин никак не откликнулся на его разбор

«Очерков русской литературы» Полевого, Б. утверждает, что последний «сделался гнуснее» Булгарина: «Это человек, готовый на все гнусное и мерзкое, ядовитая гадина». На свою борьбу с Полевым Б. смотрит «как на служение истине» и обещает «не давать ему покоя». В связи с Полевым Б. дает общую характеристику русских «либералов», которые «за углом любят побранить правительство, а в лицо подличают, не по нужде, а по собственной охоте» (*Б,* XI, 448—459).

Февраля 18. Грановский в письме к Станкевичу делится своими впечатлениями от последних до нас не дошедших писем Б.: «Ему нехорошо в Петербурге. Бешеное увлечение действительностью проходит. Пишет, что он бог знает что отдал бы, чтобы «воротить статью о...» Это та знаменитая статья, которая заслужила страшные похвалы в Английском клубе» (*Грановский,* 383).

Февраля 19. Б., продолжая свое письмо к Боткину от 18 февраля, признается, что он «много посбавил себе цены в собственном мнении», но надеется «скоро сознать себя тем, чем есть—без пошлого смирения и пошлой гордости». Б. тянется к московским друзьям, особенно к Боткину и Грановскому, не скрывая своего духовного одиночества в Петербурге. Вспоминая Каткова, Б. осторожно отмечает: «Будучи нашим, он не наш». Б. считает нереальными планы Боткина на издание отдельной книжкой «Ричарда II» в переводе Кронеберга и полагает, что перевод этот лучше всего опубликовать в журнале, который является сейчас основной формой приобщения читателя к достижениям мировой литературы: «Журналистика в наше время всё: и Пушкин, и Гете, и сам Гегель были журналисты. Журнал стоит кафедры». С большой грустью Б. реагирует на замечание Боткина об отсутствии подписей под его статьями, но считает, что спорить об этом с Краевским «бесполезно»: «Краевский человек теплый, благородный и умный, но он в некоторых своих убеждениях упрям, как черт, а характер у него — железный» (*Б,* XI, 451—456). См. февраля 20.

Февраля 20. Б., заканчивая свое письмо к Боткину, начатое 18 февраля, выражает свое возмущение новыми бестактностями и бесцеремонностью Бакунина, который «рожден на горе себе и другим». Особенно волнует Б. вредное влияние Бакунина на всех его сестер, «непосредственные натуры» которых он «исказил, заставил их потонуть в рефлексии». Б. положительно отзывается о статье Неверова «Германская литература» в первой книжке «Отечественных записок». <В статье этой популяризировались идеи «Философии истории» Гегеля, изданной в 1837 г.> Б. жалуется на ухудшение своего здоровья: «Одышка мучит и вообще плох. Отказался начисто от трубки, водки и даже вина» (*Б,* XI, 456—459).

Февраля около 20. Б. в разговоре с друзьями о Полевом, на упреки некоторых из них в том, что он «унижает и оскорбляет человека, которого еще недавно сам хвалил», «с пеною у рта» заявил: «Я порицаю его, как предателя, как перебежчика, доносчика — при этом исчезают все достоинства писателя!» (*К. Полевой,* 459).

Февраля 20. Письмо Кольцова к Б., с приложением семи стихотворений, из которых «что-нибудь» Кольцов просит передать Плетневу для «Современника» (*Кольцов,* 210).

Февраля 21. Б., пересылая в письме к Д. П. Иванову выданную ему доверенность Краевского на получение 1300 рублей, просит употребить эту сумму на уплату московских долгов (Боткину, Нащокину, Вологжанинову и др.).

Б. положительно характеризует Краевского, с которым установил «отношения самые приятельские». Как об «умном, честном и благородном человеке» Б. вспоминает о К. А. Полевом, сожалея, что разрыв с его братом не позволил ему встречаться с ним в Москве. Материальное свое положение Б. считает «более худым, чем хорошим» и не рассчитывает на скорое его улучшение (*Б,* XI, 459—463).

Февраля 21—23. Встречи Б. с Н. А. Бакуниным, в котором он высоко ценит «мужественный дух, сильный и гордый, жаждущий жизни для жизни, кипящий деятельностию, а не фантазиями». Читая с Бакуниным Гомера, Шекспира и Пушкина, Б. в произведениях последнего особенно ценит «гармонический вопль мирового страдания» (*Б,* XI, 464, 482—483).

Февраля около 22. Б. в письме к Боткину (дошло до нас неполностью) возражает на выступление Станкевича в защиту Шиллера (см. февраля 1). Узнав о тяжелых переживаниях Гоголя после его возвращения на родину и о его тяге в Италию, Б. признается: «Родная действительность ужасна. Будь у меня средства, я надолго бы раскланялся с нею» (*Б,* XI, 463—465).

Февраля 23. Б. получил в конторе «Отечественных записок» письмо от Боткина. Днем Б. с Панаевым, Языковым и Краевским был по случаю масленицы в ресторане Палкина. Вечером Б. с большим волнением читал письма А. А. и Т. А. Бакуниных к их младшему брату. В одном из этих писем упоминалось о встречах Бакуниных с Б. в Москве (*Б,* XI, 465—466).

Февраля 24. Б. в письме к Боткину анализирует свои отношения с Бакуниным и сознается, что с некоторых пор «не может победить в себе чувства ненависти к нему»: «Я сознаю ясно, что личных отношений никаких нет: ни мое самолюбие, ни мой эгоизм нисколько не оскорблены этим человеком, ско-

рее даже польщены; но тем не менее чувствую, что не встречал еще натуры, более враждебной моей. Я ни при ком не скажу о нем дурного слова, даже всегда заступлюсь за него — чувствую, что нечаянная встреча с ним будет мне приятна, чувствую, что, видя его в беде, помог бы ему со всею охотою, нисколько не вникая в причину беды; но этим все и оканчивается, а за этим начинается враждебность». Возмущаясь неблаговидной ролью Бакунина в романе Боткина с его сестрою, Б. подозревает, что «этот человек, кроме себя, еще никого не любил». Б. готов согласиться с тем, что Бакунин «любит одно общее», но сам Б. предпочитает «самую пошлую жизнь, чем т а к о е общее: этот молох, пожирающий жизнь, эта гремушка эгоизма, самоосклабляющегося в нем». Б. отрицает показной «героизм и ходули»: «Для меня п о э т и г е р о и выше ч е л о в е к а, но объективно, а когда он захочет со мною сблизиться, я попрошу его сбросить с себя поэзию и героизм и прежде всего быть просто человеком. Святое и великое титло!» Б. делится с Боткиным своими впечатлениями от полученных им писем от Каткова, в которых «видны грусть и страдание». И тем не менее Б. не видит в романе Каткова с М. Л. Огаревой «никакой поэзии — одна грязь, животность и, наконец, подлость» (*Б,* XI, 465—471). См. февраля 27.

Февраля 26. Б. получает письма от Кольцова (см. февраля 20) и от Д. П. Иванова (см. февраля 15) (*Б,* XI, 488; *ЛН,* т. 57, 207).

Февраля 26. Б. в письме к Д. П. Иванову, посылаемом через М. А. Языкова, просит подробно осведомить его о поведении брата Никанора и ответить на письмо от 21 февраля (*Б,* XI, 488—490).

Февраля 26. Б., отвечая Бакунину, пишет, что «длинное, сухое, полное резонерства» письмо последнего ни в чем его не переубедило. Б. не скрывает от Бакунина, что ему «ненавистен» его «образ мыслей» и линия поведения, а потому полагает, что «пора нам оставить друг друга в покое» и разойтись. Б. предпочитает всякой «идеальности», всякому резонерству, «самую ограниченную д е й с т в и т е л ь н о с т ь и полезность в обществе», в силу чего ему смешны Чацкие, «всех ругающие за бездействие, а сами ничего не делающие»: «Ч а ц к и е всегда будут смешны для меня, и я буду делать их смешными для многих, не заботясь, что мой приятель примет эти нападки за личность и оскорбится ими. Что такое Чацкий? Человек, который мечтает о высшей любви, а любит . . . который всех ругает за бездействие, а сам ничего не делает, который сердится на действительность, которая в его глазах скверна тем, что русские XIX века бреют бороды и ходят во фраках, что они не подражают китайцам в незнании иноземщины, который

говорит о прекрасном и высоком со скотами и пр. и пр. Как же на таких шутов не нападать? Они первые враги всякой разумности, всякой истины. Но скоты всегда останутся для меня скотами, и у меня с ними никогда общего ничего не будет».

Б. признается: «С тех пор как я увидел свою нищету, ничтожество, дряблость, бессилие, — я уж не верю словам, а верю только делам, фактам. Только слово, осуществляющееся в жизни, — для меня живое и истинное слово». Отрицая в Бакунине права на менторство, доказывая ему, что «тащить за собою — система самая ложная», Б. радуется распаду кружка Станкевича после того, как обнаружилось отсутствие прочной связи друг с другом у его участников, когда духовное общение выродилось в «обмен безделья, лени, похвал, т. е. взаимнохваления и т. п.». Б. объясняет Бакунину, как петербургские впечатления заставили изменить его прежние взгляды на «прекраснодушие» и отказаться от претенциозных нападок на него: «Прекраснодушие — великое, святое состояние духа <. . .>. Я вижу, что, нападая на Шиллера за его прекраснодушие, я смешивал с Шиллером себя, тебя и Аксакова, с которыми у великого германского духа ничего общего не было и нет. И И. П. Клюшников прекраснодушен был, — однако он так же, как и мы, не Шиллер: прекраснодушие и призрачность не одно и то же» (*Б,* XI, 478—488).

Февраля 27. Б. продолжает письмо к Боткину, начатое февраля 24 и прерванное получением письма от Бакунина (до нас не дошло) и ответом на него (*Б,* XI, 471). См. февраля 26.

Февраля 27—28. Б., читая «Одесский альманах на 1840 г.», очень неудовлетворен стихотворениями Лермонтова «Ангел» и «Узник». Белинский в восторге от анонимного «Сна» («Когда ложится тень прозрачными клубами»), автором которого оказался А. Н. Майков (*Б,* XI, 475).

Февраля 28. Публикация в «Литературной газете» № 17 рецензий Б.: «Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким. 1840 г., кн. I и II. — Пантеон русского и всех европейских театров, ч. I и II». Рецензии не подписаны.

Марта 1. Б. заканчивает свое письмо к Боткину, начатое февраля 24. Полемизируя с отзывом его о Пушкине, Б. утверждает, что «обилие нравственных идей у Пушкина бесконечно» и что, если бы Пушкин не погиб, «мир увидел бы в нем нового Шекспира». Б. восхищен только что опубликованным «Памятником», с удовлетворением подчеркивая отсутствие у Пушкина рефлексии, несовместимой с «истинной поэзией». Романы Гете Б. расценивает как «вино, пополам с водою», в рассудочности Шиллера и Вольтера Б. усматривает «дань духу времени». Б. многого ждет от Лермонтова и спорит с Боткиным из-за недооценки последним «Даров Терека». Согла-

шаясь с Боткиным в отрицательной трактовке «пантеизма», Б. признается, что евангелие с его утверждением «бессмертия индивидуального духа», является для него «абсолютной истиной».

Б. сообщает, что для ближайшей книги «Отечественных записок» ему необходимо в несколько дней написать статью и полтора листа рецензий, к которым он еще даже не приступал. Б. с нетерпением ждет портрета Боткина и надеется на то, что Горбунов напишет портреты всех московских его друзей. Свою борьбу с Бакуниным Б. рассматривает уже не как столкновение личностей, а как борьбу идей, а потому считает себя вправе ничего не скрывать в этом конфликте от Н. А. Бакунина. Б. очень высоко расценивает последние статьи Боткина и горячо рекомендует ему М. А. Языкова, который должен доставить ему это письмо. (*Б*, XI, 471—478).

Марта 2. Б. в записке к сестрам Бакунина просит принять «с достодолжным вниманием» его друга — М. А. Языкова (*Б,* XI, 490).

Марта 2. И. И. Панаев, горячо рекомендуя в письме к К. С. Аксакову едущего в Москву М. А. Языкова, отмечает: «В Петербурге нам без Языкова было бы тошно и грустно. Я, он и Белинский видимся почти ежедневно». В этом же письме Панаев сообщает об успехе «пошлых и гнусных» лекций Греча о русской словесности, с их выпадами против «лжекритиков», проповедующих «высокую германскую чепуху» (*ТБЛ,* 212).

Марта около 2. Б. принимает «живейшее участие» в студенте И. И. Введенском, оказавшемся после приезда из Москвы в Петербург без всяких средств к существованию (*Бик,* 40; *ЛН,* т. 56, 138 и 239). См. 1847, апреля 13.

Марта 3. Д. П. Иванов, отвечая на письмо Б. от 21 февраля, извещает об исполнении всех его поручений (*ЛН,* т. 57, 208—210).

Марта 4. Грановский в письме к Станкевичу из Москвы сообщает о планах издания «нового ученого журнала», в котором должны принять участие «все порядочные люди в России из нового поколения». Основатели журнала: Грановский, Корш, Редкин и Крюков. «Повесть и стихи исключаются. Разбор книжонок, которых никто не читает — также, но по поводу замечательных книг будут писаться статьи о тех же предметах. Наука строгая, но в форме, доступной каждому истинно образованному человеку. Распространение Humanität — вот цель. Дрянной публике мы угождать не станем: лучше иметь 600 подписчиков, более и не желаем на первый раз». Деньги на издание предлагает Огарев, но инициативная группа, боясь

«приятелей Огарева» и «постороннего влияния» на направление журнала, ищет другой материальной базы (*Грановский,* 386).

Марта 5. Председатель СПб. цензурного комитета объявил «строжайший выговор» Краевскому за обнаруженные в «Литературной газете» № 15, в анонимной статье о «Сыне Отечества», «непозволительные и нетерпимые личности», «дерзкие и неблагопристойные намеки» (*ОИПБ за 1892 г.,* 142; *ЛГ,* 1840, № 15, 356—357).

Марта 6. Огарев в письме к Герцену иронизирует по поводу его свидания с Б. («интересно бы прочесть встречу Наполеона с Суворовым») и просит узнать, почему Б. не напечатал до сих пор стихотворений «Кремль» и «Цветок» (*РМ,* 1889, I, 9).

Марта около 10. Б., прочитав первый сборник стихов Некрасова («Мечты и звуки»), резко формулирует свои впечатления от него: «Посредственность в стихах нестерпима» (*Б,* IV, 119). См. марта 14.

Марта 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 3. В номере статья Б. «О детских книгах. Подарок на новый год. Две сказки Гофмана, для больших и маленьких детей. — Детские сказки дедушки Иринея». В этом же номере рецензии Б.: «Повести Марьи Жуковой»; «Мечты и звуки. Н. Н<екрасова>»; «Одесский альманах на 1840 г.». Статья и рецензии не подписаны.

«Воспитание — великое дело: им решается участь человека, — писал Б. в статье. — Молодые поколения суть гости настоящего времени и хозяева будущего, которое есть их настоящее, получаемое ими как наследство от старейших поколений. Как зародыш будущего, которое должно сделаться настоящим, каждое из них есть новая идея, готовая сменить старую идею. Это и есть условие хода и процесса человечества <. . .> Но и новое, чтоб быть действительным, должно исторически развиться из старого, — и в этом законе заключается важность воспитания, и им же условливается важность тех людей, которые берут на себя священную обязанность быть воспитателями детей» (*Б,* IV, 79).

Полагая, что «в детях, с самых ранних лет, должно развивать чувство изящного, как один из первейших элементов человечности», Б. подчеркивает большую воспитательную роль хорошей книги и предостерегает от книги плохой, так как «плодом неразборчивого чтения будет преждевременная мечтательность, пустая и ложная идеальность, отвращение от бодрой и здоровой деятельности, наклонность к таким чувствам и положениям в жизни, которые не свойственны детскому возрасту».

«Но что же можно читать детям? — спрашивает критик и тут же дает перечень лучших с его точки зрения книг для детского чтения: «Из сочинений, писанных для всех возрастов, давайте им «Басни» Крылова, в которых даже практические, житейские мысли облечены в такие пленительные поэтические образы, и всё так резко запечатлено печатью русского ума и русского духа; давайте им «Юрия Милославского» г. Загоскина, в котором столько душевной теплоты, столько патриотического чувства, который так прост, так наивен, так чужд возмущающих душу картин, так доступен детскому воображению и чувству; давайте «Овсяный кисель», эту наивную, дышащую младенческою поэзиею пьесу Гебеля, так превосходно переведенную Жуковским; давайте им некоторые из народных сказок Пушкина, как, например, «О рыбаке и рыбке», которая при высокой поэзии, отличается, по причине своей бесконечной народности, доступностию для всех возрастов и сословий и заключает в себе нравственную идею. Не давая детям в руки самой книги, можно читать им отрывки из некоторых поэм Пушкина, как, например, в «Кавказском пленнике» изображение черкесских нравов, в «Руслане и Людмиле» эпизоды битв, о поле, покрытом мертвыми костями, о богатырской голове; в «Полтаве» описание битвы, появление Петра Великого; наконец, некоторые из мелких стихотворений Пушкина, каковы «Песнь о вещем Олеге», «Жених», «Пир Петра Великого», «Зимний вечер», «Утопленник», «Бесы», некоторые из песен западных славян, а для более взрослых — «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину». Не заботьтесь о том, что дети мало тут поймут, но именно и старайтесь, чтобы они как можно менее понимали, но больше чувствовали. Пусть ухо их приучается к гармонии русского слова, сердца преисполняются чувством изящного; пусть и поэзия действует на них, как и музыка — прямо через сердце, мимо головы, для которой еще настанет свое время, свой черед. Очень полезно, и даже необходимо, знакомить детей с русскими народными песнями, читать им, с немногими пропусками, стихотворные сказки Кирши Данилова» (*Б,* IV, 87—88). И далее: «Самым лучшим писателем для детей, высшим идеалом писателя для них может быть только поэт. И таким явился один из величайших поэтов — Гофман, в своих двух сказках: «Неизвестное дитя» и «Щелкун орехов и царек мышей», хотя и написанных не для детей собственно и годных для людей всех возрастов <. . .>. Гофман — поэт фантастический, живописец невидимого внутреннего мира, ясновидящий таинственных сил природы и духа. Фантастическое есть предчувствие таинства жизни, противоположный полюс пошлой рассудочной ясности и определенности, которая в жизни видит математику, индюстриальность или сытный обед с трюфлями и шампанским. Фантастическое есть один из необходимейших элементов богатой натуры, для

которой счастие только во внутренней жизни; следственно, его развитие необходимо для юной души, — и вот почему называем мы Гофмана воспитателем юношества. Но он вместе с тем бывает и губителем его, односторонне увлекая его в сферу призраков и мечтаний и отрывая от живой и полной действительности. Чтобы дать юной душе равновесие, Гофману не должно противопоставлять пошлую повседневность и ее дюжинных представителей; но молодым людям должно читать все без исключения романы Вальтера Скотта и Купера, которые, по светлому и верному взгляду на жизнь, по гениальной глубокости, а вместе с тем, спокойствию и елейности духа, заслуживают название представителей разумной действительности, поэтически воспроизведенной в великих художественных созданиях, и непременно должны быть воспитателями юношества, хотя равно существуют и для возмужалости и для старости» (*Б*, IV, 98). Об откликах на эту статью Б. см. апреля 6.

Марта 14—15. Б. в письме к Боткину знакомит его с «домашними тайнами» «Отечественных записок», которые, несмотря на все свои преимущества перед другими журналами, несмотря на огромную организационную работу Краевского и участие Б., имеют только 1375 подписчиков. Не исключена возможность финансового краха издания. Б. с горечью отмечает низкий культурный уровень читательской массы, влияние на нее литературных мнений Булгарина и Греча. Б. начинает склоняться к признанию правильности позиций Грановского, для которого «слово и дело — одно и то же». «Идея общества» все более и более занимает Б.; он уже готов отказаться от «высших стремлений и целей» во имя будничной литературно-просветительной работы: «Мы живем в страшное время, судьба налагает на нас схиму, мы должны страдать, чтобы нашим внукам было легче жить. Делай всякий не что хочет и чтобы должно, а что можно. Умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок». Я — литератор, говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской — моя жизнь и моя кровь».

Б. признается, что очень устал от работы: «одних критических статей навалял десять листов дьявольской печати, кроме рецензий». Подчеркивая свое уважение к Краевскому, «человеку дела», работающему в журнале «до кровавого поту», «героически борющемуся со страшною действительностью», Б. радуется тому, что теперь «только порядочные люди имеют на него влияние, а вся дрянь отстает». Б. с нетерпением ожидает материалов, обещанных для «Отечественных записок» Катковым, Грановским, Редкиным и Кетчером, и выражает большое удовлетворение по поводу того, что Гоголь

остался доволен его разбором «Ревизора» (см. стр. 220—222). Б. передает друзьям новости о Лермонтове, в том числе и о дуэли его с Барантом, обращает их внимание на «чудесный беллетристический талант» Соллогуба, хвалит рецензии Кудрявцева, иронизирует по поводу стихов Сатина «De profundis» и «Два чувства». Отвечая на только что полученное письмо от Боткина (оно до нас не дошло), Б. рад его сближению с М. А. Языковым и признает ошибкой свое последнее письмо к Бакунину (см. февраля 26), ибо борьба с его бездушием и «дьявольским эгоизмом» задача совершенно безнадежная (*Б,* XI, 491—497).

Марта около 16. Боткин переводит на себя некоторые долговые обязательства Б., связанные с расчетами по изданию «Московского наблюдателя» (*ЛМ,* 175).

Марта 19. Б. очень взволнован письмом от Боткина, который информирует его о разрыве своих отношений с А. А. Бакуниной и о неблаговидной роли в этом М. А. Бакунина (*ЛМ,* 174—175). Письмо это привез из Москвы художник К. А. Горбунов (*Б,* XI, 497).

Марта 19. Б. в письме к Боткину выражает горячее сочувствие последнему и негодует на Бакунина («гнусный, подлый, эгоист, фразер, дьявол в философских перьях»). Под впечатлением только что прочитанного «Мастера Мартина» Гофмана Б. считает Шиллера, Гете и Гофмана высшими выразителями «многостороннего германского духа» (*Б,* XI, 497—498).

Марта 20. Публикация в «Литературной газете», 1840, № 23, рецензии Каткова на «Одесский альманах». Строки, посвященные «Узнику» и «Ангелу» Лермонтова, принадлежали в этой рецензии не Каткову, а Белинскому (*ЛН,* т. 56, 69—72 и 139).

Марта 22. Н. Ф. Павлов в письме к Шевыреву рассказывает, что «Краевский, имея нужду в чернорабочем, выписал Белинского, а тот, как москвич, заговорил об идеях. Петербуржцы вытаращили глаза, да и пустили козла в огород. Я пришел в ужас, отправил к Одоевскому грозно-справедливое письмо, которое, кажется, подействовало, впрочем, еще не совсем: в ответе ко мне Краевский защищает Б.: они его еще не разгадали» (*ОИПБ за 1892 г.,* 129; *Б,* XI, 495).

Марта 29. Н. И. Греч, заканчивая свои публичные лекции о русском языке, отказывается характеризовать в общем обзоре русских журналов «Отечественные записки», где его «осыпают беспрерывною беспощадною бранью». Греч надеется, что этому журналу «вскоре придется сочинять эпитафию». (*«Чтения о русском языке» Н. Греча,* ч. II, 1840, 397). См. 1839, декабря 15.

Марта конец. Н. Д. Иванчин-Писарев в письме к И. М. Снегиреву негодует на Б., как «последователя Телескопа и католика» (*ИОРЯС АН*, 1902, VII, кн. 4, 88).

Март — апрель. Встречи Б. на вечерах у В. Ф. Одоевского с композитором Ю. Арнольдом (*Ю. Арнольд*, 210—211).

Март — апрель. Б., переписываясь с И. П. Клюшниковым (переписка эта не сохранилась), выражает возмущение некорректными отзывами Каткова о А. М. Щепкиной («подло мстить ... девушке, какова бы она ни была»). Б. негодует и по поводу отрицательных отзывов Каткова о стихах Красова, которые напечатаны были в «Отечественных записках» по рекомендации Б. (*Б*, XI, 513—514). Встречи Б. с К. Горбуновым (*Б*, XI, 515).

Март — апрель. Н. Я. Петрова в письме к Б. благодарит за память и сообщает, что ждет брата из-за границы в сентябре (*Бик*, 252).

Апреля 2. А. П. Иванов в записке к Б. просит о срочной сдаче прилагаемого пакета в «Канцелярию Лонгинова по делам благотворительных учреждений и женских учебных заведений» (*ЛН*, т. 57, 210—211).

Апреля 3. Кудрявцев в письме к Б. делится своими впечатлениями от последних книжек «Отечественных записок» и отмечает большой успех в Москве статьи Б. о «Горе от ума» (*Бик*, 139—142). См. ответ Б. апреля 24.

Апреля около 3. Красов, приехав из Киева в Москву, спешит возобновить переписку с Б. и пересылает ему стихотворения «Время» и «Элегию». Бакунин в приписке к письму Красова отмечает, что приезд последнего «обновил старые, святые воспоминания» (*Бик*, 113—114).

Апреля 6. Герцен в письме к М. Н. Похвисневу сообщает, что он «подбил против Б.» всех тех, кто еще не был против него. Статью Б. «О воспитании» <«О детских книгах»> Герцен считает «оплеухой für sich und an sich» (*Звенья*, II, 364). Возмущение Герцена обусловлено было, видимо, теми положениями статьи, которые непосредственно вытекали из пропагандируемой в эту пору Белинским теории «примирения с действительностью».

Апреля начало. Письмо Кетчера к Б. (до нас не дошло), в котором он «с голоса Бакунина издевается над действительностью Б. и острит над его какой-то Мильхен». Подозревая, что о ней Кетчер мог узнать только от Боткина, Б. умоляет последнего никому больше не читать его интимных писем (*Б*, XI, 514).

Апреля 9. Б. в письме к брату Константину выражает большое огорчение по поводу его ссоры с сестрою, убеждает его жить с нею «мирно, дружески, родственно, словом — п о ч е л о в е ч е с к и» и настаивает на том, чтобы Александра Григорьевна отпустила бы, наконец, на волю крепостную «девку Авдотью», хотя бы «из уважения к памяти матери» (*Б,* XI, 498—499).

Апреля 10. Н. М. Щепкин в письме к Б., недоумевая по поводу его молчания со времени отъезда из Москвы, просит выяснить, не приобретет ли Краевский для «Отечественных записок» переводы повестей Гофмана «Игнатий Деннер» и «Мейстер Фло» (*Бик,* 282; *ЛН*, т. 56, 237).

Апреля около 10. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 4. В номере рецензии Б.: «Повесть и быль. Я. Озерецковского»; «Римские элегии, соч. Гете»; «Три песни патриота. Герцогиня Лонгвиль. Соч. С. Феликса»; «Словарь русских синонимов, ч. 1»; «Репертуар русского театра, изд. И. Песоцким. Третья книжка». Все рецензии не подписаны.

Апреля 12. Выход в свет «Отечественных записок», 1840, № 4, «за три дня до срока по случаю наступающих праздников» (*ЛГ,* 1840, № 29, 691).

Апреля около 14. Б. посетил в ордонанс-гаузе Лермонтова, сидевшего под арестом в ожидании царской конфирмации по делу о его дуэли с Барантом. Встреча эта произвела огромное впечатление на Б. «Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! Как он ниже меня по своим понятиям и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве! Я с ним робок, — меня давят такие целостные, полные натуры, я перед ними благоговею и смиряюсь. . .». Беседа шла о Пушкине, о превосходстве Купера над Вальтер Скоттом, о Гете, о Байроне, о последней повести Соллогуба, о большом свете, о тяге Лермонтова на Кавказ. Б. много спорил с Лермонтовым и был очень тронут тем, что все-таки заметил «в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого» (*Б*, XI, 508—509; *И. Панаев*, 136—137; *Лермонтов,* V, 614). В разговоре с Б. Лермонтов делится замыслом написать «три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство, по примеру Куперовской тетралогии, начинающейся «Последним из могикан», продолжающейся «Путеводителем по пустыне» и «Пионерами» и оканчивающейся «Степями» (*Б,* V, 455).

Апреля около 15. Б., отвечая на письмо Бакунина (не сохранилось), признает, что сейчас он уже считает поездку

Бакунина за границу «действительной потребностью», а не «пустой мечтой праздного самолюбия». Однако Б. рекомендует Бакунину уступить желанию отца и остаться еще на год в Премухине, а свободное время использовать для работы в «Отечественных записках». Статья Бакунина «О философии», опубликованная в последней книжке «Отечественных записок», не оставляет сомнений в желательности для журнала самого активного его сотрудничества (*Б,* XI, 499—501).

Апреля 16. Б. в письме к Боткину описывает тяжелое положение «Отечественных записок» из-за цензурных преследований, травли в «Северной пчеле», отсутствия прочной материальной базы. Б. просит московских друзей убедить Н. П. Огарева ссудить Краевскому от 5 до 15 тысяч для укрепления положения журнала. Прося друзей поддержать «Отечественные записки» и хорошими статьями, Б. уговаривает Каткова взять на себя перевод «Вильгельма Мейстера» Гете, чтобы читатели видели в отделе изящной словесности «нечто гармонирующее с направлением и духом» его литературно-критического раздела. Б. предлагает Боткину в этой же связи «обшарить всего Гофмана», а Бакунину перевести записки Гете и переписку его с Шиллером. Б. считает ошибкою свои статьи о «Бородинской годовщине» и «Очерках Бородинского сражения», над первой из которых «смеялся весь Питер и публично тешился Греч». Б. с увлечением перечитывает «Серапионовы братья» Гофмана, который помог ему понять «фантастическое», как «поэтическое олицетворение таинственных сил, скрывающихся в недрах нашего духа». Б. иронизирует по поводу своих непомерно высоких оценок переводов Каролины Павловой в 1838 г. Восторженно отзываясь о прозе Лермонтова, Б. выделяет из повестей Пушкина только «Капитанскую дочку», но и в ней усматривает «художественный элемент» только «местами». Признавая мастерство Каткова, Б., несмотря на отсутствие в них «непосредственной теплоты сердечной», видит все же в нем «великую надежду науки и русской литературы». Б. в восторге от статьи Бакунина «О философии», защищает от нападок Боткина новую повесть Соллогуба «Большой свет», передает свои беседы с Лермонтовым (см. апреля около 14).

Предаваясь воспоминаниям, Б. жалуется, что жизнь его исчерпывается сейчас «сферой его литературной деятельности», ибо ему «заперты все пути к человеческому счастью». Б. горячо благодарит Боткина за погашение им его долгов Андросову и Степанову. Свои интимные письма Б. разрешает показывать только Грановскому, Кудрявцеву, частично — Каткову (*Б,* XI, 501—516).

Апреля 16. Б., отвечая Кетчеру на его письмо (не сохранилось), отвергает его нападки, как сделанные «с чужого голоса,

по камертону М. А. Бакунина». Б. утверждает, что он «никогда не был и не будет защитником пошлой действительности», но «также и никогда не перестанет смеяться и ругаться над ходульною идеальностию, которой противоречат дела и поступки». Б. просит ускорить переводы рассказов Гофмана, присылку обещанных материалов для «Смеси» «Отечественных записок» и радуется, что Кетчер принялся за Шекспира. Б. передает приветы Огареву, Сатину и Герцену (*Б,* XI, 516—517).

Апреля 16. Б., отвечая М. А. Языкову на его письмо (не сохранилось), сожалеет, что Языков не заехал в Премухино к Бакуниным, делится своими впечатлениями от дружеских встреч с Панаевым, Заикиным и Н. А. Бакуниным и негодует на Межевича «душою и телом предавшегося Полевому, Гречу и Булгарину» (*Б,* XI, 517—518).

Апреля 20. Публикация в «Литературной газете» № 32 рецензии, приписываемой Б.: «Герцогиня Лонгвиль. Соч. С. Феликса» (*БС,* XIII, 46).

Апреля 20. Б. провел вечер у Панаева, где собрались К. Горбунов, П. Заикин, Н. Бакунин и М. Языков (*Б,* XI, 519).

Апреля 21. Б. провожал М. А. Языкова, уезжавшего в Ригу (*Б,* XI, 519).

Апреля 21—24. Б. жалуется на одышку, которая лишает его трудоспособности и приводит в отчаяние (*Б,* XI, 519). См. февраля 20.

Апреля 24. Публикация в «Литературной газете» № 33 рецензий Б.: «Очерки из портфеля ученика натурального класса. Тетрадь I. Мещанин. А. Башуцкого»; «О Ганемане и гомеопатии. Соч. С. Вольского». Рецензии не подписаны.

Апреля 24. Письмо Б. к Кудрявцеву. Отвечая на два письма последнего, Б. радуется предстоящему приезду Кудрявцева в Петербург, поздравляет его с заграничной командировкой и будущей кафедрой. Б. многого ждет от поколения Кудрявцева и Каткова, усматривая в нем «полноту жизни и отсутствие гнилой рефлексии». Б. продолжает высоко ценить повести Кудрявцева, которые только что перечел, но решительно не соглашается с положительным отзывом его о повести Сулье «Призрак любви» (*Б,* XI, 519—521).

Апреля 24. Б. в письме к Боткину снова просит употребить все старания для займа у Огарева денег, необходимых для укрепления «Отечественных записок». Б. напоминает, что для него с этим займом связано «решение страшного вопроса — быть или не быть». Письмо Боткина (до нас не дошедшее) о

московских толках о Б. ошеломляет последнего «словно обухом по голове», ибо Б. не ожидал, что к Герцену и Бакунину присоединится и Огарев. Б. радуется, что Боткин познакомился с Гоголем: «хоть бы из окна в улицу посмотреть на него» (*Б*, XI, 518—519). О встречах Б. с Гоголем см. 1839, декабря 23.

Апреля 27. Выход в свет «Героя нашего времени» Лермонтова (*ЛГ*, 1840, № 34; *СП*, 1840, № 98).

Апреля 27. Б. присутствует на музыкальном вечере у А. Н. Струговщикова. В числе гостей, как свидетельствует последний, были Глинка, Брюллов, Витали, Кукольник, В. Одоевский, Соллогуб, Панаев, Каменский, Э. Губер, Сосницкий, Н. А. Маркевич, Шевченко (*PC*, 1874, IV, 701).

Апреля 28. Кольцов в письме к Б. из Воронежа благодарит его за письмо (до нас не дошло) и передает привет от Мочалова, который хотя и редко видался с Б. в последнее время, но «хочет верить, что Б. к нему не переменился». Н. А. Полевой жаловался Мочалову на Б. за то, что он, не пожелав объясниться и не зная «обстоятельств», так дурно о нем пишет. Кольцов отмечает большой успех в Воронеже статей Б. Разбором «Горя от ума» все довольны, читают и перечитывают, а за статью о Марлинском «все бранят — это их еще кумир». О большом авторитете Белинского еще со времени «Московского наблюдателя» свидетельствуют и отзывы о Б. харьковских студентов, с которыми встречается Кольцов. Посылая семь своих новых произведений, Кольцов просит Б. взять на себя отбор стихотворений для отдельного их издания (*Кольцов*, 213—217).

Апрель — май. Б. начинает посещать по субботам «молодой и шумный» кружок А. А. Комарова, преподавателя русской словесности во 2-м кадетском корпусе. На одном из этих вечеров Б. знакомится и сближается с П. В. Анненковым (*Б*, XI, 530).

«Признаюсь, я был удивлен, — вспоминал Анненков, — когда на вечере А. А. Комарова мне указали под именем Белинского на господина небольшого роста, сутуловатого, со впалой грудью и довольно большими, задумчивыми глазами, который очень скромно, просто и как-то сразу, по-товарищески, отвечал на приветствия новых знакомящихся с ним людей. Разумеется, я уже не встретил ни малейшего признака внушительности, позирования и диктаторских замашек, каких опасался, а, напротив, можно было подметить у Б. признаки робости и застенчивости, не допускавшие, однако ж, и мысли о какой-либо снисходительной помощи или о непрошенных услугах какого-либо торопливого доброжелателя. Видно было, что под этой оболочкой живет гордая, неукротимая натура, способная ежеминутно прорваться наружу. Вообще неловкость Б., спутанные речи и замешательство при встрече с незнакомыми людьми, над чем он сам так много смеялся, имели, как вообще и вся его персона, много выразительного и внушающего: за ними постоянно светился его благородный, цельный, независимый характер» (*П. Анненков*, 185—186).

На одном из вечеров у Комарова Б. много говорит о «мировом значении» недавно опубликованной трагедии Пушкина «Каменный гость». В другой раз, когда зашел спор о повестях Гофмана, Б. настаивает на том, что имя Гофмана должно стоять «рядом с Шекспиром и Гете», ибо «это — писатели одинаковой силы и одного разряда» (*П. Анненков,* 191 и 188—189).

Мая 2. Б. был в Александринском театре, где смотрел Самойлову 2-ю в комедиях «Ножка» и «Сиротка Сусанна» (*Б,* IV, 189). См. июня 5.

Мая 8. Б. был в Александринском театре, где смотрел водевили: «Лев Гурыч Синичкин», «Не влюбляйся без памяти, не женись без расчета» и «Брат по случаю и друг поневоле». Играли Самойлова 2-я, Мартынов и Максимов (*Б,* IV, 189—192). См. июня 5.

Мая 9. М. А. Бакунин в письме к сестрам отмечает, что Николай Бакунин «в большой дружбе с Б., и так как Б. теперь ненавидит меня, он должен быть весьма худо расположен ко мне» (*Бакунин,* II, 423).

Мая 11. Б. провожал до Кронштадта П. Ф. Заикина, уезжавшего за границу. В этот же день Б. простился с Н. А. Бакуниным (*Б,* XI, 521—522).

Мая 11. Н. А. Полевой отказывается от участия в редактировании «Сына отечества», который с девятой книги переходит в распоряжение А. В. Никитенко (*А. Никитенко,* 221). См. июня 21.

Мая 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 5. В номере рецензии Б.: «Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова»; «Басни Ивана Крылова»; «Басни Ивана Хемницера»; «Киевлянин. Книга 1 на 1840 г. Изд. М. Максимович»; «Провинциальные сцены <Д. Н. Бегичева>»; «Новые досуги Ф. Слепушкина»; «Стихотворения А. Папкевича»; «Повести и предания народов славянского племени, изд. И. Боричевским»; «Репертуар русского театра, изд. И.Песоцким, кн. 4»; «Пантеон русского и всех европейских театров, № 3»; «Молодая сибирячка, пер. с франц. А. Попова»; «Рассказ о том, как Иафет ищет отца. Соч. А. Марриета». В этом же номере «Отечественных записок» помещена рецензия на «Кобзарь» Шевченко, приписываемая Б. без достаточных оснований (*Б,* IV, 625—627). *

Предваряя в краткой рецензии свой будущий разбор «Героя нашего времени», Б. писал: «Наконец, среди бледных и эфемерных произведений русской литературы нынешнего года, произведений, из которых только разве некоторые имеют относительное достоинство и только некоторые примечательны в отрицательном смысле, — наконец явилось поэтическое соз-

дание, дышащее свежею, юною, роскошною жизнью сильного и самобытного творческого таланта. «Герой нашего времени» принадлежит к тем явлениям истинного искусства, которые, занимая и услаждая внимание публики, как литературная новость, обращаются в прочный литературный капитал, который с течением времени все более и более увеличивается верными процентами <...> В основной идее романа г. Лермонтова лежит важный современный вопрос о внутреннем человеке, вопрос, на который откликнутся все, и потому роман должен возбудить всеобщее внимание, весь интерес нашей публики. Глубокое чувство действительности, верный инстинкт истины, простота, художественная обрисовка характеров, богатство содержания, неотразимая прелесть изложения, поэтический язык, глубокое знание человеческого сердца и современного общества, широкость и смелость кисти, сила и могущество духа, роскошная фантазия, неисчерпаемое обилие эстетической жизни, самобытность и оригинальность — вот качества этого произведения, представляющего собою совершенно новый мир искусства» (*Б,* IV, 145—147). См. июня 14 и июля 14.

В рецензии на третью книжку «Пантеона русского и всех европейских театров» Б., полемизируя со статьею С. Е. Раича в «Галатее» 1839 г. о Пушкине, в которой утверждалось, что Пушкин «поэт не мировой и не великий», потому что поэзия его «не идеальная и крепко держится земли», замечает, что «по такому определению можно и с Шекспира снять титул великого и мирового поэта: как и Пушкин, он крепко держится земли и в отношении к мечтательности и идеальной выспренности, составляет совершенную противоположность с Шиллером и еще больше с Жан-Полем Рихтером. Но потому-то он и неизмеримо выше обоих их, так выше, что сравнивать его с ними невозможно <...> Шекспир поэт действительности, а не идеальности. Пушкин тоже. В сущности Шекспир более идеальный поэт, нежели Шиллер; но Шекспир, возносясь в превыспреннюю сферу вечных идеалов, низводил их на землю и общее обособлял в индивидуальные определенные и замкнутые в самих себе явления <...> Оставляя в стороне вопрос о превосходстве (которого мы и не думаем отрицать или оспаривать) Шекспира перед Пушкиным, можно смело сказать, что только слепые могут не видеть, что оба эти великие явления творческой силы принадлежат к одному разряду, суть явления родственные. Но потому-то и недоступны они для большинства. Идея, не органически связанная с формою, идея, которая не сквозит через форму, как луч солнечный через граненый хрусталь, а виднеется через трещины и щели формы, — такая идея доступнее для большинства, так же точно, как «идеальные» поэты доступнее для него, чем действительные художники» (*Б,* IV, 165—166). Б. очень ценил эту свою рецензию,

направленную, как он признавался в письме к Боткину, против всех «спиритуалистов-идеалистов» в литературной критике (*Б,* XI, 525).

Мая около 15. Б. с увлечением читает статью Каткова об «Истории древней русской словесности» М. А. Максимовича (*ОЗ,* 1840, № 5, *отдел* V, 37—72), отмечая зрелость и глубину всех ее положений (*Б,* XI, 525).

Мая около 15. Выход в свет «Сына отечества» № 7 (апрель). Н. А. Полевой в анонимной статье «Несколько слов касательно приговора русским поэтам и прозаикам в «Отечественных записках» резко полемизирует с суждениями Б. о русской литературе в рецензии на «Одесский альманах» (*СО,* 1840, № 7, 663—670). Ответ Б. см. мая 29.

Мая около 15. Б., перечитывая «Пертскую красавицу» и «Ниджели» Вальтер Скотта, особенное внимание обращает на героинь этих романов, характеры которых раскрыты «так глубоко, грациозно, истинно, непосредственно» (*Б,* XI, 524).

Мая 16. Б. был в Александринском театре, где смотрел водевили «Чудные приключения», «Хочу быть актрисой, или Двое за шестерых» и «Деловой человек, или Дело в шляпе». Играли Мартынов, Самойлов, Самойлова 2-я (*Б,* IV, 281). См. июля 10.

Мая 16. Б., отвечая на письмо Боткина от 27 апреля, негодует по поводу кастовых предрассудков стариков Бакуниных: «Кровь кипит от негодования, так и хлопнул бы по дворянским физиономиям плебейским кулаком». Б. предостерегает Боткина и от близости с Бакуниным, которого характеризует, как «абстрактного героя <...> человека с чудесной головою, но решительно без сердца, и притом с кровью протухлой соленой трески». Б. спорит с Боткиным из-за переоценки последним романов Вальтер Скотта и признает Купера гораздо бо́льшим художником. Б. хвалит стихи Огарева «Старый дом», Сатина «De profundis», Лермонтова «Воздушный корабль», Кольцова «Думу сокола», повесть Панаева «Белая горячка», последние статьи Каткова. Б. торопит Боткина с высылкой материалов для «Отечественных записок», просит уговорить Кетчера перевести «Блоху» Гофмана, отмечает свою неудовлетворенность новыми стихами Красова (*Б,* XI, 521—526).

Мая около 16. Переезд на службу в Петербург А. И. Герцена (*ГЛ*, IV, 367). Встреча его с Б. произошла не раньше середины июня. См. июня 13 и июня около 15.

Мая около 17. П. Ф. Заикин в записочке к Б. из Травемюнде, на пути в Гамбург, делится своими первыми заграничными впечатлениями (*Бик*, 55—56) *.

Мая 18. Публикация в «Литературной газете» № 40 рецензии Б.: «Басни Ивана Крылова». Рецензия не подписана.

Мая 18. Письма А. Г. Кузьминой, Ф. С., П. П. и В. П. Ивановых из Пачелмы к Б. Родные благодарят Б. за его портрет, присланный Федосье Семеновне (портрет этот до нас не дошел). А. Г. Кузьмина жалуется на долгое молчание Б. (*ЛН*, т. 57, 210—212).

Мая 21. Письмо Боткина к Б., которое «и обрадовало и глубоко тронуло» последнего (*Б*, XI, 526). Письмо это до нас не дошло.

Мая 25. Письмо А. И. Кронеберга к Б. из Харькова с приложением статьи «Гамлет, исправленный г. Полевым» (*Бик*, 124).

Мая 25. Публикация в «Литературной газете» № 42 двух рецензий Б.: «Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова»; «Римские элегии. Соч. Гете. Перевод А. Струговщикова» *. Рецензии не подписаны.

Мая 29. Публикация в «Литературной газете» № 43 статьи Б.: «Журналистика» (Ответ на статью Полевого в «Сыне отечества» о литературно-критических позициях ОЗ). Статья не подписана.

Мая 29. Н. Г. Белинский в письме к брату из Москвы признается в том, что «целый год», данный ему для приготовления к экзамену в университет, прошел «большею частию в непростительном и гадком бездействии». Н. Г. очень обеспокоен тем, что за оставшиеся два месяца он может уже не успеть подготовиться надлежащим образом и тогда, к его ужасу, ему придется поступить на военную или гражданскую службу. От имени А. М. и М. Я. Петровых Н. Г. Белинский передает благодарность Б. за его «прекрасную статью» о «Сказках дедушки Иринея» (*ЛН*, т. 57, 212—213).

Мая 30. Д. П. Иванов в письме к Б. выражает недоумение по поводу долгого его молчания и неприсылки денег, должных им Дарье Титовне, находящейся в крайней нужде. Он полагает, что Б. должен присылать также не менее 10—15 руб. асс. на «мелочные нужды» Никанора (*ЛН*, т. 57, 213—214). См. июля 19.

Май — июнь? Б. встречается у Панаевых с И. С. Аксаковым, студентом Училища Правоведения (*А. Панаева*, 105—106; ср. *И. Аксаков*, I, 32, 147). Б. видит в Аксакове «натуру здоровую, а направление действительное, крепкое и мужественное» (*Бик*, 25).

Июня 4. Б. был на очередной «субботе» в кружке А. А. Комарова (*Б*, XI, 530).

Июня 4. А. Я. Кульчицкий в письме к Б. просит похлопотать перед Краевским об опубликовании в «Литературной газете» его статьи о гастролях в Харькове петербургского актера П. И. Григорьева (*Бик,* 151—152).

Июня 5. Публикация в «Литературной газете» № 45 рецензии Б.: «Александринский театр. — «Сиротка Сусанна. Комедия-водевиль Маурера, перев. П. И. Григорьева»; «Ножка. Водевиль, перев. с франц. П. А. Каратыгина»; «Новички в любви. Водевиль Н. А. Коровкина»; «Лев Гурыч Синичкин. Комедия-водевиль Д. Ленского»; «Не влюбляйся без пямяти, не женись без расчета. Соч. Ф. А. Кони»; «Брат по случаю и друг поневоле. Водевиль, перев. с франц. П. С. Федорова». Подпись: В. Белинский.

Июня 11. Б. был на очередной «субботе» у А. А. Комарова (*Б*, XI, 530).

Июня 13. Письмо Б. к Боткину, посланное с оказией, через П. В. Анненкова, которого Б. характеризует, как своего «доброго приятеля». Б. объясняет задержку своего ответа на письмо Боткина от 21 мая работой над статьей о «Герое нашего времени». Под впечатлением этого романа Б. утверждает: «Мы не можем шагу сделать без рефлексии <...> Воспитание лишило нас религии, обстоятельства жизни не дали нам положительного образования и лишили в с я к о й возможности сродниться с наукою; с действительностию мы в ссоре и по праву ненавидим и презираем ее, как и она по праву ненавидит и презирает нас». Лермонтов для Б. «великий поэт», ибо он «объектировал» в «Герое нашего времени» современное общество и его представителей. В этом отношении, как полагает Б., Лермонтов более близок Пушкину, чем Гоголю. Б. признается, что «с французами помирился совершенно» и не сомневается в их «всемирно-историческом значении». Любовь Б. «ко всему родному, русскому стала грустнее: это уже не прекраснодушный энтузиазм, но страдальческое чувство». Б. рекомендует Боткину прочесть «Красного морского разбойника» Купера: «глубоко и необъятно, как море, просто, как жизнь петербургского чиновника». Б. продолжает отрицать драматургию Шиллера и не скрывает своего нерасположения к Герцену, которого он еще не видел после его приезда. Б. пересылает Боткину «чудесную песню» Кольцова («Так и рвется душа») и эпиграммы Якубовича и Соболевского на «Маяк». Б. отмечает получение им дружеских писем от М. А. и Н. А. Бакуниных. Письма эти не сохранились (*Б,* XI, 526—532).

Июня 13. П. Ф. Заикин в письме к Б. из Берлина сообщает, со слов Вердера и И. С. Тургенева, что здоровье Станкевича, выехавшего в Италию, находится в крайне тяжелом состоянии (*Бик,* 53—55). См. июня 24.

Июня 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 6. В номере начало статьи о «Герое нашего времени. Соч. М. Лермонтова» и рецензии: «Замок Сен-Жермен. Соч. г-жи Ребо, перев. с франц. С. Зотова»; «Изображение переворотов в политической системе европейских государств. Соч. Ф. Ансильона»; «Записки Желябужского с 1682 по 1709 г.»; «Жизнь В. Шекспира. — Репертуар русского театра, изд. И. Песоцким, кн. 5»; «Пантеон, изд. Ф. Кони, № 4»; «Три розы. Книжка для детей, изд. Б. Федоров». Статья и все рецензии без подписи.

Разбору «Героя нашего времени» Б. предпосылает общую характеристику русской поэзии послепушкинской поры и творчества Лермонтова, как «нового яркого светила», неожиданно взошедшего «на горизонте нашей поэзии» и «тотчас оказавшегося звездою первой величины». Напоминая о том, что «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», напечатанная в 1838 г., без имени автора, «несмотря на ее великое художественное достоинство, совершенную оригинальность и самобытность, не обратила на себя особенного внимания всей публики и была замечена только немногими», Б. подчеркивает, что «каждое из мелких произведений» Лермонтова, появлявшихся с 1839 г. на страницах «Отечественных записок», уже «возбуждало общий сильный восторг. Все видели в них что-то совершенно новое, самобытное; всех поражало могущество вдохновения, глубина и сила чувства, роскошь фантазии, полнота жизни и резко ощутительное присутствие мысли в художественной форме». Первое же прозаическое произведение Лермонтова, повесть «Бэла», «еще более обнаружило силу молодого таланта и показало его разнообразие и многосторонность». Б. отмечает внутреннее единство всего цикла повестей, объединенных под одним общим заглавием «Герой нашего времени», и заключает: «Эта полнота впечатления, в котором все разнообразные чувства, волновавшие вас при чтении романа, сливаются в единое общее чувство, в котором все лица, — каждое столько интересное само по себе, так полно образованное,— становятся вокруг одного лица, составляют с ним группу, которой средоточие есть это одно лицо, вместе с вами смотрят на него, кто с любовию, кто с ненавистию, — какая причина этой полноты впечатления? Она заключается в единстве мысли, которая выразилась в романе и от которой произошла эта гармоническая соответственность частей с целым, это строго соразмерное распределение ролей для всех лиц, наконец, эта оконченность, полнота и замкнутость целого» (*Б*, IV, 196—200). В основу разбора художественной структуры «Героя нашего времени» Б. кладет те же приемы, которые использованы были им при анализе «Ревизора» и «Горя от ума». Окончание статьи см. июля 14.

Июня 14. Б., отвечая на письмо К. С. Аксакова от 10 января, стремится внести ясность в их осложнившиеся взаимоотношения. Б. протестует против нападок К. Аксакова на Боткина и Каткова и не соглашается с его пониманием ухода в науку, как бегства от действительности. Б. напоминает, что «действительность знания есть действительность жизни», забвение чего порождает в науке Тредьяковских и Шевыревых. Б. продолжает считать Гоголя «великим художником», но полагает, что только Пушкин «выразил и исчерпал собою всю глубину русской жизни» (*Б,* XI, 532—535).

Июня около 15. Встреча Б. с Герценом — «холодная, неприятная, натянутая» (*Герцен,* IX, 27).

Июня середина. Б. проводит все свободное время с Катковым, приехавшим из Москвы и остановившимся у Панаевых (*Б,* XI, 146; *Бакунин,* II, 434).

Июня 17. Б. в письме к Д. П. Иванову горячо благодарит за заботы о брате Никаноре. Б. объясняет задержку в высылке денег для расплаты со старыми московскими долгами шаткостью своей материальной базы в Петербурге, которая будет налажена не раньше зимы. Б. отмечает получение им большого числа писем от родных (*Б,* XI, 535—537).

Июня 18. Выход в свет «Сына отечества», кн. 4 (апрель). В статье «Литературные известия» Полевой резко полемизирует с «литературными мнениями клики «Отечественных записок» и «Литературной газеты», имея в виду статьи Б. в «Отечественных записках», №№ 4 и 5, и в «Литературной газете» № 43 (*СО,* 1840, кн. 4, 889—893). См. июля 6.

Июня около 20. Б. получает письмо от Н. А. Бакунина о желании М. А. Бакунина перед отъездом за границу «обстоятельно и на счет всего переговорить и объясниться» (*Б,* XI, 541).

Июня 21. Краевский в письме к А. В. Никитенко выражает горячее удовлетворение по поводу «изгнания» Полевого из «Сына отечества» и обещает от имени «Отечественных записок» установление корректных отношений с новой редакцией «Сына отечества» (*Архив А. В. Никитенко в ПД*). См. мая 11.

Июня 24. В ночь с 24 на 25 июня в Нови, около Генуи, скончался Станкевич (*Б,* XI, 540). См. августа 12.

Июня 27. Бакунин, приехав в Петербург, посещает Б., у которого застает Каткова. В присутствии Б. происходит бурное объяснение, в процессе которого Катков, уличив Бакунина в распространении сплетен об его отношениях с М. Л. Огаревой, дает ему пощечину. Б. соглашается быть секундантом Каткова, вызванного Бакуниным на дуэль. В этот же день на даче у Краевского Б., Панаев и Языков совещаются об урегулиро-

вании конфликта. Вечером Бакунин передает Б. записку, в которой предлагает перенести поединок в Берлин, ибо, по русским законам, оставшийся после дуэли в живых подлежит сдаче в солдаты (*Б*, XI, 541—544).

Июня 29. А. П. Иванов в письме к Б. просит оказать содействие Н. Г. Белинскому и П. П. Иванову для поступления в Московский университет (*ЛН*, т. 57, 215).

Июня 29. Бакунин в письме к родным отмечает: «По приезде сюда у меня произошло большое и серьезное объяснение с г. Катковым, который находится в Петербурге уже две недели. Белинский встретил меня очень холодно, я отвечал ему тем же. Теперь ясно, что отныне мы друг для друга не существуем. Я покончил со всеми этими господами за исключением Станкевича, которого я всегда от них отделял» (*Бакунин,* II, 435).

Июня 29. Бакунин выезжает из Петербурга за границу (*Бакунин* II, 436; *А. Корнилов,* II, 10).

Июля около 5. Кетчер в письме к Герцену упрекает последнего за «домашние остроты» по адресу Б. и горячо рекомендует «не расходиться совершенно с Б., несмотря на все <его> уродства». Огарев настаивает на том же и просит отдать Б. для опубликования в «Отечественных записках» несколько своих стихотворений (*РМ*, 1889, I, 12).

Июля 6. Публикация в «Литературной газете» № 54 ответа Б. на статью Полевого об «Отечественных записках» в «Сыне отечества» (*БС*, XIII, 52—59). См. июня 18.

Июля 10. Публикация в «Литературной газете» № 55 рецензии Б. «Александринский театр. — «Чудные приключения и удивительное морское путешествие Пьетро Дандини. Водевиль, переделанный с французского Д. Ленским»; «Хочу быть актрисой! или Двое за шестерых. Водевиль П. С. Федорова»; «Деловой человек. Комедия Ф. Кони».

Июля 12. Б. был в Александринском театре, где смотрел новые комедии Полевого (*Б,* IV, 295). См. июля 31.

Июля 13. М. А. Бакунин, вспоминая в письме к родным о Б., отмечал: «Последнее свидание наше вполне убедило меня в том, что мы совершенно разошлись с ним... Мы идем совершенно противуположными путями. Не знаю, как он обо мне думает, но я никогда не перестану думать и быть уверенным, что, при всем его внешнем цинизме и несмотря на совершенно ложное направление, которому он теперь следует, в нем много глубокого, святого. Мне грустно за него, потому что он глубоко страдает; он мученик обстоятельств и своего ложного направления» (*Бакунин,* III, 6).

Июля 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 7. В отделе «Критика» окончание статьи Б. о «Герое нашего времени». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Наука любви»; «Введение в философию соч. проф. Карпова»; «Словарь русских синонимов <А. И. Галича>. Вып. II и III»; «Репертуар русского театра, кн. 6 и 7. — Пантеон русских и всех европейских театров, № 5 и 7»; «Руководство к познанию древней истории. С. Смарагдова». Статья и рецензии без подписи.

Характеризуя роман Лермонтова как «грустную думу о нашем времени», Б. свой детальный разбор структуры и образной системы «Героя нашего времени» заканчивает раскрытием связей, идущих от Печорина к Онегину: Печорин — это «Онегин нашего времени, герой нашего времени. Несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорою». Однако «со стороны художественного выполнения нечего и сравнивать Онегина с Печориным». Причину этого Б. усматривает «не в недостатке таланта» Лермонтова, а в том, что изображаемый им характер так близок к самому автору, что «он не в силах был отделаться от него и объективировать его»: «...вот причина неопределенности Печорина и тех противоречий, которыми так часто опутывается изображение этого характера. Чтобы изобразить верно данный характер, надо совершенно отделаться от него, стать выше его, смотреть на него как на нечто оконченное. Но этого, повторяем, не видно в создании Печорина. Он скрывается от нас таким же неполным и неразгаданным существом, как и является нам в начале романа. Оттого и самый роман, поражая удивительным единством ощущения, нисколько не поражает единством мысли и оставляет нас без всякой перспективы, которая невольно возникает в фантазии читателя по прочтении художественного произведения и в которую невольно погружается очарованный взор его. В этом романе удивительная замкнутость создания, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданию чрез единство поэтической идеи, а происходящая от единства поэтического ощущения, которым он так глубоко поражает душу читателя. В нем есть что-то неразгаданное, как бы недоговоренное, как в «Вертере» Гёте, и потому есть что-то тяжелое в его впечатлении. Но этот недостаток есть в то же время и достоинство романа г. Лермонтова: таковы бывают все современные общественные вопросы, высказываемые в поэтических произведениях: это вопль страдания, но вопль, который облегчает страдание <...> Это же единство ощущения, а не идеи, связывает и весь роман. В «Онегине» все части органически сочленены, ибо в избранной рамке романа своего Пушкин исчерпал всю свою идею, и потому в нем ни одной части нельзя ни изменить, ни заменить. «Герой нашего времени» представляет собою несколько рамок, вложенных в

одну большую раму, которая состоит в названии романа и единстве героя. Части этого романа расположены сообразно с внутреннею необходимостию; но как они суть только отдельные случаи из жизни хотя и одного и того же человека, то и могли б быть заменены другими, ибо вместо приключения в крепости с Бэлою, или в Тамани, могли б быть подобные же и в других местах и с другими лицами, хотя при одном и том же герое. Но тем не менее, основная мысль автора дает им единство, и общность их впечатления поразительна» (*Б*, IV, 265—268).

Июля 17. Н. Г. Белинский, отвечая на недошедшее до нас письмо Б., благодарит брата за снисходительное отношение к его проступкам и просит помочь ему поступить если не в Московский, то в Петербургский университет (*ЛН*, т. 57, с. 215).

Июля 19. А. М. Петрова в письме к Б. дружески упрекает его за то, что он оставил в Москве своего брата Никанора «без всякой помощи, в жалком состоянии». По впечатлениям А. М. Петровой, Никанор «совсем оборвался, так что без сострадания нельзя смотреть на него» (*Бик*, 251).

Июля 19. Грановский, вспоминая в письме к Неверову «гадкие, можно сказать, подлые статьи Б. о Бородинской годовщине», утверждает, что они были «внушены» Бакуниным, который «первый же и восстал против них» (*Грановский,* 403).

Июля 21. А. П. Ефремов в письме к Б. из Берлина сообщает о смерти Станкевича (см. июня 24) и о тяжелом положении в связи с этим В. А. Дьяковой. По поручению Бакунина, Ефремов просит Б. переговорить с Катковым об отсрочке дуэли до урегулирования дел В. А. Дьяковой (*Бик,* 48—50).

Июля 24. Письмо Боткина к Б. из Нижнего-Новгорода (*Б,* XI, 537). Это письмо не сохранилось. Ответ Б. см. августа 12—16.

Июля 31. Цензур. разреш. «Литературной газеты» № 61. В номере обзор Б. «Александринский театр. — «Солдатское сердце, или Бивуак в Саволаксе. Драматический анекдот Н. Полевого»; «Пожилая девушка, или Искусство выходить замуж. Комедия-водевиль, перед. с франц. П. С. Федоровым»; «Иван Иванович Недотрога. Комедия в 1 д., перед. с франц. Н. А. Полевым»; «Он за все платит. Вод. в 1 д. Соч. Баяра и Варнера, пер. с франц. Н. Полевого». Подпись: В. Б.

Июль — август. П. Ф. Заикин в письме к Б. из Францен-сбада жалуется на неаккуратность Б., задержавшего возвращение своего долга (*Бик,* 56).

Июль — август? Выход в свет «Сына отечества», 1840, № 6. В номере, печатание которого сильно задержалось, опуб-

ликована посмертная статья С. Строева с резкими выпадами против Б. по поводу его разбора «Очерков Бородинского сражения». Выписав из этой статьи две страницы, С. Строев заявляет, что, читая «весь этот набор высокопарных слов, нет никакой возможности удержаться сначала от смеха, а потом от сна». Разбор заканчивается протестом против использования критических статей для рассуждений, не связанных непосредственно с рецензируемым материалом (*СО*, 1840, кн. 6, 545—548).

Августа около 1. Публикация в журнале «Маяк», ч. VII, «Писем Бронницкого помещика» С. Навроцкого, с резкими выпадами по адресу Б.: «Есть у нас один литературо-словесник, пламенный копиист всего нового, реформатурного в литературе, критик, для которого какой-нибудь Державин нипочем», но который «требования свои еще не проявил нормальным образом ни субъективно, ни объективно» (*Маяк,* 1840, ч. VII, 105—106).

Августа 2? Публикация комедии С. Навроцкого «Новый водоросль», в которой выведен Б. под именем Кутейкина, — «литератора двадцати пяти лет, последователя юной школы, не кончившего университетского курса, но усиливающегося быть преобразователем отечественного языка и критикующего всех русских писателей от Ломоносова до Полевого включительно» (*Маяк,* 1840, ч. VI, 64; *СП,* 5, VIII, 1840 г.). Ответ на эти выпады см. *Б,* V, 86—89.

Августа 12. Б. в письме к Боткину сообщает о только что полученной им записке А. П. Ефремова с известием о смерти Станкевича. Недоумевая, почему эта страшная новость не произвела на него «особенного впечатления», Б. отмечает: «Мысль о тщете жизни убила во мне даже само страдание». Рассказывая о своих частых встречах с Катковым, Б. признает, что последний «много заставил его двинуться, сам того не зная». Эти сдвиги сказались в окончании статьи о «Герое нашего времени». От теоретических рассуждений об искусстве Б. «снова хочет обратиться к жизни и говорить о жизни». Под впечатлением только что прочитанных им пяти трагедий Софокла, Б. утверждает, что перед ним открылся «новый мир искусства». В это же время Б. читает «запоем» В. Скотта, восторженно реагирует на «Антония и Клеопатру» Шекспира и «Последнего из могикан» Купера.

Свои материальные условия Б. считает «худыми до последней степени». В расчете на 4 тыс. руб. асс. Б. собирается писать по заказу книгопродавца Полякова «историю русской литературы с пиитикой» (*Б*, XI, 537—541).

Августа 12—16. Б., пользуясь оказией (поездка в Москву В. С. Межевича), отвечает Боткину на его письмо от 24 июля и подробно его информирует о столкновении Каткова с Баку-

ниным перед отъездом последнего за границу. Б. рассчитывает в ближайшее время послать письма Кульчицкому, Кронебергу и Красову (*Б*, XI, 541—544).

Августа 13. К. Г. Белинский в письме к Б. запрашивает о состоянии здоровья Д. К. Исаева (*ЛН*, т. 57, 215).

Августа 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 8. В номере рецензия Б.: «Оборона летописи русской Несторовой от навета скептиков. <Соч. П. Г. Буткова>». Рецензия не подписана.

Августа 15. Кольцов в письме к Б. горячо благодарит его за приглашение перебраться в Петербург. От организации книжной лавки Кольцов отказывается, но заведование конторой «Отечественных записок» его очень соблазняет. Кольцов подчеркивает свое восхищение статьями Б.: «Апостол вы, а ваша речь — высокая, святая речь убеждения». Признавая, что он многим обязан Б. в своем развитии, Кольцов соглашается с суровой оценкой своих последних произведений, а потому просит отложить еще на год тот план издания его стихотворений, о котором он списывался с Б. (*Кольцов*, 218).

Августа 16. Б. в письме к Кетчеру благодарит его за перевод «Мейстера Фло» Гофмана, сообщает о запрещении «Крошки Цахес», просит прислать переводы «Ричарда II» и «Эгмонта». Б. обращает внимание Кетчера, как приятеля Межевича, на исключительную небрежность, проявляемую последним в подборе и корректировании материалов для «Литературной газеты» (*Б*, XI, 545).

Августа 17. Боткин, не получив еще письма Б. от 12 августа, сообщает ему в нескольких строках о смерти Станкевича (*БЛ*, II, 393—394).

Августа около 20. Б. встречается с Кудрявцевым, приехавшим на несколько дней из Москвы. Несмотря на то, что Б. видался с ним «урывками», эти встречи произвели на него сильное впечатление. Через Кудрявцева Б. отправляет письма своим московским друзьям (*Б*, XI, 554, 559, 580).

Августа 22. В. К. Ржевский в письме к Б. рекомендует его вниманию молодого художника Рагозинского, прося помочь в первых его шагах в столице (*Бик*, 260—261).

Августа 23. «Северная пчела» отмечает, что редактором «Литературной газеты» с 1841 г. будет Ф. А. Кони (*СП*, 1840, № 189). См. сентября 25.

Августа 23. Б. в письме к А. П. Ефремову делится своим тяжелым впечатлением от известия о смерти Станкевича и просит о возвращении своих писем к покойному. На заботы Ефре-

мова о предотвращении дуэли Бакунина с Катковым Б. отвечает советом Бакунину письменно признать свою вину (*Б,* XI, 546—549).

Августа 23. Б., отвечая с оказией на письмо К. С. Аксакова (до нас не дошедшее), соглашается с тем, что всякие «заочные объяснения глупы», и рад восстановлению их прежних дружеских отношений. Б. горько жалуется на отсутствие у нас «политической, религиозной, ученой и литературной жизни»: «Мы люди вне общества, потому что Россия не есть общество <...> Скука, апатия, томление в бесплодных порывах — вот наша жизнь. Что за жизнь для человека вне общества? Мы ведь не монахи средних веков. Гадкое государство Китай, но еще гаже государство, в котором есть богатые элементы для жизни, но которое спеленано в тисках железных и представляет собою образ младенца в английской болезни. Гадко, гнусно, ужасно! Нет больше сил, нет терпенья» (*Б,* XI, 546).

Августа 29. П. П. Клюшников отвечает на не дошедшее до нас письмо Б. о смерти Станкевича (*Бик,* 76).

Август—сентябрь. Б. переживает новое любовное увлечение, которое «до основания потрясло всю его натуру, возвратило ему слезы и бесконечное, томительное, страстное порывание, — и кончилось н и ч е м, как и прежде» (*Б,* XI, 554 и 559).

Сентября 2. Краевский в письме к Шевыреву отмечает, что «Отечественные записки» «расшевелили читающий люд, и уже образовалась сторона, воюющая за них против брамбеистов, гречистов и полевистов... В нынешнем году подписка увеличилась 700 лицами, несмотря на голод и всеобщую нужду в деньгах» (*ЛН,* т. 56, 140).

Сентября 3. Письмо Боткина к Б., до нас не дошедшее (*Б,* XI, 555). Ответ на него Б. см. октября 4.

Сентября 3. Письмо Б. к А. И. Кронебергу (до нас не дошедшее) по поводу его «прекрасной статьи о Шекспире» и перевода трагедии «Ричард II» (*Б,* XI, 554).

Сентября 3. Б., отвечая на письма А. Я. Кульчицкого от 28 января и 4 июня 1840 г., просит прощения за долгое молчание. Б. радуется заочному сближению с Кульчицким, письма которого заключают в себе «столько юмору, столько неподдельного, милого и добродушного остроумия». Б. очень положительно откликается на статью Кульчицкого об актере П. И. Григорьеве, напечатанную в «Литературной газете», и рекомендует ему «приняться за юмористические статьи — рисовать провинциальные нравы»: «Знаете, русские типы — помещик, помещица, семинарист, советник палаты, профессор, студент и пр. и пр.» (*Б,* XI, 549—551).

Сентября 3. Б. был в Александринском театре, где в бенефис Самойлова шли: драма «Безыменное письмо» В. Строева и комедия «Петербургские квартиры» Ф. А. Кони (*Б,* IV, 325). См. октября около 14.

Сентября около 4. Красов в письме к Б. жалуется на его молчание, рассказывает о своем житье-бытье в Москве и возмущается небрежностью, с которой печатаются в «Отечественных записках» его стихотворения (*Бик,* 114—116).

Сентября около 4. Б. встречается с П. В. Анненковым, возвратившимся из Москвы (*Б,* XI, 554).

Сентября 4. Письмо Бакунина к Б. (не сохранилось), в котором он признавался, что «желал бы переделать свое прошедшее», что Б. был прав, называя его «сухим диалектиком» и пр. Б. решил не отвечать Бакунину, так как «первейшим условием во всякого рода сношениях» личного порядка, по его мнению, должна быть «прямота и честность», а не «умствования и рассуждения» (*Б,* XI, 557).

Сентября 5. Б., отвечая на письмо Боткина (письмо последнего не сохранилось), соглашается с ним, что от их молодости остался лишь «дым фантазий и мечтаний». Однако Б. усматривает свое отличие от Боткина в том, что он этот «дым, который ест ему глаза и затрудняет дыхание», называет дымом, не отстаивая «свой век», за который Боткин почему-то ратует «с донкихотским задором». Равнодушие Боткина к вопросу о личном бессмертии Б. считает временным: «Увидишь, что этот вопрос — альфа и омега истины и что в его решении наше искупление. Я плюю на философию, которая потому только с презрением прошла мимо этого вопроса, что не в силах была решить его. Гегель не благоволил ко всему фантастическому как прямо противоположному определенно действительному: Катков говорит, что это — о г р а н и ч е н н о с т ь. Я с ним согласен». Б. не желает, подобно Боткину, гнать от себя «рассудочные рефлексии» о будущей жизни, но хочет «прямо смотреть в глаза всякому страху и ничего не гнать от себя, но ко всему подходить». Б. с нетерпением ждет приезда Кольцова и недоумевает по поводу молчания Грановского (*Б,* XI, 551—555).

Сентября 13. Б. посетил С. Т. Аксакова, приехавшего в Петербург, и жаловался ему на тяжелые условия своей жизни (*ЛН,* т. 56, 141).

Сентября 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 9. В номере рецензии Б.: «Угол. Соч. Александрова (Дуровой)»; «Генерал Каломерос. Роман. Соч. А. Вельтмана»; «Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова»; «Кот Мурр.

Повесть. Соч. Э. Т. А. Гофмана. Перевод с немец. Н. Кетчера». Все рецензии без подписи.

В рецензии о новом переводе «Кота Мурра» Б. обещает «поговорить подробно» о Гофмане в специальной статье, которая появится после разбора «Римских элегий» (*Б*, IV, 311). Замысел этот остался неосуществленным.

Сентября 25. Краевский объявляет о передаче редакции «Литературной газеты» с 1 января 1841 г. Ф. А. Кони (*ЛГ*, 1840, № 77). См. августа 23 и декабря 21.

Сентября 27. «Северная пчела» в анонимной «Журнальной мозаике» иронически объявляет: «Из какого-то претолстого и претяжелого журнала бежал последний смысл и унес с собой остальную грамматику... Приметы беглеца: хром, крив и кссноязычен» (*СП*, 1840, № 218).

Сентября 28. Краевский, публикуя в «Литературной газете» «Объявление о продолжении издания «Отечественных записок» в 1841 г.», сообщает: «По примеру прошлого года представляем здесь имена всех русских ученых и литераторов, которые содействовали редакции в трудах ее: Аксаков, Бакунин, Баратынский, Боровиковский, Белинский, Вуич, кн. Вяземский, Галахов, Гамазов, барон Гейкинг, Гельмерсен, Глинка (Ф. Н.), Гребенка, Грот, о. Иакинф, Катков, Кольцов, Красов, Лажечников, Лермонтов, Майков, Макаров, Мельников, Мяснов, Неверов, Огарев, кн. Одоевский, Ознобишин, — ва <К. Павлова>, Панаев, Погодин, Полежаев, Полонский, Пушкин <С. Л.>, Решетников, Сатин, граф Соллогуб, Сорокин, Срезневский, Струговщиков, Чаруковский, Шварц, Шевырев и другие, не подписывавшие своих имен под статьями» (*ЛГ*, 1840, № 78, 1775).

Сентября 28. А. И. Кронеберг в записке к Б. предупреждает об отправке им на имя Боткина перевода «Двенадцатой ночи» Шекспира (*Бик*, 125).

Сентября 28. А. Я. Кульчицкий в своем ответе из Харькова на письмо Б. от 3 сентября высоко оценивает только что прочитанный им в «Отечественных записках» разбор «Героя нашего времени» и отмечает то «особенное наслаждение», которое получают харьковские почитатели Б. от его статей. К своему письму Кульчицкий прилагает перевод стихотворения Гейне «Die Bergstimme» и статью для «Литературной газеты» о Харьковском театре (*Бик*, 152—156).

Сентября конец. Письмо Б. к Красову (до нас не дошло). См. ответ на него октября 31 (*ЛМ*, 176).

Октября 2. Б. и Панаев провели вечер у С. Т. Аксакова (*ЛН*, т. 56, 144). В этот же день Б. получил письмо от Боткина (*Б*, XI, 555).

Октября 3. Д. П. Иванов, отвечая на письмо Б. от 17 июня, осведомляет его о том, что Никанор Белинский, вторично провалившись на экзаменах в университет, «начал свои занятия снова». Подозревая, что Б. обижен его указаниями на необходимость регулярной материальной помощи Никанору, Д. П. Иванов убеждает его в том, что он вовсе не собирается снять с себя заботы о брате Б. и считает себя в неоплатном долгу у Б. за все то, что последний сделал в свое время для его «нравственной жизни», «образования», для обеспечения его быта и служебного положения (*ЛН,* т. 57, 216—217).

Октября 3. А. И. Кронеберг, посылая Б. для «Отечественных записок» перевод из «Оссиана», рассказывает о работе своей над «Гамлетом» (*Бик,* 125).

Октября около 4. Б., встретившись с Герценом, беседует с ним о Бакунине, недавно уехавшем за границу. Герцен соглашается с Б., что Бакунина «можно уважать за ум, но не любить» (*Б*, XI, 556).

Октября 4. Боткин в письме к Б. просит срочно выяснить, где оставил Катков, уезжая за границу, рукопись перевода «Ромео и Джульетты», обещанную им Мочалову (*Бик,* 35—36).

Октября 4. Б. в письме к Боткину признается, что его «теперь всего поглотила идея достоинства человеческой личности и ее горькой участи — ужасное противоречие!» Б. резко отказывается от своих недавних идеологических позиций: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусною действительностию! Да здравствует великий Шиллер, благородный адвокат человечества, яркая звезда спасения, эманципатор общества от кровавых предрассудков предания! Да здравствует разум, да скроется тьма! — как восклицал великий Пушкин. — Для меня теперь ч е л о в е ч е с к а я л и ч н о с т ь выше истории, выше общества, выше человечества. Это мысль и дума века! Боже мой! страшно подумать, что со мною было—горячка или помешательство ума, — я словно выздоравливающий».
Б. считает, что «Отечественные записки» издаются «трудом трех человек» — Краевского, Белинского и Каткова. Весь прочий материал случаен. Отсюда и недочеты журнала — отсутствие в нем живых исторических статей и иностранной критики. Б. делится своими впечатлениями от «Следопыта» Купера, называя последнего «величайшим художником», а роман его «чудом». Перечитав недавно все трагедии Софокла (в переводе Мартынова), Б. больше всего был поражен «Антигоной». Б. ждет сведений о Гоголе, рассчитывает на скорый приезд Кольцова, делится впечатлениями от встречи с Анненковым и отмечает получение письма от Бакунина (*Б,* XI, 555—560).

Октября 4. Б. в письме к Д. Иванову выражает беспокойство из-за долгого отсутствия вестей о брате Никаноре, деньги на содержание которого Б. отправил через Кудрявцева (*Б,* XI, 560).

Октября 5. «Северная пчела» в анонимном фельетоне «Объяснение с почтенными корреспондентами» заявляет о своем пренебрежении к нападкам «Отечественных записок» (*СП,* 1840, № 225).

Октября около 10. Встречи Б. с Герценом и В. В. Пассеком (*ГЛ,* II, 374).

Октября 12. Боткин в письме к Б. и Каткову просит ускорить оформление разрешения театральной цензурой постановки «Ромео и Джульетты». Боткин обещает в ближайшие дни выслать Б. «Двенадцатую ночь» Шекспира в новом переводе Кронеберга (*Бик,* 36).

Октября 12. Н. Г. Белинский в письме к брату передает подробности своего провала на экзаменах и выражает надежду, что еще один год, предоставленный ему Б., для подготовки к вступительным экзаменам в университет, позволит ему «положить прочные начала в необходимых предметах». Н. Г. Белинский, благодаря брата за материальную поддержку, жалуется на нужду в белье, обуви и верхней одежде. К письму сделана приписка Ивановым (*ЛН,* т. 57, 218).

Октября около 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 10. В номере рецензии Б.: «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия. Соч. Д. Н. Бегичева»; «Ярчук. Соч. Александрова (Дуровой)»; «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона. Соч. Р. Зотова»; «Престарелая кокетка. Соч. Т. Моствило-Головача»; «Репертуар русского театра, изд. И. Песоцким, №№ 8 и 9. Приложения: Антоний и Клеопатра, Шекспира. — Пантеон русского и всех европейских театров, №№ 7 и 8. — Текущий репертуар русской сцены. Пожилая девушка. Комедия-водевиль». В этом же номере обзор Б.: «Русский театр в Петербурге.— «Безыменное письмо, оригинальная драма В. Строева»; «Петербургские квартиры, оригинальная комедия Ф. Кони»; «Донна Луиза, инфанта португальская. Соч. Р. Зотова»; «Тигровая кожа. Водевиль. Соч. * * *»; «Новый Недоросль. Соч. С. П. Навроцкого»; «Тайна матери. Комедия-водевиль, перев. с франц.»; «Деревенский доктор. Комедия-водевиль, перев. с франц.»; «Два венца. Комедия, перев. с франц. А. Жандра»; «Задушевные друзья. Комедия-водевиль, перев. с франц. П. Федорова». Все рецензии и обзор опубликованы без подписи Б.

Октября около 15. Приезд в Петербург Кольцова, который останавливается у Б. Кольцов привозит с собою письмо к Б. от Кетчера, нам неизвестное (*Б,* XI, 565 и 568).

Октября 16. «Литературная газета» отвечает на выпады против «Отечественных записок» в «Северной пчеле» (*ЛГ,* 1840, № 83). См. октября 5.

Октября 19. Б. с Кольцовым, Панаевым и Языковым провожают до Кронштадта Каткова и Анненкова, уезжающих за границу (*Б,* XI, 564; *П. Анненков,* 268—269) *.

Октября 22. Боткин в письме к Б. сообщает о своем разрыве с А. А. Бакуниной. К письму приложены были переводы Кронеберга: «Двенадцатая ночь» Шекспира и стихи Гейне (*БЛ,* II, 399).

Октября 25. Б., откликаясь на письмо Боткина от 22 октября, сообщает, что весть о его разрыве с А. А. Бакуниной «потрясла все его существо». Б. считает, однако, что в этой развязке никто не виноват, ибо «эта девушка не для земли» и рекомендует Боткину «оторваться от мира идеального и войти в интересы мира положительного». Б. делится своими впечатлениями от Кольцова («Экая богатая и благородная натура!»), обращает внимание Боткина на «чудесную» статью Каткова о Сарре Толстой, на повесть Соллогуба «Тарантас», на стихи Огарева «Ночной сторож». Вспоминая о последних своих встречах с Катковым, Б. находит, что это «могучий дух, блестящая, богатая надежда в будущем», но близкие отношения с ним «тяжелы». Б. ждет ответа на свое письмо к Красову с просьбою о стихах для «Отечественных записок» (*Б,* XI, 561—565).

Октября 28. П. Ф. Заикин в письме к Б. из Вены рассказывает о своем путешествии и недоумевает по поводу молчания Б. (*Бик,* 57—58). См. мая 11.

Октября 29. С. Навроцкий, отвечая в «Северной пчеле» на отзыв Б. о «Новом Недоросле» (*Б,* IV, 334—336), намекает на то, что Б. принял на свой счет реплики Кутейкина в этом водевиле, чем якобы и обусловлено его отрицательное отношение к пьесе (*СП,* 1840, № 245).

Октября 29. Боткин в письме к Б. благодарит за моральную поддержку (см. октября 25) и объясняет историю своего разрыва с Бакуниной (*БЛ,* II, 399—403).

Октября около 29. Выход в свет части девятой журнала «Маяк» (*СП,* 1840, № 247). С. Бурачек в статье «Система философии Отечественных записок» пытается «разоблачить» ложность идеологических позиций журнала на основании анализа цитат из статей Б. «Менцель, критик Гёте», «Горе от ума», «Очерки Бородинского сражения. Соч. Ф. Глинки» и др. (*«Маяк»,* 1840, ч. IX, отд. IV, стр. 1—48). Б., извещая Боткина о том, что редакторы «Маяка» «подали и напечатали донос на

«Отечественные записки», отмечал, что «кажется, дело обошлось ничем» (*Б,* XI, 565).

Октября около 30. Б. узнает, что В. С. Межевич, совмещавший редактирование «Литературной газеты» с работой в «Северной пчеле», «подозревается в таких поступках, которым позавидовали бы и Греч с Булгариным» (*Б,* XI, 568) *.

Октября 30. Булгарин, рецензируя «Героя нашего времени», возмущается, что «в журналах, в которых автор печатает свои труды, стали хвалить книгу самым смешным образом, унижая при этом случае всех посторонних писателей» (*СП,* 1840, № 247).

Октября 30. Б. был на очередной «среде» у Плетнева (*«Переписка Грота с Плетневым»,* I, 120).

Октября 31. Б., откликаясь в письме к Боткину на его решение принять активное участие в «Отечественных записках», доказывает, что журнал является сейчас в России «трибуной», возможности которой гораздо более широки, чем университетской кафедры. Б. благодарит Красова за элегию «Прощание с молодостью» и в восторге от его проекта сделать статью из книги Барро и Дарагона «История крестовых походов против альбигойцев». Б. ждет новую повесть Кудрявцева, переводы Кетчера и Кронеберга из Шекспира и возмущен молчанием Грановского (*Б,* XI, 566—569).

Октября 31. Боткин, отвечая Б. на письмо от 25 октября, отмечает, что он начал сейчас переводить для «Отечественных записок» из книги Джемсон «Женщины Шекспира» главы о характерах Юлии и Миранды, а из статьи Ретшера разбор «Короля Лира».

Красов, в приписке к этому письму Боткина, обещает Б. прислать большое письмо, а пока поручает Кольцову (см. октября около 15) рассказать о нем все, что может интересовать Б. (*ЛМ,* II, 175—176).

Октябрь — ноябрь. Б. «оживает» от присутствия гостящего у него Кольцова (*Б,* XI, 565). Композитор Ю. К. Арнольд по настоянию Б. пишет музыку на «любимые стихи» Кольцова: «Не шуми ты, рожь, спелым колосом» (*Ю. Арнольд,* 212—213).

Ноября 4. Б. получает письмо Боткина от 31 октября (*Б,* XI, 569).

Ноября 5. С. Бурачек публикует в «Северной пчеле» статью «Несправедливые толки в литературе», в которой возражает на обвинения в том, что он в своем разборе «Системы философии Отечественных записок» (*«Маяк»,* ч. IX) имел

целью донос на антирелигиозный дух этого журнала (*СП*, 1840, № 251). См. октября около 29.

Ноября 7. Б. переезжает на новую квартиру, где уже живет его приятель, художник К. Горбунов: Вас. остров, 2-я линия, против Академии художеств, дом Бема, кв. № 7 (*Б*, XI, 569).

Ноября 7. Н. П. Огарев, отвечая Герцену на его положительный отзыв о Б., замечает: «Белинского я почти не знаю и молчу на его счет. Стихи желаю поместить в «Отечественных записках», потому что их получаю. Да и журнал-то все же имеет движение и ход» (*Н. Огарев*, II, 312).

Ноября 7. Премьера на Александринской сцене водевиля П. А. Каратыгина (в бенефис автора) «Авось, или Сцены в книжной лавке». В куплетах о статьях Крапивина был задет Б.:

Читать нет средства этих вздоров!
Крапивина прошу понять:
Его критических разборов
Сам черт не мог бы разобрать.
Весь образом каким-то дивным
Он бесконечно просветлел
И субъективно-объективным
Всем абсолютно надоел.

(*«Репертуар русского театра на 1841 г.»*, I, 1—16).

Ноября 12. Б. получает письмо Боткина от 9 ноября (*Б*, XI, 569). Письмо это до нас не дошло.

Ноября 13. Б. был на «среде» у Плетнева (*Переписка Грота с Плетневым*, I, 138).

Ноября 13 и 14. «Северная пчела» в фельетоне А. Б. В. «Письмо к издателям «Русского вестника» полемизирует с установками «Отечественных записок», характеризуя эти установки главным образом на основании статей Б. (*СП*, 1840, №№ 258—259). См. ноября 22.

Ноября 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 11. В номере статья Б. «Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова» и семь его же рецензий: «Стихотворения М. Лермонтова»; «Собрание сочинений М. В. Ломоносова»; «Древние русские стихотворения, собр. М. Сухановым»; «Клад. Соч. Александрова (Дуровой)»; «Сицкий. Соч. кн. Н. Мышицкого»; «Митя, купеческий сынок. Соч. Г.»; «Ханский чай. Соч. Е. Алипанова». В этом же номере обзор Б. «Русский театр в Петербурге». — «Мнимый больной. Комедия Мольера, перев. Н. Полевого и В. Островского»; «Бриллиант. Комедия, перев. с франц.»; «Друзья-журналисты, комедия-водевиль Скриба, передел. В. Межевичем»; «Дочь адвоката, перев. с франц.»; «Первая морщинка, перев. с франц.»; «Мельничиха в Марли. Водевиль, перев. с франц.»; «Полковник новых времен, перев.

с франц.»; «Громкая слава жене не нужна. Комедия, перев. с франц.»; «Здравствуйте, братцы. Комедия, перев. с франц.»; «Сюрприз дочке, или У страха глаза велики. Шутка-водевиль в одном действии». Статьи, рецензии и обзор без подписи.

Ноября около 15. Б. очень тяжело реагирует на слухи о репрессиях, угрожающих «Отечественным запискам» за публикацию повести Панаева «Прекрасный человек». Офицеры л.-гв. Измайловского полка, оскорбленные сентенцией об «измайловском офицере, пропахнувшем жуковским табаком», потребовали привлечения к ответственности автора, редактора и цензора» (*Б,* XI, 577).

Герцен передает Б. рукопись «Записок одного молодого человека» (*ГЛ,* II, 382).

Ноября 16. А. И. Кронеберг, посылая Б. свой перевод «Гамлета», просит поместить его в «Отечественных записках» (*Бик,* 126).

Ноября 16. Белинский и Панаев провели вечер у С. Т. Аксакова (*ЛН,* т. 56, 145).

Ноября около 20. К. С. Аксаков, негодуя по поводу статьи Белинского о Ломоносове, утверждает, что «временная польза», приносимая деятельностью Б., не позволяет закрывать глаза и на «вред от его вранья». Аксаков предвидит, что ему придется «схватиться с Белинским так, как никто еще с ним не схватывался» (*ЛН,* т. 56, 145).

Ноября 20. А. В. Никитенко, под впечатлением визита Кольцова, отмечает, что поэт «к несчастью, сблизился с редактором и главным сотрудником «Отечественных записок», которые «его развратили» (*А. Никитенко,* 225).

Ноября 22. Н. И. Греч в статье «Ответ почтенному провинциялу» обещает избежать в «Русском вестнике» ошибок, характеризующих отдел критики в «Отечественных записках» (*СП,* 1840, № 265).

Ноября 23. Публикация объявления об открытии подписки на журнал «Москвитянин» (*МВед.,* 1840, № 94).

Ноября около 24. М. С. Щепкин отказывается исполнять в водевиле Каратыгина «Авось, или Сцены в книжной лавке» куплеты, направленные против Б. (*ЛН,* т. 56, 146). См. ноября 7.

Ноября 25. Отъезд Кольцова из Петербурга (*Кольцов,* 224).

Ноября около 27. Краевский, приветствуя в письме к Погодину объявление о подписке на «Москвитянин», отмечает, что организаторов нового журнала не должна волновать по-

зиция «московских юношей», участвующих в «Отечественных записках». Вопрос этот Краевский, по его словам, специально обсуждал с Н. Ф. Павловым (*Н. Барсуков,* V, 501). См. 1841, января 7.

Ноября 28. Булгарин в статье о журнале «Маяк» (см. ноября 5) отмечает, что «на философию «Отечественных записок» надлежало бы смотреть с смешной, а не с сериозной стороны, потому что это вовсе не философия, а нечто такое, что забавляет весьма многих, и никого не привлечет на свою сторону» (*СП,* 1840, № 271).

Ноября 29. Б. приобретает книгу «Panthéon litteraire. Litterature grecque, Poésie, Les petits poèmes grecs. Publiés par M. Ernest Falconnet sous la direction de M. Aimé-Martin. Paris, 1839 (*ЛН,* т. 55, 560) *.

Ноябрь — декабрь. Б. начинает тяготиться обществом не только Панаева и Языкова, но и кружком Комарова, где он «тщетно старается завести общий интересный разговор, или проповедует, не встречая противоречий». Все чаще и значительнее становятся встречи Б. с Герценом, «живая натура которого вызывает наружу все убеждения» Б., обусловливает споры, в которых он не может не оценить «самостоятельный образ мыслей» своего оппонента (*Б,* XI, 580).

Все более и более сближаясь с Герценом, Б. пишет Боткину: «Какая восприимчивая, движимая, полная интересов и благородная натура! Об искусстве я с ним говорю слегка, потому что оно и доступно ему только слегка, но о жизни не наговорюсь с ним... Мне с ним легко и свободно. Что он ругал меня в Москве за мои абсолютные статьи — это новое право с его стороны на мое уважение и расположение к нему» (*Б,* XI, 579—580). Признав правоту Герцена, Б. рассматривает как «страшный сон» свои недавние попытки «насильственного примирения с гнусною расейскою действительностию, этим китайским царством материальной животной жизни, чинолюбия, крестолюбия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торжества бесстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности, — где все человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое, осуждено на угнетение, страдание, где цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах, где свобода мыслей истреблена <. . .>, где Пушкин жил в нищенстве и погиб жертвою подлости, а Гречи и Булгарины заправляют всею литературою, помощию д о н о с о в, и живут припеваючи» (*Б,* XI, 577). См. декабря 10—11.

Декабря 3. Красов в письме к Б. рассказывает о подготовке издания своих стихотворений. К письму приложены «Стансы»

(«Ты помнишь ли последнее свидание») и последняя строфа «Опять пред тобою стою очарован» (*Бик*, 116—118). См. декабря 9.

Декабря 5. Красов, пересылая Б. «Русскую песню» и «Песню безумной девушки», горько сетует на свою судьбу. Боткин в приписке к этому письму сообщает о своем проекте приехать к 15 декабря в Петербург (*Бик*, 118—120). См. декабря 9.

Декабря 9. Повеление Николая I о высылке Герцена из Петербурга за распространение (в перлюстрированном письме к отцу) «неосновательных слухов о происшествиях в столице» (*ГЛ*, II, 377).

Декабря 9. Б. получает два письма от Красова, с приписками от Боткина (*Б*, XI, 569). См. декабря 5.

Декабря 9. Кольцов посвящает Б. стихи «Расчет с жизнию» (*ОЗ*, 1841, т. XV, № 5, 50).

Декабря около 10. Б., работая над статьей о разделении поэзии на роды и виды, намечает следующую классификацию памятников литературы: 1. Поэзия художественная (Гомер, Шекспир, Гёте, Пушкин, Гоголь и др.); 2. Поэзия религиозная (Шиллер, Жан-Поль, Гофман); 3. Поэзия философская («Фауст», «Прометей»); 4. Поэзия общественная (Гюго). Эти формы, по мнению Б., «не замкнуты и неподвижны, а обычно входят одна в другую, взаимно модифицируя друг друга» (*Б*, XI, 582). В процессе изучения «Теории поэзии» Шевырева Б. обращает внимание на «Гимн к музам» Гезиода (*там же*, 578).

Декабря около 10. Выход в свет части одиннадцатой журнала «Маяк» (*СП*, 1840, № 279). В статье Бурачка «Русская журналистика накануне нового года» отмечено: «Отечественные записки» переменят только шрифт, в прочем все останется по-прежнему, — и орфография и философия. Сокровенные сотрудники, на которых опирается здание журналистики «Отечественных записок», по-прежнему останутся неизвестными» (*«Маяк»*, 1840, ч. XI, отд. 4, стр. 143).

Декабря около 10. Письмо Б. к Кольцову (не сохранилось), посланное на адрес Боткина (*Б*, XI, 583).

Декабря 10—11. Письмо Б. к Боткину, отправляемое с оказией (через А. Т. Никольского). Б. поздравляет приятеля с «воскресением» к жизни и признается, что сердечная история Боткина позволила Б. «решить бездну мучительных вопросов — о любви, о женщине, о браке». Эти проблемы Б. сейчас осмысляет в том же духе, что и Купер в романе «Следопыт», но «лучшим катехизисом любви» Б. считает «Римские элегии» Гёте.

Б. тяжело переживает ошибки, сделанные им в период «примирения с гнусной расейской действительностию». Особенно печалят Б. его «выходки» против Мицкевича в «гадкой статье о Менцеле» и неправильная трактовка «Горя от ума». Комедию Грибоедова Б. «осудил с художественной точки зрения», закрыв глаза на то, что «это благороднейшее гуманическое произведение, энергический (и притом еще первый) протест против чиновников, взяточников, бар-развратников, против нашего онанистического светского общества, против невежества, добровольного холопства и пр., и пр., и пр.». В статье об «Очерках Бородинского сражения» Б. считает верной самую ее идею, но признает, что необходимо было развить и «идею отрицания», как «исторического права, не менее священного, и без которого история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото». Б. преклоняется перед Францией, как перед «передовой колонной человечества», а в Германии больше всего ценит сейчас «Юную Германию» — эту «благородную дружину энтузиастов свободы, во главе с Гейне». Рассказывая о своих встречах и спорах с Герценом и Катковым, Б. подчеркивает особое значение в борьбе против «ужасной расейской действительности» — «кафедры» и «журнала». Б. с удовлетворением отмечает, со слов С. Т. Аксакова, что и Гоголя начинает сейчас занимать Россия и ее печальная участь (*Б*, XI, 569—583).

Декабря около 12. Б. в записке к Боткину просит выдать бывшей своей домохозяйке, Дарье Титовне, 25 руб. асс. и фунт чаю (*Б*, XI, 583).

Декабря около 14. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 12. В номере рецензии Б.: «Сочинения Основьяненка. Пан Халявский»; «Репертуар русского театра, изд. И. Песоцким, №№ 10 и 11»; «Пантеон русского и всех европейских театров, кн. 9 и 10»; «Отрывки из прозаических сочинений лучших русских писателей, сост. Бераром и Журданом»; «Общая реторика Н. Кошанского». Все рецензии без подписи. В отделе «Русский театр в Петербурге» Б., вероятно, является и автором разбора новых пьес: «Шекспир на родине. Драма К. Гольтея, перев. с немец. Р. Зотова»; «Тайна. Драма в трех действиях, перев. с франц. П. В.»; «Деньги, или Столичное житье. Комедия-водевиль, перед. из пьесы Скриба и Баяра П. С. Федоровым»; «Макар Алексеевич Губкин, или Продолжение Студента, Артиста, Хориста и Афериста. Оригинальная шуточная оперетта П. И. Григорьева»; «Авось, или Сцены в книжной лавке. Шутка-водевиль. Соч. П. Каратыгина» (см. *Учен. Зап. КФУ*, т. IV, вып. 1, 1954, 142—150) *.

Декабря 15. Кольцов в письме к Б. из Москвы рассказывает о своих встречах с Боткиным, Аксаковыми, Щепкиным.

Все «люди старого времени» негодуют на Б. за его критику Ломоносова. К. Аксаков готовит «диссертацию в опровержение мнения Б.», а «старый Аксаков» пишет о Б., как о человеке «самом негодном». Кольцова тревожит материальное положение Б., и он ждет результата переговоров Б. с Плетневым <о педагогической или литературной работе?>. Кольцов прилагает к письму свои «пьески», которые просит возвратить с замечаниями Б. (*Кольцов*, 226—230), и в особой записке к Б. поясняет историю написания своих стихов «Поминки» (Памяти Станкевича), «Ночь», «Шекспир» и осведомляет о посвящении Б. «Жалобы» (*Кольцов*, 230—231).

Декабря 15. Б. получает письмо от К. С. Аксакова с просьбой о непечатании в «Отечественных записках» перевода «Из Фауста», отданного им в «Москвитянин» (*ЛН*, т. 56, 147).

Декабря около 16. Отъезд С. Т. Аксакова из Петербурга (*ЛН*, т. 56, 147).

Декабря 16. Л. Л. <В. Межевич> в «Северной пчеле» в статье о произведениях Лермонтова утверждает, что, когда «одни журналы» превозносили «Героя нашего времени», книга не продавалась, но как только ее похвалил Булгарин, она разошлась (*СП*, 1840, № 284).

Декабря 21. В «Литературной газете» повторено объявление о передаче редакции газеты А. Ф. Кони (*ЛГ*, 1840, № 102). См. сентября 25.

Декабря 24. Булгарин, рассказывая со злорадством в фельетоне «Прогулка досужего человека по Петербургу», о распродаже комплектов «Отечественных записок» за 1839 г. по 2 руб. на макулатуру, отмечает: «Что же сталось с этой бесподобной философией, которою хотели преобразовать русский мир? Какой конец критике, которая должна была уничтожить всех писателей, не имеющих счастия участвовать в «Отечественных записках» и «Литературной газете»! (*СП*, 1840, № 291).

Декабря 24. Спор о Б. в Москве между Боткиным, Кольцовым и братьями К. А. и Н. А. Полевыми. Последний «хотя и с большим усилием», но не отрицал в статьях Б. «много весьма хороших мнений» (*Кольцов*, 237).

Декабря около 25. Б., работая над рецензией на «Путеводитель в пустыне» Купера, отмечает принадлежность последнего, как романиста, к «величайшим мировым явлениям в сфере искусства» и обещает читателям обосновать эту свою мысль в «особой статье», предметом которой будет «жизнь и ее неразгаданные таинства, опоэтизированные в романе «Путеводитель в пустыне». Эпиграф Купера о «сердце, которое может дать полезный урок голове», по признанию Б., «на-

строит тон» проектируемой им статьи (*Б,* IV, 458—459). Статья эта написана не была.

Декабря 26. Б. в письме к Боткину горько жалуется на то, что «жизнь надула его — бессовестно и предательски: назади фантазии, в настоящем медленная смерть, впереди — гниение и смрад». Б. забывается только в работе и живет интересами «Отечественных записок». Ему грустно, что Кудрявцев отказывается рецензировать московские издания. Б. высоко ценит отзыв Кудрявцева о «Лирическом Пантеоне» Фета, хотя критик и «чересчур скуп на похвалы». Фет, по мнению Б., «много обещает». Б. в восторге от «Записок одного молодого человека» Герцена и от последних стихотворений Кольцова. С мнением Боткина о переводах Сатина и Каткова Б. не соглашается: «К переводчикам Шекспира не мешает быть поснисходительнее — благо переводят». Б. отмечает факт изъятия из первого номера «Отечественных записок» статьи о Пугачеве: «Не знаем, что и делать с цензурою. Самая кнутобойная и калмыцкая!» Б. шлет «братское лобзание» Красову и горячо благодарит Боткина за хлопоты о брате Никаноре, которому сам он сейчас не может помогать по-настоящему (*Б,* XI, 583—584).

Декабря 30. Б., отвечая на не дошедшее до нас письмо М. С. Куторги, передает в записке к последнему, что Краевский не сможет принять его раньше 2 января: «В две недели должен он приготовить книжку журнала, которая едва успевала печататься в четыре недели» (*Б,* XI, 585).

Декабря 30. Б. в письме к Боткину благодарит его за большое дружеское письмо и за его рассуждения о Гете и Шиллере (письмо это до нас не дошло). Б. признается, однако, что начинает чувствовать «род ненависти» к Гете, а о Шиллере «не может и думать, не задыхаясь», так как видит в нем «высший и благороднейший идеал человека». Б. с негодованием говорит о Полевом, которому не может простить его падения, его контакта с Булгариным и Гречем, его служения «той расейской действительности, которую он так энергически некогда преследовал, которой нанес первые сильные удары». Б. особенно возмущен его «фарисейски-патриотическими, предательскими народными драмами» и «надувательскими» письмами из провинции в «Северной пчеле». Б. убеждает Боткина в больших организаторских талантах, принципиальности, «честности и благородстве» Краевского (*Б,* XII, 7—10). См. продолжение письма, 1841, января 15.

Декабря 30. Булгарин в «Северной пчеле», в статье о «Литературной газете» Краевского, негодует по поводу ее критики, которую характеризует как «смешную, систематическую оппозицию противу известных писателей, противу известных

изданий». Булгарин уличает «Литературную газету» в «гиперболических похвалах своим сотрудникам и в беспрерывных возгласах о прелести «Отечественных записок» (*СП*, 1840, № 293).

1840

Б. представляет в редакцию «Отечественных записок» уничтожающий критический разбор «Трудов императорской Российской академии», ч. I и II (*Б*, IV, 548—560). Статья эта осталась неопубликованной при жизни Б., так как Краевский, видимо, не решился осложнять из-за некоторых памфлетных ее страниц своих отношений с Академией наук и министерством народного просвещения.

Белинский подготовляет к печати пять песен из «Сборника русских народных песен, собираемых А. В. Кольцовым»: 1. «Как у князя было, у князя Волконского»; 2. «Во сыром то бору»; 3. «Ты взойди, ты взойди, красно солнышко»; 4. «Никому так не досталось»; 5. «По лужочку девушка гуляла» (*Белинский, 1949,* 132).

1841

Января 1. Б. встречает Новый год у кн. В. Ф. Одоевского (*Б*, XII, 10). Московские друзья Б. пили его здоровье на встрече Нового года у Боткина (*Кольцов,* 237).

Января 1. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 1. В отд. «Критика» статья Б.: «Русская литература в 1840 г.». В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «Утренняя заря, альманах на 1841 г., изд. В. Владиславлевым»; «Путеводитель в пустыне. Роман Ф. Купера»; «Пантеон русского и всех европейских театров, ч. IV»; «Цын-Киу-Тонг. Роман В. Зотова»; «История России в рассказах для детей. Соч. А. Ишимовой»; «История для детей. Соч. Ф. Студитского». В этом же номере Белинскому, возможно, принадлежит обзор «Русский театр в Петербурге» * (*БС*, XIII, 431—433) и рецензия «Всеобщая география. Соч. Г. Бланка. Вып. I» (*БС*, XIII, 431—433). Статья и все рецензии опубликованы без подписи Б.

В статье «Русская литература в 1840 г.», положившей основание годовым литературным обзорам в «Отечественных записках», Б. дает новую схему развития русского литературного процесса за время от Кантемира и Ломоносова до Лермонтова и определяет расстановку сил в литературе и журналистике на 1841 г. В заключении статьи Б. вспоминает известный тезис «Литературных мечтаний» («У нас нет литературы») и по-прежнему полагает, что «у нас еще нет

литературы, как выражения духа и жизни народной, но она уже начинается, а это, в такой короткий период времени, — успех, и успех великий, который не должен обольщать нас в настоящем, но который должен казаться залогом надежд в будущем» (*Б,* IV, 447).

Января 1. Выход в свет первой книжки журнала «Москвитянин» (*МВед.*, 1841, № 4). Б., откликаясь в статье «Русская литература в 1840 г.» на объявление об издании «Москвитянина» (см. 1840, ноября 23), отмечал, что новый журнал «есть предприятие честное, добросовестное, благонамеренное, чисто литературное и нисколько не меркантильное», и выражал уверенность, что в «Москвитянине» «будет своя мысль, свое мнение, с которым можно будет соглашаться и не соглашаться, но которых нельзя будет не уважать, против которых можно будет спорить, но с которыми нельзя будет браниться» (*Б,* IV, 444—445). См. января 7 и апреля 1.

Января 2—3. Белинского два дня «била лихорадка» (*Б,* XII, 10).

Января 4. В. С. Межевич в «Северной пчеле» обращает внимание читателей на то, что русские журналы имеют «тяжелую сторону: это доктринерский тон критики, это нетерпимость чужих мнений и чужих взглядов на вещи. Всякий журнал у нас хочет учить публику» (*СП,* 1841, № 3).

Января 4. Н. Г. Белинский в письме из Москвы к Б. жалуется на свое тяжелое материальное положение. Бывая с Кольцовым у Петровых, Н. Г. Белинский осведомляет брата о том, что П. Я. Петров недели через две едет в Петербург (*ЛН,* т. 57, 218—219).

Января около 5. Б. встречается с Я. М. Неверовым, приехавшим в отпуск из Риги (*ЛН,* т. 56, 149). См. января около 15.

Января 7. Погодин, посылая Краевскому первую книжку «Москвитянина», от имени редакции последнего заявляет: «В благонамеренности и добросовестности вашей мы убеждены, — но ваши сотрудники! Они несут иногда такую околесную, что, право, читать совестно». Отмечая, что Н. Ф. Павлов не привез из Петербурга никаких объяснений, которые могли бы прояснить роль Б. и его друзей в «Отечественных записках», Погодин спрашивает: «Да что вы их не удерживаете? Не давайте им разбирать ничего важного — вот и вся история». Обещая Краевскому «уклоняться от состязания и делать спокойно свое дело», Погодин предвидит, однако, возможность вовлечения «Москвитянина» в полемику с «Отечественными записками» «против воли» (*ЛН,* т. 57, 148). См. 1840, ноября 27.

Января 8. К. С. Аксаков передает Кольцову, со слов Н. Ф. Павлова, слух об уходе Б. из «Отечественных записок» (*Кольцов,* 235). См. января 27.

Января 9. Краевский, характеризуя в письме к Каткову «Русский вестник», реорганизованный Полевым, отмечает, что это «сбор общих мест, громких фраз и нелепостей первой величины. Публика, приманенная дешевою ценою, бросилась на него ужасно, но как увидела первую книжку — отпрянула, и теперь повсюду слышны ругательства на шарлатанов редакторов» (*ЛН,* т. 56, 149—150). Ср. иронический отзыв Б. о «Русском вестнике» в обзоре «Русская литература в 1840 г.» (*Б,* IV, 443—444).

Января 10. Кольцов в письме к Б. из Москвы горячо благодарит его за высокую оценку «Жалобы», «Песни» и «Грусти девушки». Кольцов полагает, что Б. скоро заменит для него «всех и вся». Пересылая Б. письмо и две «пьески» Красова, Кольцов информирует Б. о тяжелом положении его брата Никанора (*Кольцов,* 234—239).

Января 13. Премьера на петербургской сцене в бенефис В. А. Каратыгина трагедии Шекспира «Кориолан» (*«Репертуар русского театра на 1841 г.»,* I, 10). См. февраля 1.

Января около 15. Во время спора на одном из вечеров у Панаевых о Чаадаеве и его «Философическом письме» Я. М. Неверов, «педант и доктринер», недавно вернувшийся из Берлина, «с неподражаемым самодовольством заметил, что в образованных странах есть тюрьмы, в которых запирают безумных, оскорбляющих то, что целый народ чтит». Б., услыша эту сентенцию, как передает Герцен в «Былом и думах», сразу вырос: «Он был страшен, велик в эту минуту. Скрестив на больной груди руки и глядя прямо на магистра, он ответил глухим голосом: «А в еще более образованных странах бывает гильотина, которой казнят тех, которые находят это прекрасным». Сказавши это, он бросился на кресло, изнеможенный, и замолчал. При слове «гильотина» хозяин побледнел, гости обеспокоились, сделалась пауза. Магистр был уничтожен» (*ГЛ,* XIII, 26—27. Ср. *Б,* XII, 21; *ЛН,* т. 56, 92; *ГЛ,* II, 415).

Января 15. Б. продолжает письмо к Боткину, начатое 30 декабря 1840 г. Анализируя свои отношения с Катковым, Б. признает его «натурой, полной силы, энергии, могучести», но далеко не устоявшейся. Считая себя многим обязанным Каткову, Б. отмечает, что «из этого многого большая часть воскресла и самодеятельно переработалась» уже после его отъезда. Б. делится с Боткиным своим двойственным впечатлением от статьи Каткова в «Отечественных записках» о стихотворениях Сарры Толстой и ждет эту книгу, ибо сам хочет писать о ней в «Современнике» Плетнева. Полемизируя с Бот-

киным за осуждение последним связи Каткова с М. Л. Огаревой, Б. протестует против подчинения «мнению черни и преданиям варварских веков», сочувствует «войне с браком», как с отжившим институтом, и утверждает, что «все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки» (*Б*, XII, 10—13).

Января 16. Б., продолжая письмо к Боткину, отмечает, что он пришел к сознанию, что его стихия есть «Die That» (действие), а «сознать это — значит сознать себя заживо зарытым в гробу, да еще с связанными назади руками». Б. не согласен с отрицательным отношением Боткина к Герцену и с удовольствием вспоминает о «субботах» у Н. С. Селивановского в 1835—1836 гг. Б. делится своими впечатлениями от потрясших его стихотворений Пушкина «Три ключа» и «Для берегов отчизны дальной», ранее неизвестных в печати, и высоко оценивает «Рассказы о временах Меровингов» Тьерри. Б. возмущен неверной оценкой Боткиным политической позиции Гейне, который «весь отдался идее достоинства личности». Высказывания Боткина о Гёте и Шиллере Б. хочет «вклеить» под видом выписки из частного письма в одну из своих статей. Б. готовит разбор перевода «Ромео и Джульетты», для которого просит прислать ему несколько примерных сверок перевода Каткова с оригиналом (*Б*, XII, 13—19).

Января 16. Возобновление на петербургской сцене «Горя от ума», с Максимовым в роли Чацкого, П. А. Каратыгиным в роли Фамусова, А. М. Каратыгиной в роли Натальи Дмитриевны и с Сосницким в роли Репетилова («*Репертуар русского театра на 1841 г.*», I, 10).

Января 18. А. Я. Кульчицкий в письме к Б. рассказывает о гостящих в Харькове их общих друзьях — Боткине и А. И. Клыкове (*Бик*, 157—160).

Января около 20. Б. в записке к переводчику А. Н. Струговщикову просит указать то место в «Фаусте», где последний замечает Мефистофелю, что он «хочет и страдания, и горя, и радости, и наслаждений — всего, что сродно человеческой натуре, чем живет все человечество» (*Б*, XII, 21).

Января около 20. Б., встречаясь с Герценом, Сатиным, Неверовым и Струговщиковым, принимает участие в спорах о Петербурге и Москве (*ГЛ*, II, 415; *Б*, XII, 21), получивших отражение в его статье о «Деяниях Петра Великого». Б. получает два письма от Красова (*Б*, XII, 21).

Января 21. В «Литературной газете», переданной Краевским в аренду Ф. А. Кони, начинает сотрудничать Некрасов, печатая в ней мелкие рассказы, фельетоны и рецензии (*«Летопись жизни Некрасова»*, 35—42). Встречи Б. с Некрасовым,

о которых передает в своих воспоминаниях А. Я. Панаева, относятся, вероятно, лишь ко второй половине 1841 г. (*А. Панаева,* 106—107).

Января 22. Б. заканчивает и сдает Краевскому последние страницы статьи о «Стихотворениях Лермонтова». Дописывая затем письмо к Боткину, начатое еще 30 декабря 1840 г., он жалуется на условия срочной журнальной работы, мешающие надлежащей литературной отделке его статей, снижающие их уровень: едва закончив статью о Лермонтове, Б. должен уже к завтрашнему дню сдать в редакцию «Отечественных записок» очередные рецензии и театральные отчеты, а затем, отдохнув «дня два», обратиться к работе над статьями «Разделение поэзии на роды и виды» и о «Деяниях Петра Великого». Статья о Петре Великом особенно волнует Б. — «лежит у него на сердце, давит его и просится вон». Далее Б. делится с Боткиным своими впечатлениями от «Фауста» Гёте («величайшее создание мирового гения») и приходит к заключению, что «рефлектированная поэзия» является все же «великим делом», ибо «греческий мир» существует для нас только как «прошедший (хотя и величайший) момент развития человечества» и «не может дать нам полного удовлетворения» (*Б,* XII, 19—20).

Января 22. Письмо Боткина к Б. из Харькова (*Б,* XII, 22), до нас не дошедшее. См. ответ Б. от 1 марта.

Января 23. П. П. Клюшников в письме к Б. благодарит его за бесплатный билет на «Отечественные записки» (*Бик,* 77—78).

Января 23. «Северная пчела» возражает на отзыв Б. о романе Н. Мышицкого «Сицкий» (*СП,* 1841, № 18). См. 1840, ноября 14.

Января около 23. К. С. Аксаков в письме к В. А. Попову отмечает: «У нас теперь журнал «Москвитянин», но он не представитель Москвы. Шевырев врет ужасно против философии. Белинский врет еще больше о философии» (*ЛН,* т. 57, 151).

Января 27. Кольцов в письме к Б. передает о толках, которые вызвала в Москве статья «Русская литература в 1840 г.». Кольцов сожалеет, что Б. сказал Н. В. Савельеву о возможности своего ухода из «Отечественных записок»: «Это везде разнеслось. Вы человек сделались такой, которого втайне все любят и боятся; ваши мнения все читают, и они стали приговором», но «в случае, если вы себе сломите шею, то многие будут очень рады». Кольцов пересылает Б. «три пьески» Красова и сообщает, что К. С. Аксаков собирается получить для Б. экземпляр стихотворений Сарры Толстой (*Кольцов,* 242—243).

Января 30. Б. провел вечер у Плетнева (*Переписка Грота с Плетневым,* I, 224).

Января около 30. И. П. Клюшников, признавая в письме к Б. «значение и пользу его статей для России», отмечает свою неудовлетворенность обзором «Русская литература в 1840 г.», который якобы «почти никому не понравился» из-за его «запутанности» и небрежной отделки (*Бик*, 74—75).

Января 31. Цензур. разреш. печатного текста водевиля П. А. Каратыгина «Авось, или Сцены в книжной лавке» (*«Репертуар русского театра на 1841 г.»*, I, Приложения, 1—22). См. 1840, ноября 7.

Января 31. Цензур. разреш. первой книжки «Репертуара русского театра на 1841 г.». В статье Л. Л. <Межевича> «Шекспир, русские переводчики и русская критика» Б. резко обвиняется в том, что на страницах «Отечественных записок» он дал отзыв о переводе «Гамлета» Полевым прямо противоположный тому, который сам же напечатал прежде в «Московском наблюдателе». Попутно Межевич обвиняет Белинского в «грубых ошибках, невежестве и дерзком шарлатанстве» (*Репертуар русского театра на 1841 г.»*, I, 8—12). В этом же номере, в заметках «Московский театр», сочувственно цитируются куплеты из водевиля Ленского «В людях ангел, не жена, дома с мужем — сатана»:

Вон, например, разбор
Пиэсы Полевого;
И автор и актер
Тут не поймут ни слова...

И кто же рецензент
Пиэсы и артистов?
Вон выгнанный студент,
Глупец из гегелистов.

Январь? — февраль? Б., работая над статьею «Разделение поэзии на роды и виды» и формулируя свои суждения о том, что такое искусство (заметки эти ныне печатаются под условным названием «Идея искусства»), останавливается на следующем определении: «Искусство есть непосредственное созерцание истины или мышление в образах». Выдвигая эту формулировку, Б. поясняет, что она «еще в первый раз произносится на русском языке» и что ее «нельзя найти ни в одной русской эстетике, пиитике или, так называемой, теории словесности» (*Б*, IV, 585). Эти суждения об искусстве и его специфике (см. марта 1) Б. впервые развил в работе «Разделение поэзии на роды и виды» и в статьях о русской народной поэзии.

Февраля 1. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 2. В отд. «Критика» статья Б.: «Стихотворения Лермонтова». В отд. «Библ. хроника» рецензии Б.: «Труды императорской Российской академии. Три части»; «Гусар, или Каких дивных приключений не бывает на свете! Роман Ф. Г. К. . .рина»; «Пиитические опыты Е. Кульман, в трех частях»; «Портретная и биографическая галерея словесности, художеств и искусств. I. Пушкин и Брюллов»; «Памятник искусств»; «Репертуар русского театра. Кн. XII. — Пантеон русского и всех европей-

ских театров» № 12»; «Театр во Франции от XVI до XIX ст. Соч. Н. Яковлевского»; «Русский театр в С.-Петербурге. — «Саардамский корабельный мастер, или Нет имени ему. Комедия в двух действиях Р. Зотова»; «Сбритая борода. Комедия П. А. Смирнова»; «Путаница. Водевиль П. С. Федорова»; «Молодой человек в 60 лет. Перев. с франц.»; «Кай-Марций Кориолан. Историческая трагедия Шекспира». В этом же номере рецензия Б. на книгу: «Господин Трупо и его дочь. Соч. Поль де Кока» (*БС,* XII, 252—253 и 528—529). Статья и все рецензии опубликованы без подписи.

В своем разборе «Стихотворений Лермонтова» Б. отходит от своих прежних представлений об объективной и субъективной поэзии, признавая уже не только эстетическую значимость последней, но и подчеркивая некоторые ее преимущества: «...Наш век есть век размышления. Поэтому рефлексия (размышление) есть законный элемент поэзии нашего времени, и почти все великие поэты нашего времени заплатили ему полную дань: Байрон в «Манфреде», «Каине» и других произведениях; Гёте особенно в «Фаусте»; вся поэзия Шиллера по преимуществу р е ф л е к т и р у ю щ а я, размышляющая. В наше время едва ли возможна поэзия в смысле древних поэтов, созерцающая явления жизни без всякого отношения к личности поэта (поэзия объективная), и в наше время тот не поэт и особенно не художник, у которого в основании таланта не лежит созерцательность древних и способность воспроизводить явления жизни без отношений к своей личности; но в наше время отсутствие в поэзии внутреннего (субъективного) элемента есть недостаток. В самом Гёте не без основания порицают отсутствие исторических и общественных элементов, спокойное довольство действительностию, как она есть. Это и было причиною, почему менее гетевская х у д о ж е с т в е н н а я, но более ч е л о в е ч е с т в е н н а я, г у м а н н а я поэзия Шиллера нашла себе больше отзыва в человечестве, чем поэзия Гёте».

«Преобладание внутреннего (субъективного) элемента в поэтах обыкновенных есть признак ограниченности таланта. У них субъективность означает выражение личности, которая всегда ограничена, если является отдельно от общего. Они обыкновенно говорят о своих нравственных недугах, и всегда одно и то же <. . .> В таланте великом избыток внутреннего, субъективного элемента есть признак гуманности. Не бойтесь этого направления: оно не обманет вас, не введет вас в заблуждение. Великий поэт, говоря о себе самом, о своем я, говорит об общем — о человечестве, ибо в его натуре лежит всё, чем живет человечество. И потому в его грусти всякий узнает свою грусть, в его душе всякий узнает свою и видит в нем не только п о э т а, но и ч е л о в е к а, брата своего по человечеству. Признавая его существом несравненно высшим себя, всякий в то же время сознает свое родство с ним. Вот

что заставило нас обратить особенное внимание на субъективные стихотворения Лермонтова и даже порадоваться, что их больше, чем чисто художественных. По этому признаку мы узнаем в нем поэта русского, *народного*, в высшем и благороднейшем значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества. И все такие его стихотворения глубоки и многозначительны; в них выражается богатая дарами духа природа, благородная человечественная личность» (*Б*, IV, 520—521).

«Бросая общий взгляд на стихотворения Лермонтова, — заключал Б. свой детальный разбор таких произведений, как «Дума», «Поэт», «Не верь себе...», «И скучно и грустно...», «Памяти А. И. Одоевского», «Молитва», «Благодарность», «Дары Терека», «Казачья колыбельная песня», поэма «Мцыри», — мы видим в них все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе все живет; им все доступно, все понятно; они на всё откликаются. Он всевластный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе — в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни; он глубоко знаком и с внутренним миром души. Несокрушимая сила и мощь духа, смирение жалоб, елейное благоухание молитвы, пламенное, бурное одушевление, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, неукротимые порывы дерзких желаний, целомудренная чистота, недуги современного общества, картины мировой жизни, хмельные обаяния жизни, укоры совести, умилительное раскаяние, рыдания страсти и тихие слезы, как звук за звуком льющиеся в полноте умиренного бурею жизни сердца, упоение любви, трепет разлуки, радость свидания, чувство матери, презрение к прозе жизни, безумная жажда восторгов, полнота упивающегося роскошью бытия духа, пламенная вера, мука душевной пустоты, стон отвращающегося самого себя чувства замершей жизни, яд отрицания, холод сомнения, борьба полноты чувства с разрушающею силою рефлексии, падший дух неба, гордый демон и невинный младенец, буйная вакханка и чистая дева — всё, всё в поэзии Лермонтова: и небо, и земля, и рай, и ад... По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной, неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов. Его поприще еще только начато, и уже как много им сделано, какое неистощимое богатство элементов обнаружено им: чего же должно ожидать от него в будущем?.. Пока еще не назовем мы его ни Байроном, ни Гёте, ни Пушкиным и не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гёте или Пушкин:

ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — Лермонтов... Знаем, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными, но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить резко и определенно то, чему сначала никто не верит, но в чем скоро все убеждаются, забывая того, кто первый выговорил сознание общества и на кого оно за это смотрело с насмешкою и неудовольствием... Для толпы немо и безмолвно свидетельство духа, которым запечатлены создания вновь явившегося таланта: она составляет свое суждение не по самым этим созданиям, а по тому, что о них говорят сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потом, что говорят о них все. Даже восхищаясь произведениями молодого поэта, толпа косо смотрит, когда его сравнивают с именами, которых значения она не понимает, но к которым она прислушивалась, которых привыкла уважать на слово» (*Б,* IV, 545—546).

Б. резко противопоставляет Лермонтова другому современному поэту — Хомякову, которого, не называя его прямо по имени, Б. характеризует как «фразера, который занимается стукотнею звучных слов и богатых рифм, который вздумает почитать себя представителем национального духа потому только, что кричит о славе России (нисколько не нуждающейся в этом) и вандальски смеется над издыхающею будто бы Европою, делая из героев ее истории что-то похожее на немецких студентов». Б. смело противопоставляет Лермонтова и другому его прославленному современнику — Кукольнику, не сомневаясь, что уже недалеко то время, когда имя Лермонтова «в литературе сделается народным именем и гармонические звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах» (*Б,* IV, 546—547).

Февраля около 5. Приезд в Петербург Лермонтова, пробывшего в столице до апреля 15 (*Лермонтов,* V, 1937, 662—624; *ЛН,* т. 45—46, 728). Б. в это время «несколько раз виделся с Лермонтовым у Краевского и у Одоевского», но встречи эти были случайны и мимолетны (*И. Панаев,* 137).

Февраля 10. Боткин в письме к Б. выражает восхищение его статьей о «Стихотворениях Лермонтова». Красов в приписке к этому же письму полагает, что Б. «с тех пор как начал писать азы, ничего не написал лучше статьи о Лермонтове» (*ЛМ,* II, 176—177).

Февраля 10. С. Навроцкий в «Письме деревенского читателя журналов к издателям «Северной пчелы» выражает возмущение статьей Б. «Русская литература в 1840 г.» (*СП,* 1841, № 31).

Февраля 14. «Северная пчела» солидаризируется с выпадами против Б. в статье Межевича о переводах Шекспира (см. января 31): «Ученость и беспристрастие многоглаголивого критика «Отечественных записок» представлены здесь во всем их блеске» (*СП,* 1841, № 35).

Февраля около 20. Б. проводит «несколько счастливых и прекрасных минут» в беседе с московским книгопродавцем Кольчугиным, в котором он особенно ценит «крепкий, практический ум». В этот же день Б. получает письмо и стихи Красова и отвечает на письмо И. П. Клюшникова (*Б,* XII, 28—29).

Февраля 22. Публикация в «Московских ведомостях» статьи Ф. Н. Глинки о журнале «Москвитянин». В этой статье против Б., без прямого упоминания его фамилии, направлены были следующие строки: «Едва ли не дожили мы уже до того, что м н е н и е, которое передавалось ш е п о т о м, произносится вслух. Смелее приподымая маску, уже начинают п р о п о в е д о в а т ь, что «поэзия должна быть без н р а в о у ч е н и я, философия — без в е р ы». Посмотрим, к у д а придем мы с поэзиею б е з н р а в с т в е н н о ю, с философиею б е з в е р н о ю». (*МВед.,* 1841, № 16). См. июня 30.

Февраля 27. Публикация в «Литературной газете», № 24, в разделе «Журналистика» ответа Б. на фельетон Межевича «Шекспир, русские переводчики и русская критика». Статья не подписана (*Б,* IV, 582—584). См. января 31.

Февраля 28. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 3. В отделе «Науки и художества» статья Б. «Разделение поэзии на роды и виды». Подпись: В. Белинский. В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «Собрание стихотворений Ивана Козлова»; «Аббадонна. Соч. Н. Полевого. Изд. второе»; «Стихотворения Ивана Языкова»; «Любовь и честь, драма Ивельева <И. Великопольского>»; «Леонора, или Мщение италианки, драматическое представление П. Ильина». В этом же разделе ответ Б. на статьи С. Н. Навроцкого в «Северной пчеле». В отделе «Театральная летопись» рецензии Б.: «Братья-враги, или Мессинская невеста. Соч. Шиллера»; «Подставной и отставной. Водевиль, перев. с франц.» (*БС,* XIII, 73—74). Все рецензии опубликованы без подписи.

Печатая статью «Разделение поэзии на роды и виды», Б. отмечает от имени редакции «Отечественных записок», что статья эта является отрывком из раздела «Эстетика» в «Теоретическом и критическом курсе русской литературы», который выпускает в свет в начале следующего года «один из молодых литераторов, г. Белинский». В этом курсе будет представлен «свод его идей об изящном и о русской литературе, рассеянных по статьям его в разных журналах и совершенно отличных

от всего, доселе обращавшегося в нашей литературе». Книга эта «заключит в себе следующие части, тесно связанные между собою единством основной мысли и систематическим изложением: Общее введение; Эстетику (развитие идеи искусства вообще и теории поэзии в частности); Теорию русского стихосложения; Теорию словесности вообще (теория красноречия и взгляд на так называемые беллетрические, или собственно литературные — а не художественные, — и догматические сочинения, не принадлежащие ни к искусству в строгом смысле, ни к ученой литературе); Взгляд на народную поэзию вообще; Критическое рассмотрение памятников русской народной поэзии («Слово о полку Игоревом» и русские песни эпического и лирического содержания); Историческое обозрение памятников русской письменности от ее начала до времен Петра Великого; Историю книжной русской литературы от Кантемира и Ломоносова до Карамзина, от Карамзина до Пушкина и от Пушкина до 1841 г. включительно; Общий взгляд на русскую литературу, надежды в будущем, заключение. Сверх подробного критического рассмотрения художественных созданий и даже произведений беллетрических, почему бы то ни было примечательных, в «Теоретическом и критическом курсе русской литературы» будет обращено полное внимание и на историю всех повременных изданий, имевших большее или меньшее, хорошее или вредное влияние на литературу и пользовавшихся заслуженною или незаслуженною известностию» (*Б*, V, 7—8).

Марта 1. Б. в письме к Боткину благодарит за присланную ему выписку из статьи Эхтермайера в «Hallische Jahrbücher» о книге Л. Сакса о Лессинге и заявляет, что он «давно уже подозревал, что философия Гегеля — только момент, хотя и великий», и что «лучше умереть», чем помириться «с абсолютностью ее результатов». Б. признает, что имеет «особенно важные причины злиться на Гегеля», под влиянием «мертвых схем»» которого он мирился «с расейскою действительностию, хваля Загоскина и подобные гнусности и ненавидя Шиллера»: «Да здравствует разум и отрицание! К дьяволу предание, формы и обряды!» Расставаясь с «философским колпаком» Гегеля, Б. иронизирует над его признанием прусского государственного строя идеалом разумного правительства: «Член тройственного союза палачей свободы и разума. Вот тебе и Гегель».

Б. отмечает свою неудовлетворенность статьей «Разделение поэзии на роды и виды». Однако, выписывая строки, исключенные цензурой из этой статьи, Б. все же полагает, что

его работа даже в своем несовершенном виде «наповал убьет» все ходовые «реторики, пиитики и эстетики». Б. признается, что широко использовал в этой статье «тетрадки Каткова» с выписками из эстетики Гегеля. Б. высоко оценивает «новые стихи» Лермонтова, «Письма из-за границы» Анненкова, статью Джемсон о Шекспире. Б. перечитывает «Эгмонта» Гёте («дивное, благородное создание») и, упомянув о своем разочаровании в Рётшере, уговаривает Боткина написать для «Отечественных записок» «подробную биографию Шиллера». Упоминая о московских друзьях, Б. с особенной нежностью говорит о Сатине, Грановском, Кетчере и Кудрявцеве (*Б,* XII, 22—29).

Марта 1. Кольцов в письме к Б. из Воронежа отмечает рост авторитета Б. в кругах провинциальных читателей «Отечественных записок» (*Кольцов,* 247).

Марта 1. Герцен в письме к Кетчеру характеризует «благодатную перемену» в Б.: «Вчера он пренаивно рассказывал: «Один человек, прочитавши мою статью о Бородинской годовшине, перестал читать «Отечественные записки», — вот благородный человек». Мы сблизились с ним. В каком забавном положении теперь его защитники à la Катков, когда он сам со мною заодно против того, что они именно защищали» (*ГЛ,* III, 422).

Марта 3. Б., Герцен, Панаев и М. Языков устраивают в ресторане Кулона проводы Сатину, возвращающемуся в Москву. Б. горячо поддерживает Герцена, рассказавшего о своем плане начать не позже 1845 г. революционную работу за границей (*ГЛ,* II, 427).

Марта 5. Декабрист В. К. Кюхельбекер под впечатлением статьи Б. «Менцель, критик Гёте» отмечает в своем акшинском дневнике: «Автор статьи и прав и не прав; он должен быть юноша; у него нет терпимости, он односторонен» (*Кюхельбекер,* 275) *.

Марта 6—7. А. Я. Кульчицкий в письме к Б. из Харькова делится своими впечатлениями от первых двух книжек «Отечественных записок», просит не обращать внимания на «глупые обиды и несправедливые укоры бессмысленной черни» и заверяет Б. в том, что «некоторые люди помнят очень хорошо и долго, кто первый открывал им в куче навоза российской словесности чистые алмазы и не хотел отдавать их за бесчисленное множество ячменных зерен, которыми прилично кормиться Булгарину с братиею» (*Бик,* 160—162).

Марта 9. П. Н. Мяснов, общественный деятель либерально-дворянского лагеря и сотрудник «Отечественных записок», в письме к Б. из своей деревни вспоминает о недавних встре-

чах с ним в Петербурге и просит прислать список стихотворения «В Ином граде — говорит» (*Бик,* 285—286). См. апреля 2.

Марта 11. Краевский, характеризуя в письме к Каткову кризис, переживаемый «Отечественными записками», отмечает: «Подписка идет скверно; в нынешнем году подписчиков меньше, нежели в прошлом было; два сряду голодные годы, говорят, причиною этого <...> Если б я не обеспечил печатание журнала тем, что дал в уплату 1000 экземпляров, «Отечественные записки» решительно приказали бы кланяться в нынешнем году, прекратились бы. Теперь ищу занять денег на вексель за большие проценты, мечусь во все стороны, и до сих пор не мог еще найти и сотни рублей <...> Б. работает по-прежнему, плохо ему бедному приходится от моего безденежья: глаза у меня на него не смотрят. В последнее время он сильно было захандрил, но теперь поправился» (*ЛН,* т. 56, 152—154).

Марта 13. Б., отвечая Боткину на два его письма, пытается осмыслить его сложные отношения с А. А. Бакуниной и делится своими взглядами на «разумный брак»: «Любовь для брака дело не только не лишнее, но даже необходимое; но она имеет тут другой характер, тихий, спокойный: удалось — хорошо; не удалось — так и быть, не умирают, не делаются несчастны, но могут поискать себе и других пар. Рассудок тут играет роль не меньшую чувства, если еще не большую: могут входить в соображение и лета оной девицы, и здоровье ее, свои средства денежные, ее приданое и прочее, что не входит в расчеты любви. Жена — не любовница, но друг и спутник нашей жизни, и мы заранее должны приучаться к мысли любить ее и тогда, как она будет пожилою женщиною, и тогда, как она будет старушкою». Б. с нетерпением ждет приезда Боткина и просит кланяться «всем нашим» — Красову, Кетчеру, Лангеру, Грановскому, Клыкову, Сатину, Огареву. Осведомляя друзей о том, что «Лермонтов еще в Питере», и надеясь, что его «Родина» будет разрешена цензурой, Б. утверждает, что это стихотворение — «вещь пушкинская, то есть одна из лучших пушкинских» (*Б,* XII, 30—35).

Марта 16. Б. встречает приехавшего в Петербург Боткина, который гостит у него до 26 марта (*Б,* XII, 43; *ЛН,* т. 56, 156).

Марта 25. Кольцов, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б., просит не бранить его за долгое молчание (*Кольцов,* 252).

Марта 31. Боткин в письме к Б. приглашает его приехать летом в Москву и просит вернуть книгу Котошихина «О России в царствование Алексия Михайловича» (*ЛМ,* II, 178).

Марта 31. Художник К. А. Горбунов, приятель и земляк Б., получает по ходатайству Брюллова и Жуковского свободу от крепостной зависимости (*ЛН,* т. 45—46, 779).

Апреля 1. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 4. В отделе «Критика» первая статья Б. о «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова, «Истории Петра Великого» В. Бергмана (перевод с немец. Е. Аладьина) и «О России в царствование Алексия Михайловича» Григория Ко<то>шихина. В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «На сон грядущий. Соч. графа В. А. Соллогуба»; «О России в царствование Алексия Михайловича. Современное сочинение Г. Ко<то>шихина»; «Таблица складов для употребления в детских приютах». Статья и все рецензии опубликованы без подписи.

Ставя в своем сводном обзоре новых изданий материалов по истории Петра Великого и России XVII—XVIII вв. общие вопросы изучения русского исторического процесса и истории русской культуры, Б. решает эти проблемы в свете положений «Философии истории» Гегеля, как проблемы Азии и Европы, Востока и Запада, первобытной «естественной непосредственности», «неподвижности» и «созерцания», с одной стороны, и «сознания», «воли и рассудка» — с другой. Б. не сомневается в том, что «Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества», что именно он «воззвал нас к жизни, вдунув душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России». С тем большим недоумением Б. констатирует, что русская историография до сих пор ничего не сделала для изучения и осмысления дела Петра, ибо «громкие фразы, великолепные риторические восклицания еще меньше, чем ничто». Имея в виду программные статьи Погодина («Петр Великий») и Шевырева («Взгляд русского на современное образование Европы») в «Москвитянине», Б. отмечает, что «иные из писавших о Петре впадают в странные противоречия, как будто влекомые по двум разным, противоположным направлениям: благоговея перед его именем и делами, они на одной странице весьма основательно говорят, что на что ни взглянем мы, на себя и кругом себя, везде и во всем видим Петра, а на следующей странице утверждают, что европеизм — вздор, гибель для души и тела, что железные дороги ведут прямо в ад, что Европа чахнет, умирает и что мы должны бежать от Европы чуть-чуть не в степи киргизские». Широко используя конкретный историко-бытовой материал книги Котошихина «О России в царствование Алексия Михайловича» для разоблачения легенды о высоте и своеобразии культуры московского государства, Б. утверждает, что «по основным элементам своей жизни» Россия не при-

надлежала и не принадлежит к Азии, что татары могли ее сроднить с Азией лишь на некоторое время, механически, а не духовно, и что Петр «действовал совершенно в духе народном, сближая свое отечество с Европою и искореняя то, что внесли в него татары временно азиатского» (*Б,* V, 91—117). См. апреля 30.

Апреля около 1. У Б. останавливается князь П. Д. Козловский, приехавший в Петербург из Крыма, «благородный и простой человек», его сослуживец по Московскому межевому институту (*Б,* XII, 36 и 44). См. октября 21.

Апреля 2. П. Н. Мяснов в письме к Б. из своей тульской усадьбы возмущается отсутствием вестей от него, Панаева и М. А. Языкова (*Бик,* 286—287). См. марта 9.

Апреля около 5. Б. в письме к Кетчеру горько кается в том, что на «самые человеческие убеждения» его он еще совсем недавно смотрел «с высоты своего шутовского величия». Признавая себя побежденным, Б. утверждает, что сейчас он «снова вышел на большую дорогу», с которой уже никто его не собьет (см. апреля 6). Б. посылает свои замечания на прочитанный им в рукописи перевод пяти хроник Шекспира и упоминает о «тяжелых лаврах» Кони в боях против «Северной пчелы» (*Б,* XII, 35—36).

Апреля 6. Б. в письме к Н. А. Бакунину признается, что он «очерствел, огрубел, чувствует на себе ледяную кору. Внутри все оскорблено и ожесточено; в воспоминании — одни промахи, глупости, унижение, поруганное самолюбие, бесплодные порывы, безумные желания». Каясь в своем недавнем увлечении «дикими убеждениями, занятыми по слухам у гегелизма», Б. клянет «браминскую созерцательность», прославляет Фихте и Шиллера как «пророков человечности, жрецов вечной любви и вечной правды». Гёте для Б. теперь «велик как художник, но отвратителен как личность». Говоря о сестрах Бакуниных, Б. полагает, что «память о них переживет в нем всё и умрет последняя». В приписке от 8 апреля Б. отмечает свою привычку писать «огромные» письма: «вся жизнь моя в письмах» (*Б,* XII, 36—43).

Апреля 8. Б. в письме к Каткову (это письмо не сохранилось) отвечает на не дошедшее до нас февральское письмо последнего (*Б,* XII, 43; *ЛН,* т. 56, 151 и 155).

Апреля 9. Б. в письме к Боткину признается, что на вещи он смотрит «сквозь цвет стекла» новых своих «убеждений и заблуждений». Б. сообщает, что из статьи его о Петре Великом «вырезан весь смысл, ибо выкинуто ровно половина». Б. возмущен статьей Шевырева в «Москвитянине» (№ 4) о Лермонтове (*Б,* XII, 43—44).

Апреля 9. А. В. Никитенко отмечает в своем петербургском дневнике: «В обществе ходят странные слухи. Говорят, что ко дню свадьбы наследника приготовлен манифест об освобождении крестьян (*А. Никитенко,* I, 230).

Апреля 10. А. И. Кронеберг, принося благодарность Б. за билет на бесплатное получение «Отечественных записок», пересылает для журнала несколько своих новых переводов из Гёте и Гейне (*Бик,* 127).

Апреля около 10. Б., посылая в контору «Отечественных записок» рецензию на «Душеньку» Богдановича, осведомляет Краевского в сопроводительной записке о том, что острое безденежье, отсутствие душевного спокойствия и необходимость искать заработка на стороне заставляет его отказаться от писания статей в «Отечественные записки» и ограничить свое сотрудничество лишь рецензиями в библиографической хронике. Задержка Краевским гонорара Б. за первую треть года не позволяет ему переменить сырую квартиру, в которой он «давится кашлем, исходит мокротою, ибо и с чаем и со щами ест алебастровую пыль» (*Б,* XII, 44—45).

Апреля около 10. Б., отвечая на записку Краевского (не сохранилась), объясняет свое решение отказаться от писания статей для «Отечественных записок» только тем тяжелым материальным положением, в котором он оказался. Б. предполагает заняться «составлением истории Робинзона Крузое» и «переделкой в книгу» своей статьи о литературе для детского чтения (см. 1840, марта 14). При этом письме Б. посылает «последние рецензии» для пятого номера «Отечественных записок» (*Б,* XII, 45—46).

Апреля около 10. Московские консервативные литературные круги бурно реагируют на анонимную рецензию Галахова в «Отечественных записках» № 4, в которой был вышучен Ф. Н. Глинка (*ЛН,* т. 56, 158—159). Эта рецензия, ошибочно приписанная Б., явилась поводом для полного разрыва «Москвитянина» с «Отечественными записками». М. А. Дмитриев требовал от Погодина официального обращения в Главное управление цензуры с жалобой на «правила», проповедуемые в «Отечественных записках» (*Барсуков,* VI, 81). См. мая 31.

Апреля 11. Б., посылая Д. П. Иванову деньги для уплаты своих старых московских долгов и на содержание брата Никанора (см. апреля 22), в письме к нему просит извинить, что никак не мог сделать этого раньше. Б. осведомляет родных о своем предположении приехать летом в Москву и рассказывает о своей недавней встрече с В. К. Ржевским (*Б,* XII, 46—48).

Апреля 15. Публикация в «Литературной газете» анонимной рецензии Б. на «Византийские легенды» Полевого (*ЛГ*, 1841, № 40; *ЛН*, т. 55, 313—315).

Апреля 15. Выезд Лермонтова из Петербурга на Кавказ (*ЛН*, т. 45—46, 728).

Апреля 16. М. А. Языков пишет из Петербурга Каткову: «Сюда приехал Огарев с женой, просится за границу (см. мая 28). Здесь был Лермонтов и отправился опять на Кавказ, оставив большую тетрадь стихов, которые будут напечатаны в «Отечественных записках» (*ЛН*, т. 56, 156).

Апреля 22. Д. П. Иванов в письме к Б. сообщает о распределении им между кредиторами Б. семисот руб., полученных им по доверенности Краевского. Жалуясь на хроническое безделье Н. Г. Белинского, привыкшего к жизни на чужой счет, Иванов сомневается в том, чтобы тот мог попасть в университет без энергичных хлопот за него друзей Б. и просит поэтому последнего приехать в Москву не позже конца июля (*ЛН*, т. 57, 219—220). См. августа 18.

Апреля 23. Н. Г. Белинский, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б., выражает раскаяние по поводу невыполнения его советов и распоряжений, обещает усилить свою подготовку к экзаменам и сообщает список нужных ему для этого учебных пособий. От имени М. Я. Петровой он просит Б. навестить П. Я. Петрова, находящегося сейчас в Петербурге (*ЛН*, т. 57, 220—221).

Апреля 29. А. И. Кронеберг, узнав о публикации в «Отечественных записках» своего перевода «Ганимеда» Гёте, письменно просит Б. в случае напечатания других его стихотворений подписывать их псевдонимом «А. Венцегорский» (*Бик*, 128).

Апреля 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 5. В отделе «Критика» вторая статья Б. о «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова, «Истории Петра Великого» В. Бергмана, «О России в царствование Алексия Михайловича» Г. Котошихина. В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «Душенька, древняя повесть. Соч. И. Богдановича»; «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой <И. П. Мятлева>»; «Мозаисты, соч. Ж. Занда. Перевод М. Р.»; «Интересные проделки, или Невеста двух женихов. Комедия Г. Г.»; «Портретная и биографическая галерея словесности, наук, художеств и искусств в России. Тетради II и III»; «Памятник искусств. Тетради VI и VII»; «Картинная галерея, изд. А. Плюшара»; «Опыт руководства к преподаванию и изучению русской грамматики, В. Половцева». В отделе «Библиографические известия» заметки Б. о выходе в свет второго издания

«Стихотворений Е. Кульман» и драме Лажечникова «Христиерн II». В этом же номере обзор «Русский театр в Петербурге» *, приписываемый Б. (*БС,* XIII, 74—77). Статья и все рецензии опубликованы без подписи.

«Для России наступает время сознания, — писал Б., начиная свою вторую статью о «Деяниях Петра Великого» и других изданиях материалов по истории Петра. — Несмотря на холодность и равнодушие, в которых мы, русские, не без причины упрекаем себя, — у нас уже не довольствуются общими местами и истертыми понятиями, но хотят лучше ложно и ошибочно судить, нежели повторять готовые и на веру или по лености и апатии принятые суждения <...> Что истинно велико, то всегда устоит против сомнения и не падет, не умалится и не затмится, но еще более укрепится, возвеличится и просветится от сомнений и отрицания, которые суть первый шаг ко всякой истине, исходный пункт всякой мудрости. Сомнения и отрицания боится одна ложь, как боятся воды поддельные цветы и неблагородные металлы <...> Говорят, что сомнение подрывает истину: ложная и безбожная мысль! Если истина так слаба и бессильна, что может держаться не сама собою, но охранительными кордонами и карантинами против сомнения, — то почему же она истина, и чем же она лучше и выше лжи, и кто же станет ей верить? Говорят: отрицание убивает верование. Нет, не убивает, а очищает его. Правда, сомнение и отрицание бывают верными признаками нравственной смерти целых народов; но каких народов? — Устаревших, изживших всю жизнь свою, существующих только механически, как живые трупы <...> Но может ли это относиться к русскому народу, столь юному, свежему и девственному, столь могучему родовыми, первосущными стихиями своей жизни, — народу, который с небольшим во сто лет своей новой жизни, воззванный к ней творящим глаголом царя-исполина, проявил себя и в великих властителях, и в великих полководцах, и в великих государственных мужах, в великих ученых и в великих поэтах <...> Нет, мы унизили бы свое национальное достоинство, если б стали бояться духовной гимнастики, которая во вред только хилым членам одряхлевшего общества, но которая в крепость и силу молодому, полному здоровья и рьяности обществу. Жизнь проявляется в сознании, а без сомнения нет сознания, так же как для тела без движения невозможно отправление органических процессов и жизненного развития» (*Б,* V, 118—119). Имея в виду не столько специальную литературу, сколько споры будущих западников и славянофилов в московских салонах тридцатых годов, Б. писал, что «несколько лет назад начали появляться какие-то темные сомнения в безусловной непогрешительности главного дела Петра — преобразования России. Говорили, что здание этого преобразования было построено без фундамента, ибо начато было

сверху, а не снизу, что оно состояло в одних внешних формах и, не привив к нам истинного европеизма, только исказило нашу народность и обрезало крылья национальному гению. Далее, в нашей статье, мы коснемся этих возражений, как ни поверхностны и ни пусты они в своей сущности; но теперь скажем только, что в минуту их появления в печати они многим полюбились и обратили на себя общее внимание. Одни как будто увидели в них собственное мнение, до того самим им неясное; другие, не соглашаясь с ними, все-таки увидели в них не общие фразы и надутые возгласы, а самостоятельное и притом *новое* мнение, и некоторые даже удостоили их энергических, хотя и косвенно сделанных возражений. Итак, сомнение, вместо того, чтобы охладить к Петру, только усилило общий интерес к нему, как великому историческому явлению, заставило всех больше и думать, и говорить, и писать о нем. Но время скоро решило вопрос и неосновательность сомнений: теперь уже только люди, живущие задним числом, могут не шутя упрекать Петра, зачем он начал свое преобразование сверху, а не снизу, с вельмож, а не с мужиков, зачем придавал большую важность формам — одежде, брадобритию и пр., зачем построил Петербург и т. п. Итак, сомнение не принесло никакого вреда, а только принесло пользу, ибо, проявившись, уничтожило себя самим же собою и повело к другому сомнению, более основательному, которое, в свою очередь, минет и уступит место если еще не истине, то третьему сомнению, которое приведет уже к истине». Б. полагает, что «решение задачи состоит в том, чтобы показать и доказать: 1) что хотя народность и тесно соединена с историческим развитием и общественными формами народа, но что то и другое совсем не одно и то же; 2) что преобразования Петра Великого и введенный им европеизм нисколько не изменили и не могли изменить народности, но только оживили ее духом новой и богатейшей жизни и дали ей необъятную сферу для проявления и деятельности. В русском языке находятся в обороте два слова, выражающие одинаковое значение: одно коренное русское — *народность*, другое латинское, взятое нами из французского, — *национальность*. Но мы крепко убеждены, что ни в одном языке не может существовать двух слов, до того тождественных в значении, чтобы одно другое могло совершенно заменять и, следовательно, одно другое делать совершенно лишним <...> Так и слова *народность* и *национальность* только сходственны по своему значению, но отнюдь не тождественны, и между ними есть не только оттенок, но и большое различие. «Народность» относится к «национальности», как видовое, низшее понятие — к родовому, высшему, более общему понятию. Под *народом* более разумеется низший слой государства; нация выражает собою понятие о совокупности всех сословий

государства. В народе еще нет нации, но в нации есть и народ. Песня Кирши Данилова есть произведение народное; стихотворение Пушкина есть произведение национальное: первая доступна и высшим (образованнейшим) классам общества, но второе доступно *только* высшим (образованнейшим) классам общества и не доступно разумению народа, в тесном и собственном значении этого слова» (*Б*, V, 120—122).

Б. полагает, что «сущность всякой национальности состоит в ее *субстанции*. Субстанция есть то непреходимое и вечное в духе народа, которое, само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и невредимо проходит чрез все фазисы исторического развития. Это зерно, в котором заключается всякая возможность будущего развития». В то время как «народность предполагает что-то неподвижное, раз навсегда установившееся, не идущее вперед; показывает собою только то, что есть в народе налицо в настоящем его положении, — национальность, напротив, заключает в себе не только то, что было и есть, но что будет или может быть. В своем развитии национальность сближает самые противоположные явления, которых, по-видимому, нельзя было ни предвидеть, ни предсказать. Народность есть первый момент национальности, первое ее проявление. Но из сего отнюдь не следует, чтобы там, где есть народность, не было национальности: напротив, общество есть всегда *нация*, еще и будучи только *народом*, но нация в возможности, а не в действительности, ибо национальность и субстанция народа есть одно и то же, а всякая субстанция, еще и не получивши своего определения, носит в себе его возможность. Итак, Россия до Петра Великого была только народом и стала нациею вследствие толчка, данного ей ее преобразователем. Из ничего не бывает ничего, и великий человек не творит своего, но только дает действительное существование тому, что прежде него существовало в возможности. Что все усилия Петра были направлены против русской народности — это ясно, как день божий; но чтобы он стремился уничтожить наш субстанциальный дух, нашу национальность — подобная мысль более чем неосновательна: она просто нелепа» (*Б*, V, 123—124).

Характеризуя «прошедшее России, сокрушенное железной волей царя-исполина», Б. утверждает: «Быт того времени, изображенный Кошихиным, невольно заставляет содрогаться сердце <...> Бессилие при силе, бедность при огромных средствах, безмыслие при уме природном, тупость при смышлености природной, унижение и позор человеческого достоинства и в обычаях, и в условиях жизни, и в судопроизводстве, и в казнях, и притом унижение человеческого достоинства при христианской религии: вот первое, что бросается в глаза при взгляде на общественный и семейный быт России до Петра Великого. Дух народный всегда был велик и могущ: это дока-

зывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междуцарствия <...> Это же доказывают и произведения народной поэзии, запечатленной богатством фантазии, силою выражения, бесконечностию чувства, то бешено веселого, размашистого, то грустного, заунывного, но всегда крепкого, могучего, которому тесно и на улице и на площади, которое просит для разгула дремучего леса, раздолья Волги-матушки, широкого поля. Но такова участь даже и великого народа, если враждебная судьба или неблагоприятное историческое развитие лишают его потребной ему сферы и для необъятной силы его духа не дают приличного ей содержания: в минуты испытания, когда малые духом народы падают, он просыпается, как лев, окруженный ловцами, грозно сотрясает свою гриву и ужасным рыканьем оледеняет сердца своих врагов; но прошла буря — и он опять погружается в свою дремоту, не извлекая из потрясения никаких благоприятных результатов для своей цивилизации» (*Б,* V, 134—135).

«Некоторые думают, — писал Белинский, — что Россия могла бы сблизиться с Европою без насильственной реформы, без отторжения, хотя бы и временного, от своей народности, но собственным развитием, собственным гением. Это мнение имеет всю внешность истины, и потому блестяще и обольстительно, но внутри пусто, как большой, красивый, но гнилой орех: его опровергает самый опыт, — факты истории <...> Да, у нас все должно было начинать сверху вниз, а не снизу вверх, ибо в то время, как мы почувствовали необходимость сдвинуться с места, на котором дремали столько веков, мы уже увидели себя на высоте, которую другие взяли приступом. Разумеется, на этой высоте увидел себя не народ (в таком случае ему не для чего было бы и подыматься), а правительство и то в лице только одного человека — царя своего. Петру некогда было медлить: ибо дело шло уже и не о будущем величии России, а о спасении ее в настоящем. Петр явился вовремя: опоздай он четвертью века, и тогда — с п а с а й или с п а с а й с я, к т о м о ж е т!.. Провидение знает, когда послать на землю человека. Вспомните, в каком тогда состоянии были европейские государства, в отношении к общественной, промышленной, административной и военной силе, и в каком состоянии была тогда Россия во всех этих отношениях!» (*Б,* V, 139—141).

Статью свою Б. заканчивает строками: «Созерцание всякого великого человека пробуждает нас от дремоты положительной жизни, от апатического равнодушия в прозе забот и нужд житейских, настроивает сердца к высоким чувствам и благородным помыслам, укрепляет волю на благие действия

и на гордое презрение к пустоте и ничтожеству мертвого существования и возвышает наш дух к началу всяческой жизни, к источнику вечной правды и вечного блага... А кто же более нашего Петра имеет право на титло великого и божественного и кто же из героев нашей истории может быть ближе к нашему сердцу и духу?» (*Б,* V, 152).

Вторая статья Б. о «Деяниях Петра Великого» была сильно сокращена и искажена в цензуре. Эти искажения были настолько значительны, что Б. вынужден был отказаться от окончания своей статьи. В примечании ко второй статье редакция «Отечественных записок» объявила: «Предположенного продолжения статьи о «Деяниях Петра Великого», по независящим от редакции причинам, не будет» (*ОЗ,* 1841, № 5, отд. V, 18). См. выше письмо Б. от 9 апреля.

Апреля около 30. Б. высоко оценивает повесть Кудрявцева «Звезда», которую прочел в рукописи (*Б,* XII, 56—57).

Мая 5. Постановка на сцене Александринского театра комедии Некрасова «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке», комедии Квитки-Основьяненка «Шельменко-денщик» и фарса П. Григорьева 1-го «Комнатка с отоплением и прислугой» (*«Репертуар на 1841 г.»,* V, 25—26). См. отчет об этих пьесах в «Отечественных записках», 1841, № 6, приписываемый Б. (*БС,* XIII, 77—83).

Мая 6. Постановка на сцене Александринского театра в бенефис А. Мартынова водевиля «Роза и Картуш» П. С. Федорова, «Волки в овчарне» М. А. Маркова и комедии Я. Я. Фейгина «Новый Отелло» (*«Репертуар на 1841 г.»,* V, 27—29). См. отчет об этих пьесах в «Отечественных записках», 1841, № 6, приписываемый Б. (*БС,* XIII, 80—82).

Мая 14. Письмо А. И. Кронеберга к Б. из Харькова с приложением трех стихотворений для «Отечественных записок» (*Бик,* 128—129).

Мая около 15. Н. П. Огарев в письме к Грановскому сообщает о своих частых встречах с Б., который «глубоко страдает вопросами, которые его тревожат». Б. находит, что в Петербурге «лучше, чем в Москве, потому что дремать нельзя» (*Звенья,* I, 101).

Мая около 15. Грановский в письме к Б. рекомендует ему В. С. Подберезкова, бывшего студента Московского университета. Зная по слухам, что Б. «тяжело в Питере», Грановский приглашает его «недели на две» в Москву: «Авось уедешь отсюда спокойнее духом. Славно спится в Москве» (*ЛН,* т. 56, 425—426).

Мая 17. Боткин в письме к К. А. Горбунову советует ему обратиться к доктору Никитину, которого Б. «знает как дельного врача» (*ЛН,* т. 56, 156).

Мая 20. В. А. Солоницин, помощник редактора «Библиотеки для чтения», характеризуя в письме к Е. Ф. Коршу «состояние петербургских литературных партий», разъясняет: «Партия «Отечественных записок»: старшина — Краевский; под ним — Белинский, Кольцов, Красов, какой-то Фита <Клюшников>; далее — Лермонтов и Иван Панаев, наконец, «Отечественные записки» считают в числе своих сотрудников Лажечникова, Вяземского, даже Жуковского <...> Город беспрестанно твердит, что «Отечественные записки» прекратятся от денежной несостоятельности, но журнал выходит себе очень исправно, на зло крикунам» (*ЛН*, т. 45—46, 373—374 и 386).

Мая 26. Герцен пишет Кетчеру, что Б. «глубоко страдает; над ним совершается теперь критический момент, он доходит до предела скептицизма». Характеризуя материальные затруднения Б., Герцен говорит: «Краевский дурно платит Б. и вообще немножко schmutzig <грязноват>» (*ГЛ*, II, 433).

Мая около 28. Н. П. Огарев уезжает из Петербурга за границу (*ГЛ*, II, 431—432; *ГЛ*, XXII, 221; *Звенья*, I, 101).

Мая 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 6. В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «Бернард Мопрат, или Перевоспитанный дикарь. Соч. Ж. Занд, пер. с франц.»; «Ластовка. Сочинения на малороссийском языке. Собрал Е. Гребенка»; «Сватанье. Малороссийская опера. Соч. Основьяненка. Изд. второе»; «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Изд. третье»; «Русские народные сказки, часть первая». В «Библиографических известиях» заметка Б. о втором томе сборника «Сто русских литераторов». В этом же номере обзор «Русский театр в Петербурге» (см. мая 6). Все рецензии опубликованы без подписи *.

В рецензии на перевод «Мопра» Жорж Санд Б. высоко оценивает «человечность», которая «дышит в каждой строке, в каждом слове этой гениальной женщины». Противопоставляя произведения Ж. Санд романам Бальзака, Б. иронизирует по поводу «благоговейного преклонения» перед последним «наших добрых гонителей всего европейского во славу всего китайского» (*Б*, V, 175). Развитие этих мыслей о Бальзаке и Жорж Санд см. в статье «Речь о критике» (*Б*, VI, 279).

Мая около 30. Б. принимает предложение полковника Денисова о ведении занятий по русскому языку с кантонистами в управлении путей сообщения и публичных зданий (*ИВ*, 1911, X, 229—230). См. июня 3.

Мая 31. Цензурное разрешение «Москвитянина» № 6. В статье «К «Отечественным записках» (принадлежащей Шевыреву и подписанной N. N.) редакция «Москвитянина» протестовала против иронической трактовки в «Отечественных записках» произведений Ф. Н. Глинки (см. апреля около 10)

и заключала свой протест грубыми выпадами против Б.: «Мы уважали «Отечественные записки» за их благонадежность, хотя не одобряли их мнений, философских и критических, и часто негодовали на их образ суждений о нашей старой литературе; мы уважали деятельность издателя; уважали многих сотрудников <...> Потому-то нам было крайне жаль видеть, что какой-нибудь журнальный писака, навеселе от немецкой эстетики, которой сам из-за незнания немецкого языка не читал, а об которой слышал, и то в искаженном виде и с третьих уст, — что такой непризванный судья, развалившись отчаянно в креслах критика, всенародно осмеливается праздновать шабаш Поэзии и Нравственности и, забыв все приличия, извергать насмешки и клевету на писателя, огражденного от подобных оскорблений мнением литературным и общественным» («*М*», № 6, 509—510). Ответ на эту статью см. июня 30.

Июня первая половина. Б. редактирует рукопись учебного пособия по русскому языку и литературе, составленного Г. А. Гурцовым для глухонемых. В счет оплаты за эту работу Б. получает аванс в размере 300 руб. асс. (*Б*, XII, 58—59; *ЛН*, т. 56, 160). См. июня 29 и июля 21.

Июня 3. Представление полковника Денисова об определении Б. на службу в «Художественные заведения» главного управления путей сообщения (*ИВ*, 1911, X, 229—230). См. сентября 27.

Июня 20. Литератор П. П. Сумароков в письме к Б. предлагает для «Отечественных записок» свои повести и театральные разборы (*Бик*, 277).

Июня около 25. Б. знакомится с Карлом Липпертом, сотрудником русских и зарубежных немецких изданий. Липперт вызывается учить Б. немецкому языку (*Б*, XII, 56).

Июня 27. Б. в письме к Боткину утверждает, что «без общества нет ни дружбы, ни любви, ни духовных интересов, а есть только порывания ко всему этому». Б. думает, что если бы ему была предоставлена «свобода действовать для общества», он «в три года возвратил бы свою потерянную молодость» и реализовал бы свое призвание. Пока же «мы сироты, дурно воспитанные, мы люди без отечества» (*Б*, XII, 49—50). См. июня 28.

Июня 28. Б. продолжает письмо к Боткину, начатое июня 27. Б. пишет, что по его совету купил и прочел Плутарха, образы которого (Тимолеон, Гракхи, Катон и др.) еще более укрепили развившуюся в нем «фанатическую любовь к свободе и независимости»: «Через Плутарха» Б. понял «многое, чего не понимал»: «На почве Греции и Рима выросло новейшее человечество». «Я понял и французскую революцию, и ее

римскую помпу, над которою прежде смеялся. Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством». Для Б. «личность человеческая сделалась пунктом, на котором он боится сойти с ума»: «Интересы прозаической жизни всё менее и менее занимают меня, и я все более и более— гражданин вселенной». Б. ненавистен монархизм в любой форме: «Гегель мечтал о конституционной монархии, как идеале государства, — какое узенькое понятие!» Б. высказывает пожелание ближе познакомиться с сенсимонистами, так как «на женщину он смотрит их глазами». По мнению Б., брак — установление «людоедов» и «готтентотов», понятие о женской чести у нас «калмыцкое». Б. приветствует «вдохновенную пророчицу, энергического адвоката прав женщин» — Жорж Санд. Б. возмущается трактовкой Жанны д'Арк в «Генрихе VI» Шекспира: «Да будет проклята всякая народность, исключающая из себя человечность!» Б. возмущен стихотворением Лермонтова «Последнее новоселье» и высоко оценивает Беранже, как «пророка свободы гражданской и свободы мысли». Восторженно отзываясь о Герцене и его жене, Б. упоминает о получении письма от Кетчера, которое «еще более утвердило» Б. в его «убеждениях» (*Б,* XII, 49—56).

Июня 28. Б. в письме к Кудрявцеву делится своим планом поездки за границу, средства на которую должен обеспечить задуманный им альманах. Б. в восторге от «Спора» Лермонтова и возмущен «Последним новосельем» («жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков»). Б. поздравляет Кудрявцева с успехом его повести «Звезда» и уведомляет его о том, что присланная им статья о книге Ф. Морошкина «О значении имени руссов и славян» напечатана в «гнусной Коневской газетишке» (*Б,* XII, 56—58). См. июля 17.

Июня около 28. Б. в не дошедшем до нас письме к К. С. Аксакову заявляет о своем разрыве с ним (*ЛМ,* 180). См. июля 18.

Июня 29. Б. в записке к В. Ф. Одоевскому просит напомнить Гурцеву о своей крайней нужде в деньгах (*Б,* XII, 58). См. июля 21.

Июня 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 7. В отделе «Критика» статья Б. «Сто русских литераторов» — о сборнике, изд. А. Смирдиным. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Москве благотворительной. Соч. Ф. Глинки»; «Сто русских литераторов. Том II». В отделе «Библиографические и журнальные известия» ответ Б. «Москвитянину» (см. мая 31). Статья и рецензии опубликованы без подписи.

В основу статьи «Сто русских литераторов» Б. кладет резко отрицательный разбор романов Булгарина и Загоскина, как произведений антихудожественных, апологетически представляющих крепостническую действительность, а в начале статьи помещает памфлетную характеристику только что умершего А. С. Шишкова, президента Российской Академии (*Б,* V, 186—217). Отрицательно отзываясь в этой же статье о повести Надеждина «Сила воли», Б. утверждает, что Надеждин, как ученый журналист, «примечательное лицо в нашей литературе и заслуживает подробной и основательной оценки», которую он и предполагает «сделать при удобном случае» (*Б,* V, 214). Этот замысел Б. остался неосуществленным.

Июня 30. Герцен выезжает из Петербурга на службу в Новгород (*ГЛ,* 434; *Б,* XII, 56).

Июля 4. Б. обедает на даче у Краевского с только что приехавшим Сатиным (*ЛН,* т. 56, 158).

Июля около 5. Боткин в письме к Б. отказывается писать статью о «Ричарде III» Шекспира для «Отечественных записок», рекомендуя это сделать самому Б. (*ЛМ,* 179).

Июля 10. А. Д. Галахов в письме к Краевскому благодарит Б. за «прекрасную» характеристику А. С. Шишкова в статье о сб. «Сто русских литераторов» и за разбор «Москвы благотворительной» Ф. Н. Глинки (*ЛН,* т. 56, 159).

Июля 12. Публикация в «Литературной газете» анонимной статьи о «Библиотеке для чтения». Автором ее был, возможно, Б. (*ЛГ,* 1841, № 77; *ЛН,* т. 55, 321—329).

Июля около 15. Выход в свет первой книжки журнала «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», издаваемого в Берлине под ред. профессора А. Эрмана. В этой книжке, в статье Варнгагена фон Энзе «Новейшая русская литература», отмечены успехи в России «высокой, ученой и прозорливой критики, какою она является под пером благороднейшей и самостоятельнейшей части русских писателей — Белинского, Неверова и Каткова — в журналах, издаваемых в здравом, добросовестном духе». Статья эта полностью была переведена в «Отечественных записках», 1841, № 8, отд. V.

Июля 17. Кудрявцев в письме к Б. выражает готовность участвовать в проектируемом им альманахе и подробно информирует Б. о своих литературных планах (*Бик,* 142—144). См. июня 28.

Июля 18. Боткин в письме к Б. горячо рекомендует ему А. Я. Кульчицкого, переезжающего на службу в Петербург, и надеется, что знакомство с ним облегчит тяжелое состояние Б. Под впечатлением прочитанного им письма Б. к К. С. Акса-

кову (см. июня около 28) Боткин отмечает: «Вот до чего дошло! Но меня это нисколько не удивило. В Аксакове лежала всегда возможность того, чем он теперь стал» (*ЛМ,* 179—180).

Июля 19? Б. в письме к Краевскому просит выяснить вопрос о деньгах, причитающихся ему за редакционную работу над рукописью Г. А. Гурцова. Б. оценивает свой труд в 500 руб. асс. (см. июня 29 и июля 21). Б. просит Краевского непременно напечатать в «Отечественных записках» прилагаемые стихи Сатина «Поэту — судие» (*Б,* XII, 59).

Июля 19? Б. обедает у военного историка генерала А. И. Михайловского-Данилевского (*Б,* XII, 59; *И. Панаев,* 257—258).

Июля 21. Б. выдает В. Ф. Одоевскому расписку в получении им от Г. А. Гурцова 100 руб. асс. в счет гонорара за редакционную работу над рукописью учебного пособия для глухонемых (*Б,* XII, 473; *ЛН,* т. 56, 160). См. июня 29.

Июля 21. В. С. Межевич, рецензируя в «Северной пчеле» сборник «Сто русских литераторов», негодует по поводу статьи Б. об этом издании в «Отечественных записках» (*СП,* 1841, № 160). См. июня 30.

Июля 22. Письмо Кольцова к Б. из Воронежа (*Кольцов,* 256). Этим же днем датируется письмо П. П. Клюшникова к Б. из Москвы (*Бик,* 78).

Июля около 22. Б. знакомится с А. Я. Кульчицким, приехавшим в Петербург с письмами к Б. от его московских друзей (*Бик,* 141—142). См. июля 18.

Июля 30. Цензур. разреш. водевиля Д. Т. Ленского «В людях ангел, не жена, дома с мужем — сатана». Один из персонажей водевиля протестует против современной критики, в которой «всё какие-то объекты да субъекты, да индивидуальность, да интеллектуальность, да конкретность, а уж как пишут о театре! Из рук вон». Он же поет пасквильные куплеты о Б. (см. января 31). В печатном тексте изменены две последние строки: «Какой-нибудь студент Педант из нигилистов» (*«Репертуар русского театра на 1841 г.»,* т. 2, кн. 7, 36).

Июля около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 8. В отделе «Критика» статья Б.: «Римские элегии. Соч. Гёте, перевод А. Струговщикова». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI»; «Фритиоф. Поэма Тегнера, перев. Я. Грота»; «Сніп, украинскій новорочник. Зкрутив А. Корсун». В этом же номере обзор «Русский театр в Петербурге», приписываемый Б. * (*БС,* XIII, 84—88). Статья и рецензия опубликованы без подписи.

Б., широко используя в статье о «Римских элегиях» Гёте материал, собранный им для работы о родах и видах литературы и подлежавший включению в задуманный им «Теоретический и критический курс русской литературы» (см. февраля 28), следующим образом определил тематику своего разбора: «Возможности античной поэзии в наше время не как подражания, а как свободного творчества. — Нравственность древней поэзии. — Нравственность «Римских элегий» Гёте. — Сущность антологической поэзии. — Антологическая поэзия в русской литературе — Ломоносов, Дмитриев, Державин, Гнедич, Батюшков, Пушкин. — Размер, приличный антологическим стихотворениям. — О переводе «Римских элегий» Гёте на русский язык» (*Б,* V, 229).

Формулируя основные теоретические предпосылки статьи, Б. утверждал: «Дух человеческий всегда один и тот же, в каких бы формах ни являлся он; форма есть явление идеи, а идея всегда едина и вечна; следовательно, только случайные формы, лишенные жизни, чуждые идее, могут быть непонятны. Развитие человечества есть беспрерывное движение вперед, без возврата назад. Если мы видим теперь просвещеннейшие страны древнего мира погруженными во мрак невежества и варварства, а места невежества и варварства в древности — просвещеннейшими странами в мире, — из этого совсем не следует, чтоб движение человечества состояло в каком-то круге, где крайняя точка впадает в точку исхода. Человечество действительно движется кру́гом (то есть идя вперед, беспрестанно возвращается назад), но кру́гом не простым, а спиральным, и в своем ходе образует множество кругов, из которых последующий всегда обширнее предшествующего <...> Закон развития человечества таков, что всё пережитое человечеством, не возвращаясь назад, тем не менее и не исчезает без следов в пучине времени. Исчезнувшее в действительности — живет в сознании. Так старец с умилением и восторгом вспоминает не только о летах своего зрелого мужества, но и о пылкой юности, и о светлом, безмятежном младенчестве, и потому самому не перестает сочувствовать ни мужу, ни юноше, ни младенцу. Человеку нельзя на всю жизнь оставаться младенцем, но он должен перейти через все возрасты — от колыбели до могилы. Последующий возраст выше предшествующего; однако из этого не следует, чтоб предшествующий, будучи ступенью и средством, не был в то же время и сам себе целью, а следовательно не заключал в себе разумности и поэзии» (*Б,* V, 235—236).

В рецензии на три последних тома посмертного издания сочинений Пушкина Б. обещает читателям «Отечественных записок» «скоро представить статью, а может быть, и целый ряд статей» о Пушкине (*Б,* V, 276).

Июля конец. Б. получает информацию о том, что петербургские цензоры, «боясь доносов Погодина и Шевырева», не хотят пропускать ни слова против «Москвитянина» (*Б,* XII, 63).

Июль? август? Б. готовит для печати в «Отечественных записках» тексты стихотворений Пушкина, затерявшихся в старых журналах и альманахах и не включенных в посмертное издание его сочинений. В это же время Б. копирует списки лицейского послания Пушкина «К Горчакову» и двух нелегальных эпиграмм: «Послушайте. Я сказку вам начну...» и «Не то беда, что ты поляк» (*«Литературный архив»,* 299—300; *Б,* V, 264).

Июль—август. У Б. гостит И. И. Ханенко, — «прекрасный, благородный, чудесный человек» (*Б,* XII, 72). См. сентября 8.

Августа 1. А. П. Ефремов в письме к Б. из Гамбурга просит его принять меры к организации помощи Каткову, который оказался в Берлине без всяких средств (*Бик,* 50—51).

Августа 2. Б. и М. П. Носков провожают Сатина, уезжающего за границу (*ЛН,* т. 56, 160—161).

Августа 3. Б. потрясен вестью о том, что Лермонтов «убит наповал — на дуэли» (*Б,* XII, 61).

Августа 3. Б. в письме к Кетчеру информирует его о планах Краевского взять в аренду «Сын отечества» и реорганизовать его в литературно-политическую газету. Б. передает Кетчеру предложение переехать в Петербург для постоянной работы в изданиях Краевского и попутно рассказывает о широких планах Смирдина, который «явно переходит на нашу сторону». Б. с болью говорит о смерти Лермонтова, о безобразиях Булгарина, резко характеризует оплоты реакции — министерство народного просвещения, Российскую академию, «Москвитянин», «Северную пчелу», «Маяк» и «Полицейскую газету». Б. высоко оценивает повесть Герцена «Из записок одного молодого человека» и сурово осуждает украинские литературные сборники «Ластовка» и «Сніп». Б. приветствует затеянный Кетчером перевод «всего Шекспира», но опасается, что это «умное и великое дело» может провалиться из-за издательской неопытности Кетчера (*Б,* XII, 59—63).

Августа 10. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 9. В заметке Шевырева «Объяснение», подписанной «NN» и посвященной статье Б. о шестой книжке «Москвитянина» (*ОЗ,* № 7), выражено требование, чтобы «Отечественные записки» «исправили тон своей критики в отношении к писателям русским. Невозможно без негодования читать их суждения о Ломоносове, Богдановиче, Шишкове и последней выходке против Загоскина» (*«М»,* 1841, № 9, 322—324).

Августа 18. Д. П. Иванов в письме к Б. извещает его о провале Н. Г. Белинского на приемных экзаменах в Московский университет (*ЛН,* т. 57, 221—223). См. августа 25, декабря 12.

Августа около 20. Б. знакомится с И. П. Галаховым, который привез ему из-за границы письмо от Огарева (до нас не дошло) и стихотворение последнего «Прометей» (*ЛН,* т. 56, 161).

Августа 25. Б., отвечая на письмо Д. П. Иванова от 18 августа, горячо благодарит за заботы о брате Никаноре и извещает о своем намерении приехать за ним в декабре (*Б,* XII, 63—64).

Августа 28. Адмирал Н. С. Мордвинов в официальном письме к министру народного просвещения указывает, что в «Отечественных записках» «сверх многих нелепостей, служащих к развращению вкуса, ума и нравственности возрастающего поколения, как то, что грех состоит в сознании греха» (*ОЗ,* № 8, Римские элегии, 31)», он «нашел, к удивлению, дерзкий отзыв об А. С. Шишкове» <см. *ОЗ,* 1841, № 7>. Под впечатлением этих статей Мордвинов «почитает долгом обратить внимание на журнал, колеблющий коренное основание благоустройства; согласные с верою понятия о нравственности и уважение к личности гражданина и человека» (*ЦГИАЛ,* фонд Главного управления цензуры, 1841, № 63. Ср. *РС,* 1903, № 4, с. 171; *М. Лемке,* 30—31).

Августа 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 9. В отделе «Критика» первая из четырех статей Б. о русской народной поэзии («Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым»; «Древние русские стихотворения, собранные М. Сухановым»; «Сказания русского народа, собран. И. Сахаровым»; «Русские народные сказки»). В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова»; «Стихотворения графини Е. Ростопчиной»; «Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова»; «Двенадцать собственноручных писем адмирала Шишкова»; «Русская история. Соч. Н. Полевого, ч. IV». Статья и рецензии опубликованы без подписи.

Первая статья Б. из цикла его статей о народной поэзии имеет заголовок «Общая идея народной поэзии» и начинается с уяснения вопроса о том, что такое «народность»: „«Народность» есть альфа и омега эстетики нашего времени, как «украшенное подражание природе» было альфою и омегою эстетики прошлого века". Полагая, что «органическая, живая полнота искусства состоит в примирении двух крайностей — искусственности и естественности» и что «каждая из этих крайностей сама по себе есть ложь, но, взаимно проникаясь одна другую, они образуют собою истину», Б. утверждает: «Искус-

ственность, как односторонность и крайность, произвела мертвый псевдоклассицизм; естественность, как односторонность и крайность, произвела литературу площадей, кабаков, тюрем, боен, домов разврата. Но та и другая были необходимы в процессе исторического развития понятия об искусстве». И далее: «Обыкновенно народность смешивают с естественностию, тогда как это два совершенно особенные представления: ибо хотя истинно народное не может не быть естественным, но истинно естественное может быть нисколько не народным. Сверх того, некоторые из наших писателей, заметив, что европейское образование сглаживает угловатости народности, и смешивая форму с идеею, обратились преимущественно к низшим классам народа: истинный художник народен и национален без усилия. Он чувствует национальность прежде всего в самом себе и потому невольно налагает ее печать на свои произведения. Хотя Татьяна Пушкина и читает французские книжки, а одевается по картинкам европейских модных журналов, но она — лицо в высшей степени русское — и тогда, как мы ее видим «уездною барышнею», и тогда, как она является княгинею и светскою дамою. Но для изображения таких благородных личностей нужна гениальность или великий талант; маленьким дарованиям, а особенно посредственности, сподручнее мужики, бабы, лакеи; стоит только заставить их говорить своим языком — и народность готова. И зато мужики и бабы гениальных поэтов бывают благороднее господ и вельмож маленьких дарований и посредственности: няня Татьяны Пушкина, при своей простоте и ограниченности, как изображение, дышит художественною грациею и достолюбезностию; мы смеемся над нею, но любим и уважаем ее <...> Где жизнь, там и поэзия; но жизнь только там, где идея, и уловить играние жизни значит уловить невидимый и благоуханный эфир идеи. Для искусства нет более благородного и высокого предмета, как человек, — и чтобы иметь право на изображение искусства, человеку нужно быть человеком, а не чиновником 14-го класса или дворянином. И у мужика есть душа и сердце, есть желания и страсти, есть любовь и ненависть, словом — есть жизнь. Но чтобы изобразить жизнь мужиков, надо уловить, как мы уже сказали, идею этой жизни, и тогда в ней не будет ничего грубого, пошлого, плоского, глупого. Вот отчего «Вечера на хуторе» Гоголя, посвященные изображению простого быта Малороссии, дышат такою полнотою художественности, очаровывают такою неотразимою прелестию, такою дивною поэзиею. Но, повторяем, для этого нужен гений и гений, талант и талант. Скажут: гений и талант еще нужнее в изображении жизни высших слоев общества. Нет: если для изображения художественного, то нужен точно такой же талант, как и везде. Но не всякий талант есть художник, а литература состоит не из одних художественных созданий, и беллетри-

стика — этот насущный хлеб большинства общества, это практическое, житейское искусство толпы — также требует талантов и еще больших талантов. Вот этим-то талантам всего опаснее спускаться в низшие слои общества, откуда вместо народности они могут вынести только грубую простонародность; и им-то всего лучше браться за изображение средних и даже высших слоев общества, где жизнь разнообразнее, обширнее, отношения человечнее, утонченнее, многосложнее, игривее, глубже. В беллетристике внешняя цель может иметь и большую пользу и важное значение, тогда как в искусстве одна цель — само искусство».

Полемизируя с некоторыми литературно-теоретическими положениями журналов «Москвитянин» и «Маяк», которые подменяют «народность» сусальной «простонародностью» и приглашают «учиться у черни не только литературе, но и нравам, и обычаям, и даже тому, что составляет внутреннюю жизнь и свободное убеждение каждого порядочного человека», Б. негодует по поводу того, что с некоторого времени у нас «деревенские старосты и богомольные старухи представляются образцами нравственности, созерцательных откровений и даже образованности и просвещения». Б. утверждает, что «народность» есть великое дело и в политической жизни и в литературе; только, подобно всякому истинному понятию, она сама по себе есть односторонность и является истиною только в примирении с противоположною себе стороною. Противоположная сторона «народности» есть «общее» в смысле «общечеловеческого». Как ни один человек не должен существовать отдельно от общества, так ни один народ не должен существовать вне человечества. Человек, существующий вне народной стихии, есть призрак; народ, не сознающий себя живым членом в семействе человечества, есть не нация, но племя, подобно калмыкам и черкесам, или живой труп <...> Без народного характера, без национальной физиономии государство есть не живое органическое тело, а механический препарат, подобно Австрии. Но, с другой стороны, и национального духа еще недостаточно для того, чтобы народ мог считать себя чем-нибудь существенным и действительным в общности мироздания. В том и другом случае народ есть односторонность и крайность, а следовательно, и призрак. Чтобы народ был действительно историческим явлением, необходимо, чтобы его народность была только формою, проявлением идеи человечества, а не самою идеею. Все особное и единичное, всякая индивидуальность действительно существует только общим, которое есть его содержание и которого она только выражение и форма. Индивидуальность призрачна без общего; общее, в свою очередь, есть призрак без особного, индивидуального проявления». Б. полагает, что «только та литература есть истинно народная, которая в то же время есть общечеловеческая; и только та

литература есть истинно человеческая, которая в то же время есть и народная. Одно без другого существовать не должно и не может». И далее: «Поэзия каждого народа есть непосредственное выражение его сознания; посему поэзия тесно слита с жизнию народа. Вот причина, почему поэзия должна быть народною и почему поэзия одного народа не похожа на поэзию всех других народов. Для всякого народа есть две великие эпохи жизни: эпоха естественной непосредственности, или младенчество, и эпоха сознательного существования. В первую эпоху жизни национальная особность каждого народа выражается резче, и тогда его поэзия бывает по преимуществу народною. В этом смысле народная поэзия отличается резкою особностью и потому более доступна уразумению всей массы своего народа и более недоступна для других народов. Русская песня сильно действует на русскую душу и нема для иностранца и не переводима ни на какой другой язык. Во вторую эпоху существования народа его поэзия делается менее доступною для массы народа и более доступною для всех других народов. Пушкина русский мужик не поймет, но зато пушкинская поэзия доступна всякому образованному иностранцу и удобопереводима на все языки <...> Художественная поэзия всегда выше естественной, или собственно народной. Последняя есть только младенческий лепет народа, мир темных предощущений, смутных предчувствий; часто она не находит слова для выражения мысли и прибегает к условным формам — к аллегориям и символам; художественная поэзия есть, напротив, определенное слово мужественного сознания, форма, равновесная заключающейся в ней мысли, мир положительной действительности; она всегда выражается образами определенными и точными, прозрачными и ясными, равносильными идее». И далее: «В художественной поэзии заключаются все элементы народной, и сверх того еще есть нечто такое, чего нет в народной поэзии: однако ж тем не менее народная поэзия имеет для нас свою цену так, как она есть, в ее чистом, беспримесном элементе, в ее простой, безыскусственной и часто грубой форме» (*Б,* V, 289—310).

Сентября 1. Премьера на Александринской сцене пьесы Булгарина «Шкуна Нюкарлеби», идущей в бенефис В. В. Самойлова (*А. Вольф,* ч I, 1877, 95). См. рецензию, приписываемую Б. (*БС,* XIII, 88—90).

Сентября 4. Н. Г. Белинский в письме к Б. отвечает на письмо последнего к Д. П. Иванову от 25 августа(*ЛН,* т. 57, 223).

Сентября 5. Министр народного просвещения Уваров, пересылая председателю СПб.-цензурного комитета жалобу адмирала Мордвинова (см. августа 28), указывает, что отзывы

«Отечественных записок» об А. С. Шишкове «действительно неуместны и неприличны», и предлагает «сделать замечание цензорам, одобрившим к напечатанию приводимые в отношении Мордвинова части» (*Летопись жизни* Б., 151).

Сентября 8. Б. получает от художника К. А. Горбунова портрет Боткина, присланный последним ему в подарок (*Б,* XII, 69).

Сентября 8. Письмо Б. к Боткину, посылаемое через И. И. Ханенко. Б. говорит, что «идея социализма» стала для него «идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания». «Социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что *я* понимаю идею, что мне открыт мир идей в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству, моими ближними по Христе <...> Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братиями моими! <...> Я ожесточен против всех субстанциальных начал, связывающих в качестве верования волю человека! Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т. п.». Б. признается в своих симпатиях к XVIII в., когда «рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам бога, разума и человечности». Популяризируя писания Пьера Леру, Б. хочет верить в ожидающий человечество «золотой век», когда «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди». Б. читает «Историю французской революции» Тьера: «Новый мир открылся предо мною. Я всё думал, что понимаю революцию, — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают».

Б. убеждает Боткина читать Беранже («великий, мировой поэт»). Пересматривая историю своих отношений с Боткиным, Бакуниным, Станкевичем, Б. приходит к убеждению, что ни у него, ни у его друзей никогда не было «объективных интересов»: «Без цели нет деятельности, без интересов нет цели, а без деятельности нет жизни». «Мы люди без отечества», «и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремления, наша деятельность — призрак». «Общество смотрит на нас, как на болезненные наросты на своем теле, а мы на общество смотрим, как на кучу смрадного помету».

Б. делится своими впечатлениями от знакомства с Кульчицким («Он неглубок и недалек», но он «человечен — этого довольно, чтобы любить его»). Б. положительно оценивает по-

весть Кудрявцева «Цветок» и рассказывает о своих встречах с приехавшими из Москвы Клюшниковым и Ржевским (*Б,* XII, 65—73).

Сентября 10. В бенефис П. А. Каратыгина на Александринской сцене поставлена драма К. Лафона «Джервис, страдалец чести» и комедия «Чудак — покойник, или Таинственный ящик» (переделка П. А. Каратыгина) и «Пикник в Токсове, или Петербургские удовольствия», водевиль П. А. Каратыгина (*ПД.* Архив П. А. Каратыгина). См. сентября около 30.

Сентября 11. СПб. обер-полицеймейстер генерал-адъютант Кокошкин подписывает справку о том, что Б. «во время проживания в СПб. с ноября месяца запрошлого 1839 г. по настоящее число при хорошем поведении образ жизни вел приличный его званию, дел же и взысканий по полиции до него не имелось» (*ИВ,* 1911, X, 230).

Сентября 13. А. Я. Кульчицкий и А. И. Кронеберг в письме к Б. делятся своими впечатлениями от возвращения в Харьков и вспоминают свое недавнее пребывание в Петербурге (*Бик,* 129—133).

Сентября 15. А. В. Никитенко, как редактор «Сына отечества», срывает переговоры А. Ф. Смирдина с Краевским о передаче последнему в аренду «Сына отечества» (*А. Никитенко,* I, 238). См. августа 3.

Сентября 15. «Северная пчела», откликаясь на статью Варнгагена фон Энзе «Новейшая русская литература» в первой книжке немецкого журнала «Архив ученых сведений о России», негодует по поводу того, что представителями «высокой, ученой и прозорливой критики» названы здесь «Белинский, Неверов и Катков» (*СП,* 1841, № 204). См. июля около 15.

Сентября около 15. Начальник «Художественных заведений» главного управления путей сообщений Денисов, отвечая на запрос Штаба главноуправляющего путей сообщения о документах Б., сообщает, что «таковые еще не доставлены Пензенским дворянским депутатским собранием, но что Б. ожидает их в самом непродолжительном времени». Впредь до их представления Денисов просит зачислить Б. преподавателем «на правах обер-офицерского сына, ибо, как значится в подлинном университетском свидетельстве, он, В. Белинский, есть сын штаб-лекаря» (*ИВ,* 1911, X, 230). См. июня 3.

Сентября 18. Булгарин в «Северной пчеле», в фельетоне «Журнальная всякая всячина», иронизирует по поводу продажи годовых комплектов «Отечественных записок» по 20 руб. при подписной цене журнала 50 руб. в год (*СП,* 1841, № 207).

Сентября 27. Штаб корпуса путей сообщения, рассмотрев прошение Б. и представленные им документы, признал последние «недостаточными для признания Б. в правах не только дворянина, но и обер-офицерского сына» (*ИВ,* 1911, X, 230—231). См. сентября около 15.

Сентября 30. Начальник «художественных заведений» главного управления путей сообщения получает для возвращения Б. его документы (*ИВ,* 1911, X, 231).

Сентября 30. Цензур. разреш. сборника «Русская беседа», в котором помещена была басня Б. М. Федорова «Комар», с резкими выпадами против Б.

Сентября около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 10. В отделе «Критика» вторая статья Б. о русской народной поэзии (см. августа 30). В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «Упырь. Соч. Красногорского <А. К. Толстого>»; «Сказка за сказкой. Сержант Иван Иванович. Исторический рассказ Н. В. Кукольника»; «Русские повести Марьи Жуковой»; «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний. Собр. Ф. Студитский»; «Мель-Дона. Соч. П. Алексеева»; «Речь о современном направлении отечественной литературы. А. Никитенко». В этом же номере обзор «Александринский театр», принадлежащий, возможно, Б. * (*БС,* XIII, 88—92). Статья и все рецензии опубликованы без подписи.

Печатая вторую свою статью о народной поэзии, Б. тематику этой части своей работы определил в специальных вводных строках: «Значение «общего» и «особного» в искусстве. Отношение народной поэзии к художественной и наоборот. Всеобщность и художественность греческой народной поэзии. Элементы общего в народных легендах тевтонских племен» (*Б,* V, 310). См. октября 31.

Октября 6. Булгарин, полемизируя в «Северной пчеле» с «Журнальными известиями» в «Отечественных записках» № 10, утверждает, что «ни одна книжка «Отечественных записок» не выдержала бы натиска сериозной, логической и грамматической критики» (*СП,* 1841, № 222). См. октября 27.

Октября 14. В объявлении о подписке на «Литературную газету» 1842 г. в числе сотрудников отмечен «Белинский (критик)» (*ЛГ,* 1841, № 116).

Октября около 20. Краевский в письме к П. И. Мельникову-Печерскому, умалчивая о Б., хлестаковски утверждает, что в критике и библиографической хронике «Отечественных записок» выражается личность его, Краевского, а не кого-либо из других сотрудников журнала (*ЛН,* т. 56, 162).

Октября 21. А. Я. Кульчицкий в письме к Б. вспоминает о своих встречах с ним в Петербурге и сообщает о проезде через Харьков в Ялту П. Д. Козловского (*Бик,* 162—166). См. апреля около 1.

Октября 23. Кольцов в письме к Б. из Воронежа благодарит его за дружеское письмо (до нас не дошло) и за комнату, которую приготовил для него Б. в Петербурге. Посылая Б. свои новые стихотворения, Кольцов замечает, что примечание в «Отечественных записках» о прекращении печатания статьи Б. о «Деяниях Петра Великого» заставило его «бояться за Б. и подумывать, чего не сделали ли с ним дурного» (*Кольцов,* 258—262).

Октября 27. «Северная пчела», продолжая полемику со статьей «Журнальные известия» в «Отечественных записках» № 10, выпущенной отдельной брошюрой, протестует против нападок на Булгарина в «каждом номере» «Отечественных записок» (*СП,* 1841, № 240).

Октября 28. Ф. А. Кони, отвечая в «Литературной газете» на выпады «Северной пчелы», заявляет, что в «Литературной газете» «пишут Вельтман, Сахаров <...> Подолинский, Вуич, Белинский, Башуцкий и другие, которых имена и знания русского языка известны русской публике с самой лучшей стороны» (*ЛГ,* 1841, № 122).

Октября 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 11. В отделе «Критика» третья статья Б. о русской народной поэзии (см. августа 30). В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Русская беседа, изд. в пользу А. Ф. Смирдина»; «Стихотворения И. Бочарова»; «Сказка за сказкой. Шах и мат. Историч. повесть А. Грамотова (Н. Кукольника)»; «История России в рассказах для детей. Соч. А. Ишимовой»; «Руководство к познанию средней истории. Соч. С. Смарагдова». В разделе «Русский театр в Петербурге»: «Князь Даниил Дмитриевич Холмский, драм. соч. Н. В. Кукольника»; «Костромские леса, русская быль, соч. Н. А. Полевого»; «Отец и откупщик. Соч. Н. А. Полевого»; «Современное бородолюбие. Соч. Д. Г. Зубарева». В этом же отделе рецензии, приписываемые Б.: «Актер. Оригинальный водевиль Н. А. Перепельского <Н. А. Некрасова>»; «Счастие лучше богатства. Интермедия-водевиль»; «Та, да не та, или Ошибка справочного места. Водевиль, пер. с франц.»; «Две жизни, или Не все то золото, что блестит. Комедия г-жи Ансело, пер. П. С. Федорова»; «Путешественник и путешественница. Водевиль, пер. с франц.»; «Я всех перехитрил. Комедия-водевиль» (*БС,* XIII, 92—93). Статья и все рецензии опубликованы без подписи.

В основе третьей статьи Б. о народной поэзии лежит разбор «Слова о полку Игореве», «Сказания о Мамаевом по-

боище», «Слова Даниила Заточника» и памятников русского былевого эпоса. Конкретно-историческому разбору всех этих произведений предшествуют положения о том, что «поэзия всякого народа находится в тесном соотношении с его историею: в поэзии и в истории равным образом заключается таинственная психея народа, и потому его история может объясняться поэзиею, а поэзия историею». Б. полагает, что «в мифической и героической поэзии народа заключается субстанция его духа, по которой, как по данному факту, можно судить о том, чем будет народ, что и как может из него развиться впоследствии <...> Вся наша народная поэзия есть живое свидетельство бесконечной силы духа, которому надлежало, однако ж, быть возбуждену извне. Отсюда понятно, почему величайший представитель русского духа — Петр Великий, совершенно отрывая свой народ от прошедшего, стремясь сделать из него совсем другой народ, все-таки провидел в нем великую нацию и не вотще пророчествовал о ее великом назначении в будущем. Отсюда же понятно, почему величайший и по преимуществу национальный русский поэт Пушкин воспитал свою музу не на материнском лоне народной поэзии, а на европейской почве, был приготовлен не «Словом о полку Игоревом», не сказочными поэмами Кирши Данилова, не простонародными песнями, а Ломоносовым, Державиным, Фонвизиным, Богдановичем, Крыловым, Озеровым, Карамзиным, Дмитриевым, Жуковским и Батюшковым» (*Б,* V, 328—329).

Октябрь—ноябрь. Краевский вносит ряд смягчений и сокращений в статьи Б. о русской народной поэзии, приспособляя их к цензурным требованиям (*ЛН,* т. 56, 54—62; *Б,* V, 814—817).

Октябрь—ноябрь—декабрь. Члены кружка Б. слушают и обсуждают по субботам обзор событий французской революции 1789—1794 гг., специально составляемый Панаевым по редким и запрещенным в России изданиям, в том числе и по первоисточникам (*РС,* 1901, IX, 483—484) *. Как вспоминает Панаев, «чтение оканчивалось обыкновенно жаркими спорами. Надобно было видеть в эти минуты Белинского! Вся его благородная пламенная натура проявлялась тут во всем блеске, во всей ее красоте, со всею своею бесконечною искренностию, со всей своей страшной энергией, приводившей иногда в трепет слабеньких поклонников Жиронды <...> «Прежде нам была нужна палка Петра Великого, — говорил Б., — теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова <...> Нет, господа, что бы вы ни толковали, а мать святая гильотина—хорошая вещь!» (*И. Панаев,* 243—244). См. 1842, январь—февраль.

Ноября 2. П. И. Мельников-Печерский в письме к Краевскому отмечает, что критические статьи и рецензии в «Отече-

ственных записках» «прекрасны», но «слишком пространны», а потому иногда «утомительны» для рядового читателя (*ЛН,* т. 56, 162).

Ноября 18. Булгарин, полемизируя в «Северной пчеле» с «Отечественными записками», цитирует как якобы совершенно невразумительные некоторые строки из статьи Б. «Древние российские стихотворения» (*СП,* 1841, № 259).

Ноября около 20. В Париже выходит в свет первый номер журнала «Revue Indépendante», издаваемого Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо (*«Анненков и его друзья»,* 186). Об исключительном интересе Б. к этому изданию см. *И. Панаев,* 242.

Ноября 21. Письмо А. Я. Кульчицкого к Б., с приложением стихов «Утешение», посвященных «В. Г. Б.» (*Бик,* 166—171).

Ноября около 25. Приезд в Петербург Боткина (*ГЛ,* II, 469—470; *ЛН,* т. 56, 164).

Ноября 26. Герцен в письме к Б. из Новгорода рассказывает о своих боях в Москве с «славянобесием». Герцен рекомендует Б. подателя письма, П. В. Зиновьева, который только что возвратился из-за границы и «много может рассказать о Европе свежего». (См. 1843, февраля около 15.) Герцен надеется на скорый приезд в Новгород Б. и Боткина (*ГЛ,* II, 469—470).

Ноября 30? Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 12. В отделе «Критика» четвертая статья Б. о русской народной поэзии (статья эта посвящена разбору новгородских былин, исторических, удалых и лирических песен). В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Непостижимая. Соч. Вл. Филимонова»; «Сказка за сказкой. III. Дуняша. IV. Эдуард и Кунигунда, или Серебряная свадьба. V. Полковник Лесли. Соч. Н. В. Кукольника»; «Басни и сказки И. И. Хемницера»; «Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова, изд. С. Глинкою, ч. II и III»; «Пират. Соч. Марриета»; «Русская азбука, составленная по грамматикам Н. Греча и А. Востокова»; «История Петра Великого. Вып. 1. Соч. Н. Ламбина». Статья и рецензии опубликованы без подписи.

Декабря 3. А. И. Кронеберг в письме к Б. из Харькова просит помочь ему выпустить в свет в Петербурге отдельное издание перевода «Гамлета» (*Бик,* 133—134).

Декабря 5? Б. получает письмо от А. А., Н. А. и Т. А. Бакуниных с приглашением в Премухино. Это письмо (не дошедшее до нас) очень обрадовало Б. (*Б,* XII, 73—78).

Декабря 9. Письмо Б. к Н. А. Бакунину. Б. обещает быть в Премухине около 21 декабря. Раздумывая о том «маленьком

родственном кружке», в который Н. А. Бакунин «ушел от жизни», Б. утверждает, что «в этом кружке хорошо быть гостем и отдыхать от борьбы с жизнию, но не жить в нем. Всякий кружок ведет к исключительности <...> хуже всего то, что люди кружка делаются чужды для всего, что вне их кружка» (*Б,* XII, 73—78).

Декабря 12. П. Я. Петров, извещая в письме о своем назначении в Казань, обращает внимание Б. на тяжелое положение его брата Никанора, который не попал в университет по проискам Шевырева и сейчас живет в Москве «на чужом счету», без всяких перспектив (*Бик,* 246—247).

Декабря 18. Кольцов в письме к Б. из Воронежа благодарит его за письмо, показавшее ему, как «глядеть кой на какие вещи» и «в какие отношения себя к ним поставить» (это письмо Б. не сохранилось). Кольцов посылает Б. стихи «Памяти Станкевича», запрашивает о его работе над «Историей словесности» и обещает сделать просимую Б. копию его списка «Демона» Лермонтова (*Кольцов,* 268—270).

Декабря 24. Б. выезжает из Петербурга в Москву * (*А. Панаева,* 110).

Декабря 25. Б. по дороге в Москву останавливается на день в Новгороде, у Герцена, которому читает свой обзор «Русская литература в 1841 г.» * (*ГЛ,* II, 474; XII, 305).

Декабря 27—29. Б. проводит «два или три очень приятных дня» в Премухине у Бакуниных (*ЛН,* т. 56, 76. Ср. отметки в *«Памятной книжке А. А. Бакуниной»* в архиве *ПД*).

Декабря 30. Приезд Б. в Москву (*ЛН,* т. 56, 76).

Декабря 31. Цензур. разреш. первой книжки «Русского вестника», 1842 г. В статье «Несколько слов о современной русской критике» Полевой резко критикует статьи Б. в «Отечественных записках»: «В одном из журналов наших предлагали нам жалкие, уродливые обломки гегелевской схоластики, излагая ее языком едва ли даже для самых издателей журнала понятным. Всё еще устремляясь уничтожать прежнее, вследствие спутанных перебитых теорий своих, но чувствуя необходимость каких-нибудь авторитетов, дико вопили о Шекспире, создавали себе крошечные идеальчики и преклоняли колени перед детскою игрою бедной самодельщины, а вместо суждений употребляли брань, как будто брань — доказательство» (*РВ,* 1842, № 1, 6).

Декабря 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок», 1842, № 1. В отделе «Критика» статья Б. «Русская литература в 1841 г.». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Утренняя заря, альманах на 1842 г., изд. В. Владиславле-

вым»; «Русская беседа. Собрание сочинений рус. литераторов, издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина, т. II»; «Сказка за сказкой. Мертвые головы, или Русские в Чечне. Повесть П. Каменского»; «Жизнь и похождения Петра Степанова, сына Столбикова <Соч. Г. Квитки-Основьяненки>»; «Автомат. Соч. И. Калашникова»; «Повесть Ангелина. Соч. Н. Молчанова»; «История Петра Великого. Вып. 2. Соч. Ламбина»; «Руководство к всеобщей истории. Ф. Лоренца. Ч. I». Статья и все рецензии опубликованы без подписи.

1842

Января первые числа. Б. гостит у Боткина в Москве. Встречи его с Кетчером, Коршем, Щепкиным, Кудрявцевым, Галаховым. Б. возобновляет свое давнее знакомство с М. В. Орловой, встречи с которой «сильно затронули и расшевелили его» (*Б,* XII, 83, 91). См. марта 16 и апреля 22.

Января 3. Б. был на похоронах А. М. Щепкиной (*Б,* XII, 95; *ЛН,* т. 56, 76).

Января 3. Н. Н. Щетинина в письме к Б. из Пензы просит оказать «родственное внимание» ее мужу, приезжающему в конце января в Петербург (*Бик,* 283). См. января 20 и марта 17.

Января 6. Шеф жандармов Бенкендорф в официальном письме к Н. В. Кукольнику указывает, что рассказ его «Сержант И. И. Иванов, или Все за одно» вызвал неудовольствие Николая I: «Желание ваше беспрерывно выказывать добродетель податного состояния и пороки высшего класса людей не может иметь хороших последствий, а потому не благоугодно ли вам будет на будущее время воздержаться от печатания статей, противных духу времени и правительства» (*РС,* 1871, III, 793). Этим установкам была тогда же подчинена работа всех органов цензуры (*Б,* VI, 774). См. января 17.

Января 6. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 1. С. П. Шевырев в программной статье «Взгляд на современное направление русской литературы» резко выступает против Б., характеризуя его как наглого и невежественного «рыцаря без имени»: «Размашистым мечом он рубит направо и налево, и нет такого имени, которое бы остановило его мах немилосердый» *«М»),* 1842, № 1 XXVIII—XXX).

Января около 9. Кетчер в доме М. С. Щепкина читает вслух новую программную статью Шевырева (см. января 6). У Б., присутствовавшего при чтении, рождается мысль о литературно-политическом памфлете на Шевырева (*Б,* XII, 82).

Января около 10. Б. встречается с Грановским, возвратившимся в Москву из отпуска (*Б,* XII, 86).

Января около 10. Б. встречается с Гоголем. Это свидание Гоголь устраивает втайне от своих московских друзей. Прощаясь с Б., Гоголь вручает ему рукопись «Мертвых душ» для сдачи ее на рассмотрение в СПб. цензурный комитет (*П. Анненков,* 244; *С. Аксаков,* 54; *Гоголь,* XII, 27). См. апреля 14.

Января 10. Булгарин в «Северной пчеле» негодует по поводу «оскорбления», нанесенного русской словесности утверждением Б. в статье «Русская литература в 1841 г.»: «С Гоголя начинается новый период русской литературы, русской поэзии» (*СП,* 1842, № 7).

Января 11. Б., выезжая из Москвы и подводя итоги своим впечатлениям, с удовлетворением признает, что «Питер протрезвил его от московской дури и пьяных надежд»; «Москва гниет в патриархальности, пиэтизме и азиатизме»; «Там все гении и нет людей; все идеалисты, и нет к чему-нибудь годных деятелей» (*Б,* XII, 95). См. апреля 4.

Января около 15. Из-за границы возвращается Огарев. Б. очень жалеет, что, «разъехавшись» с ним, не смог повидать его ни в Петербурге, ни в Москве (*Б,* XII, 83).

Января 16? Б. на пути в Петербург останавливается в Новгороде у Герцена *. По соображениям конспиративного порядка эта встреча не получает отражения ни в письмах Б., ни в дневнике и письмах Герцена.

Января 17. Б. возвращается в Петербург (*ЛН,* т. 56, 166). Вспоминая о пребывании своем в Москве, Б. писал, что поездка эта его «переродила», он «поздоровел и помолодел» (*Б,* XII, 83).

Января 17. Б., возвратившись в Петербург, констатирует усиление «цензурного террора» в связи с протестами III Отделения против допущения к печати повести Кукольника «И. И. Иванов, или Все за одно» и «Водовоза» Башуцкого. Слухи о распространении в гвардейских казармах «безыменных возмутительных писем» обостряют и без того тяжелое положение литературы (*Б,* XII, 103).

Января 17. И. Г. Кольчугин, передовой московский книготорговец, в письме к Б. выражает большое удовлетворение первой книжкой «Отечественных записок», особенно выделяя в ней обзор Б. «Русская литература в 1841 г.». Кольчугин полностью солидаризируется с «большими надеждами», возлагаемыми в этой статье на «молодое поколение», и напоминает, что Б. «прежде против этого спорил» (*Бик,* 287—289; *ЛН,* т. 56, 237).

Января 20. Д. П. Иванов в письме к Б. просит оказать содействие А. Н. Щетинину в хлопотах о помещении в военно-учебные заведения его племянников (*ЛН,* т. 57, 224).

Января около 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 2. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Наши, списанные с натуры русскими (А. Башуцкого). Вып. 1, 2, 3, 4 и 5»; «Человек с высшим взглядом. Соч. Е. Г<уляева>»; «Цветы музы. Ал. Градцева»; «Альбом избранных стихотворений, изд. Милюковым»; «Оливер Твист. Ром. Диккенса. Перев. Горкавенко»; «Швейцар бюргер-клуба и новый, 1842 г.»; «Стишки на новый 1842 г., соч. В. Радеевым»; «Почтеннейшим господам, членам Малого танцевального собрания, от карточного служителя К. Щульца»; «Сочинения Платона. Перев. с греческого Карпова»; «Краткое руководство к познанию изящных искусств, сост. В. Лангером». В этом же номере рецензия на сборник Сахарова «Записки русских людей. События времен Петра Великого», принадлежность которой Б. весьма вероятна (*БС,* XII, 535—536). Все рецензии без подписи. *

Январь — февраль. В квартире Панаева продолжается по субботам чтение и обсуждение материалов по истории французской революции. На одном из вечеров Панаев читает перевод речи Робеспьера о «Высшем существе», извлеченной им из «Moniteur Universel». Документ этот производит на Б. «поражающее впечатление» (*PC,* 1901, IX, 484).

Февраля 3. Герцен в письме к Краевскому из Новгорода дает высокую оценку статье Б. «Русская литература в 1841 г.». Закончив изучение «Феноменологии духа» Гегеля, Герцен просит передать Б., чтобы он «ругал одних последователей» Гегеля, а «великую тень» не трогал (*ГЛ,* III, 7).

Февраля около 5. Б. знакомится с К. И. Кестнером, преподавателем Александровского лицея, который передал Б. письмо от Неверова (*ЛН,* т. 56, 164). Это письмо не сохранилось.

Февраля 8. Б., отвечая на дружеское письмо И. И. Ханенко, пишет, что на службу ему поступить не удалось (см. 1841, сентября 30). Б. с нетерпением ждет приезда Ханенко в Петербург, просит ускорить присылку обещанных им для «Отечественных записок» «исторических материалов» и сообщает о запрещении «Демона», который должен был появиться в «Отечественных записках». Б. просит разрешения воспользоваться на некоторое время деньгами (200 руб. асс.), оставленными для Ханенко Козловским (*Б,* XII, 79—80; *Бик,* 279). См. марта 10.

Февраля 11. Межевич в «Северной пчеле», в рецензии на книгу «Человек с высшим взглядом» Е. Г., цитируя слова «я абсолют, индивидуал», пишет: «Вы можете видеть сами, что герой романа похваляется в ы с ш и м в з г л я д о м прямо из «Отечественных записок» (*СП,* 1842, № 33).

Февраля 18. Межевич в «Северной пчеле» («Перечень современных русских журналов») иронически характеризует критические статьи в «Отечественных записках», как «явление любопытное, или, говоря их любимыми словами, м и р о в о е, г р о м а д н о е... Прочесть критику «Отечественных записок» — это труд тяжелый, великий, невыносимый; это то же самое, что прочесть Телемахиду Тредьяковского!» (*СП,* 1842, № 39).

Февраля 27. Кольцов в письме к Б. из Воронежа недоумевает по поводу того, что Краевский прибегает к содействию министерства внутренних дел для распространения «Отечественных записок» (подписка в Воронеже на журнал осуществляется под нажимом губернатора). Откликаясь на статью Б. «Русская литература в 1841 г.», Кольцов считает ошибочной ее диалогическую форму и опасается, что «умные и меткие» рецензии Б. во второй книжке слишком тяжелы для обычной аудитории «Отечественных записок» (*Кольцов,* 273).

Февраля около 28. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 3. В отделе «Критика» две статьи Б.: «Стихотворения А. Майкова» и «Кузьма Петрович Мирошев. Соч. М. Н. Загоскина». В отд. «Библиографическая хроника» рецензии: «Эвелина де Вальероль, ром. Н. Кукольника»; «Стихотворения Апол. Майкова»; «Париж в 1838 и 1839 г. Соч. В. Строева»; «Соч. Гёте. Вып. I»; «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров на 1842 г., изд. И. Песоцкого»; «Русская грамматика, сост. А. Ивановым»; «Наши, списанные с натуры русскими. Вып. 6, 7, 8»; «История Петра Великого. Вып. III». Обе статьи и все рецензии не подписаны. В отделе «Смесь»: «Педант. Литературный тип». Подпись: Петр Бульдогов. В отделе «Русский театр в Петербурге» рецензии Б.: «Князь Серебряный. Драма Н. Филимонова»; «Ромео и Юлия. Драма Шекспира, перев. М. Каткова»; «Отец и дочь. Драма, переделан. с итальянского П. Ободовским»; «Римский боец. А. Суме, пер. с франц. В. К.»; «Елена Глинская. Драма Н. Полевого». Рецензии не подписаны.

В статье о «Стихотворениях Аполлона Майкова» Б. формулирует свой взгляд на положение поэзии и задачи поэта: «Время рифмованных побрякушек прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на место того и другого требуются глубокие чувства и идеи, выраженные

в художественной форме, с рифмами, или без рифм — все равно. Для успеха в поэзии теперь мало одного таланта: нужно еще и развитие в духе времени. Поэт уже не может жить в мечтательном мире: он уже гражданин царства современной ему действительности; все прошедшее должно жить в нем. Общество хочет в нем видеть уже не потешника, но представителя своей духовной идеальной жизни; оракула, дающего ответы на самые мудреные вопросы; врача, в самом себе прежде других открывающего общие боли и скорби и поэтическим воспроизведением исцеляющего их» (*Б,* VI, 9). Первый сборник стихотворений А. Майкова Б. приветствует потому, что многие из его стихотворений «обличают дарование неподдельное, замечательное и нечто обещающее в будущем» (*Б,* VI, 7).

Февраль — март. Б. тяжело переживает свое одиночество: «Дома быть не могу ни минуты — страшно, мучительно, холодно, словно в гробу» (*Б,* XII, 83).

Марта 2. Цензур. разреш. «Сына отечества» № 3 (март). В анонимной рецензии на роман Загоскина «К. П. Мирошев» резкая характеристика Б. (без прямого упоминания его фамилии), как критика самонадеянно уничтожающего «всех русских писателей и русскую литературу» (*СО,* 1842, № 3, Критика, 17—19).

Марта 4. Лажечников в письме к Краевскому отмечает архаическую форму обзора Б. «Русская литература в 1841 г.» и сомневается в рациональности самой постановки в ней «битого и перебитого вопроса о существовании нашей литературы». Эти упреки смягчаются комплиментами по адресу «прекрасного, умного и чудного» Б., у которого «и без того есть обширное поле, на котором он может подвизаться» (*ЛН,* т. 56, 165).

Марта 9. Цензор А. В. Никитенко подписывает к печати рукопись «Мертвых душ» (*Гоголь,* III, 174). См. января около 10.

Марта 10. И. И. Ханенко, отвечая на письмо Б. от 8 февраля, передает приветы общим друзьям — Панаеву, Языкову, Комарову и Вержбицкому (*Бик,* 279—281).

Марта первая половина. Б. многократно читает в дружеском кругу запрещенного «Демона» Лермонтова. Встречи Б. с И. П. Клюшниковым, который возмущает его своим непониманием Гоголя и архаическими суждениями об искусстве (*Б,* XII, 82—92). См. марта 28.

Марта 13. А. Д. Галахов в письме к Краевскому сообщает, что памфлет Б. «Педант» (см. января около 9) вызвал настолько сильное раздражение в кругах «Москвитянина», что

«они хотят жаловаться на Б. и, главное, принял в этом участие кн. Д. В. Голицын, который на днях едет в Петербург. Возьмите скорей свои меры» (*«Венок Б.»,* 143. Ср. *БЛ,* II, 422).

Марта 14. Боткин в письме к Краевскому рассказывает о впечатлениях в Москве от статьи Б. «Педант»: «Ужасно вопиет Киреевский: ругает Белинского словами, приводящими в трепет всякого православного». Горячо и открыто памфлет защищается Грановским (*ОИПБ,* 1889, 45).

Марта 14. Б., отвечая на письмо Боткина, привезенное из Москвы Кульчицким, негодует по поводу того, что Боткин не сразу догадался о том, что «Педант» написан Б. и даже приписал этот памфлет И. П. Клюшникову. Б. сообщает, что из печатного текста «Педанта» устранены были цензурою два места: «все» об Италии и старые стихи Полевого — «злая пародия на стихи Шевырки». Б. выражает удовлетворение своей статьей о стихотворениях Майкова и глубоко возмущен цензурными искажениями, обессмыслившими статью о «Мирошеве» Загоскина. Из других публикаций в новой книжке «Отечественных записок» Б. высоко расценивает начало повести Ган «Напрасный дар», перевод Струговщикова «Дяде Кроносу» (из Гёте), стихотворения Огарева «Характер», «Обыкновенная повесть» и «Кабак» (*Б,* XII, 81—84).

Марта около 15. Б. сближается с переехавшим в Петербург Кульчицким, которого, по словам Б., «нельзя не любить»: «он очень тепел и задушевен», хотя «многого глубоко и никогда не постигнет» (*Б,* XII, 86).

Марта 16. Б. заканчивает изучение копий и переписку «Демона», обещанного им М. В. Орловой. Эту рукопись Б. мечтает сопроводить «посланием», которое должно «завязать узел — и пусть судьба развязывает его, как хочет — хуже не будет» (*Б,* XII, 87, 92; *ЛН,* т. 57, 261).

Марта 17. Б. в письме к Боткину делится своими новыми мыслями о поэзии Лермонтова, определяющим началом которой Б. признает «демонский полет — с небом гордую вражду». Характеризуя его «Договор» и другие ранее неизвестные произведения, Б. утверждает, что «мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина». Б. негодует на Боткина за неприсылку обещанных им материалов для статьи об учебнике истории Лоренца. Б. признается в своем увлечении М. В. Орловой. Это новое большое чувство он переживает как тяжелую болезнь (*Б,* XII, 84—87).

Марта 17. Б., отвечая на письмо Д. П. Иванова, информирует его о своих встречах с А. Н. Щетининым и сообщает свой новый адрес: в Семеновском полку, на Среднем проспекте, между Госпитальною улицею и Первою ротою, в доме г-жи

Бутаровой, № 22. В уплату долга книжной лавке Улитина Б. обещает прислать два экземпляра «Отечественных записок» (*Б,* XII, 87—88).

Марта около 20. Б. в письме к Кольцову (письмо не сохранилось) настаивает на том, чтобы он «все бросал и, спасая душу, ехал в Питер». «Богаты не будем, сыты будем». Осведомляя Боткина об этих планах, Б. замечал: «За счастие почту делиться с ним всем» (*Б,* XII, 90).

Марта 21. Булгарин в «Северной пчеле» полемизирует с рецензией Б. на роман Загоскина «К. П. Мирошев» и попутно высмеивает псевдоним, которым подписан в «Отечественных записках» памфлет «Педант»: «Наконец, мы дожили до произведений Бульдогова! Нас судит Бульдогов!» (*СП,* 1842, № 64).

Марта 22—23. Боткин, соглашаясь в письме к Б. с тем, что пафос поэзии Лермонтова — «с небом гордая вражда» (см. марта 17), склонен эту «вражду» толковать гораздо шире, чем это делает Б. По мнению Боткина, пафос Лермонтова «есть отрицание всяческой патриархальности, авторитета, предания, существующих общественных условий и связей». В противоположность Лермонтову «пафос Пушкина», по мнению Боткина, «чисто внутренний; он углублен в представление явлений внутреннего мира. Сфера историческая, общественная — не его сфера... Это чисто художническая натура: он принимает общественную организацию, как она есть — его не раздражает ее аномалия. Он человек предания и авторитета». С этих позиций Боткин сурово осуждает Пушкина за неправильное разрешение им коллизии любви и долга в последней главе «Онегина», за неправомерную идеализацию образа Татьяны. Боткин утверждает, что «в настоящее время начинается в Европе новая эпоха. Мир средних веков, — мир непосредственности, патриархальности, туманной мистики, авторитетов, верований, вступает в борьбу с мыслию, анализом, правом, вытекающим из сущности предмета». Боткин с радостью смотрит на то, как «человечество сбрасывает с себя одежду, которую носило слишком тысячу лет, и облекается в новую». Напоминая о новейших представителях передовой общественной мысли «в лице Штрауса, Фейербаха и Бруно Бауэра», Боткин не сомневается, что «новые люди с новыми идеями о браке, религии, государстве, — фундаментальных основах человеческого общества, — прибывают с каждым днем: новый дух, как крот, невидимо бегает под землею и копает ее — чудный рудокоп» (*БЛ,* II, 416—422). Более точную информацию о книге Фейербаха «Das Wesen des Christentums», привезенной в Россию Огаревым в январе 1842 г., Б. получил в июне от Боткина же и от самого Огарева

(см. далее стр. 330 и 333). Некоторые главы этой работы специально переведены были для Б. «одним из его приятелей» (*П. Анненков*, 431).

Марта около 25. Б. получает письмо от А. А. Бакуниной (*Б*, XII, 92). Письмо это не сохранилось.

Марта 27. Боткин в письме к Б. пересылает новые стихотворения Фета («Вечера и ночи») и просит поместить их в ближайшей книжке «Отечественных записок» (*ЛМ*, 180—181).

Марта 28. Б. имел объяснение с И. П. Клюшниковым, который, повторяя «зады» Б., взбесил его своими ссылками на статьи об «Очерках Бородинского сражения» и о «Менцеле, критике Гёте» (*Б*, XII, 92).

Марта около 30. Б. высоко расценивает рецензию Боткина в «Отечественных записках» на книгу Зедергольма «История древней философии»: «ловко, хитро, тонко и ядовито, разумеется, только для понимающих» (*Б*, XII, 91).

Марта около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 4. В отделе «Критика» статья Б.: «Руководство к всеобщей истории Ф. Лоренца». В этом же номере рецензии Б.: «Два призрака. Роман Ф. Фан-Дима»; «Альманах в память 200-летнего юбилея имп. Александровского унив., изд. Я. Гротом»; «Маранны, истор. повесть Л. Филипсона, перев. Б. Бертензона»; «Русский патриот. Отечественное песнопение»; «Гуак, или Непреоборимая верность. Повесть»; «Сказка о мельнике-колдуне. Соч. Е. Алипанова»; «История Петра Великого, Н. Ламбина, вып. IV». Статья и рецензии опубликованы без подписи Б. *

В статье о «Руководстве к всеобщей истории» «Ф. Лоренца» Б. формулирует свое новое понимание «историзма» и выражает горячую веру в близость перестройки всех общественных отношений на социалистических началах: «Век наш — по преимуществу и с т о р и ч е с к и й век. И с т о р и ч е с к о е с о з е р ц а н и е могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии». Утверждая, что «без исторического созерцания, без понятия о прогрессе человечества, без веры в разумный промысел, вечно торжествующий над произволом и случайностью, нет истинного и живого знания в наше время», Б. протестует против «немого, мертвого эмпиризма». Б. не сомневается, что «современное состояние человечества есть необходимый результат разумного развития и что от его настоящего состояния можно делать по-

сылки к его будущему состоянию», когда «свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу — и будет новая земля и новое небо» (*Б*, VI, 90, 95—96). См. апреля около 20.

Марта 30. Николай I, выступая в Государственном совете при рассмотрении законопроекта об «обязанных крестьянах», заявляет, что «крепостное право, в нынешнем его у нас положении, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, еще более гибельным» (*А. Заблоцкий-Десятовский*, II, 254). См. апреля 2 и 14.

Марта 31. Б. в письме к Боткину признается, что успех «Педанта» показал ему, что он, Б., «рожден для печатных битв» и что его «призвание, жизнь, счастие, воздух, пища — полемика». Б. огорчен доходящими до него сведениями о Гоголе: его близостью к вдохновителям «Москвитянина», его повестью «Рим», его суждениями о том, что Б. якобы «не уважает Державина». Б. с нетерпением ждет переезда в Петербург Кольцова. Характеризуя свой неприглядный быт, Б. отказывается осуждать Боткина, новый образ жизни которого демонстрирует «наслаждение свободою, праздник и торжество свержения татарского ига мистических и романтических убеждений» (*Б*, XII, 88—92).

Апреля 2. Подписание Николаем I указа об обязанных крестьянах, предоставляющего «тем из помещиков, которые сами сего пожелают, заключать с крестьянами своими по взаимному соглашению договоры на таком основании, чтобы помещики сохраняли принадлежащее им полное право вотчинной собственности на землю со всеми ее угодьями и богатствами, а крестьяне получали от них участки земли в пользование за условленные повинности» (*«Сенатские ведомости»* от 7 апреля 1842 г.). Этот указ, не оставляя места никаким реформистским иллюзиям, вызывает глубокое разочарование в передовых общественных кругах. Герцен иронически характеризует его в своем дневнике как «предложение тем, кто хотят, но побудительной причины хотеть не предвидится» (*Герцен*, II, 209). См. апреля около 20.

Апреля около 3. Б. горячо одобряет мысль Клюшникова о пародическом использовании в памфлете на Погодина его «путевых записок» (*Б*, XII, 94). Б. узнает от Краевского о предстоящем возвращении Каткова из-за границы и об его увлечении «философией откровения» Шеллинга (*там же*, 94 и 102). См. апреля 6.

Апреля 4. Письмо Б. к М. В. Орловой. Исполняя свое обещание, Б. пересылает ей копию запрещенного «Демона» и про-

сит позволения доставить ей эту рукопись через Боткина. Письмо самим Б. ошибочно датировано 4 марта (*Б,* XII, 92—93, 501).

Апреля 4. Письмо Б. к Боткину, которому он посылает копию «Демона» для передачи М. В. Орловой и подарки для Ф. М. Щепкиной. Б. в восторге от письма Боткина о Пушкине и Лермонтове (см. марта 22—23). Однако, принимая общую концепцию Боткина и соглашаясь с его отрицательной трактовкой образа Татьяны, Б. полагает, что Боткин неправильно понимает Пушкина, приписывая его «натуре» то, что «должно приписывать его развитию». Попутно Б. негодует на Гоголя за его характеристику Парижа в повести «Рим» (*Б*, XII, 93—95).

Апреля 6. Письмо Б. к Каткову и Ефремову. Б. с нетерпением ждет возвращения друзей в Россию и рассчитывает на то, что Катков разделит с ним работу в «Отечественных записках». Б. говорит о своем резко отрицательном отношении к немецкому «филистерству», к немецкой философии и особенно к «лекциям Шеллинга об откровении» (*Б,* XII, 95—96). См. апреля около 3.

Апреля 8. Б. в письме к Боткину сообщает о смерти жены Краевского — «женщины доброй, кроткой, любезной и любящей» (*Б,* XII, 96).

Апреля 9. Б. проводит день у Краевского, где К. А. Горбунов пишет портрет умершей А. Я. Краевской (*Б,* XII, 99).

Апреля 11. Б. на похоронах А. Я. Краевской знакомится с ее отцом — актером Брянским (*Б,* XII, 102).

Апреля 11. Булгарин в «Северной пчеле» полемизирует с оценкой в «Отечественных записках» книги Башуцкого «Наши, писанные с натуры русскими» (*СП,* 1842, № 81). См. января 31.

Апреля 12. Лажечников в письме к Б. просит проследить за корректурой его драмы «Христиан II и Густав Ваза», которую печатает М. Д. Ольхин; вторая его драма («Опричник») будет печататься в «Библиотеке для чтения» (*Бик,* 183—184). См. июля около 20.

Апреля 13. Б. в письме к Боткину делится тяжелыми впечатлениями от кончины А. Я. Краевской и негодует на «свистуна» и «ветрогона» Панаева, который, собираясь в Москву, не хочет понять, что его жена, потеряв сестру, не может оставить своих осиротевших племянников и должна отказаться от этой поездки. Б. просит убедить Панаева, чтобы он ехал один (*Б,* XII, 97—102).

Апреля 14. Б. в письме к М. С. Щепкину подробно освещает историю прохождения через цензуру рукописи «Мертвых душ»

и характеризует резкое ухудшение общей политической обстановки. Б. пишет, что Уваров, «министр погашения и помрачения просвещения в России», обратил внимание цензоров на «нехороший тон» в его статье «Русская литература в 1841 г.». Мечтая о возможности когда-нибудь напечатать задуманный им памфлет на Погодина («Циник-литератор»), Б. резко отзывается о его «холопском журнале» и проклинает «всех моралистов, пиетистов, мистиков, ханжей, лицемеров, обскурантов и т. п.» (*Б,* XII, 102—104).

Апреля около 15. Б. возобновляет дружеские отношения с И. Д. Бартеневым, с которым встречался когда-то в кружке Селивановского (*Б,* XII, 106). Бартенев был репрессирован в 1826 г. за связи с декабристом В. Ф. Раевским, а в 1831 г. за близость на Кавказе с В. Д. Сухоруковым (см. выше стр. 145). См. 1843, апреля 30.

Апреля около 20. Б., пересылая Боткину выписку из речи Робеспьера о Руссо, высоко оценивает историческую роль Робеспьера и полагает, что «тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» (см. апреля 30 и мая 1). Б. посылает Боткину черновик своего письма к Гоголю (см. далее) и обещает переслать Фролову, работающему над биографией Станкевича, письма последнего. Б. возмущен «глупо-подлой» драмой В. А. Соллогуба «Ямщик, или Шалость гусарского офицера» и запрашивает Боткина, не знает ли он, где находится Ф. А. Кони, «бессовестно бросивший» редактируемую им «Литературную газету» (*Б,* XII, 104—107).

Апреля около 20. Б., работая над рецензией на поэму Шевченко «Гайдамаки», сурово осуждает ее, как произведение, лишенное «простоты вымысла и рассказа», наполненное «вычурами и замашками» и поэтому «нисколько не народное» (*Б,* VI, 172). См. апреля 30.

Апреля 20. Б. в письме к Гоголю с сожалением отмечает пристрастие последнего к «Москвитянину» и уклонение от участия в «Отечественных записках», являющихся сейчас «единственным журналом на Руси, в котором находит себе место и убежище честное, благородное и — смею думать — умное мнение». Б. с нетерпением ждет выхода в свет «Мертвых душ» и надеется в связи с этим «написать несколько статей» о Гоголе, в которых по-новому будут осмыслены им и «Арабески», и «Миргород», и «Ревизор». Желая Гоголю «здоровья, душевных сил и душевной ясности», Б. утверждает: «Вы у нас теперь один, — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связана

с Вашею судьбою; не будь Вас — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества» (*Б*, XII, 107, 109).

Апреля 22. Боткин в письме к Б. рассказывает о своем посещении М. В. Орловой: «Прекрасная девушка! Лучше всего то, что она совершенно проста и нисколько не натянута <...> Теперь, когда уже ей, вероятно, около 30 лет, а такие годы страшны для девушек, — и теперь еще сколько огня в этих прекрасных глазах, сколько прекрасного в ее взгляде, особенно когда она смотрит исподлобья... С ней очень охотно говорится, и натура ее, кажется, доступна очень многому» (*«Лепта Б.»*, 32—34). См. 1843, июня около 10.

Апреля 27. В. С. Межевич в «Северной пчеле», в рецензии на роман Загоскина «К. П. Мирошев», упоминает о «недобросовестной и безвкусной» критике его в «некоторых журналах» (*СП*, 1842, № 91). См. февраля 28.

Апреля 29. Боткин сообщает Б. о своем выезде из Москвы в Петербург 1 мая (*ЛМ*, II, 181—182).

Апреля 30. Грановский в письме к Б., посылаемом через Боткина, полемизирует с замечаниями Б. о Робеспьере и жирондистах (см. апреля около 20). Характеризуя Робеспьера, Грановский подчеркивает, что именно он «доставил среднему сословию то положение, из которого его может вывесть только новая революция». Грановский ценит Жиронду за то, что она лучше понимала мировые задачи революции, что она интересовалась «не одними наружными политическими формами», а «всеми общественными задачами и противоречиями, которыми так давно страдает мир». Грановский горячо рекомендует Б. «читать французских историков», достать «Encyclopédie nouvelle», которая познакомит Б. с Леру — «одним из самых умных и благородных людей в Европе» (см. октябрь-ноябрь). Грановский предостерегает Б. от увлечения «берлинской философией, которую собирается привезти Катков (*Грановский*, II, 439—440; *ЛН*, т. 56, 230—231).

Апреля 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 5. В отделе «Критика» статья Б. «Стихотворения А. Полежаева». В этом же номере рецензии Б.: «Комары. Всякая всячина, Ф. Булгарина»; «Картинки русских нравов. Кн. 1 и 2»; «Сказка о славном витязе и о могучем богатыре Иване Трофимовиче Лягушкине»; «Повесть в стихах. Е. Шаховой»; «Феофил. Повесть Е. Алипанова»; «Военные песни. Е. Алипанова»; «Досуги для детей. Соч. Е. А. Алипанова»; «Гайдамаки. Поэма Т. Шевченко»; «Кесари. Ф. де Шампаньи»; «Часы выздоровления. Стих. Ал. Полежаева»; «Игра в преферанс. Собрание правил». Статья и рецензии Б. опубликованы без подписи.

Статья о «Стихотворениях Полежаева» заканчивалась утверждением, что источник всякой поэзии есть жизнь, что судьба всякого могучего таланта — быть представителем известного момента общественного развития <...> При других условиях поэзия Полежаева могла бы развиться, расцвесть пышным цветом и дать плод сторицею» (*Б*, VI, 160).

Апрель — май. Б. возвращается к планам издания «Критической истории русской литературы», печатание которой берет на себя П. В. Вержбицкий. Это издание, в успехе которого Б. не сомневается, должно обеспечить материально его поездку «будущею весною» за границу (*Б*, XII, 106). Книга строится как учебное пособие («с хрестоматией»), рассчитанное на широкий круг читателей, чем существенно отличается от проекта 1841 г. В бумагах Б. сохранились наброски введения к будущей книге («Общее значение слова литература») и начало второй ее главы — «Общий взгляд на народную поэзию и ее значение» (*Б*, V, 620—659). К этому же времени относится, возможно, и начало переработки статей о русской народной поэзии, написанных в 1841 г. (*Б*, V, 855—856), и дополнительные страницы о русской народной сказке (*Б*, V, 660—676).

Мая 1? Кетчер, прочитав показанное ему Боткиным письмо Грановского к Б. (см. апреля 30), вписывает в это письмо несколько строк *, в которых полностью солидаризируется с Б. в его высокой оценке личности Робеспьера и с его же пониманием принципов революционной диктатуры (*ЛН*, т. 56, 80). С этим согласен и Боткин (*БЛ*, II, 427).

Мая около 4. Приезд Боткина, который остается в Петербурге до 9 июля (*ЛМ*, II, 181; *ГЛ*, II, 83). Последние недели он проживает в Павловске, где его навещает Б. См. июня около 25.

Мая около 7. Кольцов в письме к Б. и Боткину из Воронежа горячо благодарит Б. за приглашение в Петербург и за обещанную поддержку. Письмо Б. «воскресило душу» Кольцова и «со многим примирило» (*Кольцов*, 279—280).

Мая 7. Цензур. разреш. брошюры Л. Бранта «Несколько слов о периодических изданиях русских». Положительно характеризуя «Отечественные записки» и не называя Б. по имени, Брант пишет, что «критика» в этом журнале «слишком учена, высокопарна, длинна, выдумывает новые идеи и теории, не уважает старых, заслуженных, а иногда и знаменитых имен известнейших русских писателей, — не признает вообще существования русской литературы, решительно не согласна ни с кем из мыслящих прямо, попросту, язвительна, резка, судит и рядит диктаторским тоном, с презрением и величавым со-

жалением отзывается обо всем, что не имеет счастия ей нравиться или не сходствует с ее оригинальным и самобытным воззрением на мир литературный и даже вообще на мир» (*Л. Брант,* IV—V).

Мая 9. Булгарин в «Северной пчеле» полемизирует с мнением Б. в рецензии на «Комары» (*ОЗ,* № 5) о «Наших, списанных с натуры русскими» Башуцкого (*СП,* № 102).

Мая около 10. Переезд К. Д. Кавелина из Москвы в Петербург (*BE,* 1886, VI, 460). К этому времени относятся и его первые встречи в столице с Б. (*Кавелин,* III, 1085). См. октябрь—ноябрь.

Мая 11. Письмо Я. П. Полонского к Б. с благодарностью за опубликование в «Отечественных записках» стихотворения «Маска» и с просьбой не печатать стихи «Пришли и стали тени ночи» («*Венок Б.*», 236).

Мая 11. Гоголь в письме к Н. Я. Прокоповичу просит поблагодарить Б. за его письмо и передать, что не пишет к нему потому, что, «как сам он знает, обо всем этом нужно потрактовать лично, что мы и сделаем в нынешний проезд мой через Петербург» (*Гоголь,* XII, 59).

Мая 15. Гоголь в письме к Н. Я. Прокоповичу рекомендует «попросить Б., чтобы сказал что-нибудь» о предстоящем выходе в свет «Мертвых душ» в «немногих словах, как может сказать не читавший» эту книгу (*Гоголь,* XII, 60). См. мая 21.

Мая 16. Булгарин в «Северной пчеле», отмечая, что его «Комары» не нравятся «Отечественным запискам» и «Литературной газете», заявляет: «Да ведь иначе и быть не могло, а если б они понравились, тогда автор сжег бы свою книгу» (*СП,* 1842, № 108). См. апреля 30.

Мая 21. Выход в свет «Мертвых душ» (*Гоголь, изд. X,* III, 481). Б. в хронике «Отечественных записок» № 6 отмечает, что «в сравнении с этим творением все, доселе написанное Гоголем, кажется бледно и слабо». (*Б,* VI, 199).

Мая около 27. В Петербург, на пути из Москвы за границу, приезжает Гоголь (*А. Кирпичников,* L). См. июня около 1.

Мая 29. В. В. В. <В. М. Строев> в «Северной пчеле» призывает журналы никогда не печатать анонимных критических статей: «Не дозволяйте безыменным рыцарям с опущенным забралом нападать в ваших владениях на чужую честь и грызть чужие репутации. Решитесь на такую меру, и вы увидите, какой благодетельный переворот произойдет в русской критике» (*СП,* 1842, № 118).

Мая 30? Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 6. В отделе «Критика» статья Б.: «Кесари. Соч. Ф. де Шампаньи» (*БС*, XII, 346—367). Рецензии Б.: «Альф и Альдона. Н. Кукольника»; «Соч. Гёте, вып. 2»; «Картины русской живописи. Вып. I»; «Речь о критике. А. Никитенко»; «Тысяча и одна ночь, Арабские сказки»; «Дагерротип. Тетрадь I»; «Начатки. Собр. статей А. Т.»; «Еще купцы 3-й гильдии. П. Григорьева 2»; «Солнечный луч. Роман И. Штевена»; «Сказка о трефовом короле Фан-Фане»; «Опыт библиографич. обозрения, или Очерк последнего полугодия литературы. Л. Бранта»; «Несколько слов о периодических изданиях. Л. Бранта»; «Созерцатель человеческих знаний. М. Павлова»; «Робинзон Крузе. Соч. Кампе». В отд. «Русский театр в Петербурге»: «Христина, королева шведская. Переделка П. Ободовского»; «Царь Василий Шуйский. П. Ободовского»; «Святослав. Драм. представление»; «Помешанный. Соч. Бурмицкого»; «Настенька. Сцены. Коровкина» *. В этом же номере Б. принадлежат библиографические и журнальные известия: «О выходе в свет «Мертвых душ»; «Ответ «Северной пчеле». Статья и рецензии опубликованы без подписи Б.

Мая 30. Фельетонист «Северной пчелы» <бар. Розен?> возмущенно отмечает, что «Отечественные записки» «не признают дарования даже в Загоскине», унижают лучший его роман «Мирошев», а «г. Гоголя называют п е р в ы м нынешним прозаиком, образцовым писателем, классиком» (*СП*, 1842, № 119).

Мая 31. Цензур. разреш. «Сына отечества» № 6. В анонимной рецензии <бар. Розена?> на «Мертвые души» несколько строк посвящено русским «гегелистам, которые непременно являются и гоголистами». Критик протестует против провозглашения ими «господина Гоголя громадным талантом, гением, первым русским прозаиком, первым поэтом, со времен которого началась новая эпоха словесности» (*СО*, 1842, № 6, Критика, 2).

Июня около 1. Встреча Б. с Гоголем, выехавшим 5 июня за границу (*А. Кирпичников,* LI).

Июня 8. Д. П. Иванов в письме к Б. протестует против планов последнего определить Н. Г. Белинского на военную службу (*ЛН,* т. 57, 224). К письму Д. П. Иванова приложено письмо его отца к Б.

Июня 11. К Б. приезжает Огарев, гостивший перед тем в Новгороде у Герцена, и остается в Петербурге до своего выезда 20 июня за границу (*ЛН,* т. 61, 864; *Герцен,* II, 213).

Июня 13. Булгарин в «Северной пчеле» негодует по поводу оценки в «Отечественных записках» романа Загоскина «Кузьма

Петрович Мирошев» и признания Гоголя «первым русским прозаиком» (*СП,* 1842, № 130).

Июня около 25. Б. в письме к Боткину благодарит за информацию о немецких сектантах-духоборах. Б. полагает, что они «противоречат себе, подвергаясь крещению и браку (церковному). Не так действовали первые христиане и террористы французской революции». Б. собирается в Павловск, где Боткин отдыхает в обществе Панаева и Языкова. Б. увлечен поэмой Лермонтова «Боярин Орша»: «Такие стихи охмеляют лучше всех вин» (*Б,* XII, 110—111).

Июня 26. Л. Брант в «Северной пчеле» протестует против «совершенного искажения истины» в рецензии Б. на его книгу «Опыт библиографического обозрения, или Очерк последнего полугодия русской литературы» (*СП,* 1842, № 141).

Июня около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 7. В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя»; «Стихотворения Николая Воронова»; «Дагерротип. Тетрадь 2»; «Парижская красавица. Роман К. Поль де Кока»; «Российская грамматика, с присовокуплением пиитических правил. Изд. Я. Пожарским»; «Сельские беседы»; «Очерки к «Борису Годунову» А. Пушкина. Рисованы К. Шрейдером»; «История Государства Российского. Соч. Н. Карамзина. Издание 5-е, И. Эйнерлинга»; «Картины русской живописи. Вып. 2»; «Наши, списанные с натуры русскими. Вып. 9, 10 и 11»; «Финляндия и финляндцы. Соч. Ф. Дершау». Журнальные и литературные заметки (О стихах Шевырева; Об эпиграммах М. Дмитриева; Об отклике «Северной пчелы» на «Мертвые души»). В этом же номере Б. принадлежит предисловие к московским лубочным изданиям («Макарьевская литература»). Рецензии и заметки даны без подписи Б.

Б., характеризуя литературно-политическую обстановку в момент появления «Мертвых душ», как пору «торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности», как время «пустоцветов и дождевых пузырей литературных», «ребяческих затей, детских мыслей, ложных чувств, фарисейского патриотизма, приторной народности», определяет поэму Гоголя как «творение чисто русское, национальное», «столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовию к плодовитому зерну русской жизни». В «Мертвых душах» Гоголь сделал, по мнению Б., «такой великий шаг, что все, доселе им написанное, кажется слабым и бледным в сравнении с ними». Б. обещает читателям «скоро поговорить подробно о всей поэтической деятельности Гоголя» (*Б,* VI, 217).

Июля около 1. Б., делясь в письме к Боткину впечатлениями от последней книжки «Отечественных записок», высоко оценивает стихотворение «Петр Великий» Л. П. <Л. С. Пушкина?>, в котором он усматривавает «что-то энергическое, восторженное и гражданское». В связи с этими стихами Б. вспоминает «Старого помещика» и «Разбойничью песню» («Перед воеводой молча он стоит...»), опубликованные в «Отечественных записках» в 1841 г. за подписью «Т. Л.» (*Б,* XII 111). Б. еще не знает, что эта подпись принадлежит И. С. Тургеневу.

Июля 5. Цензур. разреш. «Маяка», т. IV. В этом томе статья А. Мартынова «Замечания на статью о Менцеле, помещенную в «Отечественных записках» 1840. Б. обвиняется в следовании «духу ложной философии», в увлечении гегельянством, в литературной нескромности и в злоупотреблении иностранными словами (*«Маяк»,* т. IV, кн. 7, отд. IV, 1—23).

Июля около 9. Боткин выезжает из Петербурга в Москву (*ГЛ,* III, 83).

Июля 15. Гоголь в письме к Прокоповичу из Гастейна просит Б. прислать ему за границу оттиски его статьи о «Мертвых душах», как только она появится в «Отечественных записках» (*Гоголь,* XII, 85).

Июля около 15. Герцен возвращается в Москву из новгородской ссылки (*Герцен,* II, 219).

Июля 18. Булгарин в «Северной пчеле» разбирает «как курьез» статью Б. о «Мертвых душах» и пишет: «Спрашиваем всех русских людей, всех чтителей русского языка и словесности, видали ли они, читали ли что-либо подобное и где тут смысл и язык?» (*СП,* 1842, № 158).

Июля около 20. Б., негодуя на Лажечникова за его участие в таком реакционно-беспринципном издании, как «Дагерротип» (см. апреля 12 и июля 25), замечает, что «всякая муза, если она уважает сама себя и хочет, чтоб ее уважали другие, должна вести себя с крайнею осторожностию и не заходить всюду, куда зовут ее; иначе она рискует лишиться своей репутации, которая для женщины всего дороже» (*Б,* VI, 262).

Июля 25. Фельетонист «Северной пчелы», противопоставляя в «Журнальной всякой всячине» сборники «Дагерротип» таким изданиям, как «Литературная газета» и «Отечественные записки», выражает недоумение: «Кто читает и понимает эти пафосы действительности, эту гуманность субъективности, действующие на объективность, сальности и всю эту тарабарскую грамоту — не постигаем!» (*СП,* 1842, № 164). См. сентября 28.

Июля около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 8. В номере рецензии Б.: «Русская беседа, т. III»; «Братья

по оружию. Соч. Джемса»; «Малоярославец в 1812 году. Соч. Владимира Глинки»; «Физиология влюбленного. Переделана с француз. Н. Г. Р.»; «Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души» <К. С. Аксакова>»; «Записки о старом и новом русском быте. К. А. Авдеевой»; «О чувственной любви и пагубных действиях ее. Рассуждение И. Ф. Остервальда. Ч. I»; «Дагерротип. Тетради 3, 4, 5 и 6». В разделе «Журнальные и литературные заметки» протест против рекламной заметки о Д. Т. Ленском в «Северной пчеле» и другие мелочи. В этом же номере приписываются Б. рецензии: «Жизнь и приключения Робинзона Крузо. Новый перевод П. А. Корсакова. Вып. I»; «Робинзон Крузо. Соч. Кампе. Пер. с немец.» (*ЛН*, т. 55, 356). Все рецензии без подписи.

Августа 7. Цензур. разреш. книги А. Галахова «Полная русская хрестоматия», чч. I и II. В подборе материала для «Хрестоматии» А. Д. Галахов руководствовался в основном высказываниями Б. Против этого его «угодничества» протестовала реакционная критика (*«Москвитянин»*, 1843, №№ 5 и 6; 1846, № 5, 164—175).

Августа 10. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 7. Шевырев в статье о «Мертвых душах» Гоголя негодует по поводу статьи Б. об этом же: «Из тесных рядов толкучего рынка литературы выскочило наглое самохвальство в виде крикливого пигмея с медным лбом и размашистою рукою; обрадовавшись случаю из-за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши перед произведением, пялит на нем свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою, и потом показать вам, и уверить вас, что точно оно вам его показало, а без того вам бы его и не увидеть» (*«М»*, № 7, 207).

Августа 12. Булгарин в «Северной пчеле» высмеивает язык критических статей «Отечественных записок», которые, «как мы слышали, наверное будут переводиться на русский язык» (*СП*, 1842, № 178).

Августа 15. Герцен, под впечатлением статей левых гегелианцев в «Deutsche Jahrbücher», записывает в своем дневнике: «Философия германская выступает из аудитории в жизнь, становится социальна, революционна, получает плоть и, следовательно, прямое действие в мире событий. Тут видны, ясны большие шаги в политическом воспитании» (*Герцен*, II, 223). Как свидетельствуют воспоминания Анненкова, Герцен пропагандирует в эту же пору в кругу своих друзей книгу Фейербаха «Das Wesen des Christentums» и связывает «открытый ею переворот в области метафизических идей с политическими переворотами, которые возвещали социалисты» (*П. Анненков*, 431; *ГЛ*, XIII, 20; ср. *Герцен*, II, 219).

Августа около 20. Б., работая над рецензией на «Денницу новоболгарского образования» В. Априлова (*ОЗ,* № 9), впервые пользуется термином «славянофил» для обозначения своих идеологических противников из лагеря «Москвитянина» (*Б,* VI, 343). Ср. *Б,* VIII, 72 и 316.

Августа 22. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 8. Шевырев в заметке «О выходе в свет стихов Милькеева» упоминает «безыменных рецензентов», которые «подходят к поэту с тем, чтобы насказать ему несколько грубостей, бросить грязью в его лиру и насмешить тем праздную толпу зевак-читателей» (*М,* 1842, № 8, 400). См. *Б,* VII, 601—609.

Августа 26. Б. провожает своего брата Никанора, уезжающего на службу в Тифлис (*Б,* XII, 111) *.

Августа 28. Цензур. разреш. «Сына отечества», кн. 8. В анонимной рецензии на «Сочинения Платона» выпады против «философских изделий, отзывающихся горячкой» и получаемых «из Москвы, Одессы, Киева, Казани, Чембаров и других городов». Упоминание о «мифе, едва ли не чембарском, что во всех городах царства русского обитают люди, которых горожане зовут философами губернскими или уездными, хоть они ничего не издают в свет» (*СО,* 1842, № 8, Критика, 2—3).

Август 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 9. В отделе «Критика» первая статья Б., посвященная «Речи о критике» А. Никитенко. Рецензии Б.: «Сумерки. Е. Баратынского»; «Христиерн II и Густав Ваза. Драм. очерк. И. Лажечникова»; «Осенние цветы. Вечерние досуги. Заветные думы. М. Демидова»; «Наследство комедианта. Роман Поль де Кока»; «Сказка об Игнаше Разувае. Соч. И. Руссо»; «Русские в доблестях своих. С. Глинки»; «Картины русской живописи, вып. III»; «Римские папы. Л. Ранке»; «Денница новоболгарского образования. В. Априлова»; «Руководство к изучению русской словесности П. Георгиевского». В этом же номере: «Библиографическое известие» <о предстоящем выходе в свет соч. Гоголя>; «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке <по поводу статьи Сенковского о «Мертвых душах»>». В разделе «Русский театр в Петербурге» рецензии Б.: «Ифигения в Авлиде. Траг. Расина, перев. М. Лобанова»; «Школа женщин. Комедия Мольера, перев. Н. Хмельницкого»; «Критика на «Школу женщин», перев. Г. Н. П.»; «Волшебный нос. Опера-водевиль, передел. А. И. Писарева»; «Мать испанка. Н. Полевого»; «Краткая российская история для низших учебных заведений»; «Всеобщая география. Соч. Г. Бланка, вып. II»; «Жизнь и приключения Робинзона Крузо. Перевод П. А. Корсакова, вып. II». В «Смеси»: «Литературные и журнальные заметки» <полемика с «Северной пчелой» и

«Русским вестником»>. Статья, рецензии и заметки без подписи Б.

В статье о брошюре А. Никитенко «Речь о критике» Б. утверждает: «Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит критике, даже сама критика. Наше время ничего не принимает безусловно, не верит авторитетам, отвергает предание: но оно действует так не в смысле и духе прошедшего века, который, почти до конца своего, умел только разрушать, не умея созидать; напротив, наше время алчет убеждений, томится голодом истины <...> Мир возмужал: ему нужен не пестрый калейдоскоп воображения, а микроскоп и телескоп разума, сближающий его с отдаленным, делающий для него видимым невидимое. Действительность — вот лозунг и последнее слово современного мира. Действительность в фактах, в знании, в убеждениях чувства, в заключениях ума — во всем и везде действительность есть первое и последнее слово нашего века...» (*Б,* VI, 267—268). Утверждая, что «искусство нашего времени есть выражение, осуществление в изящных образах современного сознания, современной думы о значении и цели жизни, о путях человечества, о вечных истинах бытия», Б. вспоминает, что «некогда» и он рассматривал «идею красоты, как единую цель искусства». Но «все живое движется и развивается; понятие об искусстве не алгебраическая формула, всегда мертво-неподвижная <...> Подвинуться вперед в сознании, от низшей его ступени перейти к высшей, не значит изменять своим убеждениям. Убеждение должно быть дорого, потому только, что оно истинно, а совсем не потому, что оно наше» (*Б,* VI, 275—276).

Сентября 9. Булгарин в «Северной пчеле», в рецензии на «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров», поздравляет его с «хулою» «Отечественных записок» и «Литературной газеты» (*СП,* 1842, № 200).

Сентября 17. Боткин в письме к Б. предупреждает о скором своем приезде в Петербург и просит от имени М. С. Щепкина, который и сам писал Б., но не получил ответа, похлопотать о «верном списке» с комедии «Женитьба», предоставленной Гоголем для бенефиса Щепкина. Боткин сообщает, что рецензия Б. на брошюру К. С. Аксакова о Гоголе «взбесила Аксакова», и он пишет ответ, который будет напечатан в «Москвитянине». Боткин, очень удовлетворенный статьей Б. «Литературный разговор», уговаривает Герцена поскорее послать в «Отечественные записки» написанную им статью «О дилетантах философии» (*ЛМ,* II, 182—183).

Сентября 25. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 9. В номере ответ К. С. Аксакова на статью Б. о брошюре «Несколько слов о поэме Гоголя «Мертвые души» (*«М»,* 1842, № 9, 220—229).

Сентября 28. Цензур. разреш. «Сына отечества», кн. 9. В анонимной рецензии на «Картинки русских нравов» резкие выпады против некоего «оратора, со школьной скамьи попавшего прямо в диктаторы», увлекающегося «новой школой и восхищающегося новым слогом, роскошно иллюстрированным, вместо картинок, пафосом действительности, гуманностью, сальностью и другими прелестями в этом роде» (*СО*, 1842, № 9, Критика, 40—41). См. июля 25.

Сентября около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 10. В отделе «Критика» вторая статья Б. по поводу «Речи о критике» А. Никитенко. Рецензии Б.: «Сочинения Платона, перев. Карпова»; «Наши, списанные с натуры русскими. Вып. 12»; «Картинки русских нравов. кн. III и IV»; «Сплетни. Соч. П. Машкова»; «Мать испанка. Соч. Н. Полевого»; «Последний Хеак. Поэма В. Зотова». Литературные и журнальные заметки <1. «По поводу полемики Р. В. с «Северной пчелой». 2. «По поводу откликов в печати на «Мертвые души»>. В разделе «Русский театр в Петербурге» рецензии Б.: «Великий актер. Соч. П. П. Каменского»; «Жены наши пропали. Соч. П. П. Григорьева»; «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами. Соч. Н. Полевого»; «Комические сцены из поэмы «Мертвые души». Сост. Н. Г. <Н. И. Куликов>». О других рецензиях в этом номере, приписываемых Б., см. *БС*, XIII, 104—105. Статья и рецензия даны без подписи Б.

Сентябрь-октябрь. Б. знакомится у Панаевых с Н. Н. Тютчевым, приятелем Кульчицкого. Б. охотно посещает обоих друзей в их холостой квартире на Михайловской площади, в доме Жербина (*БЛ*, III, 445). См. октября около 25.

Октября 5 (17) по 9 (21). Публикация в журнале левых гегельянцев «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst» статьи Бакунина «Реакция в Германии». Характеризуя революционную ситуацию в Европе, Бакунин отмечал, что «классы, которые, собственно, и есть настоящий народ, занимают повсюду угрожающее положение и начинают подсчитывать слабые по сравнению с ними ряды своих врагов, чтобы потребовать действительного осуществления тех прав, которые за ними всеми уже признаны. Даже в России, в этом беспредельном и снегом покрытом царстве, которое мы так мало знаем и которому предстоит, может быть, великая будущность, даже в России собираются темные, предвещающие грозу, тучи! О, воздух душен, он чреват бурями. Позвольте же нам довериться вечному духу, который лишь для того разрушает и уничтожает, что он есть непостижимый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению — есть вместе с тем и творческая страсть» («Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und

Kunst», 1842, №№ 247—251). Об этой статье см. *Герцен*, II, 256—257. Отклик Б. см. ноября около 1 и 7.

Октября 10. Булгарин в «Северной пчеле» негодует по поводу нападок на него в каждой книжке «Отечественных записок» (*СП*, 1842, № 227).

Октября около 15. Б. помогает Н. Я. Прокоповичу в работе над корректурой «Сочинений Н. В. Гоголя» (*Шенрок*, IV, 54).

Октября около 15. Б. переезжает на новую квартиру, близ редакции «Отечественных записок», на углу Невского и Фонтанки, в доме Лопатина. Квартира Б. (№ 55) находилась во дворе, во втором этаже, над сараями, состояла из двух «невеселых и довольно серых» комнат и «выходила окнами на конюшни и навозные кучи» (*ЛН*, т. 57, 400). Утром Б. обычно работал у себя, обедал очень часто у рядом живущих Панаевых, после обеда опять работал или читал, и вечером же (часам к 10) Б. и его друзья собирались в квартире Тютчева, Кульчицкого и Кавелина, а по субботам у Панаевых (*А. Панаева*, 97; *М. Клеман*, 174—175).

Октября 17. Булгарин в «Северной пчеле» упоминает книгу В. Соллогуба «На сон грядущий», расхваленную Б. в «Отечественных записках» якобы «непропорционально», «бестолково и неограниченно» (*СП*, 1842, № 233). См. 1841, апреля 1.

Октября 24. М. С. Щепкин уведомил Гоголя о том, что он просил Б. «заранее отдать в театральную цензуру» комедию «Женитьба» (*РА*, 1889, I, 556).

Октября около 25. Б. взволнован историей с К. С. Милановским, молодым литератором, бывшим студентом Московского университета, которого он, «подкупленный его либеральными фразами», ввел в круг своих ближайших петербургских друзей. Б. поселил его в квартире Кульчицкого и Тютчева, очень скоро убедившихся в том, что Милановский «жулик и аферист». Изгнав после этого Милановского «со скандалом» из общежития, Б. опасался, что Милановский «донесет» на него и весь кружок в III Отделение (*Кавелин*, III, 1085. Ср. *Б*, XII, 116 и 126).

Октября 26. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 10, в котором опубликовано памфлетное послание М. А. Дмитриева «К безыменному критику» («Нет! Твой подвиг непохвален!..»), направленное против Б. («*М*», № 10, 281—284). Как ответ на стихи Дмитриева в Москве распространилось сатирическое послание «Как тебе достало духу Руси подличать в глаза», написанное при участии А. Григорьева, Фета и Полонского (*«Ленинград»*, 1940, № 21—22, 34).

В этом же номере «Москвитянина» Н. Пельт в рецензии

на роман М. Н. Загоскина «Кузьма Петрович Мирошев» полемизирует с Б., не называя его прямо по имени: «Если Мирошев и не удовлетворяет требованиям современного понятия о романе, то все-таки имеет достоинства неоспоримые, и все возгласы журнальных крикунов, ищущих в каждой книге одной только темной стороны, не повредят его успеху» (*«М»*, № 10, 487—488). В примечании к рецензии на «Комаров» Булгарина Н. Пельт возражает на заявление Б. в статье о «Мертвых душах» о том, что «Отечественные записки» «первые и одни сказали... что такое Гоголь в русской литературе» (*М*, № 10, 503).

Октября 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 11. В отделе «Критика» третья статья Б. по поводу «Речи о критике» А. Никитенко. Рецензии Б.: «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» (К. С. Аксакова)»; «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого»; «Дочь купца Жолобова. Роман И. Калашникова»; «Любовь музыканта. Роман Ан. Ярославцева»; «Второе письмо на луну. Третье письмо на луну»; «Общая реторика Н. Кошанского»; «Колосья. В. М<ежевича>». Литературные и журнальные заметки: «Петербургские книгопродавцы»; «Журнал, предполагаемый к изданию М. Д. Ольхиным»; «О последних фельетонах Булгарина». О театральных рецензиях, приписываемых Б. в этом номере, см. *БС*, XIII, 105—108. Статья и рецензии без подписи Б.

В своей полемике с К. С. Аксаковым по поводу «Мертвых душ» Б. признает «удивительную силу непосредственного творчества Гоголя», но полагает, что эта же сила «много вредит Гоголю. Она, так сказать, отводит ему глаза от идей и нравственных вопросов, которыми кипит современность, и заставляет его преимущественно устремлять внимание на факты и довольствоваться объективным их изображением» (*Б*, VI, 428). Б. подчеркивает свою неудовлетворенность новой редакцией «Портрета» и повестью «Рим» и, цитируя строки Гоголя о будущих его положительных героях, с тревожным недоумением повторяет слова Аксакова: «Кто знает, как раскроется содержание «Мертвых душ»?» (*Б*, VI, 417—419, 427—428). См. сентября 25.

Заканчивая свою отповедь, Б. обещает читателям «Отечественных записок» три большие статьи, из которых первая будет посвящена сочинениям Пушкина, вторая разбору всех сочинений Гоголя, а третья — Лермонтову. Все эти статьи «будут написаны в органической связи между собою и составят как бы одно критическое сочинение. Историческая и социальная точка зрения будет положена в основание этих статей» (*Б*, V, 428). Будущие статьи явно планируются как основная часть «Критического курса русской литературы»,

начатого весною 1842 г. (см. выше, стр. 338). Эту свою работу Б. печатно определяет в «Отечественных записках» № 11 как «Полную историю русской литературы и журналистики» (*Б,* VI, 455).

Октябрь—ноябрь. К. Д. Кавелин, поселившись в квартире Тютчева и Кульчицкого, входит в круг ближайших друзей Б. (*Кавелин,* III, 1086). В Петербурге Кавелин остается до конца 1843 г.

Октябрь — ноябрь. Б. пропагандирует в кругу своих петербургских и московских друзей статьи Пьера Леру в «Новой энциклопедии» (*Б,* XII, 117). Герцен, вспоминая об этом в «Былом и думах», свидетельствует: «Петр Рыжий, как называли мы его в сороковых годах, — становится моим Христом», — писал мне всегда увлекавшийся через край Белинский» (*ГЛ,* XIV, 751). Это письмо Б. не сохранилось.

Ноября около 1. Б., узнав, видимо, от Боткина, приезжавшего в Петербург (*ЛМ,* II, 182; *Б,* XII, 113—114, 119), о статье Бакунина «Реакция в Германии», обращается к ее автору с горячим приветственным письмом, которое не сохранилось, но о содержании которого можно судить по письму Б. к Н. А. Бакунину (см. ноября 7). Свое письмо Б. нелегально отправил М. А. Бакунину вместе с письмом к нему же Боткина (*Б,* XII, 114). Ответ Бакунина см. 1843, января около 23.

Ноября 6. Б. в письме к Д. П. Иванову * извещает о своем решении определить брата Никанора на военную службу и просит позаботиться о скорейшей присылке из Пензы нужных для этого документов. На праздниках Б. предполагает побывать в Москве (*Б,* XII, 111—113). См. ноября 13.

Ноября 6. Боткин, гостивший у Б., выезжает в Москву (*Б,* XII, 115—116). Б. пересылает с ним письмо к Герцену. См. ноября 14.

Ноября 7. Б., объясняя в записке к Боткину, почему им не удалось встретиться при отъезде последнего в Москву, просит о передаче М. С. Щепкину одновременно посылаемого письма (*Б,* XII, 115—116). Письмо к Щепкину не сохранилось.

Ноября 7. Б. в письме к Н. А. Бакунину заявляет о том, что в его мировоззрении произошел «сильный переворот». Давно уже, отрешившись от всех видов «романтизма» и «мистицизма», Б. мучительно ощущал, что «ничто новое не заменяло разрушенного старого», а жить одним «отрицанием» было невыносимо трудно. В настоящее время Б. чувствует, что в душе его уже «есть вера, дающая ответы на все вопросы. Но это уже не вера и не знание, а религиозное знание и сознательная религия». Имея в виду идеи социализма и борьбу за революционное переустройство обществен-

ных отношений <см. августа 15 и октября 7>, Б. в самой конспиративной форме осведомляет своих премухинских друзей о дошедших до него «хороших слухах» о Бакунине. «И странно: мы, я и Мишель, искали бога по разным путям — и сошлись в одном храме. Я знаю, что он разошелся с Вердером, знаю, что он принадлежит к левой стороне гегелианизма, знаком с R<uge> и понимает жалкого, заживо умершего романтика Шеллинга <...> Дорога, на которую он вышел теперь, должна привести его ко всяческому возрождению, ибо только романтизм позволяет человеку прекрасно чувствовать, возвышенно рассуждать и дурно поступать. Для меня теперь человек — ничто: убеждение человека — всё. Убеждение одно может теперь и разделять и соединять меня с людьми» (*Б,* XII, 113—115). См. ноября около 1.

Ноября 7. Б., под впечатлением романов «Орас» и «Андре», с их высокой проповедью идей утопического социализма, формулирует свое отношение к Жорж Санд, как «Иоанне д'Арк нашего времени, звезде спасения и пророчице великого будущего» (*Б,* XII, 115). Эти оценки закрепляются в начале декабря чтением ее романов «Мельхиор» и «Консуэло» (*там же,* 121 и 124).

Ноября 10. Лажечников в записке к Б. просит о возврате трехсот рублей, взятых у него Б. «лет пять назад» (*Бик,* 183—184). См. июля около 20.

Ноября 12. В. С. Межевич в «Северной пчеле», в статье «Беспристрастие «Отечественных записок», сравнивает положительный отзыв Б. (не называя его по имени) в «Отечественных записках» № 6 о переводе «Робинзона» Кампе с отрицательными отзывами об этом же переводе в «Отечественных записках» № 8 и 9 и выражает возмущение этими «метаморфозами» (*СП,* 1842, № 254). Ответ Б. на эту статью см. Б, VI, 508—509.

Ноября 13. Письма к Б. от Д. П. и П. П. Ивановых с припиской от Н. П. Иванова (*ЛН,* т. 57, 226—227).

Ноября 14. Булгарин в «Северной пчеле», полемизируя с отзывами «Отечественных записок» и «Литературной газеты» о «Репертуаре и Пантеоне», упрекает «Отечественные записки» в «фырканье» и «брызганье» (*СП,* 1842, № 256).

Ноября 14. Герцен, под впечатлением не дошедшего до нас письма Б., отмечает в своем дневнике: «Фанатик, человек экстремы, но всегда открытый, сильный, энергичный. Я истинно его люблю. Тип этой породы людей — Робеспьер. Человек для них — ничего, убеждение — всё» (*Герцен,* II, 242).

Ноября около 15. Б. вынужден отказаться от пересылки Боткину статьи Леру «Culte» из запрещенной в России фран-

цузской «Новой энциклопедии», так как Панаев и Языков «обомлели от ужаса», узнав о такой неосторожности Б. (*Б,* XII, 117).

Ноября 15. Дата написания басни Б. Федорова «Крысы», направленной против Б. (*«Маяк»,* 1842, № 12, отд. V, 50—51; *«М»,* 1842, № 12; *Б,* VI, 705). См. 1843, января 30.

Ноября 16. Н. Г. Белинский в письме к Б. извещает о своем приезде в Тифлис (см. августа 26) и умоляет о немедленной денежной помощи (*ЛН,* т. 57, 227).

Ноября около 20. Б. из стихотворения неизвестного автора «На смерть А. В. Кольцова», полученного Краевским из Воронежа, узнает о смерти еще в прошлом месяце своего старого друга (*Б,* XII, 116, 122—123, 128).

Ноября 20. Булгарин в «Северной пчеле» протестует против того, что в каждой книжке «Отечественных записок» он подвергается травле, как писатель якобы «без малейшего дарования, без всякого ума и познаний, и не умеющий написать трех строк порядочно» (*СП,* 1842, № 26). Ответ Б. на эту статью см. ноября 30 (*Б,* VI, 509—510).

Ноября 22. Герцен на вечере у Елагиных резко высказывается «в пользу Б.», о котором И. В. Киреевский говорил «с негодующим презрением», а М. А. Дмитриев с «остротою» (*Герцен,* II, 245).

Ноября 23. Попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов в беседе с Герценом обнаружил большое понимание значения «Отечественных записок» и «достоинство» статей Б. (*Герцен,* II, 246).

Ноября 23. Б. смотрит в Александринском театре «премиленькую комедию Скриба «Вся беда, что плохо объяснились». В этой пьеске он нашел очень подходящую роль для Щепкина (*Б,* XII, 117).

Ноября 23. Б. в письме к Боткину делится своими впечатлениями от писем Бакуниных с приглашением приехать в Премухино: «Да, ехать, ехать — это заглушает во мне всё другое — я расплываюсь — мечтаю, ничто в голову нейдет. А как ехать? — работы бездна, времени мало <...>, денег нет, долгов пропасть». Б. только что закончил статью о Баратынском. Из всего прочитанного им за последнее время Б. выделяет «Сцену после представления комедии» Гоголя («умнее я ничего не читывал по-русски») и разбор «Мертвых душ», опубликованный Полевым в «Русском вестнике» («донос почище Сенковского»). Б. просит передать Щепкину, чтобы он ускорил свой ответ на вопрос о том, что он возьмет для своего бенефиса — «Игроков» или «Тяжбу» Гоголя (*Б,* XII, 116—118).

Ноября 28. Б., отвечая на письмо Н. А. Бакунина и его сестер, горячо благодарит за приглашение в Премухино, «тронувшее его до слез». Б. возражает против подозрений в том, что он преувеличивает свои новые чувства к М. А. Бакунину. Б. «нисколько не раскаивается и не жалеет» о своих прежних размолвках с ним: «всё это было необходимо и быть иначе не могло. Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за «понятия» — дело святое, и горе тому, кто не боролся!» (*Б*, XII, 118—121).

Ноября 30? Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 12. В отделе «Критика» статья Б. о «Стихотворениях Е. Баратынского». В номере рецензии Б.: «Утренняя заря, альманах на 1843 год, изд. И. Владиславлевым»; «Стихотворения Вл. Бенедиктова»; «Наши, списанные с натуры. Вып. 13»; «Сочинения Ф. Булгарина»; «Таинственный монах <Роман Р. Зотова>»; «Стихотворения Н. С.»; «Дагерротип. Тетради 7—12»; «Памятник искусств». В «Литературных и журнальных заметках» Б. отвечает на выпады «Москвитянина», на памфлетное послание «Безыменному критику», на фельетоны «Северной пчелы», на статью о «Робинзоне Крузо» Д. Дефо в «Северной пчеле». В этом же номере Б., видимо, принадлежит заметка об «Истории Государства Российского», изд. V, кн. 2 (*ЛН*, с. 55, 350—361). В разделе «Русский театр в Петербурге» рецензии Б.: «Людмила. Драма в 3-х д., состав. из баллад Жуковского»; «Женатый проказник, или Рискнул, да и закаялся. Комедия Скриба»; «Кольцо маркиза, или Ночь в хлопотах. Водевиль, перев. Н. А. Перепельского»; «Вся беда, что плохо объяснились. Комедия Скриба, перев. С. Соловьева»; «Два вора. Комич. опера. Перев. П. С. Федорова»; «Интересный случай, или Художник и завещание. Водевиль П. И. Григорьева» (*БС*, XIII, 108—110). Статья и рецензии без подписи Б.

В статье «Стихотворения Е. Баратынского» Б. прокламирует положение о том, что «неподвижность, то есть пребывание в одних и тех же интересах, воспевание одного и того же, одним и тем же голосом, есть признак таланта обыкновенного и бедного. Бессмертие — удел движущихся поэтов. Если и прошли навсегда интересы их времени, — их поэзия непреходяща именно потому, что представляет собою памятник эпохи». Протестуя против «ложного убеждения, что для поэта довольно чувства», Б. утверждает, что «теперь все поэты, даже великие, должны быть вместе и мыслителями, иначе не поможет и талант... Наука, живая, современная наука, сделалась теперь пестуном искусства, и без нее — немощно вдохновение, бессилен талант!» (*Б*, VI, 488). Свою статью о Баратынском Б. считает «чуть ли не из лучших своих статей» (*Б*, XII, 124).

Ноябрь — декабрь. Б., изнывая от непосильной работы и одиночества, пытается в свободные часы забыться игрой в преферанс (*Б,* XII, 129 и 132). Б. «играл плохо, но с тою же страстностью, которая ему была присуща, что бы он ни делал» (*Тургенев,* XI, 419). Обычными партнерами Б. были Кульчицкий, Тютчев, Кавелин. Иногда их заменяли Панаев, Языков, Маслов. Увлечение преферансом продолжалось до лета 1843 г. (*Б,* XII, 163; *И. Панаев,* 252; *Кавелин,* 1089—1090).

Декабря 4. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 11. Погодин в «Объявлении об издании «Москвитянина» на будущий 1843 год» резко характеризует своих политических и литературных противников (*«М»,* № 12, I—III).

Декабря 5. Б. в письме к Панаеву делится впечатлением от романа Жорж Санд «Мельхиор», который поразил его, как «откровение». Б. считает себя и своих друзей «счастливцами»: «очи наши узрели спасение наше <...> мы дождались пророков наших — и узнали их, мы дождались знамений — и поняли и уразумели их» (*Б,* XII, 121—122, 124).

Декабря около 9. Б. высоко оценивает драму «Густав-Адольф» фон Бескова (перев. со шведского) в «Библиотеке для чтения». Его приводит «в экстаз» монолог: «Целые поколения гибнут для спасения других поколений. И когда, в эту бурю, ударит священный набат, каждый, в ком есть благородное мужество, спешит в бой за правое дело. Мы пойдем, будем биться, и если падем, то новая рать, с новыми знаменами, пойдет по нашим трупам. Пусть человек умирает, но человечеству должно жить!» (*Б,* VI, 542; *Б,* XII, 124).

Декабря 9. Б. был в Александринском театре на премьере «Женитьбы» Гоголя. Пьеса «пала» и была «ошикана», несмотря на превосходную игру Мартынова (Подколесин) и Сосницкой (невеста). На этом спектакле А. Н. Струговщиков познакомил Б. с К. П. Брюлловым (*Б,* XII, 125).

Декабря 9. Б., отвечая на письмо Боткина о необходимости издания сочинений Кольцова и его биографии, очень скептически относится к возможности осуществления этих планов. Б. признается, что жить «ему становится все тяжелее и тяжелее»: «Стены моей квартиры мне ненавистны; возвращаясь в них, иду с отчаянием и отвращением в душе, словно узник в тюрьму». Б. обращает внимание Боткина на роман Жорж Санд «Мельхиор», напоминает, как о «великом, божественном произведении» о ее же «Консуэло», рассказывает о постановке «Женитьбы» и запрещении «Игроков». Из письма Гоголя к Прокоповичу Б. узнал о предоставлении Щепкину прав на постановку всех пьес Гоголя, вошедших в четвертый том его сочинений. Говоря о славянофилах, Б. не скрывает, что «ненависть этих

господ» его радует и что он будет «постоянно бесить их, выводить из терпения, дразнить» (*Б*, XII, 122—127).

Декабря 10. Б., пересылая Боткину свое письмо от 9 декабря, передает привет Герцену, Грановскому, Кавелину, Щепкину, Кудрявцеву, Кольчугину и всем, кто его помнит (*Б*, XII, 127).

Декабря около 15. Письмо к Б. от Бакуниных из Премухина (*Б*, XII, 128, 132, 133, 134). Письмо не сохранилось. См. 1843, февраля 23.

Декабря около 15. Письмо Б. к брату Никанору, до нас не дошедшее (*ЛН*, т. 57, 228). См. 1843, января 12.

Декабря 18. Докладная записка редактора журнала «Маяк» С. О. Бурачка на имя председателя СПб. цензурного комитета с просьбой помочь «изгладить в умах несправедливое мнение, что критика «Маяка» — донос на цензуру, на правительство»: «Эту мысль пустил в ход один из журналистов, которому более нечем было защитить себя от справедливых и дельных критик сотрудников «Маяка». Мысль подхватили, и многие усвоили даже в Цензурном комитете» (*PC*, 1899, V, 284).

Декабря 19. Булгарин в «Северной пчеле» иронизирует по поводу характеристики Гоголя в «Отечественных записках», как «первого русского писателя и поэта» и протестует против унижения там же имен Полевого, Ободовского и Кукольника (*СП*, 1842, № 285).

Декабря около 20. Б., работая над некрологом Кольцова, отмечает, что «друзья покойного поэта», желая «достойно почтить его память, намерены издать в скором времени и з б р а н н ы е его стихотворения, с его портретом, факсимиле и биографиею» (*Б*, VI, 574). См. 1846, февраля 5.

Декабря 31. Н. И. Надеждин в письме к С. Т. Аксакову сообщает о своей случайной встрече с Б. на вечере у Панаева и с возмущением отзывается об отношении Б. к брошюре К. С. Аксакова о «Мертвых душах» (*ЛН*, т. 58, 642).

Декабря 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок», 1843, № 1. В отделе «Критика» статья Б. «Русская литература в 1842 г.». В этом же номере ему принадлежит некролог «А. В. Кольцов» и рецензии: «Стихотворения М. Лермонтова»; «Сочинения Державина»; «Сказка за сказкой, т. II»; «Герман и Доротея. Поэма Гёте, перев. Ф. Арефьев»; «Наши, списанные с натуры русскими (вып. XIV. «Уральский казак». Соч. В. Даля)»; «Были и небылицы, или Совет и люди. Текст И. Балакирева»; «История Суворова. Текст Н. Полевого»; «Стихотворения Н. Молчанова»; «Супружеская истина, в нравственном и физическом отношениях». В отделе «Русский театр в Петербурге» рецензированы постановки «Женитьбы» Гоголя

и «Русской боярыни» П. Ободовского. О других его театральных рецензиях в «Отечественных записках» № 1 см. *БС*, XIII, 110—112. Статьи, рецензии и все заметки без подписи. В том же номере заметка Б. «Журнальный мирлифер и Жорж Занд», информация о предстоящем выходе в свет «Сельского чтения» и ответ на выпады «Северной пчелы» против Гоголя.

Б., характеризуя в обзоре русской литературы за 1842 г. ее «новейший период», утверждает: «Если хотите, он не богат числом произведений, но зато все, что явилось в нем посредственного и обыкновенного, все это или не пользовалось никаким успехом, или имело только успех мгновенный, а все то немногое, что выходило из ряда обыкновенного, ознаменовано печатью зрелой и мужественной силы, осталось навсегда и в своем торжественном, победоносном ходе, постепенно приобретая влияние, прорезывало на почве литературы и общества глубокие следы. Сближение с жизнью, с действительностию есть прямая причина мужественной зрелости последнего периода нашей литературы» (*Б*, VI, 526). Б. очень дорожил этой статьею и болезненно переживал изъятие из нее цензурой «целого печатного листа» (*Б*, XII, 128).

1843

Января около 1. Б., прочитав в «Отечественных записках» № 1 статью Боткина «Германская литература 1842 г.», остался «чрезвычайно» ею доволен: «Умно, дельно и ловко» (*Б*, XII, 131). Статья Боткина представляла собою сокращенный перевод (без указания источника) начальных страниц брошюры Энгельса «Шеллинг и откровение» (*ЛН*, т. 56, 246). В этом же номере «Отечественных записок» Б. восхищается статьею Герцена «Дилетантизм в науке» (*Б*, XII, 130).

Января 9. Булгарин в «Северной пчеле» резко полемизирует со статьями Б. в «Отечественных записках», не называя его фамилии (*СП*, 1843, № 6).

Января 10. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 1. Шевырев в «Критическом перечне произведений русской словесности за 1842 г.» негодует по поводу распространения в публике мнений «какого-то издателя», отрицающего русскую литературу, и возмущается статьями «одного критика», который «прежде сам признавал Гоголя мировым гением», а сейчас «кончил почти бранью на его талант» (*«М»*, 1843, № 1, 247—283).

Января 12. Письмо к Б. от брата Никанора из Тифлиса (*ЛН*, т. 57, 228).

Января около 23. Б. получает «с оказией» (вероятно, через Каткова) письмо из Цюриха от Бакунина (*Б*, XII, 130,

137). В этом письме Бакунин, «позабыв все старое, с радостью подал ему руку» (*Бакунин,* III, 184). См. февраля 6.

Января 23—30. Встречи Б. с Катковым, пробывшим несколько дней в Петербурге, на пути из Берлина в Москву. Прежние дружеские отношения их не возобновились. Б. отвергал реакционное шеллингианство Каткова и резко реагировал на неприятие им его социалистических идей, его интереса к материалистической философии (*Б.,* XII, 131 и 148; *РА,* 1888, VIII, 482; *Кавелин.* 1087).

Января около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 2. В отделе «Критика» первая статья Б. о «Сочинениях Державина». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Сочинения Н. Гоголя. 4 тома»; «Божественная комедия Данте Алигиери. Пер. Ф. Фан-Дима»; «Сказка за сказкой, т. III»; «Мысли русского вслух на Новый год»; «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого»; «Переводчик, или Сто одна повесть и сорок сороков анекдотов»; «Аристократка. Л. Бранта»; «Сельское чтение. Книжка, состав. кн. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким». В «Библиографических и журнальных известиях» Б. дает обзор журналов и заметку о «Фаусте» в переводе М. Вронченко. В «Театральной летописи»: «Братья-купцы, перев. П. Ободовского»; «Рубенс в Мадриде. Перев. с немецк.». В «Литературных и журнальных заметках» полемика Б. с «Северной пчелой» и «Москвитянином» и разъяснение по поводу басни Б. Федорова «Крысы». В этом же номере Б., видимо, принадлежат рецензии: «Основное учение, беседы для народного чтения»; «Сельские беседы для народного чтения. Издал Е. Фишер» (*БС,* XII, 376—382), а также заметки о комедиях «Первая глава, или Конец венчает дело» и «Заколдованная яичница» (*БС,* XIII, 112). Статья, заметки и рецензии без подписи.

Январь — февраль. Б. мечтает о посещении своих любимых опер — «Роберт-Дьявол» Мейербера и «Вольный стрелок» Вебера, но «на его горе» их давно не дают (*Б,* XII, 132).

Январь — февраль. Б., обратив внимание на рецензии Некрасова, печатающиеся в «Литературной газете», приглашает молодого литератора к себе и знакомит с ближайшими своими друзьями (*ЛН,* т. 49—50, 164). См. апреля 17.

Февраля около 2. Б., читая «Отечественные записки» № 2, с большим интересом останавливается на статье А. Галахова «Философия анатомии» и негодует по поводу фельетона В. Ф. Одоевского о «Руслане и Людмиле» Глинки (*Б,* XII, 132—133).

Февраля 3. Б. был в гостях у Плетнева (*Переписка Грота с Плетневым,* II, 11).

Февраля около 5. Б. получает письмо от Герцена, очень опечалившее его тем, что от него «попахивает умеренностию и благоразумием». И то и другое Б. усмотрел в защите Герценом славянофилов, в симпатиях к Хомякову, которого Б. считает беспринципным фразером, «изящным, образованным, умным И. А. Хлестаковым» (*Б,* XII, 130—131). Письмо Герцена не сохранилось.

Февраля 6. Письмо Б. к Боткину. Б. «со страхом и ужасом» начинает сознавать, что изнуряющая его журнальная работа не дает ему никакого удовлетворения. В определившихся цензурно-полицейских условиях нельзя писать «ничего и ни о чем». В статье «Русская литература в 1842 г.» вырезано «все лучшее» — «целый печатный лист». Принимаясь за вторую статью о Державине, Б. заранее знает, что «ее всю изрежут и исковеркают». Б. шутит над тем, что он «Прометей в карикатуре»: «Отечественные записки» — моя скала, Краевский — мой коршун. Мозг мой сохнет, способности тупеют». Б. признается, что его очень тянет в Премухино, но журнальные обязательства и безденежье (у него уже свыше 1500 руб. неотложных долгов) не позволяют и мечтать об этой поездке. Б. делится с Боткиным своими впечатлениями от встреч с Катковым, от статьи и письма Герцена. Во второй статье Боткина в «Отечественных записках» о немецкой литературе Б. не удовлетворен его недостаточно критическим отношением к Рётшеру (см. апреля 3). Пересылая Боткину цюрихское письмо Бакунина (см. января 23), Б. заявляет, что пробудившаяся в нем любовь к Бакунину-революционеру — «не страсть, а пафос, ибо это любовь к человеческому достоинству и ко всему, чем велика и свята жизнь» (*Б,* XII, 128—133).

Февраля 6. Булгарин, отмечая в «Северной пчеле» выход в свет своих «Очерков русских нравов», просит «Отечественные записки» с братией, чтоб его порядочно разбранили». Как автор, он «бо́льшей услуги не требует! Эта брань — паспорт для свободного плавания и для полного успеха» (*СП,* 1843, № 29). См. отклик на это в «Литературной газете», 1843, № 7.

Февраля около 10. Письмо Б. к Герцену (не сохранилось). Под впечатлением этого письма Герцен отмечает в своем дневнике: «Б. глубоко страдает, беспокойный дух его мечется, ломает себя». Герцен полагает, что положение Б. обостряется «недостатком близких людей, одиночеством, на которое его обрек Петербург» (*Герцен,* II, 266).

Февраля 13. Булгарин в «Северной пчеле» полемизирует с рецензией Б. на «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого» (*СП,* 1843, № 35).

Февраля около 15. Б. знакомится с И. С. Тургеневым. Их «сводит» П. В. Зиновьев, приятель Бакуниных, недавно возвратившийся из-за границы (*Б*, XII, 139). См. апреля 3, а также 1841, ноября 26.

Февраля 16. Цензур. разреш. романа Л. Бранта «Жизнь, как она есть». В третьей его части дана памфлетная характеристика Белинского, Краевского, Панаева и Сенковского, выведенных под именами «парижских журналистов» (*«Жизнь, как она есть»*, ч. III, гл. 27, 121 и 123). См. отклик Б. в «Отечественных записках», 1844, № 2.

Февраля 22. Б. получает второе письмо от Бакуниных из Премухина (*Б*, XII, 133). См. 1842, декабря около 15.

Февраля 23. Б., отвечая Н. А. Бакунину и его сестрам на их два последних письма, объясняет свое затянувшееся молчание отчаянием из-за невозможности побывать в Премухине, прошлогоднее пребывание в котором Б. вспоминает, как «блаженный сон». Жалуясь на то, что он не может даже «на пять дней отлучиться от журнала», Б. замечает, что он и прежде работал много, но его работа не была ему в тягость, потому что в ней он «видел дело (и очень важное)», а сейчас эта же работа кажется ему «вздором и глупостью» (см. февраля 6). Б. рассказывает о своем недавнем знакомстве с Тургеневым, скорбит по поводу неправильного отношения Н. А. Бакунина к Боткину и просит разрешения у Т. А. Бакуниной подарить ей альбом «Les femmes de Georges Sand» (*Б*, XII, 133—140).

Февраля 28. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 3. В отделе «Критика» вторая статья Б. о «Сочинениях Державина». Рецензии Б.: «Повести и рассказы Н. Кукольника»; «Статейки в стихах <Н. Некрасова и Н. Куликова>, т. I». В «Литературных и журнальных заметках» полемика Б. с «Северной пчелой» и «Маяком». В разделе «Русский театр» рецензия на драматическую повесть Н. Полевого «Ломоносов». В этом же номере приписываются Б. примечания к поэме Лермонтова «Измаил-бей» (*ЛН*, т. 55, 364) и рецензии: 1. «Еще Руслан и Людмила, или Новый дом сумасшедших. Водевиль Н. Акселя»; 2. «Камилла, или Сестра и брат. Комедия Скриба и Баярда, перев. П. С. Федорова»; 3. «Любовные проказы, или Ночь после бала. Комедия П. И. Григорьева и А. Б.»; 4. «Час в тюрьме, или Еще в чужом пиру похмелье. Водевиль Д. Ленского» (*БС*, XIII, 112—114). Статья и рецензии опубликованы без подписи.

Полемизируя во второй статье о «Сочинениях Державина», с одной стороны со славянофилами, а с другой — с пессимистической концепцией русского исторического процесса, развиваемой в письмах Чаадаева, Б. формулирует свои мысли

о России, как «стране будущего»: «Россия, в лице образованных людей своего общества, носит в душе своей непобедимое предчувствие величности своего назначения, величности своего будущего. И не увлекаясь ни детскими фантазиями, ни ложным патриотизмом, можно сказать смело, что есть факты, превращающие это предчувствие в убеждение. Все великие народы имели своих великих представителей или в исторических, или в мифических лицах <. . .> Петр был полным выражением русского духа, и если бы между его натурою и натурою русского народа не было кровного родства, — его преобразования, как индивидуальное дело сильного средствами и волею человека, не имели бы успеха. Но Русь неуклонно идет по пути, указанному ей творцом ее. Петр выразил собою великую идею самоотрицания случайного и произвольного в пользу необходимого, грубых форм ложно развивавшейся народности в пользу разумного содержания национальной жизни. Этою высокою способностию самоотрицания обладают только великие люди и великие народы, и ею-то русское племя возвысилось над всеми славянскими племенами; в ней-то и заключается источник его настоящего могущества и будущего величия» (*Б,* VI, 618—619). Статья эта подверглась большим искажениям в цензуре (*Б,* XII, 151).

Марта около 3. Б. высоко оценивает прочитанную им в «Отечественных записках» статью Герцена «Дилетанты-романтики», хотя и сетует на то, что в ней еще «не всё сказано» (*Б,* XII, 148).

Марта 8. Булгарин в «Северной пчеле» протестует против статьи Б. о «Сочинениях Державина» (*СП,* 1843, № 52).

Марта 8. Б., объясняя в письме к А. А. и Т. А. Бакуниным, почему такие люди, как он, всегда несчастны, мотивирует свои личные неудачи не только особенностями своей «страстной натуры», но и общественным строем, в котором «всё человеческое является без всякой связи с действительностию, которая дика, грязна, бессмысленна, но на стороне которой еще долго будет право силы». Под впечатлением только что прочитанной им в «Отечественных записках» статьи «Гете и графиня Штольберг» Б. признается в своей антипатии к Гете, к его эгоизму и самолюбованию, бездушно попирающему все «святое и великое жизни». Отвергая «Эгмонта» и определяя «Германа и Доротею» как «отвратительную пошлость», Б. противопоставляет Гёте «святую натуру и великую душу Шиллера, закаленную в огне древней гражданственности». Радуясь примирению всех Бакуниных с Боткиным (см. выше стр. 348), Б. поздравляет Н. А. с женитьбою и не скрывает, что сам он до сих пор не может отказаться от надежд на личное счастье, несмотря на то, что несбыточность последнего ясна для него «математически» (*Б,* XII, 140—147).

Марта 9. Б., негодуя в письме к Боткину из-за неполучения ответа на свое письмо от 6 февраля, опасается, что последнее могло не дойти до адресата. Эти сомнения остаются в силе и после письма Боткина к Б., привезенного из Москвы Н. Н. Тютчевым. Тревога Б. имела тем большие основания, что Боткин долго не подтверждал получения нелегального письма Бакунина, пересланного ему в том же пакете (*Б*, XII, 147—149).

Марта 9. Б. в письме к Д. П. Иванову просит ускорить оформление в Пензе документов о правах Б. на дворянство (см. 1842, ноября 6—7). Б. сообщает свой новый адрес: «На Невском проспекте, у Аничкина моста, в доме Лопатина, квартира № 48» (*Б,* XII, 149).

Марта 13. Булгарин в «Северной пчеле» возмущается «пошлой бранью» по его адресу в «каждой книжке» «Отечественных записок» (*СП,* 1843, № 57).

Марта 15. Цензур. разреш. брошюры А. Я. Кульчицкого «Некоторые важные и полезные истины об игре в преферанс, приведенные в систему кандидатом философии П. Ремизовым» (*РС,* 1908, V, 200). Б. был дружески расположен к автору этой брошюры и весьма положительно ее расценивал (*Б,* XII, 154). См. марта около 30.

Марта 17. Б. посетил П. А. Плетнева и «с торжеством прочитал» стихотворный памфлет на Булгарина и Греча «Братья-разбойники» (*Переписка Грота с Плетневым,* II, 38).

Марта около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 4. В номере рецензии Б.: «Драмат. сочин. и переводы Н. Полевого»; «Физиология женатого человека. Соч. Поль де Кока»; «Записки покойного Колечкина <Соч. Ф. Дершау>»; «Путевые записки по России. Мих. Жданова»; «Некоторые великие и полезные истины об игре в преферанс <А. Я. Кульчицкого>». Библиографические и журнальные известия: «О новых стихотворениях Лермонтова»; «О новом переводе Данте». Литературные и журнальные заметки: ответы «Библиотеке для чтения», «Северной пчеле» и «Маяку». В этом же номере Б. приписываются рецензии: «Увраж. Стих. К. Скосырева»; «Сельские беседы» (*БС,* XII, 542—543). Публикации, заметки и рецензии без подписи.

Марта 30. Боткин посылает Б. через Галахова, едущего в Петербург, несколько строк о своих личных делах (*ЛМ,* II, 183).

Марта 31. Б. в письме к Боткину говорит о своем сближении с Тургеневым: «В нем есть злость и желчь, и юмор, он глубоко понимает Москву и так воспроизводит ее, что я пьянею от удовольствия». От Тургенева и Зиновьева Б. узнает

подробности о жизни Бакунина за границей и о возвращении в Россию его старшей сестры В. А. Дьяковой (*Б,* XII, 150—151). Окончание письма см. апреля 3.

Апреля около 1. Б., в поисках дополнительного литературного заработка, принимает предложение Некрасова о совместном издании популярной книжки по мифологии (*Б,* XII, 154). Проект этот остался неосуществленным.

Апреля около 3. Б. дочитывает первую часть книги Луи Блана «Histoire de dix ans», посвященной истории революции 1830 г. и первому десятилетию буржуазной диктатуры во Франции (*Б,* XII, 154; *П. Анненков,* 304). См. июня 23. Впечатления от этой книги, явившейся для Б. «откровением», получили отражение в его статье о «Парижских тайнах» Е. Сю. См. 1844, марта 30.

Апреля 3. Б. на вечере у А. С. Комарова встречается с Тургеневым. Б. с удовольствием подчеркивает, что Тургенев «понимает Русь» и что «во всех его суждениях виден характер и действительность» (*Б,* XII, 152 и 154). См. марта 31.

Апреля 3. Б., получив записку Боткина от 30 марта, привезенную Галаховым, дописывает свое письмо, начатое 31 марта. Б. высоко оценивает только что прочитанную им в «Отечественных записках» статью Боткина о «Письмах из Парижа» Карла Гуцкова, с презрением характеризует последнего как «гнилую филистерскую сосиску» и надеется, что Боткин когда-нибудь так же «отделает» Рётшера («немецкого Шевырева»). Б. признается, что ему очень тяжело «быть среди людей, которые или во всем соглашаются с ним, или если противоречат, то не доказательствами, а чувствами и инстинктом». Иронически упоминая в связи с этим об А. С. Комарове, Панаеве и М. А. Языкове, Б. противопоставляет им Тургенева, как человека, «самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, извлекает искры». Б. возмущен намерением Грановского дать статью в «Москвитянин». Посылая ходящий по рукам памфлет на Булгарина и Греча «Братья-разбойники», Б. просит распространить его в Москве (*Б,* XII, 151—155).

Апреля 3. Булгарин в «Северной пчеле» негодует на «союз трех журналов»: «Отечественные записки», «Литературная газета» и «Москвитянин», «принадлежащих к одной литературной партии» и унижающих поэтому писателей, «чуждающихся всего общего с ними» (*СП,* 1843, № 74).

Апреля около 10. Письмо Б. к Герцену (до нас не дошло), под впечатлением которого Герцен писал Огареву: «У Б. юмор игрока, который видит, что дело идет плохо; от его юмору горло захватывает, в слезе его злая ирония и в иронии горькие слезы; он беснуется озлобленный, желчный». Герцен передает

высокую оценку в письме Б. его статьи «Дилетантизм и наука» (*ГЛ*, III, 238; *ср. Герцен*, II, 276).

Апреля около 15. Б. в записке к Тургеневу, уезжающему в Москву, выражает сожаление, что ему не удалось еще раз побеседовать с ним перед его отъездом. Пересылая через Тургенева в Премухино свое письмо и «тетради», Б. просит доставить их «по надписанию» (*Б*, XII, 157). Письмо Б. к Бакуниным не сохранилось.

Апреля 17. Б., отвечая на не дошедшее до нас письмо Боткина, полагает, что «отличительный характер любви действительной состоит в том, что любишь <самый> предмет любви, а не любовь свою» со всею «мистикою ее ощущений». Б. жалуется на свое болезненное состояние и полагает, что только поездка в Москву может оживить его «физически и нравственно». Б. надеется, что ему удастся достать деньги или в счет какой-нибудь литературной работы, или «взаймы на вексель». Об этом хлопочет Некрасов (*Б*, XII, 155—157). См. апреля 30.

Апреля около 20. Б., работая над рецензией на поэму Тургенева «Параша», заканчивает свой разбор пожеланием, чтобы эта первая встреча читателей с молодым автором «превратилась в знакомство продолжительное и прочное» (*Б*, VII, 80). См. апреля 30.

Апреля 26. Б. был в Александринском театре, где в бенефис режиссера Н. И. Куликова поставлены были «Игроки» Гоголя, сцена «Заложение Санкт-Петербурга» и комедия «Проказы барышень на Черной речке» П. Федорова. (*«Репертуар и Пантеон»*, 1843, 5, IV—V; *БС*, XIII, 115—116). См. апреля 30.

Апреля 28. Б. слушал Рубини в опере «Лючия Ламмермур». С Б. в театре были Панаевы, Кавелин и Н. Н. Тютчев (*Б*, XII, 158; *Кавелин*, 1091). Впечатления от пения Рубини были так сильны, что 30 апреля Б. вновь слушал его в «Лючии».

Апреля 30. Б. в письме к Боткину осведомляет его о том, что Некрасов денег не достал, а потому поездка на лето в Москву едва ли состоится. На вопрос Боткина о Бартеневе (см. 1842, апреля около 15) Б. отвечает, что перестал с ним встречаться, так как, несмотря на свои «ум и благородство», Бартенев «самолюбив до комизма» и очень «отстал» (*Б*, XII, 158).

Апреля 30. Письмо Б. к Герцену, которое до нас не дошло (*Б*, XII, 158). См. мая 15.

Апреля 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 5. В отделе «Критика» статья Б. об «Истории Малороссии» Н. Маркевича. Рецензии Б.: «Параша. Рассказ в стихах

Т. Л. <Тургенева>»; «Физиология театров в Париже и в провинциях. Соч. Куайляка»; «Физиология вивера (любителя наслаждений). Д. Руссо»; «Книга судьбы»; «Петербургский театрал. Куплеты В. З<отова>». В «Театральной летописи» рецензии Б.: «Игроки. Н. Гоголя»; «Заложение Санкт-Петербурга»; «Проказы барышень на Черной речке. П. Федорова», В «Литературных и журнальных заметках» полемика Б. с «Северной пчелой». Статьи и рецензии без подписи Б.

В статье об «Истории Малороссии» Н. Маркевича Б. формулирует свое понимание взаимоотношения «национальной индивидуальности» с «великой идеей человечества»: «Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми. И недалеко уже время, когда исчезнут мелкие, эгоистические расчеты так называемой политики и народы обнимутся братски при торжественном блеске солнца разума и раздадутся гимны примирения ликующей земли с умилостивленным небом! Если настоящее историческое положение так резко противоречит этой картине и представляет ее несбыточною мечтою разгоряченной фантазии, то для умов мыслящих и способных проникать в сущность вещей это настоящее историческое положение человечества, как ни безотрадно оно, представляет все элементы и все данные, на основании которых самые смелые мечты в настоящем становятся в будущем самою положительною действительностью» (*Б,* VII, 45—46). В этой же статье Б. популяризирует установочные положения брошюры Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение», известные ему из статьи Боткина «Германская литература в 1842 г.»: «В лице Гегеля философия достигла высшего своего развития, но вместе с ним же она и кончилась как знание таинственное и чуждое жизни: возмужавшая и окрепшая, отныне философия возвращается в жизнь, от докучного шума которой некогда принуждена была удалиться, чтоб наедине и в тиши познать самое себя. Начало этого благодатного примирения философии с практикою совершилось в левой стороне нынешнего гегелианизма. Примирение это обнаружилось и жизненностью вопросов, которые занимают теперь философию, и тем, что она оставляет понемногу свой тяжелый схоластический язык, доступный одним адептам ее, и тем, что она воз-

будила против себя ожесточенных врагов уже не в одних школах и в книгах» (*Б,* VII, 50).

Мая 1. Письмо к Б. от брата Никанора из г. Гори с жалобами на тяжелые условия полковой жизни и с просьбой о присылке книг (*ЛН,* т. 57, 228).

Мая около 5. Б. начинает «длинное-предлинное» письмо к Боткину, «каждый день прибавляя к нему по нескольку строк» (*Б,* XII, 158). Письмо это осталось недописанным и до нас не дошло.

Мая 8. Булгарин в «Северной пчеле» иронизирует по поводу статей «г. Белинского — великого философа, метафизика, драматурга и критика» (*СП,* 1843, № 101).

Мая 10. Утром у Б. был П. А. Плетнев (*Переписка Грота с Плетневым,* II, 79).

Май 10—11. Б. в письме к Боткину горячо благодарит за приглашение на лето в Москву и за деньги на эту поездку: «Душа моя угнетена трудом, заботою и тоскою — мне нужен отдых, свобода, бездействие» (*Б,* XII, 158—162).

Мая 15. Герцен, под впечатлением не дошедшего до нас письма Б., отмечает в своем дневнике, что Б. скоро должен быть в Москве. Ожидая его с большим нетерпением, Герцен признается, что, несмотря на то, что отношения их «по внешности» не являются еще особенно близкими, они «много понимают друг друга»: «И я люблю его резкую односторонность, всегда полную энергии и бесстрашную». В письме Б. Герцена очень тронула его высокая оценка обаяния Н. А. Герцен (*Герцен,* II, 282).

Мая 17. Герцен в письме к Краевскому просит о выдаче Б. 150 рублей, которые обещает «верой и правдой отслужить» своим участием в «Отечественных записках» (*ГЛ,* III, 242).

Мая 18. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 5. Шевырев в рецензии на «Полную русскую хрестоматию» Галахова с раздражением поминает «безыменных наездников одного из петербургских журналов, посягающих на все славное в нашей литературе» (*М*, 1843, № 5, 238). См. июля 17.

Мая около 20. Б., приступая к работе над статьями о «Сочинениях А. Пушкина», предполагает связать их, — с одной стороны, с недавно опубликованной статьей о Державине, с другой — с давно задуманными разборами сочинений Гоголя и Лермонтова. Цикл этих статей должен будет составить ту «критическую историю изящной литературы русской», замысел которой родился еще в 1841 г. (*Б,* VII, 106—107). См. 1842, апрель-май.

Мая около 20. Б. заключает соглашение о переезде с осени в новую квартиру (Невский, 47), в том же доме Лопатина, где он и жил (*Б,* XII, 163—174). В этой квартире, которую занимал прежде Краевский, Б. остается до января 1846 г.

Мая 21. А. В. Никитенко отмечает в своем дневнике: «На днях у меня был Б. Он умен. Замечания его часто верны, умны и остроумны, но проникнуты горечью» (*А. Никитенко,* 268).

Мая 22. Булгарин в «Северной пчеле» негодует на «партийность» журнальной критики и на ее пагубные тенденции к развенчиванию признанных авторитетов, в результате чего: «г. Гоголь ставится выше М. Н. Загоскина» (*СП*, 1843, № 112).

Мая 24. Б. в письме к Боткину благодарит его и Герцена за дружескую помощь: Краевский, по просьбе Герцена, выдал ему 350 р., и он уже взял место в почтовой карете на 2 июня. Б. «пьян от радости», предвкушая свое появление в Москве и в Премухине. Б. получил (не дошедшее до нас) письмо от Лангера (*Б,* XII, 163—164).

Мая 24. Б. извещает Н. А. Бакунина о своем приезде 4 июня в Премухино (*Б*, XII, 162).

Мая 30? Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 6. В отделе «Критика» первая статья Б. «Сочинения Александра Пушкина». <Обозрение русской литературы от Державина до Пушкина>. Рецензии: «Молодик, украинский литературный сборник, изд. И. Бецким»; «Казаки, повесть А. Кузьмича». В этом же номере театральные рецензии, приписываемые Б.: «Записки демона, комедия Э. Араго и П. Вермона»; «Солдат и сержант. Комедия, перев. с франц.»; «Пароход. Водевиль А. И. П.» (*БС,* XIII, 116—117). Статья и рецензии без подписи.

Июня 1. Б. в письме к брату Никанору выражает сожаление, что своевременно не учел всех трудностей, связанных со службой на Кавказе (*ЛН,* т. 57, 229—230). Письмо это не сохранилось.

Июня 2. Б. утром выехал из Петербурга в Москву (*Б,* XII, 163), договорившись с Краевским, что заменять его будут в «Отечественных записках» Некрасов и Сорокин (*там же,* 165).

Июня 4. Б. на пути в Москву останавливается на несколько дней у Бакуниных в Премухине (*Б,* XII, 163—164).

Июня около 10. Б., приехав в Москву, поселился у Боткина, на Маросейке (*Б,* XII, 164). Вскоре после своего приезда Б. встретился с Кетчером, Грановским, Кудрявцевым, Галаховым, М. С. Щепкиным и его сыновьями, Коршем, Крюковым, Клюш-

никовым и другими старыми своими друзьями (*Б,* XII, 164—167; *БЛ,* II, 433—435). В Сокольниках на даче Б. навещает М. В. Орлову, недавно оправившуюся от болезни (*Клеман,* 362). См. 1842, апреля 22.

Июня около 15. Выход в свет в Париже книги маркиза А. Кюстина «La Russie en 1839», которую Герцен признал «самой занимательной и умной книгой, написанной о России иностранцем» (*Герцен,* II, 311—315; *М. Лемке,* 143). Б. познакомился с этой запрещенной в России книгой не раньше осени 1843 г.

Июня 18. К. А. Беер в письме к Бакуниным радуется их встрече с Б., для которого «эти минуты, верно, были отрадой, минутами такой чистой, беспримесной, легкой радости, которой он давно не испытывал» (*А. Корнилов,* II, 267).

Июня около 20. Тургенев пересылает Б. из Петербурга рукопись своей драмы «Неосторожность» и несколько стихотворений. Одно из них («Толпа») посвящено Белинскому (*Б,* XII, 164 и 168; *Тургенев,* XI, 206). См. июля 8 и 16.

Июня 23. Герцен, подводя итоги своим впечатлениям от первых трех томов «Истории десяти лет» Луи Блана, полагает, что для передовых умов сейчас стала несомненной «необходимость социального переворота»: «Изменение права собственности, коммунальная жизнь, организация работ — вопросы, занимающие всех, видящих далее носа, нелепость случайного и нелепого распределения такого важного орудия, как богатство, нелепость гражданского порядка, приносящего на жертву огромное большинство, невозможность равенства при таком устройстве — все это стало очевидным» (*Герцен,* II, 289). Именно эта проблематика явилась, видимо, основным предметом дружеских обсуждений во время пребывания Б. у Герцена. См. июня 30 и апреля около 3.

Июня 25. В. А. Косиковский, богатый петербургский домовладелец, с которым Б. встречался у А. С. Комарова и Панаева, в письме к Б. просит дать согласие на совместную поездку за границу, сроком на два года. Все расходы Косиковский принимает на себя, подчеркивая, что согласие Б. он примет как большое одолжение, так как Б. «богат познаниями», особенно им ценимыми (*Бик,* 89—90). См. июля 10 и 22.

Июня 26. Б., посылая Краевскому два стихотворения Тургенева и обещая скоро прислать в «Отечественные записки» его же драму, выражает готовность рецензировать стихотворения Милькеева и другие московские издания. Б. удовлетворен своей работой над «статьею» <вторая статья о Пуш-

кине?> и с нетерпением ждет от Краевского денег, которые ему сейчас особенно нужны (*Б*, XII, 164—165).

Июня 30. Герцен отмечает в своем дневнике, что в Покровском у него гостили Белинский, Боткин, Грановские: «Б. не переменился ни на волос, вечно в экстреме, но глубоко вникающий и симпатичный с одной стороны, резкий до цинизма в словах, но верный в смелости и не трус, конечно, в консеквентности» (*Герцен*, II, 289—291).

Июня 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 7. Рецензии Б.: «Повести Ивана Гудошника, собранные Н. Полевым»; «Князь Курбский. Историч. ром. Б. Федорова»; «Мысли Паскаля. Перев. Ив. Бутковского»; «История Государства Российского. Соч. Н. Карамзина, кн. III». Все рецензии без подписи Б. *.

Июля 1. Цензур. разреш. десятого тома «Маяка». В разделе «Славянские литературные новости» сообщается о публикации в «Jahrbücher für slavische Litteratur» статьи «Русский театр в Петербурге», в которой Александринский театр защищается «от легкомысленной критики «Отечественных записок» (*«Маяк»*, X, отд. V, 2—3). См. сентября 1.

Июля 8. Б., отвечая на не дошедшее до нас письмо Тургенева, высоко оценивает полученную от него комедию «Неосторожность», сетует, что Тургенев прислал слишком мало своих новых стихотворений и радуется успеху в Москве поэмы «Параша» (*Б*, XII, 168).

Июля 8. Б. в письме к Краевскому благодарит его за деньги и за письмо (до нас не дошедшее). Посылая в «Отечественные записки» рукопись «Неосторожности» Тургенева и статью В. И. Соколовского, доставленную Грановским, Б. рекомендует для журнала неизданные работы Ю. И. Венелина по русской истории. Б. протестует против утверждения Краевского о том, что «Некрасов, Сорокин и прочая голодная братия» работают за него в «Отечественных записках». Б. готовит разборы московских изданий и ждет для рецензирования книги из Петербурга. Б. информирует Краевского о предложении Косиковского, под впечатлением которого он «часа два был в лихорадке», но от которого все же решил отказаться (*Б*, XII, 165—167). См. июля 22.

Июля 9. Письмо Б. от брата Никанора, который умоляет о содействии переводу его из Грузии в какой-нибудь из полков, расположенных в центральных губерниях (*ЛН*, т. 57, 229—230).

Июля 10? Б. в письме к В. А. Косиковскому отказывается от его предложения о совместной поездке за границу (*Бик*, 98). Письмо Б. не сохранилось.

Июля около 15. Б. получает согласие М. В. Орловой стать его женою. Свои настроения этой поры он определяет в письме к Краевскому: «Жизнь не дается человеку два раза, и человеку простительно забыться в ней хоть на первую минуту» (*Б,* XII, 170).

Июля 16. Краевский в письме к Б. рекомендует не отказываться от предложения Косиковского, так как поездка за границу позволит Б. работать после возвращения «с большею уверенностию» в правильности своих позиций. Краевский подтверждает получение от Б. стихотворения «Толпа» Тургенева, но сомневается в его цензурности и полагает, что посвящение его Б. может «бросить тень» на последнего (*Бик,* 97—99).

Июля 17. Выход в свет запоздавшей на полтора месяца шестой книжки «Москвитянина», в которой помещено окончание статьи Шевырева о «Полной русской хрестоматии» А. Д. Галахова (*Б,* VII, 621). Б. откликается на эту статью памфлетной характеристикой отсталости и слепоты Шевырева, как литературного критика. См. «Несколько слов Москвитянину» (*Б,* VII, 621—630).

Июля 22. Б., объясняя в письме к Краевскому мотивы своего отказа от поездки за границу, утверждает, что решение это вызвано, во-первых, его «нравственными» обязательствами по отношению к «Отечественным запискам», а, во-вторых, некоторыми обстоятельствами личного порядка, о которых он сообщит после своего возвращения. Б. посылает Краевскому свой ответ Шевыреву (см. июля 17), а статью <о Пушкине?> обещает выслать «к 10 августа» (*Б,* XII, 168—170).

Июля 27? Краевский, отвечая на письмо Б. от 22 июля, просит осведомить его более определенно о той «новой причине», которая окончательно определила отказ Б. от поездки за границу. Краевский с нетерпением ждет возвращения Б. и рассчитывает в ближайшее же время получить от него рецензию на сочинения Е. Ган и на роман Классена «Ольский» (*Бик,* 99—100).

Июля 30? Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 8. Рецензии Б.: «Стихотворения Милькеева»; «Странствователь по суше и морям <Е. П. Ковалевского>»; «Русская грамматика для русских. В. Половцева»; «Драгоценный подарок детям, или Русская азбука»; «Сказка о Мельнике-Колдуне. Соч. Е. Алипанова»; «Средство выдавать дочерей замуж. Рассказ П. Машкова». В «Литературных и журнальных заметках» ответ Б. на статью Шевырева о «Полной русской хрестоматии» Галахова; в «Библиографических и журнальных известиях» его же заметки о реорганизации «Русского инвалида» и о выходе в свет «Сочинения Зенеиды Р—вой» (Е. А. Ган). Рецензии и заметки даны без подписи Б.

Июль? А. А. Бакунина в письме к Б. предлагает перевести для «Отечественных записок» роман Жорж Санд «Консуэло». Через К. А. Беера Б. сообщает ей, что роман этот уже переведен для журнала, но Краевский не решается его печатать (*Б*, XII, 170—171).

Июль—август. Б. большую часть свободного времени проводит в Сокольниках у М. В. Орловой (*Б*, XII, 171—172, 177). В эту же пору Б. возвращается к мысли о «Критическом курсе русской литературы» (см. 1842, октября 31), издание которого могло бы обеспечить его материально (*Б*, XII, 184).

Августа 2. Краевский в письме к Б. просит о присылке рецензий на «Историю генералиссимуса А. В. Суворова» Н. Полевого, на «Историю Петра Великого» Н. Ламбина и на отправленные ему из Петербурга повести Е. А. Ган (*Бик*, 100—101).

Августа 6. Б. подписывает доверенность Н. П. Иванову на получение в Пензе документов об утверждении Б. в дворянском звании (*PC*, 1899, IV, 20). См. октября 1.

Августа 10. Б. обедал у Боткина с Герценом (*ГЛ*, III, 267).

Августа 12. Б. оформляет в Московской гражданской палате свою доверенность Н. П. Иванову (*ВГБП*, 244).

Августа около 20. Б. прочел запрещенный в России роман Жорж Санд «Le Compagnon du Tour de France» и признает его «божественным произведением» (*Б*, XII, 171).

Августа 20. Б. расстается с Боткиным, выехавшим в Петербург (*Б*, XII, 170).

Августа 24. Б. в письме к Н. А. Бакунину уведомляет друзей о невозможности заехать в Премухино, так как в Москве ему пришлось задержаться для окончания статьи о Пушкине, а в Петербурге его ждут неотложные дела в «Отечественных записках». Все, что нужно для пересылки через Боткина за границу М. А. Бакунину, Б. просит доставить в Торжок к 27 августа. Б. просит извинения у В. А. Дьяковой за задержку портрета Станкевича, копию с которого Горбунов еще не успел сделать (*Б*, XII, 170—171).

Августа 25. Б. днем посетил Щепкиных. Вечером у Б. были А. Д. Галахов и П. Н. Кудрявцев (Б, XII, 172).

Августа 26. Б. дважды был у Е. Ф. Корша, жене и сестре которого открыл свое «сердечное состояние» (*Б*, XII, 172).

Августа 27. Б. Выехал из Москвы в Петербург. Вместе с ним в дилижансе были М. А. Языков с женою и А. И. Клыков (*Б*, XII, 172).

Августа 30. Б. вечером приехал в Петербург, застав в своей квартире Боткина (*Б,* XII, 173). См. сентября 4.

Августа 31. Б. виделся к Краевским, который тронул его своим участием (*Б,* XII, 174).

Августа 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 9. В отделе «Критика» вторая статья Б. о «Сочинениях Александра Пушкина (Карамзин и его заслуги. Карамзинский период русской литературы: Дмитриев, Крылов, Озеров, Жуковский и Батюшков. Значение романтизма и его историческое развитие)». В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «История похода 1815 года. Соч. фон. Дамица»; «Библиотека хозяйственных и коммерческих знаний». В этом же номере рецензии, приписываемые Б.: 1. «Исповедь»; 2. «Сокращенный Робинзон»; 3. «Как аукнется, так и откликнется. Соч. П. М<ашкова>» (см. *БВ,* VIII, 288; *БС,* XII, 546—547). Статья и рецензии опубликованы без подписи Б.

В статье о Пушкине, говоря о его предшественниках и имея в виду Радищева и Карамзина, Белинский утверждал: «Есть два рода деятелей на всяком поприще: одни своими делами творят новую эпоху, действуют на будущее; другие действуют в настоящем и для настоящего. Первые бывают не признанны, не поняты, не оценены и часто даже гонимы и ненавидимы своими современниками; их апофеоза создается в будущем, когда уже самые кости их истлеют в могилах; вторые — всегда любимцы и властелины своего времени, но, уважённые, превознесенные и счастливые при жизни своей, они получают уже совсем не то значение после их смерти, а иногда и переживают свою славу. Без сомнения, первые выше вторых, ибо это натуры великие и гениальные, тогда как вторые — только сильно и ярко даровитые натуры. Первые, если они действуют на литературном поприще, завещевают потомству творения вечные, неумирающие; вторые — пишут для своих современников, и их произведения для будущих поколений получают уже не безусловное, но только историческое значение, как памятник известной эпохи. К числу деятелей второго разряда принадлежит Карамзин» (*Б,* VII, стр. 135—136). Имя Радищева, как деятеля «первого разряда», по цензурным условиям, осталось неназванным (*Н. Мордовченко,* 187).

Сентября 1. Гоголь, откликаясь в письме к Шевыреву на последние отзывы о себе в печати, находит, что «Б. смешон». Гоголь особенно негодует по поводу суждений Б. о повести «Рим» (*Гоголь,* XII, 210—211).

Сентября 1. Цензур. разреш. «Маяка», т. XI. В разделе «Славянские литературные новости» точно цитируется отрицательный отзыв в «Jahrbücher für slavische Litteratur» о статьях

«Отечественных записок» об Александринском театре (*«Маяк»*, XI, отд. V, 64). См. июля 1.

Сентября 3. Б. в письме к М. В. Орловой рассказывает о последних днях своего пребывания в Москве и о первых впечатлениях в Петербурге. Б. признается, что, несмотря на лихорадку, захваченную им в пути, он уже «не способен чувствовать ни болезни, ни здоровья»: «Я разорван пополам и чувствую, что недостает целой половины меня самого, что жизнь моя неполна и что я тогда только буду жить, когда вы будете со мной, подле меня» (*Б,* XII, 171—175).

Сентября 4. Б. провожает до Кронштадта Боткина, уезжающего со своею женою Арманс Рульяр на несколько лет за границу (*Б,* XII, 176).

Сентября 7—8. Б. в письме к М. В. Орловой пытается отдать отчет в своих чувствах: «Мысль о Вас делает меня счастливым, и я несчастен моим счастием, ибо могу только думать о Вас» (*Б,* XII, 175—177).

Сентября 12. Б. обедал у А. А. и М. А. Комаровых, с которыми в эту пору был особенно близок (*Б,* XII, 179).

Сентября 14. Б. в письме к М. В. Орловой подтверждает получение ее первого письма, которое ожидалось им с таким нетерпением, что он даже перестал работать. Б. с удовлетворением отмечает, что его статья в «Отечественных записках» о Пушкине «наделала шуму — все хвалят» (*Б,* XII, 177—181).

Сентября около 16. Письмо Б. к Д. П. Иванову с просьбой ускорить оформление в Пензе необходимых ему документов (*Б,* XII, 193). Письмо не сохранилось. См. октября 1.

Сентября 17. Б. весело проводит вечер у Вержбицких, с недоумением отмечая, что «быть веселым» — это для него совершенно «новое и непривычное» состояние (*Б,* XII, 182).

Сентября 18—20. Б. в письме к М. В. Орловой делится своими соображениями о том, что во всех отношениях было бы проще и целесообразнее обвенчаться им не в Москве, а в Петербурге. Б. горячо оспаривает сомнения, которым предается М. В., говоря о себе в письме к нему, как о «старой, больной, бедной, дурной жене, sauvage <дикой> в обществе и не смыслящей ничего в хозяйстве» (*Б,* XII, 182—190).

Сентября около 20. Б. в рецензии на роман Е. Классена «Провинциальная жизнь» резко выступает против вдохновителей «Москвитянина» (Погодина, Шевырева, Языкова и Хомякова). В этой же рецензии Б. клеймит «рифмованные денонциации» М. А. Дмитриева (*Б,* VII, 636—637).

Сентября 25. Письмо к Б. от брата Никанора с просьбой о деньгах и об ускорении обещанного ему перевода из Грузии в центральную Россию (*ЛН,* т. 57, 230).

Сентября около 25. К. Д. Кавелин, оставив службу в Петербурге, возвращается в Москву (*ВЕ,* 1886, VI, 491).

Сентября 25—29. Б., отвечая на третье письмо М. В. Орловой, выражает огорчение по поводу ее решения писать ему не чаще одного раза в неделю. Б. признается, что, не зная причин ее молчания, он «беспокоился и тосковал», — поэтому и «работа не шла на ум» (*Б,* XII, 190—192).

Сентября 29. Б., заканчивая работу для десятой книжки «Отечественных записок», жалуется, что «устал и душой и телом». От непрерывного писания «правая рука одеревенела и ломит» (*Б,* XII, 192).

Сентября около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 10. В отделе «Критика» третья статья Б. «Сочинения Александра Пушкина (Обзор поэтической деятельности Батюшкова. — Гнедич, его переводы и оригинальные сочинения. — Мерзляков. — Князь Вяземский. — Журналы конца карамзинского периода)». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Сочинения Зенеиды Р—вой <Е. А. Ган>»; «Повести А. Вельтмана»; «Провинциальная жизнь (Ольский). Описат. роман Е. Классена»; «Памятная книжка для молодых людей»; «Притчи и повести, избранные из Круммахера». В отделе «Русский театр в Петербурге»: «Волшебный бочонок, или Сон наяву. Соч. Н. Полевого»; «Полчаса за кулисами. Соч. Н. Полевого»; «Рассказ г-жи Курдюковой об отъезде ее за границу»; «Рецепт для исправления мужей. Водевиль Н. Коровкина»; «Правда — лучший друг царю. Сюжет заимствован из повести Н. Кукольника»; «Невеста реки, или Судья-гений. Водевиль В. Зотова»; «Улица луны, или Возвращение из Африки. Перев. с франц.» (см. *БС,* XIII, 117, 446). В «Литературных и журнальных заметках» Б. полемизирует с «Северной пчелой». Статья и все рецензии даны без подписи Б.

Октября 1. Б. в письме к Д. П. Иванову повторяет просьбу о скорейшей высылке из Пензы необходимых ему документов (*Б,* XII, 193).

Октября 1. Б., отвечая на только что полученное им письмо М. В. Орловой, укоряет ее за отказ приехать для венчания в Петербург, в чем усматривает «покорность обычаям шутовским и подлым» (*Б,* XII, 193—195).

Октября 2. Б. в письме к М. В. Орловой, посылаемом вслед за предыдущим, вновь объясняет причины, которые заставили просить ее приехать для венчания в Петербург. Б. подчерки-

вает, что просьба эта вызвана была не только его журнальными обязательствами и соображениями материального порядка, но прежде всего невозможностью избежать в Москве «шутовских церемоний», связанных со всем свадебным ритуалом. В специальном приложении к этому письму, рассчитанном на родных М. В. Орловой и на ее институтское начальство, Б. мотивирует необходимость приезда ее для венчания в Петербург трудностями своей отлучки из «Отечественных записок» (*Б,* XII, 195—203).

Октября 3. Б. был у Краевского, с которым имел «продолжительный разговор» о делах «Отечественных записок» и о тех осложнениях, которые внес бы в их общую работу отъезд Б. в Москву (*Б,* XII, 204).

Октября 3—4. Б. в письме к М. В. Орловой вновь возвращается к ее письму, от которого он «до сих пор не может опомниться». Б. вновь подчеркивает свое отвращение ко всякого рода условностям и церемониям, к «законам подлой, бессмысленной и презираемой им толпы», подчинение которым считает «трусостью» и «подлостью» (*Б,* XII, 204—208).

Октября 5. Б. был у А. И. Баландина для выяснения вопроса о возможности венчания в церкви Строительного училища, в котором Баландин преподавал (*Б,* XII, 210).

Октября 6. Б. посетил больного Краевского (*Б,* XII, 210).

Октября 7. Б., простудившись «дня два назад», почувствовал себя очень плохо («адский огонь внутри при нестерпимом холоде снаружи»). Врач признал болезнь Б. очень серьезной (*Б,* XII, 210, 215).

Октября 8. Утром Б. получил письмо от М. В. Орловой. Вечером его навестил И. С. Тургенев, с которым Б. «толковал о Байроне и о материях важных» (*Б,* XII, 209—210).

Октября 8. Д. П. Иванов в письме к Б. заверяет, что им приняты все меры для ускорения получения в Пензе необходимых Б. документов (*ЛН,* т. 57, 231).

Октября 9. Б. получил письмо от А. И. Баландина с перечнем документов, нужных для оглашения его предстоящего венчания. Вечером Б. принимал своих друзей (*Б,* XII, 211; *БЛ*, III, 345).

Октября 10. Б., получив письмо от Орловой с извещением о том, что она соглашается с его доводами и готова выехать 15 октября в Петербург, просит ее отложить выезд до 28 октября, так как венчание не может состояться раньше 1 ноября (три «оклика», требуемые церковными правилами, назначены на 17, 24 и 31 октября). Б. заклинает свою невесту не глядеть на жизнь «с мистическим ужасом и подобострастием»:

«смотрите рассудительнее, холоднее и прозаичнее — будет лучше. Жизнь, как и пуля, щадит храброго и бьет труса» (*Б,* XII, 209—212).

Октября около 10. Б. предполагает просить Краевского об округлении получаемого им годового оклада в «Отечественных записках» до 6 тыс. руб. асс. вместо получаемых им 4500 руб. (*Б,* XII, 217). Как свидетельствуют воспоминания Н. Н. Тютчева, Краевский прибавил Б. после его женитьбы только 500 руб. асс. (*БЛ,* III, 446).

Октября 12. Б. получает письмо от М. В. Орловой, в котором она, под давлением своих родных, отказывается от своего согласия приехать для венчания в Петербург. В ответном письме Б., скорбя, что любимая им девушка является «рабою мнений московских кумушек, салопниц и тетушек», доказывает ей, что в ближайшее время приехать в Москву он никак не может (*Б,* XII, 213—219).

Октября 12. Б., едва оправившись от болезни, был у Вержбицких (*Б,* XII, 220—221).

Октября 13. Б. в письме к М. В. Орловой выражает, с большой душевной болью, готовность отложить свадьбу до апреля следующего года, если приезд сейчас в Петербург представляется ей затруднительным (*Б,* XII, 219—224).

Октября 15. Б. в письме к М. В. Орловой горько кается в том, что в своих письмах мог оскорбить ее «грубым и жестким тоном». Б. продолжает, однако, настаивать на невозможности своего приезда сейчас в Москву «по тому же самому, почему часовой не может сойти с своего поста, хотя бы от этого зависело счастие всей его жизни». На предложение М. В. Орловой остановиться в Москве у ее родственников Б. отвечает резким отказом, так как людей, с которыми он «ни в чем не может сойтись» и с которыми он принужден «притворяться, скрывать свой образ мыслей, говорить не то, что думает», он считает «личными врагами» и «ненавидит» их (*Б*, XII, 224—227).

Октября 15. Б. пишет вечером второе письмо к М. В. Орловой в дополнение к тому, которое было отправлено утром. Б. продолжает убеждать М. В. в ошибочности ее отказа приехать в Петербург, ставит ей в пример такую замечательную женщину, как Н. А. Герцен, и умоляет всегда идти «прямою дорогою — дорогою сердца. Ум женщину часто обманывает, сердце — никогда». Б. признается, что «внутренняя мука путает его мысли» и не позволяет работать: «Краевский болен, «Отечественные записки» запущены — у меня ни строки, а уж 15 число» (*Б,* XII, 227—234).

Октября 16. Булгарин в «Северной пчеле», характеризуя критические статьи «Отечественных записок», иронически цитирует некоторые строки второй статьи Б. о «Сочинениях А. Пушкина» (*СП,* 1843, № 232).

Октября 18. Б. в письме к М. В. Орловой признается, что отсутствие вестей от нее и перспектива перенесения свадьбы на весну создает для него «невыносимо тяжелое положение» (*Б*, XII, 234—235).

Октября 20. Б., отвечая на только что полученное письмо М. В. Орловой, умоляет ее о скорейшем приезде, переписка о котором его «изморила всеми смертями». Б. отмечает, что лишь «сию минуту» он отослал Краевскому «три полулистика статьи» для «Отечественных записок», а между тем необходимо в ближайшие же дни не только дописать эту статью, но обеспечить очередной номер и рецензиями на новые книги и заметками о театре (*Б*, XII, 235—237).

Октября 22. Б., сдав в «Отечественные записки» окончание своей статьи о «Соч. Зенеиды Р—вой», беседует с Краевским о своих журнальных и личных делах (*Б,* XII, 240).

Октября 22—23. Б., получив письмо от М. В. Орловой с решительным отказом приехать для венчания в Петербург, уведомляет ее, что готов выехать в Москву, как только достанет деньги. На «все худое» в их переписке Б. хочет смотреть «как на дурной сон, который пророчит хорошую действительность наяву» (*Б,* XII, 237—240).

Октября 25. Б. в письме к М. В. Орловой подтверждает свое решение выехать в ближайшие дни в Москву (*Б,* XII, 240—242).

Октября 27. Утром у Б. был Кетчер, приехавший накануне в Петербург на службу в Медицинский департамент (*ЛН*, т. 62, 101). Весь день, до одиннадцатого часа ночи и до «ломоты в руке», Б. работает над окончанием рецензий для «Отечественных записок», после чего набрасывает коротенькое письмо к М. В. Орловой (*Б,* XII, 242—243).

Октября 27. А. И. Баландин возвращает Б. документы, полученные от последнего для церковного «оглашения» предстоявшего венчания (*Бик,* 34). См. октября 9.

Октября 29. Б. в письме к брату Никанору выражает готовность облегчить его участь «всеми зависящими от него средствами», посылает ему деньги и извещает о своей предстоящей женитьбе (*ЛН,* т. 57, 231—232). Письмо это не сохранилось.

Октября 30. Б., отвечая М. В. Орловой на только что полученное от нее письмо, признается, что он «без ума от радости», узнав о ее решении выехать в Петербург (*Б,* XII, 243).

Октябрь 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 11. В отделе «Критика» статья Б. о «Сочинениях Зенеиды Р—вой» <Е. А. Ган>. Рецензии Б.: «Повести и рассказы. Соч. Н. Кукольника»; «Картинки русских нравов. Кн. V и VI»; «Разные повести»; «Голос за родное. Соч. Ф. Фан-Дима»; «Странствователь по суше и морям <соч. Е. Ковалевского>. Кн. 2»; «Записки удивительного человека. Рассказ П. М<ашкова>»; «Памятник искусств»; «Речь об истинном значении поэзии. А. Метлинского»; «История кн. Суворова-Рымникского. Соч. Н. Полевого»; «История Петра Великого. Соч. Н. Ламбина»; «Полн. собр. соч. Ф. Булгарина. Т. 2, 3, 4». В «Литературных и журнальных заметках» Б. полемизирует с последними фельетонами Булгарина в «Северной пчеле». В разделе «Русский театр в Петербурге»: 1. «Монумент, историч. анекдот Н. Кукольника»; 2. «Генеральша, или Домашние дела, комедия П. Каратыгина»; 3. «Булочная, или Петербургский немец, водевиль П. Каратыгина»; 4. «Демокрит и Гераклит, комедия-водевиль П. Каратыгина»; 5. «Беверлей, или Игрок»; 6. «Волшебное кукареку, или Бабушкина курочка»; 7. «Дядюшка, водевиль»; 8. «Жизнь Мольера, историч. драма, перев. В. Зотова»; 9. «Скапиновы обманы, комедия Мольера, перев. П. Григорьева»; 10. «Женская протекция, или Любовь, дружба и волокитство. Оперетка П. Григорьева»; 11. «Дочь Карла Смелого, драма В. Зотова»; 12. «Женщина-разбойник, водевиль Н. Акселя»; 13. «Жоржетта, комедия П. Григорьева»; 14. «Невеста из провинции, водевиль» (*БС,* XIII, 447—448). Статья, заметки и рецензии без подписи.

Октябрь — ноябрь? Выход в свет комедии в стихах В. Невского «Демон стихотворства», в суждениях и языке одного из персонажей которой (Туманина) автор пытался пародировать стиль писаний Белинского. См. отклик Б. в «Отечественных записках», 1843, № 12 (*Б,* VIII, 27—33).

Ноября 6. Булгарин в «Северной пчеле» возражает на критические замечания Б. в «Отечественных записках № 11 по поводу «Письма Булгарина к Гречу, за границу» (*СП,* 1843, № 250). См. октября 31.

Ноября около 10. Приезд в Петербург М. В. Орловой. См. ноября 12.

Ноября 11. А. И. Баландин в письме к Б. уведомляет его о формальностях, необходимых для совершения обряда венчания (*Бик,* 35).

Ноября 12. Б. утром был у А. Я. Панаевой с просьбой привезти М. В. Орлову в церковь к 12 часам (*А. Панаева,*

111). Б. венчался в церкви Строительного училища на Обуховском проспекте. Свидетелями со стороны жениха были: майор корпуса горных инженеров П. В. Вержбицкий, надворный советник А. А. Комаров, инженер-полковник П. А. Языков; со стороны невесты — Н. Н. Тютчев и А. Я. Кульчицкий (*ВГБП*, 244).

Ноября 13. Булгарин в «Северной пчеле», полемизируя с Б., обращает внимание читателей и начальства на то, что Б. в своей второй статье о Пушкине (*ОЗ*, № 9) утверждает, что Жуковский — «автор народного гимна «Боже царя храни» — не народный поэт! Ай, да умные дети нынешнего времени» (*СП*, 1843, № 256).

Ноября 15. Грановский, откликаясь в письме к Кетчеру на рассуждения Б. о любви и браке в разборе «Сочинений Е. А. Ган», выражает недоумение, зачем Б. «безобразит превосходные статьи цинизмом выражений и дикостью отдельных мыслей» (*Грановский*, 459).

Ноября 16. П. Д. Козловский в письме из Ялты поздравляет Б. с женитьбой, о которой он узнал от В. А. Косиковского (*Бик*, 80).

Ноября 18. Герцен в письме к Кетчеру просит передать Б., что «Погодин, Шевырев, М. Дмитриев etc. работали целый день, чтобы выдумать остроту на «Отечественные записки». Дмитриев не может о Б. говорить без пены у рта» (*ГЛ*, III, 278. Ср. *Грановский*, 459).

Ноября около 20. Встречи Б. с П. В. Анненковым, возвратившимся в Петербург из-за границы (*П. Анненков*, 301—304). См. декабря 6.

Ноября 22. Н. П. Иванов подал в Пензенское дворянское депутатское собрание прошение о выдаче Б. дворянской грамоты (*РС*, 1911, V, 595). См. декабря 23.

Ноября 23. Грановский приступает в Москве к чтению публичных лекций по истории средних веков (*Грановский*, I, 124). См. декабря 2.

Ноября 24. Панаев в письме к Герцену и Огареву сообщает: «Орландо фуриозо женат и упивается семейным счастием. Супруга взяла его в руки. Хорошо ли это, или дурно — предоставляю рассудить вам» (*РМ*, 1892, VII, 97).

Ноября 25. Р. Зотов в «Северной пчеле» полемизирует с «безыменным критиком «Отечественных записок», в каждой книжке журнала с фанатической яростию восстающим на всякое произведение не из его литературной касты» (*СП*, 1843, № 266).

Ноября 25. Попечитель Московского учебного округа гр. С. Г. Строганов имел «длинный разговор» с Герценом об «Отечественных записках», подчеркнув внимание, которое обращено в правительственных кругах на Б., Боткина, Герцена и их друзей (*Герцен,* II, 317).

Ноября около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 12. В отделе «Критика» четвертая статья Б. о «Сочинениях А. Пушкина». Рецензии Б.: «Осада Троице-Сергиевской лавры. Роман Александра С<лавина>»; «Демон стихотворства. Соч. В. Невского»; «Молодик на 1843 г. Украинский литерат. сборник, изд. И. Бецким». В «Литературных и журнальных заметках» Б. полемизирует с Р. Зотовым и Н. Полевым и отвечает Булгарину на его выступление в «защиту» Жуковского. (См. ноября 13.) Статья, рецензии и заметки даны без подписи.

Б., заканчивая разбор лирических стихотворений Пушкина двадцатых годов, предлагает рассматривать четвертую статью о «Сочинениях А. Пушкина» лишь как «Введение в статьи собственно о Пушкине. Мы имели в виду показать историческую связь пушкинской поэзии с поэзиею предшествовавших ему мастеров; старались охарактеризовать Пушкина, как только еще ученика в поэзии. Представляем судить нашим читателям, до какой степени успели мы в этом. Главный труд наш еще впереди, и статьи о Пушкине будут продолжаться в «Отечественных записках» будущего года; за ними последуют, как было обещано, статьи о Гоголе и Лермонтове. Многие, может быть, недовольны, что эти статьи долго тянутся и беспрестанно прерываются статьями посторонними. Такой упрек был бы не совсем основателен. Задуманный и начатый нами ряд статей не принадлежит к разряду обыкновенных и случайных журнальных критик: это скорее обширная критическая история русской поэзии, а такой труд не может быть совершен наскоро и как-нибудь, но требует изучения, обдуманности, труда и времени» (*Б,* VII, 300—301).

Ноябрь — декабрь. Встречи Б. с Кетчером (*Б,* XII, 242; *Герцен,* II, 309). См. октября 27.

Декабря 2. Герцен в письме к Кетчеру поздравляет Б. с «началом фамилизма» и передает ему о «необычайном успехе» публичных лекций, к которым приступил Грановский (*ГЛ*, III, 286).

Декабря 3. В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской сообщает о решении редакции «Москвитянина» воздержаться от публикации «замечаний на Белинского», писанных Шевыревым (*ЛН,* т. 56, 169).

Декабря 4. Н. Г. Белинский в письме к Б. благодарит за денежную помощь и за готовность «облегчить его участь» (*ЛН*, т. 57, 231—232).

Декабря 6. Герцен под впечатлением письма Кетчера и рассказов Анненкова, приехавшего 2 декабря из Петербурга, отмечает: «Б. женился. Кажется, в мире нет человека, менее способного к семейной жизни, несмотря на то, что в груди его гигантская способность любви и даже самоотвержения» (*Герцен*, II, 318).

Декабря около 7. Булгарин в записке на имя председателя СПб. цензурного комитета обращает его внимание на то, что «Отечественные записки» являются органом «партии мартинистов, положившей себе целью ниспровергнуть существующий порядок вещей». Записка эта, как заключающая в себе «формальный донос», препровождена была в III Отделение (*А. Никитенко*, I, 272—274; *Герцен*, II, 325). См. декабря около 20.

Декабря 13. М. Ф. Корш в письме к Кетчеру передает Б. свой «душевный поклон» и желает ему «семейного счастия» (*ЛН*, т. 56, 169).

Декабря 20. Д. П. Иванов в письме к Б. рекомендует для ускорения получения дворянской грамоты лично обратиться к пензенскому губернскому предводителю и секретарю дворянского собрания (*ЛН*, т. 57, 233—234). См. ответ Б. от 12 апреля 1844 г.

Декабря около 20. Б., работая над рецензией на сборник «Молодик на 1844 г.», резко полемизирует с установочными положениями статьи Иеремии Галки <Н. И. Костомарова> «Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке» (*Б*, VIII, 105—107).

Декабря около 20. Министр народного просвещения С. С. Уваров, предложив цензорам в связи с запиской Булгарина «быть, как можно строже» при рассмотрении журнальных и газетных статей, выразил в разговоре с председателем СПб. цензурного комитета пожелание, чтобы «наконец русская литература прекратилась. Тогда по крайней мере будет что-нибудь определенное, а главное, я буду спать спокойно» (*А. Никитенко*, 276). См. 1844, февраля 1.

Декабря 23. Пензенское дворянское депутатское собрание утвердило Б. в правах на дворянское звание (*ИВ*, 1911, V, 595).

Декабря 24. Цензур. разреш. книги Загоскина «Москва и москвичи», во второй части которой дана была грубая памфлетная характеристика Б., выведенного под именем критика Варсанофия Николаевича Наянова: «Это плебей, который ненавидит всех патрициев», поднимая «святотатственную

руку на Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитриева» и доказывая, что «новое поколение и знать их не хочет» (*«Москва и москвичи», выход 2,* 183—185 и 229—262).

Декабря 26. Письмо П. Д. Козловского к Б. из Ялты (*Бик,* 80—81).

Декабря 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок», 1844, № 1. В отделе «Критика» статья Б. «Русская литература в 1843 г.». Рецензии Б.: «Семейство, или Домашние радости и огорчения. Роман Ф. Бремер»; «Суворов. Соч. Ф. Булгарина»; «Молодик на 1844 г., изд. И. Бецким». В отделе «Русская драматическая литература» рецензии Б.: 1. «Актер-доктор, комедия в 1 действ.»; 2. «Что имеем, не храним, потерявши плачем. Комедия С. Соловьева»; 3. «Отец, каких мало. Водевиль. Н. Коровкина»; 4. «Изменница. Народная драма В. Семенова»; 5. «Женщина-кошка. Водевиль Скриба и Мельвиля»; 6. «Шампанское и опиум. Фарс, перев. с франц.»; 7. «Магазинщица. Водевиль»; 8. «Перчаточница, или Три племянника. Водевиль»; 9. «Государь-избавитель, или Бедный сирота. Д. Горева»; 10. «Лунатик. Драма, перев. с франц. В. Орлова»; 11. «Домик холостяка, или Не рой другому яму, сам попадешь. Комедия С. Соловьева»; 12. «Преступление, или Восемь лет старше. Драма С. Соловьева»; 13. «Мещанин-дворянин. Комедия Мольера, перев. В. Зотова»; 14. «Складчина на ложу в итальянскую оперу. Водевиль П. Григорьева»; 15. «Не бывать бы счастию, да несчастье помогло. Водевиль П. Федорова»; 16. «Между небом и землею. Шутка-водевиль Н. Акселя» (*БС,* XIII, 124—131). Статья и рецензии без подписи. В статье «Русская литература в 1843 г.» Б., характеризуя развитие русской прозы за последнее пятнадцатилетие, подчеркивает исторические заслуги Гоголя, «убившего два ложные направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм, махающий мечом картонным, — и потом <...> сатирический дидактизм» (*Б,* VIII, 81). Б. особенно удовлетворен тем обстоятельством, что «публика стала сейчас обращать внимание только на молодых талантливых писателей, которых дарование образовалось под влиянием поэзии Гоголя. Но таких молодых писателей у нас немного, да и они пишут очень мало» (*Б,* VIII, 80).

1843

Публикация в журнале Я. Иордана «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft», выходящем в Лейпциге, анонимного литературного обзора «Kurze Skizze der russischen Literatur», который представлял собою со-

кращенный перевод первой статьи Б. о Пушкине (см. *ОЗ*, 1843, № 6). Имя Б. в этом переводе названо не было, ибо оно отсутствовало и в русском оригинале (*ЛН*, т. 56, 437 и 463). См. далее стр. 394 и 468.

1844

Января 1. Публикация в «Отечественных записках» № 1 рецензии Б. на роман Фредерики Бремер «Семейство, или Домашние радости и огорчения» с резко иронической общей характеристикой журнала «Современник», в котором печатался этот роман (*Б*, VIII, 101—102). Выступление Б. против архаических общественно-литературных традиций «Современника» завершает процесс размежевания в петербургских журнальных кругах и обусловливает разрыв Б. с Плетневым. См. марта 6 и 1845, января 11.

Января 3. Герцен в записке к Кетчеру просит информировать Б. о его, Герцена, семейных делах (*ГЛ*, III, 380).

Января около 10? Б., прочитав в «Литературной газете» № 2 вторую часть анонимного обзора Некрасова «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 г.» *, сказал автору: «Вы верно смотрите, <но> зачем вы похвалили «Ольгу» <Вельтмана>?» На реплику Некрасова, что «нельзя ругать все сплошь», Б. возразил: «Надо ругать все, что нехорошо, Некрасов, нужна одна правда», (*Некрасов,* XII, 23; *БС,* XIII, 131—153; *Уч. зап. КФГУ,* IV, *вып.* I, 1954, 132—141).

Января 15. Грановский «с огромным успехом» возобновил в Московском университете чтение публичных лекций по истории средних веков. Эти лекции вызвали большой «шум и гам» в реакционных кругах (*ГЛ,* III, 382; *Герцен,* II, 111 и 121).

Января 25. Герцен под впечатлением толков о возможных репрессиях против передовых московских профессоров записывает в своем дневнике: «Какая-то страшная туча собирается над головами людей, вышедших из толпы. Страшно подумать, люди совершенно невинные, не имеющие ни практической прямой цели, не принадлежащие ни к какой ассоциации, могут быть уничтожены, раздавлены, казнены за какой-то образ мыслей <...>, который иметь или не иметь не состоит в воле человека и который остановить они не могут <...> Что-то будет? Удар не минует моей головы... Впрочем, я на все готов. А кажется, в самом деле лучше бы ехать <за границу>, только не тогда, когда другие ждут цепей» (*Герцен,* II, 328—329). Об этих своих настроениях Герцен информирует Б. через А. А. Тучкова, См. февраля 7.

Января 31. Краевский в письме к цензору Никитенко настаивает на восстановлении в рецензии Б. на повесть «Жизнь,

как она есть» нескольких страниц, исключенных из текста при предварительном рассмотрении рукописи (*Б,* VIII, 663). Просьба эта была частично удовлетворена.

Января 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 2. В отделе «Критика» пятая статья Б. о «Сочинениях А. Пушкина (Взгляд на русскую критику. — Понятие о современной критике. — Исследования пафоса поэта как первая задача критики. — Пафос поэзии Пушкина вообще. — Разбор лирических произведений Пушкина)». Рецензии Б.: «Наль и Дамаянти. Соч. В. А. Жуковского»; «Басни И. А. Крылова»: «Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова, изд. 3-е»; «Друг детей. Книга для первоначального чтения»; «Прогулка с детьми по земному шару. В. Бурьянова»; «Записки Петра Ивановича. Соч. П. Фурмана»; «Священная история в разговорах для маленьких детей. Соч. А. Ишимовой»; «Новые повести для детей. Соч. А. Зонтаг»; «Русские сказки для детей»; «Елка, альманах на 1844 г.»; «Золотые цветки»; «Книга Хамелеон»; «Литературный калейдоскоп. П. Машкова»; «Жизнь, как она есть. Соч. Л. Бранта». В разделе «Русская драматическая литература»: «Предок и потомки. Трилогия В. Гюго»; «Жила-была одна собака. Водевиль, перев. с франц.». В «Библиографических и журнальных известиях» заметка о выходе в свет «Сельского чтения», кн. 2. Статья, рецензии, заметка без подписи.

Характеризуя Пушкина, как «первого русского поэта-художника», давшего родному народу «поэзию, как искусство, как художество, а не только как прекрасный язык чувства», Б. писал: «Поэзия Пушкина удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу, или русские характеры: на этом основании общий голос нарек его русским национальным, народным поэтом... Нам кажется это только вполовину верным. Народный поэт — тот, которого весь народ знает, как например, знает Франция своего Беранже; национальный поэт — тот, которого знают все сколько-нибудь образованные классы, как например, немцы знают Гёте и Шиллера. Наш народ не знает ни одного своего поэта; он поет себе доселе «Не белы то снежки», не подозревая даже того, что поет стихи, а не прозу... Следовательно, с этой стороны, смешно было бы и говорить об эпитете «народный» в применении к Пушкину или к какому бы то ни было поэту русскому. Слово «национальный» еще обширнее в своем значении, чем «народный». Под «народом» всегда разумеют массу народонаселения, самый низший и основной слой государства. Под «нациею» разумеют весь народ, все сословия, от низшего до высшего, составляющие государственное тело. Национальный поэт выражает в своих творениях и основную, безразличную, неуловимую для определения субстанциальную стихию, которой представителем бывает масса народа, и опре-

деленное значение этой субстанциальной стихии, развившейся в жизни образованнейших сословий нации. Национальный поэт — великое дело! Обращаясь к Пушкину, мы скажем, по поводу вопроса его национальности, что он не мог не отразить в себе географически и физиологически народной жизни, ибо был не только русский, но притом русский, наделенный от природы гениальными силами; однако ж в том, что называют народностью или национальностью его поэзии, мы больше видим его необыкновенно великий художнический такт. Он в высшей степени обладал этим тактом действительности, который составляет одну из главных сторон художника». И далее: «Так как поэзия Пушкина вся заключается преимущественно в поэтическом созерцании мира и так как она безусловно признает его настоящее положение если не всегда утешительным, то всегда необходимо-разумным, — поэтому она отличается характером более созерцательным, нежели рефлектирующим, выказывается более как чувство или как созерцание, нежели как мысль. Вся насквозь проникнутая гуманностию, муза Пушкина умеет глубоко страдать от диссонансов и противоречий жизни, но она смотрит на них с каким-то самоотрицанием (resignatio), как бы признавая их роковую неизбежность и не нося в душе своей идеала лучшей действительности и веры в возможность его осуществления. Такой взгляд на мир вытекал уже из самой натуры Пушкина; этому взгляду обязан Пушкин изящною елейностию, кротостию, глубиною и возвышенностию своей поэзии, и в этом же взгляде заключаются недостатки его поэзии. Как бы то ни было, но по своему воззрению Пушкин принадлежит к той школе искусства, которой пора уже миновала совершенно в Европе и которая даже у нас не может произвести ни одного великого поэта. Дух анализа, неукротимое стремление исследования, страстное полное вражды и любви мышление сделались теперь жизнию всякой истинной поэзии. Вот в чем время опередило поэзию Пушкина и большую часть его произведений лишило того животрепещущего интереса, который возможен только как удовлетворительный ответ на тревожные, болезненные вопросы настоящего» (*Б,* VII, 316, 332—333, 344).

Январь — февраль. Б. часто встречается с Тургеневым (*Летопись жизни Тургенева,* 35—36; ГЛ, III, 386). В эту же, видимо, пору Б. знакомит с ним Некрасова, высоко оценив «Родину» последнего («И вот они опять, знакомые места...»), прочитанную им в рукописи (*Некрасов,* XII, 13).

Февраля 1. Герцен, на основании письма от Кетчера из Петербурга (письмо это не сохранилось), отмечает в своем дневнике, что Булгарин представил председателю СПб. цензурного комитета кн. Волконскому записку о том, что «Отечественные записки» подрывают православие, самодержавие и

народность, что должно назначить комиссию для разбора этого журнала, что он туда явится присяжным доносителем, и грозит Волконскому, буде он не сделает никаких распоряжений, довести все это до сведения государя через прусского короля. Волконский ничего не мог сделать против подлого шпиона, цензуру стеснили, тем пока и окончилось <...> Еще шаг — и «Отечественные записки» рухнули бы со всеми участниками» (*Герцен,* II, 329). См. 1843, декабря около 7 и около 20.

Февраля 3. Герцен в письме к Кетчеру предупреждает, чтобы Б. был осторожен с молодым литератором Н. А. Ратынским, не заслуживающим политического доверия (*ГЛ,* III, 385).

Февраля 7. Герцен в письме к Кетчеру сообщает, что он «на словах» передал едущему в Петербург А. А. Тучкову все те новости, которые могут интересовать Б. Через Тучкова же Герцен просит прислать в Москву «побольше новостей», о которых писать было бы рискованно (*ГЛ,* III, 385).

Февраля 7. К. Д. Кавелин пересылает Б. из Москвы свою диссертацию «Основные начала русского судоустройства и судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях», с дарственной надписью: «Виссариону Григорьевичу Белинскому от К. Кавелина на память» * (*ЛН,* т. 55, 459).

Февраля 12. Н. Г. Белинский в письме из Гори извещает Б. о том, что им подано заявление о переводе его в один из действующих полков Кавказского корпуса (*ЛН,* т. 57, 235). Это решение Никанора обрадовало Б., как «признак бодрости, души и сердца» (*Б,* XII, 240). См. апреля 2.

Февраля около 15. Б. просит А. А. Тучкова помочь ему получить в Пензенском дворянском депутатском собрании документы, необходимые для внесения его в родословную книгу (*Б,* XII, 245).

Февраля 18. П. Д. Козловский в письме к Б. из Ялты выражает беспокойство по поводу его молчания (*Бик,* 82—83). См. марта 8.

Февраля 20. Цензурное разрешение «Маяка», т. XIV. Анонимный рецензент «Теории волокитства» пишет: «Отечественные записки» давно уже доказали и утвердили великие мировые истины, служащие основой их философии. Что потребно, то и необходимо; что необходимо, то и разумно; что разумно, то и полезно; что полезно, то и нравственно; того надо желать, достигать и пр.» (*«Маяк»,* т. XIV, кн. XXVII, отд. IV, *«Новые книги»,* 1).

Февраля 29. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 3. В отделе «Критика», шестая статья: «Сочинения Алек-

сандра Пушкина (поэмы «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники»)». В отделе «Библиографическая хроника» рецензии: «Амарантос, или Розы возрожденной Эллады. Произведения, собранные Г. Эвлампиосом»; «Тысяча и одна ночь, т. XI—XV»; «Сказка за сказкой, т. IV. Ред. Н. В. Кукольник»; «Письма русского из Персии Н. М<асальского>»; «История Киевской духовной академии. Соч. Макария Булгакова»; «Об историческом значении русской народной поэзии. Н. Костомарова»; «Сельское чтение, кн. 2»; «Сельские беседы для народного чтения. Полезные советы. Кн. 4 и 5»; «Сельские беседы для народного чтения. Притчи и повести»; «Юродивый мальчик. Соч. А. Анаевского». В отделе «Русская драматическая литература»: «Новгородцы. Драмат. представление в 5 д. <В. Р. Зотова>»; «Сигарка. Комедия Н. А. Полевого»; «Дочь русского актера. Шутка-водевиль П. И. Григорьева». Статья и рецензии без подписи.

Марта 1. Герцен, рассказывая в письме к Кетчеру о своем знакомстве с Тургеневым, приехавшим в Москву, иронизирует над Б., которому такие «внешние натуры» кажутся «чуть ли ни гениями» (*ГЛ,* III, 386).

Марта 4. Донесение тайного агента III отделения в Париже Я. Н. Толстого о выходе в свет «Deutsch-Französische Jahrbücher» под редакцией К. Маркса и А. Руге (*ЛН,* т. 31—32, 105). Об отклике Б. на это издание, сохранившееся в его библиотеке (*ЛН,* т. 55, 568—572), см. 1845, января 26.

Марта 6. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 3, в котором Я. К. Грот, резко полемизируя со статьей Б. о романе Ф. Бремер «Семейство», обвиняет Б. в том, что он отрицает брак, как «религиозное и гражданское установление» («М.», 1844, III, 171—186). См. января 1 и марта около 20.

Марта 8. П. Д. Козловский в письме к Б. горько упрекает его за долгое молчание. См. апреля 29 (*Бик,* 83—84).

Марта около 10. Б. передает через А. А. Тучкова, едущего в Москву, письмо к Герцену (*ГЛ,* III, 389). Письмо это не сохранилось.

Марта 11 (23). Совещание в Париже деятелей революционно-демократического движения Германии, Франции и России. Присутствовали: Маркс, Руге, Бернайс, Пьер Леру, Луи Блан, Феликс Пиа, Бакунин, В. П. Боткин и Г. М. Толстой (*«Летописи марксизма»,* 1928, VI, 47. Ср. *Бакунин,* IV, 461). См. марта 4.

Марта 13. А. Г. Кузьмина (Белинская) в письме к Б. из Пензы жалуется на его молчание в течение нескольких лет и просит о материальной помощи (*ЛН,* т. 57, 235—236).

Марта 15. Герцен, сообщая Кетчеру о полученном им письме Б. (см. марта около 10), полагает, что недооценка Белинским публичных лекций Грановского «не выдерживает никакой критики». Герцен радуется за Б., услышав «большие похвалы жене Виссариона» от А. А. Тучкова (*ГЛ,* III, 389).

Марта около 20. Б., откликаясь на выход в свет русского перевода романа Эжена Сю «Парижские тайны», использует эту свою рецензию для резкой отповеди Я. К. Гроту, обвинявшему Б. (см. марта 6) в отрицании «святости брака» (*Б*, VIII, 193—196). См. марта 30.

Марта 30? Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 4. В отделе «Критика» статья Б. «Парижские тайны, роман Эжена Сю». В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «Гамлет. Соч. В. Шекспира. Перев. А. Кронеберга»; «Парижские тайны. Роман Э. Сю, перевел В. Строев»; «Путевые записки зайца. Соч. Е. Гребенки»; «Очерки света и жизни. Повести В. Войта»; «Фантастическое описание кабинета д<ействительного> с<татского> с<оветника> Д<емьянов>а»;* «Литературный калейдоскоп П. Машкова»; «Записки молодого человека в стихах. Кн. I»; «Воскресные посиделки. Первый пяток». Статья и рецензии опубликованы без подписи Б.

В статье о романе Э. Сю. «Парижские тайны» Б. характеризует революцию 1830 г., которая привела буржуазию к власти, как «историческую комедию, разыгранную во имя народа и для блага народа», но антинародную по своим результатам. Б. отрицает буржуазный правовой строй («конституционную мишуру» и формальную демократию), как не стоящий тех жертв, которыми он покупается. Б. доказывает, что и сейчас «бедствия народа превосходят самые смелые выдумки фантазии»: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником и капиталистом <...> но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату <...> Хорошо равенство! ...Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода». Б. сурово осуждает ограниченность буржуазного филантропизма Э. Сю, который «желал бы, чтобы народ не бедствовал», чтобы «голодная, оборванная и частью поневоле преступная чернь сделалась сытою, опрятною и прилично себя ведущей чернью», но лишь при том условии, чтобы «мещане, теперешние фабриканты законов во Франции, оставались бы по-прежнему господами Франции».

И тем не менее Б. верит, что «искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя, но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума. Горе научило его уму-разуму и показало ему конституционную мишуру в ее истинном виде. Он уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова, которых значение для него темно, и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками, чтоб воспользоваться некупленным теплом. В народе уже быстро развивается образование, и он уже имеет своих поэтов, которые указывают ему его будущее, деля его страдания и не отделяясь от него ни одеждами, ни образом жизни. Он еще слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества». Б. противопоставляет буржуазному реформизму Э. Сю «добросовестный и энергический голос» подлинных «друзей народа»: «Стоны народа, передаваемые этим голосом во всеуслышание, будят общественное мнение и потому тревожат спекулянтов власти» (*Б,* VIII, 167—174). В своем понимании движущих сил буржуазной революции, политических форм и механизма буржуазной диктатуры Б. опирается на факты и наблюдения первых томов работы Луи Блана «Histoire de dix ans» (*ЛН,* т. 56, 221). См. 1843, июня 23.

Апреля 2. Н. Г. Белинский в письме к Б. из Владикавказа извещает, что он прибыл в штаб Навагинского пехотного полка и ждет выступления в южный Дагестан (*ЛН,* т. 57, 236). Дальнейшая судьба Н. Г. Белинского неизвестна.

Апреля 5. Герцен под впечатлением нового указа о паспортах, пишет в своем дневнике: «Страшное время: силы истощаются на бесплодную борьбу, жизнь утекает, и ни капли отрадной, ни близкой надежды — ничего» (*Герцен,* II, 349).

Апреля 12. Б., отвечая Д. П. Иванову на его письма от 20 декабря 1843 г. (см. выше, стр. 369) и от середины февраля 1844 г. (до нас не дошло), иронизирует над тем, что будущее дворянство приходится ему «солонее и хуже всякого мещанства». Недоумевая по поводу новой оттяжки решения дела о дворянской грамоте в связи с направлением бумаг об этом из Пензы в Департамент герольдии, Б. говорит о своей полной беспомощности в тяжбах такого рода и отказывается от дальнейших хлопот об утверждении его в дворянском звании (см. июля 13). Свое молчание о женитьбе Б. объясняет тем, что он «не счел (следуя китайским обычаям) за нужное и важное разослать родственникам и приятелям циркуляры с уведомлением о вожделенном вступлении в законный брак. Я думаю,

что это дело важно для одного меня. Конечно, ты принял бы в нем самое дружеское участие, если бы мы жили в одном городе, но как мы живем далеко друг от друга, то нечего об этом и толковать» (*Б,* XII, 244—246).

Апреля 14. Р. Зотов в «Северной пчеле» выражает возмущение «самозванцами-литераторами, не сделавшими ничего во всю свою жизнь», но «судящими о Державине, Карамзине, как о разбитой посуде. Они все добиваются быть европейцами, потому что своего у них нет ничего» (*СП*, 1844, № 83).

Апреля около 15. Б. в письме к П. Д. Козловскому, отвечая на вопросы последнего о новом семейном быте Б., замечает: «Нет счастья, но нет и несчастья» (*Бик,* 84). Письмо это не сохранилось.

Апреля 20. А. Бухалов в «Литературной газете», в юмористическом «Письме ***ского помещика о пользе чтения книг, о вредности бараньих бурдюков с кашей и о русской литературе», вскользь упоминает об «уничтожении в «Отечественных записках» авторитетов Сумарокова, Державина, Дмитриева, Хемницера и Хераскова» (*ЛГ*, 1844, № 15).

Апреля 22. Чествование в Москве Грановского в день окончания его публичных лекций (см. января 15) банкетом по подписке в доме С. Т. Аксакова. Этот банкет, по мысли его устроителей (Герцена и Ю. Ф. Самарина), должен был объединить всю московскую передовую интеллигенцию (*ГЛ,* III, 324).

Апреля 27. Герцен в письме к Б., посылаемом с оказией (через Галахова), подробно информирует его об обеде в честь Грановского, на котором объединились славянофилы и западники (*ГЛ,* III, 393). Письмо это не сохранилось.

«Дети, дети, — говорил по поводу этого банкета Б., — им только бы придраться к какому-нибудь случаю, чтобы лишний раз выпить и поболтать. Каково это примирение? И неужели Грановский серьезно верит в него? Быть не может! Сколько не пей и не чокайся, это не послужит ни к чему, если нет в людях никакой точки соприкосновения, никакой возможности к уступке с той или другой стороны. Для меня эти лобызания в пьяном виде противны и гадки» (*И. Панаев,* 206).

Апреля 27. Герцен, сообщая Н. Х. Кетчеру о своем письме к Б. по поводу примирения западников и славянофилов на банкете в честь Грановского, жалуется на отсутствие в статьях Б. «той добросовестной и светлой гуманности, которая всегда бежит от исключительных (haineux) теорий и взглядов», подчеркивает свое сочувствие «и сердцем и умом» некоторым сторонам славянофильства и свое недовольство «Отечественными записками». Попутно Герцен упоминает о переговорах Гранов-

ского и Корша с С. Е. Раичем о покупке журнала последнего «Галатея»: «Граф Строганов обещал выхлопотать всё, что надо. Хотелось бы другое имя — «Ежемесячное обозрение» (*ГЛ,* III, 394). См. мая 3 и июня 1.

Апреля 29. П. Д. Козловский, отвечая на письмо Б., протестует против его подозрений в том, что он мог «хотя бы на минуту забыть Б. или поверить в охлаждение Б. к нему» (*Бик,* 84—86).

Апреля 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 5. В отделе «Критика» седьмая статья Б. «Сочинения Александра Пушкина (поэмы «Цыганы», «Полтава», «Граф Нулин»)». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Молодик на 1844 г., изд. И. Бецким»; «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею. Коммеражи. Тарантелла. Соч. И. Мятлева»; «Булочная, или Петербургский немец. Водевиль П. Каратыгина»; «Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии»; «Руководство к всеобщей истории Ф. Лоренца, ч. II»; «Воскресные посиделки. Второй пяток». Статья и рецензии без подписи Б.

Апрель — май. Б., «огорченный сделками партий в Москве», в кругу своих петербургских друзей «гремел против города, имеющего тлетворное влияние на самых здравомыслящих людей, а Кетчер исполнял роль адвоката Москвы, что было согласно с обычаем, принятым в круге, — всегда стоять за отсутствующих <...> В спорах между друзьями не было ничего нового, за исключением одной черты: тут препирались уже не представители одной и той же дружеской партии, что подтверждало ее распадение» (*П. Анненков*, 451—452).

Мая 3. Грановский в письме к Н. Г. Фролову рассказывает о планах получения в аренду журнала Раича «Галатея»: «Условия не слишком тяжелые. Он <Раич> просит по 1500 р. в год. Для покупки и первоначальных издержек составится небольшой капитал на акциях. Главным редактором будет, разумеется, Корш. Можно надеяться, что журнал пойдет хорошо и будет полезен» (*Грановский,* II, 417). См. апреля 27 и июня 1.

Мая около 5. Письмо Б. к Герцену, отправленное через Кетчера, ехавшего в Москву (*Герцен,* 353). Письмо это до нас не дошло. Из него известна только одна строка: «Я жид по натуре и с филистимлянами за одним столом есть не могу». См. мая 17.

Мая около 6. Встречи Б. с Тургеневым, возвратившимся в Петербург из Москвы (*Летопись жизни Тургенева,* 36).

Мая 17. Герцен, под впечатлением «огромного письма, вроде диссертации» от Б., с протестом против сближения мо-

сковских западников с славянофилами, отмечает в своем дневнике, что Б. «не хочет понять истину», которой сильны славянофилы, несмотря на все их «нелепости». Б. «не понимает славянского мира; он смотрит на него с отчаянием, и не прав; он не умеет чаять жизни будущего века, а это чаяние есть начало возникновения будущего». По заключению Герцена, «энергия и невозможность дела сломили Б. Возможность внутренняя и невозможность внешняя превращают силы в яд, отравляющий жизнь; они загнивают в организме, бродят и разлагают, — отсюда взгляд гнева и желчи, односторонность в самом мышлении» (*Герцен,* II, 354).

Мая около 20. К Белинским переезжает из Москвы сестра жены Б. — Аграфена Васильевна Орлова. В их доме она остается до смерти Б. (*Лепта Б.*, 16).

Вспоминая о первом годе своей жизни в доме Б., А. В. Орлова писала, что у них «часто собирались вечером человек пять-шесть» приятелей Б. «Все они были молодые, здоровые и красивые. Но странное дело: как, бывало, оживится и заговорит Белинский с свойственной ему страстностью и увлечением, невольно забудешь о красивых его приятелях и смотришь не наглядишься на него; он как будто вырастет и вдруг похорошеет, какой-то не физической, а скорее духовной красотою; глядишь на него — не узнаешь: совсем не тот болезненный, точно придавленный и невзрачный человек, что был утром, а другой, незнакомый, с порывистой, задыхающейся речью, с глазами искрящимися, жгучими и иногда как бы карающими. Все замолчат» (*Лепта Б.,* 18).

Мая 24. А. Я. Кульчицкий и Н. Н. Тютчев в письме к Некрасову из села Знаменского шлют привет Б. и острят по поводу того, что он «хоть и корчит Собакевича», а после женитьбы «сделался идиллик и овцелюб» (*ЗОР ЛБ,* IX, 16—17).

Мая 29. Герцен в письме к Б., посылаемом через Кетчера, пытается его «утешить» (см. мая 17), хотя, как сам же признается в своем дневнике, «вовсе не так далек от многих воззрений его» (*Герцен*, II, 355). Письмо это не сохранилось.

Мая 30. Н. П. Огарев в письме к Герцену и Грановскому из Берлина, реагируя на новости, привезенные И. П. Галаховым, говорит: «Жаль, что Виссарион так же на том же месте, как тому назад два года, то есть в крайности» (*Н. Огарев,* II, 336). См. апреля 27.

Мая около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 6. В отделе «Библиографическая хроника» рецензии Б.: «Антология из Жан Поля Рихтера»; «Союз любопытства с пользою. Труды И. В.»; «Азбука русская новейшая. Новые детские поздравления, в стихах, с праздниками»; «Маленький фокусник»; «Воскресные посиделки. Третий пяток»; «Старинная сказка об Иванушке-дурачке, рассказанная Н. Полевым». Все публикации без подписи Б.

В рецензии на «Старинную сказку об Иванушке-дурачке» Б. иронизирует по поводу обращения некоторых русских писателей к «сермяжной народности»: «На литературу нашу не всегда можно смотреть, как на зеркало нашей жизни. Этому много причин, и одна из них та, что литература наша часто любит существовать задним числом и, от нечего делать, повторять собственные свои зады. Теперь она именно этим и занимается. Чтоб идти вперед, ей нужны таланты свежие и сильные, но таланты у нас как-то недолговечны; а нет знамени — нет и солдат. Вот почему молодежь наша или ничего не делает, или действует врассыпную, набегами, отрывочно и лениво. Может быть, она чувствует, что теперь не ее время» (*Б,* VIII, 249). См. июня 19.

Июня 1. Н. Х. Кетчер возвращается в Петербург из Москвы, где он находился в отпуску с начала мая (*ГЛ,* III, 329).

Июня 1. А. А. Елагин в письме из Москвы к А. А. Бакунину сообщает: «Грановский, Герцен и Корш хотят издавать журнал. Для этого они хотели купить у Раича «Галатею». Но Раич просит с них 20 тысяч. Поэтому граф Строганов обещался выхлопотать им в Петербурге издавать совсем новый журнал» (*А. Корнилов,* II, 272). См. мая 3 и июня 19.

Июня 4. Н. М. Языков в письме к братьям из Москвы рассказывает, что М. А. Дмитриев «написал новую балладу под заглавием «Петербургская Людмила», в которой речь идет «о Краевском и Белинском» (*ЛН,* т. 56, 157).

Июня около 5. Некрасов знакомит Б. с Д. В. Григоровичем. В беседе с последним по поводу перевода «Евгении Гранде» Б. «жесточайше» бранил Бальзака, называя его «мещанским писателем» (*Григорович,* 136).

Июня 6. Боткин в письме к Б. из Неаполя поздравляет его с женитьбою, о которой только что узнал. Объясняя свое долгое молчание тяжелыми личными переживаниями, Боткин информирует Б. о своих недавних встречах с Бакуниным: «Ум его удивительно расширился и возвысился, но многое, многое осталось по-прежнему» (*ЛМ,* II, 184—185).

Июня около 10. Кетчер осведомляет Герцена о том, что Б. «переехал на дачу, то есть в лачугу, полуразвалившуюся, две стороны которой выходят на двор, третья на огород, а четвертая в так называемый садик, в котором к стене приделан парусиновый навес; три сирени, две паршивых березы, лоза и всякая дрянь и сор, а он очень доволен» (*ЛН,* т. 56, 170).

«Лето 1844 года было холодное и вполовину дождливое, по утрам ясное, а потом дождь почти каждый день, — вспоминает А. В. Орлова. — Дача у нас была омерзительная, построенная из барочного леса и оклеенная самыми жалкими обоями. Ветер гудел беспрепятственно под полу-

отклеившимися обоями; в комнатах было так холодно, что мы все трое с ногами усаживались на диван, и с нами две молодые собачонки, чтобы лучше согреться, и со стола не снимали самовара <...> Тургенев жил в Парголове, верст пять от Лесного, и каждое утро приходил к Белинскому. Разговорам и спорам не было конца. Тургенев говорил об всем так увлекательно и картинно, что невольно заслушаешься его. Некрасов жил рядом с нами. Он говорил меньше других, мало спорил, иронически улыбался во время спора других» (*Лепта Б.*, 16—17; *Тургенев*, XII, 251).

Б. оставался на даче, видимо, до середины августа.

Июня 16. Тургенев заканчивает в Парголове юмористическую поэму «Поп», в третьей строфе которой упоминаются Белинский, Панаев, Комаров и М. А. Языков (*Тургенев*, XI, 88—98).

Июня 17. Б. отправляет за границу письмо к Боткину, до нас не дошедшее (*ЛМ*, II, 187). См. ответ Боткина от сентября 20.

Июня 19. Герцен, извещая Кетчера о том, что Грановский возбудил ходатайство о разрешении ему издавать в Москве журнал «Ежемесячное обозрение», рассчитывает на участие в этом издании и Б. (см. апреля 27 и декабря 24). Неправильно понимая рецензию Б. на «Сказку об Иванушке-дурачке», Герцен считает бестактным в борьбе с «национальными бреднями» смеяться над «людьми, носящими сермягу и лапти» (*ГЛ*, III, 397).

Июня 23. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 6. В статье М. Лихонина «Заметки на статью, помещенную в «Смеси» «Отечественных записок» 1844 г., № 4, отдел III», утверждается, что «отчетливое знание языка и умение владеть им, как кажется, не составляет отличительной черты издателей «Отечественных записок» (*«М»*, 1844, № 6, 404).

Июля 6. Герцен в письме к Кетчеру выражает надежду, что Б. «хорошенько ругнет» М. Лихонина за его статью в «Москвитянине» № 6 (*ГЛ*, III, 409). См. июня 23. Б., однако, не ответил Лихонину.

Июля 13. Департамент герольдии Правительствующего сената отклонил представление Пензенского дворянского собрания о внесении Б. в дворянскую родословную книгу из-за отсутствия в бумагах Б. его метрического свидетельства (*«Новое время»*, 1910, № 12364). См. декабря 15 и 1845, июня 5.

Июля 26 (августа 7). В лейпцигской газете «Zeitung für die elegante Welt» опубликованы, под названием «Eugen Sue in Russland», выдержки из статьи Б. о «Парижских тайнах».

Перевод сделан К. Липпертом с доцензурного оригинала статьи Б. и снабжен краткой положительной характеристикой критика («Zeitung für die elegante Welt», 1844, № 32, 497—506; *ЛН,* т. 56, 481—486; *Б,* VIII, 667—670). См. августа 14.

Июля около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 8. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Избранные сочинения знаменитого немецкого писателя Гёте»; «Русская грамматика Александра Востокова. Изд. 6-е»; «Добавление к описанию моего фантастического кабинета <Ответ на статью Б. в «Отечественных записках», № 4>»; «Народные славянские рассказы, изданные И. Боричевским»; «Краснобай, или Дедушка Тарас рассказывать горазд. Русские сказки»; «Странные и чудные приключения отставного солдата Архипа Сергеича. Старинное русское предание, рассказанное И. В. Крыловым»; «Воскресные посиделки. Четвертый пяток». Все рецензии опубликованы без подписи.

Августа 1. Плетнев в письме к Я. К. Гроту передает слух об участии Б. с 1845 г. в журнале «Финский вестник» (*Переписка Грота с Плетневым,* II, 297). См. ноября 16 и декабря 15.

Августа 6. Боткин в письме к Б. из Парижа полагает, что мнение Б. о том, что он, Боткин, обязан «принять на себя все следствия» своей женитьбы на Арманс, то есть соединиться с ней, ошибочно, так как Б. не учитывает всей сложности их отношений и причин разрыва. Отвечая на «второе письмо» Б., шедшее из Неаполя через Рим, Боткин отмечает, что «первого письма» Б. он не отыскал на почте (*ЛМ,* II, 185—186). См. сентября 20.

Августа 14. Герцен получает письмо Б., «писанное с желчью и досадой». Из этого письма известны только строки, которые Герцен цитировал впоследствии в «Былом и думах»: «Грановский хочет знать, читал ли я его статью в «Москвитянине». Нет, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видеться с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свидания» (*ГЛ,* XIII, 149). Под впечатлением этого письма Герцен отметил в своем дневнике: «Странный человек; он ищет любви, он полон нежности и между тем так раздражителен, так н е в е р о т е р п и м, что при малейшем разномыслии готов обругать человека» (*Герцен,* II, 372).

Августа 14 (26). В «Allgemeine Zeitung», одной из наиболее распространенных в Западной Европе немецких либерально-буржуазных газет, появляется информация о статье Б. «Парижские тайны». Ложно толкуя материалы, опубликованные в «Zeitung für die elegante Welt», газета иронизирует по поводу суждений Б. о Франции после Июльской революции и о положении трудовых низов в России, которые, как якобы

утверждал Б., находятся в лучшем положении, чем французский пролетариат («Allgemeine Zeitung», 1844, № 239; *ЛН,* т. 56, 473—475). См. сентября 4.

Августа 17. Цензур. разреш. «Литературной газеты» № 32. В номере анонимная рецензия Б.: «Гамлет. Трагедия В. Шекспира. Перевод А. Кронеберга» (*БС,* XIII, 162—166; *Б,* VIII, 263—269).

Августа 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 9. В отделе «Критика» статья Б. «Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненной С. Смарагдовым». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Сочинения кн. В. Ф. Одоевского»; «Сельское чтение, кн. I, изд. 3-е»; «Воскресные посиделки. Пятый пяток»; «Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, соч. С. Смарагдова». Статья и рецензии без подписи.

В статье о «Руководстве к познанию новой истории» Б., резко критикуя примитивный эмпиризм, эклектизм и скептицизм русской исторической литературы, утверждает неизбежность перехода, в силу действия законов истории, к новому, социалистическому общественному строю: «Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: «Стой, довольно, больше идти некуда!» То, что мы называем человечеством, не есть какая-нибудь реальная личность, ограниченная в самой духовности ее материальными условиями и живущая для того, чтоб умереть: человечество есть идеальная личность, для которой нет смерти, ибо умирают люди, но человечество не только от этого не умирает, даже не умаляется. Человечество — это дух человеческий, а всякий дух бессмертен и вечен! И в чем же бы состояла вечная жизнь человечества, чем бы наполнилась она, если б ее развитие остановилось навсегда? Жизнь только в движении; в покое — смерть. В чем будет состоять развитие человечества через тысячу лет? — Подобный вопрос нелеп, потому что неразрешим. Но в эпоху всеобщего разложения элементов, которые дотоле составляли жизнь обществ, в эпоху отрицания старых начал, на которые опиралась эта жизнь, в эпоху всеобщей тоски по обновлению и всеобщего стремления к новому идеалу можно предчувствовать и даже предвидеть основание будущей эпохи, ибо самое отрицание указывает на требование, и разрушение старого всегда совершается чрез появление новых идей. Если до сих пор человечество достигло многого, это значит, что оно еще большего должно достигнуть в скорейшее время. Оно уже начало понимать, что оно — человечество: скоро захочет оно в самом деле сделаться человечеством» (*Б,* VIII, 284).

Сентября 1. Цензур. разреш. «Маяка», т. XVII. Издатель (С. О. Бурачек) в «Отчете Маяка за пять лет» отмечает нападки «Отечественных записок» на «Маяк» в 1839—1841 гг. и упоминает о своей статье (см. 1840, октябрь), якобы разгромившей философию и эстетику «Отечественных записок» (*«Маяк»*, т. XVII, кн. 33, отд. II, 76—78). См. сентября 28.

Сентября 4. Герцен, прочитав в «Allgemeine Zeitung» возражения против статьи Б. о «Парижских тайнах» Сю (см. августа 14), соглашается с той ее частью, в которой подвергались сомнению строки Б. о том, что «у нас в России не только трудолюбивому бедняку, но и отъявленному лентяю-нищему нет решительно никакой возможности умереть с голоду». Герцен полагает, что «у нас нельзя таким образом хвалить сытость (тем более что и она очень апокрифична) и ругать революцию 1830 г. Опять impasse <тупик>, опять Б. бросит на себя подозрение в сервильности» (*Герцен,* II, 380).

Сентября 10. Ю. Ф. Самарин в письме из Петербурга к К. С. Аксакову сообщает о своей встрече «на днях» у Кетчера с Б. и Щепкиным (*Ю. Самарин,* V, 1880, LXXXVII; *там же,* XII, 143).

Сентября 11. М. С. Щепкин начинает свои гастроли в Петербурге, выступив в роли Фамусова в «Горе от ума» (*СП,* 1844, № 205). См. ноября 9.

Сентября 14. Публикация в «Литературной газете» статьи о «Сочинениях кн. В. Ф. Одоевского», принадлежащей, видимо, Б. (*ЛГ*, 1844, № 36; *БС*, XIII, 455—456).

Сентября 20. Боткин, отвечая на письмо Б. от 17(29) июня, настаивает на том, чтобы Б. убедил Арманс не возвращаться в Россию (см. 1843, сентября 1). Боткин вспоминает о своих встречах за границей с П. Ф. Заикиным, передает Б. поклон от В. С. Порошина (*ЛМ,* II, 187).

Сентября около 25. Письмо Б. к П. Д. Козловскому, до нас не дошедшее (*Бик,* 86). См. октября 8.

Сентября 27. В бенефис М. С. Щепкина на Александринской сцене в Петербурге идет «Тяжба» Гоголя и «Москаль-чаривник» Котляревского. Сверх того Щепкин выступает с монологом Горлапанова из комедии Ф. Иванова «Женихи, или Век живи, век учись» (*«Репертуар и Пантеон»,* 1844, X, 35—37).

Сентября 28. Публикация в «Литературной газете» анонимного письма в редакцию «Об отчете одного журнала». В «письме» высмеиваются суждения «Маяка» об успехах его борьбы с «Отечественными записками» (*ЛГ,* 1844, № 38). См. сентября 1.

Сентября около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 10. В отделе «Критика» статья Б.: «Сочинения князя В. Ф. Одоевского». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Краткие выписки, собран. из лучших русских писателей в пользу юношества»; «Инстинкт животных. Соч. Н. Мердер»; «Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. Соч. Б. Федорова»; «Учебный курс словесности, сост. В. Плаксин». В отделе «Русский театр в Петербурге»: «Боярин Ф. В. Басенок, трагедия Н. Кукольника»; «Эспаньолетто, или Отец и художник»; «Прихоть кокетки, комедия Д. Бруннера»; «Утро после бала Фамусова, комедия-шутка, г. В<оскресенского>»; «Гамлет Сидорович и Офелия Кузьминишна, водевиль Д. Ленского»; «Война с дворником, водевиль»; «Наследство, драма Ф. Сулье, перев. Григоровича»; «Дядя Пахом, комедия П. Фурмана»; «Пажи Бассомпьера, водевиль Д. Ленского»; «Как опасно читать иные газеты! Комедия П. Фурмана»; «Матушка — привратница, а дочка — певица. Шутка-водевиль». Информация о гастролях М. С. Щепкина. Статья и рецензии без подписи Б.

В статье о «Сочинениях кн. В. Ф. Одоевского» Б. характеризует его как «писателя с большим талантом» и как «человека с глубоким, страстным стремлением к истине, с горячим и задушевным убеждением», которого «волнуют вопросы времени и которого вся жизнь принадлежит мысли». Б. подчеркивает, однако, свое несогласие с некоторыми «парадоксами» кн. Одоевского, в которых он усматривает очень большое сходство с проповедью славянофилов. Не возражая против того, что кн. Одоевский говорит «об ужасах царствующего в Европе пауперизма, о страшном положении рабочего класса, умирающего с голоду в кровожадных, разбойничьих когтях фабрикантов и разного рода подрядчиков и собственников, о всеобщем скептицизме и равнодушии к делу истины и убеждения», Б. протестует против заключения автора о том, что «Европа того и гляди прикажет долго жить, а мы, славяне, напечем блинов на весь мир». Б. не сомневается в том, что «Европа больна,— это правда, но не бойтесь, чтоб она умерла: ее болезнь от избытка здоровья, от избытка жизненных сил; это болезнь временная, это кризис внутренней, подземной борьбы старого с новым; это — усилие отрешиться от общественных оснований средних веков и заменить их основаниями, на разуме и натуре человека основанными» (*Б,* VIII, 297—323).

Сентября конец. А. Я. и И. И. Панаевы выезжают из Петербурга за границу (*РМ,* 1891, VI, 7). В Париже их встретил Боткин (*ЛМ,* II, 186).

Октября около 1. Министр народного просвещения С. С. Уваров предлагает чиновникам СПб. цензурного коми-

тета «не щадить «Отечественных записок», ввиду того, что у этого журнала «дурное направление — социализм, коммунизм и т. д.» (*А. Никитенко,* I, 284). См. сентября около 30.

Октября около 5. Кн. В. Ф. Одоевский в письме на имя Краевского выражает несогласие с оценкой своих последних произведений в статье Б. (*Б,* VIII, 683).

Октября 8. П. Д. Козловский в письме к Б. из Ялты подтверждает получение писем от него и от его жены (не сохранились), прощает Б., как «неизлечимому скептику», его «бранчивость» и рассчитывает скоро увидеться с ним в Петербурге (*Бик,* 86—87).

Октября 12. Публикация в «Литературной газете» анонимной рецензии Б. на книжку «Мои записки. I. Сказка о Иване — купеческом сыне» (*ЛГ,* 1844, № 40; *БС,* XIII, 173; *Б,* VIII, 333).

Октября 13. А. Д. Галахов в письме к Краевскому передает о том, что в результате происков Погодина и Шевырева «журнала Грановского не будет, министр щадит «Москвитянина» и потому не дает разрешения, это мне сказывал сам <И. И.> Давыдов» (*ЛН,* т. 56, 171). См. декабря 24.

Октября 14. П. В. Анненков выезжает из Москвы в Петербург (*ГЛ,* III, 415).

Октября 17. Письмо Огарева к Белинскому и Кетчеру из Берлина (*ЛН,* т. 63, 91—92).

Октября 26. Публикация в «Литературной газете» анонимной рецензии Б. «Семена Порошина записки» (*ЛГ,* 1844, № 42; *БС,* XIII, 173; *Б,* VIII, 334).

Октября 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 11. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Стихотворения М. Лермонтова, ч. IV»; «Стихотворения В. Жуковского, т. IX»; «Семена Порошина записки»; «Архангельский историко-литературный сборник, изд. Ф. Вальневым»; «Воскресные посиделки. Шестой пяток». В разделе «Русский театр в Петербурге»: «Наполеоновский гвардеец. Драма»; «Дома ангел с женой, в людях смотрит сатаной, комедия, перев. с франц. П. С. Федорова»; «Евгений, оригинальная драма»; «Сын степей, или Африканская любовь. Драма В. Зотова»; «Чума, или Гвельфы и гибеллины»; «Несколько лет вперед, или Железная дорога между С.-Петербургом и Москвою. Водевиль Н. Куликова»; «Новорожденный. Комедия М. Н. Загоскина»; «Шутка на полчаса. Оригинальная шутка-водевиль»; «Рай Магомета, или Преобразование гарема. Комедия-водевиль». В этом же номере отчет о гастролях М. С. Щепкина, которые Б. характеризует как «событие, весьма важное и

в области искусства и в сфере общественного понятия об искусстве» (*Б,* VIII, 374). Все рецензии без подписи.

Октября 31. Последнее гастрольное выступление Щепкина в Петербурге. В бенефис П. А. Каратыгина идет «Наталка-Полтавка» Котляревского и «Ссора, или Два соседа» (*«Репертуар и Пантеон»,* 1844, XI, 488; *СП,* 1844, № 248). См. отчет Б. об этом спектакле ноября 9.

Ноября 2. Цензур. разреш. первой части сборника «Физиология Петербурга», издаваемого Н. Некрасовым. В этом издании Б. принадлежит общая вводная статья («Вступление») и фельетон «Петербург и Москва». Фельетон подписан: В. Белинский; вступление не подписано. См. 1845, января 2 и марта 27.

Полемизируя в своем фельетоне «Петербург и Москва», с одной стороны, с славянофильской концепцией противопоставления двух столиц, а с другой — с пессимистическими высказываниями Герцена о Петербурге, как о городе, не имеющем якобы не только исторических корней, но и будущего (нелегальный рукописный памфлет Герцена «Москва и Петербург» 1842 г.), Б. заключает: «Все живое есть результат борьбы; все, что является и утверждается без борьбы, все то мертво. Несмотря на видимую падкость Москвы до новых мнений или, пожалуй, и до новых идей, — она, моя матушка, до сих пор живет все по-старому и не тужит. С этими идеями она обращается как-то по-немецки: идеи у ней сами по себе, а жизнь сама по себе. Ясно, что в ней есть свое собственное к о н с е р в а т и в н о е начало, которое только уступает, и то понемногу и медленно, новизне, но не покоряется ей. И представитель этой новизны есть Петербург, и в этом его великое значение для России. Петербург не заносится идеями; он человек положительный и рассудительный. Своего байкового сюртука он никогда не назовет римскою тогою; он лучше будет играть в преферанс, нежели хлопотать о невозможном; его не удивишь ни теориями, ни умозрениями, а мечты он терпеть не может; стоять на болоте ему не совсем приятно, но все-таки лучше, чем держаться без всяких подпор в воздухе. Его закон — нудящая сила обстоятельств, и он готов сделаться чем угодно, если это угодно будет обстоятельствам. Поэтому его мудрено определить на основании того, чем он был и что он есть. Ни один петербуржец не лезет в гении и не мечтает переделывать действительности: он слишком хорошо ее знает, чтоб не смиряться перед ее силою. Гении родятся сотнями только там, где вследствие обстоятельств царствует полное неведение того, что называется действительностию, где каждый собою меряет весь мир и мечты своей праздношатающейся фантазии принимает за несомненные факты истории и современной действительности. В Петербурге каждый яв-

ляется на своем месте и самим собою <...> Петербург не верит, а требует дела. В нем каждый стремится к своей цели, и, какова бы ни была его цель, петербуржец ее достигает. Это имеет свою пользу, и притом большую: какова бы ни была деятельность, но привычка и приобретаемое через нее умение действовать — великое дело. Кто не сидел сложа руки и тогда, как нечего было делать, тот сумеет действовать, когда настанет для этого время» (*Б*, VIII, 412—413).

Ноября около 8. И. В. Киреевский ведет переговоры с Герценом и Грановским об участии их в реорганизуемом с нового года «Москвитянине» (*Герцен,* II, 389). См. 1845, января 23.

Ноября 9. В Москве распространяется слух о запрещении «Отечественных записок» (*Герцен,* II, 389).

Ноября 9. Публикация в «Литературной газете» анонимной статьи Б. «Александринский театр. Щепкин на петербургской сцене» (*ЛГ,* 1844, № 44; *БС,* XIII, 175—178; *Б,* VIII, 414—418).

Ноября 15. Цензур. разреш. однотомника «Сочинения Державина». В вводной статье Н. Полевого резкие выпады против Б. (без прямого упоминания его фамилии), как «критика, который после долгого мудрования осудил Державина за недостаток художественности, стоя на коленях перед жалкими произведениями новейших наших романтиков и с восторгом рассматривая вонючую грязь какого-нибудь малограмотного романиста» (*Соч. Державина, СПб.,* 1845, XV—XVI). Ответ Б. см. в «Отечественных записках», 1845, № 10 (*Б*, IX, 291—293).

Ноября 16. Герцен в письме к Кетчеру шлет «искренний поклон Б.» и выражает сожаление по поводу того, что последний «хворает» (*ГЛ,* III, 421).

Ноября 16. С. И. Барановский, информируя В. М. Лазаревского о петербургских журналистах, передает, что Б., «главный помощник» Краевского, «будет сильно участвовать и в «Финском вестнике», журнале, который организует Дершау, «сын Абоского коменданта, большой говорун и фанфарон» (*ЛН,* т. 56, 172). См. августа 1.

Ноября около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 12. В отделе «Критика» восьмая статья Б. «Сочинения Александра Пушкина («Евгений Онегин»)». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «На сон грядущий. Соч. В. А. Соллогуба»; «Очерки южной Франции и Ниццы. М. Жуковой»; «Очерки всеобщей истории для детей. Перев. В. Модестова»; «История царствования Екатерины II»; «История царствования Александра I для чтения юношества»; «Герои преферанса. Комедия-водевиль П. Григорьева»; «Трак-

тат о преферансе, составил С. К.»; «Повесть о великой битве Бородинской». Статьи и рецензии без подписи.

В статье о Пушкине, характеризуя «Евгения Онегина» как первое русское «национально-художественное произведение», Б. писал: «В «Онегине» мы видим поэтически воспроизведенную картину русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития. С этой точки зрения «Евгений Онегин» есть поэма историческая в полном смысле слова, хотя в числе ее героев нет ни одного исторического лица. Историческое достоинство этой поэмы тем выше, что она была на Руси и первым и блистательным опытом в этом роде. В ней Пушкин является не просто поэтом только, но и представителем впервые пробудившегося общественного самосознания: заслуга безмерная» (*Б*, VII, 432). И далее: «Разгадать тайну народной психеи — для поэта значит уметь равно быть верным действительности при изображении и низших, и средних, и высших сословий. Кто умеет схватывать резкие оттенки только грубой простонародной жизни, не умея схватывать более тонких и сложных оттенков образованной жизни, тот никогда не будет великим поэтом и еще менее имеет право на громкое титло национального поэта. Великий национальный поэт равно умеет заставить говорить и барина и мужика их языком <...> И первым таким национально-художественным произведением был «Евгений Онегин» Пушкина. В этой решимости молодого поэта представить нравственную физиономию наиболее оевропеившегося в России сословия нельзя не видеть доказательства, что он был и глубоко сознавал себя национальным поэтом. Он понял, что время эпических поэм давным-давно прошло и что для изображения современного общества, в котором проза жизни так глубоко проникла самую поэзию жизни, нужен роман, а не эпическая поэма. Он взял эту жизнь, как она есть, не отвлекая от нее только одних поэтических ее мгновений; взял ее со всем холодом, со всею ее прозою и пошлостию. И такая смелость была бы менее удивительною, если бы роман затеян был в прозе; но писать подобный роман в стихах в такое время, когда на русском языке не было ни одного порядочного романа и в прозе, — такая смелость, оправданная огромным успехом, была несомненным свидетельством гениальности поэта» (*Б*, VII, 439—440).

Декабря 5. Б. в письме к Т. А. Бакуниной горько кается в том, что отвечает только на третье из ее писем: «То болен (а я действительно с самого лета так болен, как еще никогда не бывал), то дела по горло, то не в духе, а главное, проклятая журнальная работа — этот источник моего нездоровья и физического и нравственного». Б. признается, что ему трудно дать совет, на какой из двух русских детских журналов сле-

дует подписаться Бакуниным: «Библиотека для воспитания», выходящая в Москве, превратилась, под влиянием «Шевырева с братиею», в «пономарское издание», а «Звездочка» А. О. Ишимовой «всегда была дрянью». Б. поздравляет А. А. Бакунину с замужеством, а Н. А. Бакунина с дочерью. В ответ на запрос о самочувствии Тургенева Б. отвечает, что он, несмотря на свои недомогания, «больше весел, нежели скучен», а в последнее время «весь погружен в итальянскую оперу и, как все энтузиасты, очень мил и очень забавен» (*Б*, XII, 246—247).

Декабря 6. Н. М. Языков в рукописном стихотворном памфлете «К не нашим» выступает с резкими общественно-политическими и личными обличениями Чаадаева, Грановского и других «западников» (*Н. М. Языков*, 624). Памфлет этот ускоряет и обостряет процесс размежевания в рядах московской литературной и научной общественности (*Герцен*, II, 136 и 403—404). См. декабря 31 (страницы о Языкове и Хомякове в статье Б. «Русская литература в 1844 г.») и 1845, января 26.

Декабря 9. Н. А. Полевой, налаживая деловой контакт с Краевским, передает в «Отечественные записки» неизвестные материалы для биографии Крылова, использованные впоследствии в статье Б. «И. А. Крылов» (*ЛН*, т. 56, 174; *Б*, VIII, 580).

Декабря около 13. Тургенев в записке к Б., отправляемой вместе с корректурой поэмы «Разговор», просит немедленно отметить слова и строки, вызывающие его сомнения (*БЛ*, II, 347). Б., возвращая корректуру Тургеневу, обращает его внимание на неудачные эпитеты: «надменная тишина», «насупленные брови», «вспугнанная птица», «обильная матерь людей». В целом же Б. очень удовлетворен поэмой, хотя и негодует на то, что «талант дается гулякам праздным. В эту минуту, Тургенев, я и люблю Вас и зол на Вас» (*Б*, XII, 247—248; *ЛН*, т. 56, 214). Все замечания Б. были учтены Тургеневым перед подписанием поэмы к печати.

Декабря 14. Публикация в «Литературной газете» первой части анонимной рецензии Б. на «Учебную книгу русской словесности» Н. Греча. Изд. 3-е (*ЛГ*, 1844, № 49; *ЛН*, т. 55, 382—384). См. декабря 21.

Декабря 15. Н. П. Иванов, по доверенности Б., ходатайствует перед Пензенским дворянским депутатским собранием о восстановлении метрического свидетельства Б. по «выправкам из исповедных росписей» в чембарской Николаевской церкви за время с 1816 по 1829 г. В этих росписях никаких данных о Г. Н. Белынском и его семье, однако, не оказалось (*РС*, 1899, IV, 202).

Декабря 15. Цензур. разреш. первой книжки журнала «Финский вестник», 1845 г. В заявлении «От редакции» отмечается: «Есть люди, которые как будто бы боятся отчетливого убеждения. Эти люди называют добросовестностью в критике уменье наговорить много красивых и невинных фраз, не хваля и не порицая разбираемое сочинение, благоговея перед авторитетами писателей, оканонизированных односторонностью или младенчеством общества. Такое мнение о добросовестности принадлежит, например, всем тем, которые поносят статьи одного из наших критиков за то, что он первый решился разобрать русскую литературу исторически, определив относительное достоинство многих писателей, которых произведения считались не доступными ни малейшему порицанию» (*ФВ,* 1845, I, отд. VII, 5—6). См. ноября 16.

Декабря около 20. Б., работая над рецензией на книгу А. П. Татаринова «Руководство к познанию теоретической материальной философии», иронизирует по поводу «мертвой стоячести» ортодоксального гегелианства и подчеркивает свою солидарность с представителями «левой стороны гегелизма», в писаниях которых определилось «живое примирение философии с жизнью, теории с практикою» (*Б,* VIII, 502). См. декабря 31.

Декабря 21. Публикация в «Литературной газете» окончания анонимной рецензии Б. на «Учебную книгу русской словесности» Н. Греча (*ЛГ,* 1844, № 50). См. декабря 14.

Декабря 23. Цензур. разреш. «Маяка», т. XIX (первый номер 1845 г.). А. Мартынов в статье «Застой в русской литературе» критически обозревает суждения «Отечественных записок» о «незрелости» и «упадке» русской литературы (*«Маяк»,* т. XIX, кн. 37, отд. IV, 3—22).

Декабря 24. Герцен, осведомляя Краевского о неразрешении <царем> издания «Московского обозрения», предлагает передать весь подготовленный для этого журнала материал (статьи Грановского, Корша, Редкина и самого Герцена) в «Отечественные записки», с тем чтобы они сделались органом не только «петербургского литературно-ученого направления», но и передовой московской общественности (*ГЛ,* III, 426). См. октября 13.

Декабря 26. Д. П. Иванов в письме к Б. просит оказать содействие М. И. Жихареву, «дельному молодому человеку», желающему сотрудничать в «Отечественных записках» (*ЛН,* т. 57, 237—238).

Декабря 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок», 1845, № 1. В отделе «Критика» статья Б. «Русская литература в 1844 г.». В «Библиографической хронике» рецензии Б.:

«Правила высшего красноречия. Соч. М. Сперанского»; «О подражании Христу, четыре книги Ф. Кемпийского, перев. М. Сперанского»; «Импровизатор. Роман датского писателя Андерсена»; «Воспоминания слепого. Путешествие вокруг света Ж. Араго, пер. П. Корсакова»; «Переписка и рассказы русского инвалида. Соч. И. Н. Скобелева, ч. II»; «История Наполеона. Соч. Н. Полевого, т. I»; «Руководство к познанию теоретической материальной философии. Соч. А. П. Татаринова»; «Общая реторика Н. Кошанского»; «Бородинское ядро и Березинская переправа, историч. роман»; «Любовь танцовщицы. Повесть Р. Зотова»; «Воспоминания о прошедшем. Драмат. отрывок, изд. 2-е»; «Стихотворения Павла Браславского»; «Мои записки. II. Тимошка-сказочник. III. Воля неволю учит». Статья и рецензии опубликованы без подписи Б.

Б., заканчивая статью «Русская литература в 1844 г.», центральной частью которой являлся уничтожающий разбор новых сборников стихотворных произведений А. С. Хомякова и Н. М. Языкова, утверждал: «Если мы вообще насчитали не слишком много замечательных явлений в русской литературе 1844 г., может быть, еще меньше, чем в литературе 1843 г., — не должно видеть в этом только доказательство все большей и большей бедности русской литературы. Бедность действительно страшная, но в ней есть своя хорошая, скажем больше — своя прекрасная сторона. Теперь пишут мало, потому что публика стала разборчивее и взыскательнее: стало быть, писать сделалось труднее и для талантов, а для посредственности просто невозможно. Потеряв в числительном богатстве, наша литература много выиграла в духе и направлении. Немного было хороших повестей в прошлом году, но выберите самую слабую из всех упомянутых нами в этом обзоре и сравните ее с повестями Марлинского, гг. Полевого, Погодина, Загоскина и других, — и вы увидите, как богата нищета современной русской литературы в сравнении с ее нищенским богатством прежнего времени. Теперь — слава богу — переводится поколение так называемых бескорыстных любителей литературы для литературы: теперь читают к о р ы с т н о, то есть хотят видеть в книге не средство к приятному препровождению времени, а мысль, направление, мнение, истину, выражение действительности. Литературное достоинство теперь уже не искупит недостатка мысли, и поэтическая мишура таланта никому не даст славы. Фраза потеряла свое очарование: ее сейчас разложат на слова, чтоб добиться, что за смысл скрывает она в себе; в реторике теперь упражняются только старые писатели, которые повыписались или совсем исписались. Метроманы тоже выводятся; стихотворение, даже очень недурное, уже перестало быть явлением великой важности: вос-

хищаются одними превосходными стихотворениями. Все это составляет характер последнего периода нашей литературы, которому тон и направление дали Гоголь и Лермонтов» (*Б,* VIII, 487—488).

1844

Публикация в журнале Я. Иордана «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft», выходящего в Лейпциге, продолжения «Краткого очерка истории русской литературы» (см. выше стр. 370—371). В основу этого очерка положен был перевод второй статьи Б. о Пушкине, с ссылкою на «Отечественные записки», 1843, № 9, но без упоминания имени Б. (*ЛН,* т. 56, 437 и 463).

Стихотворный памфлет Тургенева на жену Б. — «Отец твой, поп-бездельник...» и пр. (*Звенья*, I, 188).

1845

Января 1. Герцен в новогоднем письме к Кетчеру просит передать привет Б. (*ГЛ*, III, 433).

Января 2. Цензур. разреш. второй части сборника «Физиология Петербурга», издаваемого Некрасовым. В сборнике статьи Б.: «Александринский театр»; «Петербургская литература» *. Первая подписана: В. Б., вторая: Театрал ex officio.

Января около 10? Б. знакомится со статьей К. Маркса «К критике гегелевской философии права» в сборнике «Deutsch-Französische Jahrbücher» (см. 1844, марта 4) *. Как свидетельствует Кетчер, которому, видимо, принадлежал перевод (он мог быть и устным) этой статьи, Б. под впечатлением всего им услышанного сразу же «воскрес и переродился». Однако сам Б. не вполне соглашался с этим заключением Кетчера. В письме к Герцену он точно определил, что́ именно омрачило его настроение и почему он был «бодр и весел» от нее только «два дня»: «Истину я взял себе — и в словах б о г и р е л и г и я вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре. Все это так, но ведь я по-прежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и как я думаю. А черт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнародовать?» (*Б,* XII, 250). Эти строки Б. являлись откликом на суждения Маркса о религии, как о «душе бессердечного мира» и «опиуме народа», в силу чего «уничтожение религии, как п р и з р а ч н о г о счастия народа есть требование его действительного счастия». См. января 26.

Января 11. П. А. Плетнев в письме к Н. М. Коншину характеризует коллектив «Отечественных записок», как «голодную толпу мальчишек и выгнанных из разных университетов студентов», которым Краевский «внушил презрение ко всему, стоящему над ними» и «пустился с ними против всего святого и прекрасного». Полагая, что «эти люди усиливаются затмить славу не только Баратынского и Языкова, но самого Жуковского и даже Пушкина», Плетнев отмечает, что Б. является «главной собакой, которая лает на все, что хорошо и благонравно» (*PC,* 1909, I, 185). См. 1844, января 1.

Января 15 (27). Публикация в Париже письма М. А. Бакунина к редактору газеты «La Réforme». В письме дана характеристика политической жизни России: «Русский народ идет вперед, несмотря на всю злую волю правительства, — заключал Бакунин. — Разрозненные, но очень серьезные возмущения крестьян против своих господ, возмущения, которые учащаются в угрожающей форме, слишком подтверждают это. Не очень далек, может быть, момент, когда все они соединятся в одну великую революцию; и если правительство не поспешит освободить народ, будет много пролито крови. Говорят, что император Николай думает об этом очень серьезно. Дай-то бог! Потому что, если действительно он произведет освобождение крестьян искренним и широким образом, то это будет настоящее благое дело, которое заставит простить ему многое» (*«La Réforme»,* 27 I. 1845; *А. Корнилов,* II, 295—304). См. марта 2.

Января 19. Герцен в письме к Краевскому отмечает: «Мне досадно, что в первом номере «Отечественных записок» <в статье Б.> так много о Языкове и Хомякове; они гордятся этим и воображают, что их направление так сильно, что с ними борются» (*ГЛ,* III, 454). См. января 26.

Января 23. Цензур. разреш. реорганизованного «Москвитянина», № I. Во главе редакции, вместо Погодина, И. В. Киреевский.

«В феврале появилась в Петербурге январская книжка «Москвитянина», — писал Б. — Глядим: все то же, что и было: та же толстая бумага, то же множество опечаток, то же отсутствие орфографии, те же стихи г. Михайла Дмитриева, та же проза г. Иванчина-Писарева, но обертка другая» (*Б,* IX, 68). См. памфлетную характеристику обновленного журнала в статье Герцена «Москвитянин и вселенная» в «Отечественных записках» № 2 (*Герцен,* II, 133—139).

Января 25. Боткин в записке к Б., посылаемой из Парижа с оказией (через И. В. Селиванова), упрекает Б. за долгое молчание. Не получив еще ответа на свое последнее письмо

(см. 1844, сентября 20), Боткин подозревает, что Б. слишком «строго и скоро» осудил его за разрыв с Арманс (*ЛМ,* II, 187—188).

Января 26. Б., отвечая Герцену на его письмо, привезенное историком К. К. Герцом (письмо это не сохранилось), иронизирует по поводу успеха в Москве публичных лекций Шевырева: «Наша публика <...> непременно останется всем довольною. Для нее хорош и Грановский, да недурен и Шевырев; интересен Вильмен, да любопытен и Греч. Лучшим она всегда считает того, кто читал последний. Иначе и быть не может, и винить ее за это нельзя. Французская публика умна, но ведь к ее услугам и тысячи журналов, которые имеют право не только хвалить, но и ругать; сама она имеет право не только хлопать, но и свистать. Сделай так, чтобы во Франции публичность заменилась авторитетом полиции и публика <...> скоро сделалась бы так же глупа, как и русская публика». Б. признается, что статьи Герцена о лекциях Грановского ему не понравились потому, что «стыдно хвалить то, чего не имеешь права ругать». Б. благодарит за присылку рукописных посланий Языкова, жалеет, что Герцен не прислал его же «пасквиля» («К не нашим») и рекомендует вниманию московских друзей пародию Некрасова на Языкова «Послание к другу», напечатанную в «Литературной газете» № 5. Эту пародию Б. просит распространить. Б. возражает на мнение Герцена о том, что страницы о Хомякове и Языкове в «Отечественных записках» № 1, не произвели будто бы должного впечатления на славянофильский лагерь, и не сомневается в том, что этот «удар был страшен». Б. не соглашается с письмом Кетчера (см. января около 10), но не скрывает своего большого удовлетворения от одной из статей «Парижского ярбюхера». Письмо это Б. отправляет «с оказией» — через Н. К. Калайдовича, «очень хорошего молодого человека» (*Б,* XII, 249—251).

Января 28. Н. П. Огарев в письме из Берлина к Герцену ставит вопрос о необходимости их эмиграции: «Человек, чуждый в своем семействе, обязан разорваться с семейством. Он должен сказать своему семейству, что он ему чужой <...> Только выговоренное убеждение свято. Время тайн исчезло. Только явное свято. Жить не сообразно с своим принципом есть умирание. Прятать истину есть подлость. Лгать из боязни есть трусость. Жертвовать истиной — преступление <...> Подумай об этом, Герцен, и напиши мне: да или нет. Твое «да» удесятерит мои жизненные силы» (*Н. Огарев,* 367). При этом письме Огарев пересылал Герцену номер газеты «La Réforme» со статьею Бакунина. См. марта 2.

Января около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 2. В отделе «Критика» статья Б. «Иван Андреевич Крылов».

В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Разговор. Стих. Ив. Тургенева»; «Людовик XV и французское общество XVIII ст. <Из Капфига>»; «Параша Лупалова. Соч. Ксавье де Местра»; «Наставник русской грамоте. Изд. 2-е»; «Леди Анна, или Сирота. Повесть, пер. с англ.»; «Чтение для детей первого возраста. Соч. А. Ишимовой»; «Детские комедии, повести и были. Собр. П. Ф.»; «Детский театр. Две комедии. Соч. Елиз. Клев...»; «Повести и сказки для детей»; «Детское зеркало. Изд. 2-е»; «Тайна жизни. Соч. П. Машкова»; «Памятная книжка на 1845 г.» (*БС,* XIII, 178—179). В разделе «Русский театр в Петербурге»: «Импровизатор. Соч. Н. В. Кукольника»; «Павел и Виргиния. Соч. Н. Полевого»; «Проклятие матери, или Арфистка. Драма Раупаха, переделанная П. Г. Ободовским». Статья и все рецензии опубликованы без подписи.

Характеризуя творчество Крылова и его место в истории русской культуры, Б. в статье «И. А. Крылов» писал: «В поэзии Пушкина отразилась вся Русь, со всеми ее субстанциальными стихиями, все разнообразие, вся многосторонность ее национального духа. Крылов выразил — и, надо сказать, выразил широко и полно — одну только сторону русского духа: его здравый, практический смысл, его опытную житейскую мудрость, его простодушную и злую иронию. Многие в Крылове хотят видеть непременно баснописца, мы видим в нем нечто большее. Басня только форма; важен тот дух, который точно так же выражался бы и в другой форме» (*Б*, VIII, 571). И далее: «Басни его давно уже выучены наизусть образованными и полуобразованными сословиями в России, но со временем его будет читать весь народ русский. Это слава, это триумф! Из всех родов славы, самая лестная, самая великая, самая неподкупная слава — народная» (*Б,* VIII, 587).

Январь — февраль? Некрасов в беседах с Б. обращает внимание на то, что он зарабатывает в «Литературной газете» «без особого затруднения до 700 руб. асс. в месяц», в то время как Б., работая гораздо больше, получает в «Отечественных записках» только 450 руб. Этими подсчетами Некрасов поднимает Б. «на дыбы» против Краевского (*Некрасов,* XII, 13). См. декабря около 25.

Февраля 7. Публикация в «Литературной газете» № 6 начала статьи Б. «Кантемир». Статья подписана инициалами: В. Б. В предисловии Б. заявляет, что публикацией этой он начинает цикл критико-биографических статей о крупнейших русских писателях XVIII и XIX вв., с тем, чтобы из всех этих очерков появился со временем «о д и н очерк истории русской литературы» (*Б,* VIII, 613). См. июня 30. Замысел этот остался неосуществленным.

Февраля 14. Публикация в «Литературной газете» № 7 продолжения статьи Б. «Кантемир». Окончание статьи см. февраля 28.

Февраля 15. Цензур. разреш. «Финского вестника», т. II. В отделе «Литературные новости» дана информация о выходящем «на днях» в свет сб. «Физиология Петербурга» (*ФВ*, 1845, т. II, отд. VI, 49). См. марта 27.

Февраля 17. Булгарин в «Северной пчеле», в фельетоне «Журнальная всякая всячина», негодует по поводу «охуждения» в «Отечественных записках» Карамзина, Державина и Дмитриева (*СП*, 1845, № 39).

Февраля 17. Герцен в письме к Кетчеру просит передать Б. благодарность за его письмо (см. января 26), ответ на которое он ему «скоро пришлет» (*ГЛ*, III, 458).

Февраля около 20. Тургенев уезжает из Петербурга в Москву, где остается до конца апреля (*Летопись жизни Тургенева*, 38).

Февраля около 20. Б. и М. А. Языков делают приписку к письму Кетчера в Берлин к Огареву (*Н. Огарев*, II, 377). Письмо это не сохранилось.

Февраля 21. А. В. Станкевич, информируя родных о тяжелом материальном положении Б., пишет: «Можно утвердительно сказать: «Отечественные» поднял Белинский. Краевский получает теперь чистого барыша в год сто тысяч. Белинскому дает только ш е с т ь. Кроме того, без разбора присылает ему для рецензии глупейшие книжонки и утомляет его глупою работою <...> Не могу не удивляться силе и энергии, которую до сих пор сохраняет Б., несмотря на все обстоятельства. Я бываю у него. В нем много перемены. Прежняя дикость и необузданность редко являются в нем. Он стал умерен и тих. Жена его мне не нравится. И едва ли семейная жизнь отрадна для него» (*ЛН*, т. 56, 174).

Февраля 21. Плетнев в письме к Я. К. Гроту сообщает: «На «Финский вестник» мало надежды. Говорят, Дершау в надуванье превзошел Булгарина. На несколько тысяч он уже успел оплести Юнгмейстера, Ольхина, Майковых и теперь едва ли явится даже № 2, потому что у него только и было материалу, что на первую книжку; подписчиков же не более 60 человек. Таким образом старые участники отстали, а новых без денежных средств заманить нечем» (*«Переписка Грота с Плетневым»*, II, 405).

Февраля около 23. Герцен в не дошедшем до нас письме к Б. извещал о подробностях «торжества» Грановского при защите им в Московском университете магистерской диссер-

тации «Волин, Иомсбург и Винета» и о полном поражении оппонентов — славянофилов (*ГЛ,* III, 463; *Герцен,* II, 406).

Февраля около 25. Кетчер под впечатлением бесед с Б., Некрасовым и Панаевым пишет Герцену и Грановскому: «Вы хлопотали о журнале в Москве — хлопоты не удались; но они могут удастся в Петербурге. Можно купить который-нибудь из здешних журналов, а купить и иметь журнал необходимо. Надобно сшибить подлеца Краежского, необходима и война беспощадная с юродивыми честно-подлыми славянами. Редактором должен быть Виссарион; ему нужно прямое получение тех же шести тысяч в год, которые он получал у Краевского, все прочие могут работать в чаянии будущих благ. Сверх того, я пишу к Николаю <Огареву>. Как Николай, так и ты с ума сошли углублением в естественные науки, когда так животрепещуще теперь изучение наук социальных, политической экономии и истории с тех же точек» (*РМ,* 1892, IX, 10—11, ср. *БЛ,* III, 362). См. марта 3 и декабря около 25.

Февраля 28. Публикация в «Литературной газете» окончания статьи Б. «Кантемир» (*ЛГ,* 1845, № 8). См. февраля 7.

Февраля 28. П. Н. Кудрявцев в письме к Б. из Москвы рекомендует ему своего товарища по семинарии и университету А. М. Сперанского, переезжающего в Петербург на службу, но «готового принять участие и в литературных трудах» (*Бик,* 144—145).

Февраля 28. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 3. В отделе «Критика» девятая статья Б. «Сочинения Александра Пушкина («Евгений Онегин». Окончание)». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Две судьбы, быль А. Майкова»; «Странствователь по суше и морям <Е. П. Ковалевского>, кн. III»; «Опыт науки философии. Соч. Ф. Надежина»; «Краткое руководство к логике. Соч. О. Новицкого»; «Биография А. М. Каратыгиной. Соч. В. В. В. <В. М. Строева>»; «Ямщики, или Как гуляет староста Семен Иванович. Рус. народн. водевиль П. Григорьева 2-го»; «Дружеская лотерея с угощением, или Необыкновенное происшествие в уездном городе. Фарс-водевиль. Соч. П. Григорьева 2-го». Статья и рецензии без подписи.

В статье о «Сочинениях А. Пушкина», заканчивая разбор «Евгения Онегина», Б. определяет этот роман как «энциклопедию русской жизни», как «верное, полное и художественное изображение русского общества в одном из фазисов его образования», как «в высшей степени народное произведение». Однако в самом Пушкине, как авторе романа, Б. видит «человека гуманного», но «душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображае-

мого им класса; короче, везде видите русского помещика. Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности, но принцип класса для него — вечная истина» (*Б,* VII, 502—503).

Марта 2. Герцен под впечатлением «Письма» Бакунина к редактору газеты «La Réforme», пересланного ему «с оказией» из Петербурга <или из Берлина?>, отмечает в своем дневнике: «Вот язык свободного человека, — он дик нам, мы не привыкли к нему <...> Нас удивляет свободная речь русского, как удивляет свет сидевшего в темной конуре» (*Герцен,* II, 409). См. января 15.

Марта 3. Герцен, отвечая на предложение Кетчера об организации журнала во главе с Б., выражает согласие с этим планом и считает желательной покупку «Отечественных записок» или «Библиотеки для чтения». Герцен сомневается, однако, в редакторских способностях Б., считая самым подходящим для этой роли Е. Ф. Корша. Герцен горячо рекомендует Кетчеру и Б. «поштудировать» сочинения Прудона * «Что такое собственность?» и «De la création de l'ordre dans l'humanité» (*ГЛ,* III, 462—463).

Марта 4. Смерть профессора Московского университета Д. Л. Крюкова, члена кружка Герцена, хорошего знакомого Б. (*Герцен,* II, 410).

Марта 5. Огарев в письме к Кетчеру из Берлина сообщает о своем намерении приняться за чтение «Системы позитивной философии» О. Конта: «Лекции его в прошлом году произвели великое впечатление, но мне кажется, что я едва ли сдружусь с этим; предчувствую натянутую теорию, не искание истины, а изысканность, гоняющуюся за системой. Многие стали поносить немецкую философию и клонятся к эмпиризму, хотя эмпиризм никогда не сдружится с их натурою, например Василий Петрович <Боткин>... Посмотрю, как Конт примиряет опыт и умозрение» (*Н. Огарев,* 377). О спорах Б. с Боткиным на эту же тему см. 1846, ноября 1 и 26.

Марта 10. Булгарин в «Северной пчеле» пишет: «Мы сперва досадовали, а теперь смеемся при мысли, что осуждали у нас в последнее время Державина, Карамзина, Дмитриева и выше всех их ставили автора Мертвых душ!» (*СП*, 1845, № 55).

Марта 17. Булгарин в «Северной пчеле» утверждает, что «в некоторых из журналов ежемесячно уверяют публику, что все, что только старее десяти лет, негодно, старина; что только сотрудники этих журналов великие мужи, преобразователи» (*СП,* 1845, № 61).

Марта 25 *. Грановский в письме к Кетчеру отмечает: «Поклонись Б. Мы его часто и любовно поминаем. Я помирился даже с его невоздержными речами, понимаю, как они сходят с благородного языка. Но что за подлая дрянь большая часть наших противников! Напрасно мы начали войну с ними. Это заставило их подумать, что они действительно важны, что у них есть великое мнение. Их можно было бы убить, вогнать в прежнее положение — молчанием. Теперь поздно. На Корша жаловались графу <Строганову>, что он развращает народ «Московскими ведомостями». Обо мне кричат, что я интригант, тайный виновник всех оскорблений, которые наносятся славянству <...> Семейство Аксаковых буквально плачет о погибели народности, семейной нравственности и православия, подрываемых «Отечественными записками» и их г н у с н о ю п а р т и е ю» (*Грановский,* 464).

Марта 27. Выход в свет сб. «Физиология Петербурга», ч. I (*Реестры СПб. цензурного комитета*). См. 1844, ноября 2.

В предисловии к сборнику Б. впервые ставит вопрос об отсутствии у нас литературы, освещающей жизнь народов и племен «беспредельной и разнообразной России»: «Великороссия, Малороссия, Белоруссия, Новороссия, Финляндия, Остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь — все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по смеси чисто русского элемента со множеством других элементов, из которых иные родственны, а иные совершенно чужды ему» (*Б,* VIII, 377).

Марта 28. Тургенев в письме к Б. из Москвы предоставляет на его «благоусмотрение» решение вопроса о том, печатать ли поэму «Помещик» отдельно, как предлагает Некрасов, или сохранить ее для проэктируемого сборника Б. Тургенев осведомляет Б. о том, что пишет сейчас для «Отечественных записок» разбор двух статей Киреевского в «Москвитянине» и поэму «Недолгая любовь». Эту поэму (она впоследствии напечатана была под названием «Андрей») Тургенев готов отдать Б., если «план» издания сборника, о котором говорил последний, «состоится» (*БЛ,* III, 350—351).

Марта 29. Приезд в Петербург из Москвы П. Н. Кудрявцева, старого друга Б., члена кружка Герцена и Грановского (*РМ,* 1898, I, 16). См. апреля 13.

Марта около 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 4. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Тарантас. Соч. В. А. Соллогуба»; «Прокопий Ляпунов, или Междуцарствие в России. Соч. О. Шишкиной»; «Сочинения Константина Масальского»; «Известия о первоначальных Московских и Петербургских ведомостях <С. Д. Полторацкого>»; «Правила стихосложения <И. Пенинского>»; «Друг детей, книга для

первонач. чтения»; «Стихи Платона Зубова»; «Ода в похвалу прекрасного пола. Соч. И. К.»; «Провинциальный поэт. Соч. П. Порфирьева»; «Сто новых детских повестей, перевел из соч. Шмита Б. Федоров»; «Сказка о двух крестьянах, домостроительном и расточительном». Все рецензии без подписи Б.

Март — апрель. Б., тяготясь своим положением в «Отечественных записках», возлагает «великие надежды» на избавление от кабалы у Краевского при помощи Н. П. Огарева (см. февраля 21 и 25). Эти надежды рушатся, так как Б. не учел, по его же собственному признанию, что «человек без воли и характера — такой же подлец, как и человек без денег» (*Б,* XII, 257).

Апреля 1. Публикация в «Отечественных записках» № 4 первых двух «Писем об изучении природы» Герцена (*ОЗ,* 1845, № 4, отд. II, 81—118).

Критикуя в беседах с друзьями «Письма об изучении природы», Б. признавал «как положения, так и цели этих статей в высшей степени важными, но не признавал возможности извлечь из откровений естествознания моральных и воспитательных указаний, нужных особенно для русских читателей». Б. протестовал и против «отвлеченного, почти тарабарского языка» этих статей (*П. Анненков,* 436).

Апреля 5. Публикация в «Литературной газете» анонимной рецензии Некрасова на альманах «Физиология Петербурга», ч. I. В рецензии особенно выделена статья Б. «Петербург и Москва», которая, по мнению рецензента, «по глубине мысли, по верному воззрению, по прекрасному изложению и по цели своей занимает первое место» в сборнике. Из статьи Б. перепечатываются в «Литературной газете» несколько страниц (*ЛГ,* 1845, № 13; *Некрасов,* IX, 144—148).

Апреля 7. Булгарин в «Северной пчеле», резко отрицательно откликаясь на выход в свет «Физиологии Петербурга», отмечает: «Известный сотрудник «Отечественных записок», прославивший их своими критиками и высокою, трансцендентальною философиею, г. Белинский написал на 66 страницах сравнение Петербурга с Москвою» (*СП,* 1845, № 79).

Апреля 7. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 3. В программной статье И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» (окончание) утверждалось: «Отечественные записки» стремятся отгадать и присвоить себе то воззрение на вещи, которое, по их мнению, составляет новейшее выражение европейского просвещения, и потому, часто меняя свой образ мыслей, они постоянно остаются верными одной заботе: выражать собою самую модную мысль, самое новое

чувство из литературы западной». Киреевский протестует против стремления «Отечественных записок» «унизить все наши известности», стараясь уменьшить литературную репутацию Державина, Карамзина, Жуковского, Баратынского, Языкова, Хомякова» и ставя «на место их И. Тургенева и А. Майкова» (*«М»,* 1845, № 3, отд. V, 21, 25). Ответ на эти обвинения Б. дал в «Отечественных записках» № 5. См. апреля 30.

Апреля 13. Выезд за границу П. Н. Кудрявцева, пробывшего в Петербурге около двух недель (*РМ,* 1898, I, 16—17). Идеологические разногласия Б. и Кудрявцева в это время были уже так глубоки, что встреча их, как свидетельствует П. В. Анненков, «оказалась в высшей степени сдержанной, холодной и напряженной» (*П. Анненков,* 437—441).

Апреля около 14. Кетчер уезжает из Петербурга в Москву (*ГЛ,* IV, 183).

Апреля 15. Цензур. разреш. «Финского вестника», т. III. В анонимном отзыве о «Физиологии Петербурга» отмечалось: «Статья В. Г. Белинского «Петербург и Москва» чрезвычайно верно и резко характеризует наши обе столицы» (*ФВ,* т. III, отд. VI, 37).

Апреля около 15. Выход в свет первого выпуска «Карманного словаря иностранных слов», разрешенного цензурой 5 апреля 1845 г. «Этот словарь превосходен, — писал Б., откликаясь на новый философский и социально-политический справочник, редактором и одним из составителей которого был В. Н. Майков. — Советуем запастись им всем и каждому» (*Б,* IX, 60—62). См. 1846, мая 14.

Апреля около 20. Б. читает мартовскую книжку «Москвитянина», в которой опубликовано окончание программной статьи И. В. Киреевского (см. апреля 7), ожидавшееся им с большим нетерпением (*Б,* IX, 69). См. апреля 30.

Апреля 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 5. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Вчера и сегодня. Литерат. сборник, сост. гр. В. А. Соллогубом»; «Новый гость. Изд. А. и К. Реймера»; «Метеор на 1845 г.»; «Москва, три песни Влад. Филимонова»; «Физиология Петербурга, ч. I»; «Типы современных нравов. Под. ред. Н. Кириллова»; «Краткая история крестовых походов»; «Император Александр I и его сподвижники. Соч. А. Михайловского-Данилевского»; «Карманный словарь иностранных слов, изд. Н. Кирилловым»; «Современные исторические труды в России. Письма А. В. Александрова»; «Краткий географический атлас. Сост. С. Барановский»; «Сельское чтение. Кн. I, изд. 4-е»; «Сказка о двух крестьянах, домостроительном и расточительном». В этом же номере в «Литературных и журнальных заметках» ответ Б. на

«Обозрение современного состояния словесности» И. В. Киреевского в «Москвитянине» и на обвинения «Северной пчелы» в недооценке В. А. Каратыгина в статьях Б. Рецензии и заметки без подписи.

Апреля 30. Цензур. разреш. книги В. Плаксина «Руководство к изучению русской литературы». Характеризуя «Отечественные записки», Плаксин писал: «Литературная критика этого журнала, если верить слухам, находится в руках одного писателя и, кажется, имеет одно направление; но ежели внимательно следить ее, то в ней откроются такие противоречия самой себе, что нет никакой возможности согласить их. Она самостоятельна до упрямства, оригинальна до чудовищности, потому-то она то превосходна, то ужасно дика; но всегда слишком многоречива, и часто представляет смесь самых закоренелых предрассудков классической школы с самым необузданным своевольством новейшего романтизма. Главный существенный ее порок — фанатическая нетерпимость; с чем она не согласна, то уничтожает» (*В. Плаксин,* Руководство к изучению русской литературы. СПб. 1846, 445).

Апрель. Смерть А. Я. Кульчицкого, сотрудника «Отечественных записок» и большого приятеля Б. (*БЛ,* III, 444).

Апрель. Публикация в «Маяке», т. XXII анонимной рецензии на сборник «Физиология Петербурга». Характеризуя книгу как «грязную и площадную», рецензент утверждает: «Это физиология не Петербурга, а петербургской черни, и она не может быть принята обществом, и даже не перейдет и к тем лицам, которых авторы старались изобразить» (*«Маяк»,* кн. 43, отд. IV, 7—8). В следующей книге этого же тома М. Можека в статье «Опала на славянщину, или Перебрехач» называет критические статьи «Отечественных записок» «мелкими, пустыми и ничтожными» (*«Маяк»,* кн. 44, отд. IV, 17).

Мая 5. И. В. Киреевский заявляет Погодину о своем отказе от редактирования «Москвитянина» (*Барсуков,* VIII, 28). См. мая 29 и июня 11.

Мая 10. Публикация в «Литературной газете» анонимной статьи «Литературные листки», автор которой в главе «О партиях в русской литературе» дает блестящую характеристику «р а ц и о н а л ь н о г о движения» «Отечественных записок» и «Литературной газеты» и объявляет себя сторонником этого направления (*ЛГ,* 1845, № 17). См. отклик Б. на эту статью в «Мыслях и заметках о русской литературе» (*Б,* IX, 460).

Мая 12. Булгарин в «Северной пчеле» иронически цитирует «Письма об изучении природы» Герцена и строки Б. (не называя его фамилии) о «мудрости молодого поколения» в рецензии на «Сочинения К. Масальского» (*СП,* 1845, № 106). Ответ Б. см. мая около 31.

Мая около 20. Тургенев выезжает из Петербурга за границу (*Летопись жизни Тургенева,* 39). Эту оказию Б., вероятно, использовал для отправки в Париж объяснительного письма к Боткину, которое восстановило их прежние дружеские отношения (*ЛМ,* II, 188). Письмо это не сохранилось.

Мая около 25. А. Я. Панаева, возвратившись в Петербург из Парижа, передает Б. мнение Бакунина о нерациональности растраты его сил на работу в подцензурной печати и о желательности перенесения его деятельности за границу. Б. считает для себя невозможным оторваться от родной почвы, на которой «лучше сделать мало, чем ничего» (*А. Панаева,* 140).

Мая 29. Герцен пишет Краевскому об отказе Киреевского редактировать «Москвитянин» и о возвращении журнала Погодину (*ГЛ,* IV, 185). См. мая 31 и июня 11, а также памфлетную статью Б. о кризисе в «Москвитянине» (*Б,* IX, 135—137).

Мая около 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 6. В отделе «Критика» статья Б.: «Тарантас. Соч. графа В. А. Соллогуба». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Стихотворения Эдуарда Губера»; «Очерк литературы русской истории до Карамзина. А. Старчевского»; «Опыт истории русской литературы. Соч. А. Никитенко»; «Русская история. Н. Устрялова»; «Русские полководцы. Н. Полевого»; «Альманах для детей»; «География, составленная А. Чертковым»; «Приятель мой Пиффар. Повесть Поль де Кока». В «Литературных и журнальных заметках» две полемические статьи Б.: «Размышления по поводу некоторых явлений в иностранной журналистике <О кризисе в редакции «Москвитянина»>»; «Несколько слов о фельетонисте «Северной пчелы» и «Хавронье» <басне П. А. Вяземского>». Статья, рецензии и заметки без подписи.

Б., критически разбирая повесть «Тарантас» В. А. Соллогуба, формулирует свой новый взгляд на задачи искусства: «Художественность и теперь великое качество литературных произведений, но если при ней нет качества, заключающегося в духе современности, она уже не может сильно увлекать нас. Поэтому теперь посредственно-художественное произведение, но которое дает толчок общественному сознанию, будит вопросы или решает их, гораздо важнее самого художественного произведения, ничего не дающего сознанию вне сферы художества. Вообще наш век — век рефлексии, мысли, тревожных вопросов, а не искусства. Скажем более: наш век враждебен чистому искусству, и чистое искусство невозможно в нем. Как во все критические эпохи, эпохи разложения жизни, отрицания старого при одном предчувствии нового, — теперь исскуство не господин, а раб: оно служит посторонним для него целям» (*Б,* IX, 77—78).

Заканчивая статью о «Тарантасе», Б. использует имя и отчество одного из персонажей повести — Ивана Васильевича, случайно совпадавшие с именем и отчеством И. В. Киреевского, для резкой памфлетной характеристики своего идеологического противника. Эта характеристика была особенно остра и забавна не только потому, что Б. ставил знак равенства между героем «Тарантаса» и широко известным в общественно-литературных кругах лидером славянофилов, но и оттого, что Б. сознательно приписал графу Соллогубу отнюдь не разделявшиеся последним политические и литературные тенденции. Свое утверждение о памфлетности образа Ивана Васильевича Б. подкреплял следующими разоблачениями: «Как! Этот человек с жидкою натурою, с слабою головою, без энергии, без знаний, без опытности, с одною мечтательностью, с одними пошлыми фантазийками мог вообразить, что он нашел дорогу, на которую Россия должна своротить с пути, указанного ей ее великим преобразователем! Комары, мошки хотят поправлять и переделывать громадное здание, сооруженное исполином! Близорукие, косые, кривые и слепые, они хотят заглядывать в будущее и думают видеть его так же ясно, как и настоящее! Их маленькому самолюбию не приходит в голову, что и настоящее-то в их голове отражается неверно, как в кривом или разбитом зеркале. Головы, устроенные вверх ногами, они мыслят вечно задним числом. Не понимая современного, не будучи гражданами никакой эпохи, никакого времени (потому что, кто живет вне настоящего, современного, тот нигде не живет), новые дон-кихоты — они сочинили себе одно из тех нелепых убеждений, которые так близки к толкам старообрядческих сект, основанных на мертвом понимании мертвой буквы... Но понимая, что у них нет и не может быть противников (потому что невинное помешательство пользуется счастливою привилегиею не иметь врагов), они выдумывают, ищут себе врагов» (*Б*, IX, 116—117).

Мая 31. Н. М. Языков в письме к Ф. В. Чижову писал: «И. В. Киреевский отказался от участия в «Москвитянине» — и так Погодин снова будет главным его двигателем и снова начнет его ронять всеми зависящими от него средствами» (*ЛН*, т. 19—20, 138).

Май? — июнь? П. Ф. Заикин в письме к Б. извещает его о своем возвращении из-за границы и о необходимости всерьез заняться тяжело расстроенным деревенским хозяйством, чтобы иметь возможность через год — полтора снова поехать в Германию (*Бик*, 58—59, 63). См. 1840, мая 11.

Май — июнь. Б. принимает деятельное участие в собирании и редактировании материалов для «Петербургского сборника», издаваемого Некрасовым (*Некрасов*, X, 43, 45; *А. Панаева*, 154).

Июня около 1. Б., получив от Некрасова для просмотра рукопись «Бедных людей» Достоевского, под впечатлением повести «не спал всю ночь» и пожелал немедленно познакомиться с молодым автором.

«Он встретил меня чрезвычайно важно и сдержанно, — вспоминал об этой встрече Достоевский. — «Что ж, оно так и надо», — подумал я, но не прошло, кажется, и минуты, как все преобразилось: важность была не лица, не великого критика, встречающего двадцатидвухлетнего начинающего писателя, а, так сказать, из уважения его к тем чувствам, которые он хотел мне излить как можно скорее, к тем важным словам, которые чрезвычайно торопился мне сказать. Он заговорил пламенно, с горящими глазами: «Да вы понимаете ль сами-то, — повторял он мне несколько раз и вскрикивая по своему обыкновению, — что это вы такое написали!» Он вскрикивал всегда, когда говорил в сильном чувстве. «Вы только непосредственным чутьем, как художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Не может быть, чтобы вы в ваши двадцать лет уж это понимали. Да ведь этот ваш несчастный чиновник — ведь он до того заслужился и до того довел себя уже сам, что даже и несчастным-то себя не смеет почесть от приниженности и почти за вольнодумство считает малейшую жалобу, даже право на несчастье за собой не смеет признать <...> Вы до самой сути дела дотронулись, самое главное разом указали. Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг все понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!» (*Достоевский,* XII, 31—32; *Звенья,* VI, 447; *П. Анненков,* 447—448; *И. Панаев,* 309).

«В первые дни знакомства, — писал Достоевский, — привязавшись ко мне всем сердцем, он <Белинский> тотчас же бросился, с самою простодушною торопливостью, обращать меня в свою веру... Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мною с атеизма» (*Достоевский,* XI, 8). Прививая Достоевскому свое исключительное отношение к таким «двигателям человечества», как Жорж Санд, Кабе, Пьер Леру и Прудон, Б. из немецких мыслителей, как вспоминал Достоевский, особенно ценил в эту пору Фейербаха и Штрауса, автора «Жизни Христа» (*Достоевский,* XI, 9).

Июня около 2. Б., случайно встретившись у Панаевых с В. А. Соллогубом, объясняется с ним по поводу своей статьи о «Тарантасе», которая «была понята двояко: одни приняли ее за восторженную и неумеренную похвалу, другие — за что-то вроде памфлета» (*И. Панаев,* 303—304; Б, IX, 389—390).

Июня 5. Б. обращается с прошением на имя обер-священника армии и флота В. Кутневича о выдаче ему метрического свидетельства, как сыну военнослужащего, родившемуся в Свеаборгской крепости (*ИВ,* 1911, V, 596). См. 1846, февраля 3.

Июня 7. Некрасов, уезжая на лето из Петербурга, посылает А. В. Никитенко для цензурного просмотра рукописи «Бедных людей» Достоевского и «Помещика» Тургенева, предназначаю-

щиеся для альманаха «Первое января» («Петербургский сборник»). Рукописи эти он просит подписать к печати и «отдать Белинскому» (*Некрасов,* X, 43; *ГЛ,* IV, 186).

Июня около 10. Б., приглашая Достоевского на дружескую вечеринку <к А. С. Комарову?>, пишет: «Достоевский, душа моя (бессмертная) жаждет видеть Вас. Приходите, пожалуйста, к нам, Вас проводит человек, от которого Вы получите эту записку. Вы увидите всё наших, а хозяина не дичитесь, он рад Вас видеть у себя» (*Б,* XII, 251). Говоря о «наших», Б. имеет в виду Панаева, Некрасова, Анненкова, Н. Н. Тютчева, М. А. Языкова и И. И. Маслова *.

Июня 11. Н. М. Языков, негодуя в письме к Ф. В. Чижову, по поводу того, что печатается в «Отечественных записках» о славянофилах, настаивает на необходимости «основать в Москве новый журнал», так как «попытка поднять «Москвитянин» не удалась не по недостатку готовых сотрудников, а главнейше по болезни И. В. Киреевского» (*ЛН,* т. 19—20, 139).

Июня 12. Герцен в письме к Краевскому отмечает: «Статья Б. о «Тарантасе» верх совершенства» (*ГЛ,* IV, 186).

Июня 13. У Б. родилась дочь Ольга (*Б,* XII, 376). При крещении ее июня 23 восприемниками были И. И. Маслов и А. В. Орлова (*ВГБП,* 245).

Июня 23. Герцен в письме к Краевскому сообщает: «Статья о «Тарантасе» читается всеми с восторгом; Б. ею поднялся даже в глазах некоторых врагов, — о друзьях и говорить нечего» (*ГЛ,* IV, 188).

Июня 28. Публикация в «Литературной газете» в разделе «Петербургская хроника» краткой положительной информации о статьях Б. во второй части сборника «Физиология Петербурга» (*ЛГ,* 1845, № 24).

Июня 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 7. В отделе «Критика» статья Б. «Опыт истории русской литературы. Соч. А. Никитенко». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Стихотворения Петра Штавера <Г. Г. Перетца>»; «Славянский сборник Н. В. Савельева-Ростиславича»; «Лондонские тайны. Роман Ф. Троллопа, перев. П. Фурмана»; «Московский театрал. Куплеты И. А.»; «Кривой бес, русская сказка. Соч. А. Я—ва». Статья и рецензии без подписи.

В статье «Опыт истории русской литературы» Б. глухо упоминает о подготовляемой к печати книге «Критическая история русской литературы (преимущественно новой, с обозрением произведений народной поэзии)». О том, что автором этого труда является он сам, Б. умалчивает (Б, IX, 144). См. февраля 7.

Июля 6. Боткин в письме к Б. из Парижа благодарит за письмо, которое «сняло тяжелый груз с его сердца» и возвратило ему Белинского (*ЛМ,* II, 188). См. января 25 и мая около 20.

Июля 7. Публикация в «Северной пчеле» анонимного фельетона «Городской вестник» с резкими полемическими замечаниями о статье Б. «Александринский театр» (*СП,* 1845, № 151). См. января 2.

Июля 22. А. Я. Панаева в письме к Б. делится своими впечатлениями от Москвы и горячо убеждает его приехать погостить «на несколько недель» в Царицыно, где Панаевы сняли хорошую дачу (*Бик,* 217—219).

Июля 30? Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 8. В отделе «Критика» статья Б. «Славянский сборник» Н. В. Савельева-Ростиславича. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Физиология Петербурга, под ред. Н. Некрасова. Ч. II»; «Сто русских литераторов, т. III»; «Грамматические разыскания В. А. Васильева»; «Политическая география Азии, Африки, Америки и Океании, сост. А. Чертков»; «К богу за царя. Соч. А. Коленковского, изд. 2-е»; «В память кончины вел. кн. Александры Николаевны. Соч. А. Коленковского»; «Литературные плоды бессонницы. Соч. барона А. Боде»; «Русское чтение, издаваемое С. Глинкою»; «Pétroucha (Петруша). Русские нравы. Соч. И. Оже». Статья и рецензии без подписи *.

В статье о «Славянском сборнике» Н. В. Савельева-Ростиславича Б., характеризуя исторические и филологические труды славянофилов, утверждает: «Мистицизм, внесенный в науку, заставляет признавать бывшим и сущим то, чего не было и нет, белое представляет черным, черное — белым; полярную зиму превращает в африканское лето; в экваториальных странах находит мертвые и замерзшие тундры, а под полюсами видит роскошную природу Индии; помножив два на два, получает в произведении пять и семь восьмых. Мы не шутим; за примерами ходить недалеко, и книга г. Савельева в этом отношении истинный клад» (*Б,* IX, 211).

Августа около 1. Герцен посвящает Б. свой памфлет на Погодина и Шевырева «Ум — хорошо, а два лучше». Статья эта, предназначавшаяся для «Петербургского сборника» Некрасова (задумана она была еще в 1843 г.), при жизни Б. в печати не появилась (*Герцен,* II, 430 и 448). См. августа 6 и октября 10.

Августа 2. Публикация в «Литературной газете» рецензии на «Физиологию Петербурга», ч. II. В рецензии положительно характеризуются статьи Б. (*ЛГ,* 1845, № 29).

Августа около 5. Герцен в письме к Краевскому высоко оценивает рецензию Б. на «Славянский сборник» Н. В. Савельева (*ГЛ,* IV, 190).

Августа 6. А. Я. Панаева, отправляя Б. деньги, полученные для него у Кетчера, в сопроводительной записке обещает на следующий день написать Б. «длинное письмо» (это письмо не сохранилось). В приписке И. И. Панаев передает привет от Герцена. Заверяя, что у последнего «не осталось ни малейшей горечи» от переписки его с Б. «насчет К. С. Аксакова», Панаев выражает свое восхищение от статьи Герцена «о Шевыреве, Погодине, Булгарине и Грече» (см. августа около 1), но сомневается в возможности ее напечатать (*Бик,* 219).

Августа 7. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 6—7. К. Аксаков в анонимной заметке иронизирует по поводу суждений Б. о «посредственных писателях» во вступительной статье к «Физиологии Петербурга» (*«М»,* 1845, № 6—7; *Смесь,* 91—96).

Августа около 10. Б., живя на даче в Парголове, «купался, — как вспоминает А. В. Орлова, — в озере, спал наверху с открытыми окнами, схватил воспаление, и его полумертвого перевезли в город; всю осень и зиму хворал» (*Лепта Б.,* 18).

Августа 11. Н. А. Полевой в письме к брату сообщает: «Я сошелся с Краевским, и так хорошо, что взял у него на три года «Литературную газету» (*К. Полевой,* 575). Первый номер «Литературной газеты», реорганизованной Полевым, вышел около 1 января 1846 г.

Августа 11. А. Я. Панаева, отвечая на письмо Б. (которое до нас не дошло), очень сожалеет, что поездка Б. в Москву не может состояться. Панаева отмечает успех в Москве статьи Б. о «Славянском сборнике» Н. В. Савельева, передает Б. привет от Д. А. Егорова, который едет с Панаевым на месяц в Казанскую губернию, и выражает удивление, что Б. редко видится с кн. Козловским (*Бик,* 219—220).

Августа 27. Цензур. разреш. «Москвитянина», № 7—8. В заметке «Примечательная для русских английская книга» (о стихотворениях Вильяма Пальмера, посвященных А. С. Хомякову) утверждалось: «Отечественные записки» терпеть не могут духа гг. Хомякова и Языкова и ругают их во всяком нумере. Ругательства их для образованных и благонамеренных заменяют хвалу» (*«М»,* 1845, № 7—8, 112). См. ответ Б. в «Отечественных записках» № 10.

Августа 29. Цензур. разреш. «Маяка», т. XXIII. Информируя читателей о выходе второй части «Физиологии Петер-

бурга», редакция утверждает, что материалы второй части сборника «еще грязнее и противнее», чем в первой (*«Маяк»*, XXIII, кн. 45, отд. IV, 3).

Август 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 9. В отделе «Критика» статья Б. «Сто русских литераторов, изд. А. Смирдина», т. III. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Руководство ко всеобщей истории. Соч. Ф. Лоренца»; «Французские, немецкие и русские общественные разговоры»; «Французская азбука»; «Учебный французский словарь, сост. Я. Гердом»; «Наставление о шелководстве, сост. Н. Райко»; «Расчеты по 5 и 6 процентов, в таблицах, сост. М. Поднебесный»; «Записки русского путешественника. А. Глаголева». Статьи и рецензии без подписи.

Август — сентябрь. Б., оправляясь от болезни, с большим удовлетворением работает над статьей «Жизнь и сочинения Кольцова». Статья предназначается для сборника «Стихотворений Кольцова», которые редактирует Б., сговорившийся об их издании сперва с М. Д. Ольхиным, а затем с Некрасовым и Прокоповичем (*Б,* XII, 256). Права на издание стихотворений Кольцова принадлежали А. В. Станкевичу, который безвозмездно отказался от них в пользу Б. (*Некрасов*, X, 203). Книга вышла в свет около 1 марта 1846. О статье Б. о Кольцове см. 1846, февраля 5.

Сентября около 1. Достоевский, возвратившись после летнего отдыха из Ревеля в Петербург, навещает Б. (*Письма Достоевского,* 1, 80). С этой поры их встречи становятся все более и более частыми.

Сентября около 25. Б., беседуя с Достоевским, шутливо «наставлял» его, «каким образом можно ужиться в нашем литературном мире», и рекомендовал молодому писателю «требовать за печатный лист не менее 200 руб. асс.» (*Письма Достоевского,* I, 81).

Сентября 30? Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 10. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Стихотворения А. Струговщикова, заимствованные из Гёте и Шиллера»; «На сон грядущий. Соч. В. А. Соллогуба»; «Романы В. Скотта. Том. III, перев. под ред. А. А. Краевского»; «Сочинения Державина. Биография написана Н. А. Полевым»; «Сельское чтение, сост. кн. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким, кн. III»; «Башня Веселуха, или Смоленск и жители его. Соч. Ф. фон Э<ттингера>»; «Прощанье <Стихи>»; «Остроты и анекдоты М. Г. Сафира». В отделе «Смесь» Б. в заметке «Совет Москвитянину» (см. августа 27) вышучивает протест последнего против критического отношения в «Отечественных записках» к стихам Хомякова и Языкова. Рецензии и заметки без подписи.

Октября 3? Возвращение в Петербург Некрасова, отсутствовавшего в столице около четырех месяцев (*Письма Достоевского,* I, 81). См. июня 7.

Октября около 3. Б. бурно реагирует на столкновение А. И. Кронеберга с Краевским из-за выпуска в свет последним, без дополнительной оплаты, отдельного издания перевода романа «Королева Марго» Дюма, сделанного Кронебергом для «Отечественных записок». Б. очень удовлетворен энергией переводчика, заставившего Краевского выплатить ему дополнительный гонорар, хотя в результате этого конфликта Кронеберг должен был уступить свое место в «Отечественных записках» П. Р. Фурману, к которому Б. относился резко отрицательно (*Б,* XII, 253; *БЛ,* III, 447; *Некрасов,* X, 44—45). Инцидент с Кронебергом окончательно убеждает Б. в том, что Краевский — грубый эксплуататор, «всегда готовый высасывать из человека кровь и душу, потом бросить его за окно, как выжатый лимон» (*Б,* XII, 253).

Октября 5. А. Д. Галахов отвечает Краевскому на запрос о том, что говорят в Москве об «Отечественных записках»: «Все отзывы сливаются в один. Журнал ваш первый и по внутреннему достоинству и по числу подписчиков. Его читают все, его хвалят люди, понимающие дело, его бранят невежды — эти три пункта, кажется, ручаются твердо за его славу» (*ЛН,* т. 56, 176).

Октября 6. Публикация в журнале «Иллюстрация» объявления о подписке на «Финский вестник» — учено-литературный журнал, издаваемый Ф. К. Дершау на 1846 г. В числе сотрудников «Финского вестника» назван и Белинский (*«Иллюстрация»,* 1845, № 26, 415).

Б. не участвовал в «Финском вестнике» ни в 1845, ни в 1846 г. *, но относился к этому изданию очень положительно, высоко оценив в своем обзоре «Русская литература в 1845 г.» многие произведения, опубликованные как в литературно-художественном, так и в научном разделах «Финского вестника» (поэму А. Н. Майкова «Дух века», физиологические очерки, «Денщик» В. И. Даля и «Лука Лукич» Д<ершау?>, рассказы Гребенки «Иван Иванович» и «Фактор», статьи В. Майкова «Общественные науки в России» и «Очерк исторической деятельности до Карамзина» А. Старчевского). Однако Б. отказывался признать «Финский вестник» журналом в строгом смысле этого слова: «Не ищите в нем того, что требуется от журнала — определенной физиономии, верности однажды избранному принципу и т. п. Это сборник, не более» (*Б,* IX, 392, 398, 404).

Октября 8. Достоевский пишет брату: «Я бываю весьма часто у Б. Он ко мне до нельзя расположен и сериозно видит

во мне *доказательство перед публикою* и оправдание мнений своих». Б. «понукает» Достоевского «дописывать Голядкина и уже разгласил о нем во всем литературном мире и чуть не запродал Краевскому» (*Письма Достоевского,* I, 82).

Октября 10. Некрасов в письме к Кетчеру передает, что Б. «был болен воспалением в легких и так сильно, что лечивший его доктор Тильман опасался за его жизнь. Теперь он чувствует себя ни хорошо, ни худо, работает и кашляет так же, как при тебе, если еще не сильнее». Из друзей Б. «Анненков еще здесь, сбирается за границу по первому пути; Языков, Тютчев, Кронеберг, Маслов здоровы. Скука, рожи унылые. На днях были у Комаришки <А. С. Комаров> — сонно, вяло и скучно». Некрасов просит напомнить Герцену о том, чтобы он прислал Б. статью «Ум — хорошо, а два — лучше» и поскорее кончал другую свою статью <«Капризы и раздумье»> для «Петербургского сборника» (*Некрасов,* X, 44—45).

Октября 17. Грановский пишет Н. Г. Фролову, что «Б. умирает с голоду и работает из куска хлеба. Доктора советуют отдохнуть, но где средства? Чем жить? У Герцена нет денег, у меня, кроме долгов, нет ничего, следовательно мы не в состоянии ему помочь» (*Грановский,* 420).

Октября 17. Публикация в «Северной пчеле» статьи Л. В. Бранта (Я. Я. Я.) о «Физиологии Петербурга», полемизирующей с предисловием Б. к сборнику. Фамилия Б. не называется (*СП,* 1845, № 234).

Октября 18. Публикация в «Северной пчеле» продолжения критического фельетона Л. В. Бранта о «Физиологии Петербурга». Резко критикуя «недочеты» статьи Б. «Петербург и Москва», Брант заключает: «Ничего иного и нельзя было ожидать, если только это тот самый г. Белинский, который, как известно, подвизается в «Отечественных записках», достохвально ратуя против Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, унижая дарования и заслуги известнейших современных писателей русских, а между тем сам пишет так, что статью его невольно принимаешь за маранье ученика гимназии» (*СП,* 1845, № 235).

Октября 19. Публикация в «Северной пчеле» окончания статьи Л. В. Бранта о «Физиологии Петербурга» с резкими выпадами против Б. и других участников этой якобы «скучной и вздорной» книги (*СП,* 1845, № 236).

Октября 29. Герцен, прерывая «навсегда» свой дневник, говорит об утрате последних надежд на «революцию сверху»: «Мы потеряли уважение в Европе, на русских смотрят с злобой, почти с презрением. Россия становится представительни-

цей всего ретроградного, материальной силой, употребляемой для того, чтоб остановить течение европейского развития; да и как же смотреть на нее? В то время, как в самой Пруссии движение эмансипационное приобретает более и более характер величественный, у нас издается свод уголовных законов, в котором смерть за слово, за неосторожное выражение, — кнут разменен на плети; у нас заводят майораты, усиливают дворянство, то есть утрачивают те выгоды, о которых Бентам писал к императору Александру, когда он воцарился, что ему легче, нежели какому-нибудь монарху, дать цельные законы, потому что предрассудки римско-феодальные не мешают» (*Герцен,* II, 412—413).

Октября около 30. Герцен посылает Б. свою статью «Ум — хорошо, а два — лучше» (*ГЛ,* IV, 193).

Октября 31. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 11. В отделе «Критика» десятая статья Б. о «Сочинениях Александра Пушкина («Борис Годунов»)». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Столетие России, с 1745 до 1845 г. Соч. Н. Полевого»; «История консульства и империи. Соч. Тьера»; «Дом призрения престарелых и увечных граждан в С. Петербурге. Рассказ Е. Аладьина»; «Изображение характера и содержания новой истории Ив. Шульгина, кн. I и II»; «Частная реторика Н. Кошанского. Изд. 6-е»; «Умозрительные и опытные основания словесности. Соч. А. Глаголева. Изд. 2-е»; «Королева Марго. Роман А. Дюма»; «Отелло, венецианский мавр. Драма В. Шекспира. Перевод В. Лазаревского»; «Учебная книга итальянского языка для русских»; «Коварство. Соч. М. Чернявского»; «Три сказки и одна побасенка, пересказанные М. Максимовичем» (*БС,* XII, 511). Статья и рецензии без подписи.

Ноября 7. Публикация в «Северной пчеле» рецензии Л. В. Бранта (Я. Я. Я.) на «Библиотеку для чтения» (т. 72) с попутным упоминанием «критиков по Гегелю, чудно понимающих его, не зная немецкого языка» (*СП,* 1845, № 252).

Ноября около 10. Б. возобновляет дружеское общение с Тургеневым, возвратившимся в Петербург после шестимесячного пребывания за границей (*Летопись жизни Тургенева,* 39). У Б. часто встречается с ним и Достоевский (*Письма Достоевского,* I, 84).

Ноября 16. Достоевский в письме к брату заверяет, что Б. «любит его без памяти» и «охраняет от литературных антрепренеров». Под впечатлением его «Романа в письмах» Б. заявил, что «теперь уверен в нем совершенно», ибо молодой писатель показал, что может «браться за совершенно различные элементы». Б. не сочувствует, однако, слишком близкому участию Достоевского в альманахе «Зубоскал», затеянном Некра-

совым, полагая, что он не должен «профанировать себя». Достоевский признается, что Б. разбранил его на днях «в прах» за «беспорядочную жизнь» (*Письма Достоевского,* I, 85).

Ноября около 30. Анненков в письме к Герцену пишет: «Б. кашляет, гуляет по Невскому с женой и продолжает составлять единственное наслаждение моих вечеров» (*РМ,* 1892, VII, 99—100).

Ноября 30? Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 12. В отделе «Критика» статья Б. «Упрощение русской грамматики. Соч. К. М. Кодинского». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Букеты. Соч. гр. В. А. Соллогуба»; «Новая школа мужей. Комедия Р. Зотова»; «Воля за гробом. Соч. Ипп. Александрова»; «Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым, кн. 1»; «Карманная библиотека. Граф Монте-Кристо. Роман А. Дюма»; «Три мушкетера. Роман А. Дюма. Перев. В. Строева»; «Упрощение русской грамматики. Соч. К. М. Кодинского»; «Прогулка по Невскому. Изд. Е. Расторгуева»; «Отрывки в стихах и прозе»; «Кочубей, генеральный судья. Истор. повесть Н. Сементовского»; «Могила инока. Соч. Ф. Садовникова». В отделе «Смесь» статьи Б.: «Перевод сочин. Гоголя на французский язык»; «Северная пчела» — защитница правды и чистоты русского языка». Статьи и рецензии без подписи.

Ноябрь. Министр внутренних дел Л. А. Перовский представляет Николаю I секретную записку «Об уничтожении крепостного состояния в России» (*«Девятнадцатый век»,* кн. II, 1872, 182—189). Характеризуя впоследствии эту записку, Б. утверждал: «Перовский думал предупредить необходимость освобождения крестьян мудрыми распоряжениями, которые юридически определили бы патриархальные, по их сущности, отношения господ к крестьянам и обуздали бы произвол первых, не ослабив повиновения вторых: мысль, достойная человека благонамеренного, но ограниченного!» (*Б,* XII, 439).

Ноябрь — декабрь. Б., читая и редактируя материалы для «Петербургского сборника», особенно часто встречается с Некрасовым, Тургеневым, Достоевским, Панаевым и Анненковым (*Некрасов,* X, 49—50; *Письма Достоевского,* I, 84).

Декабря 1. Публикация в «Отечественных записках» № 12 первой части повести Герцена «Кто виноват?» Характеризуя это произведение в своем обзоре «Русская литература в 1845 г.», Б. писал: «Автор повести «Кто виноват?» как-то чудно умел довести ум до поэзии, мысль обратить в живые лица, плоды своей наблюдательности — в действие, исполненное драматического движения. Какая во всем поразительная верность действительности, какая глубокая мысль, какое единство действия, как все соразмерно — ничего лишнего, ничего недоска-

занного; какая оригинальность слога, сколько ума, юмора, остроумия, души, чувства! Если это не случайный опыт, не неожиданная удача в чуждом автору роде литературы, а залог целого ряда таких произведений в будущем, то мы смело можем поздравить публику с приобретением необыкновенного таланта в совершенно новом роде» (*Б*, IX, 396).

Декабря 2. Некрасов пишет Кетчеру, что «Б. здоров и работает». Прося о присылке стихотворений Огарева, из которых «лучшее, посоветовавшись с Б.», он хочет напечатать в «Петербургском сборнике», Некрасов упоминает о запрещении затеянного им сборника «Зубоскал» и о том, что на «субботы» А. С. Комарова никто больше не ходит (*Некрасов*, X, 50).

Декабря около 3. Б. устраивает «вечер» («чего почти никогда не делывал»), на котором Достоевский читает первые главы своей еще не законченной повести «Двойник» (*Достоевский*, XII, 298). На этом чтении присутствовали в числе прочих Тургенев, Григорович и Анненков. Судя по воспоминаниям последнего, Б. высоко оценил «силу и полноту разработки оригинально-странной темы», обратив внимание Достоевского лишь на «необходимость более легкой передачи своих мыслей» и рекомендуя «освободиться от затруднений изложения» (*П. Анненков*, 449; *Григорович*, 144). Высокая оценка «Двойника» дана была Б. в статье о «Петербургском сборнике» (*Б*, IX, 563—566). См. 1846, февраля 28.

Декабря 4. Публикация в «Северной пчеле» статьи Л. В. Бранта (Я. Я. Я.) о последних номерах «Отечественных записок», критический раздел которых изобличается в «абстрактности» и «отсутствии остроумия» (*СП*, 1845, № 274).

Декабря 5. Публикация в «Северной пчеле» продолжения статьи Л. В. Бранта, посвященной полемике с Б., без упоминания его фамилии (*СП*, 1845, № 275).

Декабря 7. Публикация в «Северной пчеле» окончания статьи Л. В. Бранта об «Отечественных записках». Полемизируя с десятой статьей Б. о Пушкине, Брант иронически упоминает о драме Б. «Пятидесятилетний дядюшка», об его грамматике, об его статье «Москва и Петербург», усматривая в них «те же принципы, ту же рефлексию и абстрактную реальность» (*СП*, 1845, № 276).

Декабря 13. Публикация в «Северной пчеле» рецензии Л. В. Бранта на «Тарантас» В. А. Соллогуба с ироническими упоминаниями о статье об этой повести «критика глубокомысленного журнала» (*СП*, 1845, № 281). См. ответ Б. в памфлете «Новый критикан» (*Б*, IX, 494), 1846, января 24.

Декабря около 15. Знакомство Б. с В. Н. Майковым, ограничивающееся «учтивым вниманием» первого и холодным «уважением» второго (*В. Майков,* XXXVIII).

Декабря 15. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 11. В статье «Голос в защиту русского языка» Д. П. Голохвастов резко полемизирует с рецензией Б. на «Грамматические разыскания В. А. Васильева» (*«М»,* № 11, 47—134). Ответ Б. «Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка» см. 1846, января 24.

Декабря около 25. Б., возмущенный политической беспринципностью Краевского и негодуя на слухи о том, что последний «выдает себя за благодетеля, который лишь из великодушия держит Б.» в журнале, принимает решение об уходе из «Отечественных записок». Для того, чтобы обеспечить себе возможность свободы действий и некоторого отдыха после изнурительной журнальной работы, Б. проектирует издание литературного альманаха, в котором обещают принять участие Некрасов, Тургенев, Достоевский и Панаев. Б. рассчитывает, кроме того, на повести Галахова и Кудрявцева, на статьи Герцена, Грановского, Кавелина и Анненкова, на «поэмку» А. Майкова (*Б,* XII, 254—255). Все заботы материально-технического порядка (бумага, типография) берет на себя Некрасов (*А. Панаева,* 150—160). См. 1846, января 2 и апреля 6.

Декабря 31. Цензур, разреш. «Отечественных записок», 1846, № 1. В отделе «Критика» статья Б. «Русская литература в 1845 году». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Мельник. Роман Ж. Занд, пер. П. Фурмана»; «Новоселье. Изд. 2-е»; «Русское чтение, изд. С. Глинкою, ч. II»; «Дух века Екатерины II»; «Воскресные посиделки. Пяток последний»; «Елка. Подарок на рождество. Азбука с примерами постепенного чтения»; «Предание о графине Берте, или Замок Вистгау. Соч. А. Дюма»; «Дон-Кихот Ламанчский. Рассказ для детей»; «Путешествие вокруг света, изд. Ф. Студитским. Южная Европа»; «Мери и Флора. Повесть А. Ишимовой»; «Каникулы в 1844 г., или Поездка в Москву. Соч. А. Ишимовой»; «Картины из истории детства знаменитых живописцев. Перев. с франц. под ред. М. Чистякова»; «Мать-наставница»; «Альманах для детей»; «Робинзон. Рассказ для детей»; «Пантеон русских баснописцев»; «Маленькие дети, повести Бланшара»; «История Петра Великого для детей». В отделе «Литературные и журнальные заметки» статьи Б.: 1. Отзывы французских журналов о Гоголе»; 2. «О «Северной пчеле», величающей себя хранительницей чистоты русского языка». Статьи и рецензии без подписи.

Б., характеризуя в статье «Русская литература в 1845 году» достижения новой литературной школы, объясняет причины ее успеха: «Стать смешным — значит проиграть свое дело.

Романтизм проиграл его всячески — и в литературе и в жизни. Он сам это чувствует. Что же было причиною его падения? Переворот в литературе, новое направление, принятое ею. Этого переворота не мог бы сделать ни Пушкин, ни Лермонтов <...> Для всего ложного и смешного один бич, меткий и страшный — юмор. Только вооруженный этим сильным орудием писатель мог дать новое направление литературе и убить романтизм. Нужно ли говорить, кто был этот писатель? Его давно уже знает вся читающая Россия; теперь его знает и Европа.

Если бы нас спросили, в чем состоит существенная заслуга новой литературной школы, — мы отвечали бы: в том именно, за что нападают на нее близорукая посредственность или низкая зависть, — в том, что от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой «толпе», исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою. Это значило повершить окончательно стремление нашей литературы, желавшей сделаться вполне национальною, русскою, оригинальною и самобытною; это значило сделать ее выражением и зеркалом русского общества, одушевить ее живым национальным интересом. Уничтожение всего фальшивого, ложного, неестественного долженствовало быть необходимым результатом этого нового направления нашей литературы, которая вполне обнаружилась с 1836 г., когда публика наша прочла «Миргород» и «Ревизора». С тех пор весь ход нашей литературы, вся сущность ее развития, весь интерес ее истории заключились в успехах новой школы» (*Б*, IX, 388).

Отмечая, что 1845 год был «несколько богаче» своего предшественника значительными литературными произведениями, Б. первое место в ряду их отводит «Тарантасу» В. Соллогуба (см. выше, стр. 405), повести Герцена «Кто виноват?» (см. выше, стр. 415) и физиологическим очеркам В. И. Даля-Луганского: «В. И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать ф и з и о л о г и ч е с к и м. Повесть с завязкою и развязкою — не в таланте В. И. Луганского, и все его попытки в этом роде замечательны только частностями, отдельными местами, но не целым. В физиологических же очерках лиц разных сословий он истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, то есть не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине. «Колбасники и бородачи», «Дворник» и «Денщик» — образцовые произведения в своем роде, тайну которого так глубоко постиг В. И. Луганский. После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе» (*Б*, IX,

398—399). К числу «замечательных» произведений 1845 г. Б. относит также «Петербургские вершины» Я. Буткова, «Петербургские углы» Некрасова, «Маменькин сынок» Панаева, «Необыкновенный поединок» Говорилина (А. Кульчицкого), поэмы Тургенева «Разговор» и «Андрей», «Две судьбы» А. Майкова, «Современную оду» и «Чиновника» Некрасова, «Город» и «Олимпий Радин» А. Григорьева, «Богатую невесту» П. Н. Меньшикова.

1845—1846

М. В. Буташевич-Петрашевский, кандидат прав С.-Петербургского университета, начинает собирать у себя «по пятницам» молодых литераторов, педагогов, чиновников и офицеров, интересующихся социально-экономическими вопросами, и пропагандирует среди них социалистическую «систему» Фурье, как «самую лучшую и удовлетворяющую всем требованиям человеческим» (*В. Семевский,* 94—95). Как устанавливалось в докладе генерал-аудиториата от 17 декабря 1849 г., «из показаний лиц, бывавших на собраниях у Петрашевского, открыто, что собрания те начались в конце 1845 г. и имели характер политический <...> В этих собраниях были распространяемы идеи против религии, семейственного быта и правительства; некоторые из участвовавших в сих собраниях говорили речи, отвергая в них православную веру, св. писание вообще и даже самое бытие божие; другие порицали государственные учреждения, высших сановников и священную особу вашего императорского величества; иные изъясняли свои незаконные предположения к освобождению крестьян и перемене судопроизводства» (*Петрашевцы,* 49, 281, 295, 298). Особенно многолюдными собрания у Петрашевского становятся с зимы 1847—1848 г. Б. о «пятницах» у Петрашевского мог знать только по слухам и сколько-нибудь определенного интереса к участникам «пятниц» и к их деятельности не проявлял.

«Петрашевцы были нашими меньшими братьями, как декабристы старшими», — писал Герцен, подчеркивая в «Былом и думах» связь нового поколения революционной молодежи с традициями Белинского и людей его круга (*Герцен,* X, 318).

1846

Января 1. Выход в свет «Отечественных записок», 1846, № 1, с отчетным критическим обзором Б. «Русская литература в 1845 г.». См. 1845, декабря 31.

В этом же номере, в рецензии на перевод романа Жорж Санд «Мельник из Анжибо», Б. извещает читателей о том,

что «наступающий год, — мы знаем это наверное, — должен сильно возбудить внимание публики одним новым литературным именем, которому, кажется, суждено играть в нашей литературе одну из таких ролей, какие даются слишком немногим. Что это за имя, чье оно, чем занимательно, — обо всем этом мы пока умолчим, тем более что все это сама публика узнает на днях» (*Б,* IX, 407—408). Эти строки имели в виду Достоевского и его повесть «Бедные люди», печатавшуюся в «Петербургском сборнике» Некрасова (*Б,* IX, 493—494). См. января 12 и 21.

Января около 1. Б. с увлечением читает лекции Кавелина, присланные ему автором из Москвы в рукописи. Б. полагает, что «основная мысль их о племенном и родовом характере русской истории в противоположность личному характеру западной истории — гениальная мысль» (*Б,* XII, 255). Из этих лекций Кавелина выросла его работа «Взгляд на юридический быт древней России». См. февраля около 15 и марта 20.

Января 2. Б. в письме к Герцену сообщает о своем решении отказаться от работы в «Отечественных записках». Это решение может быть осуществлено не раньше 1 апреля, так как деньги за первую четверть года уже получены им от Краевского и прожиты. Уход из «Отечественных записок» диктуется, с одной стороны, крайним обострением отношений Б. с Краевским, лишающим Б. свободы действий, рассматривающим Б. как чернорабочего, который «выписался» и может быть выброшен из журнала в любой момент, с другой — потребностью отдохнуть от непосильной и срочной работы, которая уже «высосала» из Б. «жизненные силы, как вампир кровь». Б. рассчитывает обеспечить свое материальное положение в 1846 г. изданием давно задуманной «Истории русской литературы» («к Пасхе» Б. надеется приготовить первую ее часть) * и выпуском в свет большого литературного альманаха (см. декабря около 25), для которого просит у Герцена вторую часть повести «Кто виноват?» Перечисляя участников будущего альманаха, Б. уверен в поддержке этого начинания Герценом, Грановским и Кавелиным. Б. не сомневается, что в случае отказа его литературных друзей сотрудничать в «Отечественных записках», Краевский вынужден будет к концу года или прекратить издание журнала, или принять те условия, которые предложит ему Б. (*Б,* XII, 252—256).

Января 4. Л. В. Брант в «Северной пчеле» резко полемизирует с «Отечественными записками», упрекая журнал в «самохвальстве, увлечении западной литературой и отвлеченными принципами» (*СП,* 1846, № 3).

Января 8. П. В. Анненков, с которым Б. особенно сблизился в последние месяцы, выезжает из Петербурга за гра-

ницу. Б. переживает эту разлуку как большое лишение (*Б,* XII, 257).

Января 8. Л. В. Брант, рецензируя в «Северной пчеле» книгу Я. Буткова «Петербургские вершины», отмечает положительный отзыв о ней в «Отечественных записках» и иронизирует по поводу «сочинителей Петербургских и Московских физиологий» (*СП,* 1845, № 6).

Января около 10. Б., побывав в мастерской художника К. Горбунова, высоко оценивает новые портреты Грановского, Щепкина и Н. А. Герцен. Менее удачным он находит портрет А. И. Герцена — «очень похож, но никому не нравится» (*Б,* XII, 259).

Января 10. Л. В. Брант в отзыве на новую книжку «Библиотеки для чтения» хвалит статью К. П<олевого> «Москва» и замечает: «Это не то, что «Физиология Москвы», сочиненная г. Белинским» (*СП*, 1846, № 8).

Января 12. Цензур. разреш. альманаха Некрасова «Петербургский сборник», в котором опубликованы: «Мысли и заметки о русской литературе» Белинского, «Бедные люди» Достоевского, «Капризы и раздумье» Герцена, «Три портрета» и «Помещик» Тургенева, «Мартингал» В. Ф. Одоевского, «Мой автограф» В. А. Соллогуба, «Парижские увеселения» Панаева, «Машенька» А. Майкова, стихотворения Некрасова «В дороге», «Пьяница», «Колыбельная песня», «Отрадно видеть, что находит порой тоска и на глупца...»

В статье «Мысли и заметки о русской литературе», определявшей литературно-политическую платформу альманаха (статья дана была с полной подписью автора: В. Белинский), развивались, во-первых, установочные положения, намеченные в обзоре «Русская литература в 1845 г.», и, во-вторых, с неизбежными, правда, вуалировками цензурного порядка, формулировались сомнения Б. в прочности классовых устоев николаевской государственности, его убеждение в исторической бесперспективности помещичье-дворянской политической диктатуры: «Реформа Петра Великого не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого, — утверждал Б., — но она подкопалась под основание этих стен, и если не повалила, то наклонила их на бок, и теперь со дня на день они все более и более клонятся, обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственным своим щебнем и мусором, так что починять их значило бы придавать им тяжесть, которая, по причине подрытого их основания, только ускорила бы их и без того неизбежное падение. И если теперь разделенные этими стенами сословия не могут переходить через них, как через ровную мостовую, зато легко могут перескакивать через них там, где

они особенно пообвалились или пострадали от проломов. Все это прежде делалось медленно и незаметно, теперь делается быстрее и заметнее, — и близко время, когда все это очень скоро и начисто сделается. Железные дороги пройдут и под стенами и через стены, тунеллями и мостами; усилением промышленности и торговли они переплетут интересы людей всех сословий и классов и заставят их вступить между собою в те живые и тесные отношения, которые невольно сглаживают все резкие и ненужные различия». Исключительную роль в деле «внутреннего сближения сословий» Белинский отводит передовой русской литературе, которая уже образовала в стране «род общественного мнения» и «произвела нечто вроде особенного класса в обществе, который от обыкновенного среднего сословия отличается тем, что состоит не из купечества и мещанства только, но из людей всех сословий, сблизившихся между собою через образование... Кто из имеющих право на имя человека не пожелает от всей души, чтобы эта общественность росла и увеличивалась не по дням, а по часам, как росли наши сказочные богатыри!» (*Б*, X, 431—432, 436).

Января 14. Б. в письме к Герцену горячо благодарит московских друзей за их быстрый отклик на его просьбу о поддержке задуманного им альманаха. Мотивируя необходимость своего скорейшего ухода из «Отечественных записок», Б. рассказывает о той жалкой роли, которую ему приходится подчас играть в журнале такого беспринципного литературного дельца, как Краевский. Последний не только варварски эксплуатирует Б., но и сознательно заваливает его самой мелочной неблагодарной рецензентской работой, заставляя забыть, что именно статьи Б. дали «Отечественным запискам» «дух и жизнь», что именно Б. является и сейчас их «закваской, солью». Б. отклоняет предложение сотрудничать в «Московских ведомостях» и не сомневается в том, что «новый журнал» будет организован в Петербурге его друзьями не позже, чем через два года. Жалуясь на разрушение своего здоровья, Б. опасается за будущее своей семьи: «Страшно оставить жену и дочь без куска хлеба» (*Б*, XII, 256—259).

Января 14. Л. В. Брант, рецензируя в «Северной пчеле» «Юмористические рассказы нашего времени» Абракадабры (П. Машкова), иронически упоминает статью Б. «Русская литература в 1845 г.», в которой шла речь о «перевороте в русской литературе», связанном с именем Гоголя (*СП*, 1846, № 11).

Января 15. Л. В. Брант в «Северной пчеле» резко полемизирует со статьею Б. о книге Кодинского «Упрощение русской грамматики» и негодует по поводу «холостых выстрелов «Отечественных записок» в «Северную пчелу» и сотрудников ее, дерзающих не восхищаться писаниями г. Белинского» (*СП*, 1846, № 12). См. *ОЗ*, 1845, № 12.

Января 19. Булгарин в «Северной пчеле» иронизирует по поводу статей «недоучившихся студентов» в «Отечественных записках» и защищает Бранта от их нападок (*СП,* 1846, № 16). См. ответ Б. в *ОЗ,* № 2 *(Б,* IX, 495).

Января 21. Выход в свет «Петербургского сборника» (*Б,* XII, 261).

Б., отмечая успех «Петербургского сборника», писал: «Дивиться этому успеху нечего: такой альманах — еще небывалое явление в нашей литературе. Выбор статей, их многочисленность, объем книги, внешняя изящность издания — все это, вместе взятое, есть небывалое явление в этом роде; оттого и успех небывалый» (*Б, IX* 581). См. января 12 и февраля 5.

Января 24. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 2. (*Реестры СПб. цензурного комитета.*) В отделе «Критика» статья Б. «Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка» <Д. П. Голохвастова>. В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым»; «Переводы А. Струговщикова»; «Стихи на объявление памятника Н. М. Карамзину»; «Невский альманах на 1846 г.»; «Юмористические рассказы нашего времени, издаваемые Абракадаброю <П. Машковым>»; «Мирза Хаджи-Баба Исфагани. Соч. Мориера»; «Кошка графини Берты. Сказка А. Дюма». В отделе «Смесь» памфлет Б. на Л. В. Бранта: «Новый критикан» *. Статья, рецензии и памфлет опубликованы без подписи.

Января около 25. Б. взволнован предложением А. В. Станкевича ехать вместе с ним для лечения за границу. Эту поездку Б. хотел бы осуществить осенью, так как весною ему необходимо наладить свои литературные и материальные дела (*Б,* XII, 260).

Января 26. Булгарин в «Северной пчеле», ополчаясь в своем фельетоне «Журнальная всякая всячина» на писателей, участвующих в альманахах «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник», впервые пускает в оборот иронический термин «натуральная школа» (*СП,* 1846, № 22). Это бранное обозначение было переосмыслено Б., как характеристика, отвечающая установкам новой литературной школы, созданной Гоголем (*Б,* IX, 544 и 612). См. марта 28.

Января 26. В еженедельнике «Иллюстрация» анонимный рецензент «Петербургского сборника» резко полемизирует со статьей *Б.* «Мысли и заметки о русской литературе» (*«Иллюстрация»,* 1846, № 4, 59).

Января 26. Б. в письме к Герцену благодарит московских друзей за материалы, обещанные ими для его будущего альманаха. Б. не скрывает, однако, своего огорчения по поводу

решения Герцена дать ему вместо второй части повести «Кто виноват?», уже обещанной Краевскому, две новые «вещицы», которые, как опасается Б., могут и не поспеть к сроку. Б. просит пока никому не говорить об уходе его из «Отечественных записок»: «Мне надо помедлить неделю-другую — не больше» (*Б,* XII, 259—261). См. февраля около 15.

Января 29. Комитет иностранной цензуры выносит решение о запрещении книги М. Штирнера «Der Einzige und sein Eigentum», ввиду того, что автор «отрицает все отношения религиозные, политические и гражданские и проповедует безначалие». (*«Каторга и ссылка»,* 1929, VI, 195). Книга эта вышла в свет в конце 1844 г. (*Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса,* IV, 1938, 97). См. 1847, февраля около 10.

Января 31. Л. В. Брант в «Северной пчеле», в рецензии на «Петербургский сборник», утверждает, что статья Б. «Мысли и заметки о русской литературе» является сводом его «многолетних разглагольствований»: «Но скажите, г. Белинский, когда наконец будет конец этим жалким и вовсе не смешным шуткам над русскою литературою? Именем Аполлона и всех девяти муз взываю к вам: оставьте ее в покое!» (*СП,* 1846, № 26).

Февраля 1. Булгарин в «Северной пчеле» глумится над «новой литературной партией натуралистов», связанной с Гоголем, и над ее апологетами в «Отечественных записках» (*СП,* 1846, № 27). Имя Б. прямо названо не было.

Февраля 1. Достоевский в письме к брату говорит о шуме, вызванном выходом в свет «Бедных людей», причем «наши все и даже Белинский» находят в нем, Достоевском, «новую оригинальную струю, состоящую в том, что он действует анализом, а не синтезисом», в то время как «Гоголь берет прямо целое и оттого не так глубок, как он» (*Письма Достоевского,* 86—87).

Февраля 3? Б. получает справку от 31 января 1846 г. о результатах поисков формулярных данных о нем и о его родных в Кронштадтских гошпитальных и церковных архивах (*Бик,* 289—291). См. 1847, января 20.

Февраля 5. Б., получив письмо (не дошедшее до нас) и деньги (100 руб.) от Герцена, в своем ответном письме * передает об исключительном успехе «Петербургского сборника» и подчеркивает, что за последние несколько лет «только три книги на Руси» раскупались с такою быстротою: «Мертвые души», «Тарантас», «Петербургский сборник». Мечтая о том, чтобы затеянный им альманах попал в этом отношении на четвертое место, Б. считает необходимым объем издания довести до пятидесяти печатных листов и дать в нем возможно

более «повестей из русской жизни». Огорченный отказом Герцена дать в альманах вторую часть романа «Кто виноват?», Б. с нетерпением ждет «Сороку-воровку» Герцена, которая вместе с повестью Достоевского «Сбритые бакенбарды» должна обеспечить успех нового сборника. Рассчитывая в ближайшее же время получить из Москвы, с помощью Герцена, «Отрывок из записок» М. С. Щепкина, а также статьи Кавелина, Грановского, Мельгунова и С. М. Соловьева, Б. заранее благодарит их всех за поддержку издания. Б. информирует Герцена о том, что 6 февраля им послано будет письмо к Краевскому об уходе из «Отечественных записок», причем считает возможным, что Краевский попробует вступить с ним «в переговоры». Однако, нуждаясь прежде всего в отдыхе от изнурительной журнальной работы, Б. полагает, что если через некоторое время ему придется «запрячься в журнал, то уж в такой, где он был бы и редактором, а не сотрудником только» (*Б*, XII, 261—263).

Февраля 5. Цензур. разреш. книги «Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским. Изд. Н. Некрасова и Н. Прокоповича. СПб. 1846». См. 1845, август—сентябрь.

Характеризуя Кольцова, как русского национального поэта, Б. формулирует в статье о нем свое понимание «гения» и «таланта». Как полагает Б., «одно из главнейших и существеннейших качеств гения есть оригинальность и самобытность, потом всеобщность и глубина его идей и идеалов и, наконец, историческое влияние их на эпоху, в которой он живет. Гений всегда открывает своими творениями новый, никому до него не известный, никем не подозреваемый мир действительности <...> Отсутствие оригинальности и самобытности всегда есть характеристический признак таланта: он живет не своею, а чужою жизнию, его вдохновение есть не что иное, как п л е н н о й м ы с л и р а з д р а ж е н и е, — мысли, захваченной у гения или подслушанной у самой толпы. Талант не управляет толпою, а льстит ей, не утверждает даже новой моды, а идет за модою; куда дует ветер, туда и стремится он». Между «гением» и «талантом», как нечто промежуточное между ними, Б. устанавливает еще одну степень поэтического дарования — «гениальный талант»: «К числу таких талантов принадлежит и талант Кольцова <...> Гениальный талант отличается от обыкновенного таланта тем, что подобно гению живет собственною жизнию, творит свободно, а не подражательно, и на свои творения налагает печать оригинальности и самобытности со стороны как содержания, так и формы. От гения же он отличается объемом своего содержания, которое у него бывает менее общо и более частно. И потому гений есть полный властелин своего времени, которое носит на

себе его имя, — тогда как влияние гениального таланта, как бы оно ни было сильно, всегда простирается только на одну какую-нибудь сторону искусства и жизни» (*Б,* IX, 527—528).

И далее: «Кольцов родился для поэзии, которую он создал. Он был сыном народа в полном значении этого слова. Быт, среди которого он воспитался и вырос, был тот же крестьянский быт, хотя несколько и выше его. Кольцов вырос среди степей и мужиков. Он не для фраз, не для красного словца, не воображением, не мечтою, а душою, сердцем, кровью любил русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, как зародыш, как возможность, живет в натуре русского селянина. Не на словах, а на деле сочувствовал он простому народу в его горестях, радостях и наслаждениях. Он знал его быт, его нужды, горе и радость, прозу и поэзию его жизни, — знал их не понаслышке, не из книг, не через изучение, а потому, что сам, и по своей натуре и по своему положению, был вполне русский человек. Он носил в себе все элементы русского духа, в особенности — страшную силу в страдании и в наслаждении, способность бешено предаваться и печали и веселию и вместо того, чтобы падать под бременем самого отчаяния, способность находить в нем какое-то буйное, удалое, размашистое упоение <...> Русские звуки поэзии Кольцова должны породить много новых мотивов национальной русской музыки. И придет время, когда песни Кольцова пройдут в народ и будут петься на всем пространстве беспредельной Руси, как некогда пройдут в народ и будут заучены им наизусть басни Крылова» (*Б,* IX, 532—533 и 538).

Февраля 6. Б. в письме к Краевскому осведомляет его о своем уходе с 1 апреля из «Отечественных записок» (письмо это не сохранилось). Приглашенный в контору «Отечественных записок» для личного объяснения, Б. убеждается в том, что Краевский, хотя и «сконфужен сильно» всем происшедшим, но «опасности своей не понимает», так как смотрит на Б. «не как на душу своего журнала, а как на работящего вола, которого трудно заменить, но потеря которого все же не есть потеря всего» (*Б,* XII, 264).

Февраля 9. Булгарин в «Северной пчеле», говоря о нападках на балерину Андреянову в «Отечественных записках», протестует против унижения в этом журнале «всех талантов, не участвующих в его издании» и упрекает «Отечественные записки» в отсутствии патриотизма (*СП,* 1846, № 33).

Февраля около 15. Герцен посылает Б. для его альманаха свою «Сороку-воровку», статью С. М. Соловьева «Даниил Галицкий» и начало работы Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России». В сопроводительном письме (не сохранилось) Герцен сообщает о плане новой своей повести

(«Доктор Крупов») и передает Б. приглашение Щепкина ехать с ним на лето в Одессу и Крым (*Б,* XII, 264—266).

Февраля 18. П. П. Иванов в письме к Б. из Пачелмы информирует его о причинах задержки оформления в Пензе документов о правах Б. на дворянское звание (*ЛН,* т. 57, 238—239). См. 1847, марта 4.

Февраля 19. Б. в письме к Герцену сообщает о своем объяснении с Краевским и выражает большое удовлетворение по поводу предстоящего ухода из «Отечественных записок»: «Дело идет не только о здоровье — о жизни и уме моем. Ведь я тупею со дня на день. Памяти нет, в голове хаос от русских книг, а в руке всегда готовые общие места и казенная манера писать обо всем». Однако Б. не возражает против предложения Герцена вмешаться в его конфликт с Краевским и рекомендует объяснить последнему, что в случае ухода Б. «Отечественные записки» должны много потерять в духе и направлении», так как вместе с Б. из журнала могут уйти и некоторые другие его сотрудники. Б. очень доволен статьями, полученными для подготовляемого им альманаха (см. февраля около 15), и радуется, что у него сейчас «много дельных предприятий и затей, которые при «Отечественных записках» никогда бы не выполнились» (*Б,* XII, 264—267).

Февраля 22. Смерть Н. А. Полевого (*И. З. Крылов,* 6). Б. горячо откликается на эту потерю в рецензии на вторую часть книжки Полевого «Столетие России, с 1745 до 1845 г.» (*Б,* IX, 582—583) и в брошюре «Н. А. Полевой». См. февраля 28 и апреля 25.

Февраля 25. Герцен в письме к Краевскому выражает надежду на то, что последний примет меры к предотвращению ухода Б. из «Отечественных записок», облегчив условия его работы (*ГЛ*, IV, 410). См. февраля 19.

Февраля 28. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 3. В отделе «Критика» статья Б. «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым». В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Столетие России, с 1745 до 1845 г. Соч. Н. Полевого, ч. II»; «Вчера и сегодня. Литерат. сборн., сост. В. А. Соллогубом, кн. 2»; «Воспоминания о Н. И. Хмельницком Е. Аладьина»; «Сельское чтение, сост. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким. Кн. 1, изд. 5-е, кн. 2, изд. 2-е»; «Руководство к первоначальному изучению всеобщей истории <В. Ф. Фольгера>»; «Занимательное и поучительное чтение для детей. Изд. 2-е». Статья и рецензии без подписи Б.

Характеризуя в статье о «Петербургском сборнике» две первые повести Достоевского, Б. писал: «Нельзя не согласиться, что для первого дебюта «Бедные люди» и непосредственно за ними «Двойник» — произведения необыкновенного

размера и что так еще никто не начинал из русских писателей». Б. приветствует социальную направленность «Бедных людей»: «Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: «Ведь это тоже люди, ваши братья!» В «Двойнике» Б. усматривает «еще больше творческого таланта и глубины мысли». Полемизируя с «толками большинства, что «Двойник» — плохая повесть, что слухи о необыкновенном таланте его автора преувеличены», Б. заключает свою характеристику Достоевского утверждением, что «много в продолжение его поприща явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы» (*Б,* IX, 552, 566).

Февраля 28. Л. В. Брант в «Северной пчеле» иронизирует по поводу провозглашения в «Отечественных записках» «нового гения на смену Гоголя — Достоевского» (*СП,* 1846, № 47). См. марта 9.

Февраля 28. Цензур. разреш. «Финского вестника», т. VIII. Анонимный рецензент биографии Державина, написанной Н. А. Полевым (см. 1844, ноября 15), негодует по поводу «полемических выходок» в этой статье против Б. (*ФВ,* 1846, VIII, отд. V, 35—36). В этом же томе редакция солидаризируется с отрицательной характеристикой Л. В. Бранта, данной Б. в «Отечественных записках» (*ФВ,* VIII, отд. VI, 3). См. января 24.

Февраля 28. Похороны Н. А. Полевого. Как свидетельствует И. И. Панаев, «Церковь была набита битком. Все почти литераторы присутствовали на его похоронах. Гроб его несли до кладбища на руках» (*И. Панаев,* 266. Ср. *И. З. Крылов,* 6—7).

Марта 1. Информация в «Отечественных записках» о предстоящем выходе в свет «Стихотворений Кольцова, с статьею о его жизни и сочинениях, написанною г. Белинским» (*ОЗ,* 1846, № 3, отд. VI, 40). См. февраля 5.

Марта 1. Л. В. Брант в «Северной пчеле» резко полемизирует со статьями Б. «Русская литература в 1845 г.» и «Новый критикан». Попутно Брант протестует против положительных суждений Б. о Достоевском (*СП,* 1846, № 48).

Марта 2. Булгарин в «Северной пчеле» иронизирует по поводу того, что «Отечественные записки», или, правильнее, кормчий их г. Белинский, утверждает печатно, что у нас более гениев, чем талантов» (*СП,* 1846, № 49). См. марта 11.

Марта 3. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 2 А. Студитский в статье «Русские литературные журналы» полемизирует с рецензией Б. на детские книги в «Отечественных записках»

№ 1, цитирует выпады «Северной пчелы» против «Мыслей и заметок о русской литературе» Б. и положительно отмечает «умеренность, которая не была прежде свойственна «Отечественным запискам», в обзоре Б. «Русская литература в 1845 г.» (*«М»,* 1846, № 2, 211—214 и 218—219). В этом же номере резкий отклик на перепечатку в статье Б. нескольких строк из «Стихов на объявление памятника Н. М. Карамзину» Н. М. Языкова об ужасах царствования Ивана Грозного (*Б,* IX, 478—479). В перепечатке этих стихов Б. редакция «Москвитянина» усмотрела неблаговидное «донесение» (*«М»,* № 2, 264). См. января 31.

Марта 5. Цензур. разреш. «комического иллюстрированного альманаха» Некрасова «Первое апреля», составленного «из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов и пуфов». Б. очень сочувственно отметил в рецензии на этот альманах памфлетные анекдоты о К. Аксакове, Погодине, Шевыреве, эпиграмму Некрасова на Булгарина («Он у нас осьмое чудо...»), пародию Панаева на стихи Бенедиктова, коллективный фельетон Григоровича, Достоевского и Некрасова «Как опасно предаваться честолюбивым снам» (*Б,* IX, 604—608). См. марта 28 и апреля 13.

Марта 9. Булгарин в «Северной пчеле» вспоминает о том, как несколько лет тому назад «Отечественные записки» «вызвали из Москвы критика, который своими парадоксами, печатаемыми в «Молве», заставил добрых людей взглянуть на себя с улыбкой удивления, и поручили ему писать разборы книг, то есть уничтожать все прошлое и рубить все: ч т о н е с н а м и, т о п р о т и в н а с». Далее Булгарин иронизировал по поводу провозглашения в «Отечественных записках» «нового гения — Достоевского» и не сомневался в отрицательном отношении «Отечественных записок» к новому роману Загоскина «Брынский лес» (*СП,* 1846, № 55).

Марта около 10. Герцен в записке к Н. М. Щепкину предупреждает о том, что «завтра или послезавтра» он отправляет Б. статьи, собранные в Москве для его альманаха. В связи с этим Герцен просит внести некоторые дополнения и уточнения в отрывок из воспоминаний М. С. Щепкина, предназначенный для Б. (*ЛН,* т. 56, 177).

Марта 11. Л. В. Брант в «Северной пчеле» в рецензии на сборник В. А. Соллогуба «Вчера и сегодня», пишет, что «по шестикратному удостоверению г. Белинского» в русской литературе «оказалось гениев больше, нежели обыкновенных талантов» (*СП,* 1846, № 56). См. марта 2 и апреля 17.

Марта 12. К. К. Герц передает Плетневу, что он слышал от Б. о несогласиях последнего с Краевским и убедился в близости «совершенного разрыва» между ними. Герц думает,

что Б. перейдет к Дершау (в «Финский вестник»), у которого ныне «будто бы уже 1300 подписчиков» (*Переписка Грота с Плетневым,* II, 702—703).

Марта около 15. В Москву возвращается после четырехлетнего пребывания за границей Н. П. Огарев (*Б,* XII, 268). См. 1842, июля конец.

Марта 16. Булгарин в «Северной пчеле», глумясь над критикой «Отечественных записок», пишет: «Нас уверяют в субъективном журнале, что язык наш так беден, что должен следовать новым принципам?!» (*СП,* 1846, № 61).

Марта 19. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 3. С. П. Шевырев в рецензии на «Петербургский сборник» характеризует статью «Мысли и заметки о русской литературе» как «критическое попури на любимые темы» Б.: «Белинский принадлежит, без сомнения, к числу замечательных деятелей в русской современной словесности. Он представляет значительный плод нашего журнального образования: «Телеграф», «Телескоп» и «Молва» были его Гёттингеном, Иеною и Берлином. В них он созрел для того, чтобы воздвигнуть новый журнальный университет. Он внес в критику нашу народную стихию, которой до него еще не бывало: эту стихию можно назвать удальством» (*«М»,* 1846, № 3, 176—185). В этом же номере А. Студитский резко полемизирует со статьями Б. в «Отечественных записках» № 2, а Д. <Голохвастов> отвечает на статью Б. о «Голосе в защиту русского языка» (*«М»,* № 3, 197—198 и 212—251).

Марта 20. Редакция «Отечественных записок» отправляет на рассмотрение цензору А. И. Мехелину типографские гранки начала статьи Б. «Воспоминания Фаддея Булгарина» (*Б,* IX, 788). См. марта 24 и 26.

Марта 20. Б. в письме к Герцену высоко оценивает полученный из Москвы материал для своего альманаха («Записки доктора Крупова», «Сорока-воровка», отрывок из записок М. С. Щепкина, статьи Кавелина и Мельгунова), окончательно определяет название альманаха — «Левиафан», предполагая начать его печатание в апреле, а выпуск в свет намечая на октябрь. Б. в восторге от предстоящей поездки с Щепкиным в Одессу и Крым: «Сделать верст тысячи четыре, на юг, дорогою спать, есть, пить, глазеть по сторонам, ни о чем не заботиться, не писать, даже не читать русских книг для библиографии — да это для меня лучше Магометова рая».

Б. информирует Герцена о слухах, якобы распускаемых Краевским, что Б. удаляется из «Отечественных записок», как «человек беспокойный и его изданию опасный». В то же время через Некрасова Краевский проявляет большой интерес к Б. и осуждает его за уход из «Отечественных записок». В при-

писке к письму Б. приветствует Огарева, только что приехавшего из-за границы в Москву (*Б,* XII, 267—268).

Марта около 20. Булгарин в секретной докладной записке «Социализм, коммунизм и пантеизм в России в последнее 25-летие», представленной в III Отделение, обращает внимание руководителей государственной охраны на то, что «всё направление или tendance «Отечественных записок» клонится к тому, чтобы возбудить жажду к переворотам и революциям, — и это проповедуется в каждой книжке». Характеризуя разрушительные установки литературно-критических статей Б., Булгарин доказывает, что «огромный класс, ежедневно умножающийся, людей, которым нечего терять и в перевороте есть надежда все получить — кантонисты, семинаристы, дети бедных чиновников и пр. и пр. почитают «Отечественные записки» своим евангелием, а Краевского и первого его министра Белинского (выгнанного московского студента) апостолами». Булгарин подозревает, что уход Белинского из «Отечественных записок» является «мастерской комедией», которую сыграл Краевский только для того, чтобы отвлечь от себя неприятности за декабрьскую книжку «Отечественных записок». Перелагая вину на Белинского, которого он «якобы удаляет от журнала», Краевский, чтобы замять дело, по сведениям Булгарина, дал Б. денег на поездку в Крым, якобы лечиться, «обязав его, однако ж, писать оттуда. В публику пущен пуф, якобы Краевский и Белинский рассорились, но это обман» (*М. Лемке,* 300—308).

Марта 24. Редакция «Отечественных записок» отправляет на рассмотрение цензора А. И. Мехелина типографские гранки продолжения статьи Б. «Воспоминания Фаддея Булгарина» (*Б,* IX, 788). См. марта 20 и 26.

Марта 25. Краевский в письме к А. В. Никитенко просит его выступить в СПб. цензурном комитете в защиту статьи «Воспоминания Фаддея Булгарина»: «Пусть по крайней мере покровители Булгарина скажут ясно и определительно, что мы, дескать, считаем его человеком, недоступным ни для каких упреков, что мы должны защищать его, как честь и красу нашей литературы» (*Б,* IX, 784). Имя Б., как автора статьи, в письме указано не было.

Марта около 25. Б. знакомится с И. А. Гончаровым, передавшим ему через М. А. Языкова рукопись «Обыкновенной истории» (*Сб. РПБ,* II, 7). См. апреля 1 (письмо Достоевского).

Марта 26. СПб. цензурный комитет выносит решение о запрещении «в нынешнем ее виде» статьи «Воспоминания Фаддея Булгарина», предназначенной для «Отечественных записок» № 4 (*Б,* IX, 788). Статья эта, дошедшая до нас частью

в рукописи, частью в корректурных листах, при жизни Б. опубликована была лишь в небольших извлечениях (*Б,* IX, 613—696). См. апреля 30.

Марта 26. Б. в письме к Кудрявцеву благодарит за обещанную повесть и предупреждает, что затеянный им альманах отложен на осень. Б. шутливо предостерегает Кудрявцева от «сифилитического влияния» на него за границей «шеллингианизма, пиэтистицизма и неметчины» (*Б,* XII, 269—270).

Марта 26. Б. в письме за границу к В. П. Боткину благодарит за «Письма об Испании и Танжере», полученные им для альманаха. Б. с грустью говорит о том, что он и Боткин «давно не видались» и «давно не подавали друг другу голоса», он «стал на письма так же ленив, как во время оно (глупое время!) был ретив»: «О себе писать мне просто противно, а больше ведь у нас не о чем писать. Скоро увидимся — тогда вновь познакомимся друг с другом, говорю: познакомимся, потому что после трехлетней разлуки ни я, ни ты — не то, что были <...> В это время я пережил да передумал (и уже не головою, как прежде), право, лет за тридцать <...> При мысли о свидании с тобою мне все кажется, будто мы расстались молодыми, а свидимся стариками, и от этой мысли мне и грустно, и больно, и почти что страшно. Молодыми! Нет, я не был молод никогда, потому что всегда жил головой и сумел даже и из сердца сделать голову» (*Б,* XII, 268—269). Письмо было послано с оказией, через Н. П. Боткина.

Марта около 26. Письмо Б. к П. В. Анненкову, которое до нас не дошло. Письмо было отправлено с оказией, через Н. П. Боткина (*Б,* XII, 269).

Марта 28. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 4 (*Реестры СПб. цензурного комитета*). В «Библиографической хронике» рецензии Б.: «Стихотворения Аполлона Григорьева»; «Стихотворения 1845 года. Я. П. Полонского»; «Лексикон философских предметов, сост. А. Галичем»; «Юмористические рассказы нашего времени, издаваемые Абракадаброю <П. А. Машковым>. Кн. 4 и 5»; «Первое апреля. Комический иллюстрированный альманах <изд. Н. Некрасова>». В «Литературных и журнальных заметках» Б. полемизирует с «Северной пчелой» по поводу ее недоброжелательного отклика на перевод повестей Гоголя на французский язык. Эти полемические заметки извлечены были из запрещенной статьи Б. о воспоминаниях Булгарина. Рецензии и заметки опубликованы без подписи Б.

«Булгарин, — писал Б., — не может простить ему <Гоголю> основания литературной школы, которая всех старых писателей лишила всякой возможности с успехом писать ро-

маны, повести и комедии из русской жизни и которую за это г. Булгарин очень основательно прозвал новою журнальною школою в отличие от старой риторической или не натуральной, то есть искусственной, другими словами ложной школы. Этим он прекрасно оценил новую школу и в то же время отдал справедливость старой; новой школе ничего не остается, как благодарить его за удачно приданный ей эпитет» (*Б,* IX, 611—612).

В этом же номере «Отечественных записок» появилась первая печатная информация о предстоящем выходе в свет «осенью нынешнего года огромного сборника статей литературного и ученого содержания, в котором, говорят, будет до восьми оригинальных повестей и несколько поэм в стихах» (*Б,* IX, 591). Эта информация о «Левиафане» включена была в рецензию Б. на стихотворения А. Григорьева и Я. Полонского (*ОЗ,* 1846, № 4, «Библиографическая хроника», 53).

Марта 28. Публикация в «Отечественных записках» № 4 восьмого «Письма об изучении природы» Герцена — «Реализм» (*ОЗ,* 1846, № 4, отд. II, 91—108).

Март — апрель. Б. встречается с А. А. Тучковым, приехавшим в Петербург из Москвы (*Б,* XII, 270).

Апреля 1. Достоевский в письме к брату сообщает «огромную новость»: «Белинский оставляет «Отечественные записки». Он страшно расстроил здоровье, отправляется на воды, может быть, за границу. Он не возьмется за критику года два. Но для поддержания финансов издает исполинской толщины альманах (60 печатных листов). Я пишу ему две повести: «Сбритые бакенбарды»; «Повесть об уничтоженных канцеляриях». В этом же письме Достоевский отмечает: «Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров. Первый печатался, второй начинающий и не печатавшийся нигде. Их ужасно хвалят». В то же время, как признается Достоевский, его «Двойник» не пользуется успехом: «Свои, наши, Белинский и все мною не довольны за Голядкина» (*Письма Достоевского,* 88—89).

Апреля 1. Выход в свет «Библиотеки для чтения», 1846, № 4. В статье А. В. Никитенко о «Петербургском сборнике», опубликованной в этом номере, дана высокая оценка «Мыслей и заметок о русской литературе» Б.: «Эти заметки и мысли большею частью так верны, показывают столько знания и умения разбирать самые сложные и запутанные вопросы нашей литературы, что их должны прочесть с большим удовольствием все, которые в суждениях о ней хотят истины, а не пустых словопрений» (*БдЧ,* 1846, № 4, 51—52).

Апреля около 1. Тургенев и Некрасов в стихотворении «Послание Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры...») пародируют приглашение Достоевского в альманах «Левиафан» (*ЛВ,* 1903, I, 114; *Тургенев,* XI, 638—639).

Апреля 5. Б., обеспокоенный молчанием Герцена, пишет ему письмо, которое на следующий день уничтожает и заменяет другим (*Б,* XII, 270). См. апреля 6.

Апреля 6. Б., отвечая на не дошедшее до нас письмо Герцена, признается, что был очень встревожен долгим молчанием последнего и опасался, что поездка Щепкина на юг почему-либо расстроилась. Б. утверждает, что едет он «не только за здоровьем, но и за жизнию»: «Дорога, воздух, климат, лень, законная праздность, беззаботность, новые предметы, и все это с таким спутником, как Михаил Семенович,— да я от одной мысли об этом чувствую себя здоровее». Б. делится впечатлениями от только что опубликованной в «Отечественных записках» главы «Владимир Бельтов» из романа «Кто виноват?»: «Ты не поэт: об этом смешно и толковать; но ведь и Вольтер не был поэт не только в «Генриаде», но и в «Кандиде», — однако его «Кандид» потягается в долговечности со многими великими художественными созданиями, а многие не великие уже пережил и еще больше переживет их». Б. не сомневается, что если Герцен «лет в десять напишет три-четыре томика, поплотнее и порядочного размера», то он попадет «не только в историю русской литературы, но и в историю Карамзина»: «Ты можешь оказать сильное и благодетельное влияние на современность». Б. не соглашается с Герценом, что с уходом его, Б., из «Отечественных записок» «в литературе не останется óргана благородных и умных убеждений». Б. «уверен, что не пройдет двух лет», как он будет «полным редактором журнала», ибо «спекулянты не упустят основать журнал», рассчитывая именно на него, как на человека, «одаренного добродетельною способностию делать других богатыми, оставаясь нищим». Б. подчеркивает, что в «Отечественных записках» он «держался тона не всегда своего, а часто тона журнала», что Краевский — беспринципный делец, для которого «люди — средство и либерализм — средство». Не сомневаясь, что «все мы в новом журнале будем те же, да не те», Б. исключает для себя возможность участия в «Отечественных записках» помещением в них время от времени отдельных статей и рецензий, так как работать с Краевским он не может уже ни на каких условиях. Б. благодарит Герцена за обещанные 500 руб. на дорожные расходы, но просит отдать их ему в Москве, куда он выезжает с Некрасовым 26 апреля (*Б,* XII, 270—274).

Апреля 10. Герцен в письме к Краевскому, не зная о принадлежности Б. рецензии на «Лексикон философских пред-

метов» А. И. Галича, запрашивает имя ее автора: «Я чуть не умер со смеху» (*ГЛ*, IV, 411; *Б*, IX, 600—603).

Апреля 12. Анонимный рецензент альманаха «Первое апреля» в «Северной пчеле», негодуя по поводу положительной оценки этого издания в «Отечественных записках», отмечает, что альманах вышел в свет в один день со статьей о нем (*СП*, 1846, № 80). Имя Б., как автора статьи, осталось неназванным. См. апреля 13 и 20.

Апреля 13. Булгарин в «Северной пчеле» возмущается статьею о сборнике «Первое апреля» и утверждает, что критика в «Отечественных записках» основана на личных отношениях, а не на объективных данных, как в «Северной пчеле» (*СП*, 1846, № 81). См. апреля 20.

Апреля 15. Краевский обращается с письменной просьбой к А. В. Никитенко о защите в СПб. цензурном комитете нового варианта статьи о «Воспоминаниях Ф. Булгарина». Называя эту статью Б. «своею», Краевский замечал: «По вашему слову я не истребил статьи, смягчил ее и отдаю опять на пытку; спасите же ее, сколько возможно» (*Б*, IX, 784). См. марта 26, апреля 18 и 30.

Апреля 15. Б. в письме к Д. П. Иванову уведомляет о своем приезде 28 апреля в Москву «на неделю, много дней на десять». Б. просит «немедленно» сообщить ему, «такого ли свойства» квартира Ивановых, чтобы можно было «возвращаться домой по ночам», не причиняя беспокойства хозяевам. В письме Б. указывает свой адрес: «На Невском проспекте, у Аничкина моста, в доме Лопатина, квартира № 43» (*Б*, XII, 274).

Апреля около 15. Гончаров читает в квартире Б. в течение нескольких вечеров рукопись своего романа «Обыкновенная история» и, по настоянию Б., соглашается на передачу романа в «Левиафан». При чтении присутствуют Некрасов, Панаев, Языков (*Некрасов*, X, 52; *И. Панаев*, 308).

Под впечатлением высокой оценки романа, данной Белинским, Гончаров сказал, что «был бы очень рад, если б Б. лет через пять повторил хоть десятую часть» того, что он говорил о его романе. «Отчего?» — спросил с удивлением Б. «А оттого, — продолжал Гончаров, — что я помню, что́ вы прежде писали о С<оллогубе>, как лестно отзывались о его таланте, а как вы теперь цените его! (А он тогда уже развенчал его и, сравнивая со всем, что появилось в литературе после, лишил его совсем прошлой, впрочем, неоспоримой, заслуги, как будто его и не было вовсе в литературе)». Этим замечанием Б. был задет за живое. «Он задумчиво стал ходить по комнате... «Каково же? — сказал он наконец, указывая кому-то на Гончарова, — он считает меня флюгером! Я меняю убеждения, это правда, но меняю их, как меняют копейку на рубль!»

«В первые недели знакомства, — вспоминал Гончаров, — послушавши его горячих и лестных отзывов о себе, я испугался, был в недоумении и не раз выражал свои сомнения и недоверие к нему самому <...>. На меня

он иногда как будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздражения, субъективности. «Вам все равно, попадется мерзавец, дурак, урод или порядочная, добрая натура — всех одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни к кому!» И это скажет (и не раз говорил) с какою-то доброю злостью, а однажды положил ласково после этого мне руки на плечи и прибавил почти шепотом: «А это хорошо, это и нужно, это признак художника!» — как будто боялся, что его услышат и обвинят за сочувствие к бестенденциозному писателю» (*Гончаров,* 49—50).

Апреля 16. Председатель Московского цензурного комитета Д. П. Голохвастов в письме к гр. С. Г. Строганову обращает внимание на статью в «Отечественных записках» об альманахе «Первое апреля»: «Журнал постарался напечатать в 4000 своих экземплярах выдержки из этого альманаха и среди прочих пасквиль на Шевырева, пасквиль на Погодина и оскорбительного содержания стихи на Булгарина». Д. П. Голохвастов подчеркивает и то обстоятельство, что альманах «Первое апреля» и статья о нем появились одновременно, что свидетельствует о знакомстве редакции «Отечественных записок» с материалами альманаха еще до выхода последнего в свет (*ЛН,* т. 56, 178). Автором статьи об альманахе «Первое апреля» был Белинский. См. марта 5 и 28.

Апреля 17. Л. В. Брант в «Северной пчеле», в рецензии на «Юмористические рассказы» Абракадабры, утверждал: «Критика сама убита бездарностию новейших гениев наших, которых, по уверению одного заговорившегося мыслителя-полемика, у нас больше, нежели обыкновенных талантов, и в числе которых стоит сам он с печатью консеквентности на челе» (*СП,* 1846, № 84). См. марта 11.

Апреля 18. СПб. цензурный комитет, заслушав специальное представление цензоров А. Л. Крылова и А. И. Мехелина о новой редакции статьи о «Воспоминаниях Ф. Булгарина», «смягченной разными переменами и исключениями», выносит решение о том, что «статья эта в таком виде допущена быть не может» (*ГМ,* 1913, № 3, 218—219. Ср. *Б,* IX, 785). Имя Б., как автора статьи, названо не было. См. апреля 30.

Апреля 20. Булгарин в «Северной пчеле» вновь с негодованием упоминает о рецензии на альманах «Первое апреля» в «Отечественных записках» (*СП,* 1846, № 87). См. апреля 12 и 13.

Апреля около 20. Б. в разговоре с Гончаровым высоко оценивает роман Жорж Санд «Теверино» (*Гончаров,* 57). В эту же пору, под впечатлением каких-то споров о коммунах, как новых формах общежития, нуждающихся для своего укрепления в больших материальных средствах, Б., по свидетельству Гончарова, «мечтательно произнес однажды: «Ко-

нечно, будь у меня тысяч сто, их не стоило бы жертвовать, — но будь у меня миллионы, я отдал бы их» (*там же,* 43).

Апреля 25. Цензур. разреш. брошюры «Николай Алексеевич Полевой. Сочинение В. Белинского. Санкт-Петербург. В типографии Эд. Праца, 1846».

Исторически осмысливая роль Полевого, Б. писал: «Три человека, <...> не бывшие поэтами, имели сильное влияние на русскую поэзию и вообще русскую изящную литературу в три различные эпохи ее исторического существования» и что этими людьми были Ломоносов, Карамзин и Полевой, Б. тут же заявлял: «Как многих оскорбит такое сближение имен! Имена еще до сих пор играют в нашей литературе чрезвычайно важную роль, потому что для многих еще заменяют они идеи... Имена в нашей литературе — то же, что чины в нашей общественной жизни, то есть легкое в н е ш н е е средство оценять человека... Не всякому дана способность судить верно о качествах человека и узнавать безошибочно, хорош он или нет. Так точно, не всякому дана способность судить верно об истинном значении и достоинстве писателя; но нет глупца и невежды, который бы, услышав громкое или известное имя, не догадался бы тотчас же, что это — большой сочинитель. Чем старее имя писателя, тем большим уважением пользуется оно (особенно со стороны людей, никогда не читавших этого писателя), и поставить с ним рядом имя хотя бы и весьма известное, но еще живого или только недавно умершего писателя — значит рассердить насмерть множество людей, которым литература, по разным отношениям, близка к сердцу, а еще более людей, которым до литературы вовсе нет никакого дела» (*Б,* IX, 672—673).

Высоко оценивая Полевого, как деятеля русской культуры, как передового журналиста, имевшего «огромное влияние на русскую литературу», Б. утверждает, что «Полевой показал первый, что литература — не игра в фанты, не детская забава, что искание истины есть ее главный предмет и что истина — не такая безделица, которою можно было бы жертвовать условным приличиям и приязненным отношениям». Характеризуя «Московский телеграф», основанный Полевым, как «полного представителя своей эпохи», эпохи, «чисто переходной», когда «хотели ломать и строить, но на половине ломки останавливались, чтобы сделать новую надстройку, а на половине стройки останавливались, чтобы кончить по-старому», Б. писал: «В нем <в журнале> было много силы, энергии, жару, стремления, беспокойства, тревожности, он неусыпно следил за всеми движениями умственного развития в Европе и тотчас же передавал их так, как они отражались в его понятии; но вместе с тем все в нем было неопределенно, часто смутно, а иногда и противоречиво. Это давало полную возможность придираться к нему

людям, стоящим вне умственного движения своей эпохи. И они не шутя считали себя неизмеримо выше Полевого и с важностию ловили и высчитывали его обмолвки, промахи, ошибки, не понимая, что их преимущество над ним состояло только в том, что они спали, а он жил и действовал: кто спит, тот, разумеется, не грешит, особенно если спит так крепко, что и во сне ничего не видит» (*Б,* IX, 691).

Апреля около 25. Б. сдает в редакцию «Отечественных записок» свою последнюю (одиннадцатую) статью о «Сочинениях А. Пушкина» (*Б,* X, 421). Подчеркивая, что законченный им цикл статей о Пушкине является «первой попыткой разобрать критически весь круг поэтической и литературной его деятельности», Б. заключает: «Пусть другие сделают это лучше нас; мы первые поспешим отдать им должную дань хвалы и поучиться у них» (*Б,* VII, 579). См. октября 1.

Апреля 26. Б. выезжает с Некрасовым из Петербурга в Москву (*Б,* XII, 274). Перед отъездом его посетил Достоевский, принявший деятельное участие в предстоящей поездке жены, свояченицы и дочери Б. на воды в Гапсаль (*Письма Достоевского,* I, 91—92). Деньги для своей семьи Б. получил, видимо, от Некрасова (2000 руб. асс., представлявшие собою чистый доход от «Петербургского сборника»). Долг этот был погашен им при расчетах по «Современнику» в 1847 г. (*Некрасов,* XII, 14 и 61).

Апреля 28. Б. прибывает в Москву, где на почтовой станции его встречают Герцен, Щепкин и другие московские друзья (*Б,* XII, 274—275).

Апреля 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 5. В номере опубликована в предельно сокращенной и искаженной редакции без имени автора статья Б. о «Воспоминаниях Фаддея Булгарина» (*ОЗ,* № 5, отд. VI, 40—53). Формально Б. передал свои права на нее Некрасову, что не раз являлось поводом для приписывания ее последнему (*ОЗ,* 1846, № 12, отд. VI, 119; *Б,* IX, 786—790).

Апреля 30. Цензур. разреш. «Финского вестника», т. IX. В анонимной статье А. Григорьева, посвященной критическому разбору «Петербургского сборника», отмечалось, что последний «наделал шуму еще до своего появления в свет, и этим шумом обязан он, сколько роману нового, и сказать правду, блестящего дарования, столько же и голосу одного журнала, который довольно давно уже в нашей литературе у г о т о в ы в а е т п у т ь почти всему сколько-нибудь замечательному, что в ней появлялось и до сих пор появляется <...> Мысли и заметки о русской литературе В. Г. Белинского чрезвычайно умны, по большей части верны в частностях, но не представляют ничего нового» (*ФВ,* 1846, т. IX, отд. V, 21—22 и 33).

Мая 1. Б. в письме к жене рассказывает о том трогательном внимании, с которым относятся к нему его московские друзья. Чувствуя себя еще очень усталым от трудной дороги, Б. жалуется на то, что в Москве, несмотря на начало мая, «ветрено и холодно», как «глубокой осенью» (*Б*, XII, 274).

Мая 1. Выход в свет «Современника» № *5* (*СП*, 1846, № 98). В анонимном отклике <П. А. Плетнева?> на «Стихотворения Кольцова» ни одним словом не упомянуто о Б., как об авторе вступительной статьи и редакторе этого издания (*«С»*, 1846, № 5, 231).

Мая 1. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 4. В критическом обзоре А. С<тудитского> «Русские литературные журналы. За март 1846 г.» по поводу рецензии Б. на «Столетие России. Соч. Н. Полевого» отмечаются прежние многочисленные выпады в «Отечественных записках» против Полевого. Попутно А. Студитский ополчается против традиции не печатать фамилий авторов литературно-критических статей: «Отечественные записки» уверяют, что нет надобности подписывать свои имена под критическими статьями, потому что публике нужно не имя, а дело. Уверение, как изволите видеть, очень благовидное. Однако ж мы имеем причины думать иначе» (*«М»*, 1846, № 4; 123—124 и 127—130).

Мая 3. Б. получает в подарок от Герцена полное собрание сочинений Ж.-Ж. Руссо («Oeuvres complètes J. J. Rousseau», t. I—IV, Paris, 1839), которое берет с собою в дорогу (*ЛН*, т. 55, 562—564). См. сентября 4—5.

Мая 4. Б. в письме к жене из Москвы выражает беспокойство по поводу отсутствия вестей от нее. Упоминая о предстоящем большом обеде, который дают друзья по случаю его приезда, Б. поясняет, что этот обед, назначенный на 2 мая, пришлось перенести на 4 мая ввиду болезни Е. Ф. Корша. В этом же письме Б. иронически передает о своем визите к тестю: «Вот истинный-то представитель отсутствия добра и зла, олицетворенная пустота!» (*Б*, XII, 275—276).

Мая 4. П. А. Плетнев в письме к Гроту передает слух о том, что «Белинский рассорился с Краевским и что последний на его место уже ангажировал А. В. Старчевского» (*Переписка Грота с Плетневым*, II, 756).

Мая 7. Б. в письме к жене сообщает о своей встрече с Тургеневым, только что приехавшим в Москву (*Б*, XII, 276).

Мая 7—8. Б., отвечая жене на полученное от нее письмо, признает: «Странные мы с тобою люди: живем вместе — не уживаемся, а врозь скучаем». Б. делится хорошими впечатлениями от своего визита к Н. И. Остроумовой, приятельнице Марьи Васильевны. Письма Б. просит адресовать ему в Харь-

ков, куда он рассчитывает приехать с Щепкиным к 1 июня (*Б,* XII, 277—278).

Мая около 10. Б. навещает А. П. Ефремова, в беседе с которым резко отрицательно отзывается о К. С. Аксакове и других московских славянофилах (*ЛН,* т. 56, 179). У А. В. Станкевича и его сестры Б. встречается с А. Ржевским (*там же,* 180).

Мая 13. Цензур. разреш. «Московского литературного и ученого сборника». В программной статье Хомякова «Мнение русских об иностранцах» допущены грубые выпады против «тридцатилетних социалистов, шаткость и бессилие убеждений которых сопровождаются величайшею самоуверенностию», всегда готовой «брать на себя изготовление умственной пищи для народа». Имея в виду статьи Б. о Пушкине (8-ю и 10-ю), Хомяков протестует против «ошибок журнального критика, личная ограниченность или безвкусие» которого обусловливает «презрительные отзывы» о русском народном эпосе и непонимание «стихов несокрушимой силы, в которые облеклась душа великого народа, призванного на беспримерные судьбы» («*Московский сборник*», 183—187). В этом же сборнике, в статье Ю. Ф. Самарина («М... З... К...») о повести В. А. Соллогуба «Тарантас» полемические замечания о статьях Б. в «Отечественных записках», без упоминания его фамилии. См. июля 4.

Мая 13. Б. встречается с приехавшими из Петербурга А. П. и Н. Н. Тютчевыми (*Б,* XII, 279).

Мая 14. Б., отвечая на письмо жены от 9 мая, не может скрыть своего огорчения от того, что она так болезненно реагирует на неизбежные домашние неприятности, обиды и неудовольствия. Б. подтверждает получение всех ее писем (от 2, 6 и 9 мая) и сообщает, что выезжает из Москвы 16 мая (*Б,* XII, 278—280).

Мая 14. Б. посылает письмо Гончарову. В этом письме, до нас не дошедшем, уточнялись, вероятно, сроки окончания романа «Обыкновенная история», обещанного Гончаровым для альманаха Б. (*Б,* XII, 179; *Некрасов,* X, 53—54).

Мая 14. С.-Петербургский цензурный комитет выносит постановление о недопущении выхода в свет второго выпуска «Карманного словаря иностранных слов» (*В. Семевский, М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы,* ч. I, М. 1922, 78). Весь тираж издания был отпечатан и впоследствии уничтожен. Об отклике Б. на первый выпуск этого словаря см. 1845, апреля около 15.

Мая 15. Б. получает подробную информацию о жене и дочери от приехавшего в Москву М. А. Языкова. Вести о том, что дома все благополучно, очень успокаивают Б. (*Б,* XII, 282).

Мая 15. Б. в письме за границу к П. Н. Кудрявцеву горячо благодарит за присланную для его альманаха повесть «Без рассвета». Б. не скрывает, что последние произведения Кудрявцева произвели на него менее благоприятное впечатление (пьеса «Последний визит» и статья в «Отечественных записках» «Бельведер» об итальянской живописи). В приписке к письму Б. иронизирует над Шеллингом, ставшим «на старости лет» Шевыревым (*Б,* XII, 280—281).

Мая около 15. Б. «с восхищением» слушает начало второй части повести «Кто виноват?», прочитанное ему Герценом (*ГЛ,* IV, 413). С Некрасовым Б. в эти же дни договаривается о том, что он, возвратившись к августу в Петербург, займется печатанием альманаха Б. Книжная лавка, к организации которой Некрасов должен приступить на деньги, обещанные ему московскими друзьями Б., по мнению последнего, не может отвлечь Некрасова от альманаха, так как «открытие лавки очень выгодно для моего альманаха, так же как мой альманах очень выгоден для лавки» (*Б,* XII, 286).

Мая 16. Б. с М. С. Щепкиным выезжает из Москвы на юг. В течение своего пребывания в Москве Б. постоянно общался с Герценом, Грановским, Кетчером, Коршем, Огаревым, Сатиным, А. В. Станкевичем, Щепкиными, Галаховым. В эти же дни в Москве были Некрасов и А. Я. и И. И. Панаевы. Почти все они участвовали и в проводах Б., расставшись с ним и Щепкиным лишь на первой станции (*Б,* XII, 281; *И. Панаев,* 311; *ЛН,* т. 56, 180).

Мая 18. Б. приезжает с Щепкиным в Калугу, где остается в течение 11 дней (*Б,* XII, 281).

Мая 18. Булгарин, откликаясь в «Северной пчеле» на брошюру Б. «Н. А. Полевой», иронически недоумевает, почему Белинский, всегда называвший Полевого «бездарным, невеждою, безграмотным», сейчас «ставит его заслуги выше заслуг Ломоносова» (*СП,* 1846, № 110). См. июня 1 (ответ ОЗ на эти замечания).

Мая около 18. К. С. Аксаков в письме к брату отмечает, что «Белинский и др. оставили Москву. Я не встречался с ними и, чтобы избежать встречи, я не ездил ни к Коршу, ни к Чаадаеву» (*ЛН*, т. 56, 179).

Мая 19. Б. присутствует на первом гастрольном выступлении Щепкина в калужском театре. Шел «Ревизор» со Щепкиным в роли городничего. После спектакля Б. с Щепкиным были на ужине у калужского губернатора Н. М. Смирнова (*Б,* XII, 282; *И. Аксаков,* 328).

Мая 20. Герцен пишет Краевскому о том, как широко чествовали Б. в Москве: «Огромный обед у Шевалье и дюжина обедов дружеских, потом проводы за 18 верст» (*ГЛ,* IV, 413).

Мая 20. Б. на обеде у калужского губернатора Смирнова встречается с И. С. Аксаковым. Последний писал об этой встрече родным: «Б., которого Щепкин всюду (даже без приглашения) тащит за собою, даже не рекомендуя его, ужасно переменился <...> Он очень похудел, с усами, беспрестанно кашляет, так что страшно на него глядеть». Б. «рассказывал много про Соллогуба, Краевского и других, но вообще и он и я в разговоре, который был общий, старались избегать вопросов, касавшихся до убеждений, хотя Смирнов, сам того не зная, беспрестанно поднимал их». Б., «не позволив себе ни одного намека не только на нас, но даже на Москву», осведомился о здоровье С. Т. Аксакова и «тонким образом давал знать, что ему хотелось бы иметь искренний разговор <с И. С. Аксаковым> и во многом оправдаться» (*И. Аксаков,* 328—329 и 331).

Мая 22. Б. был представлен А. О. Смирновой, жене калужского губернатора, приятельнице Гоголя и Жуковского, воспетой Пушкиным и Лермонтовым. В беседе с Б. Смирнова упрекнула его за якобы отрицательные отзывы о Гоголе в «Отечественных записках», с чем Б. не мог согласиться.

В конце вечера, в связи с горячим спором о Жорж Санд, которую Б. защищал от нападок Смирновой, она «так раздражилась», что И. С. Аксаков должен был поспешить увести гостей (*И. Аксаков,* 332—333).

Мая 25. Б. и Щепкин обедают у Смирновых (*И. Аксаков,* 333). Делясь впечатлениями от знакомства с А. О. Смирновой, Б. писал жене: «Чудесная, превосходная женщина — я без ума от нее», «свет не убил в ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не в обрез» (*Б,* XII, 282).

Мая около 25. Б. посылает жене подробное письмо («почти журнал изо дня в день»), адресовав его по ошибке в Гапсаль вместо Ревеля. Письмо это не дошло по адресу и не сохранилось (*Б,* XII, 281).

Мая 27. Бенефис Щепкина в калужском театре (*И. Аксаков,* 334).

Мая 28. Б. обедал у Смирновых. Вечером состоялось последнее выступление Щепкина в калужском театре. Б. «сказал на ухо» И. С. Аксакову об его игре: «Ай, ай, как он нынче плоховат, верно, вследствие хлопотливого дня!» (*И. Аксаков,* 337. Ср. *Б,* XII, 282).

Мая 29. Б. с Щепкиным в 4 часа утра выехали из Калуги в Воронеж (*Б,* XII, 282).

Мая 30. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 5. Погодин в анонимной рецензии на брошюру Б. «Н. А. Полевой» резко отрицательно характеризует Б. как «гения-самоучку, которые растут как грибы, ежегодно, между студентами, не оканчивающими курса». В этом же номере А. С<тудитский> в статье «Русские литературные журналы» недоумевает по поводу «странного отзыва» Б. в «Отечественных записках» о стихотворениях А. Григорьева и Я. Полонского, в котором «разруганы даже те стихотворения, которые некогда занимали почетное место в «Отечественных записках». В этом же номере отрицательная рецензия на статью Б. об А. В. Кольцове (с. 144—145) и глумливая информация о предстоящем выходе в свет альманаха «Левиафан» («М», № 5, 190).

Июня 1. Б. с М. С. Щепкиным приезжают в Воронеж, где Н. М. Щепкин вручает ему письмо от жены, не заставшее его в Москве (*Б,* XII, 281—282).

Июня 1. Выход в свет «Отечественных записок» № 6. В отделе «Библиографическая хроника» анонимная рецензия В. Н. Майкова на брошюру Б. о Полевом и краткий отзыв его же о статье «А. В. Кольцов», помещенной в сборнике стихотворений последнего.

Рецензируя брошюру о Полевом, В. Н. Майков отмечал, что «нет никакой причины, чтоб она не заслужила полного одобрения той части публики, которая до сих пор одобряла историко-критические статьи г. Белинского, и осуждения со стороны тех ценителей искусства, которые называют этого критика «удальцом» и тому подобными более или менее остроумными именами». Полемизируя с Булгариным, пытающимся уличить Б. в противоречиях, рецензент от имени редакции «Отечественных записок» подчеркивает солидарность с суждениями Б. о Полевом. Краткая информация о «Стихотворениях Кольцова» заканчивалась строками: «Статья г. Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова» открывает перед читателями личность поэта со всеми подробностями ее исторического развития, в связи с деятельностью его таланта». Рецензент надеется «высказать свое мнение об этом поэте в одной из следующих книжек» (*ОЗ,* 1846, № 6, отд. V, 57). См. ноября 1.

Июня 1. Выход в свет «Современника» № 6 (*СП,* 1846, № 122). В анонимной рецензии на брошюру Б. «Н. А. Полевой» иронически отмечалось: «Предмет, избранный для рассказа сочинителем, представил ему самый удобный, самый благоприятный случай предать снова печати уже известные мнения его о словесности и некоторых писателях, издавна печа-

таемые и беспрестанно повторяемые им в «Отечественных записках». И далее: «Вообще вся брошюра, в идеях и направлении, представляет замечательное согласие между описываемым лицом и самим сочинителем, отчего и можно сказать, что последний проникнут своим предметом. Хорошо еще, что это всем давно наскучило» («*С*», 1846, № 6, 348—349).

Июня 1. Выход в свет «Библиотеки для чтения» № 6. В номере сочувственная рецензия на «Стихотворения Кольцова», подготовленные к печати Б., и резко отрицательный отзыв о брошюре «Н. А. Полевой». Анонимный рецензент иронически утверждает, что книжка Б. о Полевом «носит на себе все признаки прекрасного юношеского возраста. Богатство общих мест, щегольство чудесными техническими выражениями, рассыпанными щедрою дланью впопад, а иногда и невпопад — куда ни попало, чудные определения вещей давно известных, искусная ловля новых идей и наивная радость над каждою мыслию, которую принимают всегда за великое открытие, — вот милые принадлежности этого завидного времени детских верований и ребяческих увлечений» (*БдЧ,* 1846, № 6; *Литературная летопись,* 50—54). Отклик Б. см. июля 4.

Июня 4. Б. выезжает из Воронежа (*Б,* XII, 283).

Июня 6. Б. приезжает с М. С. Щепкиным в Курск, откуда они на день отлучаются на Коренную ярмарку (в 28 верстах от Курска). На обратном пути Б. наблюдает крестный ход, в котором, как всегда, участвует «тысяч 20 народу, врозбить идущего по колена в грязи» и мокнущего «без приюта под дождем» (*Б,* XII, 284).

Июня 8. Б. и Щепкин вечером выезжают из Курска. Впервые увидав «верст за 30 до Харькова» украинские села, Б. с восхищением отмечает преимущества быта украинских крестьян сравнительно с великорусскими: «Избы хохлов похожи на домики фермеров — чистота и красивость неописанные». Пищу готовят они «превкусно и донельзя чисто. И это мужики! Другие лица, смотрят иначе» (*Б,* XII, 284, 288).

Июня 9. Б. приезжает в Харьков, где проводит большую часть дня в семье А. И. Кронеберга (*Б,* XII, 284).

Июня 11. Б., отвечая жене на полученное от нее 10 июня письмо, просит не беспокоиться об их материальных делах и уверяет, что в Петербург он возвратится «с деньгами, которых станет не только на переезд на новую квартиру, но и на то, чтобы без нужды прожить месяца три-четыре» (см. июля 4 и октября 15). Б. надеется, что после его возвращения он и жена его станут «снисходительнее, терпимее к недостаткам друг друга», объясняя эти недостатки «болезненностию, нервическою раздражительностию, недостатком воспитания, а не ка-

кими-нибудь дурными чувствами». Б. очень тронут рассказами о дочке, которую не видел «уж полтора месяца», и предупреждает, что в Харькове он пробудет до 18 июня, так как М. С. Щепкин должен выступить здесь в пяти спектаклях (*Б*, XII, 281—286).

Июня 13. Б. по случаю первой годовщины со дня рождения его дочери пьет с М. С. Щепкиным шампанское за ее здоровье (*Б*, XII, 286). В этот же день Б. получает письмо от жены, о котором см. июня 14.

Июня 14. Б., отвечая на письмо жены от 27 мая из Ревеля, выражает беспокойство по поводу ее болезни. Б. подозревает, что у нее «изнурительная лихорадка», тревожится за дочь и горюет, зная «способность» жены «приходить в отчаяние от вещей досадных, но в сущности пустых»: «Непривычка покоряться необходимости беспрестанно заставляет тебя жертвовать важным ничтожному <...> Спасая грош, ты теряешь фунт крови, тогда как тебе дорога каждая капля ее». Б. отмечает свое хорошее самочувствие и делится с женою планом «сделать статью» на основании впечатлений от поездки по России: «оживаю и вижу, что могу писать лучше прежнего, могу начать новое литературное поприще» (*Б*, XII, 287—289).

Июня 15. Б. в приписке к письму от 15 июня просит жену писать ему в Одессу на имя А. И. Соколова (*Б*, XII, 289).

Июня 15. Фельетонист «Северной пчелы» («X. Z.») полемизирует с характеристикой Кольцова как «гениального таланта» в статье Б. и объясняет эту высокую оценку их личными отношениями (*СП*, 1846, № 133).

Июня 16. Б. с Щепкиным выехали из Харькова в Екатеринослав (*Б*, XII, 290). Незадолго до отъезда Б. познакомился с «Московским литературным и ученым сборником» (см. мая 13), о впечатлениях от которого см. его письмо к Герцену от июля 4.

Июня 18. Б. с Щепкиным прибыли вечером в Екатеринослав (*Б*, XII, 291).

Июня 19. Б., осмотрев с большим интересом город Екатеринослав и его исторические достопримечательности, связанные с Потемкиным, вечером выезжает в Херсон (*Б*, XII, 291—292).

Июня 21. Б. с Щепкиным днем были в Херсоне («дрянной городишко»), а ночью проехали Николаев. Через Буг «переправлялись на баркасе с парусом и на веслах» (*Б*, XII, 292).

Июня 22. Б. и Щепкин прибыли в Одессу, где остановились «в трактире, на берегу моря»: «берег высокий, вдоль его идет бульвар <...> На море корабли, суда. Вид единственный!

А что за гулянье по этому бульвару в тихую, теплую погоду, лунной ночью!» Б. очень нравится этот «оригинальный город, — чисто иностранный, с итальянским характером» (*Б,* XII, 292).

Июня 24. Б. в письме к жене из Одессы делится впечатлениями от города, в котором живет «недурно, даже больше весело, нежели скучно». Б. стал «и свежее, и крепче, и бодрее». Он признается, что если бы получил от жены письмо, из которого бы увидел, что она «здорова и спокойна», что Ольга «здоровеет, полнеет, начинает ходить и лепетать», а Агриппина Васильевна «находится в добром гуморе», то он «начал бы жить, как давно уже не жил, да и надежду потерял жить» (*Б,* XII, 289—293).

Июня 24. А. Д. Галахов в письме к Краевскому выражает надежду на возможность возвращения Б. в «Отечественные записки» при условии взаимных уступок. Он подчеркивает корректность Б. в его отзывах о Краевском и о разрыве с ним, а также потребность Б. в постоянной журнальной работе, а не «в занятиях урывками», вроде издания отдельных брошюр и частных «сделок с книгопродавцами». Галахов отделяет Б. от Некрасова, Панаева и Кетчера, которые «составили себе мнение, что как только Б. отнимет свою руку, то журнал <ОЗ> упадет» (*Венок Б.*, 145—147).

Июня 28. Б. в письме к жене тревожится и недоумевает по поводу отсутствия писем от нее. Б. очень доволен своим отдыхом в Одессе, в восторге от юга и моря, хотя и страдает от наступивших жарких дней: «Хожу в белых панталонах, в жилете, легком платке на шее и белом пальто, прюнелевых сапогах и соломенной шляпе». Соблазненный одесской дешевизной, Б. заказал себе для Петербурга сюртук и пальто и накупил белья, расходуя на эти покупки деньги (500 руб. асс.), полученные в Москве от Герцена (*Б,* XII, 293—295).

Июня 30. Цензур. разреш. «Финского вестника», т. X. В томе положительная рецензия на брошюру Б. «Н. А. Полевой» (*ФВ,* 1846, X, отд. V, 71—76). Рецензия не подписана.

Июнь—июль. Б. отдыхает в Одессе, проводя время в кругу местной интеллигенции (А. И. и Г. И. Соколовы, Н. Н. Мурзакевич, Н. П. Ильин, Кульчицкий и др.) и посещая театр, в котором идут спектакли с участием М. С. Щепкина (*Бик,* 274; *Б,* XII, 299). Б. очень тронут вниманием и нежностью Щепкина, который «смотрит за ним, словно дядька за недорослем» (*Б,* XII, 295). См. июля 12.

Июнь — июль. Во время пребывания Некрасова и А. Я. и И. И. Панаевых в Ново-Спасском, казанской усадьбе Г. М. Толстого (о нем см. 1844, марта 11), в результате дружеского об-

мена мнений о состоянии русской журналистики, принимается решение о создании на паях нового журнала, который явился бы органом Б. и его кружка. Некрасов, учитывая наличие большого и исключительно интересного литературного материала, собранного для альманаха Б. «Левиафан», и полагая, что эти романы, повести, поэмы и статьи могут полностью обеспечить первые книжки журнала, соглашается взяться за организационную работу при условии предоставления в его распоряжение не менее 50 тысяч руб. асс. на предварительные расходы. Панаев и Толстой соглашаются в ближайшее время внести эту сумму — по 25 тысяч каждый. Ввиду того, что получение разрешения на новый журнал в эту пору было невозможно, Некрасов ставит вопрос о взятии в аренду какого-либо из уже существующих периодических изданий — «Русского вестника», «Сына отечества», «Современника» или «Финского вестника» (*Некрасов*, X, 50 и 63—64, XII, 14; *БЛ*, III, 360; *А. Панаева*, 164—168; *ЛН*, т. 49—50, 376). См. сентября 10.

Июля 1. Б. после шести купаний в море почувствовал большую слабость. Начались кровохаркания, из-за которых врачи временно запретили ему купаться (*Б*, XII, 299).

Июля 4. Б., отвечая из Одессы на не дошедшее до нас письмо Герцена, делится с ним соображениями о плане большой «журнально-фельетонной статьи о всякой всячине, сдобренной полемическим задором». Трезво учитывая, что подлинные «путевые впечатления» не могут по цензурным условиям получить широкого отражения в этой статье, Б. предполагает использовать дорожные заметки лишь как «рамку или, лучше сказать, придирку», с тем, чтобы высказаться, во-первых, о «Русском театре и о причинах его гнусного состояния» (Щепкин «преусердно снабжает» его «комментариями и фактами, так что все будет ново и сильно»); во-вторых, Б. хочет откликнуться в будущем фельетоне на «Московский сборник» (см. мая 13), рассчитывая «потешиться» над статьей Хомякова; наконец, в третьих, Б. надеется, что использует в будущем фельетоне «ругательства Сенковского» в «Библиотеке для чтения» (см. июня 1), о которых ему пишет Герцен. Б. очень положительно оценивает статью Ю. Ф. Самарина в «Московском сборнике» о повести Соллогуба «Тарантас», считая эту статью «умной и злой, даже дельной», несмотря на то, что автор ее «отправляется от неблагопристойных принципов кротости и смирения», а попутно, в ироническом отзыве об «Отечественных записках», задевает и самого Б. Статья Ю. Ф. Самарина и недавняя встреча в Калуге с И. С. Аксаковым обусловливают признание Б. в том, что он впадает в «страшную ересь, начиная думать, что между славянофилами действительно могут быть порядочные люди. Грустно мне думать так, но истина впереди всего». Б. благодарит Герцена за пред-

ложенные ему деньги, которые рассчитывает получить в Москве (*Б,* XII, 296—297 и 300). См. октября 15.

Июля 8. Б., отвечая на письмо жены от 6 июня, говорит, что это письмо его «испугало, обрадовало, успокоило и удивило», так как больше месяца он не имел никаких известий о жене и дочери. Узнав о беременности Марьи Васильевны, Б. недоумевает, почему она об этом пишет «таким тонким штилем, как будто бы дело идет о контрабанде». Б. осведомляет жену о том, что «спектакли русские» в Одессе уже кончились, но Щепкин должен ждать указаний антрепренера, когда ему двинуться в дальнейший путь — в Николаев, Херсон, Симферополь и Севастополь (*Б,* XII, 297—300). В этот же день Б. получает письмо от А. И. Кронеберга из Харькова (*Б,* XII, 298). Письмо это не сохранилось.

Июля 12. Б., отвечая на только что полученное письмо от жены, умоляет ее не беспокоиться насчет денег, так как Герцен сам предложил Б. взять у него нужную ему сумму. Это предложение нисколько не смущает Б., и он не считает унизительным воспользоваться дружеской помощью, так как «Герцен не Струговщиков и не Косиковский», о которых Б. не может вспомнить без «сердечного и всяческого щемления». Б. очень удовлетворен своим физическим состоянием, которое «становится все лучше и лучше». Он надеется, что скоро начнет писать (*Б,* XII, 300—302).

Июля 12. Б. выезжает с Щепкиным из Одессы в Николаев (*Б,* XII, 301).

Июля 15. Плетнев в письме к И. С. Аксакову сообщает о том, что А. В. Никитенко «открыто вовлечен в интересы Краевского, Белинского и Некрасова» (*ЛН,* т. 56, 181). См. сентября 21 и 26.

Июля 17. Б. в письме к жене из Николаева признается, что «поездка начинает ему надоедать» и что ему уже «хочется домой, в свой угол» (*Б,* XII, 302). См. июля 23.

Июля 22. Б. с Щепкиным обедают у контр-адмирала М. Б. Берха, знакомство с которым радует Б.: «Что за чудесный старик!» (*Б,* XII, 303).

Июля 23. Б. в приписке к письму жене от 17 июля объясняет, что Щепкин отложил на целую неделю отправку писем и денег, ввиду чего и Б. задержал свое письмо. Б. «со дня на день, все сильнее и сильнее начинает скучать». Его занимает лишь предстоящая поездка на южный берег Крыма, время которой определится после того как антрепренер Щепкина выяснит, будут ли разрешены гастроли последнего в Херсоне во время поста (*Б,* XII, 302—303).

Июля около 24. Б. в письме к А. И. Соколову (письмо не сохранилось) извещает своих одесских друзей, что в связи с изменением плана гастролей Щепкина его предполагавшийся вторичный приезд в Одессу не состоится (*Бик,* 274—275).

Июля 25. Л. В. Брант в «Северной пчеле» в рецензии на «Стихотворения Кольцова» резко отрицательно высказывается о вступительной статье Б. к этому изданию (*СП,* 1846, № 165).

Июля 25. Публикация в «Московских ведомостях» статьи Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским». В статье этой Гоголь попутно упомянул и о современной литературной критике: «Только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои». И далее: «Критика устала и запуталась от разборов загадочных произведений новейшей литературы, с горя бросилась в сторону и, уклонившись от вопросов литературных, понесла дичь» (*МВед.,* 1846, № 89). Об откликах на эту статью см. августа 14, а также *Б,* X, 51—52, 64, 71—72.

Июля 30. Б. в письме к Н. М. Щепкину упрекает его за недостаточно чуткое отношение к отцу, который тяжело переживает отсутствие обещанных ему писем. Б. рассказывает о том, как «мучат и терзают» М. С. Щепкина актеры николаевского театра: «Эти чучела никогда не знают ролей и этим сбивают М. С. с толку, путают, перевирая свои фразы и говоря его фразы». Б. рассчитывает «числа до 12 августа» пробыть в Херсоне, а затем «весь сентябрь» в Севастополе (*Б,* XII, 306).

Июля 30. Б. отвечает жене на два ее письма, пересланные ему А. И. Соколовым из Одессы. Огорченный несправедливыми упреками в неделикатности, проявленной якобы им по отношению к Марье Васильевне и ее сестре, Б. признает, что хотя и у него и у Агриппины Васильевны «характеры прескверные— ребячески мелочные, болезненно раздражительные», а воспитание «в обоих не развило того, что называется деликатностью и тактом», он хорошо понимает, как много делает А. В. для его семьи, ценит ее, и искренне огорчен ее неосновательными подозрениями (*Б,* XII, 303—306).

Июль—август. Некрасов, возвратившись в Петербург, выясняет возможности получения в аренду журнала «Сын отечества». Для переговоров об этом ему приходится выехать в Ревель к издателю «Сына отечества» — К. П. Масальскому, который, однако, отказывается от продажи своего журнала (*Некрасов,* X, 52; *Письма Достоевского,* 93). Безрезультатными остаются переговоры Некрасова и с С. Н. Глинкой о получении в аренду журнала «Русский вестник», право на издание

которого уже закрепили за собой Ф. В. Чижов и Ю. Ф. Самарин (*ИВ,* 1891, № 2, 586; *А. Никитенко,* 305—306). См. сентября 10.

Августа 1. Б. и Щепкин выезжают из Николаева в Херсон. Перед отъездом и в пути Б. «чувствовал себя дурно» (*Б,* XII, 306, 308).

Августа 2. А. И. Соколов, отвечая на письмо Б. (см. июля 24), выражает сожаление из-за отмены плана Б. приехать в Одессу из Николаева; он мечтает о том, чтобы Б. и другие общие их друзья <Герцен и Огарев?> перебрались на юг: «Затеем журнал, да заживем припеваючи, ведь ты сам говорил, что южный климат оживит тебя, а в здоровом состоянии и работается лучше» (*Бик,* 274—275).

Августа 4. Б. получает письмо от жены от 3 июня, которое Кронеберг переслал из Харькова в Одессу, а Соколов из Одессы в Херсон (*Б,* XII, 307).

Августа 6. Б., отвечая на письмо жены от 3 июня, жалуется на тоску и скуку. По случаю успенского поста херсонский губернатор не разрешил гастролей Щепкина в первой половине августа, и спектакли пришлось перенести на вторую половину месяца. Безденежье не позволило Б. съездить на это время еще раз в Одессу (*Б,* XII, 307—308).

Августа 7. Публикация в «Нижегородских губернских ведомостях» заметки <П. И. Мельникова?> о предстоящем приезде в Нижний-Новгород Некрасова, Панаева и Белинского — «замечательного критика западной литературной партии» («*Нижегородские губернские ведомости*», 1846, № 57, 225). См. октября 5.

Августа 13. Б., отвечая на письмо жены от 26 июля, рассказывает о своем житье в Херсоне, где он скучает уже почти две недели: «Климат и природа здесь чудные, но нет лесов, и оттого тоска смертельная. Кругом выжженная солнцем сухая степь, воздух проникнут какою-то сухостью». Недавно через Херсон пролетела «туча саранчи, растянувшаяся на несколько верст». Саранчу отгоняли колокольным звоном — «иначе она не оставила бы ни деревца, ни былинки в городе». У Щепкина нашлись в Херсоне знакомые, которые «очень ласковы» и с ним и с Б., но от всего виденного и слышанного Б. в отчаянии: «Что за люди, что за мир окружает нас! Я дивлюсь, а М. С. <Щепкин> только посмеивается» (*Б,* XII, 309—311).

Августа 14. Публикация в «Северной пчеле» фельетона барона Е. Ф. Розена «Новая поэма Н. В. Гоголя». Откликаясь на статью Гоголя об «Одиссее» в переводе Жуковского (см. июля 25), Розен писал: «Странностей немало в некоторых журналах! <...> Привыкнув к этим странностям я, наконец, довел

твердость духа до того, что оставался спокойным и трезвым даже при беспорядочных, головокружительных рассуждениях и рецензиях Белинского <...> Гоголь зараз перещеголял неподражаемого Белинского!» (*СП*, 1846, № 181). Б., отмечая впоследствии этот «грубый и неприличный по тону» фельетон «бездарного писателя», признавал самую критику статей Гоголя «справедливой и основательной по существу» (*Б*, X, 52).

Августа 16. Булгарин в «Северной пчеле» в своих «Ливонских письмах» иронизирует по поводу «Отечественных записок», которые якобы считают, что «только с тех пор, как этот журнал поступил под редакцию г. Краевского, началось существование истинной русской литературы» (*СП*, 1846, № 182).

Августа 22—23. Б. в письме к жене жалуется на тоску и скуку: «Кто хочет насладиться долголетием, тому советую поехать в Херсон; если он в нем проживет год, ему покажется, что он прожил Мафусаиловы веки, жизнь утомит его, и душа его востоскует по успокоительной могиле». Б. пишет, что в пути он прочел «Жиль Блаза» Лесажа и «Roman comique» Скаррона, а теперь читает «Lettres d'un voyageur» Жорж Санд, — «и это последнее чтение порою очень освежает меня. Чудо, как хорошо!» (*Б*, XII, 312—313. Ср. X, 103—105).

Августа 24—25. Б. тяжело болел (*Б*, XII, 313—314).

Августа 26. Б., едва оправившись от болезни, выехал с Щепкиным из Херсона в Симферополь (*Б*, XII, 314).

Августа 27. Б. приезжает с Щепкиным в Симферополь, где они останавливаются в гостинице Банариуса «Золотой якорь». В турецкой бане, которую друзья посетили с дороги, Б. сильно простудился (*Б*, XII, 314; *И. Шмаков*, 197). См. августа 30—31.

Августа 27. Публикация в «Московских ведомостях» статьи С. А. Маслова «Жар и жатва хлеба (Летние заметки в Московской губернии)» об изнурительных условиях труда женщины-крестьянки (*МВед.*, 1846, № 103). Во «Взгляде на русскую литературу 1846 г.» Б. признал, что за эту «замечательную статью почтенного автора благословит всякий друг человечества» (*Б*. X, 49).

Августа 30. Цензур. разреш. «Финского вестника», т. XI. В номере положительная рецензия (автор не указан) на «Стихотворения Кольцова» и вступительную статью Б. о его жизни и сочинениях (т. XI, отд. V, 6—23). В этом же номере в анонимной статье «Нечто о «Северной пчеле» и степени познаний г. Булгарина в науках, искусствах и литературе» отмечены передержки в цитатах в СП, № 133, из статьи Б. о Кольцове (*ФВ*, 1846, XI, отд.VI, 12).

Августа 30—31. Больной Б. лежит в номере симферопольской гостиницы. Его лечит доктор А. Ф. Арендт — «предобрейший старик» (*Б,* XII, 314).

Сентября около 1. Возвращение семьи Б. из Ревеля в Петербург (*Письма Достоевского,* I, 93). М. В. Белинская снимает квартиру на Фонтанке, № 14, в доме М. И. Федорова, по соседству с Панаевыми и Некрасовым (*ЛН,* т. 57, 401). В этой квартире Б. жил до мая 1847 г.

Сентября 1—3. Б. начинает оправляться от болезни, но еще не выходит из гостиницы (*Б,* XII, 314).

Сентября около 3. В. Ф. Одоевский работает над статьей для сборника Б. «Левиафан» (*ЛН,* т. 58, 690). См. сентября 22.

Сентября 4—5. Письмо Б. к жене из Симферополя. Б. сообщает о своей болезни, от которой только сейчас начал оправляться, и о первых впечатлениях от Крыма. Читая «Les Confessions» Руссо, Б. признается, что «немного книг в жизни действовали на него так сильно, как эта» (*Б,* XII, 313—316; *ЛН,* т. 56, 218).

Сентября 5. Б. и Щепкин были в гостях у В. М. Княжевича, на его даче Мариино. Как свидетельствует в своих воспоминаниях И. Шмаков, Б. был «сумрачен и неразговорчив» и оживился лишь, «саркастически говоря о некоторых петербургских и московских литераторах», особенно подсмеиваясь над М. Д. Ольхиным, который из департаментских курьеров Министерства финансов сделался издателем и всерьез считал себя литературным деятелем (*И. Шмаков,* 197).

Сентября 6. Б. совершает прогулку по Симферополю, посетив в сопровождении И. Шмакова развалины Неаполиса, заходя в татарские кофейни, пекарни, базары. Днем у Б. был доктор А. Ф. Арендт. Вечером Б. был в театре, где шла пьеса «Матрос», со Щепкиным в главной роли. Б. уехал домой, не досмотрев спектакля (*И. Шмаков,* 198).

Сентября 6. Б. в письме к Герцену из Симферополя делится своими впечатлениями от Крыма. После «степей Новороссии, обожженных солнцем, пыльных и голых» Б. чувствует себя «в новом мире», полному наслаждению которым мешает лишь его болезненное состояние. Б. острит по поводу того, что крымские бараны и крымские верблюды, в отличие от крымских татар, «упорно держатся святых праотческих обычаев времен Кошихина: своего мнения не имеют, буйной воли и буйного разума боятся пуще чумы и бесконечно уважают старшего в роде, то есть татарина, позволяя ему вести себя куда угодно и не позволяя себе спросить его, почему, будучи ничем не умнее их, гоняет он их с места на место? Словом, принцип смирения и кротости постигнут ими в совершенстве, и на этот счет они мо-

гли бы проблеять что-нибудь поинтереснее того, что блеет Шевырко и вся почтенная славянофильская братия». От имени Щепкина Б. напоминает Герцену о необходимости позаботиться о хорошей пьесе для будущего его бенефиса. Со слов Сатина Щепкин заинтересовался водевилем Баяра и Дюмануара «Бокильон», шедшим в Париже в сезон 1845—1846 г. (*Б*, XII, 316—317).

Сентября 7—9. Б. вновь заболевает и, по требованию врача, не выходит из комнаты. Его навещают Арендт, Княжевич, Шмаков и композитор А. Н. Серов, служивший в это время в Симферопольской уголовной палате (*И. Шмаков*, 198).

Сентября 9. Б., отвечая на письма Н. М. Щепкина, надеется быть в Воронеже между 6 и 9 октября, но от поездки в усадьбу Станкевичей заранее отказывается, так как уже сейчас испытывает частенько «припадки бешенства» от нетерпения скорее попасть домой (*Б*, XII, 317).

Сентября 10. Некрасов, после тщетных попыток договориться о получении в аренду какого-либо из петербургских журналов (см. июль — август), заключает предварительное соглашение с Плетневым о передаче ему и Панаеву с 1 января 1847 г. «Современника» (*БЛ*, III 360; *Некрасов*, X, 52).

Сентября 13? Б. с Щепкиным выехали из Симферополя (*Б*, XII, 317).

Сентября 14? Б. с Щепкиным приезжают в Севастополь, где остаются до начала октября (*Б*, XII, 317).

Сентября 14. Булгарин в «Северной пчеле» утверждает, что «временный успех можно приобресть парадоксами, смелым нападением на утвержденные репутации, ниспровержением прежних литературных верований, — это мы видим теперь на «Отечественных записках» (*СП*, 1846, № 206). Имя Б. названо в фельетоне не было.

Сентября 17. Достоевский в письме к брату сообщает, что Б. еще не приехал, а «все затеи <издание альманаха «Левиафан» и организация Некрасовым книжной лавки>, которые были, кажется засели на месте: или их, может быть, держат в тайне» (*Письма Достоевского*, I, 95).

Сентября 18. П. М. Щепкин в письме к брату передает, что М. С. Щепкин, судя по последним вестям от него, возвратится в Москву «к 15 октября». М. С. Щепкин писал, что Б. «поправляется» (*ЛН*, т. 56, 181).

Сентября 21. Плетнев сообщает Гроту о своем решении сдать «Современник» в аренду И. И. Панаеву и А. В. Никитенко (*Переписка Грота с Плетневым*, II, 827). См. сентября 10.

Сентября 22. Краевский в письме к В. Ф. Одоевскому сообщает, что «альманах Белинского н е с о с т о и т с я» (*РС,* 1904, VI, 585). См. сентября около 3.

Сентября около 25. Некрасов в письме к Б. сообщает о взятии им и Панаевым в аренду журнала «Современник». Ответственным редактором будет А. В. Никитенко («иначе сделать было нельзя»). С нетерпением ожидая возвращения Б. в Петербург и обещая ему «условия самые лучшие, какие только в наших средствах», Некрасов рассчитывает на передачу Белинским в «Современник» всех материалов, собранных для «Левиафана»: «Мы заплатим вам за все статьи хорошие деньги, и это будет ваш барыш с предполагавшегося альманаха». Убеждая Б. отказаться от издания альманаха, Некрасов ссылается на задержку произведений, обещанных ему Достоевским, Тургеневым и Панаевым, и на колебания Гончарова, готового продать в «Отечественные записки» «Обыкновенную историю», предназначенную для «Левиафана» (*Некрасов,* X, 52—54).

Сентября 26. Панаев в письме к Н. Х. Кетчеру уведомляет всех своих московских друзей о покупке им «Современника»: «Журнал этот с 1847 г. столько же мой, сколько и ваш <...> Вы давно хотели иметь журнал свой, независимый. Желание ваше исполнилось. Действуйте же и помогайте нам... Я рискнул на него деньгами — вы поддержите его трудами». Панаев просит «не задерживать Б. в Москве и объяснить ему выгоды для него нашего журнала. С альманахом своим он решительно бы сел. Об этом уже и писали к нему». Рассчитывая на то, что москвичи прекратят участие в «Отечественных записках», Панаев просит о разрешении печатно объявить об их исключительном участии в «Современнике», официальным редактором которого будет А. В. Никитенко — «человек честный, хороший и питающий ко всем нашим большое уважение». Редакторские функции А. В. Никитенко, как лица «ответственного перед правительством», но не входящего во внутренние дела журнала, ограничены особым договором. Панаев рассчитывает на помощь Кетчера и Корша в деле организации московской конторы «Современника», в собирании статей для журнала и вербовке сотрудников (*БЛ,* III, 360—361).

Сентября около 27. Герцен, отвечая Некрасову на его письмо о реорганизации «Современника», резко ставит вопрос от имени всех своих московских друзей о формах участия в новом журнале Б.: «Согласится ли Белинский принять участие в этом журнале и заведовать духом и направлением журнала? И будет ли журнал верен своему направлению?» (*БЛ,* III, 363). Письмо Герцена не сохранилось, но выдержки из него приведены были в письме Панаева к Кетчеру от 1 октября 1846 г.

Сентября 30. Цензур. разреш. «Отечественных записок» № 10. В разделе «Критика» одиннадцатая статья Б. «Сочинения Александра Пушкина («Домик в Коломне». — «Родословная моего героя». — «Медный всадник». — «Галуб». — «Египетские ночи». — «Анджело». — «Сцена из Фауста». — «Пир во время чумы». — «Моцарт и Сальери». — «Скупой рыцарь». — «Русалка». — «Каменный гость». — «Сцены из рыцарских времен». — Сказки. — Повести. — «История пугачевского бунта». — Журнальные статьи. — Заключение)». Статья опубликована без имени автора.

Определяя весь цикл завершаемых им статей о Пушкине как «еще первую попытку разобрать критически весь круг поэтической и литературной деятельности одного из величайших поэтов России», Б. заключал: «Пушкин был по преимуществу поэт, художник и больше ничем не мог быть по своей натуре. Он дал нам поэзию, как искусство, как художество. И поэтому он навсегда останется великим, образцовым мастером поэзии, учителем искусства. К особенным свойствам его поэзии принадлежит ее способность развивать в людях чувство изящного и чувство г у м а н н о с т и, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека <...> Прийдет время, когда он будет в России поэтом к л а с с и ч е с к и м, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство» (*Б,* VII, 579).

Октября 1. Цензур. разреш. «Современника», № 11—12, в котором дана была первая печатная информация о реорганизации журнала с 1 января 1847 г. («*С*», 1846, № 11—12, 236—242). См. октября 26 и ноября 8.

Октября 1. Панаев, отвечая в письме к Н. Х. Кетчеру на обвинения Герцена (см. сентября 27), решительно протестует против подозрения в каком-то якобы ущемлении прав и роли Б. в будущем «Современнике». Утверждая, что «журнал и Белинский нераздельны в его понятиях» и что он никогда бы не взялся за журнал, «если бы не был убежден в том, что это вместе и желание Б., и единственное средство, остающееся ему к поддержанию своего материального существования», Панаев отмечал: «Мои выгоды еще неизвестны, а Белинский уже будет обеспечен с той минуты, как начнется журнал, или по крайней мере будет иметь определенный, верный доход, без чего ему существовать невозможно». Панаев доказывает, что затеянный Б. альманах не имел шансов на материальный успех, тем более что некоторые из привлеченных им авторов (Достоевский, Гончаров и др.) «без церемонии объявили, что они не могут отдать Белинскому статей, обещанных ими, ибо-де они — люди бедные и им нужны деньги сейчас, а от Б. они имеют еще только отдаленные надежды на деньги». Полагая, что

возвращение Б. в «Отечественные записки» невозможно, а писание «книг и брошюр», «приискание покупателей и издателей» дело затяжное, не обеспечивающее Б. и его семью, когда «деньги надобны сейчас, сию минуту», Панаев считает, что только один журнал и о д и н н а ш ж у р н а л есть спасение Белинского. Тут чистые деньги, а не надежды на деньги, часто обманчивые. Белинскому писано об этом, и сам Б. не может не понять этого, ибо все это ясно, как божий день» (*БЛ,* III, 362—363).

Октября 2. Панаев в приписке к своему письму Кетчеру отмечает, что агенты Краевского распускают в Петербурге и Москве слухи, будто бы Никитенко и Плетнев «не позволят действовать» Б. в «Современнике»: «Не нужно повторять, что все это грязная и самая бесстыдная ложь» (*БЛ,* III, 364).

Октября 4. Герцен передает Некрасову заимообразно 5 тыс. руб. асс., присланных Н. А. Герцен на расходы по организации «Современника» (*РМ,* 1904, X, 42; *ГЛ,* IV, 417).

Октября около 4. Б. с Щепкиным выезжают из Севастополя в Москву (*Б,* XII, 317). См. октября около 10.

Октября 5. Булгарин в «Северной пчеле» доводит до сведения читателей о том, что «гг. Белинский (главный сотрудник журнала до половины 1846 г.), Некрасов, И. И. Панаев и другие молодые литераторы», которые, «как всем известно, писали для «Отечественных записок» все статьи, теперь решительно оставили этот журнал и перешли в редакцию «Современника» (*СП,* 1846, № 224).

Октября 5. Герцен пишет жене из Петербурга: «Панаев и Некрасов поглощены «Современником». Они ждут ответа от Грановского и К° и пуще всего ждут Белинского» (*ГЛ,* IV, 423).

Октября 5. Перепечатка в журнале «Иллюстрация» заметки из «Нижегородских губернских ведомостей» о предстоящем приезде в Нижний-Новгород Белинского, Некрасова и Панаева. Эта информация дополнялась ироническими замечаниями «от редакции» (*«Иллюстрация»,* 1846, № 37, 592). См. августа 7.

Октября 7. Достоевский пишет брату, что с 1 января «Современник» издают «Некрасов и Панаев; критик — Белинский» (*Письма Достоевского*, 97).

Октября 8. Л. В. Брант в «Северной пчеле», в рецензии на «Стихотворения А. Плещеева», упоминает «Бедных людей» Достоевского, «прославленных» в «Отечественных записках» и обратившихся в «ничто» (*СП,* 1846, № 226).

Октября около 10. Б. с М. С. Щепкиным на пути в Москву гостит в Воронеже у Н. М. Щепкина (*Б,* XII, 317; *ЛН,* т. 56, 182).

Октября 13. Б., приехав в Москву, вечером был у Корша, где собрались Боткин, Грановский, Кавелин, Огарев и Н. А. Герцен. По впечатлениям последней, Б. «нисколько не поправился. Его вид производит ужасно болезненное чувство» (*РМ,* 1904, X, 43).

Октября 14. Министр народного просвещения С. С. Уваров дает согласие на передачу обязанностей ответственного редактора журнала «Современник» профессору и цензору А. В. Никитенко (*А. Никитенко,* 298).

Октября около 14. Б. в Москве, в споре с Грановским, бросает мысль о том, что «Россия лучше сумеет разрешить социальный вопрос и покончить с капиталами и собственностью, чем Европа» (*К. Кавелин,* III, 1091. Ср. *Б,* X, 21 и 32).

Октября 15? Б. огорчен получением от Герцена лишь 1500 руб. асс. вместо обещанных ему летом 3 тыс. руб. (*Б,* XII, 300). См. июля 4.

Октября 16. Булгарин в «Северной пчеле», в «Заметках и выписках», приводит в качестве примера «галиматьи» и «набора громких слов» цитату из пятой статьи Б. «Сочинения А. Пушкина» (*СП*, 1846, № 233).

Октября 17. В Петербург возвращается Тургенев после пятимесячного пребывания в деревне (*Летопись жизни Тургенева,* 40).

Октября 17. Достоевский в письме к брату отмечает, что «Белинский еще не приехал» (*Письма Достоевского,* 99).

Октября 18? Б., возвратившись в Петербург, дает согласие на вхождение в «Современник» и на использование в журнале материалов, собранных им для альманаха «Левиафан» (*Б,* X, 45).

Октября 19. Чернышевский в письме к Л. Н. Котляревской сообщает о переходе издания «Современника» к Панаеву, Некрасову и Никитенко: «Все наши теперь действующие и пишущие знаменитые люди литературные — сотрудниками. Между прочими Белинский» (*Чернышевский,* XIV, 69).

Октября 19. Некрасов, уточняя в письме к А. В. Никитенко материальные условия работы последнего в «Современнике», просит возвратить для переписки проект договора с Плетневым и программу «Современника» (*Некрасов,* X, 55).

Октября 20 (ноября 1). П. В. Анненков в письме из Парижа к Марксу просит его высказать свое мнение о книге Прудона «Système des contradictions économiques» (*«Летописи марксизма»,* 1928, VI, 48). См. декабря 16 (28).

Октября 23. Панаев подписывает нотариальный договор с Плетневым об условиях аренды «Современника» (*ГМ,* 1915, IX, 39).

Октября 25. Цензур. разреш. брошюры «Объяснение по нелитературному делу», выпущенной Краевским в порядке ответа на фельетон Булгарина в «Северной пчеле» об уходе из «Отечественных записок» его ближайших сотрудников — Белинского, Некрасова, Панаева и др. См. октября 5 и ноября 12.

Октября около 25. Секретное донесение Б. М. Федорова в III Отделение об «Отечественных записках». Выписки, сделанные им из статей во всех отделах журнала за последние годы (значительное число их являлось цитатами из статей Б.), «доказывают» его: «Противонародность; Безнравственность; Вольнодумство; Противурелигиозность» (*М. Лемке*, 313—315; *А. Никитенко*, 298).

Октября 26. Плетнев в письме к Гроту сообщает: «Объявление о новом «Современнике», где буквы в аршин на зеленом огромном листе, уже разослано по городу и в города провинциальные» (*Переписка Грота с Плетневым,* II, 845). Об успехе этого объявления см. *А. Панаева,* 172—173. Текст объявления см. ноября 8.

Октября 26. Некрасов «по совету Белинского» отправляет Н. М. Щепкину письмо с просьбой помочь распространению в Воронеже «объявлений о подписке на «Современник» (*Некрасов,* X, 56). См. ноября 8.

Октября 27. Н. М. Языков сообщает Гоголю: «Современник» купили Никитенко, Белинский, И. Тургенев и прочие такие же, следственно с будущего 1847 г. сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием щелкоперов» (*РС,* 1896, XII, 645).

Октября около 30. Председатель Московского цензурного комитета Д. П. Голохвастов получает письмо от одного из своих петербургских корреспондентов, который делится с ним своими соображениями по поводу перехода «Современника» в новые руки: «Издание этого журнала будет последним coup de grâce нашей нравственности и нашему монархизму. Увидят это: иные к своей адской радости, другие к скорби неутешной. Я не теряю из памяти 1788, 1789 и 1790 годов французского переворота. Не так ли французская литература переходила в руки Бомарше и Мирабо? У добрых

людей останется одна надежда, хотя и макиавеллистическая: видеть столкновение Белинского и Некрасова с Краевским» (*ЛН*, т. 56, 182—184).

Ноября 1. Выход в свет «Отечественных записок» № 11. В отд. «Критика» начало анонимной статьи В. Н. Майкова о «Стихотворениях Кольцова, с вступительной статьею Б.» (*ОЗ*, 1846, XI, отд. V, 1—38). В «Библ. хронике» заметка В. Н. Майкова об этом же издании (отд. V, 67—69). См. декабря 1.

Ноября около 1. В Петербург возвращается из-за границы В. П. Боткин, с которым Б. не видался свыше трех лет. Под впечатлением свидания с Б. Боткин писал Анненкову: «В его понятиях я нашел большую перемену, по моему мнению, к лучшему. Но я теперь еще больше убедился в истине того, что понятия, идеи, совершенно обусловливаются общественностию, в которой поставлен человек, а идеи, развиваемые одними книгами, не поверяемые беспрестанно процессом общественным, быстро улетучиваются в отвлеченности <...> Определенность и отчетливость, к которым теперь всего более стремится современный процесс, здесь еще мало в ходу; этому, с одной стороны, причиною немецкие теоретические идеи, а с другой — отсутствие всякого практического применения» (*Анненков и его друзья*, 520).

Б. выносит неприятное впечатление от проповеди Боткиным «нового, практического направления, соединенного с враждою ко всему противоположному» (*Б*, XII, 318). Этой осторожной формулировкой Б. определяет свое отношение не только к новым идеям Боткина, но и к их первоисточнику — принципам позитивной философии О. Конта. См. *К. Кавелин*, III, 1095, а также ноября 20 и 26; 1847, февраля 17.

Ноября 6. Булгарин, отвечая в «Северной пчеле» на «Объяснение по нелитературному делу», приглашает «бывших сотрудников «Отечественных записок» высказаться самим по поводу оценки Краевским их недавней работы в его журнале. Попутно Булгарин отмечает статьи Б. «Русская литература в 1841 г.» и «Сочинения Державина» (1844), в которых якобы «унижаются все литературные знаменитости» (*СП*, 1846, № 251).

Ноября 6. С. П. Шевырев в письме к Плетневу передает: «Объявляют за важную весть, что Б., который будет заведовать критикой «Современника», изменил уже свое мнение о Гоголе и напечатал ряд статей против него. Это послужит только к чести Гоголя — и давно ему пора для славы своей скинуть с себя пятно похвал и восклицаний, которые приносил ему Б.» (*Переписка Грота с Плетневым*, II, 962).

Ноября 8. Публикация в «Северной пчеле» объявления о подписке на «Современник» в 1847 г.:

«Современник», основанный А. С. Пушкиным, а впоследствии с высочайшего соизволения перешедший в распоряжение П. А. Плетнева, с 1847 г. подвергается совершенному преобразованию. Редакция «Современника», с разрешения господина министра народного просвещения, переходит к профессору С.-Петербургского университета А. В. Никитенко. Издание же сего журнала, по взаимному согласию и условию с прежним издателем и редактором, приняли на себя И. И. Панаев и Н. А. Некрасов. Заготовив предварительно значительное количество материалов и получив согласие на участие в «Современнике» многих известных русских ученых и литераторов, редактор и издатели в то же время нашли нужным значительно увеличить объем журнала. «Современник» с 1847 г. будет издаваться ежемесячно книжками от 20 до 25 печатных листов в большую осьмушку. Таким образом годовое издание «Современника» будет заключать в себе от 250 до 300 печатных листов. Книжки будут выходить аккуратно 1-го числа каждого месяца и печататься на хорошей бумаге в одной из лучших петербургских типографий».

В этом же объявлении подчеркивалось: «Все, могущее интересовать публику и соответствующее программе, направлению и достоинству журнала, будет постоянно иметь место на страницах «Современника». Главная заботливость редакции обращена будет на то, чтобы журнал наполнялся произведениями преимущественно русских ученых и литераторов, — произведениями, достоинством и направлением своим вполне соответствующими успехам и потребностям современного образования. Что же касается до переводных повестей и романов, то редакция будет в отношении к ним руководствоваться самым строгим выбором, печатая только замечательнейшие из них или в самом журнале, или в приложении к журналу. Мелкая, личная и никаких ученых или литературных вопросов не решающая полемика вовсе не будет иметь место в «Современнике».

В «Современнике» с 1847 г. будут участвовать следующие ученые и литераторы: В. Г. Белинский, М. А. Гамазов, Т. Н. Грановский, Э. И. Губер, И. А. Гончаров, В. И. Даль-Луганский, Ф. М. Достоевский, Д. А. Засядко, Искандер, К. Д. Кавелин, А. С. Комаров, Е. Ф. Корш, А. И. Кронеберг, Н. Х. Кетчер, Н. А. Мельгунов, А. Н. Майков, Г. П. Небольсин, Нестроев (П. Н. Кудрявцев), Н. А. Некрасов, А. В. Никитенко, Н. И. Надеждин, Н. П. Огарев, князь В. Ф. Одоевский, И. И. Панаев, П. А. Плетнев, Д. М. Перевощиков, П. Г. Редкин, граф В. А. Соллогуб, А. Н. Струговщиков, И. С. Тургенев и друг.» * (*СП,* 1846, № 253). В числе «мате-

риалов, заготовленных для журнала», отмечался «ряд критических статей о Гоголе и Лермонтове В. Г. Белинского».

В перечне сотрудников журнала отсутствовали, по разным причинам, имена П. В. Анненкова, В. П. Боткина, Я. П. Буткова, А. Д. Галахова, Д. В. Григоровича, Е. П. Гребенки, И. И. Введенского, Аполлона Григорьева, М. Н. Каткова, В. Н. Майкова, В. А. Милютина, Н. Ф. Павлова, А. Н. Плещеева, Я. П. Полонского, Н. М. Сатина, С. М. Соловьева, А. Фета и некоторых других.

Ноября 8. П. В. Анненков в «Письме из Парижа» иронизирует по поводу «Икарии» Кабе и «фаланстеров» Консидерана, протестует против «сумасбродств» Пьера Леру и с удовлетворением отмечает «разбитие в прах» Прудоном «доктрины Луи Блана». Как полагает Анненков, книга Прудона «Système des contradictions èconomiques» всем «ясно и убедительно доказала, что цивилизация не может отречься от самой себя, что все ее победы, как-то машины, конкуренция, разделение работ и проч., невозвратно принадлежат человечеству и что единственная помощь для общества заключается не в благонамеренных способах исцеления, предлагаемых со стороны, а только в отыскании закона, по которому богатства развиваются правильно и сами собой» («*С*», 1847, 1, отд. IV, 35). См. ноября 25, декабря 16 и 25. О согласии Б. с этими положениями см. его отзывы о Леру и Луи Блане в письмах к Боткину от 6 и 17 февраля 1847 г.

Ноября 12. Белинский, Некрасов и Панаев подписывают к печати листовку «По поводу нелитературного объяснения», выпущенную в ответ на брошюру Краевского (см. октября 25). В этой листовке отмечалось, что, вопреки утверждениям Краевского о неизменности состава сотрудников «Отечественных записок», «Белинский, Панаев, Некрасов, равно как гг. Искандер, Кронеберг и некоторые другие, с 1847 г. примут деятельное и постоянное участие в «Современнике» и помещать трудов своих в «Отечественных записках» не будут». В связи же с указанием Краевского на то, что «г. Белинский не принимает участия в «Отечественных записках» с 1 апреля 1846 г.», в листовке отмечалось: «Г-н Белинский принимал в «Отечественных записках» самое деятельное участие в продолжение почти семи лет; отделы критики и библиографии этого журнала преимущественно наполнялись его трудами, начиная с восьмой книжки 1839 г. и до четвертой нынешнего, когда он решительно отказался от всякого участия в журнале г. Краевского. Но, извещая об этом, для большей ясности следовало бы прибавить, что одиннадцатая и последняя статья г. Белинского «О сочинениях Пушкина», доставленная в редакцию еще в апреле, напечатана в октябрь-

с к о й книжке и что статья эта п о с л е д н я я, писанная им для «Отечественных записок» (*Некрасов,* XII, 33—34).

Ноября 20. Боткин в письме за границу к Анненкову утверждает, что реорганизуемый сейчас «Современник» прежде всего должна поднять его «идеология». В то время как «в Англии и Франции литература есть зеркало нравов, у нас она — наставительница. Вот почему вся сила ее заключается в идеологии. Двигают массами не идеи, а интересы, но просвещают их идеи». Боткин с удовлетворением отмечает, что «наших друзей занимает такая идеология, которая имеет прямое отношение к практическому миру. Остается только литературной критике освободиться от своего Молоха — художественности <...> С этой стороны разбор Белинским «Онегина» и особенно Татьяны есть уже большой прогресс. Пока промышленные интересы у нас не выступят на сцену, до тех пор нельзя ожидать настоящей деятельности в русской литературе».

Боткин очень встревожен физическим состоянием Б., который «так худ здоровьем, что страшно за него, и, разумеется, главною причиною его семейные обстоятельства». Находя в Б. «желчную слабость, вечную младенческую беззащитность, беспрерывную борьбу теоретического, добросовестного ума с вопиющим и оскорбленным сердцем», Боткин полагает, что из поездки на юг Б. «воротился с здоровьем еще более расстроенным и, видимо, близится к смерти» (*Анненков и его друзья,* 521—523).

Ноября 23. Булгарин в «Северной пчеле» откликается на анонимную статью Б. в «Отечественных записках» о «Воспоминаниях Ф. Булгарина»: «Ужели «Отечественные записки» унизили автора И в а н а В ы ж и г и н а тем, что, говоря о писаниях господ Кузмичева, Александра Орлова и других московских писак, стали уверять, что эти писания г о р а з д о л у ч ш е сочинений автора И в а н а В ы ж и г и н а, Д м и т р и я С а м о з в а н ц а и других? Нет, не унизили, а только показали, какую степень доверенности можно иметь к их суждениям!» (*СП,* 1846, № 265). См. апреля 30. Имя Б. в статье Булгарина названо не было.

Ноября 24. У Б. родился сын (*Лепта Б,* 19). «Назовут его Владимиром, несмотря на сильное желание Б. назвать его Павлом», — писал 26 ноября 1846 г. Боткин из Петербурга в Париж П. В. Анненкову (*Анненков и его друзья,* 524). Крестным отцом мальчика был Тургенев. См. 1847, марта около 20.

Ноября 25. Боткин, получив «Письмо из Парижа» Анненкова (см. ноября 8), «тотчас» знакомит с ним Б., который передает его для опубликования в «Современник» (*Анненков и его друзья, 524*).

Ноября 25. Перепечатка в «Северной пчеле» ответа Белинского, Некрасова и Панаева на «Объяснение по нелитературному делу» Краевского (*СП,* 1846, № 266). См. ноября 12.

Ноября 26. Боткин в письме к Анненкову в Париж отмечает, что Б., «п о ч т и освободясь от гегелианских теорий, еще крепко сидит в х у д о ж е с т в е н н о с т и, и от этого его критика еще далеко не имеет той свободы, оригинальности, того простого и дельного взгляда, к которым он способен по своей природе». Боткин полагает, что «немецкие теории чуть не убили здравый смысл в нашей критике, и если Б. успел-таки сберечь его в себе, зато сколько же и нагородил дикостей на своем веку! Да, французский взгляд, то есть взгляд, опирающийся на здравом смысле, истории, имеющий в виду множество, а не посвященных и избранных, — вот что нужно для русской критики» (*Анненков и его друзья,* 527). Под «французским взглядом» Боткин разумеет позитивную философию Конта. См. ноября около 1 и 20.

Ноября 26. Достоевский пишет брату, что «имел неприятность окончательно поссориться с «Современником» в лице Некрасова. Он, досадуя на то, что все-таки даю повести Краевскому, которому я должен, и что я не хотел публично объявить, что не принадлежу к «Отечественным запискам», наделал мне грубостей <...> Теперь они выпускают, что я заражен самолюбием, возмечтал о себе и передаюсь Краевскому затем, что Майков хвалит меня. Некрасов же меня собирается ругать. Что же касается до Белинского, то это такой слабый человек, что даже в литературных мнениях у него пять пятниц на неделе. Только с ним я сохраняю прежние добрые отношения. Он человек благородный» (*Письма Достоевского,* 102—193).

Ноября 30. Цензур. разреш. «Финского вестника», т. XII. В номере сочувственная информация о реорганизации «Современника» (т. XII, отд. VII, 57—58), а в рецензии на «Московский литературный и ученый сборник» сочувственно отмечены «дельные, умные статьи Искандера, Белинского, Тургенева», отражающие в «Петербургском сборнике» направление «живое, современное» (*ФВ,* 1846, XII, отд. V, 77).

Ноябрь — декабрь. Б. часто встречается с Тургеневым, работающим «изо всех сил» для «Современника» (*Летопись жизни Тургенева*, 41). См. 1847, января 12.

Ноябрь — декабрь. П. В. Анненков, вспоминая о том «переполохе», который произвело в литературном мире известие об уходе Б. из «Отечественных записок», передает: «С удалением Белинского пророчили падение журнала <Краевского>, но

журнал устоял, как всякое предприятие, уже добывшее себе прочные основы и открывшее притом готовую арену для литературной деятельности новоприходящим талантам. Таков был молодой Майков, принявший в свои руки наследство Б. — критический отдел журнала: отдел этот обретал в нем новую свежую силу вместо атрофии и расслабления, которыми ему грозили. В. Н. Майков отложил в сторону весь эстетический, нравственный и полемический багаж Б., и за норму оценки произведений искусства принял количество и важность бытовых и общественных вопросов, ими поднимаемых, и способы, с каким авторы доказывают и разрешают их» (*П. Анненков,* 468—469). О впечатлениях от статей В. Н. Майкова см. *Тургенев,* XI, 407, а также письмо Боткина от 26 ноября 1846 Анненкову (*Анненков и его друзья,* 527).

Декабря 1. Выход в свет «Отечественных записок» № 12. В отделе «Критика» вторая статья В. Н. Майкова «Стихотворения Кольцова» (*ОЗ,* 1846, № 12, отд. V, 39—70).

Положительно характеризуя статью Б. «О жизни и сочинениях Кольцова» в целом, В. Н. Майков возражает против суждений Б. о Кольцове, как «представителе русской национальности» и против определения его, как «гениального таланта» (*В. Майков,* 96—110). По мнению Майкова, «человек, выражающий своей личностью все особенности своей нации, совершенно лишен средств быть сильным художником» в силу своей оторванности от «мира общечеловеческих интересов». Кольцов же, вопреки утверждениям Б., как и каждый большой поэт, выражает не национальные особенности, а общечеловеческие идеалы. Несостоятельной представляется Майкову и предлагаемая Б. классификация литературных дарований (гений, гениальный талант и просто талант). См. февраля 5 и декабря около 15.

В этом же номере «Отечественных записок» в разделе «Библиографические и журнальные известия» Краевский отвечает на листовку Белинского, Некрасова и Панаева «По поводу нелитературного объяснения». Краевский подчеркивает факт перепечатки этой листовки в «Северной пчеле» и заключает: «Если подобная симпатия существует между старою газетою и начинающимся журналом, то мы наперед отказываемся от всяких с ним переговоров, как отреклись навсегда от сношений с его доброю союзницей «Северной пчелою» (*ОЗ,* 1846, XII, отд. V, 118—119).

Декабря 5. Цензур. разреш. листовки «Необходимое объяснение», выпущенной за подписями Белинского, Панаева и Некрасова, с датою 4 декабря 1846 г. В ответ на возражения Краевского в «Отечественных записках» № 12 (см. ноября 25 и декабря 1) в «Необходимом объяснении» отмечался «неприличный тон, которым г. Краевский говорит

о своих бывших сотрудниках, не исключая и г. Белинского, постоянным и деятельным заведованием двумя главными отделами «Отечественных записок» сообщавшего в продолжение почти семи лет направление этому журналу». И далее: «В продолжение семи лет в «Отечественных записках» напечатано было шестьдесят больших критических статей г. Белинского, множество больших и мелких библиографических статей (считая по крайней мере до десяти круглым числом на каждую книжку); ему же принадлежат почти все отчеты о пьесах, игравшихся в Александринском театре, и большая часть литературных и журнальных заметок, помещавшихся в «Смеси» (*Б*, X, 421—423).

Декабря 7. Анонимный фельетонист журнала «Иллюстрация», протестуя против «геростратовских подвигов» современной критики, подрывающей «уважение к великим нашим писателям» и уверяющей, что «Лермонтов гораздо выше Державина», скорбит по поводу того, что «эти бредни принимаются за философские мнения» (*«Иллюстрация»*, 1846, № 46, 736). Имя Б. в фельетоне прямо названо не было.

Декабря 10. Обер-священник армии и флота обращается в Главное медицинское управление Морского министерства за сведениями о семейном положении лекаря Григория Белинского (*ИВ*, 1911, V, 596). См. 1847, января 20.

Декабря около 14. Гончаров и Тургенев принимают меры для предотвращения разрыва между Майковым и Б., который «очень болезненно» реагировал на статью в «Отечественных записках» о «Стихотворениях Кольцова» (*Б*, XII, 404; *В. Майков*, XXXVIII).

Объясняя в письме к Тургеневу свою полемику с Б. (см. декабря 1), В. Н. Майков подчеркивает свое «глубокое уважение» к нему и понимание «пользы», которую «может он еще оказать России», но протестует против якобы свойственной Б. «бездоказательной, памфлетической манеры критики» и «наклонности к диктаторству». Это письмо Майков просит показать Б. (*В. Майков*, XXXVIII—XL).

Декабря около 14. Некрасов в письме к А. В. Никитенко сообщает, что Б. «со своей статьей запоздал и посылает в типографию по страничкам». Передавая со слов Б., «что он употребит все усилия, чтоб статья была благовоспитанная», Некрасов предупреждает, что статья будет доставлена Никитенко не в рукописи, а в гранках (*Некрасов*, X, 57).

Декабря около 15. Б., работая над статьей «Взгляд на русскую литературу 1846 г.», резко полемизирует с противопоставлением в статье Майкова о «Стихотворениях Кольцова» «народного» и «человеческого» и против попыток разделения

им «неделимой личности народа на большинство и меньшинство», с приписыванием последнему «качеств, диаметрально противоположных качествам первого».

«Без национальностей, — писал Б., — человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики <...>. Собственно говоря, борьба человеческого с национальным есть не больше, как риторическая фигура; но в действительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их силою собственной национальности в собственную же сущность, — тогда он гибнет политически <...> Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собою свой народ. Борьба гения с народом не есть борьба человеческого с национальным, а просто-напросто нового с старым, идеи с эмпиризмом, разума с предрассудками. Масса всегда живет привычкою и разумным, истинным и полезным считает только то, к чему привыкла. Она защищает с остервенением то старое, против которого веком или менее <назад> с остервенением же боролась она, как против нового. Противодействие массы гению необходимо, это с ее стороны экзамен гению: если он возьмет свое ни на что не смотря — значит он точно гений, то есть в самом деле носит свое право действовать на судьбы своего отечества <...> В гении не столько поражает находчивость нового, сколько смелость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть <...> Что в народе бессознательно живет, как возможность, то в гении является, как осуществление, как действительность. Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые производит она. Тут единство, а не разделение, не двойственность» (*Б*, X, 29—32).

Декабря 16 (28). К. Маркс в письме к Анненкову из Брюсселя резко критикует книгу Прудона «Философия нищеты», характеризуя ее автора, как типичного «философа и экономиста мелкой буржуазии», органически чуждого принципам материалистического понимания истории. Маркс отмечает свое согласие с ним только в одном — «это отвращение к социалистической сентиментальности. Еще раньше него я вызвал много неприязни к себе тем, что высмеивал социализм овечий, сентиментальный, утопический» (*К. Маркс и Ф. Энгельс,* V,

1929, 283—294). См. декабря 25. Б. был осведомлен Анненковым об этой переписке, видимо, в мае — июне 1847 г.

Декабря 17. Достоевский пишет брату, что «бывает у Б. Он все хворает, но с надеждами» (*Письма Достоевского,* 104).

Декабря около 20. Размолвка Б. с Некрасовым из-за повести Д. В. Григоровича «Деревня», опубликованной в «Отечественных записках» № 12. Б., отмечая существенные дефекты повести (неуменье автора «заглянуть во внутренний мир героини» и «натянутые, изысканные и вычурные местами описания природы»), признает «блестящей стороной произведений г. Григоровича» его «очерки крестьянского быта», в которых «он обнаружил много наблюдательности и знания дела и умел выказать то и другое в образах простых, истинных, верных, с замечательным талантом» (*Б*, X, 43). Некрасов, полагая, что «похвалы тому, что печатается в «Отечественных записках», не могут быть допущены в «Современнике», с некоторой «бестактностью», по мнению Б., настаивал на изменении отзыва последнего о «Деревне», на что Б. не счел возможным согласиться (*Б,* XII, 319; *Григорович,* 161; *К. Кавелин,* III, 1093). Об отклике Б. на «Деревню» и о пресечении им выступлений Панаева против Григоровича см. *Тургенев,* XI, 405.

Декабря 25 (Января 6). П. В. Анненков, отвечая К. Марксу на письмо от 16 (28) декабря, соглашается с ним, что «книга Прудона не представляет ничего крупного в области прогресса экономических идей», но в то же время признает ее большое значение, как показателя «политики, просвещения и тенденций буржуазии во Франции». Анненков в восторге от тех «ударов, которые Прудон нанес доктрине Луи Блана» (*Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса,* 22). См. ноября 8 и декабря 16.

Декабря 30. Цензур. разреш. «Современника», 1847, № 1. В номере статья Б. «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» (без подписи) и три рецензии: «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Изд. второе»; «Полн. собр. соч. русских авторов. Сочинения Озерова. Сочинения Фонвизина»; «Сборник газеты «Кавказ». Издаваемый О. И. Константиновым». Первая рецензия имеет подпись: В. Б.; две другие — без подписи.

Б., откликаясь на второе издание «Мертвых душ», констатирует, что новое «предисловие» к этой книге «внушает живые опасения» за судьбу ее автора и «грозит русской литературе новою великою потерею прежде времени»: «Все более и более забывая свое значение художника, Гоголь принимает тон глашатая каких-то великих истин, которые в сущности отзываются не чем иным, как парадоксами человека, сбившегося с своего

настоящего пути ложными теориями и системами». О неблагополучии в этом направлении свидетельствовали, по мнению Б., еще в 1842 г. некоторые «мистико-лирические выходки в «Мертвых душах», но особенно опечалила всех друзей и почитателей таланта Гоголя» его статья об «Одиссее» в переводе Жуковского (см. июля 25). Статья Б. о втором издании «Мертвых душ» подготовляла общественное мнение к выступлению его против «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Декабря 31. Объявление в «Северной пчеле» о поступлении в продажу «на сих днях отпечатанной» книги «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (*СП,* 1846, № 293).

1846

Выход в свет в Лейпциге книги «Geschichte der russischen Literatur. Nach russischen Quellen bearbeitet von Dr. J. P. Jordan». Книга эта представляла собой перевод четырех статей Б. о Пушкине. Имя Б. упомянуто, однако, не было (*ЛН,* т. 56, 454—457 и 467). См. стр. 370 и 394.

Публикация в «Jahrbücher für Slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft» (*Heft* 11—12, s. 443—447) статьи W. <Вильгельма Вольфзона> «Литературные заметки из России», в которой дана была краткая характеристика Б., как выдающегося русского критика, теоретика и историка литературы (*ЛН*, т. 56, 460—461). В этой же статье отмечались реорганизация «Современника» и предстоящий выход в свет альманаха Б. В числе новых редакторов «Современника» вместе с Некрасовым, Панаевым и Никитенко назван был и Б. (*ЛН,* т. 56, 461).

1847

Января 1. Выход в свет первого номера журнала «Современник» (*А. Никитенко,* I, 299). В номере, кроме статьи Б. «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» и трех его же рецензий (см. 1846, декабря 30), опубликованы следующие произведения: «Родственники. Нравственная повесть» И. Панаева; «Без рассвета» повесть Нестроева (П. Кудрявцева); «Хорь и Калиныч (Из записок охотника)» И. Тургенева; «Роман в девяти письмах» Ф. Достоевского; «Из записок артиста» М. С. Щепкина; «И. Ф. Вернет, швейцарский урожденец и русский писатель. Из воспоминаний обыкновенного человека» Н. Мельгунова; «Деревня». Цикл стихотворений И. Тургенева; «Тройка» и «Псовая охота» Некрасова; «Отъезд» и «Бываю часто я смущен внутри души» Н. Огарева. Статьи: «Взгляд на юридический быт древней России» К. Кавелина; «О совре-

менном направлении русской литературы» А. Никитенко; «Последние романы Жорж Санд» А. Кронеберга; «Письмо из Парижа» П. Анненкова. Раздел «Современные заметки» составлен был Тургеневым. Ему же принадлежала рецензия на трагедию Кукольника «Генерал-поручик Паткуль». В качестве бесплатного приложения к первой книжке подписчикам разослан был роман Жорж Санд «Лукреция Флориани» в переводе А. Кронеберга.

Определяя свою статью «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» , как «внутреннюю программу» нового журнала, Б. утверждал в ней, что «один из величайших умственных успехов нашего времени» состоит в том, что «мы, наконец, поняли, что у России была своя история, нисколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основании ее же самой, а не на основании историй, ничего не имеющих с нею общего европейских народов». Полагая, что «настало для России время развиваться самобытно, из самой себя», Б. признает, что «так называемое славянофильство, без всякого сомнения, касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей общественности». Б. протестует, однако, против «положительной стороны» славянофильской доктрины, заключающейся «в каких-то туманных мистических предчувствиях победы Востока над Западом», и иронизирует по поводу того, что славянофилы говорят «против гниющего Запада», который они «решительно не понимают, потому что меряют его на восточный аршин». Протестуя против отрицания петровских реформ и призывов «воротиться к общественному устройству и нравам времен не то баснословного Гостомысла, не то царя Алексея Михайловича», Б. замечает, что «жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый может давать произвольное направление легким движением весла. Вместо того чтоб думать о невозможном и смешить всех на свой счет самолюбивым вмешательством в исторические судьбы, гораздо лучше, признавши неотразимую и неизменную действительность существующего, действовать на его основании, руководясь разумом и здравым смыслом, а не маниловскими фантазиями». Б. полагает, что «главная причина» ошибок славянофилов в том, что «они произвольно упреждают время, процесс развития принимают за его результат, хотят видеть плод прежде цвета и, находя листья безвкусными, объявляют плод гнилым и предлагают огромный лес, разросшийся на необозримом пространстве, пересадить на другое место и приложить к нему другого рода уход. По их мнению, это не легко, но возможно! Они забыли, что новая петровская Россия так же молода, как и Северная Америка, что в будущем ей представляется гораздо больше, чем в прошедшем. Они забыли, что в разгаре процесса часто особенно бросаются в глаза именно те явления, которые, по окончании процесса,

должны исчезнуть, и часто не видно именно того, что впоследствии должно явиться результатом процесса. В этом отношении Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей <...> Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: изо всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честию не один суровый экзамен судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль, — об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими» (*Б,* X, 19—21).

Отмежевываясь от славянофилов, Б. не склонен замалчивать ошибки ни либеральных «западников» с их некритическим отношением к европейской капиталистической культуре, ни «гуманических космополитов», произвольно противопоставляющих «народное» и «человеческое» (см. 1846, декабря около 15).

«Пора нам перестать *казаться* и начать *быть*, — писал Б., — пора оставить как дурную привычку довольствоваться словами и европейские формы и внешности принимать за европеизм. Скажем более: пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему, потому только, что оно *человеческое*, и на этом основании все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергией, как и все азиатское, в чем нет человеческого». Б. протестует против абстракций русских утопических социалистов, подменяющих конкретные задачи борьбы за ликвидацию крепостничества проблемами, не имеющими актуального политического значения: «Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности. То, что для нас, русских, еще важные вопросы, давно уже решено в Европе, давно уже составляет там простые истины жизни, в которых никто не сомневается, о которых никто не спорит, в которых все согласны. Но это нисколько не должно отнимать у нас смелости и охоты заниматься решением таких вопросов, потому что пока не решим мы их сами собою и для самих себя, нам не будет никакой пользы в том, что они решены в Европе. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы те же, да не те и требуют другого решения. Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и

должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми. Но в то же время для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы, как наши собственные. В них нашего только то, что применимо к нашему положению; все остальное чуждо нам, и мы стали бы играть роль дон-кихотов, горячась из них. У себя, в себе, вокруг себя — вот где мы должны искать и вопросов и их решения. Это направление будет плодотворно, если и не будет блестяще. И начатки этого направления видим мы в современной русской литературе, а в них — близость ее зрелости и возмужалости. В этом отношении литература наша дошла до такого положения, что ее успехи в будущем, ее движение вперед зависят больше от объема и количества предметов, доступных ее заведованию, нежели от нее самой. Чем шире будут границы ее содержания, чем больше будет пищи для ее деятельности, тем быстрее и плодовитее будет ее развитие» (*Б*, X, 32—33).

Характеризуя передовых писателей середины 40-х годов, Б. утверждает: «Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнию, с действительностию, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости <...> Мы отнюдь не хотим этим сказать, чтобы все новые писатели, которых (в похвалу им или в осуждение) причисляют к н а т у р а л ь н о й ш к о л е, были всё гении или необыкновенные таланты; мы далеки от подобного детского обольщения. За исключением Гоголя, который создал в России новое искусство, новую литературу и которого гениальность давно уже признана не нами одними и даже не в одной России только, мы видим в натуральной школе довольно талантов, от весьма замечательных до весьма обыкновенных. Но не в талантах, не в их числе видим мы собственно прогресс литературы, а в их направлении, их манере писать. Таланты были всегда, но прежде они у к р а ш а л и п р и р о д у, и д е а л и з и р о в а л и д е й с т в и т е л ь н о с т ь, то есть изображали несуществующее, рассказывали о небывалом, а теперь они воспроизводят жизнь и действительность в их истине. От этого литература получила важное значение в глазах общества» (*Б*, X, 16).

Б. вносит существенные оговорки в свою прежнюю характеристику творчества Достоевского (см. 1846, марта 1). Не отрицая «необыкновенности, силы, глубины и оригинальности таланта г. Достоевского», Б. констатирует признаки охлаждения читателей к молодому автору, отмечает досадный «фантастический колорит» в «Двойнике» и «вычурность, манерность и непонятность» его последней повести «Господин Прохарчин». Б. полагает, что «в искусстве не должно быть ничего темного и непонятного», а «фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и на-

ходиться в заведовании врачей, а не поэтов» (*Б,* X, 40—42). Б. иронизирует по поводу «современного направления» в стихах А. Н. Плещеева, отмечает «блестки дельной поэзии» в первом сборнике «Стихотворений А. Григорьева», высоко оценивает «Петербургские вершины» Буткова, новые повести Даля и «Деревню» Григоровича (см. декабря около 20). Б. не согласен с «превознесением почти во всех наших журналах» стихотворений Ю. Жадовской: «Почти в каждом своем стихотворении не спускает она глаз с неба и звезд, но нового ничего там не заметила. Это не то, что Леверье, который открыл там планету Нептун, до него никем не знаемую. По нашему мнению, Леверье больше поэт, чем г-жа Жадовская, хоть он и не пишет стихов. Смотреть на небо и не видеть в нем ничего, кроме общих фраз, с рифмами или без рифм — плохая поэзия! Да и что путного может увидеть поэт нашего времени, если он совершенно чужд самых общих физических и астрономических понятий <...> То ли дело земля! — на ней нам светло и тепло, на ней все наше, все близко и понятно нам, на ней наша жизнь и наша поэзия» (*Б,* X, 34—35). В этой же статье Б. настаивает на несостоятельности «психологии, не опирающейся на физиологию», и свою концепцию соотношения материи и сознания подкрепляет следующими соображениями: «Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум? Прекрасно! — так останавливайтесь же в благоговейном изумлении и перед массою его мозга, где происходят все умственные отправления, откуда по всему организму распространяются, через позвоночный хребет, нити нерв, которые суть органы ощущений и чувств, и которые исполнены каких-то до того тонких жидкостей, что они ускользают от материального наблюдения и не даются умозрению. Иначе вы будете удивляться в человеке следствию мимо причины или — что еще хуже — сочините свои небывалые в природе причины и удовлетворитесь ими» (*Б,* X, 26).

Января 1. Выход в свет первого номера «Современника» был отмечен в редакции торжественным обедом для всех сотрудников. Б. смотрел на книжку нового журнала «с таким умилением, с каким смотрит отец на своего первенца, только что появившегося на свет» (*А. Панаева,* 179).

Января 1. Цензур. разреш. «Финского вестника» № 1. В отделе «Разные разности» читателям сообщалось о реорганизации «Современника». В этом же номере рецензент «Сочинений И. А. Крылова» попутно упоминал и высоко оценивал биографию Кольцова, написанную Б. (*ФВ,* 1847, I, отд. V, 32; отд. VI, 42).

Января около 3. Боткин, уезжая из Петербурга в Москву, договаривается с Б. и Некрасовым о своем ближайшем участии в «Современнике». Однако, не доверяя Некрасову и неправильно истолковав его пожелание о том, чтобы научно-по-

пулярные статьи в «Современнике» преимущественно посвящены были России и не имели компилятивного характера, Боткин задерживает сдачу в «Современник» своих «Писем об Испании», сговаривается с Краевским о продолжении сотрудничества в «Отечественных записках», а в Москве вооружает против Некрасова таких сотрудников «Современника», как Грановский, Корш, Кетчер и другие (*ЛМ*, II, 189; *Б*, XII, 318—319).

*Января 5.** Э. И. Губер, положительно откликаясь в «С.-Петербургских ведомостях», в фельетоне «Русская литература в 1846 г.», на успехи «натуральной школы» в ее борьбе с реакционными литературными течениями, вменяет в вину «новой критике» чрезмерно высокую оценку «Бедных людей», никак не оправданную следующими произведениями Достоевского («*СПб. ведомости*», 1847, № 4). Ответ Б. на эту статью см. января 31.

Января 10. Галахов в письме к Краевскому объясняет, что в список сотрудников «Современника» он попал только потому, что его повесть «Превращение», предназначавшаяся для несостоявшегося альманаха Б., передана была последним в новый журнал. Галахов подчеркивает, что он дорожит своим многолетним участием в «Отечественных записках» и не собирается уходить из них (*ЛН*, т. 56, 184).

Января 11. Булгарин, выступая в «Северной пчеле» против «Отечественных записок», вспоминает, что журнал этот создан был молодыми людьми «с полударованиями, с огромными притязаниями на известность и даровитость и с весьма малыми средствами». Булгарин возмущен «унижением ими старых писателей и возвеличением Гоголя» (*СП*, 1847, № 8).

Января 11. Панаев в письме к Кетчеру, Грановскому и Герцену передает: «Б. вам всем кланяется. Его здоровье получше — и вообще он сильно одушевлен ко 2 №. Следствие этого одушевления вы прочтете» (*ЛН*, т. 56, 185).

Января 12. Кавелин в письме к Краевскому объясняет, что, несмотря на то, что все его «симпатии и приязни» естественно влекут его к «Современнику», где он будет печататься «преимущественно», он все же не считает возможным отказаться от сотрудничества и в «Отечественных записках», так как высоко ценил и ценит журнал Краевского и не имеет причин изменять своего «мнения» о нем (*ЛН*, т. 56, 185—186).

Января 12 *. Б. «плачевно осиротел и смертельно заскучал», проводив за границу Тургенева, с которым он особенно сблизился за последнюю зиму. «Когда вы сбирались в путь, — писал он Тургеневу, — я знал вперед, чего лишаюсь в вас, но когда вы уехали, я увидел, что потерял в вас больше, нежели

сколько думал, и что ваши набеги на мою квартиру за час перед обедом или часа на два после обеда, в ожидании начала театра, были одно, что давало мне жизнь» (*Б,* XII, 333—334).

Января 13. Некрасов в письме к Кетчеру просит об оказании дружеской помощи «Современнику» по собиранию статей для него, по сношениям со всеми московскими сотрудниками журнала, по ревизии его московской конторы и т. п. (*Некрасов,* X, 58).

Января 16. «Литературная газета» в анонимной редакционной заметке откликается на «толки» о том, что «Современник» организован с целью уничтожения «Отечественных записок» и обвиняет в этом Белинского, Некрасова и Панаева, дважды рассылавших печатные объявления о своих бывших отношениях с Краевским и его журналом (*ЛГ,* 1847, № 3).

Января 19. «С.-Петербургские ведомости» отмечают выход в свет первого номера «нарядного Современника, с целым запасом блестящих надежд и обещаний (*«СПб. ведомости»*, 1847, № 15).

Января 19. Выезд Герцена из Москвы за границу (*РМ,* 1904, X, 56; *ГЛ,* XXII, 241).

Января 20. Главное медицинское управление Морского министерства в ответ на запрос обер-священника армии и флота (см. 1846, декабря 10) представляет ему выписки из формуляра лекаря Григория Белынского, о получении которых много лет безуспешно хлопотал Б. (*ИВ,* 1911, V, 596). См. марта 4.

Января 22. Некрасов в письме к Никитенко сообщает, что «Библиографию для второго номера «Современника» пишет Б., только что немного поправившийся от болезни — и дня через два она будет к вам доставлена» (*Некрасов,* X, 60).

Января 24. Н. Г. Чернышевский в письме к родным возмущается «пошлыми остротами» Б. в «Современнике» по поводу предисловия Гоголя ко второму изданию «Мертвых душ» и передает, что за «Выбранные места из переписки с друзьями» «Никитенко, Некрасов и Белинский с товарищами» объявят Гоголя «в печати сумасшедшим, как давно провозгласили его эти господа на словах» (*Чернышевский,* XIV, 105—106). См. января 31.

Января около 25. Б. исключает из текста второго «Письма из Парижа», присланного Анненковым в «Современник», строки о том, что в романе «Лукреция Флориани» Жорж Санд не только не снимает «всякое запрещение с праздношатания страстей», но, напротив, подвергает их «самому строгому наложению правил» (*Б,* XII, 332; *БЛ,* III, 366). В это же время Б. в споре с Гончаровым о новом романе Жорж Санд упрекнул его в том, что он «немец, филистер, а немцы

ведь это семинаристы человечества... Вы хотите, чтобы Лукреция Флориани, эта страстная, женственная фигура, превратилась в чиновницу!» (*Гончаров,* 59).

Января 29. Б., отвечая на не дошедшее до нас письмо Боткина, выражает большое огорчение из-за решения последнего воздержаться от приезда в Петербург для работы в «Современнике». Несмотря на то, что «новое практическое направление» Боткина, соединенное с «враждою ко всему противоположному» (см. 1846, ноября 20 и 26), не встретило сочувствия ни самого Б., ни других членов его кружка, Б. считает активное участие Боткина в «Современнике» совершенно необходимым для успеха последнего, ибо отдел «наук и художеств» наименее обеспечен в «Современнике». Б. возмущен и огорчен слухами о том, что якобы редакция «Современника» «постановила непременным законом» печатать в отделе «наук» только «статьи русские, касающиеся России и писанные людьми, могущими доказать неоспоримо свое русское происхождение по крайней мере двадцатью четырьмя коленами». Б. просит Боткина ускорить присылку в «Современник» обещанных им «Писем об Испании» и с нетерпением ждет статьи Корша о Гердере. Б. соглашается с Боткиным, что Некрасов проявил некоторую «бестактность и заносчивость», неправильно судя о повестях Григоровича и Кудрявцева и в то же время переоценивая повести Панаева. Б. подчеркивает, однако, что «это случилось с ним в первый раз» со времени их знакомства и что «осекся он крепко». Б. не сомневается поэтому, что Некрасов ни в какой мере не стеснит свободы действий Боткина, как руководителя отдела «наук и художеств». Полемизируя с Боткиным по поводу новых стихов Огарева, Б. считает последние данью «гамлетовскому направлению», «набором общих мест и избитых слов», «бесцветных и вялых в эстетическом отношении» (см. февраля 15 и марта 14). Б. не согласен с Боткиным, полагающим, что «стихи не обязаны выражать дух журнала», и утверждает, что «в таком случае и журнал не обязан печатать стихов». Говоря об оформлении своих материальных отношений с «Современником», Б. рассчитывает, что «все будет сделано по выходе второй книжки»: «У самого Некрасова не сделано еще с Панаевым никаких условий. Я думал иначе, и это-то и взволновало меня» (*Б,* XII, 318—320).

Января 30. Цензур. разреш. «Сына отечества» № 2. В номере ироническая информация <К. Масальского?> о разрыве Б. с «Отечественными записками» и о переходе его в «Современник» сочетается с резкими выпадами против «натуральной школы» и с полемикой по поводу последней статьи Б. о «Сочинениях А. Пушкина» (*СО,* 1847, отд. I, 5—8; отд. VI, 41—47).

Января 30. «Северная пчела», информируя о выходе в свет первой тетради «Альбома карикатур М. Л. Неваховича Ералаш», обращает внимание читателей на шарж «Литератор натуральной школы» (*СП,* 1847, № 24). Б. в своем отклике на эту карикатуру (Григорович, роющийся в помойной яме) негодовал по поводу «аристократического отвращения от грязной литературы деревень одного карикатуриста-аристократа» (*Б,* X, 80). См. февраля 10.

Января 31? Цензур. разреш. «Современника» № 2. В отделе «Критика и библиография» статья Б. о «Выбранных местах из переписки с друзьями Н. Гоголя» (подпись: В. Б.) и три анонимные рецензии Б.: «Повести, сказки и рассказы казака Луганского»; «Очерки Рима. Аполлона Майкова»; «Воспоминания Фаддея Булгарина, часть III» (*БВ,* X, 463—469; *БС,* XIII, 357, 462). В этом же номере фельетон Б. «Современные заметки» (без имени автора) *.

Полемизируя в «Современных заметках» с критическим фельетоном Э. И. Губера «Русская литература в 1846 г.» (см. января 5), Б. полагает, что отсутствие определенных «принципов, образа мыслей, убеждений» не позволило Губеру стать арбитром в борьбе двух основных течений современной русской литературы — «так называемой натуральной школы» и «так называемых славянофилов». Б. утверждает: «Не принадлежать к партии может только гений, и то потому, что он сам — знамя, под сень которого не замедлит стать огромная партия. Претензия не принадлежать к партии всегда совпадает с претензиею одному видеть ясно безусловную истину, на которую все другие смотрят сквозь тусклые очки парциальных пристрастий; но чистая, безусловная истина есть только логический абстракт: всякая живая истина всегда носит на себе отпечаток временного, условного» (*Б,* X, 91—92).

Рецензируя повести и рассказы Даля (Казака Луганского), Б. горячо приветствует их тематику, как самую в данный момент актуальную: «Мужик — наш брат по Христу, и этого довольно, чтобы мы изучали его жизнь и его быт, имея в виду их улучшение». Высокая оценка повестей Даля мотивируется Б. тем, что Даль «не только любит Русь, но и знает ее», причем «любит ее в корне, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком» (*Б,* X, 80).

В статье о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Б. свой негодующий разбор этой книги заканчивал полемикой с «торжественным» признанием Гоголя в том, что сам он согласен с теми, которые «бранили его сочинения», и «не согласен с теми, которые хвалили его и провозглашали главою новой литературной школы». «Когда мы хвалили сочинения Го-

голя, — писал Б., — то не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях, а судили о них сообразно с теми впечатлениями, которые они производили. Так точно и теперь мы не пойдем к нему спрашивать его, как теперь прикажет он нам думать о его прежних сочинениях и о «Выбранных местах из переписки с друзьями»... Какая нам нужда, что он не признает достоинства своих сочинений, если их признало общество?» Б. утверждает, что «именно теперь-то еще более, чем прежде, будут расходиться и читаться прежние сочинения Гоголя, теперь-то еще выше, чем прежде, будет цениться он, потому что теперь он сам существует для публики больше в прошедшем» (*Б,* X, 76).

Января 31. Столкновение руководителей «Современника» с его официальным редактором А. В. Никитенко, обезобразившим своими поправками и сокращениями вторую книжку журнала (*А. Никитенко,* 301). Из статьи Б. о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Никитенко и цензора «вычеркнули целую треть» (*Б,* XII, 340). Из номера была изъята статья Р. Штрандмана «О науках» и часть памфлетного фельетона Панаева о Кукольнике (*А. Никитенко,* 301; *«Современник»,* 1847, № 2, отд. IV, 164—170). Существенной правке, имевшей целью снижение положительной оценки некоторых материалов III части «Воспоминаний Фаддея Булгарина» (см. стр. 476), была подвергнута и статья Б. об этих мемуарах (*БС,* XIII, 357; *Б,* X, 85—87 и 413—414).

Январь — февраль. Б. тяжело переживает невозможность поездки для лечения за границу, полагая, что поездка эта является для него уже единственным средством «спасения жизни». Материальное положение Б. продолжает оставаться до крайности напряженным, так как гонорар за работу в «Современнике» получен за несколько месяцев вперед, а дружеские «подаяния» слишком мизерны и случайны, чтобы помочь Б. выйти из тупика (*Б,* XII, 320).

Январь — февраль. Размолвка Б. с Достоевским «из-за идей о литературе и о направлении литературы», перешедшая скоро в «формальную ссору» (*Показания Достоевского,* 85; *Б,* XII, 335). См. января 1 (высказывания Б. о Достоевском во «Взгляде на русскую литературу 1846 г.»), февраля 19 (отрицательный отзыв о «Романе в письмах») и апреля около 20.

Февраля около 1. Б. на целую неделю выбит из колеи опасной болезнью дочери (*Б,* XII, 324).

Февраля 4. Боткин, отвечая на письмо Б. от 29 января, настаивает на том, чтобы Б. готовился к отъезду за границу, а на себя берет хлопоты по сбору денег для поездки. Боткин

полагает, что на дорожные расходы, лечение и жизнь в течение трех месяцев за границей необходимо не более 2 тыс. рублей, которые он и гарантирует Б., надеясь довести эту сумму и до 2500 руб. асс. Посылая Б. для «Современника» свои первые «Письма об Испании», Боткин объясняет причины, в силу которых он и его московские друзья сочли, что Некрасов не очень дорожит их сотрудничеством (*ЛМ,* II, 188—189). См. января около 3.

Февраля 5. А. В. Никитенко записывает в своем дневнике: «Я начинаю подумывать о том, чтобы отказаться от редакции «Современника» <...> Мне слишком тяжело находиться в постоянной борьбе с издателями, которых в свою очередь может тяготить мое влияние. Они, вероятно, рассчитывали найти во мне слепое орудие и хотели самостоятельно действовать под прикрытием моего имени. Я не могу на это согласиться» (*А. Никитенко,* 301). См. января 31.

Февраля 6. Б. в письме к Боткину делится своими впечатлениями от второй книжки «Современника», которую считает лучше первой, несмотря на все цензурные изъятия и искажения. Высоко оценивая статью Литтре «Важность и успехи физиологии», Б. с удовлетворением отмечает, что Литтре одинаково далек как от «умников» из консервативного «Journal des Débats», так и от социалистов-утопистов, «вылупившихся из навозу, которым завален задний двор гения Руссо». Настаивая на том, что «История десяти лет» Луи Блана «хороша», как памфлет, «несмотря на все свои нелепости», Б. возмущен его же «Историей французской революции», отрывки из которой он только что прочел в «Journal de France». Под впечатлением суждений Луи Блана о Вольтере Б. восклицает: «Святители — что за узколобие! Да это Шевырев!» Б. недоумевает, почему московские славянофилы сердятся на Гоголя, который в своих «Выбранных местах из переписки с друзьями» бесстрашно «идет до последних результатов», между тем как они «подлецы и трусы, люди не консеквентные, боящиеся крайних выводов собственного учения».

Откликаясь на статью С. С. Уварова об «Элевзинских таинствах», опубликованную в последней книжке «Современника», Б. обращает внимание на самый факт отрицательного отношения к этим таинствам «практического, здравомыслящего Сократа» и сочувствие мистическим обрядам и формам древности «фантастического романтика Платона».

Б. жалуется Боткину на свое духовное одиночество, особенно после отъезда Тургенева, и на глубокую неудовлетворенность обязательной журнальной работой: «Мое отвращение от литературы и журналистики, как от ремесла, возрастает со дня на день». Первые номера «Московского

городского листка» и «С.-Петербургских ведомостей» укрепляют Б. в мысли, что «после русского водевиля нет ничего глупее русского фельетона». Свой положительный отзыв о реорганизации «С.-Петербургских ведомостей» (*Б,* X. 88—90) Б. объясняет лишь тем, что ему хотелось нанести «удар рикошетом» по «Северной пчеле», похвалив ее конкурентов (*Б,* XII, 320—324).

Февраля 6. Б. в письме к Кавелину дружески упрекает его за то, что он так мало работает для «Современника»: «Вы, москвичи, — говорилось в этом письме, — много обещаете, а дойдет до дела, ленитесь. Болтать вы здоровы» (*К. Кавелин,* III, 1093; *Б.* XII, 324). В этот же день Б. писал (видимо, о том же самом) Галахову (*Б,* XII, 324). Оба письма Б. не сохранились.

Февраля 7. Панаев отмечает в письме к Кетчеру: «Я знаю, что в делах журнальных нельзя полагаться на один собственный ум и вкус. Некрасов понимает это также очень хорошо, и потому мы всё делаем с общего согласия, и состав каждой книжки апробируется Белинским» (*С. Макашин,* 272).

Февраля 7. Б., отвечая на письмо Боткина от 4 февраля, горячо благодарит его за все заботы и дружескую помощь в организации необходимой ему поездки для лечения за границу. Б., однако, не верит в осуществимость этих планов из-за материальной необеспеченности своей семьи, которую он не может оставить на четыре месяца без тех средств, которые ему дает работа в «Современнике». Б. благодарит за присылку «Писем об Испании» и обещает самым тщательным образом прочитать их в корректуре. «Бездарность и безвкусие» газеты «Московский городской листок» Б. считает «достойным выражением» славянофильской доктрины, которую этот новый орган печати пропагандирует (*Б,* XII, 324—326).

Февраля 7. Б. в письме к Д. П. Иванову подтверждает получение посылки от него и выражает сожаление, что до Иванова так поздно («чуть ли не через месяц») дошли письмо и деньги, которые Б. переслал ему через Боткина (*Б,* XII, 326—327). См. января около 3.

Февраля 10. Панаев в письме к Тургеневу за границу сообщает, что Б., «несмотря на болезнь, не теряет своей энергии». Имея в виду «Современные заметки» Б. (см. января 31), Панаев шутит по поводу того, что Б. уже успел рассорить его «с двумя господами: он дал оплеуху С<оллогубу>, которого фельетоны так поразили вас даже в Берлине, и другую — творцу Ералаша за Григоровича, которого Ералаш изобразил роющимся в помойной яме, с подписью внизу «Литератор натуральной школы». И поделом им обоим!» (*Тургенев и круг «Современника»,* 112).

Февраля около 10. Кавелин, отвечая на письмо Б. от 6 февраля, пытается доказать, что «Современник» — это «те же «Отечественные записки» в другой обложке», что хозяином «Современника» является Некрасов, что в редакции установился «лавочнический тон» (*К. Кавелин,* III, 1093). Письмо это не сохранилось. Отдельные части его известны в пересказе Б. (февраля 19). Ответ Б. см. февраля 18.

Февраля около 12. Профессор А. Н. Савич в письме на имя Панаева уличает А. С. Комарова, ведущего в «Современнике» хронику «ученых известий», в небрежности и грубых фактических ошибках. В это же время Г. Н. Небольсин, писавший в «Современнике» по вопросам промышленности и торговли, экономист, по характеристике Б., «очень дельный», обращает внимание редакции на совершенный «сумбур» в статье А. С. Комарова о железных дорогах, предназначавшейся для третьего номера. По решению Б., Некрасова и Панаева «подлец Комаришка» был изгнан из «Современника» (*Б,* XII, 328). Негодуя на недостаточную активность московских сотрудников, Б. разочаровался и в А. И. Кронеберге, который был очень полезен как хороший переводчик, но из-за своей медлительности, «педантической добросовестности» и отсутствия интереса к современности, совершенно недостаточно, по мнению Б., обеспечивал хронику «Современника» актуальным материалом из западноевропейских газет и журналов (*Б,* XII, 329).

Февраля 13. Л. В. Брант, рецензируя в «Северной пчеле» третью часть «Воспоминаний Ф. Булгарина», полемизирует с якобы несправедливыми прежними отзывами о сочинениях Булгарина в «Отечественных записках» (*СП,* 1847, № 34).

Февраля около 13. Б. ставит перед Некрасовым и Панаевым вопрос о необходимости оформления своего положения в «Современнике» и требует для себя «третью долю» будущих доходов от журнала. Некрасов признает это требование неприемлемым, так как «ввиду неминуемой близкой смерти Б. редакции нового журнала пришлось бы связать себя в будущем, имея дело не с ним, а с его наследниками» (*Некрасов,* XI, 130). Прямо сказать об этом Некрасов, однако, не решился, а потому Б., не понимая причин его растерянности и противоречивости его объяснений, вынес крайне неблагоприятное впечатление от всей линии поведения Некрасова в этом вопросе (*Б,* XII, 334—335). «Помолчав несколько дней», Б. «горячо и резко» высказал Некрасову «свое неудовольствие и свое сожаление о внутреннем разрыве» с ним. Это «неудовольствие» было несколько смягчено тем окладом, который назначен был Б., с тем чтобы никаких вычетов из него не производилось и за все время пребывания Б. за границей (*Б,*

XII, 335). Как свидетельствует Некрасов, Б. не мог не признать и того обстоятельства, что «его положение, как дольщика (при необходимости брать немедленно довольно большую сумму на прожиток и неимении гарантии за свою долю в случае неудачи дела) было бы фальшиво» (*Некрасов,* XI, 136). См. февраля 19.

Февраля 15. Некрасов в письме за границу Тургеневу передает о бывшем «на днях» у него «положительном разговоре» с Б., вполне успокоившем последнего. Б. признал для себя наиболее удобным «постепенное увеличение платы за его труды по мере успехов журнала». Несмотря на настояния Некрасова, Б. решительно высказался против публикации в «Современнике» цикла стихотворений Огарева «Монологи» (*Некрасов,* X, 61—62). См. февраля около 13 и 19.

Февраля 15. В «С.-Петербургских ведомостях» публикуется статья Э. И. Губера о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя (*«СПб. ведомости»*, 1847, № 35). Б. реагирует на эту статью как на «замечательное и отрадное явление» (*Б,* XII, 332).

Февраля 15. На вечере у Боткина в Москве происходит, по его инициативе, сбор денег на поездку Б. за границу. Прочитав письмо Б. о том тяжелом положении, в котором он оказался из-за обострения своей болезни и отсутствия средств для лечения в Зальцбрунне, рекомендованного врачами (см. февраля 7), Боткин наметил потребную для поездки сумму (см. февраля 4) и сделал некоторую разверстку для покрытия ее друзьями. Затем, как свидетельствует К. П. Барсов в письме к Н. М. Щепкину, в ход была пущена «кружка жестяная с прорезом», стоявшая на столе. В кружку опускались наличные деньги или письменные обязательства с обозначением той или иной денежной суммы. К. П. Барсов негодовал по поводу того, что Герцен, вместо того чтобы активно помочь Б., распорядился перед своим отъездом за границу о передаче Б. лишь 1000 руб. асс., которую должен был Герцену Некрасов и которую тот не мог в ближайшее время выплатить Б. (*ЛН,* т. 56, 187).

Февраля около 15. Б. знакомится с книгой М. Штирнера «Единственный и его собственность» (*Б,* XII, 332).

«Сущность книги, — как вспоминал Анненков, характеризуя точку зрения на нее Б., — заключалась в возвеличении и прославлении эгоизма, как единственного орудия, каким частное лицо, притесняемое со всех сторон государственными распорядками, может и должно защищаться против материальной и нравственной эксплуатации, направленной на него узаконениями, обществом и государством вообще». Познакомившись с книгой Штирнера, Б. «принял близко к сердцу вопрос, который она поднимала и старалась разрешить». «Пугаться одного слова эгоизм, — говорил Б., — было бы ребячеством. Доказано, что человек и существует,

и мыслит, и действует неизменно по закону эгоистических побуждений, да других и иметь не может. Беда в том, что мистические учения опозорили это слово, дав ему значение прислужника всех низких страстей и инстинктов в человеке, а мы и привыкли уже понимать его в этом смысле». Утверждая, что Штирнер делает со словом эгоизм «то же, что делали с ним и мистики, только с другого конца», Б. полагал, что «нельзя серьезно говорить об эгоизме, не положив предварительно в основу его моральный принцип, когда каждая отдельная личность будет в состоянии присоединить к своим частным интересам и нуждам еще интересы посторонних, своей страны, целой цивилизации, смотреть на них, как на одно и то же дело, посвящать им те самые заботы, которые вызываются у нас потребностью самосохранения, самозащиты». Доказывая, что «такое обобщение эгоизма и есть именно преобразование его в моральный принцип», Б. заключал, что Штирнер «напрасно соболезнует о жертвах, какие требуются теперь от каждой отдельной личности государством и обществом, и напрасно старается защитить эту мысль, проповедуя всеотрицающий эгоизм» (*П. Анненков,* 558—563). См. 1846, января 29.

Февраля 17. Б., отвечая на просьбу Боткина о включении «Писем об Испании» в ближайший номер «Современника», сообщает, что желание это можно будет удовлетворить, поместив «Письма об Испании» в третьем номере «Современника» вместо исключенной статьи А. С. Комарова (см. февраля около 12).

Б. передает Боткину свои впечатления от статьи Эмиля Сессе в «Revue des deux Mondes» о «положительной философии Конта и Литтре», той самой философии, основы которой пропагандировал Боткин во время своего последнего пребывания в Петербурге (см. 1846, ноября около 1, 20 и 26). Б. согласен с тем, что Конт «человек замечательный; но чтоб он был основатель новой философии — далеко кулику до Петрова дня! Для этого нужен гений, которого нет и признаков в Конте. Этот человек — замечательное явление, как реакция теологическому вмешательству в науку, и реакция энергическая, беспокойная и тревожная. Конт — человек богатый познаниями, с большим умом, но его ум сухой, в нем нет той полетистости, которая необходима всему творческому, даже математику, если ему даны силы раздвинуть пределы науки. Хотя Литтре и ограничился смиренною ролью ученика Конта, но сейчас видно, что он — более богатая натура, чем Конт». В полемике Сессе с Контом Б. полностью признает его отрицание «смешной претензии Конта» заменить слово «идея» понятием «закон природы». Высмеивая мысли Конта о том, что «природа-де несовершенна и могла бы быть совершеннее», Б. утверждает, что Конт не видит «истории исторического прогресса, живой связи, проходящей живым нервом по живому организму истории человечества». Уничтожая метафизику «не как науку трансцендентальных нелепостей, но как науку законов ума» и считая «последней наукой, наукой наук — физиологию», Конт, по мнению Б., показал, что «область философии так же вне его натуры, как и область истории, и что исключительно доступная

ему сфера знания есть математические и естественные науки». Б. утверждает, что подлинный «основатель новой философии» освободит науку «от призраков трансцендентализма и теологии, покажет границы ума, в которых его деятельность плодотворна, оторвет его навсегда от всего фантастического и мистического». Конт же «реактор, а не зиждитель, он зарница, предвестница бури, а не буря, он одно из тревожных явлений, предсказывающих близость умственной революции, но не революция».

Переходя к литературным новостям, Б. запрашивает Боткина, читал ли он книгу Штирнера «Единственный и его собственность», рекомендует ему «непременно прочитать» повести Даля, недавно изданные, передает о планах Тургенева перевести на немецкий язык статью Кавелина «Юридический быт России до Петра Великого», рассказывает о письме Мельгунова к Панаеву с предложением напечатать в «Современнике» письма Н. Ф. Павлова к Гоголю о «Выбранных местах из переписки с друзьями», о «замечательной статье» Э. И. Губера об этой же книге, о том, как Достоевский «превосходно надул» Краевского, получив более четырех тысяч за вовсе ненаписанный «большой роман». Извещая Боткина о согласии Некрасова сохранить за семьею Б. получаемый им оклад на все время пребывания его за границей, Б. уже без всяких колебаний готов воспользоваться деньгами, которые Боткин собрал для его поездки (*Б,* XII, 327—333).

Февраля 17? П. М. Щепкин в письме из Москвы к брату в Воронеж отвечает: «Ты прав относительно того, что писал о Белинском, — с ним поступили отвратительно — подло — гнусно. Здешние же наши все, как мне кажется, гораздо более любят и в состоянии говорить, нежели делать. Конечно, это люди хорошие, имеют прекрасные убеждения, красноречиво высказывают их, да не всегда поступают согласно этим убеждениям». Далее, со слов И. К. Бабста, П. М. Щепкин передает, что сам Б. в письме к Боткину «просит никому не говорить о том, как с ним было поступили» (*ЛН,* т. 56, 187).

Февраля 18. Б. отвечает Кавелину на его «дикое письмо», в котором последний, опираясь на информацию Боткина, утверждал, что Некрасов «в их глазах тот же Краевский», а «Современник» то же, что «Отечественные записки», и потому он, Кавелин, будет писать (для денег) и в том и другом журнале. Доказывая, что «Современник» — журнал «положительно подлый», Кавелин ссылается на две статьи в его последнем номере, которые он считает принадлежащими Некрасову, но которые в действительности принадлежали Б. <Кавелин имел, вероятно, в виду рецензию на «Воспоминания Булгарина» и некоторые страницы «Современных заметок»>. Полагая, что Кавелин все равно не откажется от своих «глупых

обвинений», Б. умоляет его «думать, как угодно» о Некрасове и Панаеве, но не ссорить его, Белинского, с «хозяевами» журнала, не подрывать успеха последнего участием в «Отечественных записках» и помнить о том, что Б. лучше быть «простым сотрудником и работником «Современника», нежели оказаться без куска хлеба» (*Б,* XII, 334). Это письмо Б. не сохранилось, но содержание его сам Б. передал в письме к Тургеневу. См. февраля 19.

Февраля 19. А. О. Смирнова, имея в виду статью Б. о «Выбранных местах из переписки с друзьями», пишет Гоголю: «Критика Белинского самая пустая, и легко понятно — почему. Ему хотелось вас бранить за направление, а направление он не осмелился обругать, да и цензура не пропустила бы тогда его статьи» (*РС,* 1890, VIII, 285).

Февраля 19. Б. в письме к Тургеневу признается, что после отъезда его за границу (см. января 12) он заскучал «как никогда в жизни своей не скучал». Б. рассказывает о своем разрыве с Некрасовым: «Я любил его, так любил, что мне и теперь иногда то жалко его, то досадно на него — за него, а не за себя». Б. уверяет, что он и сейчас «высоко ценит Некрасова за его богатую натуру и даровитость», но тем не менее он в глазах Б. «человек, у которого будет капитал, который будет богат <...> Вот уж начал с меня». Рассказывая о том, что Г. М. Толстой отстранен от участия в «Современнике» и потому журнал принадлежит уже двум пайщикам, а не трем, Б. замечает, что Некрасов отстранил его, Б., «от равного с ним значения в «Современнике» даже не потому, что $^1/_4$ меньше $^1/_3$, а потому, что $^1/_3$ меньше $^1/_2$-й. Расчет простой и верный». С Некрасовым Б. договорился о том, что в будущем году его оклад увеличивается до 12 тысяч асс. Ему предлагали и другие формы оплаты: оклад — «8 тысяч да после двух тысяч подписчиков по 5 коп. с рубля, и, в случае болезни или смерти, получение процентов до истечения десятилетия журнала». Б., однако, отказался от этих условий и «предпочел сохранить свою свободу и брать плату, как обыкновенный сотрудник и работник». Во время этого объяснения Некрасов легко согласился и на сохранение за семьей Б. прав на получение его оклада за все время его отсутствия и на авансы в счет платы за 1848 г. Таким образом благоприятно разрешился и вопрос о поездке Б. за границу (см. февраля около 13, февраля 15 и 17).

Б. радуется успеху первых рассказов Тургенева из цикла «Записки охотника» и утверждает: «Не только «Хорь», но и «Русак» <начальное название рассказа «Петр Петрович Каратаев»> обещает в вас замечательного писателя в будущем». Делясь своими впечатлениями от стихотворения Некрасова «Нравственный человек» и подчеркивая революционную мощь его сатиры, Б. пишет: «Что за талант у этого человека! И что

за топор его талант». Б. обещает прислать стихотворение Некрасова в рукописи, если оно подвергнется цензурному запрещению. Передавая литературные новости, Б. отмечает, что Гоголь «покаран сильно общественным мнением и разруган во всех почти журналах» за свою «гнусную книгу». Иронизируя по поводу отношений Достоевского с Краевским, Б. отрицательно отзывается о его «Романе в письмах», замечая, что это «общее впечатление» (*Б,* XII, 333—337).

Февраля 21. Цензур. разреш. «Московского литературного и ученого сборника на 1847 г.». В рецензии К. С. Аксакова на «Петербургский сборник» (она подписана псевдонимом: Имрек) статья Б. «Мысли и заметки о русской литературе» резко охарактеризована как «болтовня, повторение столько раз повторявшейся болтовни о русской литературе, болтовни, которую встречали мы в «Отечественных записках». Этот грубый выпад смягчен оговоркой, что в статье Б. «есть вещи и истинно дельные, именно г. Белинский говорит о необходимости национальности в поэте, об успехе Гоголя в Европе». Справедливыми и противоречащими тому, что писалось в «Отечественных записках», К. С. Аксаков считает утверждения Б., что «в будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль» (*«Московский сборник»,* отд. «Критика», 44). См. марта 27 и мая 31.

Февраля 22. Плетнев в письме к Я. К. Гроту сообщает со слов А. В. Никитенко, что рецензия последнего во второй книжке «Современника» на «Звездочку» А. Ишимовой вызвала возмущение Б. (*Переписка Грота с Плетневым,* III, 20).

Февраля 25? Боткин в не дошедшем до нас письме к Б. выражает свои сомнения по поводу статьи Б. о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. Упрекая Б. за то, что он «рассердился и не совладел со своим гневом», Боткин полагает, что статья Б. «написана без довольной обдуманности и несколько сплеча, тогда как за дело надо было взяться с тонкостью». К своему письму Боткин приложил письмо Анненкова, полученное им из Парижа (*Б,* XII, 339). См. февраля 28 и марта 1.

Февраля 26. Б. в письме к Боткину извещает его о том, что «Письма об Испании» очень «поцарапаны» цензурою (страницы об испанском правительстве). Правя корректуру «Писем», Б. «измучился» из-за неразборчивых «фраз на испанском языке», которые Б. считает вообще ненужной претенциозностью. Б. горячо благодарит Боткина за хлопоты по сбору его за границу и, между прочим, сообщает, что из двух тысяч серебром, причитающихся Б. за работу в «Современнике» в 1847 г., им уже забрано 1400 руб., так что жене его

придется получить деньги из редакции уже в счет будущего года (*Б,* XII, 337—338).

Февраля 27—28. Б. обеспокоен молчанием М. С. Щепкина и слухами о его болезни. Без обещанных им материалов Б. не может писать задуманную еще летом статью о причинах упадка русского театра (*Б,* XII, 340). См. 1846, июля 4.

Февраля 28. Цензур. разреш. «Современника» № 3. В номере рецензии Б.: «Тереза Дюнойе. Роман Евгения Сю»; «Матильда, записки молодой женщины. Соч. Евгения Сю»; «Сын тайны. Роман Поля Феваля»; «Иезуит. Характеристическая картина из первой четверти осьмнадцатого столетия. Соч. К. Шпиндлера»; «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Соч. Н. Кукольника»; «Новая библиотека для воспитания, изд. П. Редкиным. Две книжки. — «Сын рыбака, М. В. Ломоносов. Повесть для детей. Соч. П. Фурмана. Изд. второе». «Альманах для детей, сост. П. Фурманом»; «Картина земли для наглядности при преподавании физической географии, составленная А. Ф. Постельсом»; «Исторический сборник, сост. г. Герцем. Книга 1»; «Руководство ко всеобщей истории. Соч. Ф. Лоренца. Изд. второе». Все рецензии без подписи *. См. марта 2.

Февраля 28. Б. получает письмо от Н. М. Щепкина с просьбой выяснить в военном министерстве причины задержки приказа об его отставке (*Б,* XII, 349). См. марта 5.

Февраля 28. Б., отвечая на не дошедшее до нас письмо Боткина, не соглашается с его оценкой статьи о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (см. января 31). «Положив себе за правило никогда и ни с кем не спорить о своих статьях, защищая их», Б. на этот раз считает необходимым объяснить свою позицию: «Ирония и юмор — не мои оружия, — пишет Б. — Если мне удалось в жизнь мою написать статей пяток, в которых ирония играет видную роль и с большим или меньшим уменьем выдержана, это произошло совсем не от спокойствия, а от крайней степени бешенства, породившего своею сосредоточенностью другую крайность — спокойствие. Когда я писал тип на Шевырку <«Педант»> и статью о «Тарантасе», я был не красен, а бледен, и у меня сохло во рту, отчего на губах и не было пены. Я могу писать порядочно только на основании моей натуры, моих естественных средств. Выходя из них по расчету или по необходимости, — я делаюсь ни то, ни се, ни рак, ни рыба <. . .> Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи <. . .> Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошею, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и

бешенству. Но мою статью я обдумал и потому вперед знал, что отличною она не будет, и бился из того только, чтоб она была дельна и показала гнусность подлеца. И она такою и вышла у меня, а не такою, какою ты прочел ее. Вы живете в деревне и ничего не знаете. Эффект этой книги был таков, что Никитенко, ее пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего он и цензора вычеркнули целую треть, а в статье обдуманной помарка слова — важное дело».

Отвечая на упреки о том, что он будто бы «не совладал со своим гневом», Б. утверждает, что он «этого и не хотел»: «Терпимость к заблуждению я еще понимаю и ценю, по крайней мере в других, если не в себе, но терпимости в подлости я не терплю <. . .> И если сделаюсь терпимым, знай, что с той минуты я — кастрат и что во мне умерло то прекрасное человеческое, за которое столько хороших людей (а в числе их и ты) любили меня больше, нежели сколько я стоил того» (*Б*, XII, 338—340).

Марта 1. Б. в письме к Анненкову горячо благодарит его за дружеские чувства, за готовность отказаться от поездки в Грецию только для того, чтобы не оставлять Б. одного в Силезии, за предложенную им денежную помощь.

Б. высоко оценивает «Письма из Парижа», присылаемые Анненковым в «Современник», и полностью солидаризируется с ним в отрицательной оценке буржуазно-республиканской оппозиции, органом которой является газета «National». Б. считает идеологов этой группировки, опирающихся на мертвые догмы якобинских традиций, «новыми мусульманами, у которых Руссо — Алла, а Робеспьер — пророк его», и понимает, почему «эта партия только шумлива, а в сущности бессильна и ничтожна». Б. оговаривает, однако, свою особую позицию в дискуссиях французской прессы о преподавании древних языков, которые он, вопреки Анненкову, считает обязательными в системе школьного образования. Б. обещает привезти за границу много «новостей», причем надеется передать «совсем с другой точки зрения» даже те из них, о которых писал Боткин. Отмечая, что «уже с месяц» он чувствует себя лучше, несмотря на «страшный упадок сил и усталость от всякого движения», Б. радуется возможности закрепить за границею «узел жизни, готовый развязаться и расползтись» (*Б*, XII, 341—342).

Марта 1. Б. в письме к Тургеневу информирует его о положении «Современника» и о своих отношениях с Некрасовым. Б. считает ошибочной свою характеристику последнего, данную в письме от 19 февраля, и полагает, что Некрасов, определяя положение Б. в журнале, «действовал честно и добросовестно, основываясь на объективном праве», но не понимая при этом,

что «круг людей, в который он вошел, имеет совсем иные понятия о праве», чем те, которыми привык руководствоваться в жизни сам Некрасов. Б. не сомневается, что Некрасов, если бы Б. этого сейчас пожелал, согласился бы с ним «во всем». «Он смотрит мне в глаза так прямо и чисто, что, право, все сомнения падают сами собою». Почти полностью отстранившись от редакторской работы, Некрасов свел свою деятельность в «Современнике» к «ведению счетов, возне с типографией и к держанию корректуры». Несмотря на настояния Б., Некрасов уклоняется и от рецензентской работы, совершенно необходимой для оживления литературно-критического раздела «Современника». Жалуясь на апатию Некрасова, Б. утверждает, что «Современник» — «журнал без редактора, без главы», что в самом начале издания сделано было много «ужасных ошибок». Б. не сомневается, что если бы в первых двух номерах напечатана была «Обыкновенная история» Гончарова, а не «Родственники» Панаева, то давно бы разошлись все 2100 экземпляров «Современника», а не 1700, как сейчас, причем, может быть, понадобился бы еще и дополнительный тираж. Б. в большой тревоге за будущее «Современника», так как Некрасов — «золотой, неоцененный сотрудник для журнала, но распорядитель скверный», Панаев — давно исписался, демонстрируя «никакими инструментами неизмеримую внутреннюю пустоту», А. С. Комаров — «дурак и препустейший человек», а А. Кронеберг «серьезно болен» (*Б,* XII, 342—346).

Марта 2. Выход в свет «Современника» № 3 (*Б,* XII, 344). Б. очень удовлетворен этим номером, в котором напечатана «Обыкновенная история» Гончарова. Из других публикаций Б. положительно оценивает «Письма об Испании» Боткина, «Письмо из Берлина» Тургенева и статью А. Н. Савича «Опыт общепонятного исторического рассказа о том, как открыта новая планета «Нептун» (*Б,* XII, 348). См. февраля 28, марта 4 и 8.

Марта около 3. Б. встречается с А. А. Бакуниным, приехавшим в Петербург за разрешением на получение заграничного паспорта (*ЛН,* т. 56, 188).

Марта 4. Б. в письме к Боткину признается, что ждет отъезда за границу «как счастья». Ехать он решил не через Любек, а на Штетин — «и короче и железная дорога в Берлин, стало быть экономия в деньгах, времени и здоровье». Делясь впечатлениями от повестей «Кукольная комедия» А. Галахова и «Сбоев» П. Кудрявцева, опубликованных в «Отечественных записках» № 3, Б. противопоставляет им «Обыкновенную историю» Гончарова и иронизирует по поводу того, что «на всех московских есть особый отпечаток». В этом отношении не безупречен, с точки зрения Б., даже Герцен.

С особенно горьким чувством Б. приходит к заключению, что Кудрявцев — писатель «духовно малолетний, нравственный и умственный недоросль»: «Что за узкое созерцание, что за бедные интересы, что за ребяческие идеалы, что за исключительность типов и характеров! Талант вижу в нем и теперь, но черта ли в одном таланте? Земля ценится по ее плодородности, урожаю; талант — та же земля, но которая вместо хлеба родит истину. Порождая одни мечты и фантазии, талант даже большой — песчаник или солончак, на котором не родится ни былинки».

Б. осведомляет Боткина о том, что М. А. Языков помог ему получить, наконец, метрическое свидетельство, о котором он хлопотал много лет (см. 1840, сентября около 15) и без которого ему угрожала необходимость «приписаться в мещане», так как он нигде не служил, не имел никаких чинов и не мог доказать своих прав на дворянство, выслуженное его отцом (*Б,* XII, 347—349). См. июля 3 и декабря 9.

Марта 5. Б., отвечая Н. М. Щепкину на его просьбу навести справки в инспекторском департаменте военного министерства о причинах задержки приказа об его отставке, уведомляет о том, что приказ этот уже подписан и прилагает его копию. Справку эту Б. получил через своих друзей, так как сам «решительно неспособен к делам такого рода» (*Б,* XII, 349; *ЛН*, т. 56, 188).

Марта 6. Публикация в «Московских ведомостях» первого письма Н. Ф. Павлова к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (*МВед.,* 1847, № 28). Б., прочитав это письмо «несколько раз», высоко оценивает его политическую силу и мастерство построения: «Сколько ума, какая последовательность, как все ровно и цело; дочитывая конец, ясно помнишь начало и середину!» Б. полностью солидаризируется с мыслью Павлова о том, что «перенесенная в сферу искусства, книга Гоголя была бы превосходна, ибо ее чувства и понятия принадлежат законно Хлестаковым, Коробочкам, Маниловым и т. п. Это так умно, что мочи нет!» (*Б,* XII, 351). См. февраля 17, марта 29 и апреля 17.

Марта 8. Б. в письме к Боткину делится своими впечатлениями от повести Диккенса «Битва жизни», которую он считает «едва ли не единственной плохой вещью» в третьем номере «Современника». Б. негодует на «узколобие этого дубового англичанина, когда он является не талантом, а просто человеком», не умеющим чувствовать «широко, привольно и глубоко». Свой приговор Б. поясняет: «Я — натура русская <. . .> Русская личность пока — эмбрион, но сколько широты и силы в натуре этого эмбриона, как душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость! Она боится их, не терпит их больше всего — и хорошо, по моему мнению, делает, доволь-

ствуясь пока ничем, вместо того чтобы закабалиться в какую-нибудь дрянную односторонность». Дойдя до этих заключений «тяжким путем сомнения и отрицания», Б. предупреждает, что пока еще он не склонен делиться своими мыслями «со всеми» и в «глазах наших квасных патриотов, витязей прошедшего и обожателей настоящего» он по-прежнему остается тем, «кем они его считают». К этому письму Б. прилагает рукопись «Писем об Испании» с тем, чтобы Боткин использовал в следующих своих письмах то, что исключено было цензурой из первой публикации (*Б,* XII, 349—351).

Марта 10. А. Григорьев в «Московском городском листке» в статье «Гоголь и его последняя книга» с большим удовлетворением отмечает отличие «образа мышления» Гоголя от идейных установок «партии, складывавшей для него пьедестал из бренных остатков всей прошедшей литературы», и усматривает растерянность в рядах писателей «так называемой натуральной школы, не совсем понявшей своего учителя» (*МГЛ,* 1847, № 56).

Марта около 10. Письмо Тургенева к Б. из Берлина, до нас не дошедшее (*Б,* XII, 353). См. апреля 12.

Марта 13 (25) *. П. В. Анненков, отвечая на письмо Б. от 1 марта, предвкушает радостную встречу с ним и просит поскорее сообщить о названии того «целительного местечка, к которому Б. послан в гости», ибо «ключей в Силезии столько же, сколько орденов у баварского капитана». Анненков заверяет, что и у него есть «новости», которые Б. очень удивят (*БЛ,* III, 368).

Марта 14. Н. П. Огарев в письме к Герцену из Акшена за границу сообщает о том, что Б., как говорят, «сбирается попутешествовать, потому что болезнь его усиливается. Журнал нуждается в критике. Жаль, если он как-нибудь ослабнет, а я не знаю, кто без Виссариона его поддержит». Полагая, что второй номер «Современника» «послабее первого», Огарев выражает неудовлетворенность и статьей Б. о «Выбранных местах из переписки с друзьями». Статья эта хотя и «состоит из выписок, за себя говорящих», но «чувствуется надобность в голосе критика». Огарев осведомляет Герцена о публикации в «Современнике» стихотворения «Отъезд», из-за которого он «заслужил олимпический гнев Виссариона», и о том, что печатание его «Монологов» по-прежнему задерживается в «Современнике» (*ЛН,* т. 61, 756). См. февраля 15.

Марта 15. Цензур. разреш. последних номеров «Москвитянина», недоданных подписчикам за 1846 г. (№№ XI и XII).

Марта 15. Б. в письме к Боткину выражает большое удовлетворение тем, что «верно предсказал (не печатно, а на сло-

вах)» судьбу «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Если еще не вовсе забыто существование этой книги, так это потому, что от времени до времени напоминают о ней журнальные статьи». Б. восхищен письмом об этой книге Н. Ф. Павлова в «Московских ведомостях» (см. марта 6) и просит Боткина переговорить с Павловым о перепечатке этого письма в «Современнике», где оно «получило бы больше народности». Б. жалуется на «страшную тоску» и «не знает, как дождаться вожделенного дня отъезда» (*Б,* XII, 351—352). См. марта 17.

Марта 15 (27). П. В. Анненков в письме из Парижа к братьям извещает их о том, что в мае он будет не в Италии и Греции, а в Силезии: «Причина этому следующая. Б. почти совсем зачах, и его посылают на воды в Бреславль. Я хочу видеть его непременно и еду к нему навстречу. Перед отъездом своим он зайдет к вам, возьмет какие будут у вас комиссии для меня и доставит их ко мне» (*ЛН,* т. 56, 190). К этому письму приложено «письмецо» Анненкова к Б. от марта 13.

Марта около 16. Б. встречается с К. А. и Н. А. Беер, приехавшими в Петербург (*Б,* XII, 370 и 375; *ЛН,* т. 56, 190).

Марта 17. Б., дописывая письмо к Боткину от 15 марта, передает о том «фуроре — успехе неслыханном», который вызван «Обыкновенной историей» Гончарова. Б. и сам в восторге от этой повести. Осмысляя «особенности» таланта Гончарова, Б. прежде всего ценит в нем «совершенное отсутствие семинаризма, литературщины и литераторства, от которых не умели и не умеют освобождаться даже гениальные русские писатели. Я не исключаю и Пушкина. У Гончарова нет и признаков труда, работы; читая ее, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерской изустный рассказ». Б. не сомневается в той «пользе», которую принесет эта повесть «обществу»: «Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму!» Радуясь, что авторитет «Современника» растет и что все в Петербурге смотрят на него как на «лучший русский журнал», Б. с недоумением отмечает, что и в «Отечественных записках» «не убавилось, а напротив — прибавилось подписчиков» (*Б,* XII, 352).

Марта 20? Б. тяжело переживает смерть своего четырехмесячного сына Володи, «страстно им любимого» (*Б,* XII, 361). См. апреля 12.

Марта 22. С. П. Шевырев уведомляет Гоголя о том, что «бедный Б. в злой чахотке» (*ОИПБ* за *1893 г.,* прилож., 47).

Марта 27? Выход в свет «Московского литературного и ученого сборника на 1847 г.» (*МГЛ,* 1847, № 69; *Анненков и его друзья,* 535). См. февраля 21.

Марта 27. Боткин, отвечая на письмо Б. от 15—17 марта, соглашается с ним в том, что повесть Гончарова лишена «семинаризма и литературщины», но полагает, что удар наносит она не только «романтизму», но и «арифметическому здравому смыслу, бьет обе эти крайности». Боткин положительно откликается на рассказ Тургенева «П. П. Каратаев», но совершенно не удовлетворен «Хорем и Калинычем»: «Это — идиллия, а не характеристика двух русских мужиков». К письму Боткин прилагает 60 руб. сер., которые Б. просил выслать ему на покупку пароходного билета (*ЛМ,* II, 190—191).

Марта 29. Публикация в «Московских ведомостях» второго письма Н. Ф. Павлова к Гоголю о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (*МВед.*, 1847, 38). См. марта 6 и апреля 17.

Марта 29. Булгарин в «Северной пчеле» жалуется на ошибки в русском языке современных критиков и на увлечение их иностранными словами. Все примеры взяты из статей «Отечественных записок» периода работы в них Б. (*СП,* 1847, № 69).

Марта 29. Боткин в письме к Анненкову из Москвы сообщает о результатах своих хлопот по сбору денег на поездку Б. за границу: «Набрал 2500 руб. асс., но на бумаге, а на деле сказывается только 2000 (считая с моими 500 руб.)». Разъясняя, что Некрасов не может сейчас уплатить 300 руб. сер., должные им Герцену, Боткин просит его распорядиться так, чтобы поверенный Герцена выдал ему в Москве хотя бы 100 или 150 руб. сер. для Б. (*Анненков и его друзья,* 53€).

Марта 31. А. Григорьев в «Московском городском листке» в статье «Обозрение журналов за март 1847 г.» усматривает «односторонность» в критике «Современника», отрицающей якобы «все, кроме интересов минуты, уничтожающей разом и целые системы, как мистицизм, и высокие создания искусства». А. Григорьев иронизирует по поводу «слишком молодой запальчивости», с которой «Современник» смотрит на эфемерные, но оправданные потребностью масс, явления литературы вроде романов Дюма: «Ведь рубить сплеча авторитеты и мнения, рубить направо и налево — иному холодному наблюдателю может показаться и донкихотством!» (*МГЛ,* 1847, № 68). Отповедь Б. на эту статью см. в его рецензии на «Три мушкетера» А. Дюма (*Б, X,* 161—162). См. апреля 30.

Марта 31. Цензур. разреш. «Сына отечества» № 4. Анонимный рецензент романа «Кто виноват?» Герцена полемизирует

с оценкой его во «Взгляде на русскую литературу 1846 г.» (*СО*, 1847, № 4, отд. VI, 28).

Марта 31. Цензур. разреш. «Современника» № 4. В номере рецензии Б.: 1. «Новая библиотека для воспитания, издаваемая П. Редкиным. Книжка III.—Городок в табакерке. Детская сказка, изд. кн. Одоевским, изд. 2-е. — Мороз Иванович. Детская сказка дедушки Иринея, изд. кн. Одоевским. — Сборник детских песен дедушки Иринея, изд. кн. Одоевским. — Петербургский сборник для детей, изд. В. П. Петровым и М. М. — Повести для детей»; 2. «Шекспир. С английского Н. Кетчера. Выпуск XIV. Все хорошо, что хорошо кончилось»; 3. «Жизнь древних римлян (от основания Рима до Константина Великого). Проф. Гриневича»; 4. «Третье прибавление к Росписи российским (русским) книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина. Вып. 1: романы, повести и сказки». Все рецензии без подписи *.

Март — апрель. Б. встречается в редакции «Современника» с Р. Р. Штрандманом, который ведет в журнале петербургскую хронику (*Б*, XII, 357). Р. Р. Штрандман, друг В. Н. Майкова, связан был с многими из посетителей «пятниц» Петрашевского и сам посещал последнего.

Март? — апрель? Б. в не дошедшем до нас «нежном, кротком, дружественном» письме к Кавелину выражает недоумение по поводу того, что Кавелин ничего не присылает в «Современник». Надеясь, что Кавелин не рассердился за письмо к нему от 18 февраля, Б. «как будто нехотя» признал правоту Кавелина в их споре о Некрасове (*К. Кавелин,* III, 1093). См. мая 5.

Апреля 3. Боткин в письме к Краевскому сообщает: «Б. едет на воды. Я рад, что мне удалось собрать ему тысячи две на эту поездку. Его надо хоть на полгода оторвать и от литературы, и от жены. Он пал духом. А об теле и говорить нечего. Это сделалось вот как: доктор его Тильман сказал, что если можно еще ждать какого-нибудь облегчения, так это от поездки на воды в Силезию. Но как ехать и с чем? Даже говорить было смешно, но, приехав в Москву, я предложил приятелям сделать подписку; таким образом мы здесь собрали 2000 асс., да и Анненков прислал 400 франков. Таким образом с 2700 фр. авось можно будет прожить 6 месяцев; а Тургенев будет ждать его в Штетине и проводит на воды. Скажу вам по секрету: я считаю литературное поприще Б. поконченным. Он сделал свое дело. Теперь нужно и больше такта и больше знания. Еще о русской литературе он может говорить (да и она у него, увы, сделалась рутиною), а чуть немного выходит из нее, из рук вон плохо: доказательством, например, рецензия его в 3 номере «Современника» на роман

Дюма!» (*ОИПБ за 1889 г.* Приложение, 78—79). См. марта 29 и апреля 30.

Апреля 5 (17). Тургенев в письме к Б. из Берлина умоляет его не слишком печалиться и поберечь себя «до первого парохода», чтобы возможно скорее начать всерьез лечиться. Обещая встретить Б. в Штетине, Тургенев просит заблаговременно известить его о дне выезда из Петербурга (*Лепта Б.,* 31).

Апреля 10. «С.-Петербургские ведомости» в официальном перечне лиц, «отъезжающих за границу», отмечают «дворянина Виссариона Белинского» (*«СПб. ведомости»*, 1847, № 78). Публикация эта повторена апреля 12 и 15 (*«СПб. ведомости»*, №№ 80 и 82).

Апреля 11. Некрасов в письме к Боткину информирует его о том, что в прошлом и нынешнем году конторой «Современника» выплачено было Б. 2884 руб. 57 к. сер., то есть 10096 руб. асс., в то время как заработано было им, считая за четыре месяца, — 2666 р. асс., да получено от него статей из альманаха «по большей мере на 1500 р. асс.», всего 4166 р. асс. Переходя к вопросу о деньгах, необходимых Б. для поездки за границу, Некрасов просит учесть, что из суммы, которую он мог выделить из кассы «Современника» (от трех до четырех тысяч асс.), Б. получил за последние полтора месяца 2500 руб., которые уже полностью им израсходованы, и что выдать ему больше полутора тысяч из подписных денег контора «Современника» уже никак не может (*Некрасов,* X, 67—68). Письмо это осталось в бумагах Некрасова и, видимо, не было отправлено по назначению.

Апреля 12. Б. в письме к Тургеневу извещает о своем выезде около 4 мая из Петербурга в Штетин, где рассчитывает с ним встретиться. Сообщая о смерти своего сына, крестника Тургенева, Б. замечает: «Это меня уходило страшно. Я не живу, а умираю медленною смертью» (*Б,* XII, 353).

Апреля 12. Булгарин в «Северной пчеле», негодуя по поводу преувеличенной оценки в «Отечественных записках» и «Современнике» творчества Гоголя, Достоевского и Гончарова, утверждает, что об «Обыкновенной истории» в «муравейнике» сейчас больше крика, чем было крика в Европе при появлении первой поэмы Байрона и первого романа Вальтера Скотта» (*СП,* 1847, № 81). Ответ Б. см. в «Современнике», № 5 (*Б.*, X, 179).

Апреля 13. И. И. Введенский, возвращая Б. деньги, полученные от него в долг еще в 1841 г., в сопроводительной записке признается в «неблагодарности, для которой нет извинений» (*Бик,* 40).

Апреля около 15. Б. встревожен «нервическими припадками» жены, заставлявшими опасаться за ее психику (*Б,* XII, 361). М. В. Белинская оправилась лишь перед самым отъездом Б. за границу.

Апреля около 15. В. Н. Майков, тяготясь своими отношениями с Краевским, просит о предоставлении ему работы в «Современнике» (*Б,* XII, 359). Его сотрудничество в «Современнике» началось с июньского номера рецензиями на комедию «Шутка» Н. Меншикова и «Путешествие в Черногорию» А. Попова (*В. Майков,* 312—322 и 541—546).

Апреля 16. Цензур. разреш. книжки А. Милюкова «Очерк истории русской поэзии», СПб. 1847. Книга эта воспринята была современниками как «плоды учения Белинского», как «экстракт всего, что печатано было о русских поэтах в «Отечественных записках» (*Переписка Грота с Плетневым,* II, 140 и 142). См. 1848, января 17.

Апреля 17. Публикация последнего письма Н. Ф. Павлова к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (*МВед.,* 1847, № 46). См. марта 6 и 29.

Апреля 17. В Петербург привезен Т. Г. Шевченко, арестованный 5 апреля в Киеве. Со всеми отобранными у него бумагами и вещами он был доставлен в III Отделение, где сдан под расписку старшего чиновника М. М. Попова («*Былое*», 1906, VIII, 6). См. мая 2 и октябрь—ноябрь.

Апреля 17. А. Д. Галахов, отвечая на не дошедшее до нас письмо Б., сообщает, что свою повесть «Превращения» он отправит в «С» 22 апреля (*Бик,* 44).

Апреля около 20. Б. принимает решение переселиться в следующем году в Москву, так как чувствует, что «жить в петербургском климате, на понтинских болотах, гнилых и холодных» у него нет больше сил. Б. полагает, что даже если он «поправится за границею», то в Петербурге «через год» придет опять в прежнее состояние (*Б,* XII, 358). См. декабря 10.

Апреля около 20. Достоевский в письме к брату упоминает «друзей Современников», которые якобы «решительно стараются» его «похоронить» (*Письма Достоевского,* 109). Достоевский в эту пору с Б. уже не встречался и, судя о нем лишь по слухам, полагал, что «крайняя раздражительность и обидчивость» Б. обусловлены были тем, что «ему связывала редакция руки и уже не давала писать слишком серьезных статей» (*Показания Достоевского*, 84—85).

Апреля 21. Тургенев, отвечая на письмо Б. от 12 апреля, предупреждает, что будет ждать его в Штетине, откуда отвезет к себе в Берлин, после чего вместе с ним отправится в Силезию (*БЛ,* III, 370).

Апреля 22. Б. в письме к Боткину с горечью отмечает, что «Современник», несмотря на большой его успех, далеко не отвечает своему назначению. Из-за своей болезни Б. пишет для журнала очень мало и писаниями своими неудовлетворен, хотя и чувствует, что в нем «убита только сила работать, но не сила души». Его «все занимает, волнует, бесит по-прежнему, голова работает беспрестанно». Б. делится с Боткиным своими соображениями о необходимости предельно сократить сотрудничество в «Современнике» Мельгунова, который «не в состоянии усвоить себе никакого резко определенного, характеристического образа мыслей», не понимает «антипатии убеждений и натур, хочет всех свести и помирить». Полагая, что роль Мельгунова, стоящего между славянофилами и западниками, очень «жалка», ибо «обе стороны смотрят на него, как на половину своего, а в сущности ничьего», Б. считает недопустимым перенесение на страницы «Современника» дискуссии о Петербурге и Москве, затеянной между Мельгуновым и К. Аксаковым, а также возражает против публикации статьи Мельгунова «Бурши и филистеры», направленной против «Письма из Берлина» Тургенева. Б. рассчитывает, возвратившись из-за границы, отдать все свои силы журналу, для которого у него, кроме статей о Лермонтове и Гоголе, задумано еще «много и другого». Говоря о блестящих перспективах «Современника», Б. утверждает, что, несмотря на то, что Краевский имеет 4000 подписчиков, а «Современник» вдвое меньше, от «Отечественных записок» уже «несет мертвечиною». При всем своем разнообразии статьи, печатающиеся в «Отечественных записках», наводят скуку, — «прежде они были соусом, который был вкусен, потому что сдабривался соею, а теперь сои нет, и соус только пресен». Б. решительно несогласен с отрицательным отзывом Боткина о рассказе Тургенева «Хорь и Калиныч», считая это произведение «резко замечательным». Делясь с Боткиным планом переезда в будущем году в Москву, Б. жалуется, что его дом стал лазаретом: 50 руб. сер. в месяц стоит доктор, от 30 до 40 руб. выходит на лекарства (*Б*, XII, 353—360).

Апреля 23. С.-Петербургский военный генерал-губернатор в отношении на имя министра внутренних дел ходатайствует о выдаче заграничного паспорта «не служащему дворянину В. Г. Белинскому» (*Летопись жизни Б.*, 225—226).

Апреля 24. Министр внутренних дел препровождает в канцелярию С.-Петербургского генерал-губернатора заграничный паспорт на имя Белинского (*Летопись жизни Б.*, 226).

Апреля 24. Публикация в «СПб. ведомостях» статьи кн. П. А. Вяземского «Языков — Гоголь». Приветствуя «Выбранные места из переписки с друзьями», как резкую демонстрацию отказа Гоголя от навязываемого ему звания главы

«какой-то новой литературной школы» и попыток «олицетворить в нем какое-то черное литературное знамя», Вяземский вспоминает «огонь и кровь», сквозь которые прошло французское общество, «потрясенное ужасным переворотом», и полагает, что в России «благодаря бога» исключена возможность революционных потрясений, а потому и нет оснований для успеха натуральной школы (*«СПб. ведомости»*, 1847, № 90). В своем зальцбруннском письме к Гоголю Б. квалифицировал эту статью Вяземского как «чистый донос».

Апреля 25. Н. П. Огарев в письме к Грановскому объясняет причины, не позволившие ему своевременно принять участие в сборе денег для поездки Б. за границу (*Звенья,* I, 130).

Апреля 29. Боткин в письме к Б. выражает уверенность, что поездка за границу, даже если она «не принесет пользы» здоровью Б., все же развлечет его и разгонит то тяжкое и мрачное состояние души, в котором находился он все последнее время. Боткин очень удовлетворен тем, что для поездки Б. удалось собрать три тысячи рублей, к которым он надеется добавить еще тысячу, чтобы Б. смог побывать после лечения в Париже или Северной Италии (*ЛМ*, II, 191).

Апреля 30. Цензур. разреш. «Современника» № 5. В номере литературно-критический фельетон Б. «Современные заметки (Страж чистоты русского языка. — Призраки. — Сей. — Примерные опыты в стихах. — «Счастье лучше богатырства». — Журналист Вампиров. — «Юрий Милославский». — «Москва и москвичи».—Новая книга.—Поправка)» и рецензия его же: «Три мушкетера. Роман А. Дюма. Перевод с франц.»; «Двадцать лет спустя. Продолжение Трех мушкетеров. Роман А. Дюма». Обе статьи без подписи.

В «Современных заметках» Б. полемизирует со статьями Булгарина и его сотрудников в «Северной пчеле», со статьями В. Майкова в «Отечественных записках» и А. Григорьева в «Московском городском листке» (см. марта 31). Резко характеризуя СП как оплот литературной реакции, Б. полагает, однако, что, «говоря об эгоизме отсталости было бы несправедливо не упомянуть о противоположном ему эгоизме современности. Первый несправедлив к настоящему и будущему во имя своего прошедшего; второй грешит также против прошедшего, не признавая его заслуг и думая о себе, что с него начался мир. Первый есть болезнь старости, второй — молодости. Нечего говорить, что в сущности они стоят один другого» (*Б,* X, 164—165). Статьям Булгарина в «Северной пчеле» Б. противопоставляет статьи Майкова в «Отечественных записках». Б. особенно возмущен тем «враждебным и презрительным тоном», который усвоил Майков, говоря о «Юрии

Милославском» Загоскина. Подчеркивая антиисторизм Майкова и «ложность выводов», к которым приводит «исключительно эстетическая критика», Б. напоминает, что «Юрий Милославский» является «первой попыткой заставить в русском романе говорить и действовать русских людей по-русски». Б. считает, что в «неуместной и неловкой выходке Майкова против Загоскина виновата молодость критика, которою так и отзываются все статьи его. Выходит в свет какая-то риторика или история русской литературы, или что-то в этом роде, — и наш юный критик пишет об этой книге большую статью, тогда как она не стоила и простого упоминания в порядочном журнале. Этого мало: он рассматривает ее д у а л и з м, тогда как изо всех возможных и з м о в в ней можно было найти только разве нигилизм». Говоря о Майкове, как о критике, который «неумолим к прошедшему и никак не может простить ему, что оно предшествовало настоящему», Б. заключает: «Можно судить обо всем, но ничего нельзя мерить на аршин своего времени: иначе рост человеческий начнется только с нас, а его истории — как не бывало! Можно говорить обо всем, об ином даже с увлечением и жаром, но ни на что в прошедшем сердиться не следует, помня, что если многое было не так, как бы ему следовало быть, так на том же самом основании, на котором многое в настоящее время бывает не так, как бы следовало быть. Гордиться прогрессом времени не всегда значит хвалиться собственными заслугами, и быть дальше своих предшественников не всегда значит быть выше, лучше и достойнее их» (*Б,* X, 185).

Отвечая на иронические выпады «Северной пчелы» по поводу предстоящего появления в «Современнике» «ряда статей» Б. о Лермонтове и Гоголе, Б. разъяснял: «В нашем журнале будет ряд статей о Лермонтове и Гоголе. А будет он потому, что статьи о Пушкине были замечены публикою, да уже одно то, что вы с таким беспокойством советуете не продолжать этого ряда статей о первоклассных наших писателях, может служить достаточною причиною не следовать вашему совету. И статьи о Лермонтове, а в особенности о Гоголе, непременно начнут печататься в нашем журнале с нынешнего же года, несмотря на ваше беспокойство при одной мысли о них, несмотря на мнение о них самого Гоголя (ибо в них мы будем иметь дело не с ним — до него нам нужды нет, как и ему до нас, — а с его сочинениями)». Последние же «в деле критического суда» Б. считает «общим достоянием» (*Б,* X, 178—179).

Апрель — май. Б., удрученный своим болезненным состоянием, особенно тяготится тем, что его работа в «Современнике» мало заметна не только в количественном, но и в качественном отношении: «Умирая, мудрено писать хорошо, — пи-

сал он Боткину, — и даже так, как я писал, умирая, только я мог писать по моей привычке к делу, обратившейся у меня в натуру». Б. полагает, что «Современник» до сих пор является, к сожалению, не столько журналом в строгом смысле этого слова, сколько «сборником статей». Публика, ожидая «больших критических статей» самого Б., не нашла в «Современнике» даже и «библиографии порядочной», что позволило врагам «Современника» клеветнически утверждать об отстранении Б. от руководящей роли в журнале и о нежелании якобы редакции «Современника» печатать его статьи (*Б*, XII, 406, 407). См. апреля 20.

Мая 2. А. В. Никитенко отмечает в своем дневнике: «На юге, в Киеве, открыто общество, имеющее целью конфедеративный союз всех славян в Европе на демократических началах, наподобие Северо-Американских Штатов. К этому обществу принадлежат профессор Киевского университета Костомаров, Кулиш, Шевченко, Гулак и пр.» (*А. Никитенко,* 34). Секретное следствие по делу об Украино-славянском обществе, начатое 17 марта, закончено было 26 мая 1847 г. Суждения Б. об этом процессе см. октябрь—ноябрь.

Мая около 3. Б. обратился с прошением в департамент герольдии Правительствующего сената о выдаче ему дворянской грамоты (*ИВ*, 1911, V, 597). См. июля 3 и декабря 9.

Мая около 4. Б. перед отъездом за границу посещает И. В. и Ф. В. Анненковых. В беседе с ними Б. узнает об их работе над бумагами архива Пушкина в связи с проектируемым новым изданием его сочинений (*ЛН,* т. 56, 19).

Мая 5. Б. в письме к Д. П. Иванову уведомляет своих московских и пензенских родных о своем отъезде за границу. Эту поездку Б. считает «последним средством избавления от чахотки», которая «еще не развилась, но уже началась в нем». Б. сообщает родным о своем проекте переселиться в Москву «тотчас по возвращении из-за границы», или, если это не удастся, «по последнему зимнему пути» (*Б,* XII, 361—362). См. декабря 10.

Мая 5. Б., выезжая за границу, в письме к Боткину благодарит его за все, что он сделал для реализации этой поездки, и сообщает, что лечиться будет в Зальцбрунне, недалеко от Бреславля. Тысячу рублей, дополнительно обещанных Боткиным, Б. просит переслать жене, чтобы он, Б., был спокоен за нее и семью. Б. передает привет Кавелину, которого называет «сыном своего сердца». «Я знаю, за что он меня любит и за что я его люблю» (*Б,* XII, 360—361).

Мая 5. Б., выехав в 4 часа дня из Петербурга в Кронштадт, пересаживается на пароход «Владимир», отходящий

в ночь на 6 мая в Штетин (*Б,* XII, 362). Из знакомых Б. в числе пассажиров — С. П. Победоносцев, чиновник, причастный к литературной деятельности (*там же*, 362, 365).

Мая 7. Булгарин печатает в «Северной пчеле»: «Мы получили через городскую почту следующую записку: «Слышал я от некоторых господ литераторов, будто испорченность языка ввел в «Отечественных записках» бывший сотрудник того журнала г. Белинский. Все, что было смешного и даже весьма несмешного в «Отечественных записках», господа редакторы своротили на бывшего сотрудника, г. Белинского! Но вот с нового, 1847 года г. Белинский уже не участвует более в «Отечественных записках», а язык в них, тон и образ мыслей не только не переменился, но едва ли не сделались еще а б с о л ю т н е е!» (*СП,* 1847, № 101).

Мая 9 (21). Б., прибыв около 4 часов в Штетин, пересаживается с парохода в поезд и вечером приезжает в Берлин. Б. останавливается у Тургенева, квартиру которого едва нашел из-за незнания немецкого языка (*Б*, XII, 363).

Мая 10 (22). Б. в письме к жене из Берлина рассказывает о трудностях своего путешествия (*Б,* XII, 362—363).

Мая 13 (25). Б., проведя «довольно скучно три дня в Берлине», выезжает с Тургеневым в Дрезден. Для ночевки сделана была остановка в Лейпциге, но из-за усталости Б. отказался от осмотра города (*Б,* XII, 366).

Мая 14 (26). Б. приезжает с Тургеневым в Дрезден. Днем они осматривали город, а вечером были в опере, где в «Гугенотах» пела Полина Виардо (*Б,* XII, 366).

Мая 15 (27). Б. весь день провел с Тургеневым за городом (*Б,* XII, 366).

Мая 16 (28). Б. с Тургеневым был в картинной галерее, где последний представил его П. Виардо и ее мужу, писателю Л. Виардо. «Дело ограничилось одним немым поклоном с обеих сторон», чем Б. был очень доволен, опасаясь за свой плохой французский язык (*Б,* XII, 363).

Мая 17 (29). Б. с Тургеневым и П. Виардо вновь был в картинной галерее. Вечером Б. присутствовал на концерте Виардо, билет на который певица прислала ему в гостиницу (*Б,* XII, 367).

Мая 17 (29). Булгарин в «Северной пчеле» под впечатлением «Современных заметок» Б. («С», № 5) отмечает: «Преобразованный журнал «Современник» крепился целые четыре месяца, пока вошел в обыкновенную колею журналов н а т у р а л ь н о й ш к о л ы» (*СП,* 1847, № 109).

Мая 18 * Николай I, принимая в Петербурге депутатов смоленского дворянства, неожиданно выразил в своей речи пожелание, чтобы дворянство помогло ему в деле «перевода крестьян из крепостных в обязанные». Рассчитывая таким путем «предупредить крутой перелом», царь подчеркнул, что «земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, есть наша дворянская», но «крестьяне, находящиеся ныне в крепостном состоянии, утвердившимся у нас почти не по праву, а обычаем через долгое время, не могут считаться собственностью, а тем более вещью» (*А. Заблоцкий-Десятовский,* II, 278). Отклик Б. на это заявление Николая I см. сентябрь—октябрь, а также декабря около 10.

Мая 18 (30)—19 (31). Б. с Тургеневым ездили на два дня в горы, в Саксонскую Швейцарию. Переночевав в Перне, они осматривали крепость Кенигштейн (*Б,* XII, 367).

Мая 20 (июня 1). Б. с Тургеневым выехали из Дрездена в Зальцбрунн (*Б,* XII, 367—368).

Мая 21 (июня 2). Б. и Тургенев прибыли в Бреславль, откуда по железной дороге доехали до Фрейбурга. Далее ехали лошадьми (*Б,* XII, 367—368).

Мая 22 (июня 3). Б. и Тургенев приехали в Зальцбрунн, где сняли «две опрятные комнаты, недалеко от ключа». Билеты на обеды приобрели в соседней гостинице (*Б,* XII, 363—364).

Мая 23 (июня 4). Б. начинает в Зальцбрунне курс лечения водами (*Б.* XII, 363—364).

Мая 24 (июня 5). Б. в письме к жене подробно передает свои впечатления за все время своего путешествия от Кронштадта до Зальцбрунна. Утомленный поездкой, Б. признается, что «в другой раз его и калачами не выманишь из дому». От тоски по семье Б. «вовсе раскис и изнемог душевно». Его настроение несколько поднялось лишь после того, как он прочел «Мертвые души» («насилу отчитался «Мертвыми душами»). Б. извещает жену о предстоящем приезде Анненкова и просит передать Некрасову, что, в ответ на его запрос, Тургенев рекомендует «смело переводить и печатать в «Современнике» роман Фильдинга «Том Джонс» и не советует переводить роман Гёте «Die Wahlverwandschaften» (*Б,* XII, 363—369).

Мая 25? (июня 6). Б. получает письмо от Н. Н. Тютчева с успокоившей его информацией о здоровье жены и дочери (*Б,* XII, 371).

Мая 28. Николай I утверждает доклад начальника III Отделения гр. А. Ф. Орлова от 26 мая об Украино-славянском

обществе и о наказании его участников (*РА*, 1892, № 7, 335—347). См. мая 2.

Мая 28 (июня 9). Б. получает письмо от жены, очень его расстроившее (*Б*, XII, 369). См. мая 29.

Мая 29 (июня 10). Б. в письме к жене выражает большое беспокойство по поводу ее нездоровья и рекомендует ехать для лечения «на воды», которые укажет ей доктор Тильман. Сам Б. чувствует себя после недельного пребывания в Зальцбрунне не очень хорошо, хотя о целебных свойствах этого курорта рассказывают чудеса (*Б*, XII, 369—371).

Мая 29 (июня 10). В Зальцбрунн приезжает П. В. Анненков.

О встрече с Б. Анненков рассказывает в своих воспоминаниях: «Я едва узнал Белинского. В длинном сюртуке, в картузе с прямым козырьком и с толстой палкой в руке передо мной стоял старик, который по временам, словно заставая себя врасплох, быстро выпрямлялся и поправлял себя, стараясь придать своей наружности тот вид, какой, по его соображениям, ей следовало иметь. Усилия длились недолго и никого обмануть не могли; он представлял из себя, очевидно, организм, разрушенный наполовину. Лицо его сделалось бело и гладко, как фарфор, и ни одной здоровой морщины на нем, которая бы говорила об упорной борьбе, выдерживаемой человеком, с наплывающими на него годами. Страшная худоба и глухой звук голоса довершали впечатление, которое я старался скрыть, сколько мог, усиливаясь сообщить развязный и равнодушный вид нашей встрече. Б., кажется, заметил подлог» (*П. Анненков*, 534—535).

Мая 29 (июня 10). Публикация в парижском журнале «La Revue Indépendante» заметки о Белинском, Кавелине и Грановском, как о «замечательных деятелях нового литературного движения» в России (*«La Revue Indépendante»*, 1847, 10 juin). См. августа 24—25.

Мая 30. А. Д. Галахов в письме к Краевскому сообщает, что он по просьбе Б. согласился на время отсутствия последнего «поработать за него в «Современнике», давая разборы двух-трех новых книжек в Библиографии каждого месяца» (*Венок Б.*, 150).

Мая 31. Цензур. разреш. «Современника» № 6. В номере статья Б.: «Московский литературный и ученый сборник на 1847 г.». В своем критическом разборе Б. резко отрицательно характеризует статьи А. Хомякова «О возможности русской художественной школы», «Три критические статьи» К. Аксакова, «Продолжение писем из Вены» Ригельмана, а также предисловие К. Кассовича к драме «Торжество светлой мысли» (перевод с санскритского). Развитие некоторых положений, намеченных в этом разборе, см. в «Ответе «Москвитянину», октября 31.

Май — июнь. Б., живя с Анненковым и Тургеневым в Зальцбрунне, строго выполняет предписанный ему лечебный режим.

Вспоминая об однообразии и скуке их зальцбруннского быта, Анненков писал: «Каждое утро Б. рано уходил на воды и, возвратясь домой, поднимался на второй этаж и будил меня всегда одними и теми же словами: «Проснися, сибарит». У него были любимые слова и поговорки, к которым привыкал и которых долго не менял, пока не обретались новые, обязанные тоже прослужить порядочный срок. Так, все свои довольно частые споры с Тургеневым он обыкновенно начинал словами: «Мальчик, берегитесь — я вас в угол поставлю». Было что-то добродушное в этих прибаутках, походивших на детскую ласку. «Мальчик-Тургенев», однако же, высказывал ему подчас очень жесткие истины, особенно по отношению к неумению Б. обращаться с жизнью и к его непониманию первых реальных ее основ. Белинский становился тогда серьезнее <...>. Многие слова Тургенева, как я заметил после, западали ему в душу, и он обсуждал их еще и про себя некоторое время. Как ни оживленны были, по временам, беседы наши, особенно когда дело касалось личностей и физиономий, оставленных по ту сторону немецкой границы, но они все-таки не могли наполнить целого летнего монотонного дня, и притом в городке, лишенном всякого интеллектуального интереса. Напрасно друзья перебирали свои воспоминания за утренним кофе, который всемерно длили, сидя под навесом барака, игравшего на дворике нашего домика роль курьезной беседки без сада и зелени; напрасно потом долгий «table d'hôte» в каком-то ресторане наполнялся анекдотами, передачей журнальных новостей и заметок о прочитанных книгах и статьях — времени оставалось еще нестерпимо много. Притом же скоро оказалась необходимость понизить и тон всех разговоров. Случалось, что смех, вызванный каким-нибудь забавным анекдотом, переходил у Б. в пароксизм кашля, страшно долго колебавшего его грудь и живот, а с другой стороны, какая-либо заметка, принятая им к сердцу, мгновенно выгоняла краску на его лице и вызывала оживленное слово, за которым, однако ж, следовало почти тотчас физическое изнеможение» (*П. Анненков,* 535—537).

Июня 5. Публикация в «Московских ведомостях» объявления о возобновлении издания журнала «Москвитянин», реорганизуемого в четырехмесячник (*МВед.,* 1847, № 67). См. об этом ироническую статью Кавелина в «*Современнике*», 1847, № 8, «Смесь», 114—127.

Июня 8 (20). Гоголь в письме к Н. Я. Прокоповичу отмечает, что прочитанная им «на днях» статья Б. о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (см. января 31) убедила его в том, что Б. «кажется, принял всю книгу написанною на его собственный счет и прочитал в ней формальное нападение на всех разделяющих его мысли». Утверждая, что «это неправда», Гоголь полагает, что в письме об «Одиссее, переводимой В. А. Жуковским», Б. «принял на свой счет козла, который был обращен к журналисту вообще» (см. 1846, июля 25). Гоголь обеспокоен этим обстоятельством «потому, что, как бы то ни было, человек этот говорил обо мне с участием в продолжение десяти лет. Человек этот, несмотря на излишества и увлечения, указал справедливо, однако ж, на многие такие черты в моих сочинениях, которых не заметили другие, считавшие себя на высшей точке разумения перед ним. И я заплатил бы этому человеку неблагодарностью». Гоголь поэтому просит Прокоповича «переговорить» с Б., выяснить отношение

Б. к нему, и «если в нем угомонилось неудовольствие», то передать ему «прилагаемое письмецо» (*Гоголь,* XIII, 324—325).

Июня 8 (20). Гоголь в письме к Б. из Франкфурта, отвечая на его статью о «Выбранных местах из переписки с друзьями», признается, что эта статья очень его огорчила. Гоголь подозревает, что Б. взглянул на его книгу «глазами рассерженного человека», а потому и не заметил, в «Выбранных местах» — «зародыш примирения всеобщего, а не раздора». Гоголь согласен с тем, что в его книге много мест, являющихся еще «загадкою для многих, если не для всех», но просит «обратить внимание на те места, которые доступны всякому здравому и рассудительному человеку», и не сомневается, что Б. сам увидит, что «ошибся во многом». Письмо заключалось строками: «Пишите критики самые жесткие, прибирайте все слова, какие знаете, на то, чтобы унизить человека, способствуйте к осмеянию меня в глазах ваших читателей, не пожалев самых чувствительнейших струн, может быть, нежнейшего сердца, — все это вынесет душа моя, хотя и не без боли и скорбных потрясений. Но мне тяжело, очень тяжело (говорю вам это истинно), когда против меня питает личное озлобление даже и злой человек, не только добрый, а вас я считаю за доброго человека. Вот вам искреннее изложение чувств моих!» (*Гоголь*, XIII, 326—328). См. июня 22.

Июня 14 (26). Б. получает письмо от жены, в котором она делится своими сомнениями относительно целесообразности переезда в Москву. Из этого же письма Б. узнает о смерти К. А. Беера (*Б*, XII, 374—375).

Июня 15 (27). Б. очень обрадован получением очередного номера «Современника» (*Б,* XII, 376).

Июня 16 (28). Б. в письме к жене из Зальцбрунна сообщает, что здоровье его начинает несколько улучшаться, несмотря на исключительно холодное и дождливое лето и некоторые неприятные ощущения, связанные с плохим усвоением им минеральной воды и с другими лечебными процедурами. Свое лечение Б. предполагает продолжить в Париже, где, как свидетельствует Анненков, один из известных врачей «делает чудеса по части чахотки» (*Б,* XII, 371—376).

Июня 16 (28)? Б. в письме к Некрасову разбирает полученный им только что «Современник» № 6 и расспрашивает о положении дел в журнале. К этому письму (оно не сохранилось) были приписки Анненкова и Тургенева (*Некрасов,* X, 68 и 70). См. июня 24—25.

Июня 22. Н. Н. Тютчев пересылает из Петербурга в Зальцбрунн адресованное на имя Б. письмо Гоголя от 8 июня. Это

письмо послано было Гоголем Н. Я. Прокоповичу для передачи Б. (*Бик,* 278). См. июня 8 (20).

Июня 24—25 (июля 6—7). Б. в письме к жене из Зальцбрунна жалуется, что, несмотря на строгое соблюдение им всех лечебных процедур, состояние его здоровья остается неудовлетворительным: «Отдышка, судорожное дыхание и стукотня в голову, не позволяющая откашливаться, мучат меня почти так же, как мучили в Петербурге». Возлагая некоторые надежды на то, что благотворное действие зальцбруннских вод скажется впоследствии, Б. негодует на шарлатанство и невежество лечащих его немецких врачей и ждет советов доктора Тира де Мальмора, к которому предполагает обратиться в Париже (*Б,* XII, 376—379).

Июня 24—25. Некрасов, отвечая на письмо Б., Тургенева и Анненкова от 16 июня, подробно информирует их о своей поездке в Москву по делам «С» и о достижении им, к досаде Краевского, полной договоренности с Боткиным, Грановским, Кавелиным и Коршем. Делясь своими соображениями об «Иллюстрированном альманахе», который ему хотелось бы выпустить в качестве бесплатного приложения к «Современнику», Некрасов просит Б. прислать для этого издания какую-нибудь «статью легкого свойства» и понудить Анненкова заказать в Париже политипажи для нового сборника (*Некрасов,* X, 68—74).

Июня 27. Н. Я. Прокопович, отвечая Гоголю на его письмо от 8 июня, винит себя в том, что своевременно не осведомил его об отъезде Б. в Зальцбрунн, ввиду чего письмо Гоголя к Б. «понапрасну прогулялось» из-за границы в Петербург и только теперь ушло в Силезию. Прокопович замечает, что поездка Б. в Зальцбрунн «была необходима для Б., только от нее одной зависит спасение жизни его, бывшей, в продолжение последней зимы, не один раз на волоске и сохранившейся в противность всех правил и приговоров медицины». Воспользовавшись позволением Гоголя прочесть его письмо к Б., Прокопович замечал: «Мне кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Б. написал, приняв на свой счет некоторые выходки твои вообще против журналистов. Зная Белинского давно, я не могу не быть уверенным, что ни одна строчка его не назначалась мщению за личное оскорбление. Почему не судить проще и не принимать всего сказанного им встрече совершенно противоположных друг другу убеждений, искренних в нем и, конечно, не притворных в твоей книге? Белинский не говорил хладнокровно о прежних твоих сочинениях: мог ли он говорить хладнокровно и о последних? Впрочем, он сам, вероятно, в ответе своем выскажет тебе все свои побуждения» (*Письма Гоголя к Прокоповичу,* 55).

Июня около 28. Б. расстается с Тургеневым, выехавшим из Зальцбрунна в Берлин (*П. Анненков,* 537; *Б,* XII, 380). Незадолго до отъезда Тургенев читает Б. свой рассказ «Бурмистр». Одобрив рассказ, Б. заметил об одном из его персонажей, помещике Пеночкине: «Что за мерзавец — с тонкими вкусами!» (*П. Анненков,* 537).

Июня 30 (июля 12). Б. получает в Зальцбрунне письмо Гоголя, пересланное ему Тютчевым (см. июня 22). Письмо это произвело на Б. впечатление полной неожиданности (Гоголь ему никогда не писал и даже прямое обращение Б. к нему от 20 апреля 1842 г. оставил без письменного ответа). Неожиданным было и самое содержание письма. Прочитав его, Б., как свидетельствует присутствовавший при этом Анненков, «вспыхнул и промолвил: «А! Он не понимает, за что люди на него сердятся — надо растолковать ему это. Я буду ему отвечать» (*П. Анненков,* 580).

Июля 1—3 (13—15). Б., ни над чем не работавший во время своего пребывания в Зальцбрунне, после получения письма от Гоголя принялся за ответ ему «с тем же пылом, с каким производил свои срочные журнальные статьи в Петербурге».

П. В. Анненков вспоминает: «В тот же день небольшая комната, рядом с спальней Б., которая снабжена была диванчиком по одной стене и круглым столом перед ним, на котором мы свершали наши довольно скучные послеобеденные упражнения в пикет, превратилась в письменный кабинет. На круглом столе явилась чернильница, бумага, и Б. принялся за письмо к Гоголю, как за работу <...> Три дня сряду Б. уже не поднимался, возвращаясь с вод домой, в мезонин моей комнаты, а проходил прямо в свой импровизированный кабинет. Все это время он был молчалив и сосредоточен. Каждое утро, после обязательной чашки кофе, ждавшей его в кабинете, он надевал летний сюртук, садился на диванчик и наклонялся к столу. Занятия длились до часового нашего обеда, после которого он не работал. Не покажется удивительным, что он употребил три утра на составление письма к Гоголю, если прибавить, что он часто отрывался от работы, сильно взволнованный ею, и отдыхал от нее, опрокинувшись на спинку дивана <...> Белинский набросал сперва письмо карандашом на разных клочках бумаги, затем переписал его четко и аккуратно набело, и потом снял еще с готового текста копию для себя. Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составляет документ, выходящий из рамки частной, интимной корреспонденции. Когда работа была кончена, он посадил меня перед круглым столом своим и прочел свое произведение» (*П. Анненков,* 580—581).

Июля 3 (15). Б. в день отъезда из Зальцбрунна в Париж переписывает набело свое письмо к Гоголю. Протестуя против того, что Гоголь увидел в его статье о «Выбранных местах из переписки с друзьями» прежде всего «оскорбленное самолюбие», Б. утверждал, что в данном случае речь должна идти вовсе не о тех или иных личных обидах, а об «оскорбленном чувстве истины, человеческого достоинства: нельзя молчать,

когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель». Б. укоряет Гоголя за то, что, привыкнув смотреть на Россию уже много лет лишь из своего «прекрасного далека», писатель утратил понимание того, что происходит на его родине: «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и неволе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка; а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей! Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров...»

Б. горячо протестует против суждений Гоголя о том, что «русский народ самый религиозный в мире»: «Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности <...> Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме; и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем». Б. резко отвергает и суждения Гоголя о «любовной связи русского народа с его владыками». Этот «дифирамб», по мнению Б., «ни в ком не встретил сочувствия и уронил Гоголя в глазах даже людей, в других отношениях очень близких ему по их направлению». Говоря о русском обществе, в котором «кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию», Б. утверждает, что «только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писа-

теля у нас так почтенно, почему у нас так легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренно или неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности». Свое письмо Б. заключает следующим обращением к Гоголю: «Если вы имели несчастие с гордым смирением отречься от ваших истинно великих произведений, то теперь вам должно с искренним смирением отречься от последней вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые бы напомнили ваши прежние» (*Б,* X, 212—220).

Июля 3. Департамент герольдии, рассмотрев документы Г. Н. Белынского и метрическое свидетельство Б., выносит решение об утверждении Б. в правах на потомственное дворянство (*ИВ,* 1911, V, 597). См. июля 26.

Июля 4 (16)—8 (20). Б. и Анненков приезжают в Дрезден, где остаются четыре дня. Побывав вновь в картинной галерее, Б. пытается разобраться в своих впечатлениях от «Мадонны» Рафаэля. Б. не может согласиться с тем, что писали о ней «романтики, особенно Жуковский». По мнению Б., «в ее лице так же нет ничего романтического, как и классического. Это не мать христианского бога: это аристократическая женщина, дочь царя, idéal sublime du comme il faut. Она глядит на нас не то, чтобы с презрением, — это к ней не идет, она слишком благовоспитанна, чтобы кого-нибудь оскорбить презрением, даже людей, она глядит на нас не как на каналий: такое слово было бы грубо и нечисто для ее благородных уст; нет: она глядит на нас с холодною благосклонностию, в одно и то же время опасаясь и замараться от наших взоров и огорчить нас, плебеев, отворотившись от нас. Младенец, которого она держит на руках, откровеннее ее; у ней едва заметна горделиво сжатая нижняя губа, а у него весь рот дышит презрением к нам, ракалиям. В глазах его виден не будущий бог любви, мира, прощения, спасения, а древний, ветхозаветный бог гнева и ярости, наказания и кары. Но что за благородство, что за грация кисти! Нельзя наглядеться». Б. невольно вспоминает Пушкина: «То же благородство, та же грация выражения, при той же верности и строгости очертаний» (*Б,* XII, 380, 384).

Высоко оценивает Б. «Леду и лебедя» Микель-Анджело, а также, как свидетельствует Анненков, «Торжество Вакха» Рубенса. Но перед «Судом Париса» Б. «стоял в недоумении», назвав Рубенса «поэтом мясников» (*П. Анненков,* 588).

Июля 7 (19). Б. в письме к жене из Дрездена подтверждает получение ее письма от 24 июня. Б. не видит оснований для беспокойства о состоянии его здоровья, утверждая, что, несмотря на «кашель, удушье и головную боль», он в первые же теплые дни почувствовал себя в Дрездене «несравненно крепче телом и бодрее духом», чем в Зальцбрунне. Б. поражен дешевизной жизни в Германии: все расходы на квартиру, стол и лечение в Зальцбрунне не превысили 250 франков; дюжина рубах, заказанных в Дрездене из тонкого голландского полотна, обошлась ему всего 62 талера (*Б*, XII, 379—383).

Июля 7 (19). Б. в письме к Боткину из Дрездена жалуется на то, что, как выяснилось, он «не рожден для путешествий»: «Скука мой неразлучный спутник, и жду не дождусь, когда ворочусь домой». Б. удручен немецким мещанством, природу которого он окончательно уяснил из переданных ему Тургеневым суждений одного «истого немца» об органах прусского сословного представительства («штенды»): «Я люблю прогресс, но прогресс умеренный, да и в нем больше люблю умеренность, чем прогресс». Б. потрясен «нищетою в Германии, особенно в несчастной Силезии»: «Только здесь я понял ужасное значение слов: пауперизм и пролетариат. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожаи и голод местами, там есть плантаторы-помещики, третирующие своих крестьян, как негров, там есть воры и грабители чиновники; но нет бедности, хотя нет и богатства. Леность и пьянство производят там грязь и лохмотья, но это все еще не бедность. Бедность есть безвыходность извечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!»

Б. делится с Боткиным своими впечатлениями от «Истории французской революции» Луи Блана, в которой «много дельного и интересного», но общая концепция которой примитивна и несостоятельна: «Буржуазѝ у него еще до сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния, тогда как по его же книге выходит, что без нее не было бы той революции, которою он так восхищается, и что ее успехи — ее законные приобретения. Ух, как глуп — мочи нет!» В пути Б. читает «Историю жирондистов» Ламартина и недоумевает, почему он «на одной странице говорит умные и хорошо выраженные вещи о событии, а на другой спешит наболтать глупостей, явно противоречащих уже сказанному, — потому ли, что он умен только вполовину, или потому, что, надеясь когда-нибудь попасть в министры, хочет угодить всем партиям. Надоели мне эти ракалии: плачу от скуки и досады, а читаю!»

Б. с ненавистью вспоминает Краевского, как «кровопийцу, высосавшего из него остатки его здоровья», и просит передать привет в Москве «всем нашим — Кавелину, Грановскому, Коршу, Кетчеру, Щепкину и пр. и пр.» (*Б,* XII, 383—385).

Июля 8 (20) — 13 (25). Б., выехав из Дрездена и переночевав в Эйзенахе, где кончался железнодорожный путь, осматривает замок Вартбург, в котором был заключен Лютер. От Эйзенаха до Франкфурта (140 верст) Б. едет в дилижансе. Отдохнув один день во Франкфурте, Б. выезжает поездом в Майнц, а из Майнца пароходом в Кельн. Поездка по Рейну была омрачена холодной, дождливой и ветреной погодой (*Б,* XII, 386).

Июля 14 (26) — 15 (27). Б. и Анненков прибыли вечером в Кельн. Переночевав, выехали утром в Брюссель. Б., к негодованию Анненкова, лишь мимоходом взглянул на Кельнский собор, отказавшись от его осмотра, для чего пришлось бы потерять день в пути (*Б,* XII, 386—387; *П. Анненков,* 590).

Июля 15. В окрестностях Петербурга скоропостижно умирает В. Н. Майков («*С*», 1847, № 8, 104—108), в котором некоторая часть передовой общественности видела преемника Б.

Июля 16 (28). Б. осматривает Брюссель (*Б,* XII, 387).

Июля 17 (29). Б., выехав с Анненковым утром из Брюсселя, в шесть часов вечера приезжают в Париж. Остановившись в отеле Мишо, друзья в тот же вечер были у Герцена. В квартире последнего Б. огласил свое письмо к Гоголю. Под впечатлением этого письма Герцен, «улучив минуту, сказал на ухо» Анненкову: «Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его» (*П. Анненков,* 582).

Июля 18 (30). Б. с Герценом и Анненковым начинает знакомиться с Парижем, который, по его признанию, «с первого же взгляда превзошел все его ожидания, все мечты» (*Б*, XII, 387; *ГЛ,* V, 48). В этот же день Б. был обрадован неожиданной встречей с Тургеневым (*Б,* XII, 388).

Июля 19 (31). У Б. был доктор Тира де Мальмор, потребовавший немедленного переезда Б. в его лечебницу в Пасси. С Тургеневым Б. ездил на почту, где получил письма от жены и от Некрасова (*Б,* XII, 387—388). В этот же день Б., вероятно, встретился с Бакуниными и Н. И. Сазоновым.

Июля 19. Боткин, отвечая на письмо Б. от 7 июля, не соглашается с его резким приговором, вынесенным немецкой буржуазной общественности. Рассчитывая на то, что парижские впечатления окажутся «посущественнее и поинтереснее», Боткин передает, что Грановский, которому он показал письмо

Б., остался также «недоволен им», боясь, чтобы Б. «с своей теперешней точки зрения на Германию и Францию не стал бы писать о них, воротясь в Россию. В самом деле, это было бы большим торжеством для наших невежд и мерзавцев».

Оправдываясь от упреков Анненкова за защиту буржуазии Боткин писал: «Как же не защищать ее, когда наши друзья со слов социалистов представляют эту буржуазию чем-то вроде гнусного, отвратительного, губительного чудовища, пожирающего все прекрасное и благородное в человечестве? Я понимаю такие гиперболы в устах французского работника; но когда их говорит наш умный Герцен, то они кажутся мне не более, как забавными. Там борьба, дух партий, заставляют прибегать к преувеличениям, — это понятно, а здесь вместо самобытного взгляда, вместо живой, индивидуальной мысли вдруг встречать общие места, ей-богу, досадно» (*Анненков и его друзья,* 542). См. сентябрь около 1 и декабря около 5.

Июля 20 (августа 1). Б. переезжает для лечения в Пасси, в лечебницу Тира де Мальмора, где остается до августа 12, изредка наезжая в Париж (*Б,* XII, 388, 394). Постоянно навещают его Анненков, Тургенев, Бакунин и Сазонов.

Июля 21 (августа 2). Б. приобретает в Париже новую книгу Жорж Санд «Le Piccinino» (*v.* I и II, 1847). Роман этот был запрещен в России *.

Июля 22 (августа 3) — 23 (августа 4). Б. в письме к жене подробно описывает свое путешествие от Дрездена до Парижа, первые дни в последнем и переезд в Пасси. Б. очень доволен условиями своего быта, вниманием врача и действием применяемых им лекарств (*Б,* XII, 386—391).

Июля 26. Департамент герольдии Правительствующего сената направляет в Пензу указ об утверждении решения Пензенского дворянского депутатского собрания от 23 декабря 1843 г. об утверждении Б. в правах на потомственное дворянство (*PC,* 1899, IV, 203). См. декабря 9 и 1848, января 30.

Июля 29 (августа 10). Гоголь, отвечая на письмо Б. от 3 (15) июля, жалуется на свое тяжелое душевное состояние, не позволившее ему ответить раньше.

«Да и что мне отвечать? Бог весть, может быть, и в ваших словах есть часть правды. Скажу вам только, что я получил около пятидесяти разных писем по поводу моей книги: ни одно из них не похоже на другое, нет двух человек, согласных во мнениях об одном и том же предмете: что опровергает один, то утверждает другой. И между тем на всякой стороне есть равно благородные и умные люди. Покуда мне показалось только то непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать все то, что ни есть в ней теперь. А вывод из всего этого вывел я для себя тот, что мне не следует выдавать в свет ничего, не только никаких живых образов, но даже и двух строк какого бы то ни было писания, до тех пор, покуда, приехавши в Россию, не увижу многого

своими собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что укорявшие меня в незнании многих вещей и несоображении многих сторон обнаружили передо мной собственное незнание многого и собственное несоображение многих сторон. Не все вопли услышаны, не все страдания взвешаны. Мне кажется даже, что не всякий из нас понимает нынешнее время <...>. Наступающий век есть век разумного сознания; не горячась, он взвешивает все, приемля все стороны к сведению, без чего не узнать разумной средины вещей. Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен; мы ребенки перед этим веком. Поверьте мне, что и вы и я виновны равномерно перед ним. И вы и я перешли в излишество. Я по крайней мере сознаюсь в этом, но сознаетесь ли вы? Точно так же, как я упустил из виду современные дела и множество вещей, которые следовало сообразить, точно таким же образом упустили и вы; как я слишком усредоточился в себе, так вы слишком разбросались. Как мне нужно узнавать многое из того, что знаете вы и чего я не знаю, так и вам тоже следует узнать хотя часть того, что знаю я и чем вы напрасно пренебрегаете». Гоголь рекомендует Б. «помнить прежде всего о своем здоровье и оставить на время современные вопросы»: «Вы потом возвратитесь к ним с большею свежестью, стало быть и с большею пользою как для себя, так и для них» (*Гоголь,* XIII, 360—361). В бумагах Гоголя сохранились черновые наброски первоначальной редакции его ответа на зальцбруннское письмо Б., с попытками развернутой критики некоторых конкретных его положений (*Гоголь,* XIII, 435—446).

Июля 30 (августа 11). Б. получает в Париже ответ Гоголя на свое письмо из Зальцбрунна (*Б,* XII, 392).

Июля 30. Гоголь в письме из Остенде к Анненкову осведомляет его о полученном им письме Б. от 3(15) июля. Это письмо огорчило Гоголя «не столько оскорбительными словами, устремленными лично на него, сколько чувством ожесточенья вообще». Гоголь напоминает Анненкову об его обязанности отводить от Б. «все возмущающее дух его» и убедить его прежде всего в той «непреложной истине, что излишество теперь удел всех, кто только сколько-нибудь имеет сердце, не бесчувственное к делам мира, какой-нибудь характер и какое-нибудь убеждение. Все переливают через край, потому что никто неспокоен». Гоголь заверяет Анненкова, что, несмотря на то, что «Выбранные места из переписки с друзьями» оказались никем не понятыми, в нем нет «ни раздраженья, ни фанатизма» и «ничьей стороны держать он не может, потому что везде видит частицу правды и много всяких преувеличений и лжи» (*Гоголь,* XIII, 362—363).

Августа 1. Выход в свет «Современника» № 8 (цензур. разреш. июля 31). Отвечая на выпады Булгарина в «Северной пчеле» № 170, редакция «Современника» отмечает, что труды Б. «известны всей образованной и современной русской публике. Теперь уже не тайна, что́ написал г. Белинский в продолжение осьмилетнего сотрудничества в одном известном журнале, которому своими трудами он придал направление и вес» («*С*», 1847, № 8, «Современные заметки», 129).

Августа 2 (14). Герцен с женою уезжают на месяц из Парижа в Гавр для лечения сына (*ГЛ*, V, 179). См. августа 31.

Августа 2 (14). Б. в письме к жене из Парижа сообщает о том, что сейчас он уже «чувствует себя в положении едва ли не в лучшем, нежели в каком был до своей страшной болезни осенью 1845 г.». Б. «сильно скучает», ему «надоело шататься», ему хочется поскорее увидеть дочку. Вопрос о переезде в Москву он предоставляет решить жене: «Пожалуй, даже хоть вовсе не переезжать. В последнем случае мне жаль только того, что я продал шкафы. Но что же делать!» (*Б*, XII, 391—392). Этим же днем было датировано письмо Б. к Некрасову, до нас не дошедшее (*Б*, XII, 397).

Августа 5 (17). У Б. в Пасси обедали Анненков и Тургенев. Доктор разрешил ему переехать через неделю в Париж (*Б*, XII, 394).

Августа 6 (18). Б. приезжал из Пасси в Париж к М. Ф. Корш. У нее застал его Анненков и вручил ему письмо от жены (*Б*, XII, 392).

Августа 9. Л. В. Брант (Я. Я. Я.) в «Северной пчеле» иронически отзывается о «Современных заметках» в «Современнике» (см. августа 1), расхваливающих Б., и доказывает, что «Современник» снял личину и теперь представляет собою второй экземпляр «Отечественных записок» (*СП*, 1847, № 179).

Августа 10 (22). Б. в письме к жене дает «подробный и верный отчет» о состоянии своего здоровья, позволяющий утверждать, что он «еще не выздоровел, но крепко и видимо выздоравливает». Б. предполагает прожить в Париже до начала или в крайнем случае до середины сентября (*Б*, XII, 392—395).

Августа 12 (24). Б. переехал из Пасси в Париж, где поселился в одной квартире с Анненковым (*Б*, XII, 394). Как свидетельствует последний, «Париж оказался уже не под силу Б. На посещение театров, музеев, лекций, сходок и проч. он, видимо, смотрел, как на исполнение долга, как на нечто схожее с праздничными визитами по начальству. Нетрудно было подметить его благодарный взгляд всякий раз, когда его освобождали от этого» (*П. Анненков*, 591).

Августа около 15 (27). Выход в свет книги К. Маркса «Нищета философии» («Misère de la philosophie. Reponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon. Par Karl Marx, Paris — Bruxelles, 1847). В этой работе Маркс впервые печатно формулировал принципы материалистического понимания истории, ставил и исследовал вопрос о зависимости между развитием способа производства и борьбой классов, давал первый очерк эволюции различных фаз капитализма (*Соч. К. Маркса*

и Ф. Энгельса, т. V, 1929, XXX). Об этой книге Б. должен был узнать в Париже от Анненкова, очень внимательно следившего за полемикой Маркса с Прудоном (*П. Анненков,* 484—487).

Августа 15. Л. В. Брант (Я. Я. Я.) в «Северной пчеле» отмечает «замкнутый философический язык» Б. (*СП,* 1847, № 184).

Августа около 18 (30). Тургенев в записке к М. Ф. Корш уведомляет о своем отъезде из Парижа <в Куртавнель?>: «Я еду сегодня. Не дайте Белинскому съесть меня живого» (*Тург. сб.,* 83. Ср. *Б,* XII, 396).

Августа 21 (сентября 2). Б. получил письмо от жены, которое его очень успокоило — она оказалась вовсе не так тяжело больна, как он предполагал (*Б,* XII, 396).

Августа 22 (сентября 3). Б. в письме к жене сообщает о своем предположении выехать домой 3(15) сентября, если к этому времени возвратится в Париж Тургенев, обещавший проводить Б. до Берлина. Менее удобной представляется Б. поездка с Н. П. Боткиным и его женою, так как они любят «ездить с отдыхами», а Б. хочется быть дома поскорее (*Б,* XII, 396—397).

Августа 24—25. Боткин в письме в Париж к Анненкову замечает: «Бог знает, как любопытно прочесть письмо Белинского к Гоголю и ответ его, равно и письмо Гоголя к вам. Мы с Коршем задумали просить вас: нет ли какой возможности сообщить их нам? по крайней мере хоть письмо Гоголя к вам». В этом же письме Боткин спрашивает: «Кто это в «Revue indépendant'e» пишет такие штуки о русской литературе? Булгарин пользуется ими, чтоб смеяться над сотрудниками «Современника» (*Анненков и его друзья,* 548—549). См. мая 29.

Августа 26. Цензур. разреш. «Москвитянина», ч. II. В номере программная статья М. З. К. (Ю. Ф. Самарина) «О мнениях «Современника» исторических и литературных», в которой он полемизирует со статьями «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» Белинского, «Взгляд на юридический быт древней России» Кавелина и «О современном направлении русской литературы» А. Никитенко.

Возражая Б., Самарин утверждает, что писатели натуральной школы связаны не только и не столько с Гоголем, сколько с новейшей французской литературой, в которой «клевета на действительность, в смысле преувеличения темных ее сторон», оправдывается дидактическими целями. Доказывая, что в рядах писателей натуральной школы нет ни одного сильного и оригинального таланта, что все они «впали в односторонность», что их художественные приемы «всегда одни и те же, характеры бледны и бесцветны, интрига завязывается слабым узлом, так что всякий рассказ можно на любом месте прервать или же, наоборот, тянуть до бесконечности», Самарин утверждает, что у натуральной школы

нет будущего и что она так же скоро и неожиданно исчезнет, как и возникла. В статье Самарина дана была и памфлетная характеристика Б.: «Г-н Белинский почти никогда не является самим собою и редко пишет по свободному внушению. Вовсе не чуждый эстетического чувства (чему доказательством служат особенно прежние статьи его), он как будто пренебрегает им и, обладая собственным капиталом, постоянно живет в долг. С тех пор как он явился на поприще критики, он был всегда под влиянием чужой мысли. Несчастная восприимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и решительно от вчерашнего образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайности держала его в какой-то постоянной тревоге, которая обратилась, наконец, в нормальное состояние и помешала развитию его способностей» («М», 1847, ч. II, 133—135 и 191—222). Отповедь Б. на эту статью см. октября 31.

Августа 31 (сентября 12). Герцен с женою возвращаются в Париж (*ГЛ,* XXII, 242).

Август — сентябрь. В спорах, происходящих в Париже в кругу друзей Б., о политической ситуации в России и о перспективах ее изменения (см. 1848, февраля 15), Б. высказывает свои соображения о том, что «для России нужен новый Петр Великий». Бакунин пытается оспорить это утверждение, доказывая, что «сам народ должен все для себя сделать». Впоследствии Б. очень досадовал, что не оказал достаточного отпора Бакунину и не сразу разоблачил его «наивную аркадскую мысль», как «мистическую нелепость» (*Б,* XII, 468; X, 366). Во время этих же споров Бакунин проявил большой интерес к «делу» кирилло-мефодиевцев и особенно к личности Т. Г. Шевченко. Б., занимая в этом вопросе явно неправильную позицию, скептически расценивал представления Бакунина о Шевченко, как о «мученике свободы», хотя и обещал навести в Петербурге точные справки о причинах его ареста (*Б,* XII, 440). См. октябрь — ноябрь.

Сентября около 1(13). Б. принимает деятельное участие в дискуссиях, идущих в квартире Герцена, о политической функции буржуазии на разных этапах ее исторического развития. Поводом для этих споров являются «Письма из Avenue Marigny», над которыми в эту пору работает Герцен. Б., сочувственно приняв основные выводы Герцена, понимает, однако, что «буржуазі явление не случайное, а вызванное историей, что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги». Б. соглашается с Анненковым, что в концепции Герцена «слово bourgeoisie не совсем определенно, по его многовместительности и эластической растяжимости». Б. признает ошибкою Герцена включение им в одну социально-политическую категорию и тех буржуа, которые управляют судьбами современной Франции, и тех собственников, которые «мало имеют влияния на ход дел и мало прав, и, наконец, людей, вовсе ничего не имеющих, то есть стоящих за цензом». Б. согласен и с тем, что «все тепе-

решние враги буржуазй и защитники народа так же не принадлежат к народу и так же принадлежат к буржуазй, как и Робеспьер и Сен-Жюст». Против этой «неопределенности и сбивчивости в слове буржуазй» особенно возражал Сазонов. Его поддержали Анненков и, видимо, сам Б. Герцен согласился с этой критикой, несмотря на то, что Бакунин отстаивал противоположную, неисторическую точку зрения, усматривая в буржуазии только «зло» и утверждая, вслед за Луи Бланом, что ее надо полностью «уничтожить», что «только без нее все пойдет хорошо» (*Б,* XII, 446—452). О позиции Боткина, Грановского и Корша в этом вопросе см. июля 19 и декабря около 5.

Сентября 5(17). Тургенев в письме к Б. из Куртавнеля выражает сожаление, что не может приехать проститься с ним перед его отъездом. Предполагая быть в Петербурге к новому году, Тургенев извещает Б., что за время своего пребывания в Куртавнеле он написал «еще два больших очерка» <из цикла «Записки охотника»>, а «старые» <«Бурмистр» и Контора»> переписал и отправил Некрасову (*БЛ,* III, 379).

Сентября около 5(17). Б. слушает в Париже чтение неоконченной повести Герцена «Долг прежде всего». На чтении присутствовал Бакунин (*Герцен,* VI, 525).

Сентября 10(22). Б. в письме к жене выражает беспокойство из-за отсутствия ответа на его письма к ней от 2 и 10 августа. Б. просит «кого-нибудь из наших повидаться с Гончаровым», с тем чтобы он оказал «некоторую протекцию в таможне», так как Б. везет много дорогих игрушек для дочери (*Б,* XII, 397—398).

Сентября 10(22). Б. проводит прощальный вечер у Герцена, где присутствуют, кроме хозяев и М. Ф. Корш, Бакунин, Анненков и Сазонов. Последний обещает Б. для «Современника» статью об эстетике (*Б,* XII, 403, 431).

Сентября 10. Л. В. Брант (Я. Я. Я.) в «Северной пчеле», в рецензии на книгу «Москва 1147—1847» иронически упоминает о Б., который «сочинил одиннадцать огромных статей о Пушкине, каковые оказались объемистее самих одиннадцати томов творений Пушкина» (*СП,* 1847, № 203).

Сентября 11(23). Б. выезжает рано утром из Парижа в Берлин, по маршруту — Брюссель, Кельн, Гам, Ганновер и Брауншвейг, с двумя остановками для отдыха и ночевок в Кельне и Брауншвейге (*Б,* XII, 398—400; *П. Анненков,* 598—601).

Сентября 13. Л. В. Брант (Я. Я. Я.) в «Северной пчеле» в связи с объявлением о подписке на «Современник» иронизи-

рует по поводу отсутствия отличий в программе «Современника» и «Отечественных записок» (*СП,* 1847, № 206).

Сентября 15(27) — 16(28). Б., приехав в Берлин и переночевав в гостинице, переселяется на следующий день в комнату Д. М. Щепкина, который работает в Берлинском университете по египтологии. Б. характеризует Д. М. Щепкина как «малого с головою», талантливого исследователя, но человека с некоторыми странностями, болезненно самолюбивого и заносчивого. Б. с удовольствием слушает его рассказы о культуре древнего Египта, о чтении иероглифов и о современном состоянии изучения древнего мира (*Б,* XII, 402, 424).

Сентября 17(29). Б. в письме к Анненкову из Берлина подробно рассказывает о своем четырехдневном «плачевно-комическом вояже» от Парижа до Берлина. Со слов Д. М. Щепкина Б. передает и некоторые политические новости. Б. нисколько не удивляется тому, что прусский король после роспуска «штандов», ведет себя как «восторжествовавший деспот»: «В народе есть потребность на картофель, но на конституцию — ни малейшей; ее желают образованные городские сословия, которые ничего не могут сделать». Б. видел портрет Л. Мирославского, одного из руководителей восстания в Познани, ждущего в тюрьме приговора к смертной казни: «чудное, благородное, мужественное лицо». Несмотря на то, что общественное мнение в Берлине «решительно за поляков», Б. не сомневается, что «все-таки будет так, как угодно деспотизму и неправде, а не как общественному мнению, чтобы ни говорил об этом верующий друг мой Бакунин» (*Б,* XII, 398—403).

Сентября 19 (октября 1). Б. выехал из Берлина в Штетин (*Б,* XII, 425).

Сентября 20. Л. В. Брант (Я. Я. Я.) в «Северной пчеле» в фельетоне «Городской вестник» отмечает якобы «отсталость» от жизни и «мнимо новые мысли «Современника» (*СП,* 1847, № 212).

Сентября 20 (октября 2). Б. выезжает из Штетина на пароходе «Адлер» в Кронштадт (*Б,* XII, 425).

Сентября 24. Б., приехав рано утром в Кронштадт, после длительной процедуры проверки паспортов переправляется пароходом в Петербург, где еще «часа четыре» проводит «в муках ожидания и хлопот» в таможне. Домой попадает Б. только к середине дня (*Б,* XII, 425).

Сентября 25—27. Б., возвратившись из-за границы, в течение нескольких дней «в непрерывном, живом, энергичном разговоре» информирует коллектив «Современника» и личных

друзей, собирающихся у Тютчевых, Панаевых и Языковых, о своих зарубежных встречах и впечатлениях. Все «с радостью узнают в нем прежнего, довольно еще здорового Белинского» (*ЛН,* т. 56, 196; *А. Панаева,* 184). После своего приезда Б. жил в небольшой квартирке, нанятой временно его женою где-то на Знаменской улице (*И. Панаев,* 312). Поисками новой квартиры Б. занялся через два-три дня. См. октября около 4.

Сентябрь — октябрь. Б. информируется своими друзьями о том, что уже с мая месяца «в правительстве происходит большое движение по вопросу об уничтожении крепостного права», что император Николай «вновь изъявил свою решительную волю касательно этого великого вопроса», трудность разрешения которого заключается якобы только в том, что «правительство не хочет дать свободу крестьянам без земли, боясь пролетариата, и в то же время не хочет, чтобы дворянство осталось без земли, хотя бы и при деньгах» (*Б,* XII, 436). См. далее стр. 527, а также мая 18 и декабря около 10.

Октября 1. Выход в свет «Современника» № 10. В номере опубликованы первые три «Письма из Avenue Marigny» Герцена («С», 1847, № 10, 155—196). См. сентября 1 и декабря около 5.

В этом же номере, в статье И. И. Введенского об «Очерке истории русской поэзии» А. Милюкова упомянуты «журнальные статьи г. В. Б — го, заключающие в себе обзор деятельности многих главнейших представителей русской литературы разных эпох» («*С*», № 10, отд. III, 88).

Октября 1. Публикация в «Современнике» № 10 объявления о подписке на 1848 г. В объявлении указано, что в будущем году в «Современнике» будут напечатаны «разные сочинения гг. Боткина, Белинского, Грановского, Гребенки, Гончарова, Искандера, Ильенкова, Кавелина, Кронеберга, Корша, Корфа, Майкова, Некрасова, Небольсина, Никитенко, Огарева, Панаева, Перевощикова, Сатина, Соловьева, Сто одного <Галахова>, Тургенева и других» («*С*», 1847, № 10, 1—12 — особая пагинация). В этом перечне отсутствовали имена Даля, Достоевского, Дружинина, Григоровича, Кудрявцева, Одоевского, Соллогуба.

Октября около 2. Б. навестил И. В. и Ф. В. Анненковых, встреча с которыми очень его порадовала (*Б,* XII, 426). К этим дням относятся и встречи Б. с Н. М. Сатиным, приехавшим в Петербург и работающим над статьей «Ирландия» для «Современника» (*Новые Пропилеи,* 18).

Октября около 4. Б. после долгих «хлопот и скитаний» находит квартиру, которая вполне отвечает его требованиям, на Лиговке, против Кузнечного моста в полутораэтажном дере-

вянном флигеле во дворе дома Галченковых. Квартира была «большая, красивая и дешевая. Кроме кухни и передней — шесть комнат, большие стекла, полы паркѐ, обои, цена 1320 руб асс.» (*Б*, XII, 426; *БЛ*, III, 450; *И. Панаев*, 312). Это была последняя квартира Б. *.

Октября 5. Публикация в «С.-Петербургских ведомостях» возражений Н. П. Огарева на статью А. И. Чихачева в «Земледельческой газете» «Два слова о работах господских людей». Резко полемизируя с идеализацией барщины, Огарев утверждал, что у русских помещиков нет никаких оснований навязываться своим крепостным крестьянам «в отцы»: «Дайте мне нормальное, правильное отношение работника к собственнику, в котором обеспечивалась бы непринужденность найма и ограждалися работник и его труд от моих излишних притязаний, — не нужно мне будет сочинять себе ни сыновей, ни приятелей, а просто воздавать самостоятельным людям за их труд то, чего он стоит» (*«СПб. ведомости»*, 1847, № 227; перепечатано в *МВед.*, 1847, октября 11, № 122). См. декабря около 10.

Октября около 5. Б., обратив внимание на рецензии С. С. Дудышкина в «Отечественных записках» и на статью его о Фонвизине, спешит познакомиться с молодым критиком и приглашает его в «Современник» (*Б*, XII, 408). Высокую оценку статей Дудышкина см. во «Взгляде на русскую литературу 1847 г.» (*Б*, X, 355).

Октября 6. Панаев в письме к Огареву передает привет от Б., который «возвратился лучше, чем поехал» и «не в пример веселее и живее прежнего» (*Новые Пропилеи*, 18).

Октября около 10. Б. заканчивает переезд на новую квартиру, который был хлопотен и затянулся на несколько дней. Перевозиться пришлось из трех мест, так как большая часть мебели была у Языковых, книги у Тютчевых, а домашние вещи на временной квартире, которую семья Б. сняла летом. При переезде Б. простудился. У него «открылись раны в легких», но «дней через пять» он оправился (*Б*, XII, 426—427).

Октября 12. Боткин в письме из Москвы к Анненкову сообщает, что Б., как говорят, «свеж и бодр и с ревностью принимается за журнал. Но надолго ли станет этой свежести и бодрости? Доктор его жалеет, что он не остался зимовать где-нибудь в теплом климате» (*Анненков и его друзья*, 553).

Октября 17(29). Письмо Тургенева из Парижа к Б., до нас не дошедшее. В этом письме были какие-то сведения о Бакунине, упоминание имени которого Б. счел непростительной неосторожностью в легальной переписке (*БЛ*, III, 384).

Октября 18. Некрасов в письме к А. В. Никитенко сообщает, что оба цензора, приставленные к «Современнику», подписали к печати повесть Григоровича «Антон Горемыка» с теми изменениями и сокращениями, которые предложил Никитенко (*Некрасов,* X, 80).

Делясь впечатлениями от повести Григоровича, Б. в письме к Боткину признавался, что она его «измучила»: «Читая ее, я все думал, что присутствую при экзекуциях. Страшно! Вот поди ты: дурак пошлый, а талант! Цензура чуть ее не прихлопнула; конец переделан — выкинута сцена разбоя, в которой Антон участвует» (*Б*, XII, 421—422). См. ноября 1.

Октября около 20. Б., высоко оценив статью В. А. Милютина «Мальтус и его противники» (*«С»* №№ 8 и 9) за ее направление, «дельное и совершенно гуманное, без прекраснодушия», предлагает Некрасову поручить молодому автору разбор в «Современнике» всех книг по политико-экономическим вопросам (*Б,* XII, 408). Через Милютина устанавливает связь с «Современником» в качестве рецензента учебной литературы и книг для детского чтения М. Е. Салтыков (*С. Макашин,* 258—259).

Октября около 20. Б., оправившись от болезни, принимается за статью «Ответ «Москвитянину», которую закончил через шесть дней, радуясь, что в такой короткий срок написал три с половиною печатных листа (*Б,* XII, 427). Статья эта являлась первым выступлением Б. в печати после длительного перерыва (см. мая 31) и знаменовала пересмотр некоторых положений о славянофильстве, получивших развитие в его программной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» в первой книжке «С». См. октября 31.

Октября 23. Л. В. Брант в «Северной пчеле», в статье о «Полном собрании сочинений русских авторов. Издание А. Смирдина» вспоминает о попытках развенчания «какими-то остряками Ломоносова, Державина, Карамзина и о возвеличении вместо них Гоголя» (*СП,* 1847, № 240). Имя Б. прямо не называлось.

Октября 25. Булгарин в «Северной пчеле», характеризуя литературно-критические позиции «Современника» и связывая их с традициями «Отечественных записок», иронически отмечает, что «критикует и философствует» в новом журнале «тот же г. Белинский, по-прежнему смотрящий на мир из той же абстрактной гуманности» (*СП,* 1847, № 242).

Октября около 25. Гончаров в письме к Ю. Д. Ефремовой, отвечая на вопрос ее о литературных новостях, сообщает: «Мы ожидаем теперь много хорошего от Белинского: он воротился здоровее и бодрее — только на долго ли, бог весть. Но ведь

и прогулки за границу, между прочим в Париж, много помогли ему. Он уж что-то пишет к следующей книжке» (*Гончаров*, 238).

Октября 26. Некрасов в письме к Никитенко отмечает: «К вам начинают присылать «Ответ «Москвитянину». Б. просил меня сказать вам, что в этой статье во всем, что касается до вас, разумеется, вы полный хозяин: если найдете нужным, делайте и переделывайте, как вам угодно. Он же писал на основании крайнего разумения и разговора с вами, да еще того, что я передал ему от вашего имени» (*Некрасов*, X, 82—83).

Октября 28. Некрасов пишет за границу Тургеневу: «Б. здоров и дописывает большую статью для 11-й книжки «Современника» (*Некрасов*, X, 84).

Октября 31. Цензур. разреш. «Современника» № 11. В номере статья Б. «Ответ «Москвитянину» («*С*», № 11, отд. III, 29—75). Статья опубликована без подписи, как редакционная, чем обусловлено и то, что Б. говорит в ней о себе в третьем лице *.

Отвечая на программную статью Ю. Ф. Самарина «О мнениях «Современника», исторических и литературных» (см. августа 26), Б. прежде всего отвергает попытку Самарина отказаться от термина «славянофильство», заменив его понятием «московское направление», ибо, как иронически разъясняет Б., славянофильство в такой же степени связано с Петербургом, как и с Москвою, более того — пресловутый журнал «Маяк», бывший «самым крайним и самым последовательным органом славянофильства», издавался не в Москве, а в Петербурге. Протестуя против давно изживших себя тенденциозных попыток противопоставления Москвы Петербургу, Б. отказывается рассматривать всерьез заявление Самарина о том, что писатели натуральной школы якобы «клевещут на народ, как и на общество», и горячо возражает против того, что Самарин и люди его «литературного прихода» присвоили себе «монополию на симпатию к простому народу»: «Откуда взялись у этих господ притязания на исключительное обладание этими добродетелями? Где, когда, какими книгами, сочинениями, статьями доказали они, что они больше других знают и любят русский народ? Все, что делалось литераторами для споспешествования развитию первоначальной образованности между народом, делалось не ими». Б. доказывает и несостоятельность взглядов Самарина на искусство вообще и на творчество писателей натуральной школы в частности. Б. возражает против попыток Самарина связать «натуральную школу» не только с Гоголем, но и с «новейшей французской литературой», направление которой, по мнению Самарина, сводится якобы лишь к «карикатуре и клевете на дей-

ствительность, понятыми как исправительное средство». Б. доказывает, что в своей критике писателей натуральной школы Самарин апеллирует прежде всего к их «направлению», забывая о том, что он разбирает произведения искусства. В полемике с ним Б. утверждает: «Искусство может быть органом известных идей и направлений, но только тогда, когда оно — прежде всего искусство. Иначе его произведения будут мертвыми аллегориями, холодными диссертациями, а не живым воспроизведением действительности».

Полностью перепечатывая враждебные строки, посвященные Самариным ему лично (см. августа 26), Б. включает в свой «Ответ» совершенно прозрачную памфлетную характеристику своего противника, надеясь, что «Публика и сама сумеет увидеть разницу между человеком, у которого литературная деятельность была призванием, страстью, который никогда не отделял своего убеждения от своих интересов, который, руководствуясь врожденным инстинктом истины, имел больше влияния на общественное мнение, чем многие из его действительно ученых противников, — и между каким-нибудь баричем, который изучал народ через своего камердинера и думает, что любит его больше других, потому что сочинил или принял на веру готовую о нем мистическую теорию, который, между служебными и светскими обязанностями, занимается также и литературою в качестве дилетанта и из году в год высиживает по статейке, имея вдоволь времени показаться в ней умным, ученым и, пожалуй, талантливым».

Заканчивая свой «Ответ» разбором обвинения «Современника» в том, что журнал этот якобы сознательно «искажает образ мысли гг. славянофилов», Б. утверждает, что невольные ошибки в этом случае совершенно неизбежны, так как «до сих пор ни один из гг. славянофилов не потрудился изложить основных начал славянофильского учения»: «Доселе их образ мыслей проглядывает только в симпатиях и антипатиях к тем или другим литературным произведениям и лицам. Кроме того, они беспрестанно противоречат самим себе, так что можно подумать, что у них столько же мнений, сколько и лиц. Можно указать на выходки, разбросанные там и сям против европеизма, цивилизации, необходимости образования и грамотности для простого народа, против реформы Петра Великого, современных нравов, на какие-то намеки, что русскому обществу надо воротиться назад и снова начать свое самобытное развитие с той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться с народом, который будто бы сохранил в чистоте древние славянские нравы и нисколько не изменился в продолжение веков. Все это, может быть, и заслуживает по крайней мере быть выслушанным; но для этого сперва должно быть высказано». Напоминая о своей харак-

теристике славянофильства — явления «замечательного до известной степени, как протест против безусловной подражательности и как свидетельство потребности русского общества в самостоятельном развитии», Б. выражает сожаление о том, что славянофилы, вместо того чтобы воспользоваться этим «удобным случаем объясниться с своими противниками», до того «обрадовались отзыву г. Белинского, что начали смотреть на всех своих противников, как на разбитое вправ войско, а на себя, как на великих победителей. Вот что называется — не давши сражения, торжествовать победу!» (*Б*, X, 221—269).

Октябрь — ноябрь. Б., пересматривая книжки «Отечественных записок», вышедшие во время пребывания его за границей, высоко оценивает статьи С. С. Дудышкина о брошюре В. Н. Григорьева «Еврейские религиозные секты в России», о «Сочинениях Фонвизина», его же рецензию на поэму Е. Вердеревского «Больной», публикацию А. П. Заблоцкого-Десятовского «Причины колебания цен на хлеб в России» и «Рассказы о сибирских золотых приисках» П. Небольсина. Весь этот материал позволяет Б. утверждать, что «как журнал» «Отечественные записки» имеют решительный перевес над «Современником», несмотря на то, что ни один русский журнал никогда не был «так блистательно богат» оригинальными «повестями с гоголевским направлением», как «Современник» (*Б*, XII, 407—408).

Октябрь? — ноябрь? Б., выясняя подробности «дела» Шевченко, репрессированного 28 мая 1847 г., получает информацию (видимо, от М. М. Попова), клеветнически сводящую его «вину» к непристойным «плоским и глупым» пасквилям на царя и царицу. В связи с этой ложной информацией Б. сурово осуждает как Шевченко, так и некоторых других литераторов-украинцев за то, что их выступления лишь «раздражают правительство, делают его подозрительным, готовым видеть бунт там, где ровно ничего нет, и вызывают меры крутые и гибельные для литературы и просвещения». Арест Шевченко Б. ставит в связь с недавним «делом» П. А. Кулиша, напечатавшего в журнале «Звездочка» 1846 г. «Повесть об украинском народе», в которой Николай I усмотрел националистические и сепаратистские тенденции (*Б*, XII, 440—441).

Ноября 1. Выход в свет «Современника» № 11. В номере опубликована повесть Григоровича «Антон Горемыка», под впечатлением которой Б. писал: «Ни одна русская повесть не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления. Читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследие его благородных предков» (*Б*, XII, 445). Ср. отклик Б. на эту повесть в *«С»*, 1848, № 3, отд. III, 34—35 (*Б*, X, 347). См. октября 18.

Ноября 1. Публикация в «Отечественных записках» № 11 первой повести М. Е. Салтыкова «Противоречия». В письме к Боткину Б. характеризует ее резко-отрицательно (*Б,* XII, 421). В этом же номере объявление о подписке на «Отечественные записки». В перечне произведений, предназначенных к опубликованию в 1848 г., указаны статьи Боткина, Грановского, Кавелина и других ближайших сотрудников «Современника». См. ноября 4 и 5.

Ноября около 1. Б. получает от Некрасова для просмотра рукопись повести А. В. Дружинина «Полинька Сакс», переданную в «Современник» С. С. Куторгой. Горячо приветствуя молодого писателя, Б. замечает: «Повесть местами пахнет мелодрамою, герой чересчур идеализирован, все юно и незрело, и несмотря на то, хорошо, дельно, да еще как!» (*Б,* XII, 444; *Б,* X, 347). Личное знакомство с Дружининым еще более укрепляет надежды Б. на начинающего автора, которого он вводит в круг ближайших сотрудников «Современника» (*БдЧ,* 1860, I, Критика, 12).

Ноября 4. Б. знакомится в конторе «Современника» с молодым экономистом и статистиком К. С. Веселовским, после беседы с которым он рекомендует Некрасову поручить Веселовскому рецензирование всей литературы по части сельского хозяйства (*Б,* XII, 409).

Ноября 4. Некрасов в письме к Кетчеру негодует на московских сотрудников «Современника», активно участвующих и в «Отечественных записках». Как отмечает Некрасов, Б., под впечатлением объявления о подписке на «Отечественные записки» в 1848 г., «впал в совершенное уныние, которое в самом деле весьма основательно», ибо у «Отечественных записок» оказывается ряд преимуществ сравнительно с «Современником»: «Ты скажешь, перевес остался в Белинском? Но в нынешнем году у нас статей Б. почти не было, и, стало быть, в глазах публики этого перевеса не существует, ибо не имеет она основания думать, что в следующем году Б. будет деятельнее. Ты еще, может быть, скажешь, что найдутся подписчики и для нас и для него. Нет, выписывать два журнала с одним направлением и с одинаковыми сотрудниками не у многих явится охота». Некрасов полагает, что первый год издания «С» будет закончен с убытком в 25 тысяч рублей, отчасти потому, что редакция, надеясь на следующий год, тратила деньги «без оглядки», дав четыреста печатных листов вместо обещанных двухсот пятидесяти и оплачивая своих сотрудников «значительно выше», чем их оплачивали в «Отечественных записках» (*Некрасов,* X, 85—86).

Ноября 4. Б., начав утром письмо к Боткину (первое после своего возвращения из-за границы), получает вечером письмо

от последнего (до нас не дошедшее) с упреками за долгое молчание (*Б,* XII, 404). См. ноября 5.

Ноября 5. Б., продолжая письмо к Боткину (см. ноября 4), протестует против его подозрений в том, что молчание Б. вызвано какой-нибудь обидой или «расхождением в образе мыслей». Б. не скрывает своего огорчения из-за участия Боткина в «Отечественных записках», но и этот факт, как он утверждает, не мог изменить его давних дружеских чувств к нему. Характеризуя трудное положение «Современника» и причины, заставляющие его руководителей так нервно реагировать на поддержку, оказываемую «Отечественным запискам» московскими друзьями «Современника», Б. все же не сомневается в том, что «главные и важнейшие» из петербургских сотрудников «Отечественных записок» скоро перейдут в «Современник», так как Краевский продолжает дискредитировать себя своей беспринципностью и кулачеством. В этих условиях Б. особенно больно ощущать бо́льшую близость Боткина к «Отечественным запискам», чем к «Современнику». Б. напоминает своим московским друзьям, что без значительного увеличения числа подписчиков (примерно на одну тысячу) «Современник» нельзя будет издавать «на прежнем широком основании», придется «убавить число листов» и меньше платить сотрудникам. Подчеркивая, что «Отечественные записки» «пользуются перед «Современником» страшным преимуществом — девятилетнею, да еще почетною давностью», что «к ним привыкли, их все знают», Б. обращает внимание Боткина и других москвичей на то, что они, «надававши Краевскому столько статей, ясно показали этим публике, что все объявления и толки о переходе сотрудников и участников «Отечественных записок» в другой журнал — пуф». Б. напоминает Боткину, Грановскому и Кавелину, что для них не может быть безразличным и положение его, Б., в «Современнике», который его «спас» и продолжает спасать: «Я почти ничего не сделал нынешний год для «Современника», а мои 8 тысяч давно уже забрал. Поездка за границу, лишившая «С» моего участия на несколько месяцев, не лишила меня платы. На будущий год я получаю 12 тысяч — кажется, есть разница в моем положении, когда я работал в «Отечественных записках». Но эта разница не оканчивается одними деньгами: я получаю много больше, а делаю много меньше. Я могу делать, что хочу. Вследствие моего условия с Некрасовым, мой труд больше качественный, нежели количественный, мое участие больше нравственное, нежели деятельное <...> Не Некрасов говорит мне, что я должен делать, а я уведомляю Некрасова, что я хочу или считаю нужным делать. Подобные условия были бы дороги каждому, а тем более мне, человеку больному, не выходящему из опасного положения, утомленному, измученному, усталому повторять вечно одно и

то же». Б. заверяет: «Современник» вся моя надежда, без него я погиб буквально, а не в переносном значении этого слова. А между тем мои московские друзья действуют так, как будто решились погубить меня, но не вдруг и не прямо, а помаленьку и косвенным путем, под видом сострадания к Краевскому». Б. заключает свое письмо замечанием, что Некрасов, дорожа участием в «Современнике» Грановского и Кавелина, не только напечатал, но и установил высокий гонорар за рекомендованные ими статьи А. Н. Афанасьева «Государственное хозяйство при Петре Великом» и Н. Г. Фролова «Александр фон Гумбольдт и его космос», несмотря на то, что эти работы слишком специальны, очень растянуты и мало интересны для журнала (*Б,* XII, 404—421). См. ноября 8.

Ноября 8. Б., заканчивая письмо к Боткину, начатое 4 ноября, сообщает ему последние анекдоты о Краевском и о самых неожиданных формах эксплуатации им сотрудников «Отечественных записок» — Я. П. Буткова и И. П. Крешева (*Б,* XII, 422).

Ноября 8. Б. в письме к П. Н. Кудрявцеву выражает надежду на его активное участие в «С» и просит о предоставлении последнему «какой-нибудь повести или чего-нибудь вроде повести», а также какой-нибудь «ученой статьи» или рецензии на любую интересующую его книгу. Б. очень сожалеет, что Кудрявцев, находясь в Берлине, не заехал навестить его в Зальцбрунн (*Б,* XII, 423).

Ноября 8. Письмо Б. к А. Д. Галахову, до нас не дошедшее (*Б,* XII, 462).

Ноября 8. Булгарин в «Северной пчеле» иронически упоминает о биографии Кольцова, написанной Б. (*СП,* 1847, № 254). См. 1846, февраля 5.

Ноября 14(26). Тургенев в письме к Б. из Парижа подтверждает получение последних номеров «Современника» и сообщает парижские литературные и театральные новости, с пояснением, что политических новостей он не знает, а о музыкальных и художественных молчит, так как они «мало интересуют Б.». Обещая в ближайшее время прислать в «Современник» два «больших рассказа», а для «Иллюстрированного альманаха» поэму «Маскарад», Тургенев извещает Б. о своей работе над статьею «Славянофильство и реализм»; Тургенев признается, что «удивительные» стихи Некрасова «Еду ли ночью по улице темной» он «твердит денно и нощно». П. В. Анненков в приписке к этому письму уведомляет Б. о начатой им повести и о том, что полученные им номера «Современника» будут пересланы «на днях» Герцену (*БЛ,* III, 384—386).

Ноября около 14. Б. выпрашивает у А. П. Заблоцкого-Десятовского два оттиска его «превосходнейшей статьи» в

«Отечественных записках» — «Причины колебания цен на хлеб в России», один — для себя, а другой — для отправки в Париж Анненкову (*Б,* XII, 427).

Ноября около 15. Боткин, отвечая в не дошедшем до нас письме к Б. на его упреки за поддержку Краевского и «Отечественных записок» (см. ноября 5), выражает сожаление по поводу того, что разрешил использовать свое имя в объявлении о подписке на «Отечественные записки», Боткин признается в своем отрицательном отношении к позиции Герцена в его «Письмах из Avenue Marigny» и в своей неудовлетворенности повестью Григоровича «Антон Горемыка» (*Б,* XII, 443—446). Ответ Б. см. декабря около 5.

Ноября около 15. Б. получает от М. А. Языкова информацию о новом проекте реформы крепостных отношений, разработанном, по поручению министра внутренних дел, П. Н. Мясновым, тульским коннозаводчиком, инициатором отвергнутой в 1844 г. записки группы тульских землевладельцев об организации выкупа помещичьих крестьян (*ЛН,* т. 56, 245). Б., зная Мяснова еще с начала 1841 г. (см. выше, стр. 287), характеризует его как человека «очень неглупого, но пустого и ничтожного, болтуна на все руки, либерала на словах и ничто на деле» (*Б,* XII, 436). Вызов Мяснова к министру внутренних дел Л. А. Перовскому связан был с выступлением Николая I перед делегацией смоленского дворянства, о котором см. мая 18.

Ноября 17(29). Выступление Бакунина в Париже на митинге в память семнадцатой годовщины польского восстания. В этой речи оптимистическая характеристика созревания революционной ситуации в России существенно расходилась с концепцией Белинского, хотя и базировалась на некоторых материалах его зальцбруннского письма к Гоголю (*Бакунин,* III, 270—279; *Учен. зап. СГУ,* т. XXXI, 113—114).

Ноября 18. В Петербурге, в Александринском театре, состоялась премьера водевиля П. А. Каратыгина «Натуральная школа», направленного против общественно-политических установок и фразеологии Белинского и близких ему писателей натуральной школы (*СП,* 1847, № 265; А. Вольф, 125). См. ноября 22.

Ноября 19. Некрасов в письме к А. В. Никитенко сообщает, что в декабрьской книжке «Современника» вместо повести Я. П. Буткова будет напечатана повесть Дружинина «Полинька Сакс», о которой он уже говорил адресату (*Некрасов,* X, 88—89). См. ноября около 1.

Ноября 20. Б., отвечая на письмо Анненкова, замечает, что у него «нет духу оправдываться» за свое двухмесячное молчание, и подробно информирует его о своем пребывании

в Берлине, тяжелой дороге из Штетина в Петербург, о личных и литературных делах. Б. негодует по поводу участия в «Отечественных записках» Боткина, Грановского и Кавелина, от которых Галахову удалось получить заявки на статьи, необходимые Краевскому для успеха подписки и на 1848 г. Б. высмеивает редакционные вечера, которые Краевский устраивает у себя по четвергам для установления «единства направления» журнала, передает новые анекдоты о кулачестве Краевского, радуется слухам о том, что Достоевский напечатал в «Отечественных записках» первую половину повести «Хозяйка», конец которой еще даже не написан. Передавая привет Герценам и Тургеневу, Б. ждет статью об «Эстетике» Гегеля, обещанную для «Современника» Н. И. Сазоновым (*Б*, XII, 423—431).

Ноября 20. Указ Правительствующему сенату об увольнении С. Г. Строганова от должности попечителя Московского учебного округа (*РА*, 1892, VII, 357). Отставку Строганова, поддерживавшего Грановского, Кавелина, Кудрявцева и других передовых профессоров в их борьбе с идеологами официальной народности и реакционного славянофильства, Б. рассматривает как «событие, прискорбное для всех друзей общего блага и просвещения в России» (*Б*, XII, 453—454).

Ноября 21. Б. получает из-за границы свои книги, отправленные им в Петербург еще в сентябре (*Б*, XII, 441).

Ноября 22. Булгарин в «Северной пчеле» высоко оценивает водевиль П. А. Каратыгина «Натуральная школа» за его памфлетную характеристику писателей, печатающихся в «Отечественных записках» и «Современнике» (*СП*, 1847, № 265). См. ноября 18.

Ноября 22. Б., отвечая на не дошедшее до нас письмо Кавелина, недоумевавшего по поводу некоторых страниц в «Ответе «Москвитянину», напоминает Кавелину о том, «д л я к о г о и д л я ч е г о» писана была эта статья: «Дело в том, что писана она не для вас, а для врагов Гоголя и натуральной школы, в защиту их от фискальных обвинений. Поэтому я счел за нужное сделать уступки, на которые внутренно и не думал соглашаться, и кое-что изложил в таком виде, который мало имеет общего с моими убеждениями касательно этого предмета. Например, все, что вы говорите о различии натуральной школы от Гоголя, по-моему, совершенно справедливо. Но сказать этого печатно я не решусь: это значило бы наводить волков на овчарню, вместо того чтобы отводить их от нее. А они и так напали на след, и только ждут, чтобы мы проговорились. Вы, юный друг мой, хороший ученый, но плохой политик». Далее, защищаясь от обвинений в уступках «славянофильству», Б. утверждает: «Это не совсем

неосновательно, но только и в этом отношении я с вами едва ли расхожусь. Как и вы, я люблю русского человека и верю великой будущности России. Но, как и вы, я ничего не строю на основании этой любви и этой веры, не употребляю их, как неопровержимые доказательства. Вы уже пустили в ход идею развития личного начала, как содержание истории русского народа. Нам с вами жить недолго, а России — века, может быть тысячелетия. Нам хочется поскорее, а ей торопиться нечего. Личность у нас еще только наклевывается, и оттого гоголевские типы пока самые верные русские типы». Б. «терпеть не может восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше; ожесточенные скептики для меня в 1000 раз лучше, ибо ненависть иногда бывает только особенною формою любви, но, признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве. Как бы ни уверяли они себя, что живут интересами той или другой, по их мнению, представляющей человечество страны, — не верю я их интересам. Любовь часто ошибается, видя в любимом предмете то, чего в нем нет,—правда; но иногда только любовь же и открывает в нем то прекрасное или великое, которое недоступно наблюдению и уму». Б. напоминает о Петре Великом и признается: «Петр — моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-нибудь делать, быть чем-нибудь полезными. Без непосредственного элемента все гнило, абстрактно и безжизненно, так же как при одной непосредственности все дико и нелепо». Укоряя Кавелина и других москвичей за их участие в «Отечественных записках», Б. решительно не согласен с их мнением о том, что «два журнала с одинаково хорошим направлением лучше одного». Б. полагает, что в «Отечественных записках» нет сейчас «никакого направления, ни хорошего, ни дурного, а лишь видимость хорошего направления», обусловленная, с одной стороны, тем, что журнал «еще не успел простыть от жаркой топки», которой обязан был Б., а с другой, рядом случайных обстоятельств, в числе которых особенно существенно участие в них московских друзей и единомышленников Б. Возражая на упреки Кавелина в недооценке статей А. Афанасьева и Н. Фролова (см. ноября 5), Б. просит учесть, что он, критикуя эти публикации, имел в виду то, что работа Афанасьева является статьей более «ученою, чем журнальною», а такие статьи, как «А. фон Гумбольдт и его космос», всегда будут балластом и «гибелью для журналов», ибо Н. Г. Фролов — «человек умный, но ум его поражен хронической болезнию, не то насморком, не то запором». Б. не согласен с положительной оценкой в письме Кавелина некоторых мыслей Самарина о простом народе. Б. утверждает, что все это «целиком

взято у французских социалистов», причем «плохо понято» и очень «абстрактно применено к нашему народу». Б. только потому «не потешился» над Самариным за эти страницы, что боялся невольно «впасть в тон доноса». Б. жалуется, что его «Ответ «Москвитянину» «варварски искажен цензурою», из-за чего статья «лишилась своей ровности и внутренней диалектической полноты». Так, например, из нее вычеркнуты намеки на «ученых ослов — Надеждина и Шевырева», строки о польском «мессианизме» и Мицкевиче, возражения Самарину на его суждения о государственном строе древнего Новгорода и многое другое (*Б*, XII, 431—436).

Ноября 24. Публикация указа от 8 ноября 1847 г. о разрешении крепостным крестьянам выкупать себя вместе с землею при продаже населенных имений за долги (*А. Заблоцкий-Десятовский,* II, 301).

Ноября 30. Цензур. разреш. «Сына отечества» № 12. Анонимный рецензент книжки Кукольника «Барон фанфарон и маркиз петиметр» полагает, что автор в лице своих героев очень остроумно показал современных критиков, «пичкающих в свои статьи разные иностранные слова и портящих немилосердно родной язык. Они думают, что нивесть как ушли далеко за веком, что они улетели вперед за современностью и прогрессом, а между тем Н. В. Кукольник обличил всех этих господ, что они отодвинулись назад на полтораста лет» (*СО*, 1847, XII, отд. VI, 39).

Ноября 30. Цензур. разреш. «Современника» № 12. В номере три рецензии Б.: «Басни И. А. Крылова. В XI книгах. С биографиею, писанною П. А. Плетневым»; «Сочинения Фонвизина. Изд. второе»; «Главные черты древней финской эпопеи Калевалы. Морица Эмана». Все три рецензии опубликованы без подписи. В рецензии на «Басни И. А. Крылова» положительные строки о Плетневе принадлежат, возможно, не Б., а А. В. Никитенко, редактору «С» *.

В этом же номере «С», в разделе «Смесь», отклик на первый номер новой газеты Прудона «Le représentant du peuple». В заметке очень сочувственно отмечается «новая теория организации работ», предлагаемая Прудоном: «Попытка, если бы она была даже и не совсем удачна, уменьшить народную нужду, опираясь на науку, все-таки заслуживает величайшего внимания и благодарности» («*С*», 1847, XII, 220).

Ноябрь — декабрь. Б. с увлечением читает перевод романа Диккенса «Домби и сын», печатающийся в «С». Характеризуя этот роман как лучшее из произведений Диккенса, как «чудо», от которого у него «голова не на месте», Б. утверждает, что «такого богатства фантазии на изобретение резко, глубоко, верно нарисованных типов» он «не подозревал не только

в Диккенсе, но и вообще в человеческой натуре». Б. сожалеет только о том, что «Диккенс так мало субъективен, так мало человек — и так много англичанин! Зачем не дано ему сознательных симпатий и стремлений». В это же время Б. с великим трудом дочитывает «Оттилию» Гёте, роман, ознакомление с которым считает «блистательной победой по части терпения». Большое впечатление производит на Б. знакомство с исторической хроникой Дюкло «Mémoires secrètes sur les régnes de Louis XIV et XV», изд. 1791 (*Б*, XII, 445—446).

Ноябрь — декабрь. Б. часто встречается с Дружининым, который поражен его впечатлительностью. По словам Дружинина, Б. «не мог без слез говорить о седьмой главе «Евгения Онегина» и о последних стихотворениях Лермонтова! Прочтение какой-нибудь журнальной, немного талантливой повести причиняло ему радостную бессонницу, каждое удачное стихотворение врезывалось ему в память, всякая бранная статейка самой мелкой газеты, статейка, направленная против которого-нибудь из любимых им писателей, озлобляла его беспредельно» (*БдЧ,* 1860, I, отд. Критика, 12).

Ноябрь — декабрь. Члены кружка Б. и ближайшие сотрудники «Современника» собираются по субботам у Н. Н. Тютчева (*Некрасов,* X, 87). Эти «субботы» продолжались и в 1848 г., обратив на себя внимание секретной агентуры III Отделения (*С. Макашин,* 538).

Декабря около 1. Б. встречается с Н. М. Щепкиным, приехавшим на несколько дней из Москвы. Беседы с ним позволяют Б. окончательно уяснить точку зрения Грановского, Кавелина и Корша на «Отечественные записки» и «Современник». Б. «глубоко убежден», что его друзья ошибочно представляют себе роль Некрасова в «Современнике» и взаимоотношения его с Б., но вынужден согласиться с тем, что действия Некрасова в пору организации «Современника» «дали повод и основания» дурно думать о нем. Б. признается, что и ему самому «не так тепло и легко» с Некрасовым, как было «до этой истории» (*Б,* XII, 458). См. февраля 19 и марта 1.

Декабря около 5. Б., отвечая на письмо Боткина от середины ноября, полемизирует с ним и с другими московскими буржуазными либералами, ополчившимися против Герцена за его «Письма из Avenue Marigny». Не возражая против того, что вопрос о буржуазии и о ее функциях на разных исторических этапах в разных странах очень сложен, Б. все же настаивает на том, что «владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором», что все сейчас в ней «мелко, ничтожно, противоречиво, нет чувства национальной чести, национальной гордости», что «буржуазия, не борю-

щаяся, а торжествующая», не может «иметь интересов, не относящихся к ее карману»: «Горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов. Торгаш — существо, цель жизни которого нажива; поставить пределы этой наживе невозможно. Для него деньги не средство, а цель, и люди — тоже цель, у него нет к ним любви и сострадания, он свирепее зверя, неумолимее смерти, он пользуется всеми средствами, детей заставлят гибнуть в работе на себя, прижимает пролетариев страхом голодной смерти, снимает за долг рубище с нищего, пользуется развратом, служит ему и богатеет от бедняков. Торгаш — жид, армянин, грек, Погодин, Краевский. Торгашу недоступны никакие человеческие чувства». Б. готов признать, что «пока буржуазѝ есть и пока она сильна, она должна быть и не может не быть», выполняя ту же миссию, что и «промышленность», являющаяся источником не только «великих зол, но и великих благ для общества», как «последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом». Б. полагает, что «Письма из Avenue Marigny» уязвимы только в одном отношении: самое понятие «буржуазѝ» Герценом явно не дифференцируется, на что указывали ему в свое время Сазонов и Анненков. Б. поэтому и считает, что «не на буржуази вообще, а на больших капиталистов надо нападать, как на чуму и холеру современной Франции. Средний класс всегда является великодушным в борьбе, в преследовании и достижении своих целей. Тут он и великодушен и хитер, и герой, и эгоист, ибо действуют, жертвуют и гибнут из него избранные, а плодами подвига или победы пользуются все. В среднем сословии сильно развит esprit du corps. Оно удивительно смышлено и ловко действовало во Франции и, правду сказать, не раз эксплуатировало народом; подожжет его, да потом и вышлет Лафайета и Бальи расстреливать пушками его же, то есть народ же. В этом отношении основной взгляд на буржуазѝ Луи Блана не совсем неосновательен, только доведен до крайности, где всякая мысль, как бы ни справедлива была она в основе, становится смешною. Кроме того, он выпустил из виду, что буржуазѝ в борьбе и буржуазѝ торжествующая — не одна и та же, что начало ее движения было непосредственное, что тогда она не отделяла своих интересов от интересов народа». Вспоминая свое недавнее пребывание в Париже, Б. обращает внимание Боткина на то, что «все, в чем блещут искры жизни и таланта, все это принадлежит к оппозиции — не к паршивой парламентской оппозиции, которая, конечно, несравненно ниже даже консервативной партии, а к той оппозиции, для которой буржуазѝ — сифилитическая рана на теле Франции». В этом же письме Б. признается, что в произведениях новейшей русской

литературы он, вопреки Боткину, ценит сейчас не «поэзию и художественность», а «истинность» и способность ставить и разрешать актуальные общественные вопросы, «производить на общество нравственное впечатление». Поэтому Б. высоко оценивает не только «Антона Горемыку», но и «Записки человека» Галахова. Обращаясь к новинкам западноевропейской литературы, Б. восторженно отзывается о романе «Домби и сын» (см. выше стр. 530), с сожалением отмечает неудачу «Пиччинино» Жорж Санд, негодует на беспринципность «сквернавца и пошлеца» А. Дюма, на бездарность «наемного писаки» Е. Сю. Положительно откликаясь на «Письма об Испании» Боткина в «Современнике» № 12, Б. особенно ценит в них страницы о Мурильо и об испанской школе живописи, столь не похожей на все другие национальные школы в искусстве (*Б,* XII, 442—453).

Декабря 5(17). Публикация в парижской газете «La Réforme» речи М. А. Бакунина на митинге в память годовщины польского восстания 1830 г. (*Бакунин,* III, 484—487). См. ноября 17(29).

Декабря 7. Б. в письме к Кавелину делится своими впечатлениями от его ответа в «Современнике» № 12 на статью Самарина в «Москвитянине», с которой Б. полемизировал в № 11 (см. октября 31). Б. считает ответ Кавелина «живым и дельным», но недоумевает, почему Кавелин, имея полную возможность «высечь» и «раздавить» своего противника, не сделал этого, а наоборот, всячески подчеркивал свое уважение к нему. Б. готов согласиться с тем, что Самарин — «человек с познаниями», но «человек сухой, черствый, с умом парадоксальным, больше возбужденным и развитым, нежели природным, человек холодный, самолюбивый, завистливый, иногда блестящий по причине злости, но всегда мелкий и посредственный». Б. считает, что «со славянофилами церемониться нечего», так как из них только братья Киреевские и Аксаковы являются людьми лично «благородными и честными». Все же остальные — «подлецы страшные и на все готовые или по крайней мере пошлецы. Г-н Самарин не лучше других; от его статьи несет мерзостью. Эти господа чувствуют свое бессилие, свою слабость и хотят заменить их дерзостью, наглостью и ругательным тоном. В их рядах нет ни одного человека с талантом». Б. высоко расценивает статьи Кавелина о Погодине в «Современнике» № 8 и в «Отечественных записках» № 12. Первую из этих статей он сперва только перелистал, но недавно она вновь попалась ему в руки и произвела настолько большое впечатление, что он перечел ее два раза: «это не просто зло, c'est mordant. И чем эта злость добродушнее и спокойнее, тем вострее ее щучьи зубы».

Перечитывая ноябрьское письмо Кавелина, Б. возвра-

щается к поднятому в нем вопросу о возможностях реализации в современной русской литературе образа положительного героя и разрешает эту проблему отрицательно. Несмотря на то, что подлинно «хороших людей в России гораздо больше, чем это предполагают даже сами славянофилы», передовая литература «не может пользоваться этими хорошими людьми, не входя в идеализацию, риторику и мелодраму, то есть не может представлять их художественно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, что их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут». Б. готов согласиться, что «между Гоголем и натуральною школою целая бездна», но настаивает на том, что «все-таки она идет от него, он отец ее, он не только дал ей форму, но и указал на содержание. Последним она воспользовалась не лучше его (куда ей в этом бороться с ним), а только сознательнее. Что он действовал бессознательно, это очевидно, но Корш больше чем прав, говоря, что все гении так действуют. Я от этой мысли года три назад с ума сходил, а теперь она для меня аксиома, без исключений. Петр Великий не исключение <...> Гений — инстинкт, а потому и откровение, бросит в мир мысль и оплодотворит ею его будущее, сам не зная, что сделал, и думая сделать совсем не то! Сознательно действует талант, но зато он кастрат, бесплоден; своего ничего не родит, но зато лелеет, растит и крепит детей гения».

Невозможность открыто поставить в условиях подцензурной печати все вопросы, связанные с Гоголем и его творчеством, мешает Б. осуществить давно задуманную статью об авторе «Мертвых душ». В этом же письме Б. высоко оценивает последние стихотворения Некрасова, которые «тем выше, что он, при своем замечательном таланте, внес в них и мысль сознательную и лучшую часть самого себя». Неправильное понимание Некрасова московскими сотрудниками «Современника» (см. декабря около 1) поэтому особенно огорчает Б. и мешает установлению того «единодушия и общего одушевления», которые так необходимы «Современнику» для закрепления его успехов (*Б,* XII, 453—462).

Декабря 8. Некрасов в письме к А. В. Никитенко по поводу нападок Панаева на Краевского в статье «О журнальных объявлениях и обещаниях» («С», № 12) разъясняет: «1. Не мы начали, а Краевский. Уже четвертый месяц по всей России рассылается его объявление, наполненное самыми грубыми выходками и клеветами на нас; 2. Все, что у нас сказано о Краевском и его объявлении, сущая истина, которую вполне оправдает время, а что эта истина довольно тяжка — не наша вина» (*Некрасов,* X, 90).

Декабря 9. Пензенское дворянское собрание через петербургскую управу благочиния направляет Б. уведомление об утверждении его Департаментом герольдии сената в дворянском достоинстве (*PC,* 1899, IV, 203). См. 1848, января 30.

Декабря 10. Б. в письме к Д. П. Иванову удостоверяет, что и после своего возвращения из-за границы он не перестает думать о переезде с семьею в Москву. Несмотря на то, что его очень смущает мысль о том, что до открытия железной дороги из Москвы в Петербург еще далеко, Б. все же твердо решил в случае дальнейшего ухудшения своего здоровья оставить в июне Петербург (*Б,* XII, 462—463).

Декабря около 10. Б. в письме к Анненкову, посылаемом за границу с оказиею (вероятно, через А. А. Тучкова), информирует своих парижских друзей о тех «русских новостях», которые сейчас особенно его волнуют. Отмечая, что речь Николая I, обращенная к представителям смоленского дворянства 18 мая 1847 г., вызвала «большое движение» в высших правительственных кругах, Б. передает о вызове в Петербург П. Н. Мяснова, считающегося знатоком крестьянского вопроса (см. ноября около 15). По слухам, этот Мяснов, вместе с сенатором Жихаревым, составил записку о ликвидации крепостных отношений, которая живо обсуждается в некоторых аристократических кругах. Б. хорошо понимает, что «друзья своих интересов и враги общего блага», окружающие царя, «утомят его проволочками, серединными, неудовлетворительными решениями, разными препятствиями, истинными и вымышленными, потом воспользуются маневрами или чем-нибудь подобным и отклонят его внимание от этого вопроса <...> Но тогда он решится сам собою, другим образом, в 1000 раз более неприятным для русского дворянства. Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение. Все, что делается в Питере, доходит до их разумения в смешных и уродливых формах, но в сущности очень верно. Они убеждены, что царь хочет, а господа не хотят. Обманутое ожидание ведет к решениям отчаянным». Б. резюмирует: «Когда масса спит, делайте, что хотите, все будет по-вашему; но когда она проснется — не дремлите сами, а то быть худу». Б. подчеркивает, что сдвиги в области крестьянского вопроса «отразились, хотя и робко, и в литературе. Проскальзывают там и сям то статьи, то статейки, очень осторожные и умеренные по тону, но понятные по содержанию <...> Помещики наши проснулись и затолковали. Видно по всему, что патриархально-сонный быт весь изжит и надо взять иную дорогу». Б. сообщает подробности «дела Шевченко» (см. стр. 515) и репрессирования Кулиша (см. стр. 523), об усилении в связи с этим цензурных строгостей, о гонении на романы передовых французских писателей, слухи о борьбе кн. Меншикова с Киселевым, об отставке Строганова, об

опале Перовского и пр. Имея, вероятно, в виду расчеты Бакунина на подъем в ближайшее же время политической активности в крестьянской массе и в связанных с нею общественных кругах (см. далее стр. 537), Б. замечает: «Вера есть поблажка праздным фантазиям, или способность все видеть не так, как оно есть на деле, а как нам хочется и нужно, чтобы оно было. Страшная глупость эта вера!» (*Б,* XII, 436—442).

Декабря 27. Цензур. разреш. «Москвитянина», 1848, № 1. В статье Шевырева «Очерки современной русской словесности» и в его же разборе «Выбранных мест из переписки с друзьями» резкие выпады против теоретиков «западной школы», пишущих в «Отечественных записках» и «Современнике» и выдающих себя «за двигателей великой идеи личности и за провозвестников и представителей нового периода нашей истории». Попутно, защищая Гоголя от нападок его «прежних обожателей», Шевырев говорит об «измене знаменам «Отечественных записок» в последних статьях Б. («*М*», 1848, № 1, 4 и 30—37). Ответ Б. см. во «Взгляде на русскую литературу 1847 г.» (*Б,* X, 357).

Декабря 30. Некрасов в письме к Никитенко доводит до его сведения, что цензор И. И. Срезневский «сделал две помарки» в обзоре Б., которые «очень портят статью». Не имея возможности согласовать эту правку с самим Никитенко и учитывая, что статья Б. была им уже одобрена, Некрасов сдал ее в печать без правки Срезневского (*Некрасов,* X, 97—98).

Декабря 30. А. В. Никитенко в письме к Срезневскому настаивает на разрешении двух мест в статье Б. «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», вызвавших сомнение цензора (*«Звенья»,* V, 498—499).

Декабря 31. Герцен, защищая в письме к Боткину свои «Письма из Avenue Marigny», ссылается на поддержку, оказанную ему Б., который в Париже во время споров о роли буржуазии на разных исторических этапах, «с тем удивительным тактом, с которым он некогда умел по рассказу Станкевича понять внутренний дух германского воззрения, понял задачу в минуту» (*НМГ,* 41). См. сентября около 1 и декабря около 5.

Декабря 31. Цензур. разреш. «Современника», 1848, № 1. В номере начало последней обзорной литературно-критической статьи Б. «Взгляд на русскую литературу 1847 г. Статья первая (Время и прогресс. — Фельетонисты — враги прогресса. — Употребление иностранных слов в русском языке. — Годичные обозрения русской литературы в альманахах двадцатых годов. — Обозрение русской литературы 1814 г., г. Греча. — Обозрение нашего времени. — Натуральная школа. — Ее происхождение. — Гоголь. — Нападки на натураль-

ную школу. — Рассмотрение этих нападок)». (См. 1848, января 1.) В этом же номере рецензии Б.: «Второе полное собрание сочинений Марлинского. Изд. четвертое»; «Бедные люди. Роман Ф. Достоевского»; «Китай в гражданском и нравственном отношении. Соч. монаха Иакинфа»; «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. Николая Греча»; «Сельское чтение, издаваемое кн. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким. Книжка четвертая».

Продолжая полемику, с одной стороны, с Бакуниным, начатую еще в Париже (см. сентября около 1), а с другой стороны, имея в виду славянофилов, Б. в рецензии на «Сельское чтение» разоблачает иллюзии, характерные для всех «мистических философов», основывающих свои социально-политические прогнозы на примитивном понимании идеи «народности». Б. подчеркивает, что и для него «многочисленнейший и низший класс в государстве, обыкновенно называемый народом, в противоположность обществу, под которым разумеются средние и высшие сословия, есть хранитель сущности, духа народной жизни». Б. полагает, что «личность вне народа есть призрак, но и народ вне личности есть тоже призрак. Одно условливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы. Развитие всегда и везде совершалось через личности». Не сомневаясь в том, что «разделение на классы было необходимо и благодетельно для развития всего человечества и что выйти из привычек и обычаев простого народа совсем не значит выйти из стихии народной жизни в какую-то пустоту и отвлеченность и сделаться призраком», Б. утверждает: «Один народ, разумея под этим словом только людей низших сословий, не есть еще нация: нацию составляют все сословия. Люди, которые презирают народ, видя в нем только невежественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно в работе и голоде, такие люди теперь не стоят возражений: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вместе. Люди, которые смотрят на народ человечнее, но думают, что по причине его невежества и необразованности он не заслуживает изучения и что вовсе нечему учиться у него, такие люди, конечно, ошибаются, и с ними мы готовы всегда спорить. Но еще больше их ошибаются те, которые думают, что народ нисколько не нуждается в уроках образованных классов и что может от них только портиться нравственно. Нет, господа мистические философы, нуждается, да еще как! Народ — вечно ребенок, всегда несовершеннолетен. Бывают у него минуты великой силы и великой мудрости в действии, но это минуты увлечения, энтузиазма. Но и в эти редкие минуты он добр и жесток, великодушен и мстителен, человек и зверь. Никакая личность не сравнится с ним в эти минуты ни в способности ясно видеть истину, ни в способности грубо заблуждаться, ни

в добре, ни в зле, ни в гениальности, ни в ограниченности. Эта сила природная, естественная, непосредственная, великая и ничтожная, благородная и низкая, мудрая и слепая в ее торжественных проявлениях. Это — море, величественное и в тишине и в буре, но никогда не зависящее от самого себя, никогда не управляющее само собою: ветер его повелитель... Просвещение и образование никогда не могут лишить народ его силы и очень могут исправить или по крайней мере смягчить его недостатки» (*Б,* X, 367—369).

В этой же статье, откликаясь на слухи о том, что вопрос о ликвидации крепостных отношений вновь находится в центре внимания правительства (см. выше, стр. 535 и далее стр. 539), Б., в необычных для него тонах официально оптимистической фразеологии, обращает внимание на то, что «старые основы общественной жизни, которые уже заржавели от времени и могли бы только затормозить колеса великой государственной машины и остановить ее движение вперед», с некоторого времени «мудро отстраняются мало-помалу, без всякого сотрясения в общественном организме». Б. хочет верить, что правительство обратило, наконец, «особенное внимание на положение и быт народа»: «Вот истинное продолжение великого дела Петра! Это именно то самое, за что бы теперь взялся сам великий преобразователь России, если б он мог восстать из гроба, и о чем не только в его время, но и долго после него нельзя было и думать» (*Б,* X, 366).

Рецензируя в этом же номере книгу Иакинфа Бичурина «Китай в гражданском и нравственном отношении», Б. передавал свои впечатления в такой форме, что для внимательного читателя не могло быть никаких сомнений в том, что речь шла не столько о Китае начала XIX в., сколько о России, скованной самодержавно-крепостнической диктатурой и ждущей нового Петра (см. выше рецензию на «Сельское чтение»): «Вглядитесь в устройство этого странного государства, и вам с первого взгляда может показаться, что это какое-то исключение из общего порядка азиятской жизни, что у него нет ничего общего с другими азиятскими государствами, что, наконец, это чисто европейское государство. В нем ничего нет оставленного на произвол судьбы и людей, все отношения определены, все юридические случайности предупреждены и обсуждены, на все существуют положительные законы; машина администрации самая многосложная и вместе с тем правильная, строго систематическая; законы нередко отзываются человеколюбием и, по-видимому, представляют верные гарантии жизни, чести и благосостоянию честных людей всех званий, от высших до низших <...> Но, увы, это только мираж, разлетающийся прежде, чем вглядишься в него! Это такой же призрак, как и политическое могущество Китая <...> Все эти законы и гарантии хороши только на бумаге, а на деле служат только

к обогащению берущих взятки и утеснению дающих взятки <...> Взяточничество — основа китайского судопроизводства. Там это уже не злоупотребление, не порок, не язва общественного тела (язва может быть только на здоровом теле, а не на таком, которое все — в язвах) <...> Китай — страна неподвижности; вот ключ к разгадке всего, что в нем есть загадочного, странного. Тут ничего нет проникнутого идеей государственного и народного развития; все держится на закоснелом обычае» («*С*», 1848, I, отд. 3, 46—49; *БВ*, XI, 153—158). Важнейшие формулировки статьи о книге Иакинфа непосредственно вытекали из зальцбруннского письма Б. к Гоголю.

1847—1848

Шеф жандармов генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов в «Отчете о действиях III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1847 год» доводит до сведения императора Николая I: «В течение прошедшего года главным предметом рассуждений во всех обществах была непонятная уверенность, что вашему величеству непременно угодно дать полную свободу крепостным людям. Эта уверенность поселила во всех сословиях опасение, что от внезапного изменения существующего порядка вещей произойдет неповиновение, смуты и даже самое буйство между крестьянами. Осчастливленный доверенностью вашего величества и зная истинные намерения ваши, я лично и чрез другие находящиеся в моих руках средства старался быть оплотом против распространения подобного мнения. Я внушал и уверял всех и каждого, что ваше императорское величество и не думаете о внезапном перевороте; что различные указы и постановления, изданные в последнее время насчет крестьян, суть только предшественники таким мерам, которые улучшили бы быт их, не нарушая необходимой и умеренной власти помещиков, — одним словом, что заботы вашего величества клонятся единственно к ненарушимому правосудию, к удержанию порядка и общественного спокойствия. Но в то самое время, когда я действовал сообразно известным мне мыслям и намерениям вашего величества, другими, мне неведомыми путями доходили и ныне еще доходят во все сословия такие рассказы и внушения, которые противоречат моим убеждениям. Эти рассказы находят столько веры в обществе, что составляют в оном непостижимое брожение умов, которое предотвратить я уже не имею возможности» («*Крестьянское движение*», 79—80). См. 1847, декабря около 10; 1848, февраля 15.

1848

Января 1. Выход в свет первой книжки «Современника» за 1848 г., содержащей начало последней программной литературно-критической статьи Б. «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» и пять его же рецензий (см. 1847, декабря 31).

В своей статье Б. характеризует новые достижения «натуральной школы», ее исторические корни, задачи и эстетику: «Натуральная школа стоит теперь на первом плане русской литературы. С одной стороны, нисколько не преувеличивая дела по каким-нибудь пристрастным увлечениям, мы можем сказать, что публика, то есть большинство читателей, за нее: это факт, а не предположение. Теперь вся литературная деятельность сосредоточилась в журналах, а какие журналы пользуются бо́льшею известностию, имеют более обширный круг читателей и бо̀льшее влияние на мнение публики, как не те, в которых помещаются произведения натуральной школы? Какие романы и повести читаются публикою с особенным интересом, как не те, которые принадлежат натуральной школе, или, лучше сказать, читаются ли публикою романы и повести, не принадлежащие к натуральной школе? Какая критика пользуется большим влиянием на мнение публики, или, лучше сказать, какая критика более сообразна с мнением и вкусом публики, как не та, которая стоит за натуральную школу против риторической? С другой стороны, о ком беспрестанно говорят, спорят, на кого беспрестанно нападают с ожесточением, как не на натуральную школу? Партии, ничего не имеющие между собою общего, в нападках на натуральную школу действуют согласно, единодушно, приписывают ей мнения, которых она чуждается, намерения, которых у ней никогда не было, ложно перетолковывают каждое ее слово, каждый ее шаг, то бранят ее с запальчивостию, забывая иногда приличие, то жалуются на нее чуть не со слезами <. . .> К этому должно прибавить, что школы, неприязненные натуральной, не в состоянии представить ни одного сколько-нибудь замечательного произведения, которое доказало бы делом, что можно писать хорошо, руководствуясь правилами, противоположными тем, которых держится натуральная школа. Все попытки их в этом роде послужили к торжеству натурализма и падению риторизма» (*Б,* X, 287—288).

Доказывая, что от первых сатир Кантемира до последних произведений писателей натуральной школы «смысл и душу истории нашей литературы» определяло и определяет «стремление к самобытности, народности», Б. полагает, что это стремление «сделаться естественною, натуральною» высшее свое выражение получило в произведениях Гоголя, опрокинувшего «старое и ветхое определение поэзии, как украшенной природы. К ним идет другое определение искусства —

как воспроизведения действительности во всей ее истине»: «Для этого нужно было обратить все внимание на толпу, на массу, изображать людей обыкновенных, а не приятные только исключения из общего правила, которые всегда соблазняют поэтов на идеализирование и носят на себе чужой отпечаток» (*Б,* X, 294). Анализируя причины ожесточенных нападок в реакционной печати на писателей натуральной школы, Б. особое внимание уделяет тем противникам последней, которые обвиняют молодых писателей в том, что они «любят изображать людей низкого звания, делают героями своих повестей мужиков, дворников, извозчиков, описывают у г л ы, убежища голодной нищеты».

«Что за охота наводнять литературу мужиками?» — восклицают аристократы известного разряда. В их глазах писатель — ремесленник, которому как что закажут, так он и делает. Им в голову не входит, что в отношении к выбору предметов сочинения писатель не может руководствоваться ни чуждою ему волею, ни даже собственным произволом, ибо искусство имеет свои законы, без уважения которых нельзя хорошо писать <. . .> Природа — вечный образец искусства, а величайший благороднейший предмет в природе — человек, а разве мужик — не человек? Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? — Как что? — Его душа, ум, сердце, страсти, склонности, — словом, все то же, что и в образованном человеке» (*Б,* X, 300).

«В наше время, — утверждает далее Б., — искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов, потому что в наше время эти вопросы стали общее, доступнее всем, яснее, сделались для всех интересом первой степени, стали во главе всех других вопросов». Не отрицая, что увлечение «решением общественных вопросов» в некоторых из последних произведений Жорж Санд привело, по общему мнению, к снижению их художественных достоинств, Б. доказывает, что «здесь беда произошла собственно не от влияния современных общественных вопросов, а от того, что автор существующую действительность хотел заменить утопиею и вследствие этого заставил искусство изображать мир, существующий только в его воображении. Таким образом, вместе с характерами возможными, с лицами всем знакомыми, он вывел характеры фантастические, лица небывалые, и роман у него смешался со сказкою, натуральное заслонилось неестественным, поэзия смешалась с риторикою». Доказывая, что «чистого, отрешенного, безусловного или, как говорят философы, а б с о л ю т н о г о искусства, никогда и нигде не существовало» (*Б,* X, 306—307), Б. полагает, что «отнимать у искусства право служить общественным интересам, значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, то есть мысли, де-

лать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев. Это значит даже убивать его, чему доказательством может служить жалкое положение живописи нашего времени. Как будто не замечая кипящей вокруг него жизни, с закрытыми глазами на все живое, современное, действительное, это искусство ищет вдохновения в отжившем прошедшем, берет оттуда готовые идеалы, к которым люди давно уже охладели, которые никого уже не интересуют, не греют, ни в ком не пробуждают живого сочувствия» (*Б,* X, 311).

Подчеркивая «тот факт, что в лице писателей натуральной школы русская литература пошла по пути истинному и настоящему, обратилась к самобытным источникам вдохновения и идеалов и через это сделалась и современною и русскою», Б. не сомневается в том, что «с этого пути она уже не сойдет, потому что это прямой путь к самобытности, к освобождению от всяких чуждых и посторонних влияний» (*Б,* X, 314; ср. «*С*», 1848, I, отд. III, 1—39).

Января 1. П. Н. Кудрявцев, отвечая на письмо Б. от 8 ноября 1847 г., благодарит за приглашение участвовать в «Современнике» и просит извинить его за неприезд из Берлина к Б. в Зальцбрунн. Из-за отсутствия у него адреса Б. он не мог посетить последнего и в Петербурге, на обратном пути из-за границы в Москву (*Бик,* 145—146). См. января 4 и 22.

Января 4. Б. в письме к А. Д. Галахову по поводу его критического обзора «Русская литература в 1847 г.» в «Отечественных записках», 1848, № 1, отмечает свое несогласие с недооценкой в статье Галахова романа Гончарова «Обыкновенная история»: «Кто прочтет общую часть и моей и вашей статьи, тот, право, подумает, что мы согласились говорить одно и то же. Но как только дойдет дело до оценки литературных произведений, тогда — иная история: посылай за стариком Белинским, а без него плохо» (*Б,* XII, 465). В этом же письме Б. недоумевает по поводу молчания Кудрявцева на предложение Б. принять участие в «Современнике» и получить гонорар за повесть «Без рассвета», присланную им для альманаха, проектировавшегося Белинским в 1846 г. Воспользоваться этим гонораром Б. отказывается, так как считает свое материальное положение более или менее упроченным: «На нынешний год я получаю 12000, а главное — впереди у меня пока не тьма кромешная, как было в то время, когда я в издании альманаха видел единственное средство к спасению от голодной смерти» (*Б,* XII, 464—465). См. января 1.

Января 4. Ф. Ф. Корф в «С.-Петербургских ведомостях», в фельетоне «Петербургская летопись» сочувственно цитирует

статью Б. «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» (*«СПб. ведомости»,* 1848, № 3).

Января около 5. В Петербург приезжает Боткин, которого Б. с нетерпением ожидал в течение нескольких недель (*Б,* XII, 435, 442; *Анненков и его друзья,* 554). В спорах с Боткиным Б. вновь возвращается к полемике московских буржуазных либералов с Герценом и Бакуниным. См. февраля 15, а также 1847, декабря около 5.

Января 10. Булгарин в «Северной пчеле» полемизирует с суждениями Б. о натуральной школе во «Взгляде на русскую литературу 1847 г.» (*СП,* 1848, № 7).

Января 11. А. Д. Галахов в записке к Б., во-первых, обещает «скоро, подробно и дружески» ответить на полученное им письмо Б. (см. января 4) и, во-вторых, просит не упоминать во «Взгляде на русскую литературу 1847 г.» о его повести «Кукольная комедия», если Б. не сможет сказать о ней «доброго слова» (*Бик,* 45).

Января около 15. Резкое ухудшение здоровья Б. Его мучает «сухой и нервический кашель», озноб и общее истощение (*Б,* XII, 465). В один из последних своих выходов из дому Б., уже тяжело больной, посещает А. Я. Панаеву, чтобы поделиться с нею своими положительными впечатлениями от ее повести «Семейство Тальниковых», которую он прочел в корректурных листах (*А. Панаева,* 187—188; *Некрасов,* X, 108—109). Повесть предназначалась для «Иллюстрированного альманаха». См. февраля 26.

Января 17. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 2. С. П. Шевырев в статье об «Очерке истории русской поэзии» А. Милюкова полемизирует с положительными отзывами об этой книжке в «Отечественных записках» и в «Современнике» («*М*», 1848, № 2, 216). См. 1847, апреля 16.

Января 22. А. В. Никитенко отмечает в своем дневнике: «Булгарин, Калашников и Борис Федоров не устают распространять самые черные клеветы на «Современник». Булгарин каждую неделю разными намеками дает знать в «Северной пчеле», что «Современник» зловредный журнал» (*А. Никитенко,* I, 309).

Января 22. Некрасов сообщает в письме к А. В. Никитенко, что, ввиду болезни Б., во второй книжке «Современника» не будет окончания статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» (*Некрасов,* X, 103). См. января 31.

Января 22. П. Н. Кудрявцев, отвечая Б. на письмо его к Галахову от 4 января, «сдается на резоны Б.» и соглашается получить гонорар за свою повесть «Без рассвета», опублико-

ванную в «Современнике». Однако Кудрявцев просит не рассчитывать на его участие в последнем, так как чувствует себя выбитым на долгое время из колеи событиями, связанными с отставкой гр. Строганова и с предстоящим уходом из университета Грановского (*Бик,* 146—147). См. 1847, ноября 20.

Января 23. Л. В. Брант (Я. Я. Я.) солидаризируется в «Северной пчеле» с отрицательной характеристикой статей Б., данной в «Московском учено-литературном сборнике» (*СП,* 1848, № 18).

Января 24. Булгарин в «Северной пчеле», протестуя против возвеличивания натуральной школы и толкования слова «прогресс» во «Взгляде на русскую литературу» Белинского, заключает свой фельетон словами: «Хорош прогресс! Да где же он? Ужели в «Отечественных записках», в нынешнем «Современнике» и в «Петербургском сборнике», в творениях господ Некрасова, Белинского, Тургенева, Достоевского, Майкова, Гончарова, Григоровича и tutti quanti» (*СП,* 1848, № 19). См. марта 29.

Января 27. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 3. В заметке А. Студитского резкие выпады против «мизославян, не видящих заслуг Державина» («*М*», III, 37—38).

Января 29. Н. Г. Фролов, характеризуя в письме к Грановскому положение дел в «Современнике», сообщает: «Здесь совершается (если не на глазах моих, то слышу об этом) печальная драма с больным Белинским. Человек обессилел, изнурен, бьется еще; хочет еще делать что-нибудь, а сил физических более нет, и начинает уже жить иллюзиями, самообольщением, откладываниями... Все это страшно печально. Вдобавок, тут много вещей спутанных и неразрешимых... Василий Петрович (дипломат) <Боткин> зовет меня знакомиться с Краевским!! Впрочем, ты дельно сказал: «Гг. Современники, монополия у нас не должна быть» (*ЛН,* т. 56, 194).

Января 30. Б. письменно подтверждает получение им извещения Пензенского дворянского собрания об утверждении его в правах на дворянство (*PC,* 1899, IV, 203).

Января 31. Цензур. разреш. «Современника» № 2. В номере четыре рецензии Б.: «Несколько слов о чтении романов»; «Новая библиотека для воспитания, изд. П. Редкиным. Кн. VIII и IX»; «Благовоспитанное дитя, или Как должно себя вести. Соч. Жозефины Лебассю, изд. 2-е»; «Детский птичник, или Описание любопытнейших птиц и зверей. Вечер в пансионе. Повесть для детей». Все рецензии опубликованы анонимно *.

В особом извещении «От редакции» отмечалось: «Вторая статья «О русской литературе 1847 г.», по некоторым обстоя-

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Рисунок с натуры Е. А. Языковой. 1843.
Копия А. Редера. 1858

тельствам, не могла войти в состав второго нумера «Современника» и будет помещена в третьем» («*С*», 1848, III, стр. 19 особой пагинации).

Февраля 1. Цензур. разреш. «Сына отечества» № 2. К. Масальский, отмечая в «Ответе «Современнику» и «Отечественным записках» разрыв Белинского с Краевским, полемизирует с рецензией Б. на «Сельское чтение» (см. 1847, декабря 31) и с его же определением слова «прогресс» в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» (*СО,* 1848, № 2, отд. VI, 1—12). См. марта 29.

Февраля 5. Публикация в «Литературной газете» анонимной статьи «Очерк библиографической истории русской словесности 1847 г.», в которой утверждалось, что «критика в «Современнике» вообще слаба и не обозначила еще своего духа и направления, не высказала начал, которым она следует» (*ЛГ,* 1848, № 6).

Февраля 6. И. И. Панаев пишет Огареву: «Б. плоховат — и писать совсем почти не может. Он нас называет мальчишками, потому что мы люди хорошего тона, ездим к m-lle Пешель, хорошо одеваемся, бросаем букеты и проч.» (*Новые Пропилеи,* I, 19).

Февраля 7. Булгарин в «Северной пчеле» выражает уверенность, что большая часть читателей разделяет его точку зрения на «Отечественные записки» и «Современник», которые «истощили все свое красноречие в превознесении своих прелестей и своего литературного направления» (*СП,* 1848, № 30).

Февраля 10. Некрасов письменно предупреждает А. В. Никитенко: «Насчет русской критики мы на днях определим ясно отношения свои к Белинскому, который все продолжает хворать, и представим вам Дудышкина». В этом же письме Некрасов сообщает, что число подписчиков на «Современник» уже «около двух тысяч пятисот» (*Некрасов,* X, 108). О высокой оценке Белинским статей Дудышкина в «Отечественных записках» см. «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» (*Б,* X, 355).

Февраля около 11. В III Отделение поступает анонимный донос на вредное направление журналов «Современник» и «Отечественные записки». Отмечая особое значение в этих изданиях статей Б., аноним обращает внимание на систематический подрыв благодаря им «уважения к нашим старым писателям»: «Нет сомнения, что Белинский и его последователи нисколько не имеют в виду коммунизма, но в их сочинениях есть что-то похожее на коммунизм, а молодое поколение может от них сделаться вполне коммунистическим» (*М. Лемке,* 174). См. февраля 23.

Февраля 12. Д. П. Иванов, отвечая на письмо Б. от 10 декабря, горячо поддерживает проект переселения Б. в Москву и предварительной поездки на лето в Чембар и Пачелму. Письмо это отправляется Б. «с оказией», через В. П. Иванову (*ЛН,* т. 57, 239—240).

Февраля 14. Булгарин в «Северной пчеле» иронизирует по поводу «преклонения Белинского перед Гоголем» и обещания им «ряда статей» о последнем (*СП,* 1848, № 36).

Февраля 14—15. Б. «через силу» диктует жене продолжение статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» (*Б,* XII, 465).

Февраля 15 (27). П. В. Анненков в письме к братьям из Парижа передает свои впечатления от первых дней революции. Этот отчет о том, что «произошло у него перед глазами», он просит показать Белинскому (*«Историч. сборник»,* № 4, 1935, 245—247). См. февраля 17—20.

Февраля 15. Б., несмотря на тяжелое болезненное состояние, диктует жене письмо к Анненкову, чтобы не упустить случая отправить письмо за границу «помимо русской почты» <через И. В. Селиванова?>. Возвращаясь к парижским спорам по поводу «Писем из Avenue Marigny» Герцена, Б. настаивает на несостоятельности «мистического верования в народ», пропагандируемого Бакуниным и славянофилами: «Где и когда народ освободил себя? Всегда и все делалось через личности <...> Вся будущность Франции в руках буржуази, всякий прогресс зависит от нее одной, и народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль <. . .> Теперь ясно видно, что процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази». Б. утверждает, что «лучшие из славянофилов» смотрят на народ совершенно так, как и Бакунин, «высосав» свои иллюзии из произведений Жорж Санд и Луи Блана. Негодуя и на Руссо, как учителя всех утопистов, Б. противопоставляет ему Вольтера, повести которого он только что прочел: «Какая горячая симпатия ко всему человеческому, разумному, к бедствиям простого народа! Что он сделал для человечества! Правда, он иногда называет народ «vil populace» <низменная чернь>, но за то, что народ невежествен, суеверен, изувер, кровожаден, любит пытки и казни».

Б. считает новые рассказы Тургенева из цикла «Записки охотника» («Лебедянь», «Малиновая вода», «Уездный лекарь») менее значительными, чем прежние; «больше других» ему понравились «Бирюк», «Смерть», «Татьяна Борисовна и ее племянник». Попутно Б. замечает, что в своих рассказах Тургенев «пересаливает в употреблении слов орловского

языка, даже от себя употребляя слово: зеленя, которое так же бессмысленно, как лесеня и хлебеня вместо леса и хлеба». Б. высоко оценивает «Рассказ Алексея Дмитриевича» Дружинина и совершенно разочарован в Достоевском (его повесть «Хозяйка» — «ерунда страшная», «каждое его новое произведение — новое падение»; «надулись же мы, друг мой, с Достоевским — гением!»). Критически разбирая повесть Анненкова «Она погибнет», присланную для «Современника», Б. рекомендует коренным образом ее переработать. Б. сообщает, что «дело об освобождении крестьян идет и вперед не подвигается. На днях прошел в Государственном совете закон, позволяющий крепостному крестьянину иметь собственность, — с позволения своего помещика» (*Б,* XII, 465—468). См. марта 3.

Февраля 17. Боткин, посылая с оказией <через И. В. Селиванова?> письмо в Париж к Анненкову, сообщает, что «Б. опять стал худ и так слаб, что тяжело смотреть на него. Я не знаю, что думать о его болезни; вижу только, что он очень нехорош, хотя в то же время прямой опасности не замечаю». Боткин не согласен с недооценкою в высказываниях Б. последних рассказов Тургенева из цикла «Записки охотника» (*Анненков и его друзья,* 554—555).

Февраля 17—20. Б. и все его друзья с напряженным вниманием следят по газетам за развитием событий в Париже. Боткин, высоко расценивая тактику лидеров оппозиционной буржуазии, с удовлетворением отмечает правильность своей критики «Писем из Avenue Marigny» Герцена (*Анненков и его друзья,* 554).

Белинский явно не принимает этих утверждений. Признавая во «Взгляде на русскую литературу 1847 г.», что «Письма из Avenue Marigny» «были встречены некоторыми читателями почти с неудовольствием, хотя в большинстве нашли только одобрение», Б. полагал, что Герцен «невольно впал в ошибочность», лишь «слишком тесно поняв значение слова «bourgeoisie». Он разумеет под этим словом только богатых капиталистов и исключает из нее самую многочисленную и потому самую важную массу этого сословия» («*С*», 1848, кн. III, стр. 41; ср. *Б,* X, 353—354).

Февраля 20. В Петербурге распространяются слухи о «низвержении Орлеанской династии и о третьей революции во Франции» (*РА,* 1910, III, 219). В этот же день М. М. Попов официально уведомляет Б. о желании познакомиться с ним управляющего III Отделением генерал-лейтенанта Л. В. Дубельта. Для этого он просит Белинского «пожаловать в свободный день в III Отделение, между 12 и 2 часами дня» (*РС,* 1882, XI, 434; ср. *«Былое»,* 1906, X, 285). Б., приведенный в большое смущение и «даже напуганный» этим приглаше-

нием, в записке на имя Попова, переданной через жандарма, отвечает, что тяжелое болезненное состояние не позволяет ему «выходить из дому» (*Б*, XII, 469). Записка Б. к Попову не сохранилась.

Февраля 20—21? Б., в ожидании обыска и ареста перебирает свой архив, «беспощадно» уничтожая почти все, что могло бы политически компрометировать его самого или его друзей (*Некрасов*, X, 124; *ЛН*, 56, 202).

Февраля около 22. Публикация в Лондоне «Манифеста коммунистической партии» (*Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса*, V, 1929, 488—489).

Февраля 22. Николай I объявляет в Петербурге на придворном балу о провозглашении во Франции республики (*«Россия в 1848 году»*, 47—48).

Февраля 23. Шеф жандармов и главный начальник III Отделения граф А. Ф. Орлов представляет Николаю I докладную записку об «особенном характере новой нашей журналистики». Характеризуя направление «Современника» и «Отечественных записок», А. Ф. Орлов подчеркивает роль в них Б., который «всегда отличался от других критиков грубым тоном и резкостью своих суждений <. . .> Белинский столь громко и столь настоятельно провозглашал свои мнения, что ныне почти все молодые писатели наши считают за ничто старую знаменитость в нашей литературе». Б. и его последователи, «нисколько не имея в виду ни политики, ни коммунизма, в молодом поколении могут легко поселить мысли о политических вопросах Запада и коммунизме». Все это обусловливает необходимость постановки вопроса об «усилении строгости и цензурного устава и надзора за самими цензорами», с обращением особого внимания на статьи Б., которые должны быть «прежде отпечатания подвергаемы наистрожайшему просмотру» (*М. Лемке*, 175—177).

Февраля 24. Первая печатная информация в «Северной пчеле» о «Парижских происшествиях» (*СП*, 1848, *особое прибавление* к № 42). Б., как рассказывает В. А. Панаев, с жадностию ловит рассказы и слухи о событиях в Париже (*РС*, 1901, IX, 503).

Февраля 24. Статс-секретарь барон М. А. Корф представляет наследнику цесаревичу Александру Николаевичу особую докладную записку о журналистике и цензуре. В этой записке Корф, под впечатлением «настоящих ужасных происшествий на западе Европы», обращает внимание высшей власти «на журнальную нашу литературу, которая в случае ложного или

недовольно осмотрительного направления ее может произвести самые гибельные последствия» (*ГМ,* 1913, III, 219—221). Записка Корфа учтена была при организации Особого комитета по надзору за печатью. См. февраля 27.

Февраля 25. Публикация в «Северной пчеле» подробностей о восстании в Париже, на основании материалов немецких газет (*СП,* 1848, № 43). Французская революция, писал П. В. Анненков, показалась Белинскому «неожиданностью, оскорбительной для репутации тех умов, которые занимались изучением общественного положения Франции и не видели ее приближения». Б. «горько пенял на своих парижских друзей, даже и не заикнувшихся перед ним о возможности близкого политического переворота, который, как оказалось, и был настоящим делом эпохи» (*П. Анненков,* 595). По свидетельству Герцена, «зарево революции» Б. «принимает за занимающееся утро» (*Герцен,* IX, 34).

Февраля 26. Цензур. разреш. «Иллюстрированного альманаха». Отпечатанный в качестве бесплатного приложения к «Современнику», альманах, в связи с революционными событиями во Франции, не был допущен к распространению высшими цензурно-полицейскими органами. В одном из шаржей Н. А. Степанова на современных писателей и журналистов в «Иллюстрированном альманахе» изображен был Белинский, недоуменно рассматривающий книжку журнала. Подпись обнажала политический смысл карикатуры: «Своей собственной статьи не узнаю в печати».

Февраля 27. Повеление Николая I об учреждении Особого комитета для надзора над цензурой и повременной печатью, под председательством генерал-адъютанта кн. А. С. Меншикова (*М. Лемке,* 177). См. февраля 23 и 24.

«Цель и значение этого комитета, — отмечал в своем дневнике А. В. Никитенко, — были облечены таинственностью, и оттого он казался еще страшнее. Наконец постепенно выяснилось, что комитет учрежден для исследования нынешнего направления русской литературы, преимущественно журналов, и для выработки мер обуздания ее на будущее время. Панический страх овладел умами. Распространились слухи, что комитет особенно занят отыскиванием вредных идей коммунизма, социализма, всякого либерализма, истолкованием их и измышлением жестоких наказаний лицам, которые излагали их печатно или с ведома которых они проникли в публику. «Отечественные записки» и «Современник», как водится, поставлены были во главе виновников распространения этих идей. Министр народного просвещения не был приглашен в заседания комитета; ни от кого не требовали объяснений; никому не дали знать, в чем его обвиняют, а между тем обвинения были тяжкие. Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионства еще более усложняли дело. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним в кругу родных и друзей» (*А. Никитенко,* 311—312).

Февраля 27. Б. Р<озен>, рецензируя в «Северной пчеле» новое издание сочинений Марлинского, вышучивал Б. в строках: «Если б Аполлон одарил нас гениальною смелостью г. Белинского, то мы, обрадовавшись случаю потолковать о компактном издании четверотомном, написали бы или по крайней мере обещали бы публике целый ряд критических статей» (*СП,* 1848, № 45).

Февраля 29. Цензур. разреш. «Современника» № 3. В номере обзор Б. «Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая и последняя (Значение романа и повести в настоящее время. — Замечательные романы и повести прошлого года и характеристика современных русских беллетристов: Искандер, Гончаров, Тургенев, Даль, Григорович, Дружинин. — Новое сочинение г. Достоевского «Хозяйка». — «Путевые заметки» г-жи Т. Ч. — Рассказы о сибирских золотых промыслах г. Небольсина. — Испанские письма г. Боткина. — Замечательные ученые статьи прошлого года. — Замечательные критические статьи. — Г-н Шевырев. — Полное собрание русских авторов, А. Смирдина)». Подпись: В. Белинский. См. 1847, декабря 31.

Доказывая, что «роман и повесть стали теперь во главе всех других родов поэзии», ибо в них «лучше, удобнее, нежели в каком-нибудь другом роде поэзии, вымысел сливается с действительностию, художественное изобретение смешивается с простым, лишь бы верным, списываньем с натуры», Б. «первое место» отводит в ряду произведений 1847 г. романам «Кто виноват?» Искандера-Герцена и «Обыкновенная история» Гончарова. Критический разбор этих романов позволяет Б. утверждать, что «главная сила» Герцена как писателя «не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанной и развитой. Могущество этой мысли — главная сила его таланта». Через все произведения Герцена проходит «мысль о достоинстве человеческом, которое унижается предрассудками, невежеством, и унижается то несправедливостью человека к своему ближнему, то собственным, добровольным искажением самого себя <...> Искандер — по преимуществу поэт гуманности» (*Б,* X, 318—320). Как «совершенную противоположность Герцену» Б. понимает особенности литературного дарования Гончарова: «Он поэт-художник и больше ничего. У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю <...> Из всех нынешних писателей он один, только он один приближается к идеалу чистого искусства, тогда как все другие отошли от него на неизмеримое пространство» (*Б*, X, 326—327). «В таланте Искандера поэзия — агент второстепенный, а главный — мысль; в таланте г. Гончарова поэзия — агент первый и единственный»

(*Б,* X, 344). Положительно характеризуя вслед за тем особенности мастерства Тургенева и успех его первых семи рассказов из цикла «Записки охотника», Б. подчеркивает большое значение повестей «Антон Горемыка» Григоровича, «Поленька Сакс» Дружинина и «Павел Алексеевич Игривой» Даля, вовсе не упоминает о «Противоречиях» Салтыкова (см. 1847, ноября 1), а к «менее замечательным произведениям» 1847 г. относит новые повести Вельтмана, Кудрявцева, рассказы Анненкова, Галахова и А. Я. Марченко (Т. Ч.). Резко отрицательно отзывается Б. о «Хозяйке» Достоевского: «Во всей этой повести нет ни одного простого и живого слова или выражения; все изысканно, натянуто, на ходулях, поддельно и фальшиво <...> Что это такое — злоупотребление или бедность таланта, который хочет подняться не по силам, и потому боится идти обыкновенным путем и ищет себе какой-то небывалой дороги? Не знаем» (*Б,* X, 351).

Как «замечательнейшее явление нашей ученой литературы» Б. отмечает статьи К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» и А. П. Заблоцкого-Десятовского «О причинах колебания цен на хлеб в России». Высоко положительно оценены в обзоре Б. и «Письма из «Avenue Marigny» Герцена (см. февраля 17—20), «Письма об Испании» Боткина, «Пролетариат и пауперизм в Англии и во Франции» В. А. Милютина, «Уголовное дело во Франции» В. С. Порошина и др. («С», 1848, № 3, отд. III, 1—46; ср. *Б,* X, 315—359).

Февраль — март. Б. принимает у себя А. М. Берха, шестнадцатилетнего воспитанника военно-инженерного училища, и, несмотря на свое болезненное состояние, усердно занимается расширением его политического кругозора (*Белинский,* 1949, 236—237). См. 1846 г., июля 22.

Февраль — март. Больного Белинского посещает А. В. Дружинин, вспоминавший впоследствии, с каким мужеством переносил Б. свое тяжелое состояние: «Мучимый постоянною изнурительною лихорадкою, не имея возможности дышать свежим воздухом, Б. не сказал при нас ни одного слова о своей болезни <...> Он любил говорить о политических событиях, расспрашивал про городские новости, но главный и любимый разговор его был о русской литературе, старой и новой со всеми ее светлыми и мрачными, утешительными и безобразными сторонами» (*БдЧ,* 1860, I, отд. Критика, 12).

Марта 1. Публикация в ОЗ № 3 повести М. Е. Салтыкова «Запутанное дело». Повесть эта, как свидетельствуют воспоминания А. Я. Панаевой, предназначалась автором для «С», но Панаев ее отклонил, опасаясь больших цензурных осложнений (*А. Панаева,* 393 и 477; *С. Макашин,* 272—276). См. апреля 27.

Марта 3. Указ Николая I Сенату о предоставлении «помещичьим крестьянам и вообще крепостным людям прав покупки, с согласия своих помещиков, земель, домов, лавок и всякого рода недвижимых имуществ» (*ОЗ*, 1848, № 3, отд. V, 3). См. февраля 15.

Марта 6. Булгарин в секретной записке о распространении некоторыми органами периодической печати коммунизма в России, представленной им Управляющему III Отделением ген. Л. В. Дубельту, полагает необходимым запретить Краевскому и Никитенко быть редакторами журналов, а «Отечественные записки» и «Современник» («ибо «Современник» есть эхо «Отечественных записок») немедленно закрыть: «Это даст острастку всем писакам и всей шайке коммунистской <...> Пока будут действовать Краевский, Никитенко и Белинский, в литературе чумы не истребить» (*ГМ,* 1913, III, 227).

Марта 14. Манифест Николая I о революционных событиях в Западной Европе и о готовности русского правительства выступить на борьбу с «мятежом и безначалием» (*«Русский инвалид»*, 1848, № 60).

Марта около 14. Боткин выезжает из Петербурга в Москву * (*Некрасов*, X, III).

Марта 16. Смерть П. С. Мочалова.

Б., откликаясь на эту потерю, писал: «В мире искусства Мочалов пример поучительный и грустный. Он доказал собою, что одни природные средства, как бы они ни были огромны, но без искусства и науки, доставляют торжества только временные, и часто человек их лишается именно в ту эпоху своей жизни, когда бы им следовало быть в полном их развитии». С грустью отмечая, что Мочалову недоставало «изучения своего искусства, чтобы быть истинным чудом сценического искусства», Б. заключал, что великий русский актер «давно уже шел назад, вместо того, чтобы идти вперед. В 1846 г. Мочалова едва узнавали на сцене не видавшие его лет шесть» (*Б*, X, 392). См. марта 31.

Марта 19. Редактор «Современника» А. В. Никитенко, отвечая на специальный запрос, осведомляет председателя С.-Петербургского цензурного комитета, что статью «Обзор русской литературы за 1847 г.», обратившую на себя внимание министра народного просвещения, «писал Виссарион Белинский» (*ЛН,* т. 57, 289). См. марта 29.

Марта 27. Секретное дознание об авторе «безыменного письма с возмутительными предсказаниями насчет будущего в России» обусловливает вторичный вызов Белинского в III Отделение (*«Былое»,* 1906, X, 280—287; ср. *В. Евгеньев-Максимов. «Современник в 40—50 гг.»,* 1934, 240).

Предупреждая Б., чтобы он не опасался в связи с этим вызовом никаких репрессий, М. М. Попов разъяснял ему: «Вы

как литератор пользуетесь известностью, об вас часто говорят: очень естественно, что управляющий III Отделением и член Цензурного комитета желает узнать вас лично и даже сблизиться с вами» (*РС,* 1882, XI, 435; ср. *«Былое»*, 1906, X, 285).

Марта 27. Б., получив вызов в III Отделение, «в страшном волнении и беспокойстве, задыхающимся от волнения и от слабости голосом», просит Н. Н. Тютчева съездить к Попову и выяснить, «для чего его требуют» (*БЛ,* III, 450). В письме к Попову, пересланном через Тютчева, Б., ссылаясь на свое тяжелое физическое состояние, вновь просит о разрешении отсрочить непосильный для него сейчас визит к управляющему III Отделением: «Со спины моей не сходят мушки да горчичники, и я с трудом хожу по комнате» (*Б,* XII, 469).

М. М. Попов, приняв Тютчева, просил успокоить Б. и передать ему, что Л. В. Дубельт, как «хозяин русской литературы», вызывал его только для того, чтобы «лично с ним познакомиться» (*БЛ,* III, 450—451).

Марта 28? Докладная записка М. М. Попова на имя генерала Дубельта о том, что почерк Белинского, как свидетельствует прилагаемое письмо последнего (см. марта 27), не сходен с почерком политического «безымянного письма», о котором производится дознание. Учитывая болезненное состояние Б., Попов счел возможным предложить ему «не беспокоиться» и прибыть в III Отделение, «когда дозволит его здоровье, хотя бы через месяц или через два» (*«Былое»,* 1906, X, 287).

Марта 29. В протоколе комитета, учрежденного под председательством генерал-адъютанта князя А. С. Меншикова для рассмотрения действий цензуры, обращено особое внимание на суждения Б. о слове «прогресс» в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.». Протокол этот был представлен Николаю I (*ГМ,* 1913, IV, 213—214). См. января 24 и февраля 1.

Марта 31. Цензур. разреш. «Современника» № 4. В номере последние публикации Б.: «Павел Степанович Мочалов (некролог)» и две рецензии: «Црини. Трагедия в 5 действиях. Соч. Кернера, перев. В. Мордвиновым»; «Рассказы детям из древнего мира, К. Ф. Беккера». Рецензии и некролог опубликованы без имени автора.

Последние критические разборы Б. посвящены переводным изданиям. В обеих рецензиях подчеркнуты их литературно-теоретические предпосылки. Трагедия Кернера «Црини» характеризуется как лирическая драма, а отнюдь не трагедия. Б. полагает, что «лиризм» — характернейший признак всей немецкой драматургии, ибо «в немецкой драме люди не действуют, а только говорят, высказывая свои мысли и воззрения или свои чувства по поводу того, о чем идет речь в драме. Таковы и трагедии самого Шиллера: лучшая сторона их — лирический

пафос, обильными волнами льющийся в стихах, как умеют писать только великие поэты. Второстепенные же немецкие таланты всегда остаются в своих драмах лириками, только никогда великими, местами замечательными, но в целом большею частию скучными» (*Б*, X, 381—383).

В рецензии на «Рассказы детям из древнего мира» Б. протестует против примитивного рационализма всех тех пересказов античных легенд, которым посвящена книга: «Ведь мы, взрослые, читаем хороший роман не как вымысел, а как быль, хотя и знаем, что это вымысел. Мы восхищаемся, принимаем участие в том или другом лице, боимся за него, иногда скорбим и плачем о его гибели и все-таки не думаем утешать себя, что это выдумка. Зачем же отнимать у детей это очарование, без которого у них не может быть никакого удовольствия в чтении этих поэм? Но ученый, г. Беккер, думает об этом совсем иначе. У него «Илиаду» и «Одиссею» рассказывает «милый» учитель, «милым» детям. А рассказывает он не только без всякого участия и теплоты, но с явною холодностию, не только без уважения, но с худо скрываемым презрением к предмету своего рассказа. Он беспрестанно прерывает себя, чтобы толковать «милым» детям, что ведь это все сказки, вздор; «милые» дети тоже беспрестанно прерывают его, чтобы объяснить все чудесное естественным образом. Какие «милые» маленькие критики-философы! Верно, из них выйдут со временем Лессинги! Увы, нет! Из них ничего не выйдет, кроме болтунов и резонеров. Чтобы сделаться знатоком в поэзии, а тем более критиком, надо сперва запастись поэтическими впечатлениями, прожить целый период не совсем отчетливого и разборчивого восторга. Дух критики придет сам со временем, мало-помалу овладеет человеком и научит его отличать посредственное от хорошего, хорошее от лучшего. Не только ребенок, молодой человек, приступающий к знакомству с поэзией прямо через критику, с готовыми своими или чужими мнениями, никогда не будет знать поэзии, и если у него от природы эстетическое чувство, не разовьет его, а заглушит» (*Б*, X, 387).

Марта 31. Цензур. разреш. «Москвитянина» № 4. В статье Шевырева «Ответы» резкая полемика с «Современником», заканчивающаяся выпадами против Б.: «Г-н Белинский занимается не столько критикой, сколько восхвалением всего того, что помещается в «Современнике». Но переход был ему полезен. Он стал фешьонабельнее в «Современнике». Какие белые у него перчатки! Какое достоинство! Какие претензии на тон важный, нравоучительный» («М», 1848, № 4, 122—123).

Апреля 2. Учреждение по повелению Николая I Особого секретного комитета для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и направлением печати.

Председателем комитета назначен был генерал-адъютант Д. П. Бутурлин, членами — М. А. Корф и П. И. Дегай (*РС*, 1900, III, 573).

Апреля 6. Редакторы журналов «Современник» и «Отечественные записки» дают «по высочайшему повелению» подписку в том, что впредь они под страхом наистрожайшего взыскания, как за государственное преступление, обязуются не допускать в своих изданиях «мыслей, могущих поселить в нашем отечестве правила коммунизма, неуважение к вековым и священным учреждениям, к заслугам людей, всеми почитаемых, к семейным обязанностям, повредить народной нравственности и вообще приготовить у нас те пагубные события, которыми ныне потрясены западные государства» (*ГМ*, 1913, IV, 219).

Апреля 19. СПб. цензурный комитет, ввиду отказа А. В. Никитенко от обязанностей ответственного редактора «Современника», утверждает в звании редактора И. И. Панаева (*И. Панаев*, 1928, XVII). См. объявление А. В. Никитенко о передаче им редакции Панаеву (*«СПб. ведомости»*, 1848, № 93).

Апреля 20. Министр народного просвещения предложил СПб. цензурному комитету потребовать от редакторов всех журналов именные сведения о всех их сотрудниках (*Летопись жизни Б.*, 243). См. мая 3.

Апреля около 20. Больного Белинского посетил приехавший в Петербург Кавелин. Б. «едва говорил, задыхался. Подтрунивая над толками о перевооружении Петропавловской крепости, Б. сострил: «Это из боязни, чтобы я ее не взял» (*К. Кавелин*, III, 1095).

Апреля 21. Булгарин в «Северной пчеле» иронически упоминает Искандера <Герцена> — «г е н и я «Отечественных записок» и «Современника», и Кольцова — «г е н и я, превознесенного г. Белинским в тех же журналах» (*СП*, 1848, № 87).

Апреля 25. И. И. Панаев как редактор «Современника» представляя в С.-Петербургский цензурный комитет, согласно требованию последнего, перечень сотрудников журнала, в особом «примечании» разъяснял: «До 3 № включительно в отделе литературной критики участвовал иногда г. Белинский; но по тяжелой и неизлечимой болезни ныне он вовсе не участвует в «Современнике» (*Летопись жизни Б., 243; ЛН*, т. 57, 290). Справка эта явно не соответствовала действительности, так как последние статьи Б. появились в «Современнике» № 4, а не № 3.

Апреля 27. Повеление Николая I о высылке из Петербурга в Вятку М. Е. Салтыкова, в повестях которого Бутурлинский комитет усмотрел «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Европу» (*РБиб,* 1915, VIII, 76—77). См. марта 1 и 1847, ноября 1.

Апреля 28. Булгарин в «Северной пчеле» продолжает иронизировать над тем, что Б. «провозгласил гением Кольцова» (*СП,* 1848, № 93). См. апреля 21.

Апрель — май. Резкое ухудшение физического состояния Б.

«К весне, — вспоминал Панаев, — болезнь начала действовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухали, изредка только горя лихорадочным огнем, грудь впала, он еле передвигал ноги и начинал дышать страшно. Даже присутствие друзей уже было ему в тягость. Я раз зашел к нему утром, это было или в последних числах апреля, или в первых мая. На двор, под деревья, вынесли диван — и Б. вывели подышать чистым воздухом. Я застал его уже на дворе. Он сидел на диване, опустя голову и тяжело дыша. Увидев меня, он грустно покачал головою и протянул мне руку, всю покрытую холодным потом. Через минуту он приподнял голову, взглянул на меня и сказал: «Плохо мне, плохо, Панаев!» Я начал было несколько слов в утешение, но он перебил меня: «Полноте говорить вздор». И снова, молча и тяжело дыша, опустил голову» (*И. Панаев,* 313—314).

Мая 1. Выход в свет «Современника» № 5. Ни одной статьи Б. в журнале уже не было.

Мая 3. С.-Петербургский цензурный комитет, представляя министру народного просвещения С. С. Уварову затребованный им перечень «Сотрудников всех выходящих журналов», включает в свою сводку и те сведения о Б., которые даны были Панаевым в его справке о «Современнике» (*ЛН,* т. 57, 290). См. апреля 25.

Мая 5. Некрасов, посылая Б. 262 руб. 50 коп. асс., в бухгалтерской выписке из «Счета «Современника» с г. Белинским», отмечал, что сверх 8000 руб. асс., уплоченных Белинскому за 1847 г., ему уже выдано было 5537 руб. в счет фиксированного гонорара за 1848 г. (*Некрасов,* XII, 61—62).

«Перед смертью Б., — как вспоминала А. В. Орлова, — денег в доме совсем не было. За квартиру и прислуге за несколько месяцев не заплачено; пришлось еще при жизни его продать рубашки, что он привез из-за границы» (*Лепта Б.,* 23).

Мая около 20. У Б. были А. П. и Н. Н. Тютчевы, которые застали его «полулежащим в кресле. Лицо у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящие; всякое дыхание его было стон, и встретил он нас словами: «Умираю,

совсем умираю», но это слово было выговорено не с убеждением, не с уверенностью, а скорее с желанием, чтобы его опровергли <...> Говорить он, разумеется, не мог, но его даже уж и не занимали и не могли расшевелить рассказы о тех предметах, которыми он прежде жил» (*ЛН,* т. 56, 196—197).

Мая 24. Б. целый день был в бреду (*Грановский,* 273).

Мая 25. Б. был в забытьи, но все же узнал приехавшего из Москвы Грановского. Протянув ему руку, Б. сказал: «Прощай, брат Грановский, умираю» (*Грановский,* 273).

Мая 26. В среду, в пять часов утра, Б. скончался (*«Современник»,* 1848, VI, *«Смесь»,* 173; *ОЗ,* 1848, IV, 157—158).

«Перед самой смертью, — как писала А. П. Тютчева 23 июня 1848 г. И. С. Тургеневу, — Белинский говорил два часа не переставая, как будто к русскому народу, и часто обращаясь к жене, просил ее все хорошенько запомнить и верно передать эти слова кому следует; но из этой длинной речи почти ничего уже нельзя было разобрать; потом он вдруг замолк и через полчаса мучительной агонии умер» (*ЛН,* т. 56, 197).

ПРИМЕЧАНИЯ
И
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

1811

Стр. 9. В метрических книгах Александро-Невской церкви Свеаборгской крепости время рождения Б. зарегистрировано было не 30 мая, а 1 июня 1811 г. (*«Новое время»* от 14 августа 1910, № 12364; *«Новое время»* от 2 января 1911, № 12603; *ИВ,* 1911, № 5, стр. 596—597).

Метрические записи в церковных книгах далеко не всегда отличались точностью, особенно в пределах одного-двух дней. Записи о дне рождения Белинского в церковных книгах противостоят показания отца и матери Белинского, свидетельства его самого в письмах и такой неоспоримый документ, как официальное обращение Г. Н. Белынского к великому князю Константину Павловичу от 31 мая 1811 г. с просьбою быть восприемником новорожденного сына Виссариона. Тем не менее ошибочные данные о дате рождения Белинского утвердились не только в массовой литературе о нем, но и в последней предреволюционной сводке генеалогических материалов о Белинском в примечаниях Е. А. Ляцкого к «Письмам Белинского» (т. III, 1914, стр. 352—354) и в первой советской «Летописи жизни Белинского» (М, 1924, стр. 3).

Стр. 10. «Ревизская сказка о причте села Белыни» от 2 марта 1795 г. и другие документальные материалы о семье Белынских, в том числе формулярный список о службе Г. Н. Белынского, опубликованы в сборнике «В. Г. Белинский, 1848—1948», Пензенское областное издательство, 1948, стр. 133—160 и 239—242.

1828

Стр. 20. В воспоминаниях Ф. И. Буслаева, которые П. П. Зеленецкий использовал в «Историческом очерке Пензенской первой гимназии» (1889) еще до их опубликования, время преподавания Белинским русской словесности в I классе отнесено к осени 1829, а не 1828 г. Но так как Буслаев поступил в гимназию в 1828 г., а осенью 1829 г. Белинский был уже не в Пензе, а в Москве, то нетрудно эту явную ошибку памяти Буслаева выправить. Гипотеза В. С. Нечаевой, что Белинский вел преподавание в августе 1829 г. (*В. Нечаева*, I, 253), противоречит, во-первых, точным данным об отъезде Б. из Пензы в декабре 1828 г. и о его выезде из Чембара в Москву около 12 августа 1829 г. и, во-вторых, свиде-

тельству Буслаева о том, что преподавание Б. продолжалось «несколько месяцев» (*Ф. И. Буслаев.* Мои воспоминания. 1897, стр. 46—47). Данные же о времени ухода из пензенской гимназии преподавателя русской словесности Шапошникова, которого временно заменял Б., позволяют установить, что Шапошников осенью 1828 г. еще числился в списках преподавателей пензенской гимназии, но вовсе не то, что он обязанности свои фактически исполнял.

1829—1832

Стр. 26. Б., делясь впечатлениями от актерского мастерства М. С. Щепкина, не упоминает о пьесах, в которых он видел великого актера. Судя по объявлениям в «Московских ведомостях», Щепкин 18 сентября 1829 г. выступал в комедии Загоскина «Благородный театр» в роли Любского; 19 сентября в комедии-водевиле «Молод и стар, женат и нет» в роли Брюксаля; 24 сентября в переводной комедии «Сонливый и проказник, или Шутка за шуткою» в роли Лангзальма; 29 сентября в комической опере Н. П. Семенова «Удача от неудачи, или Приключения в жидовской корчме» в роли Израиля; 7 октября в «Ябеде» Капниста в роли Кривосуда; 8 октября в водевиле Д. Ленского «Честный вор» в роли Дюроте (*МВед.,* 1829, №№ 75, 76, 78, 80).

Стр. 46. Д. П. Голохвастов назначен был помощником попечителя Московского Учебного Округа 16 ноября 1831 г. Правление Московского университета заслушало этот указ в заседании от 30 ноября 1831 г. (*ЛН,* т. 56, стр. 396 и 415).

1833

Стр. 59. В литературе о Б. в течение почти столетия бытовала легенда о том, что Б. перевел на русский язык роман Поль де Кока «Монфермельская молочница». Эта легенда основана была на неправильном соотнесении с фактами жизни Б. одного из признаний студента Беляева в пьесе Тургенева «Месяц в деревне» («*Современник*», 1855, № 1, стр. 76) и на обмолвке в воспоминаниях Прозорова «Белинский и Московский университет в его время» (*БдЧ,* 1859, XII, стр. 12). В книге А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» (*СПб.* 1876, ч. I, стр. 75—77) вымышленные данные о «Монфермельской молочнице» были еще более осложнены сообщением о действительно принадлежащем Б. переводе романа Поль де Кока «Магдалина». Перевод «Монфермельской молочницы» действительно вышел в свет, но не в Москве, а в Петербурге, в 1832 г., и принадлежал Н. Шигаеву. Б. не имел к этому изданию никакого отношения. См. Ю. Г. Оксман «Из разысканий в области биографии Белинского. I. Легенда о переводе «Монфермельской молочницы» (*Учен. Зап. СГУ,* т. XX, 1948, стр. 310—314).

Стр. 60. В черновых набросках воспоминаний Я. М. Неверова история знакомства Б. с Н. В. Станкевичем изложена следующим образом: «Будучи студентом, Б. написал драму, сюжетом которой было злоупотребление владетельного права над крестьянами. Этот труд, плод юношеской восторженности, он представил в цензуру и за то лишен был права посещать университет. Станкевич, услышавши об этой истории от общего

нашего товарища Клюшникова, пожелал прочесть драму и познакомиться с автором» (*ЛН,* т. 56, стр. 100). Об истории создания и чтений «Дмитрия Калинина» в кругу родных и близких автора см. в книге М. Я. Полякова «Белинский в Москве», М. 1948, стр. 56—69 и 301—302, а также в книге В. С. Нечаевой «В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве», М. 1954, стр. 133—143.

Стр. 64. Письмо Н. Л. Григорьева к Б., в подлиннике не датированное, впервые опубликовано было без имени автора, с приурочением к 1832—1834 гг., в сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М. 1948, стр. 284—285. Принадлежность письма Н. Л. Григорьеву устанавливается самим автографом (подпись и почерк), а дата определяется письмами К. Г. и М. И. Белинских от 4 до 7 января 1834 г. (*ЛН*, т. 57, стр. 162—163). Факты эти не оставляют места ни предположению о принадлежности этого письма А. И. Красовскому (*ЛН*, т. 56, стр. 237—238), ни его датировке «осенью 1833 г.» (*В. Нечаева,* II, 102).

1834

Стр. 66. Развитию установочных положений этой статьи Надеждина посвящен был анонимный разбор двух первых номеров «Библиотеки для чтения» в «Молве», 1834, №№ 8 и 10. Разбор этот был приписан Белинскому в заметке М. Я. Полякова «Неизвестные статьи молодого Белинского» («Литературная газета» от 9 декабря 1944, № 6). Более вероятно, что автором этого разбора был сам Надеждин (*Н. Козмин, Н. И. Надеждин,* стр. 452—455; *В. Нечаева,* II, стр. 456—457).

Стр. 66. Время знакомства Б. с Я. М. Неверовым определяется на основании данных о приезде последнего в месячный отпуск из Петербурга в Москву именно в феврале 1834 г. (см. письма к нему от 20 января и 7 марта 1834 в «Переписке Н. В. Станкевича»). С весны 1834 г. в этой переписке начинает появляться и имя Б., до тех пор не упоминавшееся.

Стр. 67. Мы не располагаем сколько-нибудь определенными данными о характере участия Б. в «Телескопе» и «Молве» в течение первых семи месяцев 1834 г. Ни одной литературно-критической статьи Б. за это время нам не известно, а его переводный очерк «Испытание кипящею водою» в «Телескопе» 1833 г., № 21, хотя и вышел в свет в феврале 1834 г., но мог быть сдан в редакцию еще в предшествующем году (этот номер «Телескопа» был недодан подписчикам в 1833 г.). См. об этом в нашей статье «Белинский накануне «Литературных мечтаний» (*Уч. Зап. СГУ,* т. XXXI, 1952, стр. 230—236). Предположение В. С. Нечаевой о принадлежности Б. двух анонимных переводных очерков из «Путевых впечатлений» А. Дюма в «Телескопе», 1834, №№ 12 и 18 («Медвежий окорок» и «Фрибург») требует дополнительной аргументации. Даты цензурных разрешений «Телескопа» №№ 12 и 18 — 25 марта и 4 мая 1834.

Стр. 68. Заметка «Литературная новость» тематически и стилистически очень близка «Журнальной заметке» о романе Греча «Черная женщина» в «Молве», 1834, № 36 (цензур. разреш. 7 сентября). Заметка эта под-

писана псевдонимом «Журнальный буточник». Принадлежность обеих полемических заметок о «Черной женщине» одному автору весьма вероятна, но считать этим автором Белинского, как полагает В. С. Нечаева (т. II, стр. 247 и 259—260), нет достаточных оснований. Более вероятно, что обе заметки принадлежат Надеждину (см. *ЛН,* т. 57, стр. 565). С этими публикациями тематически связана еще и третья, под названием «Легчайший способ прославиться»; подпись — Бррр-ус («Молва», № 34, разрешено цензурой 24 августа), что не дает, однако, оснований приписывать и ее Белинскому (*В. Нечаева,* т. II, стр. 245—246).

Стр. 68. В «Биографическом словаре университетских товарищей Белинского» в дате окончания Д. П. Ивановым университета явная опечатка: 30 июля (*ЛН,* т. 56, стр. 427).

Стр. 69. Принадлежность Б. перевода статьи К. Мармье требует дополнительных доказательств, особенно в связи с публикацией в «Телескопе», 1834, № 36, перевода еще одной статьи того же автора, под названием «Германские университеты. Геттинген». Можно согласиться с В. С. Нечаевой (т. II, стр. 241—242 и 458—459), что статьи эти переведены одним автором, но считать этим автором Белинского нет достаточных оснований.

Стр. 72. В «Молве», 1833, № 34, опубликованы две рецензии за подписью «Один из языков стоустой Молвы» — первая на повесть П. Иноземцева «Ссыльный», вторая — на переиздание «Езды на остров любви» Тредьяковского. Некоторые особенности языка и стиля рецензий близки «Литературным мечтаниям» Б. (*В. Нечаева,* т. II, стр. 246). В этом же номере «Молвы» опубликована заметка «Легчайший способ прославиться», о которой см. выше.

Стр. 79. Д. П. Иванов, специально запрошенный А. Н. Пыпиным о причинах отметки «Чембар» в печатном тексте «Литературных мечтаний», в ответном письме от 28 сентября 1874 г. разъяснял: «Слово «Чембар», выставленное под статьею «Литературные мечтания», привело вас к недоумению о том, где писана была статья: в Москве или Чембаре. Положительно уверяю вас, что в Москве; а Чембар заменил подпись автора, которой, помнится, не было под статьею, притом здесь видно и желание почтить родной город, порадовать близких людей своим успехом и повестить их о выступлении своем на литературное поприще. Со времени переезда своего в Москву Б. побывал в Чембаре только летом 1830 года, и с тех пор уже ни разу не был на родине» (ЦГИАЛ, ф. 395, оп. № 1, ед. хр. 290, лл. 4—5).

Стр. 87. Встреча Б. с Каченовским, о которой передает П. В. Анненков, произошла, видимо, в январе 1835 г. и была вызвана не только сочувствием Каченовского общему направлению «Литературных мечтаний», но и необычайно лестными строками о нем и о его школе в заключительной части этой статьи (*Б,* I, 88).

Стр. 94. В «Молве», 1835, № 14, Белинскому принадлежит и рецензия на «Тетрадь русской грамматики для русских, составленную по поручению начальства» (*БВ, II,* 93).

Стр. 95. Доказательства принадлежности псевдонима «П. Щ.» С. Т. Аксакову см. в книге В. Нечаевой, II, 448. Бесспорно, однако, участие в некоторых из статей, подписанных инициалами «П. Щ.», и самого редактора «Молвы», Н. И. Надеждина (см. статью С. Осовцова «Разгадка «П. Щ». — «*Театр*», 1953, № 9).

Стр. 97. С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях ошибочно относит несостоявшееся чтение Гоголем комедии «Женихи» к 1834 г. («История моего знакомства с Гоголем», М. 1890, стр. 10), а А. И. Кирпичников столь же ошибочно датирует этот эпизод «концом августа 1835 г.» («Опыт хронологической канвы к биографии Гоголя», 1902, стр. 25), когда Станкевича не было в Москве. О пребывании Гоголя в первых числах мая 1835 г. в Москве и о чтении им 4 мая комедии «Женихи» у Погодина см. в изд. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. II, 1936, стр. 118.

Стр. 100. Статья Н. И. Сазонова была полностью перепечатана, без имени автора, в качестве заключительной главы русского перевода «Чтений о новейшей изящной словесности Д. О. Л. Б. Вольфа, профессора Иенского университета». М. 1835, стр. 437—474. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина. Последняя ее глава, содержащая полемику «с мнением, недавно появившимся, что у нас нет литературы», привлекла, видимо, внимание великого поэта, так как все страницы именно в этой части книги разрезаны были полностью (Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. СПб. 1910, стр. 23—24).

Стр. 105. Перевод биографии Мольера, опубликованный в «Молве», В. Г. Березина считает возможным приписать Белинскому (*В. Г. Белинский,* Избранные письма, т. I, 1955, стр. 298). В. С. Нечаева высказывает предположение, что Б. был автором и статьи, предпосланной переводу (*В. Нечаева,* II, 469). Принадлежность Н. А. Полевому статьи о драме А. де Виньи «Чаттертон» («*Телескоп*», 1835, № 7, 418—440), отмеченная впервые в нашей статье «Н. А. Полевой — сотрудник «Телескопа» (*Учен. Зап. СГУ,* т. XXXI, 1952, стр. 236—242), документируется текстуально наличием повторения в статье о «Чаттертоне» характерных деталей известной декларации Полевого об успехах капиталистической культуры, содержащейся в его предисловии к «Истории русского народа».

Стр. 110. В этом же номере «Молвы» рецензия на «Карманную книгу географии для детей». Подпись: В — ъ. С. А. Венгеров без всяких оснований приписал эту рецензию Белинскому (*БВ,* II, 270—271).

Стр. 116. Время посещения Лажечниковым квартиры Б. в Рахмановом переулке отнесено нами к 1835 г., а не к более раннему времени, на основании замечания Лажечникова об «убогом жилище литератора, заявившего России уже свое имя» (*И. Лажечников,* 254—255). Эту же квартиру Б. описывает К. А. Полевой: «Б. жил в доме князя Касаткина-Ростовского, выходящем главным фасадом на Петровку, а другим в переулок и на канаву. Этот огромный дом всегда бывал наполнен множеством жильцов, находивших там самые дешевые квартиры. Вход в квартиру Б. был изнутри двора. Когда я переступил к нему за порог, то невольно остановился, увидев себя в какой-то обширной комнате, разде-

ленной на каморки и углы, где от мрака и пару трудно было разглядеть что-нибудь. На спрос мой о В. Г. Белинском, мне указали угол, где за какой-то перегородкой сидел в полумраке бедный мой знакомец, и, окутанный шарфами, сильно кашлял» (*К. Полевой,* 380—381).

В этом же доме Б. жил у А. П. и Д. П. Ивановых в 1832—1834 гг. В нем же Б. снимал квартиру и перед отъездом на Кавказ, в 1836—1837 гг. (*Б,* XI, 125).

Н. Н. Щетинина, родственница и приятельница Белинского, вспоминая встречи с ним у их общих друзей и земляков в Москве, отмечает, что Б. не только пропагандировал в эту пору «Пушкина и Гоголя», но и, «беспечно и восторженно распевая революционную Marseillaise, прыгал, резвился вместе с нами» (*«Русский»,* 1868, № 15, стр. 3).

1836

Стр. 121. Встреча Б. с Грановским произошла у Станкевича, который познакомился и подружился с Грановским в середине февраля 1836 г., во время первого в этом году пребывания Грановского в Москве (*Станкевич,* 348; *Бакунин,* I, 198).

Стр. 124. Пушкин, как свидетельствуют воспоминания М. П. Погодина (*ВАН,* 1948, № 6, 25), положительно отозвался о «Литературных мечтаниях». Нет никаких сомнений в том, что он хорошо знал и другие статьи Б., так как, по собственному его признанию в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений», всегда внимательно следил за отзывами о себе в печати (*Пушкин,* XI, 143). Книжки «Телескопа» и «Молвы», сохранившиеся (к сожалению, далеко не полностью) в библиотеке Пушкина, обычно разрезаны в тех частях, которые заняты статьями и рецензиями Белинского («Библиотека А. С. Пушкина», СПб. 1910, стр. 135. Ср. «Путеводитель по Пушкину». М.—Л. 1931, стр. 54—55).

Стр. 128. В академическом издании полного собрания сочинений Белинского дата цензурного разрешения «Молвы», № 12, указана ошибочно: 15 августа (*Б,* II, 720).

Стр. 133. Выполняя с большим опозданием свои обязательства перед подписчиками прошлого года, Надеждин выпустил учетверенный номер «Телескопа» (1835, ч. XXX, № 21—24), разрешенный цензурою 22 августа 1836 г. Однако объявление «От издателя» в этой же книжке журнала имеет дату: 20 октября 1836 г. Таким образом, статья Б. «Опыт системы нравственной философии», поступившая в редакцию не раньше октября (см. октября 12), или вовсе не была в цензуре, или Надеждин получил особое разрешение на ее публикацию, не оставившее следов в дошедших до нас материалах о «Телескопе».

1837

Стр. 142. Книга Б., несмотря на ее большой тираж, не получила распространения. В письме от 22—23 февраля 1843 г. к Бакуниным Б. признался, что он вынужден был «продать свое грамматическое детище пудами, за простую бумагу для оклейки комнат» (*Б,* XII, 137). Это было, вероятно, в 1839 г., перед отъездом Б. в Петербург.

1838

Стр. 170. Без достаточных оснований Белинскому приписывалась анонимная рецензия в этом же номере «Московского наблюдателя» — «Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета 11 июня 1838 г.» (*БС,* XIII, 420—422). Некоторые характерные особенности патетического стиля этой рецензии, канонизация в ней не только «великого Гегеля», но и Берлинского университета, как центра «германского просвещения», а Пруссии как государства, «сосредоточившего в себе все нравственные силы Германии и представителя ее народного духа», роднят эту статью с предисловием М. Н. Каткова к переводу критического отзыва Варнгагена фон Энзе о «Сочинениях Александра Пушкина» («Отечественные записки», 1839, т. III, прилож., стр. 2—5).

1839

Стр. 196. Со слов одного «достоверного современника» (вероятно, А. Д. Галахова) А. Н. Пыпин отмечал, что в «Московском наблюдателе» редакционный труд Белинского оплачивался суммой около восьмидесяти рублей с чем-то ассигнациями в месяц (тысяча руб. асс. в год); его московские друзья работали и совсем даром» (*ВЕ,* 1874, № 11, стр. 117).

Стр. 199. Дата цензур. разреш. «Лит. прибавл. к Рус. инвалиду» № 4 — июля 21.

Стр. 204. Без достаточных оснований Б. приписаны были еще четыре анонимных рецензии в «ОЗ», 1839, № 9 (*БВ,* IV, 307—314), на книги, о которых Б. писал в «Лит. прибавл. к Рус. инвалиду». См. сентября 23.

Стр. 218. В числе анонимных рецензий, опубликованных в «Отечественных записках» № 12, был критический отзыв на альманах «Утренняя заря на 1840 г.», изданный В. Владиславлевым. Возможно, что автором этой рецензии был Белинский (*ЛН,* т. 57, 540—543).

1840

Стр. 250. Рецензия на «Кобзарь» Т. Шевченко, опубликованная без имени автора в «Отечественных записках», 1840, № 5, отд. VI, стр. 23—24, впервые приписана была Белинскому в статье В. С. Спиридонова «Неизвестная рецензия Белинского о «Кобзаре» («Литературная газета» от 5 марта 1939 г., № 13) на основании анализа некоторых особенностей ее языка и стиля. Однако, подготовляя к печати дополнительный тринадцатый том «Полного собрания сочинений В. Г. Белинского» и формируя раздел «Статей, рецензий и заметок» Белинского, не вошедших в него, В. С. Спиридонов воздержался в 1948 г. от включения в этот раздел рецензии на «Кобзарь» Шевченко, так как последняя настолько резко противоречила всем прочим высказываниям Белинского о новой украинской литературе вообще и о произведениях Шевченко в частности, что создавала непреодолимые трудности для их понимания и комментирования. Эти трудности остались непреодоленными и в примечаниях Ф. Я. Приймы к тексту рецензии на «Кобзарь» в академическом издании сочинений Белинского (т. IV,

1954, стр. 625—627). Игнорируя вопрос о принципиальном несоответствии всех литературных и общественно-политических установок и формулировок критической заметки о «Кобзаре» общеизвестным высказываниям Белинского на те же темы (общая постановка вопроса об украинском языке и литературе, подчеркнутое молчание о многочисленных произведениях Шевченко, включенных в сборник «Ласто́вка» 1841 г., отрицательная рецензия на «Гайдамаки» в 1842 г., характеристика украинской интеллигенции), Ф. Я. Прийма в своей аргументации принадлежности рецензии на «Кобзарь» Белинскому ограничился анализом некоторых особенностей ее фразеологии, не являвшихся, однако, специфическими для языка и стиля одного лишь Белинского, а близкими всему кругу сотрудников «Отечественных записок» и «Литературной газеты» этой поры. Не выдерживают критики и соображения комментатора о том, что отношение Белинского к произведениям украинской литературы становится отрицательным лишь «начиная приблизительно с 1841 г.» (*Б,* V, 199). Об ошибочности этого утверждения свидетельствует, например, записка Н. М. Щепкина Белинскому от 10 апреля 1840 г., т. е. ровно за месяц до появления в «Отечественных записках» анонимной рецензии на «Кобзарь»: «Чи живеньки, чи здоровеньки? Н а з л о в а м н а ч и н а ю п о - м а л о р о с с и й с к и» (В. Г. Белинский и его корреспонденты, М. 1948, стр. 282). Вопрос об авторе рецензии на «Кобзарь» в «Отечественных записках» 1840 г. остается открытым и включение этой статьи в основной текст сочинений Белинского является ошибочным.

Стр. 252. Эта записка П. Ф. Заикина, в автографе не датированная, ошибочно отнесена была ее публикаторами ко времени «после 13 июня 1840 г.» (*Бик,* 55—56). Между тем она написана не «после» письма Заикина от 13 июня из Берлина, а до него, по дороге в Гамбург из Петербурга, и отправлена Белинскому с какою-то оказией из Травемюнде. В печатном тексте записки ошибка: вместо «Из Берлина я уведомлял тебя» надо читать: «уведомлю тебя».

Стр. 253. В рецензии Б. в «Литературной газете», 1840, № 42, на «Римские элегии» Гёте в переводе А. Струговщикова отмечалось предстоящее появление в «Отечественных записках» посвященной им статьи. Второе предупреждение Б. об этом см. сентября 14. Однако обещанная статья была опубликована в «Отечественных записках» лишь в восьмой книжке 1841 г. См. 1841, июля 30.

Стр. 267. В воспоминаниях П. В. Анненкова дата его отъезда за границу ошибочна: октября 5 вместо 19 (*П. Анненков,* 268).

Стр. 268. Памфлетная характеристика В. С. Межевича дана была в очерке И. И. Панаева «Русский фельетонист», впервые опубликованном в «Отечественных записках», 1841, № 3. В переработанной редакции очерк вошел в сб. «Физиология Петербурга», ч. 2, СПб. 1845. Высокую оценку этого памфлета Белинский дал в статье «Физиология Петербурга» (*Б,* IX, 220—221). О В. С. Межевиче см. в статье И. Г. Ямпольского «Из истории литературной борьбы начала 1840-х годов» (*Учен. Зап. ЛГУ,* № 173, 1954, стр. 143—149).

Стр. 271. В описании «Библиотеки Белинского» отметка о времени покупки им книги «Panthéon litteraire» отсутствует (*ЛН*, т. 55, стр. 560).

Стр. 273. Принадлежность Белинскому обзора новых пьес в отделе «Русский театр в Петербурге» в «Отечественных записках» 1840, № 12, аргументирована в статье В. М. Морозова «Вновь найденные рецензии В. Г. Белинского» (*Учен. зап. КФУ,* т. IV, вып 1, стр. 142—150). Без достаточных оснований в этой же статье (стр. 154—158) Белинскому приписываются анонимные рецензии на первую и вторую часть трагедии Шекспира «Генрих IV» в переводе Кетчера (*«Отеч. записки»*, 1841, №№ 10 и 11).

1841

Стр. 276. В отделе «Русский театр в Петербурге» дана критическая информация о пьесах: 1. «День падения Миссолонги. Героическая драма, перев. с франц. Ф. Кокошкина»; 2. «Добрый гений. Трагедия-водевиль, перед. с франц. Д. Ленским»; 3. «Роковое «да», или Хотелось, да не удалось. Комедия-водевиль, перев. с франц. С—ва»; 4. «Матушка Фетинья Тимофеевна, или Свой своему поневоле друг. Оригинальная шутка-водевиль»; 5. «Не статский, не военный, не русский и не француз, или Приезжий из-за границы. Романтическая шутка-водевиль, соч. П. Григорьева».

Стр. 287. В. К. Кюхельбекер был знаком и с другими статьями Белинского в «Отечественных записках». См. *«Дневник В. К. Кюхельбекера»,* Л. 1929, стр. 275.

Стр. 293. В отделе «Русский театр в Петербурге» дана критическая информация о пьесах: 1. «Клевета. Комедия Скриба, перев. П. С. Федорова»; 2. «Боярское слово, или Ярославская кружевница. Драма П. Г. Ободовского»; 3. «Габриель, или Адъютанты. Перевод с франц. П. С. Федорова»; 4. «Любовные записки мужа. Водевиль П. И. Григорьева».

Стр. 298. Принадлежность Белинскому рецензии на книгу И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (*БВ,* VI, 202—206; *Б,* V, 179—183) была оспорена в специальной заметке В. М. Потявина, указавшего на несоответствие некоторых ее критических положений общим взглядам Белинского на «Слово о полку Игореве» и славяно-русскую мифологию (*Учен. Зап. ЛГУ,* № 229, 1956, стр. 255—257). Сомнения в принадлежности Б. отзыва о «Сказаниях русского народа» должны быть распространены и на непосредственно связанный с этой рецензией критический отклик на «Русские народные сказки», собранные тем же И. П. Сахаровым (*Б,* V, 183—185). Возможно, что обе эти рецензии принадлежат М. Н. Каткову.

Стр. 298. В отделе «Русский театр в Петербурге» дана критическая информация о пьесах: 1. «Шельменко-денщик. Комедия Г. Квитки-Основьяненко»; 2. «17 и 50 лет, две главы из жизни женщины. Комедия П. С. Федорова»; 3. «Роза и Картуш. Водевиль П. С. Федорова»; 4. «Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь. Водевиль Н. А. Перепельского»; 5. «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке. Комедия Н. А. Перепельского»; 6. «Волки в овчарне. Комедия-водевиль Маркова»; 7. «Лауретта, или Красная печать. Комедия-водевиль С. Соловьева»; 8. «Новый Отелло. Комедия Я. Я. Фейгина»; 9. «Квакер и танцовщица. Водевиль, перев. Ф. К. Дершау»; 10. «Комнатка

с отоплением и прислугой. Водевиль П. Григорьева»; 11. «Убийца своей жены. Водевиль, перев. с франц.»; 12. «Представление французского водевиля в русской провинции. Водевиль Н. И. Куликова»; 13. «Суд публики, или Восстание театральной библиотеки. Водевиль Н. И. Куликова».

Стр. 302. В отделе «Русский театр в Петербурге» дана критическая информация о пьесах: 1. «Лев Гурыч Синичкин и Макар Алексеевич Губкин, провинциальные актеры. Шутка-водевиль Ровбе»; 2. «Креол и креолка. Водевиль И. А. Аничкова»; 3. «Яков Шишиморин, портной из Лондона за Знаменским мостом. Водевиль Ф. К. Дершау»; 4. «Дочь вора. Водевиль, перев. с французского»; 5. «Купцы. Водевиль П. Григорьева»; 6. «Жизнь за жизнь. Драма Беклемишева»; 7. «Ночь на Новый год. Драма С. В. Мещерикова»; 8. «Кум Иван. Русская быль Е. В. Аладьина»; 9. «Жених при шпаге. Комедия, перев. с немецкого».

Стр. 311. В отделе «Александринский театр» дана критическая информация о пьесах: 1. «Шкуна Нюкарлеби. Соч. Ф. Булгарина»; 2. «Пикник в Токсове, или Петербургские удовольствия. Водевиль П. Каратыгина»; 3. «Чудак-покойник, или Таинственный ящик. Комедия-водевиль П. Каратыгина»; 4. «Приключение на искусственных водах, или Что у кого болит, тот о том и говорит. Водевиль П. Каратыгина»; 5. «Джарвис, страдалец чести. Драма Карла Лафона, перев. с франц. П. Зубова».

Стр. 313. Рукописный обзор событий французской революции И. И. Панаев незадолго до своей смерти передал В. А. Панаеву. По свидетельству последнего, в этой рукописи (до нас не дошедшей) было до двадцати печатных листов (*РС*, 1901, № 9, стр. 483—484).

Стр. 315. Дата выезда Белинского из Петербурга определяется условно, на основании данных о его приезде 25 декабря в Новгород. Это был день похорон дочери Герцена (*ГЛ*, XXII, стр. 222).

Стр. 315. Достоевский, используя в «Дневнике писателя» 1873 г. рассказ о чтении Белинским обзора «Русская литература в 1841 г.», сослался не на «Былое и думы» (книга эта была запрещена в России), а на устную якобы передачу ему этого эпизода Герценом (*Достоевский,* т. XI, 1929, стр. 8—11).

1842

Стр. 317. Эта вторая (см. 1841, декабря 25) встреча Белинского с Герценом в Новгороде, не получившая прямого отражения в дошедших до нас письменных памятниках их отношений, косвенным образом подтверждается длительностью пребывания Б. в пути из Москвы в Петербург: вместо обычных для этой дороги трех-четырех суток Б. ехал шесть.

В пользу предположения о вторичном свидании Белинского с Герценом в Новгороде свидетельствуют не только их близкие, дружеские отношения, но и назревшая потребность в новом обмене мнений по поводу тех впечатлений, которые сложились у Б. в результате его общения с представителями московской литературной и научной общественности и о которых рискованно было бы рассказывать в письмах. См. января 11.

Стр. 318. Без достаточных оснований Белинскому приписана была и анонимная рецензия в *ОЗ,* № 2, на «Памятную книжку на 1842 г.» (*БС,* XIII, 97—98).

Стр. 328. Строки об исторической роли Робеспьера, вписанные в письмо Грановского к Белинскому от 30 апреля 1842 г., как установлено Л. Р. Ланским при дополнительном изучении автографа, принадлежат именно Н. Х. Кетчеру, а не Герцену, как ошибочно отмечено при первой публикации этого письма (*ЛН,* т. 56, стр. 80).

Стр. 330. В отделе «Русский театр в Петербурге» были опубликованы в «Отечественных записках», 1842, № 6, также отзывы о пьесах: «Брюзга, или Максим Петрович Недоволин. Комедия-водевиль П. Каратыгина»; «Три звездочки, или Урок в любви и в астрономии. Водевиль П. Каратыгина»; «Похождения Петра Степанова, сына Столбикова. Комедия в четырех действиях, с куплетами. Соч. гг. Григорьева 1-го, Федорова и Перепельского». Весьма вероятна принадлежность и этих рецензий Белинскому (*БС,* XIII, стр. 369—370 и 540).

Стр. 334. Н. Г. Белинский жил у брата в Петербурге с середины января 1842 г. (*ЛН,* т. 56, стр. 165—166; т. 57, стр. 224).

Стр. 339. В подлиннике письма Б. к Д. П. Иванову число месяца не указано. Дата уточнена адресатом, вписавшим цифры «6 или 7» (*Б,* XII, 508). Мы оставляем только первую цифру, так как письмо это Б. вручил Боткину, уезжавшему из Петербурга в Москву 6 ноября (*Б,* XII, 115—116). На следующий день, то есть 7 ноября, Б. послал Боткину письмо, к которому приложил записку к Щепкину. Если бы письмо к Д. П. Иванову не было вручено Боткину 6 ноября, Б. оговорил бы и второе приложение к письму от 7 ноября.

1843

Стр. 357. Анонимные рецензии на «Статейки в стихах», т. II, и на сборник «На сон грядущий», опубликованные в «Отечественных записках», 1843, № 7, и приписывавшиеся Белинскому (*БВ,* VIII, 236—242), ему не принадлежат. Автором первой из них был Некрасов (*Б,* X, 422).

1844

Стр. 371. Критический обзор «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 г.», опубликованный в «Литературной газете» от 1 и 8 января 1844 г., настолько близок был общим литературно-критическим установкам Б. этой поры, что В. С. Спиридонов безоговорочно внес его в 1948 г. в дополнительный том полного собрания сочинений Белинского (*БС,* XIII, 131—153 и 449—450). Аргументация В. С. Спиридонова подвергнута была тщательному критическому анализу в работе М. М. Гина «О двух приписанных Белинскому статьях» (*Учен. Зап. КФУ,* т. IV, вып. 1, 1954, стр. 132—141). Доводы М. М. Гина дают основание считать автором названного обзора не Белинского, а Некрасова.

Стр. 374. В описании «Библиотеки Белинского» дата дарственной надписи Кавелина на его книге прочитана неверно: 1847 г. вместо 1844 (*ЛН,* т. 55, стр. 560).

Стр. 376. Н. Демьянов откликнулся на рецензию Б. в специальной брошюре «Добавление к описанию моего фантастического кабинета». См. ответ Б. в «Отечественных записках», 1844, № 8.

Стр. 394. В обзоре «Петербургская литература» Б. обещал «со временем представить в нашем издании статью под названием «Литературщики и книжных дел мастера», в которой будут раскрыты тайны и любопытные явления мелкого петербургского литературного и книгодельного мира» (*Б*, VIII, 562). Статья эта осталась ненаписанной, но проектировал ее, видимо, не Б., а Некрасов. Об этом свидетельствует письмо Некрасова к Кетчеру от 13 января 1847 г., в котором он просил последнего снестись через Галахова с литератором И. И. Ваненко, обещавшим Некрасову «материалы для физиологии московской книжной торговли и книгопродавцов»: «Пускай пришлет поскорее — я ему заплачу хорошо. Нужды нет, что материалы не в порядке, — у меня есть кое-что о петербургской книжной торговле, и из всего этого можно будет составить интересную статью» (*Некрасов,* X, 59).

Стр. 394. Сборник К. Маркса и А. Руге «Deutsch — Französische Jahrbücher», с важнейшими статьями которого Белинского познакомил Кетчер, пропагандировался последним уже осенью 1844 г. Так, Герцен, отвечая Кетчеру 16 ноября 1844 г. на упреки его в недостаточном внимании к этому изданию, оправдывался тем, что он имел возможность лишь «перелистать» этот «Ярбух» за ужином у Грановского: «Я его не читал и не мог читать. Впрочем, писанное в твоем письме, я не знаю, почему тебя поразило, — это до того не новый нам взгляд, что далеко до твоего отъезда были об этом тысячи разговоров, споров etc. С твоим замечанием ты должен был обратиться прямо к Тимофею Николаевичу, а меня не за что тузить» (*ГЛ*, III, 420). Совершенно несомненно, что Герцен имел здесь в виду основные положения статьи К. Маркса «К критике гегелевской философии права», особенно взволновавшие Белинского и Кетчера. Сборник сохранился в библиотеке Белинского, купленный И. С. Тургеневым. О пометках в нем см. *ЛН,* т. 55, 568—572.

Стр. 400. В библиотеке Белинского сохранилось первое издание трактата Прудона «Qu'est ce que la propriété ou recherches sur le principe du droit et du gouvernement». 1841. Сочинение это было запрещено в России (*ЛН,* т. 55, стр. 561).

Стр. 401. Письмо Грановского к Кетчеру в автографе не датировано, но в первой же его строке говорится о том, что пишется оно в день рождения Герцена, то есть 25 марта. По автографу ГИМ (фонд № 345, д. 1, лл. 43—44) выправлен нами и печатный текст письма.

Стр. 408. В своих показаниях о записке Б. Достоевский писал: «Если записка эта пригласительная, то, вероятно, она была написана еще в первые дни нашего знакомства». Дата же этого знакомства с наибольшей определенностью указана в письме Достоевского к Погодину от 26 февраля 1873 г.: «С Белинским я познакомился в июне 45 года». Сводку материалов о записке Б. Достоевскому см. в нашей статье «Переписка Белинского» (*ЛН,* т. 56, стр. 205—206). Характер упоминания о «хозяине» квартиры, в которую Б. звал Достоевского, позволяет предположить, что речь шла об А. С. Комарове, а не о Н. Н. Тютчеве или М. А. Языкове.

Стр. 409. В числе анонимных рецензий в «Отечественных записках», 1845, № 8, был краткий отзыв об издании «Лесной словарь. Составлен в Департаменте корабельных лесов. Часть третья». Отзыв этот без достаточных оснований приписывался Белинскому (*БС,* XIII, 186—187).

Стр. 412. Согласие Белинского на помещение его имени в объявлении о подписке на «Финский вестник» в ряду имен других сотрудников нового журнала, свидетельствуя о сочувствии Б. направлению последнего, разумеется, не гарантировало фактического участия критика в этом издании. Ни в какой мере не может быть признана доказательством этого участия и карандашная отметка неизвестного сотрудника «Финского вестника» (или его читателя?) на полях «Библиографической хроники» второго тома ФВ за 1845 г.: «Вся хроника под редакцией Белинского. Корректура Ф. Дершау» (Библиотека АН СССР в Ленинграде. Дублетный фонд. № 9571). Не установив степени авторитетности этого свидетельства, В. М. Морозов, автор двух специальных работ о «Финском вестнике», выдвинул гипотезу не только о «ближайшем участии» Белинского в этом журнале, но и о принадлежности ему трех анонимных рецензий во втором томе ФВ 1845 г. (критические разборы романа Г. Х. Андерсена «Импровизатор», исторического очерка «Людовик XV и французское общество XVIII столетия», поэмы А. Н. Майкова «Две судьбы»). Вся аргументация в пользу принадлежности Белинскому этих статей сводилась к доказательствам близости их основных литературно-политических установок идейным позициям великого критика (*Учен. Зап. КФУ,* т. V, вып. 1, 1955. Петрозаводск, стр. 95—100; там же, т. VI, вып. 1, 1957, стр. 49—52). В. М. Морозов не учел того обстоятельства, что идеи Белинского могли популяризироваться в ФВ не только им самим, но и его многочисленными учениками и последователями.

1846

Стр. 420. О возвращении Белинского к работе над «Критической историей русской литературы» свидетельствует и Н. Х. Кетчер, указавший, что «незадолго до смерти» Белинский именно эту книгу «начал составлять из прежних статей своих» (*Сочинения Белинского,* т. V, М. 1860, стр. 3).

Стр. 423. Л. В. Брант, памфлетную характеристику которого Белинский дал в очерке «Новый критикан», впервые был портретно зарисован в сатирическом фельетоне И. И. Панаева «Тля (не повесть)», опубликованном в «Отечественных записках», 1843, № 2. «Сатирическую меткость» и «верность действительности» этого памфлета высоко оценил Белинский в своем обзоре «Русская литература в 1843 году» (*Б,* VIII, 95). И. И. Панаев был автором и посвященного Бранту сатирического очерка «Литературный заяц» (*ОЗ,* 1846, № 2, отд. VIII, стр. 124—126). Этот очерк ошибочно внесен был в «Собрание сочинений В. Белинского», ч. X, М. 1860, стр. 423—425, откуда перешел в издание С. А. Венгерова (*БВ,* X, 191—193). См. также *БС,* XIII, 324.

Стр. 424. В автографе письмо это датировано 6 февраля, но сам же Белинский говорит, что оно «пишется накануне его отправления (5 февраля)» (см. *Б,* XII, 263).

Стр. 460. В первом номере «Современника» список его сотрудников был дополнен именами В. П. Боткина, А. Д. Галахова и А. Н. Савича («*С*», 1847, № 1, отд. IV, стр. 82).

1847

Стр. 473. Дата отъезда Тургенева из Петербурга за границу отмечена в неизданных автобиографических записях Тургенева, подготовленных к печати проф. А. Мазоном.

Стр. 476. Без достаточных оснований приписывались Б. еще две анонимных рецензии в «Современнике», 1847, № 2. Одна из них была посвящена разбору «Полного собрания сочинений И. А. Крылова, с биографией его, писанной П. А. Плетневым», и книги М. Е. Лобанова «Жизнь и сочинения Крылова» (*БВ,* X, 455—463). Другая — являлась разбором «Дон-Жуана» Байрона, в переводе Н. Жандра (*БС,* XIII, 195—196). Автором первой из этих рецензий, как установлено В. И. Кулешовым, был А. В. Никитенко (*ЛН,* т. 55, стр. 407—410).

Стр. 486. В «Современнике», 1847, № 3, была опубликована анонимная рецензия на книгу В. Иславина «Самоеды в домашнем и общественном быту». Приписанная А. М. Путинцевым Белинскому (*«Наступление»,* Смоленск, 1935, № 10), рецензия эта вошла в дополнительный том сочинений Белинского (*БС,* XIII, 196—202). Недостаточность оснований для этой атрибуции отмечена была Л. Р. Ланским (*ЛН,* т. 57, стр. 545—546). Мы полагаем, что некоторые характерные особенности стиля и композиции этой рецензии, близкие первым произведениям Салтыкова-Щедрина, позволяют считать именно его автором разбора книги Иславина.

Стр. 490. В автографе этого письма только одна дата — 25 марта. Однако, ввиду того, что свои заграничные письма Анненков обычно датировал по новому стилю (*ЛН,* т. 56, стр. 190—193), мы полагаем, что и в данном случае нет оснований относить его отметку к старому стилю.

Стр. 493. В числе анонимных рецензий, опубликованных в «Современнике», 1847, № 4, был разбор книги В. В. Григорьева «Еврейские секты в России». Рецензия эта, без достаточных оснований приписанная Белинскому А. М. Путинцевым (*«Наступление»,* 1935, № 10), вошла в дополнительный том сочинений Б. (*БС*, XIII, 204—205). В этом же номере «Современника» Белинскому приписывалась рецензия на «Музей современной иностранной литературы» (*БВ,* X, 518—522), принадлежащая в действительности Некрасову (*Некрасов,* IX, 180—184), а также рецензия на книгу С. Барановского «Изображение климатов земного шара» (*БС,* XIII, 207—208).

Стр. 501. В некоторых источниках выступление Николая I на приеме депутатов смоленского дворянства датируется не 18, а 17 мая (*РС,* 1873, № 12, 910—914).

Стр. 511. В описание «Библиотеки Белинского» книга эта не вошла (*ЛН,* т. 55, стр. 431—571). Мы восстанавливаем дату ее покупки по надписи, которую привел А. М. Путинцев в неопубликованных дополнениях к своей статье об этой библиотеке (*ЛН,* т. 19-21, 1935, 603—616).

Стр. 519. В письме М. В. Белинской к художнику И. А. Астафьеву от 24 декабря 1873 г. сохранилось детальное описание кабинета Б. в его

последней квартире: «Рабочий кабинет его был в два окна, в простенке между окнами маленький дамский письменный столик с решеткой и с зеленым сукном; на столе транспоран, представляющий Фауста, Маргариту и поджидающего Мефистофеля, письменные принадлежности и разные безделушки, обои палевые, против окон большие шкафы во всю стену с книгами, темные, под орех. Если вы станете спиной к окнам, а лицом к шкафам, то на стене по правую руку висела карта Европы во всю стену и сейчас под картой стояла кушетка пунцовая, с черным, драдедамовая, где он, почти умирающий, лежал и диктовал мне свои последние статьи, а я сидела перед кушеткой. У стола противоположной стены стоял большой рабочий стол красного дерева с зеленым сукном и множеством ящиков по обоим бокам <...> Бюсты во весь рост Руссо и Вольтера вершков в 10 и поясные, вершков в пять, Гёте, Пушкина и Гоголя; над столом литографированные портреты: Пушкина, Гоголя, Жорж Санд, Гёте, Шиллера, Кольцова и Николая Станкевича» (*«Былое»,* 1917, № 4, стр. 179—182).

Стр. 521. В числе анонимных рецензий, опубликованных в одиннадцатой книжке «Современника» 1847 г., был литературно-критический разбор издания: «Векфильдский священник. Роман, сочиненный Оливером Гольдсмитом. Перевел с англ. Алексей Огинский, с присовокуплением сведений о жизни и творениях автора, заимствованных Вальтер Скоттом из сочинений Приора. Петербург, 1847» (*«С»*, 1847, № 11, отд. III, стр. 76—86). Рецензия эта, вошедшая в издание С. А. Венгерова (*БВ,* XI, 46—55) и широко использованная в специальной литературе о Белинском, в действительности принадлежит А. Д. Галахову, как свидетельствуют воспоминания последнего (*ИВ,* 1886, XI, 323—324).

Стр. 530. Вопрос о принадлежности анонимной рецензии в «Современнике», № 12, на «Басни И. А. Крылова в XI книгах, с биографиею, писанною П. А. Плетневым», впервые поставленный и положительно разрешенный В. С. Спиридоновым (*БС,* XIII, 470—471), вызвал дискуссию (*ЛН,* т. 57, стр. 555—560), участники которой, В. И. Кулешов и Е. И. Кийко, не учли особенностей работы в «Современнике» в 1847 г., когда официальный редактор журнала А. В. Никитенко в некоторых случаях мог не только править текст Б., но и включить в него те или иные строки. Так и в данной рецензии именно Никитенко, а не Белинский является автором комплиментарной характеристики статьи П. А. Плетнева о Крылове. И в то же время только Б. мог допустить в этой же самой статье резкие выпады против «партии знаменитых друзей», которая давно уже «уволена общественным мнением в чистую отставку из знаменитых».

1848

Стр. 544. Принадлежность Белинскому рецензии на новое издание книги Ж. Лебассю «Благовоспитанное дитя, или Как должно себя вести» оспорена была В. И. Кулешовым (*ЛН,* т. 57, 560—563). Однако доводы В. И. Кулешова по сути дела ставили под сомнение принадлежность Белинскому не всей рецензии, а только начальных ее строк, в которых шла речь о первом издании книги Лебассю: «Она была издана впервые,

если не ошибаемся, десять лет назад тому, и тогда мы радостно приветствовали ее в одном, уже теперь, увы! не существующем журнале». Как устанавливает В. Э. Боград, эти строки имели в виду рецензию на книгу «Благовоспитанное дитя», опубликованную в «Современнике» 1839 г., т. VIII. Возможно, что автором этой рецензии, равно как и вставных строк в статью Белинского, был А. В. Никитенко, о некоторых приемах редакторской работы которого см. выше в комментариях к рецензии Белинского «Басни И. А. Крылова» («*С*», 1847, № 12).

Стр. 552. Последние впечатления Боткина от его встреч с Б. получили отражение в его письме к Герцену от 31 августа 1848 г.: «Весть о смерти Виссариона сначала нисколько не поразила меня: я ждал ее; видел, как этот в высшей степени страстный человек стал ко всему равнодушен; его ничего не занимало, он примирился вполне с своим женатым положением, жаловался только на свое здоровье и видимо гас. Последние месяцы тяжко было быть с ним» (*ЛН,* т. 62, стр. 44).

Стр. 556. Дата смерти Б., точно указанная во всех его некрологах, в надгробном памятнике и в воспоминаниях о нем, была оспорена в «Летописи жизни Белинского» в 1924 г. на основании писем Грановского из Петербурга к жене. В этих письмах день за днем отражались впечатления Грановского от его посещений умирающего Б., а в письме от 29 мая указывалось: «Белинский умер вчера» (*Переписка Т. Н. Грановского*, т. II, М. 1897, стр. 273—274). Однако произведенная нами проверка печатного текста писем Грановского по автографам позволила установить, что почти все письма Грановского не имеют дат, а числа, месяцы и годы, которыми они снабжены в печати, сделаны их редактором на основании почтовых штемпелей и отметок адресатов о времени получения писем. Таким образом, и письмо с сообщением о смерти Белинского, писанное, видимо, 27 мая, в печати было ошибочно датировано по отметке его получения в Москве, то есть 29 мая. См. об этом в нашей статье «Дата смерти Белинского» (*Учен. Зап. СГУ,* XX, 1948, стр. 318—321).

Как свидетельствует запись от 28 мая 1848 г. в приходо-расходной книге церкви Волкова кладбища, где был погребен Белинский, похоронен он был по пятому разряду, в части кладбища, предназначенной для бедняков. За место для могилы уплачено было всего 5 рублей (*ЛН,* т. 56, стр. 198). «29 мая 1848 года, — вспоминал И. И. Панаев в статье «По поводу похорон Добролюбова», — по Лиговке к Волкову кладбищу тянулась бедная и печальная процессия, не обращавшая на себя особенного внимания встречных. За гробом шло человек двадцать приятелей умершего, а за ними, как это обыкновенно водится на всякого рода похоронах, тащились две извозчичьи четвероместные колымаги, запряженные клячами <...> Из числа двадцати провожавших этот гроб собственно литераторов было, может быть, не более пяти-шести человек, — остальные принадлежали к людям простым, не пользовавшимся никакою известностью, но близких покойному <...> Когда покойника отпели, друзья снесли гроб его на своих плечах до могилы, которая уже до половины была наполнена водою, опустили гроб в воду, бросили в него, по обычаю, горсть земли и разошлись молча, не произнесли ни единого слова над этим дорогим для них гробом» («*С*», 1861, № 11, стр. 69—78; *И. Панаев,* стр. 317—324).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ В ССЫЛКАХ НА ПЕЧАТНЫЕ И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

И. Аксаков — И. С. Аксаков в его письмах, ч. I, М. 1888.

К. Аксаков — К. С. Аксаков, Воспоминание студентства, СПб. 1911.

С. Аксаков — С. Т. Аксаков, История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. М. 1890.

Альбом выставки Б. — Альбом выставки в честь В. Г. Белинского, М. 1898.

П. Анненков — П. В. Анненков, Литературные воспоминания. Редакция Б. М. Эйхенбаума, Л., изд. «Academia», 1928.

Анненков и его друзья — П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка, СПб. 1892.

Ю. Арнольд — Ю. К. Арнольд, Воспоминания. Вып. II, М. 1892.

Б. — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений. Изд. Академии наук СССР, тома I—XII, М. 1953—1956.

Бакунин — Собрание сочинений и писем М. А. Бакунина. Под редакцией и с примечаниями Ю. М. Стеклова, том I (1934); том II (1934); том III (1935).

Баратынский — Библиотека поэта. Баратынский. Полное собрание стихотворений. Редакция, комментарии и биографические статьи Е. Куприяновой и И. Медведевой, том II, Л. 1936.

Барсуков — Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина. Книжки I—XXII СПб. 1888—1910.

БВ — Полное собрание сочинений В. Г. Белинского. Под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова, томы I—XI, СПб. 1900—1917.

БВест. — «Богословский вестник».

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

Белинский, 1949 — Белинский, Статьи и материалы. Ленинградский государственный университет. Ред. Н. И. Мордовченко, Л. 1949.

Бик — В. Г. Белинский и его корреспонденты. Сборник Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Под редакцией проф. Н. Л. Бродского, М. 1948.

БЛ — Белинский, Письма. Редакция и примечания Е. А. Ляцкого, тома I—III, СПб. 1914.

Л. Брант — Л. Брант. Несколько слов о периодических изданиях русских. СПб. 1842.

Н. Бродский — Н. Л. Бродский, М. Ю. Лермонтов. Биография, том I, М. 1945.

БС — Полное собрание сочинений В. Г. Белинского. Предисловие, редакция и примечания В. С. Спиридонова, том XII, 1926; том XIII, 1948.

БСМУ — Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, М. 1855.

Бюллетени ПД — Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома.

ВАН — журнал «Вестник Академии наук СССР».

ВГБП — В. Г. Белинский, Сборник статей и документов к биографии великого критика. Под редакцией Н. Л. Бродского. Пенза, 1948.

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

Венок Б. — Венок Белинскому. Редакция Н. К. Пиксанова. Российская Академия художественных наук, М. 1924.

А. Вольф — А. И. Вольф, Хроника петербургских театров, ч. I, СПб. 1877.

Герцен — А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах. Изд. Академии наук СССР, тома I—XII, М. 1954—1957.

ГИМ — Государственный Исторический музей в Москве.

ГЛ — А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией М. К. Лемке, тома I—XXII, Пг. 1915—1925.

ГМ — журнал «Голос минувшего».

Гоголь — Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя. М. — Л. Изд. Академии наук СССР, тома X, 1940, XI, 1952, XII, XIII, 1952.

Гоголь, изд. X — Н. В. Гоголь, Сочинения, издание десятое, тома I—V (редакция Н. С. Тихонравова), М. 1889.

Гончаров — И. А. Гончаров. Собрание сочинений, том VIII, М. 1955.

Грановский — Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, М. 1897.

Григорович — Литературные воспоминания Д. В. Григоровича. Редакция В. Л. Комаровича. Л., «Academia», 1928.

В. Гура — В. Гура, Русские писатели Вологодской области, Вологда, 1954.

Достоевский — Ф. М. Достоевский, Полное собрание художественных произведений. Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева, М.—Л., т. XI, 1929; XII, 1929; XIII, 1930.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

А. Заблоцкий-Десятовский — А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, тома I—IV, СПб. 1892.

Звенья — «Звенья», сборники материалов и документов по истории литературы и общественной мысли XIX в., тома I—IX, М.—Л. 1932—1952.

П. Зеленецкий — П. П. Зеленецкий, Исторический очерк 1-й Пензенской гимназии. Пенза, 1889.

ЗОР ЛБ — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

ИВ — журнал «Исторический вестник».

В. Инсарский — Записки В. А. Инсарского, СПб. 1894.

ИОАН — «Известия второго отделения Академии наук».

ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».

КА — журнал «Красный архив».

К. Кавелин — К. Д. Кавелин, Воспоминания о В. Г. Белинском. Собрание сочинений К. Д. Кавелина, т. III, СПб. <1899>.

П. Каратыгин — Записки П. А. Каратыгина, «Academia», Л. 1930.

А. Кирпичников — А. И. Кирпичников, Опыт хронологической канвы к биографии Н. В. Гоголя. М. 1902.

А. Кирпичников, II — А. И. Кирпичников, Очерки по истории новой русской литературы, т. II, изд 2-е, М. 1903.

М. Клеман — Виссарион Григорьевич Белинский в воспоминаниях современников. Собрал и комментировал М. К. Клеман. Предисловие и редакция Н. К. Пиксанова. «Academia», Л. 1929.

КМИ — Памятная книжка Константиновского межевого института за 1901—1902 гг., М. 1902.

Н. Козмин — Н. К. Козмин, Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность, СПб. 1912.

Кольцов — А. В. Кольцов. Полное собрание сочинений. Под редакцией А. И. Лященко. Изд. 2-е, СПб. 1909.

А. Корнилов, I — А. А. Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина, М. 1915.

А. Корнилов, II — А. А. Корнилов, Годы странствий Михаила Бакунина, Л. 1925.

Крестьянское движение — Е. Мороховец. Крестьянские движения 1827—1869 гг. Вып. 1, М. 1931.

И. З. Крылов — И. З. Крылов, Очерк жизни и литературных трудов Н. А. Полевого. М. 1849.

Кюхельбекер — Дневник В. К. Кюхельбекера. Редакция, введение и примечания В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого, Л. 1929.

ЛА — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. I, М.—Л. 1938.

И. Лажечников — И. И. Лажечников, Заметки для биографии Белинского. Полное собрание сочинений И. И. Лажечникова, том XII, СПб. 1900.

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

ЛВ — журнал «Литературный вестник».

ЛГ — «Литературная газета».

М. Лемке — Мих. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. по подлинным делам III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, изд. 2-е, СПб. 1909.

Лепта Б. — Сборник в пользу голодающих. «Лепта Белинского». М. 1892.

Лермонтов — М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений в пяти томах. Редакция текста и комментарии Б. М. Эйхенбаума, «Academia», т. V, М.—Л. 1937.

Летопись жизни Б. — Летопись жизни Белинского. Составили Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков и Ю. Г. Оксман. Редакция Н. К. Пиксанова. Российская Академия художественных наук, М. 1924.

Летопись жизни Некрасова — Н. С. Ашукин, Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, «Academia», М.—Л. 1935.

Летопись жизни Тургенева — М. К. Клеман, Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. Редакция Н. К. Пиксанова, «Academia», М.—Л. 1934.

ЛМ — «Литературная мысль». Альманах, II, Пг. 1923.

ЛН — «Литературное наследство».

ЛПРИ — газета «Литературные прибавления к Русскому инвалиду».

«М» — журнал «Москвитянин».

В. Майков — В. Н. Майков, Критические опыты. СПб. 1891.

С. Макашин — С. А. Макашин, Салтыков-Щедрин. Биография, том I. Изд. второе, дополненное. М. 1951.

МВед. — газета «Московские ведомости».

МГЛ — газета «Московский городской листок».

МН — журнал «Московский наблюдатель».

Н. Мордовченко — Н. Мордовченко. Белинский и русская литература его времени. М.—Л. 1950.

Московский сборник — «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год», М. 1847.

НБ, I — В. С. Нечаева, В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830. М. 1949.

НБ, II — В. С. Нечаева, В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве» (1829—1836), М. 1954.

Некрасов — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем. Под общей редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского, т. X, 1952, т. XI, 1952, т. XII, 1953.

А. Никитенко — А. В. Никитенко, Дневник в трех томах, том I. Подготовка текста и примечания И. Я. Айзенштока. М.—Л. 1955.

НМГ — А. И. Герцен, Новые материалы. К печати приготовил Н. М. Мендельсон. М. 1927.

Новые Пропилеи — Новые Пропилеи. Под редакцией М. О. Гершензона, I, М.—Пг. 1923.

Н. Огарев — Н. П. Огарев, Избранные социально-политические и философские произведения. Подбор, подготовка к печати и примечания Я. З. Черняка, том II, М. 1956.

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

ОИПБ — Отчет императорской Публичной библиотеки.

Памяти Б. — «Памяти В. Г. Белинского». Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. Изд. Пензенской общественной библиотеки. М. 1899.

В. Панаев — В. А. Панаев, Воспоминания — «Русская старина», 1893, № 9.

И. Панаев — И. И. Панаев, Литературные воспоминания. Под редакцией И. Г. Ямпольского, Л. 1950.

И. Панаев, 1928 — И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Редакция Иванова-Разумника, «Academia», Л. 1928.

А. Панаева — А. Я. Панаева (Головачева), Воспоминания. Редакция и примечания К. И. Чуковского, М. 1948.

ПД — Пушкинский Дом.

Переписка Грота с Плетневым — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, издание под редакцией К. Я. Грота, тома I, II, III, СПб. 1896.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса — Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е, 1951.

Петрашевцы — «Петрашевцы», Сборник материалов. Редакция П. Е. Щеголева, том III, М.—Л. 1928.

Письма Гоголя к Прокоповичу — Е. В. Петухов, Письма Н. В. Гоголя к Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Изд. 2-е. Киев, 1895.

Письма Достоевского — Ф. М. Достоевский, Письма, том I (1832—1867). Под редакцией и с примечаниями А. С. Долинина, М.—Л. 1928.

В. Плаксин — Взгляд на последние успехи русской словесности 1833 и 1834 годов. Летопись факультетов на 1835 год, изданная в двух книгах А. Галичем и В. Плаксиным. СПб. 1835.

Показания Достоевского — Н. Ф. Бельчиков, Достоевский в процессе петрашевцев. Л. 1936.

К. Полевой — К. А. Полевой, Записки, СПб. 1888.

А. Поляков — В. Г. Белинский, Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь. Драма в пяти действиях. Неизданный текст, с предисловием и примечаниями А. С. Полякова, Пг. 1923.

М. Поляков — М. Я. Поляков, Белинский в Москве, 1829—1839, М. 1948.

Пушкин — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений. Изд. Академии наук СССР, тома XII (1949); XIV (1941); XVI (1949).

Пушкин в печати — Пушкин в печати. 1814—1837. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. Составили Н. Синявский и М. Цявловский. Изд. 2-е, М. 1938.

А. Пыпин — А. Н. Пыпин, Белинский. Его жизнь и переписка. Изд. 2-е, СПб. 1908.

Пятигорский городской архив — Документы, хранившиеся в Пятигорском городском архиве до 1942 г. Учтены по копиям, представленным в редакцию журнала «Литературное наследство» в 1936 г.

РА — журнал «Русский архив».

РБиб. — журнал «Русский библиофил».

РВ — журнал «Русский вестник».

Реестры С.-Петербургского цензурного комитета — Архив С.-Петербургского университета в библиотеке Ленинградского гос. университета.

РМ — журнал «Русская мысль».

«Россия в 1848 г.» — А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году, М. 1949.

РС — журнал «Русская старина».

«Русский» — Русский. Газета политическая и литературная, издаваемая М. П. Погодиным.

«С» — журнал «Современник».

Ю. Самарин — Сочинения Ю. Ф. Самарина, том. V, 1880; т. XII, 1911.

Н. Сатин — Н. М. Сатин, Отрывки из воспоминаний. — Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год, М. 1895.

Сб. РПБ — Сборник Российской Публичной библиотеки. Л. 1924, том II.

В. Семевский — В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский. Биографический очерк, преимущественно по неизданным материалам. — «Голос минувшего», 1913, № 4.

СО — журнал «Сын отечества».

СП — газета «Северная пчела».

А. Станкевич — А. В. Станкевич, Т. Н. Грановский. Биографический очерк. Изд. 3-е. М. 1914.

Станкевич — Переписка Н. В. Станкевича. Редакция и издание А. Станкевича, М. 1914.

Старина и новизна — Старина и новизна, Исторический сборник, книга 2, СПб. 1898.

М. Сухомлинов — М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, том II, СПб. 1889.

ТБЛ — Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, Сборник IV, М. 1939.

Тургенев — И. С. Тургенев, Сочинения. Редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, М.—Л., том XI, 1934; том XII, 1933.

Тургенев и круг Современника — Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. «Academia», М.—Л. 1930.

Тург. сб. — Государственная Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. «И. С. Тургенев», сборник. Под редакцией Н. Л. Бродского. М. 1940.

Учен. Зап. КФУ — «Ученые записки Карело-финского государственного университета», Петрозаводск.

Учен. Зап. ЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета».

Учен. Зап. МУ — «Ученые записки Московского университета».

Учен. Зап. СГУ — «Ученые записки Саратовского государственного университета».

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив. Ленинградское отделение.

ФВ — журнал «Финский вестник».

Чернышевский — Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского в пятнадцати томах, том XIV. Письма 1838—1876 гг., М. 1949.

В. Шенрок — В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, том IV, М. 1898.

Н. Шильдер — Н. К. Шильдер, Император Николай I. Его жизнь и царствование, том II, СПб. 1903.

И. Шмаков — И. Шмаков, Белинский в Симферополе. Древняя и новая Россия, 1876, кн. I.

Н. Языков — Полн. собр. стихотворений Н. М. Языкова. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. М.—Л., «Academia», 1934.

УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАМЫСЛОВ БЕЛИНСКОГО

УКАЗАТЕЛЬ
ГАЗЕТ, ЖУРНАЛОВ И АЛЬМАНАХОВ

1. ИЗДАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

41*

ПОДПИСИ И ПСЕВДОНИМЫ БЕЛИНСКОГО

Б.; В. Б.; В. Белинский; В. Б — й; Московский наблюдатель; — он — инский; Петр Бульдогов; — ский; Театрал ex officio; — ъ — й.

ПСЕВДОНИМЫ И КРИПТОНИМЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ БЕЛИНСКОМУ

Брр-ус; Вирн; В — ъ; Журнальный будочник; — нский; Один из языков стоустой Молвы; Р.С.Т; W.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ И УКАЗАТЕЛИ

Юлиан Григорьевич Оксман

Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского

Редактор *М. Кургинян*

Художественный редактор *Г. Масляненко*

Технический редактор *Л. Сутина*

Корректор *Т. Козменко*

Сдано в набор 2/VIII 1957 г.
Подписано к печати 12/V 1958 г.
Бумага 60×92 1/16—40,25 печ. л. 40,54 уч.-изд. л.+
+4 вклейки=40,8 л. Тираж 5 000 экз.
Заказ № 2389. Цена 18 р. 40 к.

Гослитиздат,
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза,
Ленинград, Измайловский пр., 29